

МФФ

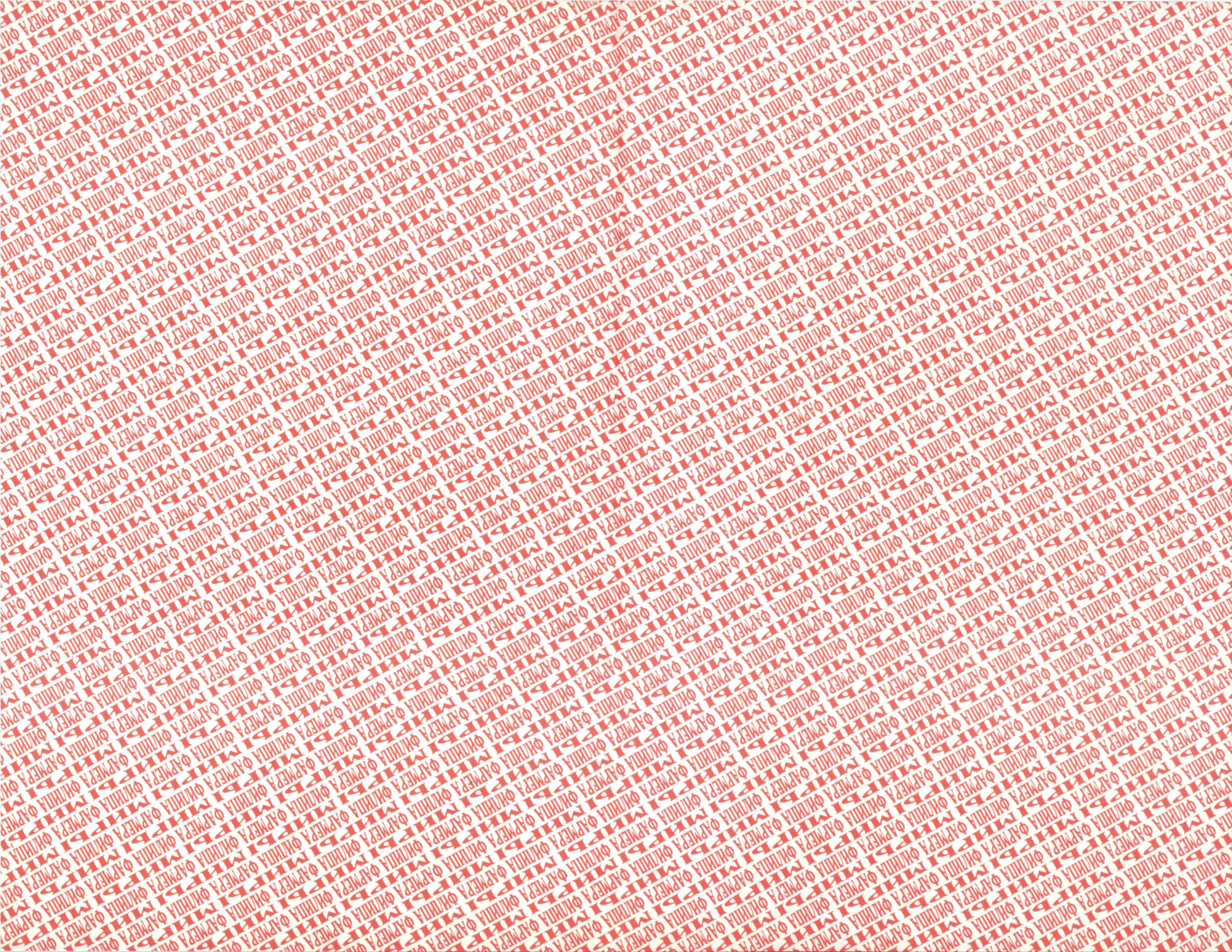
МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

19

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

19





ФИЛИП ФАРМЕР



WORLDS OF PHILIP FARMER



NIGHT OF LIGHT

FATHER TO THE STARS

INSIDE-OUTSIDE



**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

19

**НОЧЬ СВЕТА
ОТЧЕ ЗВЕЗДНЫЙ
МИР НАИЗНАНКУ**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 19 / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 397 с.

В очередной том собрания сочинений одного из своеобразнейших фантастов Америки включены произведения, объединенные темой религии: роман «Ночь света» и рассказы из цикла об отце Джоне Кэрмоди, а также повесть «Мир наизнанку».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Night of Light

Copyright © 1966 by Philip José Farmer

Inside-Outside

Copyright © 1964 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-322-X

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В очередной том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера вошли произведения, в той или иной мере затрагивающие вопросы религии — роман «Ночь света» (1966) и рассказы из сборника «Отче звездный», а также повесть «Мир наизнанку» (1964).

Цикл произведений об отце Кэрмоди, к которому относятся и «Ночь света», и рассказы, создавался на протяжении нескольких лет и не задумывался автором как единое целое. Поэтому путешествия отца Джона Кэрмоди, бывшего вора и убийцы, а ныне раскаявшегося и смиренного монаха ордена Святого Джейруса, не составили многотомного сериала, подобного «Миру Реки». Однако в свое время — а рассказы эти относятся к первым прозам мастерства молодого тогда писателя — они произвели сенсацию. Никто из фантастов не осмеливался прежде писать о религии в столь неуважительном, почти шутовском тоне, вскрывая одновременно самые глубокие ее противоречия. Каждый рассказ — это парадокс, возьмем ли мы «Отношения», где религия прячется под маской азартной игры, «Прометей», где проблема отношения цивилизованного человека к лишенным даже зачатков культуры разумным «страусам» — горовицам преломляется через призму христианской любви, или «Отца», где искушение бессмертием оказывается почти непреодолимым для героев, несмотря на цену, которую придется заплатить.

«Ночь света» — единственное крупное произведение цикла — писалась в два приема, и каждую ее часть можно рассматривать как отдельную повесть. В определенном смысле роман можно назвать самым оптимистичным произведением писателя. На планете Радость Данте каждые семь лет наступает Ночь, когда всякий, кто не заснет и выйдет на улицы города, столкнется с порождениями собственного — и чужого — подсознания. Плата за поражение — жизнь, но тот, кто пройдет через Ночь, станет Отцом бога. Но будет это бог добра или зла, решат люди. И отец Кэрмоди, преступник, убийца, столкнувшийся со всеми кошмарами, которые способен породить его разум, становится на сторону добра, несмотря на то что оно с виду противоречит его религии.

Повесть «Мир наизнанку» была написана через год после первого варианта уже упомянутого «Мира Реки», и много деталей и идей перекочевало в нее из неопубликованного тогда романа. Место действия повести напоминает христианский ад. В нем тоже есть жара, пустыня, демоны и вечные муки. Но когда Джек Кулл вместе со своей девушкой и юродивым Федором (весьма напоминающим любимого Фармером Достоевского) пытается раскрыть тайну молчания демонов и туманных проповедей загадочного Икса, ответ на его вопросы оказывается куда страшнее, чем можно было ожидать...



НОЧЬ СВЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На Земле человек, который гонится по улице за кожей, словно снятой с человеческого лица, — таким тоненьким лоскутком, несущимся по ветру, точно листок бумаги, — представлял бы собой жутковатое зрелище.

Но на планете Радость Данте подобное событие слегка заинтересовало лишь нескольких прохожих. Причем вызвано это было тем, что бегущий — землянин, что уже само по себе являлось здесь диковинкой.

Джон Кэрмоди бежал по длинной прямой улице мимо похожих на скалы башенных фасадов, сложенных из огромных гранитных блоков. В темных нишах виднелись какие-то жуткие фигуры и свирепо ухмыляющиеся каменные чудовища. С балконных парапетов склонялись статуи богов и богинь, благословлявших смертных.

А маленький человечек, казавшийся еще меньше на фоне высоких стен и уходящих в небо опор, как сумасшедший неся за прозрачной кожей, которая так и сяк крутилась под порывами ветра, показывая то дыры для глаз и ушей, то уныло перекошенное и распяленное отверстие рта, то несколько длинных белокурых прядок надо лбом — остальная часть скальпа отсутствовала.

Слыша, как за спиной завывает ветер, бегущий злился все больше и больше. Внезапно кожу, которую он уже почти достал руками, подхватило ветром и вознесло вверх.

Кэрмоди выругался и, подпрыгнув, коснулся пальцами упрямого клочка. Но тот взлетел еще выше и опустился на балкон футах в десяти от земли — прямо у ног диоритовой фигуры бога Йесса.

Тяжело дыша и сжимая локтями болевшие бока, Джон Кэрмоди прислонился спиной к основанию гигантской опоры. Когда-то он пребывал в великолепной форме, как то и полагалось чемпиону Федерации по боксу в среднем весе, но теперь его живот округлился, что явилось следствием возросшего аппетита, а жирок под подбородком походил на пойманную дичь, трепыхавшуюся в мешке.

Впрочем, и его и других это мало интересовало. По правде сказать, в Кэрмоди не было ничего такого, на что стоило бы посмотреть. Копна иссиня-черных волос, прямых и непокорных, здорово напоминала иглы дикобраза. Голова, похожая на дыню, имела слишком высокий лоб, а сильно опущенное левое веко делало лицо

немного перекошенным. Нос выглядел немного длинноватым и заостренным. Тонкие губы едва прикрывали невзрачные и редкие зубы.

Склонив по-птичьи голову набок, Кэрмоди посмотрел на балкон и понял, что на эту шероховатую, но отвесную стену ему не забраться. Окна были закрыты тяжелыми ставнями, а массивная железная дверь — заперта на замок. На дверной ручке висела табличка с одним-единственным словом, написанным на языке жителей северного материка Кэрина: «Спим».

Кэрмоди пожал плечами, равнодушно улыбнулся, словно напрочь забыл о неистовой погоне за кожей, и не спеша зашагал по улице. Унявшийся было ветер снова ожил и ударил его будто тяжелым кулаком.

Кэрмоди согнулся, как от удара, полученного на ринге, с трудом устоял на ногах и склонил голову. Однако взгляд по-прежнему был устремлен вперед. Еще никто не подловил его с закрытыми глазами.

На углу виднелась телефонная будка — громадный мраморный ящик, который мог бы вместить человек двадцать. Кэрмоди немного помедлил возле двери, но яростный визг ветра побудил его войти. Он подошел к одному из шести телефонов и снял трубку. Но садиться на широкую каменную скамью не стал. А, нервно переминаясь с ноги на ногу, снова склонил голову набок и, краем глаза поглядывая на входящих, набрал номер пансиона миссис Кри.

Когда та ответила, он сказал:

— Это Джон Кэрмоди, красавица. Мне бы хотелось поговорить с отцом Скеддером или отцом Рэллуксом.

Миссис Кри по обыкновению хихикнула:

— Отец Скеддер здесь. Секундочку.

Наступила пауза, затем в трубке послышался мужской бас:

— Кэрмоди? Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного, — начал Кэрмоди. — Я только подумал... — И замолчал, ожидая реакции на другом конце провода.

Представив себе, как Скеддер стоит у телефона, удивляется заминке и не знает, о чем говорить в присутствии миссис Кри, Кэрмоди улыбнулся. Он представил себе продолговатое, морщинистое, скуластое лицо монаха, его блестящий лысый череп и похожие на клешни краба губы, которые, сжимаясь, исчезали из виду.

— Слушай, Скеддер, я хочу тебе кое-что сказать. Не знаю, важно это или нет, но ситуация выглядит весьма странно.

Он снова замолчал, зная, что под бесстрастной личиной монаха вскипает и пенится океан чувств. Но Скеддер не желал обнаруживать свою тревогу. Он ненавидел себя за нетерпение и необходимость выяснять, что же такое ему хотят сообщить. Но нарушить молчание первым должен он. Он должен задать вопрос, потому что ставки стали непомерно большими.

— Ну, так в чем же дело? — наконец пролаял монах. — Ты не можешь говорить по телефону?

— Могу. Но я бы не хотел показаться надоедливым, если тебе это не интересно. Слушай, минут пять назад с тобой и с другими не происходило чего-нибудь странного?

Последовала еще одна долгая пауза.

— Д-да, — наконец натужно вымолвил Склдер. — Солнце вдруг мигнуло и изменило цвет. У меня закружилась голова, и я стал каким-то возбужденным. То же самое почувствовали миссис Кри и отец Рэллукс.

Кэрмоди ждал до тех пор, пока не понял, что монах уже ничего не скажет.

— И это все? Больше с вами ничего не происходило?

— Нет. А что?

Кэрмоди рассказал ему о коже человеческого лица, которая внезапно возникла перед ним прямо из воздуха.

— Я думал, что с тобой случилось нечто подобное.

— Нет. Кроме того странного ощущения — ничего.

Кэрмоди уловил в голосе Склдера что-то неестественное и на-носное. Ладно, если монах скрывает какую-то информацию, он до-знается об этом позже. А пока...

— Миссис Кри вышла из комнаты, — внезапно сказал Склдер. — Так что ты хотел сообщить?

— Я хотел сравнить наши впечатления об этой вспышке на солн-це, — приободрившись, ответил Кэрмоди. — И рассказать тебе о том, что я увидел в храме Бунты.

— Ты, наверное, что-то разнюхал, — прервал его Склдер. — Тебя долго не было. Когда ты не пришел прошлой ночью, я решил, что с тобой случилась какая-то беда.

— Надеюсь, ты не сообщил в полицию?

— Конечно, нет, — проворчал монах. — Думаешь, если я свя-щенник, значит, болван? Кроме того, мне показалось, что о тебе можно и не беспокоиться.

Кэрмоди хихикнул:

— Они любили ближних своих, как братьев. Правда, мне не до-велось любить своего брата... или кого-нибудь еще. Между прочим, я опоздал всего на двадцать часов, да и то лишь потому, что решил принять участие в большом шествии и последующей церемонии. — Он снова засмеялся. — Эти кэриняне получают от своей религии настоящее удовольствие.

— Ты принимал участие в храмовой оргии? — холодно осведо-мился Склдер.

Кэрмоди хохотнул:

— Ну да. Ты же знаешь, в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Хотя это не было чисто плотской забавой. Как и в любом ритуале, часть церемонии оказалась смертной скукой. Но потом, ближе к ночи, верховная жрица дала сигнал, и началась куча-мала.

— Ты принимал в ней участие?

— Конечно. Вместе с верховной жрицей. Знаешь, Склдер, эти люди не разделяют твоего отношения к сексу; они не считают его грязным и греховным, а, наоборот, воспринимают как благослове-ние и великий дар богини. То, что ты назвал бы омерзительным развратом в скопище визжащих сексуальных маньяков, для них

является чистым и целомудренным поклонением божеству. На мой взгляд, здесь не правы ни они, ни ты: секс — это сила, которая дает преимущество над другими людьми. Но я должен признать, что идеи кэринян гораздо забавнее, чем ваши.

В голосе Скелдера появились нетерпеливые и надоедливые нотки ментора, распекающего нерадивого ученика. Он, конечно же, рассердился, но старался скрыть злость.

— Ты не понимаешь нашей доктрины. Секс сам по себе не грех и не грязь. Это среда, созданная Богом, в которой высшим формам жизни предписано продолжать свой род. Секс у животных также невинен, как утоление жажды. И в святом кругу супружеского брака мужчина и женщина должны использовать эту данную Богом силу, чтобы посредством освященного и чувственного восторга стать единым целым, достичь экстаза или хотя бы приблизиться к нему, получив тем самым понимание и подсказку...

— О Иисус Христос! — воскликнул Кэрмоди. — Помилуй мя и пощади! Что же шепчут твои прихожане, что они думают о тебе всякий раз, когда ты вещаешь с кафедры? Боже, или кто там есть, помоги им, несчастным!

Пойми, я не шельмую доктрину Церкви. Но ведь ясно, что ты воспринимаешь секс как мерзость, даже если он совершается в дозволенных границах брака. Эдакое безобразное паскудство, или, вернее, неизбежное зло, после которого лучше сразу же принять горячий душ.

Однако я немного отвлекся от того религиозно-сексуального апофеоза, который кэриняне считают выражением своей признательности Создателю — или, точнее, Создательнице, подарившей им жизнь и радости жизни. В обычных условиях они ведут себя достаточно пристойно...

— Кэрмоди, я не нуждаюсь в твоих нравоучениях! Я антрополог и прекрасно знаю извращенные обычаи этих туземцев...

— Тогда почему ты их так плохо изучаешь? — язвительно рассмеявшись, поинтересовался Кэрмоди. — Ведь это твой долг антрополога. Почему ты послал туда меня? Боялся оскверниться? Или до смерти испугался, что обратишься в их веру?

— Давай оставим этот спор, — бесстрастно произнес Скелдер. — Я не желаю слушать отвратительные подробности. Мне лишь хочется узнать, нашел ли ты что-либо полезное для нашей миссии?

Услышав слово «миссия», Кэрмоди улыбнулся:

— Конечно, отец. Жрица говорит, что богиня проявляется только как сила, живущая в душах тех, кто ей поклоняется. А вот сын богини, Йесс, существует во плоти — его видели и даже общались с ним. Так свидетельствуют многие миряне, с которыми я беседовал, и жрица подтверждает их слова. Он появляется в городе во время «сна». Говорят, этот бог приходит сюда потому, что был здесь рожден, а затем погиб и вновь возродился.

— Я уже слышал подобную чушь, — раздраженно ответил монах. — Ладно, посмотрим, что скажет этот самозванец, когда мы с

ним встретимся. Отец Рэллукс уже налаживает нашу записывающую аппаратуру.

— Вот и хорошо, — равнодушно промолвил Кэрмоди. — Я приду домой через полчаса, если, конечно, не встречу по пути симпатичную девчонку. Но это вряд ли: город как будто вымер.

Он повесил трубку и усмехнулся, представив гримасу отвращения на лице Скелдера. Монах, должно быть, стоит в своей черной рясе, закрыв глаза, и беззвучно шепчет молитву о спасении души заблудшего Джона Кэрмоди. Потом он непременно побежит по лестнице, отыщет отца Рэллукса и расскажет ему о случившемся. Преподобный Рэллукс, облаченный в бордовую рясу ордена Святого Джейруса, закурит трубку и, копаясь в аппаратуре, молча выслушает Скелдера, потом посетует на безнравственное поведение Кэрмоди и скажет, что зря они связались с ним и что лучше бы им вообще не знать никакого Кэрмоди. Тем не менее, добавит он, возможно, и Кэрмоди, и они получают хороший урок из того, что произойдет в дальнейшем. А поскольку они не в силах изменить обычаев Радости Данте, как, впрочем, и характера Кэрмоди, им придется смириться и довольствоваться тем, что имеется в наличии.

Скелдер ненавидел своего коллегу-ученого почти так же, как Кэрмоди. Рэллукс принадлежал к ордену, который, по мнению более древней и консервативной конфессии Скелдера, считался весьма подозрительным. К тому же он тяготел к теории исторической гибкости, или так называемой эволюции духовной доктрины — учения, выдвинутого определенными кругами Церкви и внедряемого ими в качестве догмы. Полемика о ней приняла такие устрашающие размеры, что Церковь стояла на грани нового Великого раскола. И некоторые авторитетные лица утверждали, что следующее двадцатипятилетие принесет не только радикальные изменения, но и, возможно, приведет к распаду Церкви.

Несмотря на то что оба монаха старались сохранять нейтральные отношения, однажды Скелдер все-таки не сдержался. Это случилось, когда они обсуждали эволюцию дисциплины, которая привела к декрету, разрешавшему священникам вступать в брак. Вспомнив красное лицо Скелдера и его крикливые сентенции, Кэрмоди рассмеялся. Он с огромным удовольствием подначивал разъяренного монаха своими репликами, презирая в душе человека, который с такой серьезностью относился к подобным пустякам. Неужели этот глупый осел не понимал, что жизнь — большой и классный прикол, которым следовало наслаждаться?

Забавно, что два монаха, которые ненавидели друг друга, и Кэрмоди, презираемый ими и презиравший их, работали вместе в этом проекте. «Преступление, как и брачная постель, соединяет иногда очень странных и разных людей», — сказал он однажды Скелдеру, пытаясь притушить ненависть, которая тлела в костлявой груди монаха. Но фраза не достигла своей цели, поскольку Скелдер холодный ответил, что в этом мире Церковь использует любой подрочный материал — причем даже такой негодный, как Джон Кэрмоди.

И неужели он считает преступлением то, что истинная Церковь отвергает мошенничества этой ложной и варварской религии?

— Послушай, Скелдер, — сказал ему тогда Кэрмоди, — ты знаешь, что на Радость Данте вас с Рэллуксом отправила не только Церковь, но и антропологическое общество Федерации. Вы должны изучить так называемую Ночь Света и по возможности побеседовать с живым богом Йессом... если будет доказано, что он существует. Ты же начинаешь пороть отсебятину. Тебе захотелось схватить этого парня, вколоть ему дозу наркотика и заставить публично признаться в том, что он обманывает аборигенов. Неужели ты думаешь, что по возвращении на Землю избежешь ответственности за такое преступление?

Скелдер ответил, что готов понести любое наказание и не упустит возможности уничтожить ложную религию прямо на корню. С Радости Данте культ Йесса начал распространяться на другие миры. Он пародировал обряды и таинства Церкви, а его оргии, одобренные варварской религией, вызывали многочисленные случаи отступничества среди церковной паствы. Примером тому могла служить невероятная и тем не менее правдивая история епархии на планете Коеонин, где епископ и весь его сорокатысячный приход стали вероотступниками и предались разврату...

Вспомнив эту беседу, Кэрмоди улыбнулся. Интересно, подумал он, что бы сказал Скелдер, если бы узнал, насколько буквальны его слова об «уничтожении религии прямо на корню»? У Кэрмоди имелись на этот счет свои соображения. В кармане куртки он носил «настоящего голубого иглоносика» — миниатюрного убийцу тридцатого калибра, который мог выпустить из одной обоймы целую сотню пуль разрывного действия. Если Йесс действительно состоит из плоти, крови и костей, то его тело станет решетом, кровь захлещет гейзером, а кости развалятся на куски, и у бедняги уже не будет шанса еще раз восстать из мертвых.

Кэрмоди хотелось бы посмотреть на такое зрелище. Увидев его, он поверит уже чему угодно.

Или все равно не поверит? А что, если он уже уверовал в Йесса? Как ему поступить в таком случае? Хотя какая разница? Разве чудеса бывают плохими? И какое отношение они имели к Джону Кэрмоди, который прожил жизнь без всяких чудес, понял, что ему никогда не воскреснуть из мертвых, и по сей причине решил взять максимум из того малого, что могла предложить ему эта вселенная?

Немного хорошей еды, мяса и лука, капельку хорошего виски и маленькую подружку, с которой можно сойтись, не достигая при этом истины, существовавшей по ту сторону стен их сурового мира. Немного удовольствия при виде страданий и тревог других людей — их глупой суеты, которой они могли бы избежать, поработав мозгами. Немного насмешки, а на самом деле — величайшей радости, поскольку лишь смехом можно заявить всей вселенной, что вам на нее наплевать. И это была не ложная бравада. Кэрмоди действительно не волновали дела, за которые так отчаянно цеплялись дру-

гие люди. Еще, пожалуй, надо добавить чуть-чуть смеха и много-много сна. Пусть этот последний смех несется сквозь вселенную даже тогда, когда он его уже не услышит. Можно сказать, он сам был последним смехом, который...

В этот момент Кэрмоди услышал, как кто-то из прохожих окликнул его по имени.

— О, Тэнд, привет! — прокричал Кэрмоди на языке кэринян. — А я-то думал, что ты отправился «спать».

Тэнд предложил ему сигарету местного производства, закурил сам и, выпустив дым через узкие ноздри, лениво ответил:

— Я должен закончить очень важное дело. Это займет еще какое-то время, а потом... Потом я завалюсь «спать» на максимально возможный срок.

— Странно, — произнес Кэрмоди, отметив намеренную неопределенность в ответе Тэнда. — Я слышал, что кэриняне думают только об этике и природе вселенной, о совершенствовании ваших сияющих душ, а не о грязных делах, связанных с деньгами.

Тэнд рассмеялся:

— В этом отношении мы не отличаемся от других рас. У нас есть свои святые, грешники и обыватели. Однако в Галактике о кэринянах ходит множество легенд и слухов — причем очень неверных и противоречивых. Одни изображают нас расой аскетов и святых, другие — развратными и отвратительными существами, едва ступившими на путь цивилизации. О кэринянах рассказывают странные истории, а особенно о нашей Ночи Света. Когда мы гостим на других планетах, к нам относятся как к чему-то уникальному... Хотя, на мой взгляд, каждая раса по-своему уникальна и не поддается однозначному определению.

Кэрмоди не стал расспрашивать о том важном деле, которое помешало Тэнду отойти ко «сну». По обычаю кэринян подобные расспросы считались невежливыми. Он взглянул на собеседника поверх тлеющего кончика сигареты. Тэнд был ростом шесть футов и по стандартам своей расы считался довольно красивым. Как и большинство разумных существ в Галактике, на расстоянии он вполне мог сойти за гомо сапиенса. Его предки и земляне развивались по параллельным линиям. Лишь подойдя поближе, вы замечали, что черты его лица не совсем человеческие, а похожие на перья волосы, голубые ногти и зубы побуждали вас к паническому бегству при первой встрече с обитателями Радости Данте.

Тэнд носил серый остроконечный колпак, беспечно сдвинутый набок. Коротко постриженные волосы почти не скрывали волчьих ушей. Шею украшал высокий кружевной воротник, а покрой ярко-фиолетовой блузы, доходившей до бедер и стянутой на талии широким поясом из серого вельвета, был строг и незатейлив. Наряд завершали простые сандалии, обутые на обнаженные четырехпалые ноги.

Кэрмоди давно подозревал, что этот парень работал в полицейском управлении города. Поселившись в доме, где Кэрмоди снял

квартиру, через день после того как землянин расписался в книге жильцов, он всегда крутился поблизости.

Впрочем, это все чепуха, подумал Кэрмоди. Через денек-другой даже полиции придется «уснуть».

— Ну а ты-то как? — спросил Тэнд. — Все еще хочешь рискнуть и ухватить свой Шанс?

Кэрмоди кивнул и самоуверенно улыбнулся.

— А куда ты так спешил? — продолжал допытываться Тэнд.

Внезапно руки Кэрмоди задрожали, и он быстро засунул их в карманы куртки. Губы зашевелились в молчаливой беседе с самим собой.

«Перестань, Кэрмоди. Волноваться не о чем. Ты же знаешь, ничто не собьет тебя с толку. А если так, то какой толк трястись? Поэтому забудь о холодной тошноте под ребрами».

Тэнд улыбнулся, продемонстрировав вполне человечески, хотя и голубые, зубы.

— Я успел разглядеть ту штуку, за которой ты так отчаянно гнался. Это был, так сказать, набросок лица — то ли землянина, то ли кэринянина, точно, пожалуй, не скажу. Но раз уж ты его себе представил, то, наверное, он был человеческим.

— Представил себе? Что ты этим хочешь сказать?

— Ну да. Ты же видел, как он возник перед тобой прямо из воздуха, верно?

— Но это же невозможно!

— Поверь, тут нет никакой фантастики. Феномен довольно редкий, но время от времени случается. Обычно изменение происходит в теле того, кто грезит, и не проявляется внешне. Но, видимо, твоя проблема очень уж велика, коли эта вещь появилась вне тебя.

— У меня нет проблем, от которых я не мог бы избавиться, — краем рта прорывал Кэрмоди. Сигарета, торчавшая с другой стороны, качнулась, как шпага дуэлянта.

Тэнд пожал плечами:

— Можешь думать об этом, что хочешь. Но мой тебе совет: садись-ка ты на корабль, пока еще есть время. Последний отправляется через четыре часа. Потом уже никто не сможет прилететь или улететь до окончания «сна». А к тому времени с тобой многое может случиться...

Интересно, подумал Кэрмоди, был бы этот парень столь ироничен, если бы знал, что земляне не покинут Радости Данте? Скорее всего тогда их арестовали бы сразу после посадки в порту Федерации и изгнали бы с планеты. Кроме того, Тэнд вряд ли подозревал, что Кэрмоди собирались использовать для безопасного отхода с Радости Данте.

Уняв дрожь в руках, Кэрмоди вытащил их из карманов и зажал в пальцах сигарету

«Проклятье, — беззвучно шептал он себе. — Почему ты колеблешься, старина? Не хватает смелости? Ну нет! Ее у нас хватает. Ты всегда шел против всех, против целой Вселенной и никогда не

боялся того, что ожидало тебя впереди. Эту проблему надо атаковать, уничтожить — или забыть навсегда. И я удивляюсь, что ты не можешь справиться с ней. Ну так что? Подождем, пока чудеса не кончатся, а потом... Ба-бах! Ты поймаешь и разорвешь его на части, встряхнешь жизнь из этого ублюдка, так же как сделал с...»

Он судорожно вцепился в образ, выплывший из памяти. Губы скривились в безмолвном рычании. Так вот чье лицо несло по ветру. И пусть тут не хватало сходства... но это было оно...

«О нет!»

— Ты предлагаешь мне поверить в невозможное? — спокойно спросил он. — Я знаю, на вашей планете случается много странно, но мне как-то не верится, что...

— Я видел землян, которые впервые столкнулись с этим, — перебил его Тэнд. — Им все казалось здесь одной из ваших сказок или мифов. Или тем неправдоподобным феноменом, который вы называете кошмаром, — феноменом, который не испытывал на себе ни один кэринянин.

— Да-да, рассказывай, — проворчал Кэрмоди. — Ваши кошмары происходят наяву примерно каждые семь лет. Впрочем, многие из вас спасаются от них, погружаясь в «сон», тогда как мы, наоборот, встречаем их только во сне. — Он немного помолчал и добавил с холодной улыбкой: — Но я отличаюсь от большинства землян. Я не вижу снов, и у меня не бывает кошмаров.

— Понимаю, — незлобиво ответил Тэнд. — Ты отличаешься от большинства землян и, конечно же, от нас. А причина состоит в полном отсутствии совести. Ведь твои сородичи, если только я обладаю точной информацией, страдают от угрызений совести и даже сходят с ума, убив, к примеру, жену или тещу.

Тонкие стенки телефонной будки задрожали от смеха Кэрмоди. Тэнд бесстрастно смотрел на землянина, пока тот не затих, издав последнее тихое «хи-хи».

— Ты смеялся достаточно громко, но твой смех был не от души, — произнес кэринянин и взмахнул рукой, указывая на пыль, которую поднял ветер.

Кэрмоди не понял, что тот хотел ему сказать, и был немного разочарован, поскольку ожидал от собеседника обычной реакции на свое презрительное отношение к «преступлению», которое навязал ему закон. Скорее всего Тэнд все-таки был полицейским. Иначе почему, услышав смех Кэрмоди, он остался таким невозмутимым? Впрочем, его это совершенно не касалось, поскольку убийство было совершено на Земле и среди землян. Представителей одной космической расы вряд ли взволновало бы убийство незнакомого им существа из другого мира — тем более что произошло оно на расстоянии десяти тысяч световых лет.

Однако следовало учесть всеми признанную способность обитателей этой планеты к сопереживанию. Их считали самыми этическими существами во всей Вселенной, самыми чувствительными и сострадательными.

Вмиг поскуцнев, Кэрмоди сказал:

— Я собираюсь вернуться к мамаше Кри. Не хочешь пойти со мной?

— Почему бы и нет? Сегодня вечером она устраивает последний ужин. А потом сразу же отправится «спать».

Какое-то время они шли по улице молча. Ветер то и дело утихал, позволяя вести беседу, но спутники размышляли каждый о своем. Вокруг возвышались циклопические строения, украшенные статуями чудовищ и богов. Казалось, они были построены навечно для того, чтобы выдержать любые удары ветра, огня и катаклизмов, пока их обитатели «спали» внутри. Кое-где встречались редкие прохожие, спешившие закончить неотложные дела, перед тем как погрузиться в «сон». Толпы, кишевшие здесь днем раньше, теперь исчезли, и вместе с ними исчезли шум, суета и ощущение живого города.

Кэрмоди заметил молодую женщину, пересекавшую улицу. Если бы ее лицо было закрыто чадрой, то никто не отличил бы ее от земной красоти. Те же длинные стройные ноги, широкие бедра и соблазнительные формы, тонкая талия, высокая грудь...

Внезапно дневной свет мигнул и изменил окраску. Кэрмоди посмотрел на полуденную звезду. Ослепительно белая минуту назад, она превратилась в огромный бледно-фиолетовый диск с темно-красной окантовкой. Кэрмоди почувствовал жар и головокружение. В глазах потемнело, и солнце будто бы расплавилось, как большая ириска, медленно стекая вниз с высокого небосвода.

Головокружение и слабость исчезли так же быстро, как и появились. Солнце снова стало пылающим пятном ярко-белого огня, и Кэрмоди отвел от него глаза.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил он сам себя, забыв, что рядом шагал кэринянин. Его пробирал озноб, и Кэрмоди чувствовал себя так, словно его перевернули вниз головой и сседили половину крови. — Что же это такое? — взревел он хрипло.

Ему вспомнилось, что такое же явление произошло и час назад. И тогда солнце тоже меняло цвет на фиолетовый или голубой. Ему стало жарко, словно струя огня пронеслась по его кишкам, и в глазах вот так же потемнело. Но в тот раз все случилось мгновенно, как вспышка. И воздух в трех шагах от него вдруг сгустился, засиял, будто зеркало из крошечных молекул. А потом из этого плотного воздуха появилось лицо — вернее, набросок лица, слой кожи, настолько тонкий, что его тут же подхватило ветром.

Ветер усилился. Кэрмоди вновь ощутил озноб — и вдруг вскрикнул: шагах в десяти появился еще один кусок кожи, который волочился по земле и перекатывался по улице, как полупрозрачный мячик. Землянин сделал шаг вперед, собираясь броситься за ним, но остановился, покачал головой и, потеряв в замешательстве длинный нос, неожиданно усмехнулся.

— Нет, это у вас больше не пройдет, — сказал он громко. — Джон Кэрмоди в такие игры не играет. Пусть эта кожа летит хоть черту в зад, меня она больше не интересует.

Он достал сигарету, прикурил и посмотрел на Тэнда. Тот стоял посреди улицы, склонившись над девушкой, которая лежала на спине. Ее сведенные судорогой руки и ноги тряслись, а остекленевшие глаза были широко раскрыты. Она кусала губы, выплевывая кровь и пену.

Кэрмоди подбежал, взглянул на нее и сказал:

— Так-так, конвульсии. Все верно, Тэнд. Не давай ей откусить себе язык. Я вижу, тебя тоже обучали медицине?

Ему бы самому не мешало прикусить язык. Теперь этот малый знал о нем еще одну подробность. Но она не поможет Тэнду собрать на него материал. Скорее всего он вообще ничего не найдет. Даже если заплатит кому-то в той или иной форме. Святое правило — никогда не говори о себе слишком много! Конечно, это против законов Вселенной: жить, потребляя больше, чем отдаешь.

— О нет, я не обучался медицине, — ответил Тэнд, не поднимая головы. Он старательно всовывал в рот девушки сложенный носовой платок, стараясь, чтобы тот не мешал ее дыханию. — Тем не менее моя профессия требует некоторых навыков оказания первой помощи. Бедняжка, ей надо было «уснуть» еще вчера. Но я думаю, она не знала, что это так на нее подействует. Или, возможно, знала, но хотела ухватить Шанс и тем самым исцелить себя.

— Что ты имеешь в виду?

Тэнд указал на солнце:

— Когда оно меняет цвет, в электромагнитном поле мозга начинается целая буря. Если человек со скрытой тенденцией к эпилепсии не ляжет «спать» вовремя, болезнь проявится в обостренной форме. Вот почему среди нас так редки больные люди. Наследственные недуги постепенно исчезают, потому что те, кто делает ставку на Шанс, зачастую погибают, а те, кто проходит через это, излечиваются на все сто процентов.

Кэрмоди с недоверием посмотрел на небеса:

— И всему виной вспышка на солнце, которое удалено от вас на восемьдесят миллионов миль?

Тэнд пожал плечами и встал. Девушка больше не корчилась и, казалось, мирно спала.

— А почему бы и нет? Мне говорили, что на Земле вы тоже ощущаете влияние солнечных бурь и флуктуаций излучения. Вы, подобно нам, создаете карты климатических, психологических, деловых, политических и прочих циклов, которые напрямую зависят от перемен на поверхности Солнца. А их можно предсказать даже на столетие вперед. Чему же тут удивляться? Наше солнце ведет себя так же, хотя и более интенсивно.

Кэрмоди беспомощно потер подбородок, а затем быстро сунул руку в карман, не желая, чтобы кто-то увидел его растерянным.

— Но как тогда объяснить вашу «спячку», эти невероятные физиологические превращения и... физическое воплощение мысленных образов?

— Я и сам хотел бы это знать, — ответил Тэнд. — Наши астрономы изучают подобные феномены на протяжении нескольких тысячелетий, а ваши ученые построили исследовательский комплекс на одном из астероидов. Правда, им пришлось покинуть его после неприятностей с Шансом в первый же период «сна». Это явление практически невозможно изучить. Мы столкнулись с такой же проблемой. Наши ученые в период «сна» заняты в основном борьбой со своим физическим стрессом, и в это время им уже не до науки.

— А приборы? Насколько я знаю, на них периоды «сна» не влияют.

Тэнд улыбнулся, показав голубые зубы:

— Разве? Они регистрируют такие дикие колебания волн, будто сами страдают эпилепсией. Вероятно, эти записи и имеют какую-то ценность, но кто их может расшифровать? Во всяком случае я о таких людях не слышал. — Он помолчал и продолжил: — Впрочем, это не так. Есть три существа, которым известен ответ. Но нам они его не говорят.

Кэрмоди проследил, куда указывал вытянутый палец Тэнда, и увидел бронзовые статуи в конце улицы: богиню Бунту, защищавшую своего сына Йесса от атак Эльгуля, его злобного брата-близнеца, который был изображен в виде дракона.

— Они?

— Они.

Кэрмоди усмехнулся:

— Я удивлен, что такой интеллигентный человек, как ты, исповедует столь примитивную веру.

— Интеллигентность не имеет отношения к религии, — возразил Тэнд и опять склонился над девушкой. Подняв ее веко и пощупав пульс, он снял с головы колпак и очертил рукой круг, словно перекрестился. — Она умерла.

Спутникам пришлось задержаться еще на пятнадцать минут. Тэнд позвонил в госпиталь, и вскоре приехала красная машина скорой помощи, работавшая на масляном двигателе. Водитель спрыгнул с высокого сиденья, придававшего автомобилю вид ландо.

— Вам повезло, — сказал он угрюмо. — Это наш последний выезд. Через час мы отходим ко «сну».

Тэнд проверил карманы девушки и вытащил ее документы. Кэрмоди заметил, что кэринянин сделал это с профессиональной сноровкой полицейского. Тэнд отдал документы работникам скорой помощи и посоветовал приберечь его до окончания «сна», чтобы потом известить родителей девушки.

Немногом позже, когда они уже снова шли по улице, Кэрмоди спросил:

— А кто выполняет обязанности пожарных, полицейских и врачей во время вашего «сна»?

— Пожары нашим зданиям не страшны. Запастись едой на семь дней — не проблема, потому что лишь немногие остаются бодрст-

зовать. Что же касается полиции, то во время «сна» закон прекращает действовать. Как ты понимаешь, я имею в виду человеческий закон.

— А если кто-нибудь из полицейских захочет испытать свой Шанс?

— Я же сказал, действие закона на время «сна» приостанавливается.

Вскоре они покинули деловой центр и оказались в жилом районе. Дома здесь стояли не в ряд, вплотную друг к другу, а располагались в центре больших огороженных участков. Простора было больше, но ощущение подавляющей массивности и застывшей в камне вечности по-прежнему носилось в воздухе. Здания имели как минимум три этажа и были сложены из огромных блоков. Толстые двери и оконные ставни защищались прочными металлическими решетками. Даже собачьи будки были построены так, что могли бы выдержать длительную осаду.

Вид некоторых из них напомнил Кэрмоди о спячке животных и птиц. Многочисленные стаи, еще вчера кружившие над городом, исчезли. Лайяны и кины, похожие на собак и кошек, пропали с улиц, хотя днем раньше их было не счесть. Белки попрятались в дуплах деревьев.

В ответ на замечание Кэрмоди Тэнд ответил:

— Да, животные инстинктивно засыпают на всю Ночь и делают так, судя по всему, с самых ранних стадий эволюции. Лишь человек потерял эту естественную способность, хотя и получил взамен возможность выбирать. Используя наркотические вещества, он может погрузить себя в состояние, близкое к спячке. Даже наши предки в доисторические времена уже знали несколько растений для создания усыпляющих наркотиков. Большинство их пещерных рисунков изображают сцены и ритуалы «сна».

Они остановились перед домом, хозяйку которого Кэрмоди прозвал мамашей Кри. Именно здесь правительство Кэрина расселяло навешавших планету землян. Это был четырехэтажный цилиндрический дом из известняка и гранита, с крышей, покрытой толстой черепицей, и приусадебным участком общей площадью в две сотни квадратных футов.

Длинная аллея, извивавшаяся среди деревьев, вела к огромному крыльцу и веранде, которая окружала дом остекленным кольцом. На полпути Тэнд остановился возле покореженного дерева.

— Ты не замечаешь в нем ничего странного? — спросил он землянина.

Высказывая свои размышления, Кэрмоди имел привычку смотреть не на собеседника, а немного в сторону, словно обращался к невидимому свидетелю событий.

— Несмотря на семифутовую высоту, это вполне зрелое дерево. Оно похоже на карликовое хлопковое дерево, хотя раздвоенный ствол срастается только на уровне пояса. Вместо множества ветвей я вижу только два больших сука. Прямо как руки. Если бы это

дерево встретилось мне ночью, я подумал бы, что оно собралось погулять.

— Ты почти угадал, — ответил Тэнд. — Пошупай кору. Настоящая, правда? Но это только на первый взгляд. А под микроскопом ее клеточная структура выглядит очень любопытно. Она отличается от человеческой и древесной. Вернее, она их как бы объединяет. И знаешь почему? — Он помолчал, загадочно улыбаясь, а затем сам ответил на свой вопрос: — Это муж миссис Кри.

— Ах вот как? — излишне бесстрастно произнес Кэрмоди. И рассмеялся. — Неужели он вел такой малоподвижный образ жизни, что в конце концов совсем одревенел?

Тэнд поднял похожие на перья брови:

— Ты прав. Во время своей человеческой жизни он предпочитал сидеть и смотреть на птиц или читать философские книги. Это был молчаливый мечтатель, который избегал людей. А потому он с трудом справлялся со своей работой, которую в душе ненавидел.

Чтобы заработать на жизнь, миссис Кри начала сдавать комнаты жильцам. Она постоянно ворчала на мужа, изводила его упреками, но так и не заразила своим энтузиазмом и идеями. Наконец, отчасти задумав избавиться от нее, мистер Кри попытался взять свой Шанс. И вот что из этого вышло. Многие говорят, что ему не повезло. Но я так не думаю. Он получил то, что хотел — его заветное желание исполнилось. — Он тихо рассмеялся. — Радость Данте — это планета, где каждый получает то, что хочет. Вот почему сюда ограничен въезд для граждан Федерации. Оказывается, это очень опасно, когда подсознательные желания людей исполняются полностью и буквально.

Кэрмоди почти ничего не понял, но на всякий случай небрежно сказал:

— А кто-нибудь просвечивал его рентгеном? Он имеет хотя бы... мозг?

— Да, нечто подобное имеется. Но я даже не могу себе представить, на что похожи древесные мысли.

Кэрмоди захохотал:

— Человекодуб! Ну надо же! Послушай, Тэнд? Ты, наверное, решил напугать меня до смерти, чтобы я улетел с планеты или погрузился в «сон». Так вот знай: у тебя ничего не получится. Ничто не напугает меня! Ничто, понимаешь?

Внезапно он умолк, словно поперхнулся, и застыл, глядя прямо перед собой. Все силы его оставили. Тело лопалось от жара, который струился из живота. В трех футах от него дрожало марево, похожее на волны горячего воздуха. Казалось, что воздух уплотнился в зеркало, его вибрации сгустились в материю. И очень медленно, сжимаясь, как шар, из дыр которого со свистом вырывался воздух, перед Кэрмоди возник клочок кожи.

И на сей раз он узнал лицо.

— О Боже! Мэри!

Он мог бы дотронуться до кожи, лежавшей на обочине аллеи. Хотя это было выше его сил. Что-то опять словно высасывало их из него.

И только нежелание показывать страх перед посторонним заставляло Кэрмоди нагнуться и поднять появившийся предмет.

— Настоящая? — спросил Тэнд.

Собрав все силы из глубин своего естества, Кэрмоди сумел рассмеяться:

— На ощупь совсем как у нее: такая же гладкая. У Мэри была прекрасная фигура — самая совершенная в мире. — Он нахмурился. — Но когда дела наши разладились... — Его пальцы разжались, и кожа упала на землю. — Такая же пустая, как она. Ни капли мозга. Ни капли смелости.

— Ты очень хладнокровен, — заметил Тэнд. — Или просто глуп. Впрочем, поживем — увидим.

Он поднял кожу и расправил — та слегка задрожала на ветру. Кэрмоди увидел, что на сей раз проявилось не только лицо, но и скальп, и даже часть шеи с фрагментами плеч. Длинные белокурые волосы трепетали на ветру, как обрывки паутины, а под веком угадывался первый слой глазного яблока.

— Ты начинаешь приобретать в этом сноровку, — похвалил его Тэнд.

— Я? Я тут ни при чем. Мне даже не ясно, как это происходит.

Тэнд прикоснулся ладонью к его голове и левой стороне груди:

— Зато им все ясно.

Он скомкал кожу и бросил ее в мусорную корзину, стоявшую на крыльце.

— Прах к праху, — прошептал Кэрмоди.

— Поживем — увидим, — ответил Тэнд.

К тому времени на небе появились облака, одно из которых закрыло солнце. Лучи, сочившиеся сквозь него, окрасили все вокруг в призрачный серый цвет. Внутри дома это освещение выглядело еще более зловещим. Когда Тэнд и Кэрмоди вошли в столовую, их встретила группа неясных теней. Мамаша Кри, пилот с Веги по имени Эпс и два землянина сидели за круглым столом в большой затемненной гостиной, которую освещали лишь семь свечей, вставленных в простенький канделябр. Позади хозяйки виднелся алтарь и каменное изваяние богини-матери с двумя близнецами на руках. Йесс спокойно сосал правую грудь, а Эльгуль кусал зубами левую, царапая кожу матроны не по-детски длинными ногтями. Богиня взирала на них с блаженной беспристрастной улыбкой. В центре стола, возвышаясь над канделябром, тарелками и кубками, стояли символы богини Бунты: рог изобилия, пылающий меч и руль.

Приземистая, дородная и грудастая мамаша Кри заулыбалась вошедшим постояльцам. Ее голубые зубы выглядели в полумраке черными, а рот казался пустой дырой.

— Входите, джентльмены. Вы едва не опоздали к последнему ужину.

— Последний ужин? — воскликнул Кэрмоди, направляясь в душевую. — Вот это да! Я возьму на себя роль моего тезки — старика Иоанна. А кто у нас будет Иудой?

Он услышал негодующее фырканье Скелдера и тихий голос предобного Рэллукса:

— В каждом из нас живет маленький Иуда.

— Вы тоже им беременны, голубчик? — не удержался Кэрмоди и с этими словами удалился, заливаясь хохотом.

Вернувшись, Кэрмоди уселся за стол и выслушал молитву Скелдера о божьей милости и благословении мамыши Кри. Он знал, что лучше посидеть какое-то время молча, чем навлекать на свою голову неприятности, приступив к еде без предварительной молитвы.

— В чужой монастырь со своим уставом не лезь, — шепнул он Скелдеру и, заметив замешательство монаха, улыбнулся. — Лучше передай мне соль. Да смотри не рассыпь. — Скелдер таки рассыпал. Кэрмоди расхохотался. — Ну вот вам и Иуда!

Монах побагровел и сердито рявкнул:

— С таким поведением, мистер Кэрмоди, вы вряд ли переживете эту Ночь.

— Побеспокойся лучше о себе, — ответил Кэрмоди. — Что касается меня, то я собираюсь найти симпатичную девчонку и заняться только ею. Возможно, я даже не замечу, как пролетят эти семь дней. Советую тебе сделать то же самое, отче.

Скелдер поджал губы и нахмурился. Его продолговатое тощее лицо было просто создано для того, чтобы выражать негодование. Многочисленные морщины на лбу и щеках, костлявые скулы и нижняя челюсть, длинный и крючковатый мясистый нос — весь этот набор прямых линий и завитков олицетворял сейчас грозного судию. На нем как бы отпечатались пальцы Создателя, который слепил этот праведный облик из мягкой плоти, а затем положил в печь для обжига, чтобы тот стал тверже камня.

Однако «камень» проявлял сейчас признаки, присущие обычно смертному: лицо раздулось и покраснело, горячая кровь прилила к коже. Серо-голубые глаза пылали огнем под бледно-золотистыми бровями.

Мягкий голос отца Рэллукса пал на собравшихся в комнате, как благословение:

— Гнев не значится в списке добродетелей.

Он был очень странным человеком, этот священник с почти несовместимыми друг с другом чертами лица: большие уши, похожие на перчатки хоккейного вратаря, рыжие волосы, курносый нос, широкие пухлые губы, как у ирландца на рождественской открытке — все это никак не сочеталось с большими темными глазами и длинными женственными ресницами. Широкие плечи были под стать мускулистой шее, но мочулки руки заканчивались маленькими и нежными кистями. Добрые влажные глаза смотрели степенно и от-

крыто, однако при виде их складывалось впечатление, что у человека беспокойно на душе.

Кэрмоди всегда удивлялся, как этот парень оказался партнером Скелдера. Он не пользовался такой известностью, как его пожилой напарник, но имел прекрасную репутацию среди антропологов. Фактически он имел более высокий ранг, чем его начальник, но старшим в экспедиции считался Скелдер благодаря заслугам в других областях церковной деятельности. Тоший монах возглавлял консервативную фракцию Церкви, которая пыталась реформировать мораль мирян. Его записанный на видеокассеты образ и голос можно было встретить на любой планете Федерации. Он осуждал нудизм в жилищах граждан и на пляжах, обличал супружескую неверность, полиморфные сексуальные извращения и все прочее, что ранее запрещалось Западным Земным обществом и особенно Церковью, а теперь разрасталось и даже насаждалось среди мирян в качестве социально приемлемых форм поведения. Он хотел использовать самое сильное оружие Церкви, чтобы заставить общество вернуться к прежним стандартам, и когда либералы и центристы Синода обзывали его викторианцем, он с радостью соглашался с этим титулом, заявляя, что желает вернуть те старые и добрые времена. Вот почему сейчас он метал такие яростные взгляды в сторону отца Рэллука.

— Господь тоже гневался, когда его к тому вынуждали обстоятельства. Вспомни изгнание менял из храма и фиговое дерево! — Он устремил длинный палец на оппонента: — Те, кто считает Иисуса мягким, заблуждаются! Достаточно прочесть Евангелие, чтобы убедиться в его жесткой позиции по многим вопросам.

— О Боже, я голоден! — взревел Кэрмоди не только для того, чтобы прервать тираду монаха, но и потому, что действительно проголодался. Ему казалось, что желудок его еще никогда не был таким пустым.

— В течение семи следующих дней ты будешь потреблять еду в неимоверных количествах, — заметил Тэнд. — Твоя энергия будет расходоваться быстрее, чем ты сможешь ее восстанавливать.

Мамаша Кри вышла из комнаты и быстро вернулась с блюдом кексов.

— Здесь семь штук, джентльмены. Каждый из них олицетворяет одного из семи отцов Йесса. Такие кексы всегда выпекают у нас к религиозным праздникам, в число коих входит и Последний Ужин перед «сном». Я надеюсь, джентльмены, вы отведаете эту пищу. Кусочек кекса и глоток вина символизируют не только плоть и кровь Йесса, но и силу, которая дается вам для создания собственного бога. Сотворите его, как сделали эти семеро.

— Рэллук и я не будем принимать участие в этом, — ответил Скелдер. — Мы отказываемся совершать святотатство.

Миссис Кри была разочарована, но, когда Кэрмоди и вегианин Эпс выразили желание отведать угощение, лицо ее просветлело.

Кэрмоди расчетливо подумал о том, что в будущем ему может понадобиться помощь миссис Кри.

— Мне кажется, вы изменили бы свое мнение, отец Скеддер, если бы слышали историю этих семерых, — сказала женщина.

— А я ее знаю, — ответил тот. — Прежде чем отправиться сюда, я тщательно изучил основы вашей религии. Мне не пристало пребывать в неведении по вопросам, которые нетрудно прояснить. Насколько я помню, миф гласит, что в начале времен ваша богиня Бунта родила двух непорочно зачатых сыновей. Когда они выросли, один из них, злодей, убил другого, после чего разрезал того на семь частей и закопал останки в разных местах, чтобы мать не собрала их и не воскресила сына. Злой сын, или Эльгуль, как вы его называете, безжалостно правил миром, и только вмешательство богини-матери не позволило ему уничтожить род людской. Зло было везде: люди погрязли в грехе, как во времена земного Ноя. Те несколько праведников, которые молили богиню воскресить ее доброго сына, получили откровение о том, что бог Йесс восстанет из мертвых лишь в том случае, если в один и тот же час в одном и том же месте соберутся семь праведников. Желая воскресить погибшего Йесса, многие люди уходили на поиски братьев по вере, но семь праведников никак не могли встретить друг друга в одночасье. Семь веков прошло впустую, а зла становилось все больше и больше.

Но однажды семь праведников все-таки собрались вместе, и Эльгуль-злодей, пытаясь расстроить их планы, погрузил в сон всех людей, кроме семи самых закоренелых грешников. Но семеро праведников преодолели сон и объединились в мистический союз так называемого духовного совокупления с богиней-матерью. — При этих словах продолговатое лицо Скеддера исказила брезгливая гримаса. — Каждый из них стал ее любовником, и семь частей Йесса соединились вместе. Добрый бог ожил, и великие грешники превратились в чудовищ, а семеро праведников стали малыми богами и консортами богини. Йесс вернул планету и мир в прежнее состояние. Его брат-близнец был растерзан на семь частей, которые захоронили в разных местах планеты. С тех пор добро господствует над злом, но зла в мире еще немало. И легенда гласит, что, если семеро грешников соберутся во время «сна» в одном и том же месте, они смогут воскресить Эльгуля. — Скеддер замолчал и улыбнулся, насмехаясь над легендой. — Существуют и другие аспекты, — добавил он, — но суть я изложил. Это символическая история о борьбе добра и зла во Вселенной. Многие ее элементы универсальны, и найти их можно почти в каждой из религий Галактики.

— Возможно, это действительно символично и универсально, — сказала миссис Кри, — но факт остается фактом: семеро человек создали бога Йесса. Я знаю это, потому что видела его на улицах города, касалась одежды и наблюдала чудеса, которые он творил, хотя ему и не по душе такое занятие. Я знаю, что во время «сна» злые люди не раз пытались возродить Эльгуля. Им известно, что

при его воскрешении они, согласно древнему обещанию, будут править этим миром и обладать всем тем, что пожелают.

— Минуточку, миссис Кри, — оборвал ее Скелдер. — Я не собираюсь принижать вашу религию, но откуда вам известно, что человек, который выдает себя за бога, действительно Йесс? И как обычные люди могли сотворить божество из пустоты?

— Я знаю, потому что знаю, — ответила она древнейшей и неоспоримой фразой всех верующих. И, прикоснувшись к огромной груди, добавила: — Что-то здесь убеждает меня в этом.

Кэрмоди захохотал, чем вызвал всеобщее недовольство.

— Она уделала тебя, Скелдер! Твоей же собственной петардой. Разве Церковь не прибегает к таким же аргументам, когда ее загоняют в угол?

— Нет, — холодно возразил монах, — это не так. Во-первых, нам не нужно защищаться. Мы основали твердыни, непроницаемые для глумления атеистов и нападок правительств. Церковь несокрушима, как и ее учение. Наша логика неопровержима, и только мы обладаем истинным знанием!

Кэрмоди фыркнул, но от дальнейшего спора решил отказаться. Какая разница, что думал Скелдер или кто-нибудь другой? Ему надоела бесцельная болтовня, и теперь он хотел действий и только действий.

Миссис Кри поднялась из-за стола и отправилась мыть посуду. Кэрмоди, желая выудить из нее побольше информации, но так, чтобы не услышали другие, вызвался ей помочь. Мамаша Кри была польщена. Кэрмоди нравился ей, потому что всегда оказывал ей небольшие услуги и щедро одаривал комплиментами. Своим проницательным и хитрым умом она понимала, что за этим кроется какая-то цель, и тем не менее ей льстило внимание Кэрмоди.

Оказавшись на кухне, Кэрмоди тут же завел разговор:

— Ну давай, мамаша Кри, рассказывай правду. Ты действительно видела Йесса? Так же, как меня?

Хозяйка передала ему полотенце и мокрую тарелку:

— Я видела его гораздо чаще, чем тебя. Однажды он даже обедал в этом доме.

Землянин с трудом проглотил сообщение о таком прозаическом контакте с божеством.

— Обедал с тобой?

— Конечно.

— А он, случайно, не заходил потом в туалет? — поинтересовался Кэрмоди, считая, что в этом состоит основное различие между богами и людьми.

Можно поверить, что бог ест, помогая верующему воспринять его присутствие, или ест, наслаждаясь плодами жизни, но процесс испражнения выглядел таким необязательным, таким, прямо скажем, небожественным делом...

— Конечно, заходил, — ответила миссис Кри. — Неужели ты думаешь, что у бога Йесса нет крови и таких же внутренних органов, как у нас с тобой?

В этот момент на кухню вошел Скелдер. Он якобы хотел попить воды, но на самом деле его мучило любопытство.

— Конечно, у него есть и кишки и желудок, — сказал монах. — Как у всех людей. Скажите, миссис Кри, с каких пор вы встречаетесь с Йессом?

— Я видела его еще будучи ребенком, а сейчас мне уже пятьдесят.

— И он нисколько не постарел? — с сарказмом осведомился Скелдер. — Неужели он всегда выглядит молодым, неподвластным времени?

— О нет, теперь он старик и может умереть в любой момент. Земляне удивленно переглянулись.

— Здесь что-то не так, — сказал монах. — Возможно, мы по-разному понимаем некоторые термины и языковые идиомы.

Его быстрая речь напоминала взмахи крыльев огромного стервятника, устремившегося к миссис Кри.

— В нашем понимании бог бессмертен.

Тэнд, который зашел в кухню и услышал последние слова, не утерпел и вмешался в разговор:

— А разве ваш бог не умер на кресте?

Скелдер закусил губу, но тут же улыбнулся:

— Прошу меня простить. Я признаю, что гнев затуманил мою память. Мне очень стыдно за свое поведение. Я забыл о различиях между божественной сутью и человеческой природой Иисуса. Рассуждая как язычник, я не учел, что боги варваров смертны. Хотя, возможно, у вас тоже есть сходное разграничение между человеческой природой и божественной сутью Йесса. Мне это неизвестно. Я на вашей планете недавно и еще не успел изучить таких тонких нюансов местной теологии. — Он замолчал и сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду. Его голова опустилась. Тощие плечи сгорбились. — Однако я по-прежнему считаю, что между вашей концепцией Йесса и нашим Иисусом Христом существует огромная разница. Христос был воскрешен и вознесен на небеса, где соединился со своим Отцом. Причем его смерть была необходима, поскольку он принял на себя грехи мира и тем самым спас человечество.

— Если Йесс умрет, то когда-нибудь тоже возродится.

— Вы меня не понимаете. Основное различие заключается в том...

— Что ваша религия является истиной, а наша — языческим мифом, верно? — с улыбкой перебил его Тэнд. — Но кто может сказать: где здесь факты, а где миф? И даже если это миф, то сколько в нем истины? Все, что ведет в этом мире к действию, считается фактом, и если миф вызывает такое действие, значит, он и есть истинный факт. Слова, которые произносятся здесь, умирают при затухании вибраций, но кто знает, какой эффект они могут вызвать в будущем?

Внезапно в комнате потемнело, и каждый инстинктивно схватился за что-нибудь: за спинку стула, за край стола. Кэрмоди почувствовал, как сквозь него прошла волна тепла, а затем увидел, что воздух стал сгущаться перед ним, превращаясь в стеклянную поверхность.

И вдруг прямо ему в лицо из зеркала фонтаном ударила кровь. Она ослепила его, залила с головы до ног, наполнила рот и соленой струйкой потекла в горло.

Послышался крик. Однако кричал не он, а кто-то рядом. Кэрмоди отступил назад, вытащил из кармана платок и, вытерев глаза, обнаружил, что стекловидная пленка исчезла. Стол и пол вокруг него были залиты и забрызганы кровью.

«Да тут ее не меньше десяти кварт, — подумал он. — Как раз столько, сколько вмещается в женщине весом фунтов в сто».

Но ему не дали порассуждать на эту тему. Отпрыгнув в сторону, он едва не наткнулся на Скелдера и миссис Кри, которые сражались друг с другом на полу. Миссис Кри одолевала монаха, поскольку имела явное преимущество в весе и, возможно, в силе. Во всяком случае он была более агрессивной и довольно неплохо справлялась со Скелдером. Тому удалось на миг разжать пальцы, сжимавшие его шею, и прокричать:

— Убери от меня свои грязные руки, су... самка!

Кэрмоди захохотал, и его смех разрушил маниакальные чары, овладевшие миссис Кри. Очнувшись от наваждения, она замерла, захлопала глазами и, опустив руки, жалобно произнесла:

— Что же я наделала?

— Вы хотели лишить меня жизни! — прохрипел Скелдер. — Да что с вами происходит, мадам?

— О, это моя проблема! — прошептала она с отрешенным видом. — Меня прихватило раньше, чем я ожидала. Надо немедленно отправляться «спать». Мне вдруг показалось, что вы самый отвратительный мужчина в мире. Я вспомнила ваши слова о Йессе и захотела вас убить. На самом деле меня лишь слегка задело то, что вы говорили, — во всяком случае не настолько, чтобы затевать такую драку.

— Очевидно, ваш гнев сильнее, чем вы думаете, — сказал Тэнд. — Вы действовали, поддавшись бессознательному импульсу, который долго подавляли в себе, и потому...

Ему не дали закончить. Мамаша Кри повернулась и увидела, что одежда Кэрмоди и половина кухни залиты кровью. Она истерически закричала.

— Закрой варезку! — рявкнул Кэрмоди и шлепнул ее по губам.

Она замолчала и, поморгав, сказала дрожащим голосом:

— Сейчас я все здесь убери. Мне не хочется, проснувшись, скрести засохшую кровь. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Не ответив, Кэрмоди вышел из кухни, поднялся в свою комнату и стал снимать с себя мокрую одежду. Следом за ним вошел преподобный Рэллукс.

— Я начинаю бояться, Кэрмоди. Если здесь происходят такие дела и они не являются галлюцинациями, то кто его знает, что случится с каждым из нас.

— А я думал, что у нас есть какое-то устройство, которое обеспечивает нашу безопасность. Разве не так?

Кэрмоди содрал с себя липкую майку и направился в душ.

— Или ты не уверен в приборе?

Увидев отчаяние на лице Рэллукса, он засмеялся и прокричал сквозь шум горячей воды:

— В чем дело? Ты действительно так напуган?

— Да, я напуган. А ты?

— Да чтобы я чего-то испугался? Никогда! В моей жизни не было места страху. И не то чтобы я скрывал его. Просто мне вообще незнакомо это чувство, понимаешь?

— Иногда я подозреваю, что тебе незнакомы любые чувства, — ответил Рэллукс. — Я даже сомневаюсь, есть ли у тебя душа. Вернее, она должна быть где-то, но ты запрятал ее так глубоко, что никто, включая тебя самого, не может ее увидеть. Иначе...

Кэрмоди захохотал и начал намыливать волосы.

— Главный лжец в госпитале Джонса Хопкинса говорил, что я врожденный психопат, с самого раннего детства неспособный воспринимать моральный кодекс. Он сказал, что я нахожусь за гранью вины и за гранью добродетели, но не из-за болезни ума, как ты полагаешь, а вследствие потери того, что делает человека человеком. Он без всякой лести заявил, что я — одна из тех редких птиц, перед которыми наука образца 2256 года от Рождества Христова абсолютно бессильна. Потом извинился и сказал, что вынужден изолировать меня от общества до конца моей жизни. По его мнению, меня следовало держать на мягких депрессантах, чтобы я был безвредным и послушным. И еще на мне следовало бы провести пару тысяч опытов, чтобы найти причину, сделавшую меня конституциональным психопатом.

Кэрмоди замолчал, вышел из-под душа и начал вытираться полотенцем.

— Ты, конечно, понимаешь, — с улыбкой добавил он, — что я не мог согласиться с этим. Чтобы Джон Кэрмоди сидел в вонючей палате? Короче, я удрал из госпиталя, улетел с Земли и рванул к Трамплину — на самый край Галактики. Это была наиболее удаленная планета Федерации, и там я пробыл год, занимаясь контрабандой содомейских груш. Потом на мой след вышел Располд, этот галактический Шерлок Холмс, но я улизнул у него из-под носа и отправился сюда, на Радость Данте, где не действуют законы Федерации. И все же мне не хочется торчать здесь вечно. В принципе планета неплохая: тут тоже можно делать деньги, еда и выпивка нормальная, а от женщин захватывает дух. Но я хочу доказать, что Земля превратилась в конюшню для глупых ослов. Мне хочется вернуться и жить в свое удовольствие, не опасаясь ареста. И я сде-

лаю это, приятель, сделаю, даже если мне придется вести себя крайне осторожно.

— Ты сошел с ума. Тебе не уйти от закона. Они арестуют тебя, как только ты сойдешь с корабля!

Кэрмоди рассмеялся:

— С чего ты взял? А ты знаешь, что федеральное антисоциальное бюро получает информацию и приказы от Буджума?

Рэллукс кивнул.

— Буджум — это огромный банк протеиновой памяти, большой компьютер, в ячейках которого собрана вся доступная информация о Джоне Кэрмоди. Вне всяких сомнений, Буджум разослал приказ, чтобы все корабли, прилетающие на Радость Данте, собирали сведения о бежавшем преступнике. Но что произойдет, если он получит свидетельство о моей смерти? Буджум отменит свои директивы и отправит дело Кэрмоди в архив. Он забудет о нем, понимаешь? И когда колонист... ну, скажем, с Вайлденвули решит промотать сколоченный капитал и прилетит на родную планету, кто станет цепляться к нему, даже если он здорово похож на Джона Кэрмоди?

— Но это же абсурд! Во-первых, откуда Буджум получит доказательства твоей смерти? Во-вторых, когда ты прибудешь на Землю, твои отпечатки пальцев, изображение сетчатки и спектр излучения мозга попадут в картотеку Федерации и будут моментально опознаны.

Кэрмоди усмехнулся:

— Я пока не хочу говорить тебе, как будет решен первый вопрос, но что касается второго, то отпечатки пальцев меня не смущают. Их никто не станет перепроверять. Данные о колонисте, прилетевшем на Землю в первый раз и родившемся черт знает на какой планете, будут занесены в совершенно новый файл. Я даже имя могу не менять.

— А если кто-нибудь тебя узнает?

— При численности населения в десять миллиардов человек? С такими шансами я готов рискнуть.

— Между прочим, я могу рассказать о твоём плане властям.

— А разве мертвые говорят?

Рэллукс побледнел, но не дрогнул. Его лицо выражало благочестие и всепрощение. Большие черные глаза смотрели на Кэрмоди без страха и упрека, и было даже немного жаль, что они придавали монаху смешной и нелепый вид из-за несоответствия со вздернутым носом, большими губами и оттопыренными ушами.

— Ты решил убить меня? — спросил Рэллукс.

Кэрмоди громко захохотал:

— Нет, этого не потребуется. Неужели ты думаешь, что вы со Скелдером переживете Ночь и останетесь в здравом рассудке? Ты уже видел, что происходит при кратких и слабых вспышках. А ведь это только прелюдия, настройка на наше естество! Представь, что же такое настоящая Ночь!

— Ты говоришь так, будто с тобой случится что-то другое, — произнес побледневший Рэллукс.

Кэрмоди пожал плечами и пригладил иссиня-черные волосы.

— Очевидно, мое подсознание, или то, что ты называешь этим словом, проецирует части тела одной знакомой мне женщины. Ты даже можешь сказать, что мои сокровенные желания воссоздают картину преступления. Я не понимаю, как можно взять абсолютно чистый субъективный феномен и превратить его в объективную реальность. Тэнд говорит, что существует несколько теорий, которые пытаются объяснить этот парадокс с научной точки зрения. Лично я считаю его чем-то сверхъестественным. Впрочем, какая разница? Я не очень-то переживал, шинкуя Мэри на куски, и мне плевать на то, что часть из них снова вывалится передо мной из воздуха. Чтобы достичь цели, я могу переплыть океаны крови, и пара кусков от Мэри с ума меня не сведет.

Он замолчал и, прищурившись, посмотрел на Рэллукса. Его рот все еще изгибался в кривой усмешке.

— А что ты сам видел во время вспышек? — спросил он монаха.

Рэллукс судорожно сглотнул и осенил себя крестным знамением.

— Не знаю, зачем я говорю тебе об этом, но все-таки скажу. Я был в аду.

— В аду?

— Да, я горел в аду. Вместе с остальными грешниками. Девяносто девять процентов из тех, кто жил, живет или будет жить. Миллиарды и миллиарды людей. — По лицу Рэллукса струился пот. — И это не было иллюзией. Я чувствовал боль. Сврю и чужую.

Он замолчал, и Кэрмоди склонил голову набок, словно изумленная птица, которая пытается понять печальную трель, прилетевшую из леса.

— Девяносто девять процентов, — прошептал Рэллукс.

— Так вот что беспокоит тебя больше всего и занимает твой ум.

— Если это так, то я ничего не понимаю, — шепотом ответил монах.

— Но откуда такие нелепые мысли? Даже твоя Церковь больше не настаивает на буквальном понимании средневековой концепции адского огня. Я не знаю, что тут сказать, хотя, по моему мнению, многих действительно стоило бы как следует поджарить. Я бы с удовольствием поработал кочегаром в аду, вытапливая жир из тех эгоистов, которых встречал на своем коротком жизненном пути.

— И это ты говоришь об эгоистах? — скептически произнес Рэллукс.

Кэрмоди усмехнулся ему в ответ и, застегнув последнюю пуговицу, вышел за дверь.

Миссис Кри уже успела вымыть кухню и сообщила ему, что уходит «спать» в подвал. Для удобства жильцов эта добрая женщина оставляла дом открытым, но надеялась найти его не слишком грязным, когда проснется. Им следовало лишь вытирать ноги перед тем, как войти в прихожую, а также выбрасывать окурки из пепельниц

и мыть за собой посуду. Расцеловав каждого из постояльцев, миссис Кри расплакалась и сквозь слезы сказала, что, возможно, никогда не увидит их вновь. Она еще раз попросила у Скелдера прощения за драку на кухне, и тот оказался настолько любезен, что дал ей свое благословение.

Через пять минут миссис Кри ввела себе усыпляющий наркотик, захлопнула за собой большую железную дверь, ведущую в подвал, и старательно закрыла ее на несколько замков.

Тэнд тоже стал прощаться с землянами.

— Если в ближайшее время я не попаду домой, мне волей-неволей придется бодрствовать в эту Ночь. Если к началу Ночи не «уснуть», то уж ничего не поделаешь. Это как белое и черное: либо вы проходите через нее, либо нет. Через семь дней вы станете богами или чудовищами... или просто трупами.

— А что вы потом делаете с чудовищами? — спросил Кэрмоди.

— Ничего, если они безвредны, как муж миссис Кри. В противном случае мы их убиваем.

После нескольких прощальных фраз Тэнд по земному обычаю пожал им руки и пожелал не столько удачи, сколько соответствующей награды. Пожимая напоследок руку Кэрмоди, он задержал ее в ладони и взглянул ему прямо в глаза.

— Это твой последний шанс определиться в жизни. Если Ночь не взломает ледяные оковы твоей души, если ты останешься таким же айсбергом, как сейчас, значит, с тобой будет покончено. Но если в тебе сохранилась хоть искра тепла, дай ей превратиться в яркий огонь и сгори в этом пламени несмотря на боль. Бог Йесс однажды сказал, что, если человек хочет получить жизнь, он должен ее потерять. В этом нет ничего особенного — другие боги и другие пророки многих планет говорили то же самое. Но эта истина многогранна, и грани ее иногда просто невообразимы.

Когда Тэнд ушел, три землянина молча поднялись наверх и вытащили из большого чемодана три шлема. На макушке каждого из них располагалась небольшая коробочка с длинной антенной. Следуя примеру монахов, Кэрмоди нахлобучил шлем на голову и подкрутил настроечный диск за правым ухом.

Скелдер причмокнул тонкими губами и с сомнением произнес:

— Надеюсь, что ученые с Юнга не ошиблись в расчетах. По их словам, этот прибор, воспринимая всплеск электромагнитных волн, вырабатывает противофазные волны. Независимо от того, насколько велика энергия магнитной бури, мы переживем ее без всяких последствий.

— Надеюсь, что так оно и будет, — мрачно ответил Рэллукс. — Теперь я понимаю, что совершил великий грех духовной гордыни. Мне захотелось победить то, что более праведные люди признали непобедимым. Но, возможно, Бог простит меня. И я благодарен ему за эти шлемы.

— Я тоже, — отозвался Скелдер. — Хотя мне кажется, что нам не следовало бы прибегать к этим устройствам. Мы с тобой могли

бы положиться на Бога и, обнажив головы и души, пойти против адских сил этой языческой планеты.

Кэрмоди цинично усмехнулся:

— А что тебе мешает? Сними шлем, и все. Твой нимб его вполне заменит.

— Я должен подчиняться приказам вышестоящих лиц, — сухо ответил Скелдер.

Рэллукс вскочил и начал расхаживать взад и вперед.

— Я не понимаю, каким образом магнитное излучение, даже самое мощное и жесткое, может возбуждать атомные ядра живых существ на планете, удаленной от солнца на восемьдесят миллионов миль. Как оно может зондировать и выявлять подсознание, подавлять наш разум, будто железными тисками, а затем провоцировать тело на немыслимые психосоматические изменения? Звезда становится фиолетовой, распространяет невидимые лучи и порождает образы чудовищ, которые живут в темных пещерах нашего сознания. Или, наоборот, пробуждает спящего золотого бога. Хотя кое-что я понимаю. Изменения в электромагнитном спектре нашего Солнца не только влияют на климат и погоду, но и на поведение землян. Но как эта звезда воздействует на плоть и кровь? Как она может уменьшать натяжение кожи, размягчать и изгибать кости, придавать им странные формы вопреки информации, записанной в генах?

— Мы еще мало знаем о генах, чтобы говорить о том, какие формы записаны в них, — прервал его Кэрмоди. — Когда я проходил практику в госпитале Хопкинса, мне довелось видеть очень странные вещи. — И он замолчал, вспоминая былые дни.

Скелдер сел в кресло и задумчиво прикусил губу. Шлем придавал ему вид солдата, а не священника.

— Уже недолго осталось ждать, — сказал Рэллукс, продолжая расхаживать по комнате. — Скоро наступит Ночь. Если Тэнд говорил правду, то в первые двадцать часов все, кто не «уснул», погрузятся в коматозное состояние. Кроме нас, конечно, — потому что мы надели шлемы. Очевидно, тела «спящих» оказывают частичное сопротивление электромагнитной буре. Но те, кто не «заснул», получают такой заряд энергии, что не могут погрузиться в «сон», пока светило находится в фазе активности. И пока местные жители «спят», мы...

— ...будем делать нашу грязную работенку, — радостно закончил Кэрмоди.

Скелдер вскочил:

— Я протестую! Мы проводим здесь научные исследования! А ты помогаешь нам только потому, что в некоторых случаях мы...

— ...не желаем пачкать свои беленькие ручки, — закончил Кэрмоди.

В этот момент свет померк, и комнату наполнил темно-фиолетовый полумрак. Внезапное головокружение помутило чувства. Оно длилось лишь секунду, но этого хватило, чтобы колени всех троих подогнулись и люди разом рухнули на пол.

Кэрмоди, дрожа, поднялся на четвереньки и встряхнул головой, как собака, которую ударили палкой.

— Вот это да! — воскликнул он. — Хорошо, что мы надели шлемы! Если бы не они, нам бы точно пришел конец.

Он поднялся на ноги, потягиваясь и разминая болевшие мышцы. Комната казалась занавешенной множеством полупрозрачных фиолетовых кисей. В ней было сумрачно и тихо.

— Рэллукс, что с тобой? — спросил Кэрмоди.

Рэллукс, белый как призрак, с перекошенным от страха лицом, вскочил на ноги, с яростным криком сорвал с головы шлем и выбежал из комнаты. Его шаги загрохотали по коридору, а затем на лестнице. Минутой позже хлопнула входная дверь.

Кэрмоди повернулся ко второму монаху:

— Он сошел с ума... Эй, а с тобой-то что?

Разинув рот, Скелдер тупо смотрел на стенные часы. Внезапно он взглянул на Кэрмоди и закричал:

— Пошел прочь!

Кэрмоди удивленно моргнул, затем улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Почему бы и нет? Вряд ли твоя кожа так мягка, что мне понравилось бы ее ласкать. — И с интересом уставился на Скелдера, который заковылял к двери, прижимаясь одним боком к стене. — Почему ты хромаешь?

Монах не ответил и враскорячку, по-крабьи, вышел из комнаты. Вскоре внизу опять хлопнула дверь. Оставшись один, Кэрмоди задумчиво почесал подбородок и взглянул на часы, которые так заинтересовали монаха. Как и все кэринянские часы, они показывали минуту, час, день, месяц и год. Фиолетовая вспышка началась в 17.25. На циферблате же было 17.30.

Значит, прошло пять минут.

Плюс двадцать четыре часа.

— Неудивительно, что у меня так ноет все тело! — произнес вслух Кэрмоди. — И еще я проголодался! — Он снял шлем и бросил его на пол. — Ну вот и все. Превосходный опыт.

Он спустился по лестнице в кухню, втайне ожидая появления лица и новых потоков крови. Но ничего не произошло. Насвистывая себе под нос, Кэрмоди вытащил из холодильника еду и молоко, соорудил бутерброды, с удовольствием поел, а затем проверил свое оружие. После чего удовлетворенно кивнул и, встав из-за стола, направился к двери.

И в этот момент раздался телефонный звонок.

Подумав секунду, Кэрмоди решил ответить. «Не дрейфь, стари-на», — подбодрил он себя и поднял трубку.

— Алло!

— Джон? — отозвался приятный женский голос.

Кэрмоди отдернул трубку от уха, будто в ней затаилась змея.

— Джон? — повторил женский голос, далекий и призрачный.

Кэрмоди глубоко вздохнул, расправил плечи и решительно поднес трубку к уху.

— Джон Кэрмоди слушает. С кем я говорю?

В ответ раздались короткие гудки, и он медленно положил трубку на рычаг.

Кэрмоди вышел из дома в темноту, которую нарушали лишь свет уличных фонарей, расположенных на расстоянии ста футов друг от друга, и огромная зловеще-фиолетовая луна, повисшая над горизонтом. Небо было чистым, а звезды казались далекими мерцающими каплями, рассыпанными на пурпурной кисее тумана. Здания походили на айсберги, плывущие сквозь мрак, — когда Кэрмоди приближался к ним вплотную, они внезапно появлялись из темноты, обретали материальность, а затем так же быстро исчезали за его спиной.

Город застыл в абсолютном безмолвии. Ни лая собак, ни криков ночных птиц, ни автомобильных гудков, ни кашля, ни хлопанья дверей, ни стука каблучков по тротуару, ни взрывов смеха. Если видимость была лишь приглушена, то звуки умерли окончательно.

Кэрмоди остановился, размышляя, не завладеть ли ему автомобилем, припаркованным у обочины. Четыре мили до храма предполагали довольно долгую прогулку, к тому же из фиолетовой темноты могло появиться что угодно. Не то чтобы Кэрмоди чего-то боялся, но лишние сложности ему были совершенно ни к чему. С одной стороны, на машине можно быстро скрыться от опасности, но с другой — такой способ передвижения сделал бы его излишне заметным.

В конце концов Кэрмоди решил-таки проехать первые две мили, а затем пойти пешком. Он открыл дверцу и тут же отскочил назад, выхватывая из кармана оружие. Но воспользоваться им не пришлось. В машине, упав ничком на сиденье, лежал мертвый человек. Кэрмоди осветил его лицо фонариком и увидел множество засохших болячек. Очевидно, водитель был из тех, кто пытался взять свой Шанс, или просто по какой-то причине не успел «заснуть». Внезапно активизировавшаяся раковая опухоль пожрала его вплоть до глазных яблок и лишила половины носа.

Кэрмоди вытащил труп и положил его на обочине. Потратив несколько минут на подогрев парового котла, он погасил фары и медленно двинулся вперед. Его взгляд шарил по сторонам, выискивая странности. Кэрмоди вел машину вплотную к левому тротуару, и контакт с бордюрным камнем помогал ему ориентироваться на темных участках дороги. Вспомнив голос в телефонной трубке, он попытался найти ему какое-то объяснение.

Прежде всего следовало разобраться с самим собой. Силой ума он создавал из воздуха материальные объекты. Следовательно, его можно считать передатчиком энергии. Кэрмоди понимал, что его тело не содержало каких-либо особых ресурсов для трансформации энергии в материю; если бы такой мощный эффект производили его собственные клетки, они сгорели бы в первые же секунды

процесса. Таким образом выходило, что он представлял собой не генератор, а передатчик, или, вернее, преобразователь энергии извне. Которую поставляло солнце, а он создавал для нее матрицу.

Ладно, допустим, что это так. Если что-то вышло из-под контроля — о черт, какая ненавистная, но неоспоримая мысль, — и это что-то воссоздавало теперь его умершую жену, то Кэрмоди, по крайней мере, был инженером или даже скульптором. Во всяком случае, все эти явления зависели от него.

Единственное объяснение, с которым он мог согласиться, состояло в том, что данный процесс регулировался не его осмысленным знанием человеческого тела, а подсознательным умом. Каким-то образом его клетки репродуцировались в создаваемом теле Мэри. Возможно, они были зеркальным отражением его собственной структуры, как это случается с клетками близнецов.

В общем-то тут все понятно. Но как быть с чисто женскими органами? Правда, его память содержала кое-какие сведения о женской анатомии. В свое время он набил руку в анатомировании трупов и, к слову сказать, неплохо рассмотрел все внутренние органы Мэри, вынимая их без спешки и с научной методичностью перед тем как выбросить в мусорный бак. Он даже исследовал четырехмесячный эмбрион, который стал главной причиной его гнева и отворачивания к жене. Эта смердящая штука превратила ее из прекраснейшего существа в пузатое чудовище. Этот уродец уже тогда начинал выпрашивать у Мэри свою долю любви, которая прежде принадлежала только Джону Кэрмоди. А он не желал делиться даже маленьким кусочком этой бесценной, утонченной и безупречной красоты. Мэри могла принадлежать только ему, и никому другому.

Когда Кэрмоди предложил ей избавиться от ребенка, она отказалась. Он настаивал и пытался заставить ее силой, но она сопротивлялась и кричала, что больше не любит его и что этот ребенок от другого мужчины — доброго и нежного, который не чета каким-то мерзким эгоистам. И тогда он рассердился... впервые в жизни. Впрочем, это был даже не гнев. Он впал в необъяснимое помрачение рассудка, и все вокруг стало красным. Он видел кровь, он думал кровью, он ползал по залитому кровью полу.

Такое с ним случилось в первый и последний раз. Вот почему он оказался здесь. Хотя при чем здесь гнев и ярость? Да, тогда он обезумел от ревности. Но разве Мэри этого не заслужила? Сама логика требовала ее смерти. Он не мог равнодушно смотреть, как самое прекрасное существо на свете превращается в чудовищно распухшую уродку...

Мог — не мог. Какая разница? Реалист имеет дело только с тем, что уже случилось.

Если женские клетки Мэри являются зеркальным отражением его собственных, то они, конечно же, не женские. То же касается и ее мозга. Природа может воспользоваться его знанием анатомии и генетики. Она даже может воссоздать аналог женского тела. Но

мозг у Мэри останется другим! Его первоначальная форма плюс миллиарды субмикроскопических извилин памяти — это выше сознательных и подсознательных возможностей обычного человека.

Нет, если Мэри имеет мозг — что уже вполне очевидно, — то у нее мозг Джона Кэрмоди. А если это так, то мозг будет содержать все воспоминания и привычки того же Джона Кэрмоди. Ему придется пережить кошмарное время. В теле Мэри он будет растерян и ошеломлен. Но мозг Джона Кэрмоди сладит с любой ситуацией и обратит ее себе на пользу.

При этой мысли Кэрмоди рассмеялся. А почему бы ему не отыскать Мэри? Рядом с ним снова будет великолепная женщина, с ее безупречной красотой, помноженной на его холодный рассудок. Они будут мыслить в унисон, в абсолютном согласии друг с другом. О-о! Это станет величайшим надругательством над самим собой.

Он снова рассмеялся. Мэри произнесла эти слова в тот последний яростный миг, когда он напрочь вышел из себя. Она кричала, что он считает ее не женщиной и не женой, а красивым устройством для сексуальных развлечений. Она говорила, что никогда не испытывала того потрясающего чувства единения, который должна переживать любимая и страстная жена. Она чувствовала себя одинокой. И, даже переспав с другим мужчиной, Мэри не познала чуда превращения двух в одно. Изменяя мужу, она знала, что позже ей придется очистить душу признанием и покаянием. Но она изголодалась по нежности и ласке. Там, с тем мужчиной, она чувствовала себя женщиной больше, чем в обществе мужа.

Ладно, что было, то было. Пусть это останется в прошлом. К тому же Кэрмоди будет иметь дело с существом, которое лишь выглядит как Мэри.

(Он был рад, что эта штука появилась вне его, а не в нем, как происходило с другими. Возможно, он действительно имел отмороженную душу. Но если это так, тем лучше для него. Ледяное сердце исключало любую субъективность. Оно выталкивало из него даже подсознательное дерьмо, и теперь, в отличие от той эпилептики и сожранного раком водителя, он мог справиться с толпами окровавленных Мэри.)

Впрочем, это существо только выглядело как Мэри.

Если она выскочила из его головы, как Афина из черепа Зевса, то в момент рождения получила и разум Джона Кэрмоди. Став независимой, Мэри обретет свои собственные мысли и мотивации. Таким образом, его продублированный мозг, обнаружив себя в теле убитой им женщины, со временем задумается о своем первом «я». И, интересно, о чем же он подумает?

— Я тут же пойму, — прошептал Кэрмоди вслух, — что мне не убежать из этого тела. Определив для себя рамки, внутри которых мне придется существовать, я засучу рукава и возьмусь за дело. А каким оно будет? Чего я захочу? Мне захочется смотаться с Радости Данте и вернуться на Землю. Или лучше на одну из планет Федерации, где я легко найду себе богатого мужика и стану его

женщиной под номером один. А почему бы и нет? Я же буду самой прекрасной женщиной в мире.

При этой мысли Кэрмоди хохотнул. Он не раз представлял себя женщиной и размышлял, как сложилась бы тогда его судьба. Порой он даже завидовал своей воображаемой героине, потому что красивая женщина с его умом могла бы подмять под каблук всю Вселенную — эту груду разбросанных по пространству миров.

Да-а! Он бы тогда...

Кэрмоди стиснул руль и резко выпрямился. Идея шарахнула его по голове, как горячая кочерга.

— Почему я не подумал об этом раньше? — воскликнул он. — О Боже! Мы с ней заключим сделку. А если нет, то я как-нибудь заставлю ее. Она станет моим идеальным алиби! Я никогда не признавался в том, что убил жену, — во всяком случае представителям власти. И им не удалось найти ее тело. Так что, когда мы с ней вернемся на Землю, я скажу этим олухам: «А вот, джентльмены, моя жена. Она, как я вам говорил, внезапно покинула меня и исчезла в неизвестном направлении. Бедняжка попала в катастрофу, потеряла память и каким-то образом очутилась на Радости Данте... Звучит как романтическая повесть, но следует учесть, что такие вещи время от времени случаются. Ах, вы не верите мне? Тогда возьмите ее отпечатки пальцев, сличите узор сетчатки и сделайте анализ крови... Ну что, ребята, съели?»

Но если структура клеток Мэри зеркально повторяет его собственную, то экспертиза обнаружит только отличительные признаки Джона Кэрмоди. Хотя она может иметь свои отпечатки пальцев. Он видел их и воочию, и на фотографиях, так что его подсознание скопирует все как надо.

А как быть с проверкой на ЭМС? Сканирование мозга покажет различие в электромагнитном поле...

Впрочем, при серьезных травмах электромагнитный спектр мозга иногда меняет рисунок, и это еще раз подтвердит его версию о сильном ушибе головы. А дзета-волны? Они должны указать, что субъект проверки — мужчина. Это наверняка заставит экспертов подвергнуть ее тщательному обследованию. Единственным условием перехода дзета-волн с женского ритма на мужской является изменение пола, а проверка покажет, что ее гормоны женские. Или нет? Если ее клетки будут зеркальным отражением его собственных, то и гены окажутся мужскими. А возможно, и гормоны. А как насчет рентгена? Что, если исследование обнаружит у Мэри не женские, а мужские внутренние органы?

Кэрмоди на секунду огорченно задумался, но быстрый ум тут же предложил ему новое алиби. И действительно! Мэри находилась на Радости Данте в семидневный период Шанса. Верно? Тогда стоит ли удивляться этим странным переменам в организме? Все отклонения, выявленные в лаборатории, — будь то спектр мозга, гормоны или внутренняя перестройка организма — стали результатом электромагнитного воздействия звезды. Это может привлечь к

Мэри внимание общественности, и для нее придется придумать надежную и обоснованную легенду. Но у девочки нервы из стали, и она без проблем пройдет этот этап. Затем Мэри потребует восстановить ее гражданские права, и, как только ей вернут гражданство, чиновники и доктора отпустят ее на свободу. А потом Джон и Мэри Кэрмоди составят прекрасную пару — такую, какую еще не видел никто и никогда!

Вот только почему она повесила трубку и не договорилась с ним о встрече? Может, ей не по душе идея о сотрудничестве? Но если у Мэри его мозги, разве может она думать по-другому?

Кэрмоди нахмурился и тихо присвистнул сквозь зубы. Он понял, что должен рассмотреть еще одну возможность, которая ему страшно не нравилась. Мэри могла и не быть его женским аналогом.

Она могла возродиться как Мэри.

Впрочем, об этом он узнает при встрече с ней. Тогда придется немного подкорректировать первоначальный план с учетом ситуации и ее настроения. Оружие в кармане куртки заставляло его испытывать редкостное, ни с чем не сравнимое возбуждение.

В этот момент в пурпурном полумраке, который создавали уличные фонари, Кэрмоди разглядел мужчину и женщину. Женщина была одета, а мужчина — абсолютно голым. Они вцепились друг в друга; мужчина страстно лънул к женщине, прижимая ее к фонарному столбу. Неужели насиловал? Да нет, она сама тянула его к себе.

Кэрмоди рассмеялся.

Услышав хриплый смех, разорвавший плотное молчание ночи, мужчина резко повернул голову и уставился на землянина широко раскрытыми глазами.

Это был Скелдер, но почти неузнаваемый. Его длинное лицо вытянулось еще больше. Голый череп покрылся нежным пушком, который даже в сумрачном свете казался ярко-золотистым. Обнаженные ноги чудовищно деформировались и сделались чем-то средним между человеческими ногами и звериными. Кости невероятным образом изменили строение, и теперь колени прогибались назад. Ступни вытянулись так, что он мог передвигаться только на носочках, словно балерина, и на них появились светло-желтые наросты, которые поблескивали как копыта.

— Козлоногий! — громко выкрикнул Кэрмоди, будучи не в силах сдержать злорадства.

Скелдер выпустил женщину из объятий. В его лице проступали козлиные черты; в теле угадывалась очаровательная омерзительность сатира.

Кэрмоди хотел еще раз рассмеяться, но внезапно осекся и застыл на месте с открытым ртом.

Там, у столба, стояла Мэри.

Ошарашенный, Кэрмоди не мог поверить своим глазам. Она улыбнулась ему и весело помахала рукой. Потом обняла Скелдера за плечи и, покачивая бедрами на манер уличных проституток, стала

удаляться вместе с сатиром в темноту. При других обстоятельствах это показалось бы довольно комичным, поскольку фигура Мэри выглядела так, словно женщина была на шестом месяце беременности.

Кэрмоди вдруг ощутил незнакомое ему прежде влечение к Скелдеру и вдруг сообразил, что смеется над собой. Он чувствовал неодолимую плотскую страсть к козлоному священнику и в то же время понимал, что стоит на углу перекрестка и хохочет над своим идиотским желанием. А где-то в глубине его вскипала медленная волна, угрожавшая захлестнуть все другие чувства. Его сжигала неумемная страсть к Мэри, смешанная с ужасом от мысли о вождении.

Против этих посягательств был только один вид защиты, и Кэрмоди тут же воспользовался им. Выскочив из машины и обежав ее спереди, он выхватил оружие и начал расстреливать красный туман, который сменил фиолетовую дымку.

Скелдер жалобно заскулил, упал на землю и, покотившись кубарем, как скомканная серая простыня, уносимая ветром отчаяния, исчез в непроглядном мраке за огромной опорой углового здания.

Мэри резко обернулась. Ее рот превратился в темную дыру на бледном лице. Руки белыми птицами простерлись в мольбе, и она упала наземь.

Внезапно Джон Кэрмоди споткнулся, получив тяжелый удар в грудь, а затем еще один, в живот. Он почувствовал, как его сердце и внутренности словно разрываются на части. Он начал падать в каскаде кровавых брызг в бездонную темноту, ловя обрывки последних мыслей. Кто-то выстрелил в него, и это был конец... прощай, туда тебе и дорога... А потом Вселенная захохотала ему в лицо...

Через какое-то время сознание вернулось. Он лежал на спине и, перебирая вялые воспоминания, смотрел на пурпурный шар луны — эту огромную рукавицу, брошенную в небо рыцарем-великаном. Так что же, сэр Джон Кэрмоди, маленький толстячок, одетый в доспехи из тонкой кожи, готов ли ты сразиться на турнирном поединке?

— Всегда готов, — ответил он себе, с трудом поднимаясь на ноги.

Он недоверчиво ощупал себя, выискивая дыры, которые ожидал найти. Однако их не было. Тело оказалось невредимым, и на одежде не осталось ни капли крови. Да, ткань была влажной, но влажной от пота.

«Так вот, значит, как умирают люди, — подумал Кэрмоди. — Смерть ужасна, потому что приносит с собой абсолютную беспомощность. Наверное, так чувствует себя ребенок в железной хватке взрослого убийцы. Смерть выжимает из тебя жизнь, но делает это не из ненависти и не от злобы. Просто она должна убивать, ибо таков порядок вещей. И она наводит этот порядок, выжимая из нас наши жизни».

Постепенно сквозь заторможенность и отупение к нему вернулась способность размышлять. Очевидно, все эти странные ощущения,

которых он хотел бы избежать любой ценой, испытали на себе и Скелдер, и Мэри. Когда пули разрывали ее тело, она каким-то образом передала ему свои чувства, и потрясение оказалось настолько сильным, что он потерял сознание. Надо же! А ведь он думал, что умирает.

Интересно, а если бы он продолжал так думать? Неужели умер бы на самом деле?

Хотя какая разница?

— Не будь дураком, Кэрмоди, — сказал он себе. — Ты можешь делать все что угодно, только не будь дураком. Ты просто испугался — испугался до смерти. Тебе даже хотелось позвать кого-то на помощь. Кого? Малышку Мэри? Я, конечно, так не думаю, но все может быть. Или ты звал маму? Ее тоже звали Мэри. Ну хватит! Довольно! — Он ошупал свой череп и прошептал: — Я не отвечаю за все то, что здесь произошло. Это кричал маленький мальчик, спрятанный во мне. Маленький Джонни, который напрасно звал маму, когда та бросала его и уходила с большими пьяными дядьками. Она всегда оставляла меня одного и никогда не думала о том, каким чудовищем вырастет ее ребенок...

Он подошел к Мэри и перевернул ее тело.

Внезапно раздавшийся в темноте крик заставил его отпрыгнуть назад. Кэрмоди развернулся, сжимая в руке оружие, и тихо позвал:

— Эй, Скелдер!

В ответ послышался ужасный вопль, похожий скорее на звериный, чем на человеческий.

Улица тянулась прямо ярдов на сто, а затем сворачивала направо. На углу стоял высокий дом, каждый из шести этажей которого нависал над предыдущим. Здание напоминало телескоп, воткнутый острым концом в землю. Из затененной ниши выбежал Рэллукс. Его лицо искажала гримаса боли. Увидев Кэрмоди, он замедлил шаг.

— Иди своей дорогой, Джон! — крикнул монах. — Ты не должен заходить сюда. Уходи! Это место мое! Я должен снова в него войти! Здесь место только для одного, и оно приготовлено для меня!

— О чем ты говоришь, черт побери? — сердито рявкнул Кэрмоди, на всякий случай держа монаха на мушке автоматического пистолета. Одному Богу было известно, к чему мог привести этот сумасшедший разговор.

— Ад! Я говорю об аде! Неужели ты не видишь это пламя и не чувствуешь его? Оно сжигает меня, когда я в нем стою, и оно сжигает других, когда меня там нет. Отойди в сторону, Джон. Позволь мне уберечь тебя от боли. Этот адский огонь немного утихает, когда охватывает все мое существо. Но как только я начинаю привыкать к нему, пламя мчится дальше. Мне приходится преследовать его, потому что адский огонь ищет новую грешную душу, и, если я не войду в него снова, пламя подвергнет пыткам других людей. Я должен обуздать эту геенну огненную, невзирая на муки и боль.

— Ты просто сошел с ума! — ответил Кэрмоди. — Ты... — Вдруг он вскрикнул, выронил оружие и начал кататься по земле, колотя руками по одежде.

Ощущение огня исчезло так же внезапно, как и возникло. Кэрмоди сел, дрожа и беспомощно всхлипывая:

— О Боже! Я подумал, что заживо сгорю!

Рэллукс шагнул на то место, где только что стоял Кэрмоди, и сжал кулаки; его взгляд отчаянно зашарил по сторонам, будто выискивал путь бегства из этой невидимой тюрьмы. Заметив, что Кэрмоди направился к нему, монах повернулся и закричал:

— Никто не заслуживает таких мук! Даже самый отъявленный грешник! Даже тот, кто подобен тебе!

— Прекрасные слова, — ответил Кэрмоди, но в его голосе почти не осталось былой насмешки.

Теперь он знал, какие мучения испытывал монах. Но его беспокоило другое. Каким образом Рэллуксу удавалось проецировать свои галлюцинации на другого человека? Каким образом он заставил его почувствовать свой бред, да еще с такой невероятной силой? Ответ мог быть только один: излучение солнца превращало некоторых людей в исключительно мощных экстрасенсов. Или, если сделать поправку на преувеличение, позволяло передавать нервные восприятия от одного человека к другому без прямого контакта. Значит, в этом нет никакой мистической загадки. Нечто подобное уже известно во Вселенной. Например, радиоволны переносят звук и изображение. Диктор телевидения может находиться черт знает где, а мы видим и слышим его, словно он сидит перед нами. Тем не менее эффект транслированных чувств был просто потрясающим. Кэрмоди вспомнил свои ощущения, когда пули разрывали тело Мэри. Он вспомнил этот ни с чем не сравнимый ужас смерти. Впрочем, чувства принадлежали Мэри, а не ему — он сам никогда и ничего не боялся... О черт! Значит, все, кого он встретит за эти семь ночей, будут передавать ему свои чувства и ощущения? И ему придется пережить с ними всю эту чушь?

Ну нет! Он убьет этих разносчиков эмоций! Он пристрелит каждого, кто посмеет напустить на него свои чувства!

— Кэрмоди! — воскликнул Рэллукс, стараясь криком заглушить непереносимую боль. — Ты должен понять, что не пламя преследует меня, а я преследую пламя и не даю ему убежать. Я сам хочу гореть в адском огне! Но не думай, что я отрекся от веры и решил вечно следовать за этим огнем. Нет, я верую в догмы Церкви еще сильнее, чем прежде! Я уже не могу в них не верить! Но мне приходится добровольно предавать себя пламени, чтобы уберечь хоть малую часть из тех девяноста девяти процентов сотворенных Богом душ, которые обречены на адские муки. Уготованная им участь несправедлива. И если я не прав, то мое место среди них!

Веруя в каждое слово Священного Писания, я смиренно отказываюсь от блаженства на небесах. Нет, Кэрмоди, мое место среди навеки проклятых. Ты можешь считать это протестом против Божьей

несправедливости. Если кому-то так надо делить людей на хороших и злых, то пусть все души спасутся и лишь одна сама направится в ад, чтобы принять на себя их муки. Я отказываюсь от небес и остаюсь в пламени вместе с несчастными душами, которым могу сказать: «О, брат мой, ты не одинок, ибо я буду с тобой хоть вечность, пока Господь не сжалятся над нами!»

Но ты не услышишь от меня ни проклятий, ни слова мольбы. Я буду стоять и гореть, пока каждая душа не освободится от мук и не примкнет к остальным, идущим на небо. Я останусь...

— Ты просто буйнопомешанный, — оборвал его Кэрмоди, хотя сам не был уверен в этом.

Рэллукс вновь закусил губу от боли, и черты его лица потеряли былое несоответствие, как бы порожденное двумя враждующими силами. Через страдания и муки он стал одним внутри себя. То, что прежде разделяло его на две части, бесследно исчезло.

Кэрмоди не стал размышлять о причинах такого преобразования. При сложившихся обстоятельствах подобные рассуждения вели к еще большему унынию. Пожав плечами, он пошел назад к машине. Рэллукс что-то кричал ему вслед, о чем-то упрашивая или предупреждая. В следующий миг Кэрмоди почувствовал страшное жжение в спине. Ему показалось, что одежда вспыхнула огнем, и его плоть издала молчаливый крик.

Он развернулся и выстрелил в монаха, почти не различая его сквозь стену огня.

В тот же миг ослепительный свет и нестерпимый жар исчезли. Кэрмоди поморгал, стараясь привыкнуть к пурпурному полумраку, и направился к телу Рэллукса, полагая, что галлюцинации угасли вместе с жизнью монаха. Но на тротуаре лежал лишь труп Мэри.

Что-то мелькнуло у края тротуара и скрылось за углом огромного здания. Кэрмоди услышал сдавленный крик. Несчастный Рэллукс вновь преследовал воображаемый огонь, сражаясь с адскими муками за высшую справедливость.

— Ну и пусть себе идет вместе с этим чертовым пламенем, — проворчал Кэрмоди.

Теперь, когда Мэри была мертва, ему хотелось решить для себя некоторые интересовавшие его вопросы.

Это заняло совсем немного времени. Кэрмоди вытащил из багажника молоток и инструмент, похожий на зубило, которым, наверное, снимали колпаки с колес, и с их помощью выдолбил дыру в черепной коробке трупa. Отложив инструменты, он взял фонарик, встал на колени и склонился к изуродованной голове. Потом прижал фонарик к рваному краю кости и нажал на маленькую металлическую кнопку. Он не знал, как отличить мозг женщины от мозга мужчины, но ему хотелось выяснить, есть ли там мозг вообще. Что, если в черепе Мэри находится только здоровенный пучок нервов — эдакое устройство для приема телепатических команд? Хотя если ее жизнь и поведение зависели от работы его подсознания, то он мог ожидать...

Яркий луч осветил отверстие.

Но никакого мозга Кэрмоди не увидел. В черепе лежало маленькое существо, которое он и рассмотреть как следует не успел. Он заметил лишь влажное тело, свернувшееся в кольца, сверкнувшие красные глаза и раскрытую пасть с двумя белыми клыками. Что-то мелькнуло в воздухе и ударило его в лицо.

Он упал на спину. Фонарик вывалился из его руки и покатился прочь, пронзая ночь своим лучом. Но Кэрмоди было плевать на него, потому что в этот момент он почувствовал, как его лицо начинает раздуваться, словно воздушный шар. Какой-то внутренний насос с огромной скоростью закачивал в него воздух. Нестерпимая боль потекла из головы в шею и грудь. Огонь охватил все тело, проникая в каждую клеточку, будто кровь превратилась в расплавленное серебро.

И от этого пламени нельзя было спастись, как он спасся от огня Рэллукса.

Кэрмоди закричал, вскочил на ноги и, почти обезумев, с истерической яростью стал топтать змею, чьи зубы вцепились в его щеку, а длинный хвост свивался с нервами, выходящими из позвоночника Мэри. Эта тварь жила в черепе, свернувшись клубком. Она знала, что Кэрмоди вскрыет ее костяное гнездо. И теперь выпустила смертельный яд в плоть того, кто создал ее своим воображением.

Растоптав ужасную тварь каблуком и отодрав от щеки маленькую голову, из которой торчали два длинных клыка, Кэрмоди рухнул на колени рядом с Мэри. Его тело казалось сухим поленом, объатым огнем. От ужаса, что он навсегда растворится в пламени, Кэрмоди издал нечеловеческий вопль, и крик тут же был подхвачен визгливым страхом, который начал повторять его снова и снова...

В хаосе огня и боли возникла единственная мысль: он убил себя.

И тут в пурпурном тумане, освещенном луной, ударил гонг.

Рефери медленно и нараспев продолжал счет:

— ...Пять, шесть, семь...

Какая-то женщина в толпе — неужели Мэри? — закричала:

— Джонни, вставай! Ты должен победить его! Вставай и набей этой скотине морду! Не дай ему одолеть тебя, Джо-хо-хо-ни-хи-хи!

— Восемь!

Джон Кэрмоди застонал, сел и тщетно попытался подняться на ноги.

— Девять!

Гонг снова зазвенел. Зачем же подниматься, если раунд окончен?

Но почему же рефери не перестал считать?

Что это за бой, когда раунд не кончается даже после удара гонга?

Или гонг извещал о начале нового раунда, так и не закончив старый?

— Давай поднимайся, — шептал себе Кэрмоди. — Дерись до конца. Отдубась этого чертова громилу.

Слово «девять» все еще висело в воздухе, слабо мерцая в фиолетовом тумане.

— С кем я дерусь?! — проревел Кэрмоди и поднялся на ноги.

Дрожа от напряжения, он приоткрыл глаза. Его тело пригнулось в низкой стойке. Левый кулак пошел вперед, резкими тычками ошупывая воздух. Прижав подбородок к плечу, он согнул правую руку для мощного удара. Вот такими ударами он и выиграл звание чемпиона в среднем весе.

Но драться было не с кем. Рефери пропал. Зрители куда-то подевались вместе с кричавшей Мэри. Он остался один.

Хотя откуда-то издали доносился звон гонга.

— Это телефон, — прошептал Кэрмоди и осмотрелся.

Звук раздавался из большой гранитной телефонной будки, которая находилась неподалеку. Кэрмоди машинально направился к ней, преодолевая головную боль и разминая оцепеневшие мышцы. Внутренности беспокойно ворочались в животе, словно клубок змей, растревоженных жаром утреннего солнца.

Кэрмоди поднял трубку, удивляясь, что решил ответить на звонок какого-то обезумевшего дураля.

— Алло.

— Джон? — послышался голос Мэри.

Трубка выпала из руки и ударилась о стену. В тот же миг телефонный аппарат разлетелся вдребезги: Кэрмоди всадил в него всю обойму. Куски красного пластика рассекли ему лицо, и кровь, настоящая кровь, потекла по щекам, закапала с подбородка и прочертила на шее теплые полосы.

Спотыкаясь, он выбежал на улицу, перезарядил пистолет и злобно обругал себя:

— Придурок! Ты же мог ослепнуть от этих осколков. Ты мог убить себя, идиот! Придурок, тупой придурок! Совсем потерял свою глупую башку!

Внезапно он остановился, сунул оружие в карман и, достав платок, аккуратно вытер с лица кровь. Многочисленные раны оказались поверхностными и несерьезными, а лицо больше не было распухшим.

Только теперь он начал понимать, что означает этот голос.

— Ах ты, срань господня! — со стоном выругался он.

Но даже в таком угнетенном состоянии какая-то часть его рассудка продолжала оставаться безучастным свидетелем, напоминая лишь о том, что так он не ругался с самого детства. Кэрмоди возразил, что здесь, на Радости Данте, без этого просто не обойтись. А не ругался он по двум простым причинам: там, на Земле, сквернословили все, а Кэрмоди не хотел походить на остальных; кроме того, тот, кто богохульствовал, так или иначе верил в существование Бога, тогда как Джон был напрочь лишен какой-либо веры.

— Ну хватит, парень, возьми себя в руки, — сказал ему безучастный свидетель. — Зачем ты позволяешь этому дерьму изводить тебя. Ведь нас с тобой не испугаешь такой ерундой, не так ли?

Кэрмоди попытался рассмеяться, но с губ слетело сухое карканье, которое прозвучало настолько нелепо и ужасно, что он тут же замолчал.

— Но я же убил ее, — сказал он самому себе.

— Причем дважды, — отозвался свидетель.

Кэрмоди выпрямился, сунул руку в карман и крепко сжал рукоятку пистолета.

— Ладно. Когда она еще раз воскреснет, мой маленький дружок позаботится о ней. А что? Я буду убивать ее снова и снова, пока не кончатся эти семь ночей. В конце концов она умрет последний раз и навсегда избавит меня от своей компании. Если потребуется, я устелю ее трупами весь город, из конца в конец. И пусть смердят на всю округу... — Ему удалось выжать из себя короткий смешок. — Не мне же убирать эту дрянь, а службе благоустройства.

Он вернулся к машине, но, прежде чем сесть за руль, решил взглянуть на тело Мэри.

На асфальте темнели лужицы крови, и кровавые следы вели куда-то в ночь. Труп женщины исчез.

— Чего и следовало ожидать, — прошептал Кэрмоди себе под нос. — Если мое воображение может создавать из воздуха плоть и кровь, то почему бы ему не соединить разорванные части и не воскресить безголовое тело? Это же принцип наименьшего сопротивления: экономика природы, «бритва Оккама» и закон минимальных усилий. Здесь нет никаких чудес, старина. События происходят в воображаемой реальности, и нас совершенно не касаются. А внутри у тебя, Джонни, все о'кей, все в порядке и без изменений.

Кэрмоди сел в машину и покатил. Ночь стала немного светлей, и он увеличил скорость. Его разум вышел из ступора, вызванного недавним потрясением, и заработал по-прежнему четко и быстро.

— Я сказал: «Восстаньте из мертвых», и они восстали, — шептал он сам себе. — Творю, как Бог, направо и налево. На других планетах меня признали бы богом за такие дела, но здесь я один из многих, скиталец в ночи, населенной злобными монстрами.

Дорога тянулась вперед на два километра — прямая, как луч лазера. При обычных условиях Кэрмоди давно бы увидел в конце ее храм Бунты. Но теперь, несмотря на огромный шар луны, катившийся по небу, он различал только темно-пурпурное пятно, которое мрачно маячило на более светлом фоне ночи. На миг он даже усомнился в том, что эта призрачная громадина построена из каменных блоков, а не соткана из бесплотных теней. Однако вскоре все встало на свои места.

Над крышей храма висел диск луны, золотисто-пурпурный в центре и серебристый по краям. Казалось, что огромное небесное тело неотвратимо падает с небес на землю, и это ощущение еще больше усиливали легкие переливы оттенков в пурпурном тумане. Стоило Кэрмоди взглянуть на луну, как она тут же начинала разбухать, заполняя собою пространство. Но когда он отводил взгляд, она съеживалась до обычных размеров.

Он решил не смотреть на этот капризный шар и не тратить на него драгоценное время. Под его подавляющей массой Кэрмоди чувствовал себя ужасно маленьким и беспомощным. Кроме того, он уже знал, как опасно концентрироваться на чем-то в этой грозной темноте, которая могла сожрать его за один присест. Он чувствовал себя крошечной мышью в окружении гигантских пурпурных котов, и ему не нравилось это ощущение.

Кэрмоди встряхнулся, словно хотел избавиться от навязчивой сонливости. «А ведь точная фраза», — похвалил он себя. Те несколько секунд созерцания лунного диска едва не погрузили его в сон или, вернее, чуть не высосали из него рассудок. Луна была пурпурной губкой, которая впитывала силы людей — причем делала это довольно быстро. Кэрмоди находился теперь почти у самого храма Бунты и лишь смутно помнил о том, как проехал полтора километра.

— Эге! — воскликнул он. — Будь осторожен, Джонни. Тут рот не разевай!

Кэрмоди подогнал машину к постаменту статуи, которая возвышалась в центре площади. Широкое основание монумента должно было скрыть автомобиль от глаз тех, кто мог стоять перед храмом или следить из окон за улицей.

Выйдя из машины, он осторожно двинулся в обход постамента. Вокруг, в пределах, ограниченных туманом, не было видно ни одной живой души. Кое-где на мостовой лежали тела людей. Несколько скорченных трупов распростерлись на рампе, ведущей к portalу храма. Кэрмоди решил, что можно рискнуть и выйти из укрытия. Он учел, что среди мертвецов мог прятаться какой-нибудь ловкий малый, который нападал на беспечных прохожих и понемногу увеличивал число валявшихся трупов.

Кэрмоди с опаской двинулся вперед. Проходя мимо раскинувшихся тел, он останавливался над каждым и внимательно осматривал лицо. Его опасения не оправдались. Многие трупы были разорваны на части или изуродованы язвами. Некоторые превратились во что-то невероятное, и это лишило их жизни.

Он прошел мимо тел и поднялся по рампе. Темные колонны портика тянулись ввысь. Их верхние части терялись в клубящемся тумане. Основаниям колонн была придана форма огромных ног — мужских и женских.

А за ногами тайлась тьма — густая безмолвная тень. Но где же жрецы и жрицы? Где хористки, чудотворцы и кричащие кликуши, с головы до ног измазанные своей кровью? Кэрмоди вспомнил, как днем раньше они размахивали ножами и в священном экстазе наносили себе раны. Неужели это было только вчера? Наблюдая за ритуалом, он стоял в многотысячной толпе, а вокруг грохотал неистовый шум. Теперь же здесь царили мрак и звенящая тишина.

Кэриняне, с которыми он беседовал, утверждали, что в этом храме живет Йесс. Неужели правда? Может быть, он бродит сейчас по пустым переходам, ожидая, когда пройдет еще одна Ночь Света? Согласно легенде, Йесс знает, что богиня-мать в любой момент мо-

жет лишить его своей милости. А если победит Эльгуль или кто-то из его последователей, Йесс будет убит. История гласит, что иногда эльгулиты бывают очень сильны. Когда их зло безмерно велико, они могут убить бога Йесса.

И тогда, проснувшись после Ночи, люди увидят нового бога, который станет правителем мира. Они начнут поклоняться Эльгулю. И так будет продолжаться до тех пор, пока одна из Ночей не воскресит бога Йесса.

Сердце Кэрмоди бешено забилося. Какая победа может сравниться с убийством бога? «Смотрите! Вот тот, кто убил божество!» И только он среди многих миллиардов людей сможет похвастаться таким поступком! Он станет величайшим человеком во Вселенной. И если раньше его репутация была уже достаточно высока, — а Джона Кэрмоди знали во всей Галактике, — то какова же она будет после этого? Даже его похищение огневика «Старониф» покажется детской игрушкой в сравнении с таким невероятным подвигом!

Кэрмоди стиснул рукоятку пистолета и постарался расслабить напряженные мышцы. Он прошел между лодыжками каменной женщины и погрузился во мрак, пурпурный цвет которого стусился до черноты. Шаг за шагом он продвигался вперед. Глаза ничего не видели. Оглянувшись назад, Кэрмоди заметил свет, блеснувший между ногами статуи. Там, у входа, тьма казалась не такой густой. Свет блеснул снова и задрожал, как занавеска на ветру.

Кэрмоди зашагал в глубь храма. Ему не хотелось думать об этом дрожащем сиянии, но оно таило в себе какую-то загадочную угрозу, которая одна стоила всех опасностей, встреченных им во время нескончаемой Ночи.

А что, если кто-то проецирует на него это ощущение, намереваясь отрезать ему дорогу назад?

Он замедлил шаг и остановился. Ему не понравилась мысль о том, что кто-то знает о его намерениях и выжидает в темноте удобного момента для нападения.

— Только не пугай себя, Джонни, — прошептал Кэрмоди. — Ты никогда еще так не нервничал. Зачем же волноваться сейчас? Даже если там сам бог, не позволяй ему давить на себя. Плюнь на него, и точка! Какая тебе, к черту, разница — он там или не он? Прими вызов судьбы или сваливай отсюда.

Ладно. Я пойду и покажу этим ублюдкам, кто такой Джон Кэрмоди!

Он и сам не знал, что означала его последняя фраза и кому она предназначалась. Но разве плохо мечтать о полной победе над другими людьми? А пусть даже и плохо. Ему на это наплевать.

Отбросив сомнения, Кэрмоди решил перейти к задуманному. Отчаянный до смерти... Нет, смертельно опасный! Впрочем, в нем хватало и того и этого.

Внезапно, без какой-либо подсказки чувств, он сообразил, что миновал портик и переступил порог храма. Вокруг по-прежнему царили тьма и безмолвие, но он знал, что находится внутри. Ему

вспомнились полированные красные плиты пола, которые тянулись на полкилометра от входа до алтаря. Стены храма казались зеркально-гладкими и плавно переходили в купол потолка, но в отличие от наружных расписанных стен были совершенно голыми, как скорлупа яйца.

Слегка согнув колени, он медленно пошел вперед, готовый в любую минуту отпрыгнуть назад при малейшем звуке или прикосновении. Тьма сгушалась вокруг и, словно вязкая жидкость, вливалась в уши, глаза и ноздри, собираясь внутри, как плотный и тяжелый ком. Кэрмоди обернулся и глянул туда, откуда пришел, но очертания входной арки уже растворились в темноте, будто стали пылью, которая клубилась в лучах беспросветности.

Но он не собирался растворяться в темноте. У него имелась цель, и он сам решал, что ему делать в каждую конкретную минуту.

Путь к алтарю занял много времени. Остановившись на каждом шагу и прислушиваясь к безмолвию, Кэрмоди одолел с полкилометра. Наконец, когда он уже решил, что кружит на месте, его нога коснулась чего-то твердого. Он опустился на колени и ощупал руками плиту, похожую на широкий выступ. Потом встал, поднялся на первую ступень и начал нащупывать ногой вторую. Так, не спеша и осторожно, Кэрмоди добрался до трона.

— Сейчас мы посмотрим, — бормотал он себе под нос. — Трон закрывает собой вход в святилище. Значит, если я пойду от спинки к стене, то найду эту маленькую дверцу, за которой находится...

Ему говорили, что за ней находится Эрга Абунота — святая святых. Чтобы попасть туда, надо было нажать на плиту стены, и камень подавался внутрь. В святилище допускались только избранные из избранных, к которым относились верховные жрецы и жрицы, представители высшей государственной власти и, конечно, аршкеры. Это кэринянское слово переводилось как «прошедшие» и означало тех, кто пережил Ночь Света.

В святилище совершались главные ритуалы и таинства. Именно здесь, если верить рассказам кэринян, родились боги Йесс и Эльгуль. Именно здесь время от времени появлялась великая богиня Бунта. И только тут она предавалась мистическим совокуплениям с семью праведниками или семью грешниками, чтобы затем породить одного из своих сыновей.

Дверь, как понимал Кэрмоди, никогда не запиралась. Ни один кэринянин не посмел бы открыть ее и войти в святилище, если только не считал себя достойным этого. Даже избранные входили туда с большой опаской.

У кэринян существовала пословица: «Бунта всегда голодна, и ей все равно чем питаться». Эту фразу никогда не объясняли — возможно, потому, что многие и сами не понимали ее смысла. А может, люди боялись говорить о том, что подразумевала их любимая пословица. Произнося ее, они всегда осеняли себя кругом, который якобы защищал от гнева Бунты.

Днем раньше Кэрмоди считал, что кэриньянская религия основывалась на обмане и, как все религии Вселенной, выгодно использовала суеверия людей. Теперь он начинал сомневаться в своих суждениях. По всей видимости, некоторые элементы бунтизма имели достоверную основу. На этой чертовой планете происходило много такого, чего не могло произойти нигде.

Его вытянутая рука коснулась стены. Камень казался теплым. Слишком теплым. Как будто с другой его стороны пылало пламя.

Кэрмоди толкнул плиту, и та подалась назад. Дверь открылась. За ней тоже царил непроницаемая темнота.

Он долго стоял, касаясь двери рукой. Ему не хотелось входить и не хотелось оставаться. Если дверь за ним захлопнется, он может оказаться в западне.

— Какого черта! — прорычал Кэрмоди. — Все или ничего!

И, шагнув вперед, закрыл за собою дверь. Та вошла в пазы мягко и совершенно беззвучно. Все это время он касался ее рукой, однако не почувствовал ни малейшего дуновения воздуха. Дверь закрылась. И Кэрмоди понятия не имел, как ее теперь открыть. Он попытался это сделать, но безуспешно.

На миг ему захотелось воспользоваться фонариком и посмотреть, не подбирается ли к нему какая-нибудь сволочь. Это позволило бы ошеломить врага и нанести упреждающий удар. Но, похоже, о его появлении в храме никто не знает. Так зачем же валять дурака и выдавать свое присутствие? Нет, он будет двигаться в темноте, и пусть она станет его союзником. Эй, парни, давайте поиграем в кошки-мышки! Мяу-мяу, я уже иду.

Кэрмоди медленно двинулся вперед, через каждые три шага прислушиваясь к звенящему безмолвию. В висках стучала кровь. Биение сердца казалось тревожным набатом.

Но разве это биение сердца?

Звуки походили на бой далекого барабана, обтянутого мягкой кожей, и приближались к Кэрмоди, повторяя ритм его пульса.

Он медленно повернулся, стараясь определить, откуда доносился звук. Может быть, это слуховая галлюцинация? Или какой-нибудь мотор, работавший в унисон с его сердцем?

А что, если комната имеет некий резонатор, который определяет, усиливает и воспроизводит удары его сердца?

Нет, это абсурд.

Тогда что же тут стучит?

Дуновение воздуха охладило его потное лицо. В комнате не было ни холодно, ни жарко, но Кэрмоди задыхался, будто находился в парилке, и в то же время трясся от озноба. Вдруг он почувствовал странный незнакомый запах и почему-то подумал, что так пахнут древние камни.

Он беззвучно выругался и попытался унять неприятную дрожь. Когда ему это удалось, вокруг него завибрировал сам воздух.

Может быть, это физический аналог того явления, с которым он уже встречался? Кэрмоди вспомнил, как воздух сгустился перед ним

и начинал блестеть, словно жидкое стекло. Неужели сейчас рядом снова возникнет Мэри? В этой темноте, где ни черта не видно?

Он прищурил глаза и оскалился.

«Тогда я снова убью ее, — подумал он. — Разорву на части, чтобы от нее ничего не осталось — ничего, кроме кровавой лужи. Если я разотру ее в липкую слизь, она больше никогда не вернется».

Плкнув на конспирацию, Кэрмоди вытащил из кармана фонарик. Яркий луч скользнул по огромному залу и высветил круг на дальней стене. По каменным плитам телесно-белого цвета змеились темно-красные прожилки.

Перемещая луч, он осматривал пространство вокруг себя. Рядом, возносясь к потолку, стояла шестиметровая каменная статуя. Тело гигантской обнаженной женщины было усеяно множеством набухших грудей. Одной рукой она извлекала из своего чрева младенца, а другой прижимала к себе второго малыша. Тот беззвучно вопил от ужаса, и ему было чего бояться. Мамаша открыла зубастую пасть, намереваясь откусить у ребенка голову.

Остальные дети цеплялись за ее массивный торс. Некоторые лънули к торчащим соскам и сосали грудь. Другие, чья хватка оказалась слабой, падали вниз, так и не утолив голода.

Лицо богини могло бы стать прекрасным пособием для лекций о раздвоении личности. Один глаз, взиравший на ребенка, которого она хотела пожрать, был беспощадным и лютым. Второй, полуприкрытый веком, спокойно и с материнской любовью смотрел на малыша, который покусывал самый верхний сосок. Одна сторона ее лица казалась воплощением любви, другую искажала жестокая гримаса.

— Ага! — прошептал Кэрмоди. — Так вот ты какая, великая Бунта. Зловонный идол шайки мерзких язычников.

Луч фонарика опустился ниже. Два каменных мальчика обнимали ноги богини. Судя по росту, им было лет по пять. Скорее всего это Йесс и Эльгуль, подумал Кэрмоди. Оба ребенка смотрели на мать со страхом и боязливой надеждой.

— И сколько же материнской любви вы получили от нее? — с усмешкой спросил Кэрмоди. — Наверное, не больше, чем я от своей мамы. У-у, сука!

Но его мать, по крайней мере, не возникала перед ним из воздуха, как чертова Мэри. А жаль. Он с наслаждением выпустил бы из нее кишки.

Яркий луч двинулся дальше и осветил алтарь, до половины прикрытый красной вельветовой тканью. Посреди алтаря стоял массивный золотой канделябр. Его круглое основание и толстый черенок обвивала золотая змея. Однако свечи в канделябре не было.

— Я ее доедаю, — вдруг раздался мужской голос.

Кэрмоди повернулся и едва не нажал на курок. Луч фонаря осветил высокого кэринянина, сидевшего в кресле. Его лицо и фигура по местным, да и по земным стандартам были удивительно прекрасными.

А еще он выглядел очень старым. Некогда голубые перьеобразные волосы поседели. Лицо и шею покрывала сеть глубоких морщин.

Он откусил очередной кусок свечи, и его челюсти энергично задвигались, а голубые глаза лениво осмотрели фигуру землянина. Кэрмоди остановился в нескольких шагах от него и спросил:

— Полагаю, ты и есть великий бог Йесс?

— Я уловил язвительность в твоих словах, — ответил кэринянин. — Ты дерзок и нахален. Что касается твоего вопроса, то да, я — Йесс. Правда, ненадолго.

Решив, что старик не представляет непосредственной угрозы, Кэрмоди вновь приступил к осмотру помещения. У дальней стены он увидел арочный проход и ступени, которые вели куда-то вверх. Над аркой, в сорока метрах от пола, находилась галерея. И больше ничего интересного. Святилище содержало в себе только гигантскую статую Бунты, алтарь, канделябр и старика, сидевшего в кресле.

Но кто же он — действительно Йесс или приманка в западне?

— Я действительно Йесс, — ответил кэринянин.

Кэрмоди нахмурился:

— Ты можешь читать мои мысли?

— Только не паникуй. Я не могу читать мысли людей, но мне ясны твои намерения. — Он вновь откусил кусок свечи и, вздохнув, добавил: — «Сон» моего народа тревожен. Людей одолевают кошмары. Страшные чудовища выползают из глубин их естества. Иначе бы ты не оказался здесь. Кто знает, чем закончится эта Ночь? Возможно... триумфом Эльгуля. Он давно уже сгорает от нетерпения в своем долгом изгнании. — Старик осенил себя кругом. — Но если это угодно матери, пусть так оно и будет.

— Мое любопытство может мне дорого обойтись, — проворчал Кэрмоди. И рассмеялся, но тут же замолчал, потому что эхо разносило его смех по залу. Ему на миг показалось, что это стены хочут над ним.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Йесс.

— Ничего особенного, — ответил Кэрмоди и подумал, не убить ли этого старика сейчас, пока есть такая возможность. Если Йесс позовет своих слуг, те вряд ли оставят в живых того, кто вознамерился убить их бога. С другой стороны, этот тип мог оказаться подставной фигурой — незамысловатой приманкой в ловушке настоящего Йесса.

Кэрмоди решил немного подождать, чтобы выяснить все наверняка. Кроме того, ему не хотелось упустить возможность пообщаться с живым божеством.

— Чего ты хочешь? — спросил Йесс и, надкусив свечу, принялся пережевывать воск.

— А разве ты можешь дать мне то, чего я хочу? — поинтересовался землянин. — Не утруждай себя, старик. Я привык добиваться всего самостоятельно. Мне чужда благотворительность: я ничего не беру и ничего не даю за просто так.

— Да, это один из тех немногих пороков, которые ты почему-то отверг, — сказал Йесс. — Так чего же ты хочешь?

— Прямо сказочка о волшебном принце, — с усмешкой ответил Кэрмоди. — Я хочу убить тебя.

Йесс поднял брови:

— Неужели? Я знаю, что ты предан Эльгулю. Зло исходит из каждой поры твоего тела. Оно рвется наружу с каждым ударом твоего сердца, наполняя дыхание и слова. — Взглянув на Кэрмоди, Йесс склонил голову набок. — И все же в тебе что-то есть. Я мог бы назвать тебя несчастным демоном. Эдаким жалким самонадеянным тараканом. Ты готов умереть, доказывая, что живешь не так, как остальные люди. Тебе не хватает...

— Заткнись! — рявкнул Кэрмоди. Но тут же взял себя в руки, улыбнулся и дружелюбно сказал: — А ты прикольный мужик, приятель. Но твои слова не задели бы меня и боком, если бы не те дерьмовые чудеса Ночи, с которыми мне пришлось столкнуться. Они могли бы свести с ума не один десяток людей.

Он прицелился в Йесса:

— Тебе больше не разозлить меня, старик. Но можешь поздравить себя: ты стал одним из немногих, кому удалось завести Джона Кэрмоди. Правда, никто из них не выжил после этого. — Он указал стволом пистолета на огрызок свечи в руке Йесса: — Зачем ты это ешь? Свечи жрут только церковные мыши. Неужели боги, живущие в храмах, так бедны?

— Тебе вряд ли доводилось есть такую бесценную пищу, — ответил Йесс. — Это самая дорогая свеча в мире. Она сделана из праха моего предшественника с добавками пылицы и жира божественной птицы троджар. Наверное, ты знаешь, что птица троджар является священным символом моей матери. На нашей планете их осталось только двадцать. Да что там на планете! Во всей Вселенной! За ними ухаживают храмовые жрицы с острова Вэнтребо.

Каждые семь лет перед наступлением Ночи они достают шепотку праха того Йесса, который умер семьсот шестьдесят три года назад, и смешивают его священные останки с жиром троджара. Изготовленная таким образом свеча вставляется в этот канделябр. Когда жрецы зажигают ее и удаляются, я сажусь в свое кресло и жду — жду, пока миллионы Спящих ворочаются, мечутся и стонут в наркотических снах, а порождения их кошмаров бродят по улицам Кэрина, выслеживая и убивая друг друга.

После того как свеча немного оплавится, я задуваю огонь и в соответствии с древним ритуалом съедаю ее. Таким образом я соединяюсь с умершим богом и возрождаю его в себе или, можно сказать, заново впитываю в себя его божественность.

Когда-нибудь — а возможно даже этой Ночью — я умру. Мою плоть отделить от костей, кости превратят в порошок и, смешав его с жиром троджара, приготовят новую свечу. Через каждые семь лет частица моего тела будет сжигаться как жертва моему народу и богине-матери. Дым от горящей свечи поднимется и наполнит воз-

дух Ночи. А потом я буду сожжен и съеден богом, который придет мне на смену. Если только он окажется Йессом.

Эльгуль не поедает Йесса, как и Йесс не поедает его. Зло жаждет зла, а добро — добра.

Кэрмоди усмехнулся:

— Неужели ты веришь в эти сказки?

— Я знаю, что говорю тебе правду.

— Все это примитивная магия, — возразил Кэрмоди. — А ты, смея называть себя цивилизованным человеком, морочишь головы своим последователям — тупым, суеверным и ограниченным идиотам.

— Это не так. Если бы мы с тобой находились на Земле, твои обвинения имели бы смысл. Но ты уже прожил часть Ночи — что само по себе является для меня дурным предзнаменованием. Ты должен знать, что Ночью возможно все.

— Любое событие объясняется строгими физическими законами, пусть даже и неизвестными нам пока. Впрочем, меня это ни сколько не тревожит. А тебе, старичок, придется умереть.

— Всем нам когда-нибудь придется умереть.

— Но, в отличие от меня, ты подохнешь сейчас! — рявкнул Кэрмоди.

— Мне довелось прожить семьсот шестьдесят три года. Я устал, а уставший бог не нужен людям. Да и матери не нужен слабый сын. Я должен умереть независимо от того, кто победит этой Ночью — Йесс или Эльгуль.

Я готов, чужеземец. Если бы смерть не избрала тебя своим оружием, то нашелся бы кто-нибудь другой.

— Нет, я никому не подчиняюсь! — закричал Кэрмоди. — Ни смерти, ни жизни! Я делаю то, что хочу, и выполняю только свои собственные планы! Мои желания — мои! Ты понял, старая рухлядь?

Йесс улыбнулся:

— Да, я понял тебя, чужеземец. Ты пытаешься разозлить себя, потому что у тебя не хватает храбрости оборвать мою жизнь.

Кэрмоди нажал на курок. От шквала разрывных пуль кресло, в котором сидел Йесс, отбросило назад. Куски окровавленной плоти разлетелись в стороны, усеяли пол, испятнали статую и испачкали лицо убийцы. Голова старика отлетела от тела. Руки взметнулись вверх, безвольно упали, а ноги задергались в конвульсиях. Пули опрокинули кресло, и обезглавленный труп рухнул на пол.

Кэрмоди стрелял до тех пор, пока не опустела обойма. Потом, встав на колени, он положил фонарик на пол и перезарядил пистолет.

Его сердце бешено стучало, руки бесконтрольно тряслись. Это убийство стало его шедевром, пиком карьеры межзвездного авантюриста. Ему приятно было думать о себе как о художнике, великом художнике преступлений — если только не величайшем из всех, что существовали до него! Иногда он смеялся над таким сравнением

и подшучивал над собой. Но еще чаще Кэрмоди верил в это. Да, он — маэстро, и никто теперь не превзойдет его мастерства. Кому еще удавалось убить живого бога?

Кэрмоди даже немного взгрустнул. Что делать теперь, когда он достиг вершины?

Ничего, он что-нибудь придумает. Вселенная велика, и Джон Кэрмоди найдет себе достойную мишень. Теперь ему оставалось лишь выбраться из этой заварухи и вкусить плоды своих трудов.

Чтобы успешно завершить дело, ему требовалось остаться живым и свободным. Произведение искусства считается шедевром только тогда, когда оно закончено и проработано до мелочей. Он должен выбраться из святилища и уйти от возмездия жрецов. Джон Кэрмоди не из тех мотыльков, которые сгорают в пламени свечи ради красоты поступка.

Он достал из кармашка на поясе маленький флакон, осторожно открыл крышку и вылил содержимое на останки тела. Убедившись, что все части трупа политы основательно, он отбросил флакон и вынул из кармана еще один пузырек, вдвое меньше первого. Прикрыв полою куртки лицо, Кэрмоди нажал на головку распылителя. Труп Йесса тут же охватило мощное пламя. Дым поднялся к потолку, и по залу распространился запах горелого мяса.

Кэрмоди рассмеялся. Кэринянам придется пожить без святой свечи из костного порошка их бога. Панпирик будет выделять кислород до тех пор, пока тело не превратится в пепел.

Но осталась еще полусъеденная свеча, которую Йесс выронил при падении. Кэрмоди поднял ее и поначалу решил сжечь вместе с трупом. Но, подумав, усмехнулся и откусил обгрызенный кончик. Свеча имела горьковатый привкус, но была вполне съедобной. Кэрмоди умял ее за милую душу, наслаждаясь мыслью о том, что создает тем самым уникальный прецедент, который будет иметь историческое значение. Прежних Йессов тоже убивали — правда, не земляне. Но, насколько он знал, никто, кроме двух сыновей великой Бунты, еще не ел божественную свечу.

Пережевывая горьковатый воск, Кэрмоди высматривал выход из зала. Языки огня осветили помещение, и за ногами Бунты он заметил нишу и отверстие в стене. Ему даже показалось странным, что он не увидел этого отверстия при первом беглом осмотре. Оно было узким и невысоким, но вполне подходило под рост землянина. Очевидно, проход сворачивал куда-то в сторону, а затем выводил в коридоры храма. Оставалось только протиснуться в него.

И вот тут-то Кэрмоди пришлось пожалеть о своем пристрастии к еде. Живот оказался великоват и застрял в щели, как пробка в горлышке бутылки.

Дергаясь всем телом и выкрикивая бранные слова, Кэрмоди удивлялся, как сюда пролезают другие люди. И тут до него дошло, что здесь мог застрять даже худенький подросток. А значит, это был не проход. Но тогда зачем понадобилось прорубать это отверстие?

Ловушка!

Он вырвался из объятий холодного камня и отступил на несколько шагов. Арочный проход, на вид сделанный из тех же каменных плит, что и стены, начал медленно сжиматься.

Очевидно, часть стены состояла из псевдосиликона. Но догадка не обрадовала Кэрмоди. Он не имел ни малейшего понятия, как теперь выбраться из святилища.

Где-то позади раздались голоса, мужские и женские. Кэрмоди резко обернулся и увидел, что дверь, через которую он вошел, распахнута настежь и через нее входят люди. Первые с ужасом указывали на горящий труп.

Он издал дикий вопль и бросился к вошедшим сквозь черный столб дыма. Его попытались остановить, но Кэрмоди открыл стрельбу. Кэриняне разбежались в стороны. Кто-то из них отскочил назад, скрываясь в пурпурном тумане.

Кэрмоди погнался за ними. Он кашлял; глаза жгло от дыма, и по щекам катились слезы. Но он бежал до тех пор, пока не выскочил на улицу и не спустился по рампе. Легкие наконец очистились от дыма и мерзкого смрада. Он перешел на быстрый шаг.

Примерно через четверть километра ему пришлось остановиться. Что-то лежало перед ним на мостовой. Предмет напоминал человека, но был неподвижным. Кэрмоди медленно приблизился и осмотрел его.

Странная вещь оказалась статуей Бэна Дремона, выполненной в натуральную величину. Кто-то сбросил ее с пьедестала.

Кэрмоди поднял голову и увидел еще одного Бэна Дремона, который стоял на месте сброшенной статуи.

Землянин ухватился за край мраморного постамента, подпрыгнул, подтянулся и без труда взобрался на высокий пьедестал. Сжимая в руке пистолет, он принялся осматривать новую статую.

Нет, то была не статуя. Перед Кэрмоди стоял обычный кэринянин.

Мужчина застыл в том же положении, что и низвергнутый Бэн Дремон. Его правая рука была поднята в приветственном жесте. В левой виднелся жезл. Рот был открыт, словно он выкрикивал команду.

Кэрмоди прикоснулся к его лицу, более темному, чем у обычных кэринян, но гораздо светлее бронзы.

Кожа оказалась твердой, гладкой и холодной и напоминала металл, но металлом не являлась. Взглянув в глаза застывшего человека, Кэрмоди заметил, что зрачки потеряли свою окраску. Это было видно даже в призрачном пурпурном полумраке. Он нажал большими пальцами на глазные яблоки, но они ничем не отличались от бронзы. Тогда Кэрмоди сунул палец в рот мужчины и пощупал язык. Под тонкой металлической оболочкой он почувствовал мягкую плоть. В остальном же рот был сухим и неподвижным, как у настоящих статуй.

Странно, подумал он. Неужели человек может превратить свою протоплазму в твердый сплав? И это при почти полном отсутствии

меди и других металлов! Но если бы даже металлов хватало на выплавку бронзы, какая огромная температура потребовалась бы для этого!

Единственным объяснением было воздействие звезды. Она насытила энергией ту матрицу, которую создало подсознание этого бедолаги, и тело мгновенно превратилось в статую. На протяжении Ночи человеческая психика предавалась безграничному полету фантазии и подсознательно использовала непознанные разумом силы, которые всегда существовали вокруг нее.

Если это так, подумал Кэрмоди, то человек обладает потенциалом божества. Или, если это сильное сравнение, — потенциалом титана. Но титана глупого и слепого — тупого циклопа с катарактой.

Но почему люди могут соприкасаться с этой силой только Ночью? Обладая таким могуществом, они покорили бы всю Вселенную. Безумная свобода! Ничего невозможного! Человек передвигался бы с планеты на планету без космических кораблей. Один шаг из храма Бунты на Радости Данте — и ты уже на земном Бродвее, за полторы тысячи световых лет от этих долбанных кэринян. Любой мог бы становиться кем угодно, творить чудеса, швыряться солнцами, как мальчишки баскетбольными мячами. Пространство, время и материя перестали бы быть неприступными стенами. Они превратились бы в открытые двери.

Человек мог обретать любую форму: к примеру, дерева, как муж мамыши Кри, или бронзовой статуи, как этот придурок. Он мог копать невидимыми руками в глубинах земли, извлекая абстрактные минералы и безвредно выплавляя из них клетки своего тела — причем без топок и жара, без знания химии и биологии.

Но во всем этом существовал один недостаток. Постепенно, исполнив каждое из своих желаний, человек должен был умереть. Совершая чудеса метаморфоз, он не мог бы продлить чуда жизни.

И эта полустатуя тоже умрет, как умрет Скелдер, когда безумная похоть раздует и разорвет чудовищный член, который он отрастил для удовлетворения своих желаний. А может быть, член станет таким большим, что монах превратится в его придаток, сучащий ножками на далеком-далеком конце. Он умрет, как умрет и преподобный Рэллукс, сгорающий в воображаемом огне иллюзорного ада. Они все умрут, если только не выйдут из мертвой петли разума и не затеряются в огромном море телесных изменений.

«А как насчет тебя, Джон Кэрмоди? — подумал он. — Неужели Мэри — это предел твоих желаний? Почему ты так цепляешься за нее? Какой вред может принести тебе ее воскрешение? Другие люди обрекают себя на страдания и гибель. Но в воскрешении Мэри нет ни того ни другого. Неужели ты исключение из правил?»

— Я — Джон Кэрмоди! — шепотом воскликнул он. — Я всегда был, есть и буду исключением!

Откуда-то сзади донесся рев, похожий на лвиное рычание. В ответ раздались крики людей. Рычание повторилось, и тут же кто-то за-

вопил, словно в смертельной агонии. Рев стал громче. Внезапно послышался странный звук, будто где-то рядом лопнул огромный воздушный шар. Кэрмоди смутно почувствовал, что ноги его погрузились во что-то мокрое. Влага ощущалась даже на лодыжках.

Он удивленно осмотрелся вокруг и обнаружил, что луна ушла за горизонт. А значит, скоро поднимется солнце. Неужели он всю ночь стоял на пьедестале и часами предавался пурпурным грезам?

Кэрмоди заморгал и покачал головой. Он вновь поддался чуждому влиянию. Его захватили мысли человека-статуи, и время потекло для него так же медленно и сонно, как для этого бронзового истукана. А еще раньше он испытал алую похоть Скелдера, негу Мэри и ее страсть к монаху-сатиру, удары пуль, разрывавших тело, страх женщины перед смертью, растворение в небытии, горящую плоть Рэллукса и агонию душ, обреченных на вечное проклятие. Да, он чувствовал это, перед тем как стать жертвой статуи и ее минеральной философии. Возможно, он так и остался бы ее пленником, если бы что-то не вырвало его из бесконечных размышлений. Но даже теперь, выйдя из комы, Кэрмоди чувствовал чары этого безмолвного места, где время текло не спеша, наполняя тело и разум сладким пурпурным туманом.

В следующий миг Кэрмоди снова стал самим собой. Он попытался сдвинуться с места и понял, что застрял здесь не только ментально. Палец, который он сунул в рот статуи, теперь был крепко зажат между бронзовыми зубами, и, несмотря на все усилия, руку освободить не удавалось. Кэрмоди не чувствовал боли. Очевидно, палец онемел из-за нарушенной циркуляции крови. Но какая-то боль должна была остаться. Черт! Если он станет размышлять в том же духе, ему придется признать, что его плоть постепенно превращается в бронзу...

Но, вероятно, в тот момент человек-статуя еще не закончил свою трансформацию. Его мягкий язык почувствовал палец Кэрмоди, и кэринянин автоматически, если только не по злему умыслу, начал закрывать металлический рот. Истукан закрывал его медленно, всю ночь. И теперь, когда с восходом солнца этот процесс завершился, его челюсти застыли навсегда. Они уже никогда не откроются, потому что живая душа человека покинула бронзовое тело. Во всяком случае, Кэрмоди больше не улавливал чужих мыслей и проецируемых чувств.

Он быстро осмотрелся, встревоженный не только тем, что попал в капкан, но и тем, что находится вне защиты. Хуже всего было то, что он выронил пистолет. Оружие лежало у самых ног, однако, как он ни извивался и ни вытягивал левую руку, кончики пальцев оставались в нескольких дюймах от желанного предмета.

Кэрмоди выпрямился и обрушил на истукана мощный залп проклятий. Этот взрыв эмоций не имел практической пользы, но Кэрмоди почувствовал, что немного разрядился.

Он осмотрел безлюдную улицу, а затем глянул вниз, припомнив, что ночью его ноги почему-то стали мокрыми. На сандалиях виднелась

засохшая кровь. Она же испятнала зеленые и белые полосы его модных штанов.

— О нет, только не это! — проворчал он, подумав о кровавом гейзере на кухне миссис Кри.

Однако дальнейший осмотр засвидетельствовал, что козни Мэри здесь ни при чем. Кровь принадлежала чудовищу, лежавшему у подножия пьедестала. Его застывшие мертвые глаза смотрели в пурпурное утреннее небо. Монстр был вдвое выше среднего кэринянина, и все его тело покрывала голубоватая перьевидная шерсть. Очевидно, обычный волосяной покров бедняги, почти такой же, как у многих землян, превратился в густые космы. Чтобы удержать огромный вес, ноги утолстились и стали напоминать задние ноги слона. Толстый и длинный хвост походил на хвост тираннозавра. Пальцы деформировались в когти, лицо заострилось и приобрело звериные черты. Увеличившиеся скулы обросли большими выпуклыми мышцами. А в пасти поблескивали острые клыки, намертво вцепившиеся в оторванную руку какого-то неудачника — возможно, одного из тех, кто пал во время боя. Других трупов на улице не было, но на мостовой и тротуаре виднелись большие лужи крови.

Внезапно из-за угла вышли шесть человек и остановились, уставившись на Кэрмоди. У них не было оружия, но что-то в выражениях их лиц встревожило землянина. Он еще раз попытался высвободить палец, яростно дергая его, потя и ругаясь. Но, взглянув на ухмылку и безжизненные глаза статуи, обреченно вздохнул. Будь этот истукан из плоти и крови, он быстро уговорил бы его разжать зубы. Но теперь, став по-металлически беззаботным, этот мертвый и негибаемый упрямец не слышал ни просьб, ни оскорблений.

Кэрмоди стиснул зубы.

«Если они мне не помогут, придется пожертвовать пальцем, — подумал он. — А я не вижу причин ожидать от них помощи. Остается одно: вытащить из кармана нож...»

Один из мужчин, будто читая мысли Кэрмоди, насмешливо сказал:

— А ты отрежь его, землянин. Отрежь, если не боишься изувечить свою драгоценную плоть.

И тут Кэрмоди узнал в этом парне Тэнда.

Он не успел ответить, поскольку все шестеро начали выкрикивать презрительные насмешки, издеваясь над его бедственным положением. Они спрашивали, сколько он надеется получить за этот забавный спектакль. Они свистели и хохотали, хлопая друг друга по спинам и ляжкам в типичной манере кэринян.

— И это ничтожество думает, что ему под силу убить великого бога! — прокричал Тэнд. — Он напоминает мне мальчишку, рука которого застряла в горшке с вареньем. Вы только посмотрите на этого выдающегося богоборца!

«Спокойнее, Кэрмоди, спокойнее. Им не удастся тебя разозлить».

Однако слова, даже самые прекрасные, всегда остаются только словами. Он устал, ужасно устал. Гордая свирепость покинула его

вместе с силой. Ноги у него болели и едва держали тело. Ему казалось, что он стоит тут целую вечность.

Внезапно Кэрмоди охватила паника. Сколько же времени он торчит на этом пьедестале? Сколько времени уже прошло, и сколько его осталось до окончания Ночи?

— Тэнд, — сказал один из мужчин. — Неужели ты думаешь, что этот болван имеет силу?

— Вспомни, что он сделал, — ответил Тэнд и, повернувшись к Кэрмоди, закричал: — Ты убил старого Йесса, приятель! Он знал о том, что произойдет, и рассказал мне об этом перед наступлением Ночи. И вот теперь, собравшись вшестером, мы ищем седьмого, чтобы стать семьей любовниками богини и породить нового Йесса.

— Значит, ты солгал мне! — рывкнул Кэрмоди. — Сказал, что отправляешься «спать», а сам и не думал этого делать!

— Если ты вспомнишь мои слова, то поймешь, что я не лгал тебе. Мои речи были правдивыми, хотя и уклончивыми. Ты просто неверно их понял.

— Друзья, — сказал один из спутников Тэнда. — Мы только зря теряем время и даем врагу преимущество, о котором потом горько пожалеем. Этот человек, несмотря на огромное могущество, обладает грязной душой. Я даже сомневаюсь, что он вообще ее имеет. Но если она у него и есть, то такая маленькая и ничтожная, такая трусливая и затерянная в глубинах темного зла, что даже не может признать свое существование и взять на себя ответственность за содеянное.

Его слова показались остальным настолько смешными, что все они вновь захохотали и начали отпускать язвительные замечания.

Кэрмоди задрожал от гнева. Презрительные насмешки долбили его, как шесть молотков: один за другим, потом все вместе, а затем опять по очереди. Их воздействие усиливалось в несколько раз, потому что он не только слышал слова, но и чувствовал силу, которую они несли в себе. Кэрмоди как бы выступал в роли приемника и усилителя. И это он, который считал себя выше любых насмешек и презрения. В какой-то жуткий миг Кэрмоди понял, что его высокомерие было лишь жалким барьерчиком, которым он пытался отгородиться от других людей. И сейчас этот барьер рухнул.

Устало и безнадежно он вновь принялся выдергивать палец из рта статуи и вдруг увидел еще шестерых, которые шли по улице в его сторону. Они были безоружными и вели себя с той же самоуверенностью, что и мужчины из первой группы. Не обращая внимания на Тэнда и его спутников, они остановились перед пьедесталом.

— Это он? — спросил один из них.

— Думаю, да, — ответил другой.

— Его нужно освободить.

— Нет — если он хочет стать одним из нас, то пусть освободит себя сам.

— Но если он захочет примкнуть к нашим соперникам, они сделают все, чтобы освободить его.

— Эй, землянин! — крикнул третий. — Тебе оказана великая честь. Ты первый из чужеземцев, который удостоился такого почета.

— Идем! — закричал четвертый. — Идем с нами в храм! Ты познаешь счастье в объятиях богини и станешь одним из отцов Эльгуля — истинного повелителя этого мира.

Кэрмоди немного поуспокоился. Очевидно, он был нужен не только второй группе, но и первой. Правда, если первые и пытались привлечь его на свою сторону, то делали это весьма странно.

Но самым странным ему показалось то, что ни один человек в обеих группах не был отмечен каким-либо знаком добра или зла. Все они выглядели красивыми, стройными и уверенными в себе. Единственное отличие состояло в том, что люди, упоминавшие Йесса, чувствовали себя хозяевами положения. Они не боялись потерять достоинства и весело смеялись по любому поводу. На фоне их поклонники Эльгуля отличались мрачностью и угрюмой чопорностью.

«Я позарез нужен и тем и другим», — подумал Кэрмоди.

— А что вы дадите мне, если я пойду с вами? — спросил он громко, обращаясь сразу ко всем.

Первые шестеро переглянулись и пожали плечами.

— Мы не можем дать тебе ничего такого, чего ты не мог бы взять сам, — ответил Тэнд.

Представитель второй шестерки, высокий и слишком уж красивый юноша, гордо произнес:

— Когда мы войдем в храм, возляжем с Бунтой и станем отцами ее темного сына Эльгуля, ты познаешь истинное блаженство, которое нельзя описать словами. Затем, все те годы, пока ребенок будет взрослеть и становиться богом, ты сможешь оставаться одним из его регентов, и в этом мире тебе ни в чем не откажут...

— А кроме того, — перебил его Тэнд, — ты обретишь вечный страх, что тебя когда-нибудь прикончат завистливые недруги, которые лишены таких богатств и возможностей. Ни для кого не секрет, что семь грешных отцов Эльгуля будут плести против друг друга интриги и заговоры. В конце концов им придется перейти к открытой вражде, и из семерых выживет лишь один — тот, который станет жертвой Эльгуля в день его совершеннолетия. Боги не терпят смертных отцов.

— А что мешает одному из отцов убить самого Эльгуля? — спросил Кэрмоди.

Сквозь фиолетовый туман он заметил, что лица поклонников злого бога побледнели. Они озадаченно переглянулись.

— Хотя Эльгуль рождается ребенком, которого нужно нянчить и кормить, он с самых первых дней является богом, — ответил Тэнд. — И, будучи божеством, становится суммой и сутью тех душ, которые его порождают. Поскольку большинство людей мечтают о вечной жизни, он, воплощая это желание, обретает бессмертие и обладает им до тех пор, пока живы его создатели. Но, будучи богом зла, он не доверяет своим отцам и убивает каждого из них. А после

их смерти начинает стареть и тоже со временем умирает. Получив потенциал бессмертия, он губит его в день своего рождения, потому что семена зла, заложенные в нем, распускаются цветами недоверия и ненависти.

— Все это понятно, — сказал Кэрмоди, — но отчего же тогда старится и умирает добрый бог Йесс?

Поклонники Эльгуля рассмеялись.

— Прекрасно сказано, землянин! — воскликнул их вожак.

Обращаясь к Кэрмоди как к малому ребенку, Тэнд терпеливо ответил:

— Несмотря на свою божественную сущность, Йесс продолжает оставаться человеком. Он ограничен возможностями тела из плоти и крови, и поэтому его бытие всегда определено внутри этих рамок. Как и каждый человек, он должен умереть. Но Йесс также является суммой и сутью преобладающих черт людей, которые порождают его. Причем участвует в формировании его тела и души не меньше семи отцов. Сны Спящих и их коллективная сила влияют на то, каким станет бог, рожденный в эту Ночь, — какими будут его душа и облик. Если Спящие больше тяготеют ко злу, то скорее всего родится Эльгуль. Если чаша весов склоняется в сторону добра, то рождается Йесс. Поэтому семь отцов не являются решающим фактором. Они лишь проводники той воли, которую формируют два миллиарда Спящих нашей планеты. — Тэнд замолчал и посмотрел на Кэрмоди, словно хотел вдохновить его своей искренностью. — Буду с тобой честен, — добавил он. — Нам необходимо твое участие главным образом потому, что ты землянин — человек с другой звезды. Мы, кэриняне, лишь недавно стали задумываться о религиях иных миров и о том, что они означают. Мы поняли, что Великая мать, или Бог, Первопричина, или Создатель Вселенной, не ограничивается только нашим облаком пыли. Творения богини разбросаны везде.

Поэтому Спящие, зная, что они не одиноки во Вселенной, и понимая, что у них есть братья на других бесчисленных планетах, пожелали сделать одним из отцов чужеземца с иной звезды. Возрожденный Йесс уже не будет прежним. Он будет отличаться от своего предшественника, как сын отличается от отца. Мы надеемся, что в какой-то мере он унаследует твое понимание Вселенной и, управляя нами, научит нас жить в мире с детьми различных солнц. Благодаря ему и его наследию мы станем лучше и сильнее. Вот почему ты нужен нам, Кэрмоди. — Тэнд указал на своих соперников: — Эти шестеро тоже хотят, чтобы ты стал седьмым — но по другой причине. Если ты станешь одним из отцов Эльгуля, тот распространит свою власть на другие миры, и его отцы получат свою долю награбленного.

Кэрмоди почувствовал надежду и алчность, которые вдохнули в его уставшее тело свежие силы. Захватить богатейшие миры и низить их на шнур пространства, как драгоценные жемчужины в ожерелье! Обладая могуществом регента великого Эльгуля, он мог бы делать все что угодно! Без всяких ограничений!

И тут вторая группа решила, что пришло время действовать, и обрушила на Кэрмоди объединенную силу своих чувств. И тот, оторвавшись, зашатался от этого удара.

Тьма, тьма, тьма...

Экстаз...

Он, Джон Кэрмоди, будет таким, каким хотел быть всегда: недостижимым и сильным, дерзким, целеустремленным и сметающим все на своем пути. Ему не будут угрожать телесные превращения. Он останется неизменным, с таким же телом, разумом и душой. Да, он, Джон Кэрмоди, закалится в пламени темного экстаза, и никакие изменения не устрашат его. Целые народы будут умирать вокруг; звезды будут остывать и угасать, а планеты — замедлять свой бег и падать на свои светила, тогда как он, великий Джон Кэрмоди, по-прежнему будет странствовать по огромной Вселенной, бродить по вновь рожденным планетам и наблюдать, как они взрослеют, старятся и умирают. Он всегда будет одним и тем же, сегодня и завтра — неизменный Джон Кэрмоди, твердый и яркий, как алмаз.

Но тут за него взялась первая группа. Вместо того чтобы, как копьем, пронзить его объединенной волей, они сняли свои защитные барьеры и открылись ему. В них не было ни угрозы, ни жажды насилия, и они не скрывали замыслы, подобно последователям Эльгуля. Эти люди открылись ему целиком — до самых глубин своего существа.

Джон Кэрмоди не мог пройти мимо них. Скорее голодный тигр прошел бы мимо привязанного к дереву козленка.

Свет, свет, свет...

Экстаз...

Но в этом вечном экстазе не было прочной основы и твердых углов. Безмерное чувство угрожало разорвать его на тысячи кусков, распылить и растворить их в бесконечности.

Безмолвно закричав от сладкой муки, он попытался собрать себя из тысячи осколков и соединить их в единое целое, чтобы снова стать Джоном Кэрмоди. Боль саморазрушения казалась невыносимой.

Боль? Но она была и экстазом. Разве боль и экстаз — одно и то же?

Кэрмоди не знал ответа на этот вопрос. Он лишь понял, что должен держаться подальше от слуг лукавого Йесса. Их открытость была опаснее любой обороны. Чего они хотели? Уничтожить Джона Кэрмоди?

— Да, — ответил Тэнд, хотя Кэрмоди не сказал ни слова. — Сначала ты должен умереть. Раствори образ прежнего Джона Кэрмоди и создай себе новый, лучший облик. Пусть заново рожденный Йесс станет лучше старого убитого божества.

Кэрмоди резко отвернулся от обеих групп и, достав из кармана нож, нажал на кнопку. Из рукоятки выскочило лезвие, похожее на голубовато-серый язык — язык змеи, которая должна была сожрать его палец.

Он не знал, как иначе избавиться от хватки бронзовых зубов.

И он сделал это.

Было больно, но не так сильно, как он ожидал. Да и крови вытекло гораздо меньше, чем ему представлялось. Кэрмоди мысленно сжал кровеносные сосуды, и те подчинились, закрываясь, как цветы в ожидании ночи.

Но отрезать палец оказалось не просто. Он задыхался от усилий, будто пробежал с десяток километров. Ноги дрожали. Лица стоявших внизу людей расплылись в неясные пятна. Две кучки белых невыразительных пятен. Он уже не различал их.

Вожак сторонников Эльгуля шагнул вперед и вытянул руки.

— Прыгай, Кэрмоди! — радостно воскликнул он. — Прыгай! Я поймаю тебя. А потом мы разгоним этих слабаков, отправимся в храм и займемся делом...

— Подожди!

Женский голос, прозвучавший за его спиной, был громким, требовательным и в то же время очень музыкальным.

Все замерли.

Кэрмоди посмотрел через головы мужчин и увидел Мэри.

Мэри, живая и невредимая, какой он видел ее перед тем, как выпустить в прекрасное лицо обойму разрывных и беспощадных пуль. Она ничуть не изменилась. Кроме одного. Живот ее стал еще больше и, наверное, созрел, чтобы дать начало новой жизни.

Вожак сторонников Эльгуля воззрился на Кэрмоди:

— Кто эта землянка?

Кэрмоди подошел к краю пьедестала и хотел было ответить, но Тэнд опередил его:

— Она была его женой. Кэрмоди убил ее и сбежал сюда. В первую Ночь «сна» он создал ее и снова убил.

— О-о-о! — поразились сторонники Эльгуля и отступили на шаг.

Кэрмоди изумленно уставился на них. Очевидно, информация Тэнды содержала какой-то смысл, которого он не понимал.

— Джон! — прокричала Мэри. — Нет смысла убивать меня снова и снова. Я всегда буду оживать и приходить к тебе. Скоро у меня родится ребенок, которого ты так не хотел. Он появится через час. На рассвете.

Тихо и с дрожью в голосе, которая выдавала огромное напряжение, Тэнд спросил:

— Так кем же он будет, Кэрмоди?

— Кем? — машинально повторил Джон.

— Да, — подойдя к пьедесталу, сказал вождь второй группы. — Мы хотим знать, кем он будет? Ииссом или непобедимым Эльгулем?

— Ах вот оно что! — отозвался Кэрмоди. — Богиня экономна, как сама природа. Зачем трудиться над созданием ребенка, когда вот он, под рукой.

— Да! — громко сказала Мэри, и ее музыкальный голос прозвучал как бронзовый гонг. — Но неужели ты хочешь, чтобы наше

дитя стало похоже на тебя? На застывшую темную душу? Или ты дашь ему тепло и свет?

— Человек! — воскликнул Тэнд. — Неужели тебе не ясно, что ты уже сделал выбор? Разве ты не знаешь, что у нее нет мозга и что она говорит языком твоей души? Прислушайся к ее словам! В них то, о чем ты думаешь и чего желаешь в глубине сердца! Ибо ты вложил эти слова в ее уста! И лишь по твоему приказу шевелятся ее губы!

Кэрмоди покачнулся и едва не упал, но не от слабости и не от голода и жажды.

Свет, свет, свет... Огонь, огонь... Растворись в огне и свете. Сгни, как феникс, и возродись к новой жизни.

— Держи меня, Тэнд, — прошептал Кэрмоди.

— Прыгай, — ответил кэринянин и громко рассмеялся.

Смех и ликующие крики его спутников прозвучали как «аллилуйя».

Сторонники Эльгуля в ужасе завопили и бросились врассыпную.

Туман стал реже и превратился в бледно-фиолетовый. Над горизонтом появился огненный шар, и в тот же миг фиолетовый цвет сменился белым — как будто кто-то сдернул вуаль с лица планеты.

Те из сторонников Эльгуля, которые не успели скрыться, вдруг зашатались и упали наземь. По их телам пробежали конвульсии. Кости с хрустом трескались, и кровь хлестала из рваных ран. Через несколько секунд их тела на мостовой перестали шевелиться.

— Если бы твой выбор был другим, — сказал Тэнд, поддерживая ослабевшего Кэрмоди, — в пыли валялись бы мы.

Окружив Мэри плотным кольцом, они направились к храму. Беременная женщина часто останавливалась, сгибалась в приступах боли и хваталась за плечи мужчин. Шагавший за ней Кэрмоди закусывал губу и стонал, переживая каждую из ее схваток. Впрочем, он был в этом не одинок: остальные тоже стискивали зубы и прижимали руки к животам.

— А что с ней будет потом? — шепотом спросил он у Тэнда.

Кэрмоди знал, что вопросом своим не смутит Мэри, ибо она не имела разума и была ведома мыслями семи святых отцов. Но он шептал — и шептал потому, что ощущал в себе чувства других людей.

— Родив Йесса, она выполнит свою миссию, — ответил кэринянин. — И умрет, когда закончится «сон». Сейчас она жива, потому что мы вливаем в нее свои силы и нам помогает бессознательная воля младенца. Надо торопиться. Скоро из своих подвалов выйдут «спящие». Не увидев во «сне» победу Йесса, они не будут знать, плакать им или смеяться от счастья. Мы не должны оставлять их в неведении. Нам нужно попасть в святилище храма. Там мы ляжем на ложе Великой матери и совершим мистический ритуал святого совокупления. Это неопишемое переживание, которое лишь можно испытать. А затем эта женщина, созданная из твоей ненависти и любви, родит ребенка и умрет. А мы обмоем его, завернем в покрывало и покажем всему народу.

Он дружески похлопал Кэрмоди по руке и вдруг сжал ее, когда начались новые схватки. Джон не почувствовал силы пожатия. Он сражался с собственной болью, которая жгла и ранила его нутро, поднимаясь и отступая чередой могучих волн. И все же эта боль была ничем в сравнении с благоговейным экстазом, который охватывал его при мысли о том, что он давал жизнь настоящему богу.

Боль была светом и огнем. Она взрывалась миллионами искр и растворялась в безмерном пространстве. Но паника прошла. Осталась лишь радость, которую он никогда дотоле не испытывал. И, погружаясь в огонь и свет, Джон Кэрмоди знал, что в конце этого растворения он должен стать единым целым с остальными шестью людьми.

Сквозь эту боль, эту радость и эту уверенность в нем зрело решение заплатить за все, что он натворил в жизни. Но Кэрмоди не желал погружаться в мрак самонаказания, раскаяния и ненависти к себе, ибо то была цена больных и убогих. Он уже отказался от себя прежнего и от того, чем занимался в прошлом. И теперь он знал свою заветную цель. Эта вселенная все еще относилась к людям как холодная машина, а не как веселый и улыбчивый друг. Но ситуацию можно было изменить.

Он еще не думал о средствах. Все это придет само. А сейчас он был поглощен последним актом великой драмы — драмы Сна и Пробуждения людей.

Внезапно он увидел двух мужчин, которых никогда уже не ожидал встретить. Перед ним стояли Рэллукс и Скелдер. Те же — и все-таки другие. Лицо Рэллукса больше не было искажено болью. Ее сменило умиротворение. Грубость и непреклонность Скелдера исчезли без следа, и на устах его сияла добрая улыбка.

— Значит, вы тоже пережили Ночь? — хрипло прошептал Кэрмоди.

И с удивлением заметил, что первый по-прежнему носил монашескую рясу, а второй был одет в цветастый кэринянский наряд. Ему хотелось узнать, почему один остался верным, а второй отступил, но он не сомневался, что оба поступили правильно и мудро, иначе они не пережили бы Ночь. О том же свидетельствовали и лица обоих землян, и сейчас было неважно, какие пути ожидали их впереди.

— Вы тоже прошли через это, — прошептал Кэрмоди, удивляясь такому чуду.

— Да, — произнес один из них.

Но Кэрмоди не мог разобрать, кто ответил ему, потому что все казалось смутным и выбким, как во сне. Реальной была лишь боль, расpirавшая его живот:

— Да, мы оба прошли сквозь огонь. И едва не погибли на этом пути. Ты ведь знаешь, на Радости Данте каждый получает то, чего он действительно хочет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Значит, я должен вернуться на Кэрин? — спросил отец Кэрмоди. — Через двадцать семь лет!

Пока кардинал Фэскинс рассказывал ему о том, чего от него хочет Церковь, Кэрмоди сидел тихо, как мышь, но внутри у него все кипело. То и дело он взмахивал руками, точно собирался улететь. Ему действительно хотелось улететь от кардинала и всего, что тот в себе воплощал.

Наконец он не выдержал, вскочил и принялся нервно расхаживать взад и вперед по пластиковому полу с узором под дерево. Не зная, куда девать руки, он сначала сцепил их за спиной, потом сложил на животе — они ему явно мешали.

Внешне Кэрмоди почти не изменился и по-прежнему оставался невысоким человечком, похожим на дикобраза. Но теперь он носил темно-бордовую мантию священника ордена Святого Джейруса.

Кардинал Фэскинс застыл в кресле и, повернув голову, пристально наблюдал за метаниями Кэрмоди. Зеленоглазый, крючконосый, он напоминал старого ястреба, который не уверен, что одолеет жертву, но на свой страх и риск решил все-таки напасть. Лицо старика было морщинистым, волосы — седыми. Пять лет назад он добровольно отказался от своего поста: сто двадцать семь лет давали себя знать.

Внезапно Джон Кэрмоди остановился перед кардиналом и, нахмурившись, спросил:

— Вы действительно считаете, что только я могу справиться с этой миссией?

— Вы подготовлены к ней лучше всех. — Фэскинс выпрямился и вцепился в подлокотники кресла, словно намеревался вскочить и броситься в атаку. — Я уже говорил вам, почему это настолько неотложно. И думал, что возвращаться к этому не придется. Вы умный человек. Вы посвятили свою жизнь Церкви. Иначе вашу кандидатуру не выдвинули бы на должность епископа.

Упрек, хоть и невысказанный, был воспринят священником и быстро рассмотрен. Кэрмоди знал, что его решение жениться вновь, почти сразу же после того как Церковь отказалась от целибата, очень сильно разочаровало кардинала. Фэскинс делал все, чтобы Кэрмоди стал епископом на колониальной планете Вайлденвули.

Он вел непрестанную полемику с теми, кто считал, что Кэрмоди слишком непоследователен в своих методах обращения в христианство. Никто не сомневался в ортодоксальности его веры, но способы, которыми он действовал, были сплошной импровизацией и вольностью. Разве мог такой, мягко выражаясь, «оригинал» носить митру епископа?

А потом, когда Кэрмоди едва не получил это звание, он женился и тем вывел свою кандидатуру из списка претендентов. И обвинения недругов, казалось, были доказаны. Но кардинал никогда не укорял Кэрмоди напрямую.

Теперь Джон Кэрмоди гадал, не хочет ли кардинал использовать «предателя» как рычаг для воздействия? Или он чувствует себя виноватым в том, что задумал?

Фэскинс взглянул на светло-желтые цифры, мелькавшие на табло в конце огромного зала.

— У вас есть два часа, чтобы собраться в дорогу, — сказал он. — И если вы хотите попасть в космопорт вовремя, поспешите. — И снова замолчал, не отрывая глаз от настенных часов.

Кэрмоди тихонько засмеялся:

— Что же мне делать? У меня нет приказа, вы попросили меня стать добровольцем. Очень хорошо. Я сделаю это. Вы же знали, что я вам не откажу. Ладно, пойду собираться. Но я должен сообщить Анне об отъезде. Это известие ее не обрадует.

Фэскинс неловко развел руками:

— Жизнь священника нелегка. Она знает об этом.

— Да, думаю, знает, — ответил Кэрмоди. — Она рассказала мне о вашей беседе после того, как я попросил у вас разрешения жениться. Вы нарисовали ей весьма неприглядную картину.

— Простите меня, Джон. — Фэскинс чуть заметно улыбнулся. — В жизни не все случается так, как нам хочется.

— Да... Кстати, вы известны своей молчаливостью. «Немногословный Фэскинс» — вот как вас называют. Но Анну вы просто сразили своим красноречием.

— Простите еще раз.

— Ладно, забудем об этом, — сказал Кэрмоди. — Все это в прошлом. Но мне немного жаль Анну. Я ужасно жалею, что не женился на ней на несколько лет раньше. Я крестил ее, как вы знаете, и она всю жизнь провела в моем приходе. — Он немного помолчал, а затем добавил: — Она беременна. Это еще одна причина, по которой мне не хотелось бы ее волновать.

Кардинал не ответил.

— Простите меня, — пробормотал Кэрмоди. — Через десять минут я буду готов. Вот только позвоню Анне и вызову ее домой. Она может отправиться в космопорт с нами.

Кардинал поднялся, заметно волнуясь:

— Думаю, мне не стоит ехать с вами, Джон. Вам надо хоть немного побыть вдвоем, и вы сможете сделать это только по дороге.

— Делать нечего, — сказал священник. — Вы и так намучились со мной. Однако я не намерен скучать в одиночестве. Анна может полететь со мной до Трамплина. Там придется долго ждать попутного корабля, и мы побудем с ней наедине. Так что можете поехать до космопорта с нами!

Кардинал пожал плечами. Кэрмоди налил ему еще одну порцию виски и направился в спальню. Там он достал чемодан и бросил его на постель. Впрочем, ему сгодится и небольшой чемоданчик. Анна, хоть ее путешествие и не будет таким длинным, возможно, захочет взять два больших для себя. Ей нравилось всегда быть готовой к неожиданным отъездам. Раскрыв два чемодана, Кэрмоди нажал на крохотную кнопку на плоском диске, закрепленном на запястье. Центр диска замерцал, и послышался тонкий гудок.

Не желая попусту тратить время, Кэрмоди принялся собирать чемоданы. Прошло минут десять; вещи были собраны, а Анна все не отвечала. Кэрмоди беспокоился. Включив большой видеотелефон на столике у кровати, он набрал номер миссис Ружен. Та ответила сразу и, увидев, кто звонит, улыбнулась:

— Отец Джон! Я только что хотела вам позвонить. Анна просила передать, что она поехала по магазинам и вернется примерно через полчаса. Я думала, что она уже дома.

— Нет, она еще не приехала.

— Может быть, она отключила телефон и забыла снова включить его. Вы же знаете, какая она рассеянная, особенно теперь, когда так много думает о ребенке. О святые небеса! Элис снова плачет! Я побегу к ней. Когда найдете Анну, позвоните мне, а если она вернется сюда, я скажу ей, чтобы позвонила домой.

Кэрмоди тут же позвонил в модный салон Рейнкорда. Клерк ответил, что миссис Кэрмоди ушла пятнадцать минут назад.

— А она не говорила, куда направляется?

— Да, отец Кэрмоди. Она собиралась ненадолго заскочить в госпиталь. Хотела навестить мистера Авгуса. Она сказала, что он все никак не поправится после того несчастного случая.

Кэрмоди с облегчением вздохнул:

— Большое спасибо.

Потом он позвонил на вокзал Святого Джейруса. В ту же секунду дежурный на экране с благоговением воззрился на основателя госпиталя.

— Миссис Кэрмоди уехала пять минут назад. Нет, отец Кэрмоди, она не сообщила, куда направляется.

Кэрмоди снова позвонил миссис Ружен.

— Боюсь, вы увидите Анну раньше, чем я. Попросите ее немедленно позвонить мне. Это очень важно.

Он положил трубку, но беспокоиться не перестал. Что же случилось? Может, телефон неисправен? Возможно, но маловероятно. Аппарат никогда не отказывал, даже не барахлил ни разу. Его можно было испортить разве что ударом молотка. Впрочем, Анна могла его отключить. Должно быть, миссис Ружен права. Допустим, Анна

сняла устройство, когда мыла руки, хотя ни мыло, ни вода нисколько ему не вредили, а потом просто забыла надеть.

А может, микротелефон похитил какой-нибудь воришка? Ведь по вполне понятным причинам их развелось нынче немало.

Кэрмоди вернулся к чемоданам. Анне, конечно, не понравится такой беспорядок, да и выбор одежды вряд ли ее обрадует, но у нее не останется времени самой подбирать себе гардероб.

Наполнив и закрыв один чемодан, он приступил ко второму, но тут зазвонил телефон. Кэрмоди бросил блузку, которую только что снял с вешалки, торопливо набрал код и подошел к экрану, хотя это было и не обязательно. Но ему нравилось видеть того, с кем он говорит, даже если разговор велся по телефону. А сейчас ему особенно хотелось увидеть Анну.

На экране возникло лицо полицейского. Кэрмоди охнул и согнулся, словно от удара ножом.

— Сержант Левис, — представился полицейский. — Прошу прощения, но у меня для вас плохие новости, отец Кэрмоди... Ваша жена...

Кэрмоди молча смотрел на мрачное скуластое лицо Левиса, машинально отмечая в то же время, что над головой полицейского вертится какая-то мошка.

«От них никак не избавиться, — ни к селу ни к городу подумал он. — Наука вступила в двадцать второй век, а мошкара продолжает размножаться и по-прежнему мешает людям, несмотря на все наши усилия».

— ...Татуировка с опознавательным знаком отсутствует, поэтому мы не можем официально опознать ее, хотя лицо не пострадало и на месте происшествия оказались люди, знавшие вашу супругу, — говорил сержант. — Мне очень жаль, но вам надо приехать в участок и принять участие в официальном опознании.

— Что? — выдохнул Кэрмоди: слова полицейского наконец дошли до его сознания.

Анна уехала из госпиталя на своей машине, и через несколько кварталов под сиденьем водителя взорвалась бомба. Уцелела только верхняя часть тела, но руку, на которой находилась опознавательная татуировка, разнесло на части.

— Спасибо вам, сержант, — ответил Кэрмоди. — Сейчас я к вам приеду.

Он отошел от телефона и вышел в гостиную. Увидев его бледное лицо и обвисшие плечи, кардинал вскочил с кресла и ненароком смахнул со стола бокал.

Упавшим голосом Кэрмоди сообщил Фэскинсу о том, что случилось.

На глаза кардинала навернулись слезы. Позже, уже придя в себя, Кэрмоди осознал, как сильно любил его этот суровый старик. Сам Кэрмоди не уронил ни слезинки. Он как будто оцепенел, лишь руки, ноги да изредка язык двигались автоматически.

— Я поеду с вами, — сказал кардинал. — Но сначала позвоню в космопорт и отменю ваш рейс.

— Не делайте этого, — попросил Кэрмоди.

Он вернулся в спальню, взял свой чемоданчик и вышел в гостиную. Кардинал удивленно посмотрел на него.

— Я должен лететь.

— Но в таком состоянии вы ни на что не годны.

— Знаю. Но я попытаюсь.

В дверь позвонили. Вошел доктор Аполлониос с пакетом в руке.

— Извините, отец Кэрмоди, — сказал он. — Вот возьмите, это должно вам помочь.

Он сунул руку в карман пиджака и вытащил пачку таблеток. Кэрмоди покачал головой:

— Я справлюсь сам. Кто вас вызвал?

— Я, — ответил вместо доктора Фэскинс. — Думаю, вам надо взять таблетки.

— Ваш авторитет кардинала не распространяется на дела медицины, — возразил Кэрмоди.

Послышался тихий удар гонга. Кэрмоди поставил чемоданчик на пол и, подойдя к небольшому шкафчику в стене, достал крошечный цилиндр.

— Почта, — ни к кому не обращаясь, сказал он и заглянул в шкафчик, проверяя, нет ли там еще чего-нибудь.

Красноватая лампочка погасла. Он закрыл дверцу и вернулся к своему чемодану, сунув письмо в сумочку, висевшую на поясе.

По пути в морг кардинал сказал:

— Мне очень не хотелось просить вас лететь на Кэрин. Но поскольку вы сами этого хотите, я не буду возражать. Анна...

— ...была единственным человеком, а от меня зависят судьбы миллиардов других людей, — перебил его Кэрмоди. — Да, я знаю.

Кардинал сказал, что не улетит сегодня вечером, как планировалось раньше. Несмотря на настоятельную необходимость вернуться в Рим, он останется здесь и позаботится о похоронах. А также сделает все, что полагается, включая полицейское расследование. И после отбытия Кэрмоди на Кэрин надеется получить от него новости — по почте или с оказией, все равно — о результатах миссии.

— Полиция, — апатично произнес Кэрмоди. — Я не могу понять: кто так люто ненавидит меня, что решил убить Анну? У нее не было врагов. Но если полиция не освободит меня от допросов, я не успею на звездолет.

— Оставьте эти заботы мне, — сказал Фэскинс.

Многое из того, что происходило потом, Кэрмоди тоже не мог понять. Приподняв в морге простыню, он секунду флегматично смотрел на обугленное лицо с открытым ртом. Потом повторил капитану полиции то, что сказал кардиналу. Нет, у него не было ни малейшего представления о том, кто мог подложить бомбу. Кто-то вернувшийся из прошлого Кэрмоди хотел убить Анну.

Два священника ехали на такси в космопорт. По пути они миновали штаб-квартиру ордена Святого Джейруса на Вайлденвули. Двадцать три года назад здание стояло на окраине небольшого го-

рода. Теперь оно находилось в центре одного из крупных городов планеты. Там, где раньше не было зданий выше двух этажей, теперь возвышались кварталы двадцатипятиэтажных домов. Там, где человек проходил от центра города до окраины за двадцать минут, теперь он шагал бы с рассвета до заката. Все улицы были покрыты асфальтом, как и большинство дорог, ведущих к фермам. Когда Джон Кэрмоди впервые приехал сюда как мирской брат ордена, то, выйдя из космопорта, тут же испачкал в грязи сандалины. И здания городка были выстроены из досок и известняка...

Анна. Если бы он не женился на ней, то сидел бы сейчас за огромным столом в главном офисе и координировал бы церковные дела на всей планете, которая была больше Земли. Правда, и сейчас население Вайлденвули насчитывало всего пятьдесят миллионов, но, когда Кэрмоди появился здесь впервые, оно было в пятьдесят раз меньше. Здесь был настоящий простор для работы. А Земля была так перенаселена, что люди жили друг у друга на голове.

Анна. Если бы она не вышла за него замуж, то сейчас была бы жива. Но когда Кэрмоди выразил сомнение в том, что поступает правильно, предлагая ей руку и сердце, она ответила, что уйдет в монастырь, если не станет его женой. Он засмеялся и сказал, что она слишком романтична и витает в облаках. Ей был нужен мужчина. И если бы не Кэрмоди, то со временем она нашла бы себе другого.

Это была их первая серьезная ссора, после которой они оказались в объятиях друг друга. А на следующий день Кэрмоди отправился на Землю с ежегодным отчетом о проделанной работе. Он провел там две недели, а затем улетел, радуясь, что покинул Землю, и с нетерпением ждал встречи с Анной.

Ватикан стал кубическим зданием, каждая сторона которого тянулась на полмили. В нем обитал не только Папа, но и работали миллионы людей, которые обслуживали руководство Церкви на Земле и сорока колонизированных планетах. А этих людей и их семьи тоже надо было кому-то обслуживать. Кроме того, в этом здании находился второй по величине компьютер, уступавший лишь искусственному мозгу Буджуму, который работал на Федерацию.

Остальная часть Рима тесно ютилась вокруг Ватикана. Вечные Семь холмов давно сровняли с землей. Тибр бежал по пластиковой трубе на нижних уровнях города.

Изменения происходили постоянно, и в людских делах, и во всей Вселенной. Мужчины и женщины рождались и умирали... Анна!

Кэрмоди вскрикнул и заплакал, словно огромные руки сжали ему горло и выдавили из глаз слезы. Кардинал смущенно замер, но потом прижал голову священника к своей груди и стал гладить его по волосам, невнятно шепча слова утешения. Наконец старик и сам заплакал.

Когда такси подъехало к космопорту, Кэрмоди уже немного успокоился и сидел прямо, вытирая глаза платком.

— Теперь со мной все в порядке. Во всяком случае, пока. Я рад, что получил разрешение лететь. Если бы я остался, это добило бы

меня вконец. Каким примером я был бы для тех, кого должен поддерживать в горе? Или для тех, кто слушает мои проповеди о том, что смерти надо радоваться, а не печалиться, поскольку мертвых ожидает благодать, ибо они уходят из этого мира, полного зла и соблазнов? Теперь я знаю, как мало стоят такие слова. Пока человек страдает, они не приносят никакого облегчения.

Кардинал ничего не ответил.

Минутой позже они добрались до космопорта. Это было пятиэтажное строение, занимавшее тридцать акров и построенное главным образом из белого мрамора, добытого в горах Визару — примерно в сотне километров от столицы. В огромном зале ожидания толпились люди и гуманоиды с разных планет Федерации. Многих из них привели сюда государственные и торговые дела. Остальные были просто состоятельными особами, которые могли себе позволить лететь рейсом первого класса. Часть здания занимал отдел иммиграции, где уже не было видно пассажиров в дорогой и модной одежде.

Два священника медленно пошли сквозь толпу. На многих из присутствующих красовались «медузы», или живые парики, которые, завиваясь кольцами, создавали различные прически и имели часовой цикл прохождения через спектр из ста тысяч цветов. Другие были одеты в полуплащи с пламенеющими «башенками» плеч из материала, издававшего мелодичный звон, тональность которого изменялась в зависимости от температуры воздуха и атмосферного давления. Несколько стариков щеголяли в цветастых штанах, остальные носили модные «колодцы», на которых то появлялись, то исчезали фотографии владельца в различные периоды жизни, а также некоторые его персональные данные и краткая биография. Одна роскошно одетая дамочка имела «колодцы», которые изображали выдающиеся моменты ее жизни в виде мультфильма.

Кэрмоди попрощался с его преосвященством, который собирался вернуться в город и начать приготовления к похоронам. Кардиналу нужно было еще продиктовать несколько писем помощникам в Ватикане и объяснить причины своей задержки.

Каждый межпланетный путешественник должен был пройти через пункт досмотра; проверка занимала полчаса. Кэрмоди разделся и положил одежду в агрегат, который осуществлял санитарную обработку. В секции физиологического осмотра ему пришлось неподвижно простоять две минуты, пока сканеры неосознано ощупывали его тело. В конце концов ему выдали сертификат, свидетельствующий об удовлетворительном состоянии здоровья, и вернули одежду с биркой контроля. Кэрмоди снова надел треуголку, жесткий белый воротничок, блузу, традиционные шорты и темное трико. С этого момента и до посадки на корабль он уже не имел права покидать эту часть космопорта.

Среди прочих вещей, прошедших проверку, ему отдали письмо. Женский голос из динамика сообщил, что ему пришло еще одно письмо — с Земли от Мкуки. Кэрмоди осмотрел конверт со своими

именем и адресом и обнаружил внизу подпись — «Р. Располд». Но читать не стал, а сунул оба письма в сумочку на пояс.

К этому времени его паспорт и другие документы прошли проверку и были признаны подлинными и законными. Потом Кэрмоди подписал официальную бумагу, чем освободил правительства Вайлденвули и Федерации от ответственности в случае его гибели или несчастного случая на Кэрин. Он также получил страховой полис за полет к Трамплину и написал завещание. Половина его имущества причиталась ордену, четверть дочери (родившейся за два года до того, как он стал священником) и четверть правительственному агентству, которое координировало развитие резервации разумных, но еще примитивных аборигенов на Вайлденвули.

Все эти формальности были закончены за несколько минут до объявления посадки на звездолет «Белый мул», небольшой лайнер частной компании «Межзвездные линии Сэксвелла». Так что времени на разглядывание соседей у Кэрмоди почти не осталось. Он успел лишь заметить, что их четверо и трое высадятся не на Кэрин, а на промежуточных планетах. Единственным пассажиром, который тоже летел на Кэрин, оказался Рафаэль Абду. Это был человек среднего роста, около двух метров, и среднего телосложения с несуразно большими ступнями и кистями. Широкое мясистое лицо, темная кожа, волнистые каштановые волосы и слабо выраженный эпикант свидетельствовали о том, что среди предков Абду были монголы. Согласно записям, он родился на Земле и пробыл на Вайлденвули несколько недель. Его бизнесом были экспорт и импорт, а эти два слова могли означать все что угодно.

Голос из динамика попросил отлетающих сесть в кресла. Через минуту помещение, в котором находились пассажиры, переместилось из здания космопорта и примкнуло к шлюзу «Белого мула». Лайнер представлял собой полусферу, плоская часть которой стояла на гравиевой посадочной площадке. Белая оболочка из непроницаемого для радиации пластика сверкала в лучах вечернего солнца Вайлденвули. Когда передвижная капсула присоединилась к лайнеру, оболочка «Белого мула» раскрылась у основания, и появился шлюз. Капсула мягко въехала в отверстие, и ее передняя дверь раскрылась сама собой. На пороге возник офицер в зеленой форме «Сэксвелла» и поприветствовал пассажиров.

Их провели в небольшое помещение, единственным элементом обстановки которого являлся зеленый ковер, а затем в большую комнату. Это была кают-компания, но торговые автоматы для заказа коктейлей еще не работали. Потом пассажиры прошли в другое помещение, где каждому вручили по небольшому документу. Кэрмоди взглянул на листок и небрежно сунул его в карман. Ничего нового в бумажке не значилось — он уже наизусть знал краткую историю «Линий Сэксвелла» и перечень процедур и требований для пассажиров.

На корабле находились три пассажирские палубы: первого, второго и третьего классов. Кэрмоди получил билет в третий класс —

этого требовала экономия средств, которую практиковал его орден. Салон третьего класса представлял собой огромное помещение, похожее на зрительный зал, экран которого в этот момент демонстрировал вид снаружи корабля. Места располагались по два ряда, между каждой парой рядов шел проход. Большинство из восьмисот кресел оказалось занято, и в зале было шумно от болтовни и криков. На миг Кэрмоди пожалел, что не летит первым классом, где он имел бы персональную каюту. Но, поскольку сожаления были бесполезными, он уселся в одно из свободных кресел.

К нему сразу же подошла стюардесса и, убедившись, что пассажир пристегнулся ремнем, спросила, читал ли он правила. Не хочет ли принять космическую таблетку? «Нет, — ответил Кэрмоди. — Мне ничего не требуется».

Девушка улыбнулась и перешла к следующему пассажиру. Кэрмоди услышал, как тот попросил таблетку.

На экране появилось улыбающееся лицо пилота. Он поприветствовал пассажиров на борту «Белого мула» — «прекрасного корабля, который не имел ни одной аварии и за десять лет ни разу не выбился из графика полетов» — и предупредил, что взлет займет около пяти минут, после чего вновь повторил просьбу стюардессы крепче пристегнуть ремни и, сказав пару слов о месте следующей посадки, отключился.

Экран потемнел, а через секунду в воздухе перед ним образовалась трехмерная проекция Джека Уэнека, популярного комика. Слушать его Кэрмоди не захотел, а потому не стал нажимать на кнопку, которая подала бы остроты Уэнека к наушникам. Однако он чувствовал потребность как-то отвлечься. Но ему было необходимо нечто иное, чем развлечение, что-то такое, от чего горе предстало бы перед ним в другом свете. Чтобы успокоить душевную боль, он нуждался в ощущении беспредельности, благоговения и какого-то чуда.

Сунув руку под сиденье, Кэрмоди взял с подставки устройство, похожее на шлем с козырьком-экраном, и, надев его на голову, опустил панель экрана. В наушниках тут же послышался голос офицера «Белого мула»:

«...обеспечивает индивидуальный просмотр таким образом, что соседние пассажиры не увидят того, что им не требуется. Некоторые люди, используя этот прибор в первый раз, впадают в состояние истерии или шока...»

Внутренняя сторона экрана в шлеме засветилась, и Кэрмоди увидел космопорт — белое здание с настенной живописью, озаренное заходящим солнцем. Люди смотрели в окна и махали руками стоявшему на взлетной площадке «Белому мулу».

«...Ежедневно из этого космопорта вылетает более десятка кораблей. И ежедневно такое зрелище, как это, привлекает внимание сотен и даже тысяч обитателей каждой планеты Федерации. Впрочем, остальных планет тоже, поскольку гуманоиды так же любопытны, как земляне. Даже опытные путешественники, служащие

портов и экипажи других кораблей не перестают любоваться этой завораживающей картиной...»

Кэрмоди нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла: он слышал такие преамбулы уже тысячу раз.

— С вами все в порядке, сэр? — послышался откуда-то сбоку другой голос.

— Что? — встрепенулся Кэрмоди, но тут же смущенно засмеялся и ответил: — Да-да, все в порядке. Просто мне уже надоела эта лекция. Я сделал больше сотни прыжков.

— Тогда понятно, сэр. Извините, что побеспокоил вас.

Кэрмоди усилием воли заставил себя успокоиться и, откинувшись на спинку кресла, принялся следить за происходящим на экране.

В наушниках вновь раздался голос офицера:

«...Три, два, один, старт!»

Зная, что сейчас произойдет, Кэрмоди постарался не моргать. Космопорт исчез. Планеты Вайлденвули и ее яркого светила тоже не стало. Над черным столом повисли бокалы с терпким вином: красные, зеленые, белые, голубые и фиолетовые. Из темноты свирепо тарасились одноглазые чудовища космических джунглей.

«...примерно за пятьдесят тысяч световых лет, если эта фраза вам о чем-то говорит. Планета размером с Землю слишком далека, и ее невозможно разглядеть, а ее солнце затерялось среди миллионов других звезд, щедро разбросанных по всей Вселенной. Как сказал великий поэт Джанелли: “Вечно искрящиеся мысли в уме Господа Бога”».

А теперь внимание! Наш корабль готовится к прыжку. Протейновый компьютер, который я вкратце описал несколько минут назад, сравнивает координаты дюжины распознаваемых планет, каждая из которых излучает уникальный спектр цветов и имеет известные пространственные соотношения с другими светилами. Искусственный мозг этого суперсложного компьютера определит наше местоположение, а затем нацелит корабль на следующий прыжок...»

На экране Кэрмоди появились тонкие горизонтальные и вертикальные полосы.

«Каждый квадратик этой решетки для вашего удобства обозначен числом. Квадрат номер пятнадцать, почти у центра, содержал светило Вайлденвули несколько секунд назад. Теперь оно перемещается под углом в сорок пять градусов через квадрат номер шестнадцать. Смотрите, леди и джентльмены, оно становится ярче, но не потому, что мы приближаемся к нему, а потому, что мы усилили сигнал для вашего удобства...»

Желтая искра пробежала ниже более крупной светло-голубой точки и вошла в угол пятнадцатого квадрата. Потом скользнула к черте решетки, остановилась на середине и прыгнула к центру квадрата.

Кэрмоди вспомнил, как увидел это впервые много лет назад. Тогда он почувствовал резкую боль в животе, словно у него отрезали

пуповину, или, вернее, грубо оторвали, а затем отбросили в безмерное пространство. Он растерялся, растерялся, как никогда в жизни

«Местоположение солнца Вайлденвули относительно других ориентиров-звезд определено и обработано компьютером. Чтобы совершить следующий прыжок через так называемое подпространство, или антипространство, корабль готовился несколько миллионов микросекунд. Но капитан отложил прыжок, заботясь об удовольствии пассажиров: “Межзвездные линии Сэксвелла” хотят, чтобы гости увидели то, что происходит за бортом “Белого мула”.

Следующий прыжок перенесет нас еще на пятьдесят тысяч световых лет, и мы выйдем из антипространства в сотне километров от верхних границ атмосферы следующего промежуточного пункта нашего маршрута — планеты Магомет.

Такая точность обусловлена огромным количеством полетов, которые “Белый мул” совершил между Вайлденвули и Магометом. Конечно, с момента последнего рейса относительные позиции двух планет изменились. Но цезийные часы координирует компьютер, а расстояние и угловые координаты определяются по положению соотвествующих планет, поскольку данные последнего полета сравниваются с текущими расчетами. Нажав на небольшую кнопку, капитан даст приказ всему навигационному комплексу “Белого мула” завершить расчеты за долю микросекунды и автоматически направить корабль в новый прыжок».

Офицер выдержал паузу.

«Вы готовы, леди и джентльмены? Я начинаю отсчет...»

Минимальный прыжок — по причинам, которых Кэрмоди не понимал, — равнялся длине космического корабля. Максимальный зависел от числа транслирующих генераторов и доступной мощности. За один прыжок «Белый мул» мог перелететь из родной Галактики куда-нибудь в Андромеду. Полтора миллиона световых лет одолевались так же быстро, как кусочек проволоки неудержимым потоком электронов. Расстояние от Вайлденвули до границы атмосферы Кэрина планировалось пролететь за четыре маневра — с полным «реальным» временем полета, составляющим шестьдесят секунд. Но владельцы «Белого мула» были больше заинтересованы в притоке денег, чем в демонстрации мощи своего корабля. Поэтому на пути к Кэрину были предусмотрены еще две остановки на других планетах.

Чернота и пылающие шарики мигнули. Кэрмоди вновь ощутил себя луком планеты, вечно натянутым пальцами гравитации. Вокруг заплескался безбрежный океан солнечного света, вдали виднелись очертания похожего на черепаху континента и белизна облачных масс, напоминавших огромный старый шрам на черепащем панцире.

Несмотря на весь свой предыдущий опыт, Кэрмоди отшатнулся. Казалось, массивное небесное тело падало прямо на него. Потом, как всегда, он почувствовал восхищение от этой видимой легкости и уверенности маневра. Комплекс искусственно выращенных клонов, лишь в три раза превышавший размерами его собственный мозг,

вывел «Белого мула» точно в заданное место. Компьютер направил прыжок таким образом, чтобы судно выпрыгнуло, как кролик из шляпы, в опасной близости от верхних воздушных слоев Магомета, по касательной к движению планеты и с той же скоростью полета. Кроме того, «Белый мул» оказался над тем полушарием, где планировалось совершить посадку.

Кэрмоди моргнул. Картина искривилась. Еще одно движение век. Экран заполнили большое озеро, горная цепь и несколько облаков. Корабль рокотал еще несколько секунд и, когда компенсаторные двигатели замолчали, наконец успокоился.

Миг — и горная цепь с озером увеличились в размерах. На западном берегу виднелась паутина городских улиц, а в центре ее — несколько огромных белых и круглых пятен, похожих на яйца паука. Посадочные площадки.

Там, на поверхности планеты, показанной сверху, «Белый мул» был виден как вспышка света. Но через несколько секунд послышался мягкий хлопок, вызванный первым перемещением слоев воздуха, когда «Белый мул» вышел из антипространства в атмосферу. Потом корабль стал выглядеть как большой диск, и за первым акустическим ударом последовали второй и третий.

Вскоре корабль замедлил падение и легко, как воздушный шар, опустился на посадочную площадку под номером шесть.

Несмотря на двухчасовую остановку, Кэрмоди не покинул корабль. Ему не хотелось проходить процедуру дегазации при повторной посадке; кроме того, он собирался прочитать два письма, лежащих в сумке, но больше всего хотел побыть наедине с самим собой. В коктейль-баре он заказал бурбон в высоком бокале, а затем плотно закрыл за собой дверь кабинки. Пару раз глотнув освежающий напиток, он вытащил письма и несколько минут перебирал пальцами почтовые цилиндры: его обычно решительное настроение куда-то исчезло. «Какое же прочитать первым?» — думал он, словно принимал очень важное решение. Потом любопытство взяло верх, и он вставил письмо без обратного адреса в аппарат для просмотра — небольшой ящик, висевший на стене.

Там же на крючке висел «чтец» — легкая пластиковая полусфера с экраном. Кэрмоди надел ее на голову, опустил на глаза экран-забрало и нажал на кнопку.

Экран замерцал. Зрелище, появившееся на нем, заставило Кэрмоди выпрямиться, и ему тут же захотелось выключить аппаратуру. Перед ним возникла маска, выглядевшая как портрет пострадавшего при несчастном случае.

Хриплый мужской бас произнес:

«Кэрмоди, это письмо от Фрэтта. Сейчас твоя жена уже мертва. Ты не знаешь, за что ее убили и кто это сделал, но я тебе все объясню.

Много лет назад ты ослепил Фрэтта и убил его сына. Ты сделал это жестоко и злобно, без всякой необходимости, тогда как мог бы осуществить свои злобные планы и иным образом.

Теперь, если ты стал хоть немного человечнее и испытал чувство любви — что очень сомнительно, — ты должен узнать, как говорил Фрэтт о погибшем сыне.

Однако на этом твои страдания не кончатся. Все случится так, как с твоей женой. Ты не узнаешь, где и как умрешь. Но ты должен знать, что погибнешь от руки Фрэтта.

Эта смерть не будет легкой и быстрой — твоей жене очень повезло, что она погибла при взрыве. Ты же будешь умирать медленно, мучительно; ты заплатишь за все, что сделал. Ты испытаешь те же страдания, что и Фрэтт — твоя невинная жертва.

Теперь ты знаешь, кто убил твою жену и кто все эти годы думал только о мести.

Теперь ты знаешь, кто никогда не забывал о тебе, о проклятой и подлой твари!»

Голос умолк, и экран погас.

Кэрмоди дрожащей рукой поднял забрало и, тяжело дыша, устался на мраморную стену. Итак, его догадки оказались верными. Кто-то из старых врагов не забыл, каким он был в старые и злобные деньки. И мстил за то, что он творил тогда. Кэрмоди потерял жену и огромное счастье. О Анна, бедная Анна...

Он снова опустил на глаза экран и еще раз просмотрел письмо. На сей раз ему стало ясно, что диктовавший послание не являлся самим Фрэттом. А вот мужчиной он был или женщиной, оставалось непонятно. Говорящий намеренно обходил этот вопрос стороной, как избегал любого упоминания о времени и месте совершенного Кэрмоди преступления.

— Фрэтт? Фрэтт... — шептал он. — Это имя ничего для меня не значит. Я не помню никакого Фрэтта, хотя у меня прекрасная память. Но те несколько лет были так заполнены событиями и людьми, а я был таким безжалостным к своим жертвам. О Боже, прости мне мои грехи. Я убил многих и еще больше измучил, даже не зная их имен.

Поэтому я могу и не помнить Фрэтта. Я могу вообще не знать его, или ее, имени. Сын Фрэтта? Возможно, это подсказка. Но я мог даже не знать, что этот Фрэтт имел сына. О Боже!

Он сделал еще один большой глоток, и ему страшно захотелось навсегда забыть о своем прошлом. Он давно уже не был тем Джоном Кэрмоди, которого знал Фрэтт. Имя и тело могли оставаться прежними, но внутри он не был тем самым Джоном Кэрмоди. Тот человек погиб. Умер на Кэринне.

Но другие-то не умерли. Они не простили его и никогда о нем не забывали.

Кэрмоди допил бурбон. В данный момент он ничего не мог предпринять. Но теперь, по крайней мере, он будет осторожен. Фрэтт так легко его не достанет. Он не будет пассивной жертвой, и его не обессилили раскаяние или надежда искупить гибель других людей собственной смертью. Он не из тех, кто безропотно ложится на жертвенный алтарь своей совести.

Он ударил кулаком по крышке стола и едва не разбил бокал. Черт с ним, с этим Фрэттом! Когда Кэрмоди приходил в бешенство, становиться у него на дороге не следовало никому. Это больше чем Фрэтт мог сказать о себе. Если раньше Фрэтт стал невинной жертвой, то теперь этот тип преступник.

«Но именно я несу ответственность за то, что он обратился к злу, — подумал Кэрмоди. — Это я возбудил его ненависть. Возможно, я поломал Фрэтта настолько, что он потерял все доброе, что было в нем, как я когда-то потерял все злое. Возможно, он превратился в чудовище, каким был я. Воздействие и реакция. Карусель судьбы — забава богов. Что бы ни случилось и ни случится, я несу вину за это преступление».

Тем не менее он почувствовал, как сила разлилась по его венам. «И аз воздам», — сказал Господь. Но он использовал то оружие, которое побеждает месть.

— Нет, — прошептал Кэрмоди и покачал головой. — Я слишком расчетлив. Мне полагается простить и возлюбить врага, как брата. Все это я проповедовал годами, а значит, должен вести себя именно так. Во всяком случае, пока я так считаю.

Он еще раз ударил кулаком по крышке стола.

— Нет, я ненавижу этого Фрэтта! Ненавижу! О Боже, как я его ненавижу.

А может, это ненависть к самому себе?

— О Боже, — повторил он. — Укажи мне, где я заблуждаюсь!

Он отодвинул бокал и, позвав официантку, попросил принести еще один бурбон.

Когда заказ принесли, Кэрмоди вытащил из прибора послание Фрэтта и вставил в щель письмо Располда. На экране появилась гостиная сыщика на шестнадцатом уровне Денвера. Сам Располд не сидел лицом к экрану. Такой же нервный и энергичный, как Кэрмоди, он не мог провести на одном месте больше пары минут.

Располд, эта рапира во плоти, был высоким, стройным мужчиной с гладкими черными волосами, темно-кариими глазами, блестящими и острыми, как два томагавка, и длинным, как у ищейки, носом. На нем был надет алый комбинезон с черным воротником, который выдавал в нем служащего «Межзвездных линий Прометея». Кэрмоди не удивился этому, поскольку видел детектива во многих обликах.

Располд на миг остановился, махнул рукой Кэрмоди и сказал:

«Привет, Джон, старый негодяй! Прости, буду немногословен».

Бегаючи назад и вперед, он заговорил низким баритоном:

«Я решил уделить тебе несколько минут, и нет смысла рассказывать, как долго я иду по этому чертову следу. Кроме того, корабль, который повезет мое послание, отправляется в ближайшие полчаса».

Выполняя это задание — а ты видишь, как я одет, — я случайно узнал нечто не относящееся к делу, но очень важное. Поверь мне,

серьезное и важное. Группа богатых и фанатичных мирян твоего вероисповедания — прости, что говорю об этом, — решила прикончить Йесса, бога Кэрина. Никто из них не собирается расправляться с живым божеством собственноручно, но они наняли профессионала, а возможно, и нескольких. Во всяком случае, один из них настоящий профи. Мне о нем ничего не известно. Но в одном я уверен точно: он убийца с Земли. Если задуманная ими операция пройдет успешно или даже если наемника поймают, последствия окажутся печальными.

Я не могу заняться этим делом сам, поскольку связан договором по рукам и ногам и должен выполнить свое задание до конца. Мне удалось связаться с парнями из 3-Е, и они обещали послать своих агентов на Кэрин. И, возможно, предупредят Йесса и местные власти. Хотя они могут этого и не сделать, потому что не захотят порождать конфликт между Землей и этой планетой.

Я решил, что, может, ты захочешь вмешаться. Я говорю так потому, что наемный убийца может оказаться типом, который прошел через Ночь Света и стал эльгулитом, то есть весьма злобным и опасным преступником. Ему мог бы противостоять только человек той же закалки, а особенно землянин. Конечно, информация о его приверженности Эльгулю — это только мои подозрения, основанные на слухах. Да и вряд ли такое возможно. Я ничего не знаю о Кэрине, чтобы говорить о чем-то с уверенностью.

Если убийца не пережил Ночь, то он постарается выполнить заказ до ее наступления. Поэтому у него, а следовательно, и у тебя, не так уж много времени.

Возможно, ты решишь проигнорировать мое предупреждение. Не исключено, что Йесс может сам о себе позаботиться. Но я все-таки подготовил для тебя список имен самых известных профессиональных убийц. Ты никого из них не знаешь. Все авторитеты твоих дней либо мертвы, либо сидят, либо напрочь завязали, как ты».

Располд назвал с десяток имен, описал внешности и дал каждому краткую характеристику.

«Удачи тебе, приятель, и мое благословение. В следующий раз, когда залетишь на Землю, надеюсь, что и я окажусь там в тот момент. Было бы приятно увидеть еще разок твою уголовную морду, а ты мог бы получить удовольствие, лицезрея мои благородные римские черты и слушая мои блестящие высказывания, наполненные юмором и потрясающей эрудицией. А пока прощаюсь с тобой. Ату его!»

Кэрмоди снял шлем и потянулся за второй порцией бурбона. Но прежде чем коснуться бокала, рука его замерла. Не время напиваться. И не только потому, что надо брать в расчет Фрэтта, — поскольку этот тип мог оказаться на корабле, — но и потому, что возникла еще одна большая проблема. Кардинал предупреждал его о таком повороте событий. Если подозрения Располда верны — а тот не стал бы болтать попусту, — Церкви угрожала еще большая опасность, чем предполагал кардинал. Убийство Йесса членами

Церкви вызовет взрыв гнева, который превратится в настоящий катаклизм.

— Глупцы! — тихо выругался Кэрмоди. — Ослепленные ненавистью глупцы!

Он всунул в щель две монеты, и устройство извергло из себя чистый бланк для письма. Кэрмоди повернул экран к стене у стола, поставил бланк в воспроизводящее устройство, бросил в щель еще три монеты и нажал на кнопку записи. Продиктовав письмо кардиналу, он подозвал официантку и спросил, нельзя ли передать послание на корабль, следующий курсом на Вайлденвули. Та принесла формуляр, который Кэрмоди подписал и заверил отпечатком пальца, поскольку подобная отправка писем была очень дорогой, а у него не имелось наличных, чтобы заплатить за такую услугу.

Потом Кэрмоди отправился в мужской туалет и принял дозу чистого кислорода, чтобы скорее сжечь в крови алкоголь. Туда же зашел и Абду, бизнесмен по импорту-экспорту, который летел с Вайлденвули.

Кэрмоди попробовал побеседовать с Абду, но тот оказался человеком неразговорчивым и, кроме «да», «неужели?» да нескольких междометий, не вымолвил ни слова. Кэрмоди отказался от попыток развязать язык попутчика и вернулся на свое место в салоне.

Прикрыв глаза и не обращая внимания на фильм, который показывали на экране, он просидел так минут десять, после чего его покой нарушили.

— Падре, это место свободно?

Перед ним стоял молодой священник из ордена иезуитов и скалил в улыбке длинные зубы. Высокий и стройный, он имел аскетическое лицо, светло-голубые глаза, темные волосы и бледную кожу, а его акцент походил на ирландский. Юноша представился как отец Пол О'Трэди из Нижнего Дублина и сообщил, что его приход находится на западном среднем уровне города Мехико, а он сам лишь год как окончил семинарию. В данный момент он летит на Трамплин, чтобы помочь разобраться в сложившейся там ситуации.

О'Трэди честно признался, что очень нервничает.

— Я чувствую себя не только оторванным от Земли, но от самого себя. Как будто меня разодрали на несколько кусков. Мне кажется, что я такой крошечный, незначительный, а все вокруг — неизмеримо большое.

— Привыкнете, — ответил Кэрмоди.

Ему не хотелось разговаривать, но он не мог не успокоить этого молодого несчастного парня.

— Многие испытывают такие же чувства. Готов поспорить, что таких на этом корабле больше половины. Может, вам лучше выпить? До старта еще осталось немного времени.

О'Трэди покачал головой:

— Нет. Я не хочу напиться.

— Напиваться! — отозвался Кэрмоди. — Не будьте наивны, сын мой. Если вам это нужно, значит, нужно. Тогда все встанет на свои

места: дрожь в коленках прекратится, и небеса станут такими же голубыми, как на Земле. Стюардесса!

— Вы, наверное, считаете меня попросту испуганным мальчишкой, — заметил О'Грэди.

— Да, считаю, — ответил Кэрмоди и, увидев, что молодой священник расстроился, улыбнулся: — Но я не считаю вас трусом. Вот если бы вы отказались лететь, тогда да. Но вы летите, а значит, преодолели свою слабость.

О'Грэди немного помолчал, размышляя над словами Кэрмоди.

— Я так нервничал, падре, что забыл спросить ваше имя.

Кэрмоди представился.

Глаза О'Грэди округлились.

— А не тот ли вы отец Кэрмоди, который... стал отцом...

— Продолжайте.

— Лжебога кэринян — распутного Йесса?

Кэрмоди кивнул.

— Они сказали, что вы летите на Кэрин с какой-то миссией! — вскричал О'Грэди. — Они сказали, что вы собираетесь осудить Йесса и доказать людям ложность бунтизма.

— О ком вы? — мягко спросил его Кэрмоди. — И постарайтесь говорить немного тише.

— А-а, об этом каждый знает. — О'Грэди махнул рукой, вероятно, имея в виду всю Вселенную.

— Ватикану было бы интересно узнать, насколько хорошо хранятся его самые важные секреты, — заметил Кэрмоди. — Но, к вашему сведению: я не собираюсь осуждать Йесса.

О'Грэди сжал руку Кэрмоди и сказал:

— Надеюсь, вы не собираетесь отречься от нашей веры и вступить в ряды бунтистов?

Кэрмоди с трудом высвободил руку.

— Это еще одна из сплетен? — холодно осведомился он. — Нет, я признаю, что в бунтизме есть некоторые интересные аспекты. Но моя вера нерушима. Возможно, она ставит кого-то в тупик или вызывает вопросы, но она нерушима. И вы можете передать это остальным.

— У нас возникли большие проблемы на Трамплине, — сказал О'Грэди. — Число наших бывших прихожан, принявших бунтизм, настораживает. Я боюсь даже говорить о том, как велика эта цифра, но поверьте мне, она настораживает.

— Да, вы упомянули об этом дважды, — ответил Кэрмоди.

— Падре, а может, вы немного задержитесь на Трамплине и прочтете несколько проповедей. Нам нужен такой человек, как вы. Человек, который бывал на Кэрине и раскрыл обман так называемых чудес и так называемого бога.

— У меня нет времени, — ответил Кэрмоди. — К тому же вы нуждаетесь разочаровать вас. Так называемые чудеса реальны, а является Йесс спасителем своей планеты или нет — на этот вопрос не может ответить даже сам Папа. До сих пор не может. — Он при-

гнулся, глядя на экран, но фактически ничего не видя, и сказал: — Я прошу вас помалкивать о нашей встрече и беседе. Моя миссия должна остаться в секрете. Только я и некоторые руководители Церкви знают о ней, хотя, как вижу, слухи уже поползли. Это единственная вещь во Вселенной, которая распространяется быстрее света. Но если вы проболтаетесь о нашем разговоре, то будете строго наказаны и лет на двадцать прервете свою карьеру священника. Поэтому держите язык за зубами!

О'Треди моргнул, его лицо покраснело и вытянулось. Но, к облегчению Кэрмоди, в это время раздался сигнал к взлету, и капитан начал зачитывать приветствие.

Остаток пути до Трамплина О'Треди только и делал, что боялся заговорить. Когда «Белый мул» совершил посадку, Кэрмоди решил прогуляться по космопорту. Ему хотелось размять ноги и взглянуть на то место, с которым некогда он был хорошо знаком. К тому же это была последняя «нормальная» планета, которую он увидит на какой-то период времени.

За десять лет порт изменился так же, как и город за ним. Белые конусы были созданы почти вымершими бобрами — теплокровными животными, которые, как и термиты Земли, поедали древесину и возводили высокие сооружения из цементаобразных экскрементов. Первые колонисты перебили многих бобров и заняли построенные ими башни. Затем пространство между конусами заполнили дома, сделанные из бревен или пенобетона. Но теперь конструкции, созданные поселенцами, исчезли, уступив место большим строениям из камня и пластиковых перекладин.

С тех пор как Кэрмоди был здесь в последний раз, количество космических кораблей на посадочных площадках значительно увеличилось. Он поблагодарил Бога за то, что тот дал ему возможность увидеть планеты в ту пору, когда человеческая цивилизация их едва коснулась. Впрочем, их и сейчас открывалось и исследовалось немало. Но его жизненный маршрут пролегал теперь по другим дорогам.

Кэрмоди за полчаса обошел здания космопорта и направился к пропускному пункту, чтобы пройти процесс дегазации. Но в большом холле путь ему преградила огромная толпа. Поначалу он не мог понять, чем вызваны гневные крики, откуда эти красные лица и грозящие кулаки, но потом увидел группу с плакатами «Общество защиты христиан», которая окружила кучку мужчин и женщин. Внешне те, казалось, ничем не отличались от своих преследователей, разве что стояли, приняв оборонительные позы.

Но когда Кэрмоди удалось пробраться сквозь толпу, он увидел на указательных пальцах осаждаемых широкие золотые кольца-печатки с изображением круга под двумя скрещенными фаллособразными копьями. Он видел несколько таких на Вайлденвули и понял, что атакованные люди — отступники, принявшие бунтизм. Они собрались у отделения таможи и старались не обращать внимания на насмешки и оскорбления, которыми их осыпали. В первых рядах

Общества защиты христиан стоял тучный носатый священник с густыми бровями. Кэрмоди тут же узнал его, хотя и не видел двенадцать лет. Это был отец Кристофер Бэкелинг, принявший духовный сан и вступивший в орден Святого Джейруса в тот же год, что и Кэрмоди.

Кэрмоди стал проталкиваться к нему, и толпа при виде церковного облачения молча расступалась.

— Что происходит, отец Бэкелинг? — поинтересовался Кэрмоди, остановившись между священником-гигантом и бунтистами.

Глаза священника расширились.

— Джон Кэрмоди! Что ты здесь делаешь?

— Стараюсь решить кое-какие проблемы — это все, что я могу тебе сказать. А чем тебе не нравятся эти люди?

— Не нравятся? — вскричал священник. — Да, не нравятся! Я хорошо тебя знаю, Кэрмоди. Ты прилетел сюда, чтобы навести здесь смуту. Недаром тебя прозвали Иглоноситком.

Взмахнув руками, он какое-то время шипел и брызгал слюной, но мало-помалу успокоился и ткнул пальцем в сторону высокого симпатичного мужчины, стоявшего у конторки для сбора пошлины:

— Видишь его? Это отец Гидеон. Теперь он стал прислужником этой идолицы Бунты, и у него три прихода, чтоб ему сгореть в адском огне! А ведь два из них прежде принадлежали мне!

— Гидеон антихрист, вот кто он! — закричала женщина из толпы. — Антихрист! А ведь был моим духовником. Его надо посадить в тюрьму и запереть там навеки, чтобы не разбалтывал наши тайны.

— Его надо побить камнями! — подхватил Бэкелинг. — Да-да, камнями! Или пусть повесится, как Иуда! Он предал дьяволу Господа нашего и соблазнил...

— Заткнись, Бэкелинг! — хрипло сказал Кэрмоди. — Твоя здоровая глотка и публичное фиглярство еще больше ухудшают ситуацию. Я думал, что ты хочешь успокоить людей. Такая реклама принесет нашему ордену только вред, и этого надо было избежать.

Бэкелинг сжал кулаки и, шагнув к Кэрмоди, толкнул маленького священника в грудь.

— Ты тоже на их стороне? Я знаю тебя, Кэрмоди! У тебя тоже рыльце в пуху. Я даже слышал, что ты вступал в блуд со жрицей Бунты и совершал всякие непотребства и что сын Бунты рожден от тебя! Я не верил этому. Ни один человек не может носить в себе такое зло, даже такой урод, как ты! Но теперь я что-то начал сомневаться в этом.

— Отойди от меня, Бэкелинг, — попросил Кэрмоди и почувствовал, как гнев поднялся в нем, будто ртуть в градуснике. — Отойди и ведай себя, как подобает Божьему слуге. — Он уже не мог сдерживать гнева. — И не толкай меня. Предупреждаю тебя в последний раз!

— Посмотрите-ка на этого разжиревшего петушка! Ты все еще веришь в свою репутацию опасного противника? Да я тебя плевком перешибу! Впрочем, мне даже жаль на тебя слюны.

Женщина, которая проклинала Гидеона, закричала снова:

— Какой же ты священник, если выступаешь против собственной религии, против своих?

Кэрмоди попробовал успокоиться.

— Я пытаюсь поступить по-христиански, — тихо ответил он. — Стараюсь умирить вашу ненависть и отвлечь злые помышления. Помните: возлюбите врага своего.

— А потом ты велишь нам подставить другую щеку и пригласить этих развратников к себе на обед?! — снова завопила женщина. — Они зло! Они истинное зло, падре! А Гидеон так просто сам сатана! Как он мог... Как он только мог... — И она начала выкрикивать грязные проклятия и брань, которыми в прежние времена Кэрмоди, возможно, даже восхитился бы.

Что бы так ни заводило эту женщину, она обладала воображением и способностью проклинать.

— Уйди с моей дороги, Кэрмоди! — проревел огромный священник. — Сейчас я заставлю Гидеона отречься от идолицы или просто сломаю ему шею!

— Этого делать нельзя, — сказал Кэрмоди.

— Какого черта! — вскричал Бэкелинг и бросился к Кэрмоди.

Маленький священник поднырнул под огромный кулак. Гнев и отчаяние вспыхнули в нем впервые с тех пор, как погибла Анна. Он вогнал левый кулак в большой мягкий живот, и Бэкелинг, согнувшись пополам, взвыл, но тут же разогнулся от удара в нос. На туфли Кэрмоди брызнула кровь.

Толпа издала дружный стон. Люди метнулись вперед и принялись теснить Кэрмоди к стене. Он отступал на орущих бунтистов. Послышались полицейские свистки. Несколько кулаков разом ударили Кэрмоди по лицу, и он потерял сознание...

Открыв глаза, он почувствовал жгучую боль в голове, челюсти, ребрах и плече. За ним присматривал полицейский в бело-черной форме и конусообразной шляпе муниципальных сил правопорядка Трамплина. Прежде чем Кэрмоди успел что-то сказать, полицейский вскочил и подошел к двум коренастым мужчинам в холле. У дверей космопорта стояли несколько больших крытых машин, ожидавших Кэрмоди и других нарушителей порядка, которые оказались недостаточно быстроногими, чтобы убежать от полиции.

Пока задержанных заталкивали в машины, Кэрмоди оказали первую медицинскую помощь, после чего вежливо, но довольно настойчиво попросили пройти к полицейской машине и сесть на заднее сиденье. Рядом расположился лейтенант. С другой стороны от него уселся отец Бэкелинг, прижимавший к носу платок.

— Видишь, что ты натворил, придурок! — зашипел он. — Ты озлобил людей и снова опозорил нашу Церковь и викария порта!

— Я?

Кэрмоди удивленно посмотрел на него и тихонько засмеялся, хотя от боли в ребрах ему хотелось стонать.

— Вы собираетесь зарегистрировать это происшествие? — спросил он у лейтенанта.

— Отец Бэкелинг выдвинул против вас обвинения. — Тот протянул священнику наручный телефон: — Можете позвонить своему адвокату.

Кэрмоди пропустил его слова мимо ушей и обратился к Бэкелингу:

— Если меня задержат и я пропущу рейс на Кэрин, ты ответишь за это перед высшими властями Церкви. Я говорю о самых высших властях.

Бэкелинг вытер нос окровавленным платком и прорычал:

— Не угрожай мне, Кэрмоди. И запомни, я знаю, кто ты такой! Лживый маленький трюкач!

— Хорошо! — произнес Кэрмоди. — Я позвоню!

Он взял телефон.

— Какой местный антикод?

Лейтенант назвал цифры, и Кэрмоди повторил их. Серый полумесяц верхней половины диска стал светлым.

— Какой номер у епископа Эмбазы?

Лейтенант удивленно моргнул. Бэкелинг выпучил глаза.

— Я не скажу его тебе, — проворчал он.

— А вы, лейтенант? Вы-то скажете?

Полицейский вздохнул, достал из сумочки на поясе небольшой блокнот и полистал страницы.

— Шестсот шесть.

Кэрмоди произнес номер, и через некоторое время на экране появилось лицо молодого священника. Кэрмоди повернул верхнюю подвижную часть диска, и лицо словно выпрыгнуло из экрана и повисло в воздухе на расстоянии шестнадцати сантиметров от диска.

— Говорит отец Кэрмоди с планеты Вайлденвули. Я должен срочно поговорить с епископом. Это крайне необходимо.

Лицо стало прозрачным и исчезло; экран потемнел, но продолжал тускло светиться. Внезапно перед Кэрмоди возникло изображение мулата. Мерцающее лицо нахмурилось и хриплым басом произнесло:

— Кэрмоди? В какую историю вы попали на сей раз?

— Не по своей вине, ваша светлость, — ответил Кэрмоди. — Фактически я просто пытался выполнить свой христианский долг, не говоря уже о милосердии. Но у меня ничего не получилось. И сейчас меня везут в полицейский участок, чтобы предъявить обвинение.

— Я слышал об инциденте в космопорту и вашем участии в нем, — ответил Эмбаза. — И кое-что уже предпринял. Ваши действия были не только христианскими, но и необходимыми.

Кэрмоди повернул телефон таким образом, чтобы епископ мог увидеть Бэкелинга.

Эмбаза нахмурился еще больше:

— Бэкелинг! Вы действительно набросились на другого священника? И натравили людей своего прихода на отступников-бунтистов?

Какое-то время Бэкелинг что-то мямлил, а затем сказал:

— Я просто пытался заставить отца Гидеона и его приверженцев увидеть ошибку в своем поступке, ваша светлость. Но Иглоносик заступился за них! Он первым набросился на меня, а ведь он член нашего ордена. Он стал защищать еретиков!

— Это правда? — спросил Эмбаза. — Кэрмоди, поверните телефон, чтобы я мог видеть ваше лицо!

Выполнив его просьбу, Кэрмоди сказал:

— Это долгая история, ваша светлость, и требуется много времени, чтобы отделить зерна от плевел. А у меня нет времени для объяснений. Я должен немедленно отправиться на Кэрин. Мне поручена миссия величайшей значимости, и ее утвердил сам Папа!

— Да, это мне известно, — сказал Эмбаза. — Вчера курьер доставил мне информацию, и я обязан помочь вам как можно скорее добраться до цели, независимо от того, какими бы странными или неразумными ни были ваши требования. Я кое-что узнал о вашей миссии и готов оказать вам помощь. Но, Кэрмоди, этот шумный скандал. Вы лучше других должны понимать, что вам не следует вступаться в ситуации, которые могут задержать ваш отлет.

— Да, я понимаю и очень сожалею о случившемся! А теперь мне хотелось бы вернуться в космопорт и попасть на борт «Белого мула», прежде чем он взлетит. Это еще возможно?

Эмбаза захотел поговорить с лейтенантом. Кэрмоди повернул телефон так, чтобы полицейский и епископ могли видеть друг друга. Лейтенант перечислил обвинения, выдвинутые против Кэрмоди. Услышав их, епископ так свирепо нахмурился, что стал похож на одного из эбеновых идолов, которых в далеком прошлом создавали его предки.

— Позже я еще раз поговорю с вами, лейтенант. Или кто-то еще, — произнес Эмбаза.

Лицо епископа исчезло с экрана, но призрак его гнева витал в воздухе. Бэкелинг неловко задержался, начал осматриваться по сторонам, а затем взглянул на Кэрмоди:

— Если ты выберешься из этого дела сухим, маленькая скользкая крыса, а со мной поступят по несправедливости... Если из-за тебя я лишусь работы... Помоги мне, или я...

— Ты о чем? — спросил Кэрмоди. — Я смотрю, урок не пошел тебе на пользу и ты снова решил лезть напролом?

— Значит, такой пакостник, как ты, пробрался в самые верха?

— Крутая ситуация требует крутых мер, — сказал Кэрмоди. — Разве ты не понимаешь, что епископ рассердился на тебя из-за того, что ты сделал из бунтистов великомучеников? Именно это Церковь всеми силами пытается не допустить. А тебе хоть кол на голове теши.

— Я действовал так, как подсказывала мне совесть, — упрямо сказал Бэкелинг.

— Возьми-ка свою совесть да немного отполируй, — посоветовал Кэрмоди. — Заставь ее блеснуть, как зеркало, а потом посмотри на себя. Я уверен, что вид будет тошнотворным, но иногда рвота помогает человеку выздороветь.

— Ах ты, сладкоречивый лицемер!

Кэрмоди в ответ лишь пожал плечами. Он вновь пришел в уныние, поскольку знал, что епископ прав.

Машина остановилась перед окружным полицейским участком, который располагался в одном из конусов, сделанных прежними обитателями. Серо-белое сооружение, диаметром в основании сто метров, возносилось на высоту в четыреста метров. Некогда этот конус вмещал в себя все силы полиции на планете. Но за пятьдесят лет колонизации население Трамплина так увеличилось, что здание стало лишь штабом для первого округа. Министерство перебралось на двадцать километров дальше в новое здание — небоскреб, построенный людьми.

Первоначальный вход, достаточно большой, чтобы в него когда-то могли входить два бобера плечом к плечу, теперь представлял собой огромную арку. Кэрмоди прошел через нее вместе с лейтенантом и Бэкелингом в длинный с высоким потолком коридор, белые стены которого покрывали зеленые извилистые полосы. Коридор привел их в большую комнату. Там довольно необычно пахло — такой смесью устоявшегося запаха боберов и застарелых миазмов всех полицейских участков: сигарет и мочи. Под зеленой краской, как Кэрмоди знал, находились пятна крови, поскольку боберы не пожелали мирно сдавать свои жилища.

Кэрмоди и Бэкелинг сели на скамью, и лейтенант оставил их, чтобы поговорить с начальником. Через пять минут он вернулся бледный и с поджатыми губами.

— Епископ вмешался в работу полиции! — сообщил он. — Наверное, он думает, что может командовать нами, как хочет. Я получил приказ снять с вас обоих обвинения и отпустить на свободу. Но что хуже всего, я должен сопроводить вас, Кэрмоди, назад в космопорт.

Два священника молча встали и вместе с лейтенантом вышли из здания. На сей раз Кэрмоди усадили в вертолет. Машина поднялась в воздух и помчалась к шпилям космопорта, завывая сиреной и мигая желтыми огоньками.

Лейтенант, сидевший напротив Кэрмоди, вдруг вздрогнул и передал ему телефон.

— Епископ, — сказал он и тут же отвернулся.

Из экрана выплыло лицо Эмбазы и остановилось в нескольких сантиметрах от Кэрмоди. Оно было так близко, что священник мог увидеть смазанные линии, которые создавала проекция. Они добавили праведного гнева к словам епископа.

Кэрмоди покорно выслушал распекаания и сокрушенно несколько раз попросил прощения за свои проступки. Он ничего не сказал о смерти жены, но епископ, должно быть, уже знал об этом, поскольку вскоре прервал свои нотации и смягчился.

— Я знаю, что вас постигло большое горе, Джон. При обычных обстоятельствах я бы не воздержался от упреков. Но теперь не стану отвлекать вас от вашей миссии.

— Ситуация вышла из-под контроля, — сказал Кэрмоди. — Ладно, если я попаду на Кэрин, то попытаюсь выполнить задание.

Епископ немного помолчал, потом сказал:

— Я не буду слишком дерзок, если попрошу вас немного уточнить детали вашего задания? Я имею общее представление, но не знаю ничего конкретного. Однако, похоже, вы вряд ли что-нибудь расскажете, чтобы удовлетворить мое любопытство. Относитесь ко мне как к истинному сыну Церкви, радеющему о ее делах. Я могу держать язык за зубами.

Кэрмоди помедлил, прикуривая сигарету, и ответил:

— Я могу сказать вам, ваша светлость, что моя миссия двояка. Во-первых, я должен отговорить Йесса от отправки его миссионеров на удаленные от Кэрина планеты. А во-вторых, я должен отговорить Йесса от идеи заставить все население планеты пройти через Ночь Света.

Эмбаза вздрогнул:

— Я не знал, что Йесс намерен сделать всех своих последователей Пробудившимися.

— Это не совсем так. Очевидно, он все еще размышляет над этим и не примет окончательного решения до наступления очередной Ночи.

— Но зачем он хочет сделать это?

— Я уже говорил, что ему хочется избавиться от всех тайных эльгулитов, а также не особенно ревностных лизоблюдов. Ему нужна планета, полная фанатиков.

Епископ кивнул:

— И потом Йесс отправит их куда-нибудь как своих миссионеров, верно?

— Да.

— А разве он настолько силен, чтобы заставить каждого пережить Ночь?

— Да, он достаточно силен.

Епископ смутился и, нахмурившись, сказал:

— Наши власти, видимо, надеются, что вы имеете шанс на успех. Иначе вас не направили бы к Йессу.

— Они поступают так от отчаяния, — ответил Кэрмоди. — Атака бунтизма на нашу и другие религии опустошит ряды прихожан. Впрочем, результат может оказаться и более печальным.

— Я знаю. Однако... вы тоже пережили Ночь. Поговаривают, что вы даже являетесь одним из отцов Йесса. Но вы не стали приверженцем богини. Значит, есть надежда. Вот только я не понимаю, почему Церковь так мало рассказывает о вас. Вы же величайшее живое свидетельство нашей веры.

Кэрмоди мрачно улыбнулся:

— Подобная популяризация чрезвычайно опасна. Что почувствует обыватель, если я поклянусь — а я действительно могу поклясться, — что феномен Ночи действительно существует? Что бог Йесс создан из ничего в результате мистического союза между Великой

матерью и семью Отцами? Что так называемые чудеса являются на Кэрине обычной дешевкой, а бунтизм может предложить живые доказательства своим заявлениям и солидные и видимые результаты из собственной практики?

Или что скажут люди, узнав, что я был преступником и убийцей. Что я воровал, совращал людей, а позже, пережив Ночь, даже не прошел курс реабилитационного лечения в госпитале Хопкинса?

— Да, — ответил епископ. — Они скажут, что это сделал бунтизм, и начнут еще внимательнее прислушиваться к миссионерам Кэрина. И все же вы не стали приверженцем бунтизма.

— Я мог им сделаться, если бы остался на Кэрине, — ответил Кэрмоди. — Но я улетел на Землю сразу же после Ночи. Посетив госпиталь Хопкинса, я пережил нечто, о чем сейчас не хотел бы говорить. Достаточно сказать, что я решил примкнуть к Церкви и принять духовный сан.

— И все же я не понимаю, — сказал епископ. — Вы подтверждаете реальность Йесса и Бунты, однако провозглашаете истинность нашей веры. Как вы объединили эти противоположности?

Кэрмоди пожал плечами:

— Я их не объединял. У меня есть много вопросов, но ответа на них пока нет. Возможно, мне поможет в этом визит на Кэрин.

Вертолет опустился на посадочную площадку, Кэрмоди попрощался с епископом, получил его благословение и попросил его мягче обойтись с Бэкелингом. Эмбаза ответил, что попытается исполнить эту просьбу насколько возможно. Но при этом он собирался дать понять Бэкелингу, что тот натворил, и потребовать от него обещания не совершать подобных ошибок впредь.

Кэрмоди занял свое место на борту «Белого мула» за минуту до того, как космопорт закончил предполетную проверку аппаратуры. Он обнаружил, что большинство приверженцев бунтизма, против которых выступали «защитники христианства», находятся на корабле.

Один мужчина, который взошел на корабль последним, буквально наступая Кэрмоди на пятки, бунтистом не был. Этот мускулистый невысокий мужчина выглядел сверстником Кэрмоди, то есть ему было где-то от тридцати пяти до ста лет. У него были густые черные курчавые волосы и широкое индейское лицо с большим орлиным носом, тонкими губами и длинным подбородком с ямочкой. Вся его одежда была белой: коническая шляпа с широкими вислыми полями, приталенная рубашка с пышными рукавами, пояс из кожаменителя с шестиугольной металлической пряжкой, сумочка на поясе и штаны, плотно облегающие бедра и расклешенные книзу. На его туфлях не оказалось привычных оборок и фестонов. Он носил простую и потертую обувь.

В одной руке он сжимал большую книгу в белом переплете. На обложке белыми буквами древнего безфонемного алфавита на черном поле было написано: «Правдивая версия Священного писания». Судя по книге и белой одежде, этот человек принадлежал к религиозной группе, которая стремительно набирала силу. Члены Твер-

дины Божьей Церкви — прозванные противниками Твердолобыми — были фундаменталистами, которые верили, что должны вернуть первоначальную веру первых христиан. Кэрмоди встречался с некоторыми из них на Вайлденвули.

Однако не это заставило Кэрмоди удивленно раскрыть глаза. Его потряс момент узнавания.

Значит, не все старые профи исчезли! Это был Эл Лифтин, который однажды работал с Кэрмоди во время кражи огневика «Старониф».

Узнав Кэрмоди, Лифтин замер. Потом перевел взгляд на темно-бордовую рясу священника ордена Святого Джейруса и выпучил глаза.

Лифтин поднял голову, словно хотел о чем-то предупредить Кэрмоди, и внезапно отступил в тень. Но священник окликнул его:

— Эл Лифтин! Поди-ка сюда! Сядь рядом. Чего спрятался? Я же не прячусь. Похоже, оба мы изменились.

Лифтин нерешительно вышел на свет. Лицо его залилось румянцем. Он усмехнулся и уже невозмутимо уселся рядом с Кэрмоди.

— Ты меня напугал, — сказал он. — Прошло столько лет. А ты, значит, теперь... отец Кэрмоди?

— Во-во, — подтвердил Кэрмоди, — отец. А у тебя как дела?

— Я дьякон Истинной Церкви, — ответил Лифтин. — Молюсь Богу. Со старым завязал — вовремя опомнился, раскаялся и искупил свои грехи. Теперь проповедую Слово Божье.

— Рад слышать, что ты живешь в мире, — сказал Кэрмоди. — По крайней мере, надеюсь, что это так. Мы пошли по разным дорогам, а теперь снова встретились. Значит, пути наши праведные. — Он немного помолчал. — А скажи-ка, зачем ты летишь на Радость Данте? Скоро наступит Ночь Света. Надеюсь, ты не собираешься пережить ее?

— О нет, ни за что! Я лечу туда по распоряжению моей Церкви, чтобы составить отчет о ритуалах, которые предшествуют Ночи, но с последним кораблем вернусь. Мне бы не хотелось стать свидетелем всех этих сатанинских штучек, но меня попросил сам Старец.

— А зачем твоей Церкви такой отчет? В любой библиотеке Земли вы нашли бы полную информацию о Кэрини.

— Беда в том, — ответил Лифтин, — что мы потеряли многих прихожан, которые стали поклоняться лжебогу Йессу. Боюсь даже назвать эту цифру. Многие мужчины и женщины, которые, по-моему, никогда не должны были отречься от Слова Божия, вдруг попались на уловку сатаны и пошли за кэринянскими миссионерами.

Поэтому мне надлежит составить обстоятельный отчет, отыскать все, что не нашло отражения в книгах, и сделать это на основе собственных наблюдений. Но я предварительно просмотрел несколько фильмов и прослушал на Земле с десятков лекций. Мне хочется показать землянам, кем же на самом деле являются грешники с Кэрина. А когда я предъявлю доказательства тех неопишимо непристойных злодеяний, что кэриняне совершают во имя своей

религии, земляне перестанут так опрометчиво обращаться к бунтизму. Они сами увидят, какие мерзости творятся во имя Бунты.

Кэрмоди не стал говорить Лифтину, что такой подход пытались опробовать не раз. Иногда это помогало. Но чаще вызывало противоположный эффект. Подобные показы вызывали любопытство и даже желание лично поучаствовать в демонстрируемых мероприятиях.

Кэрмоди закурил. Лифтин брезгливо сморщился.

— Ты же был заядлый курильщик, — сказал Кэрмоди. — Как тебе удалось избавиться от этой привычки?

— Я попросил об этом Господа. С тех пор как я увидел свет, я уже никогда не чувствовал подобного желания. Я отказался от греха курения, от алкоголя и внебрачных связей. И теперь у меня есть надежда, что Господь защитит меня вообще от всех искушений.

— Табак и алкоголь бывают злом лишь тогда, когда мы ими злоупотребляем, — рассудительно сказал Кэрмоди. — Но умеренность — это достоинство. Во всяком случае, так было всегда.

— Ты же сам не веришь этому, Кэрмоди. Когда сражаешься со злом, надо идти до конца или вовсе не идти. — Лифтин немного помолчал и добавил: — Может, сейчас и не стоит ворошить старое, но скажи, что случилось со «Старонифом»? Той ночью нам пришлось бежать. Я с трудом оторвался от погони. Позже я прознал, что Располд сел тебе на хвост, но ты обвел его вокруг пальца. Но больше я никогда не слышал об огневики. Что ты с ним сделал?

— Я сбежал от Располда, потому что за нами погнался лагар, — сказал Кэрмоди, имея в виду хищную тварь породы кошачьих, обитающую на планете Талгей. — Мне почти удалось вернуться на корабль, но лагар загнал меня на дерево и полез следом. Наверное, он не знал, что лагары слишком велики, чтобы лазить по деревьям. А у меня оставалось единственное оружие, поскольку все обоймы я опустошил в перестрелке с охраной. И этим оружием был огневик.

Я ткнул его в пасть зверюги, и скверная кошара проглотила драгоценность. А потом убежала в лес, вопя как резаная от коликов в брюхе.

— О Боже! — воскликнул Лифтин. — Извини, я не хотел поминать имя Господа всуе. Но огневик! Десять миллионов гиффордов кануло в кошачьем желудке. А какую карьеру ты мог бы сделать! А сколько месяцев, сколько денег ты потратил на это дело!

Кэрмоди засмеялся:

— Тогда мне это забавным не казалось. Это я теперь смеюсь. Где-то в темном большом лесу внутри истлевшего скелета лежит самая драгоценная вещь в Галактике.

Вытащив из рукава носовой платок, Лифтин утер вспотевший лоб. Кэрмоди взглянул на тряпицу: интересно, вшит ли еще в ее уголок маленький стальной шарик? Говорили, что как-то раз Лифтин выбил им в драке кому-то глаз. Но теперь шарика не было.

Стюардесса объявила об отлете. Через десять минут «Белый мул» вошел в атмосферу Кэрина. А еще через десять опустился на посадочную площадку, озаренную заходящим солнцем.

Кэрмоди снова подвергся тщательному досмотру, во время которого потерял Лифтина из виду. Но, зайдя в туалет (на двери его, согласно некэринянскому обычаю, красовался двуногий силуэт), вдруг опять столкнулся с бывшим поделщиком. Тот тушил в пельнице окурки.

Лифтин поднял голову и, увидев Кэрмоди, бросился к нему и схватил его за руку:

— Прости меня, Кэрмоди. Я врал тебе. Время от времени я поддаюсь искушению покурить и выпить. Но с Божьей помощью борюсь с этими соблазнами. Но сейчас мне чего-то не по себе. Наверное, потому, что в полете понервничал. Ты же знаешь, здесь даже земля пропитана злом.

— Его тут не больше, чем где бы то ни было, — ответил Кэрмоди. — Не волнуйся, я не осуждаю тебя. И не буду подшучивать над тобой или злословить с кем-то на твой счет. Забудь об этом, старина. Однако извини. Меня должна встречать официальная делегация. — С этими словами он вышел.

И, как выяснилось, вовремя: в этот самый момент в зал ожидания входил его старый друг Тэнд.

С тех пор как они виделись в последний раз, Тэнд совсем не постарел, лишь в волосах появилось несколько седых прядок, да фигура слегка погрузнела. Но кэринянин по-прежнему оставался жизнерадостным парнем с улыбкой во весь рот. Его настоящее положение в государственных структурах не изменило его манеры одеваться. Он все так же отдавал предпочтение привычным и простым вещам.

Тэнд подошел к приятелю и протянул руку:

— Ну здравствуй, Джон Кэрмоди!

Они обнялись.

— Как дела, отче? — спросил Тэнд по-английски и улыбнулся.

Кэрмоди понял, что тот использовал это обращение в двояком смысле.

— Прекрасно, — ответил он по-кэринянски. — А как ты, отец Тэнд? — Он произнес слово «пвелч», означавшее Отца Йесса.

Тэнд отступил на шаг.

— Я счастлив, насколько позволяют нынешние условия. Э-э-э... — Он обернулся к кэринянам, стоявшим у него за спиной: — Позвольте мне представить вам...

Кэрмоди поприветствовал каждого традиционным образом: пожимая руку и слегка при этом приседая. Группа государственных чиновников состояла из представителя тайной полиции, жреца, этнолога и секретаря главы планетарного правительства.

Всем им было интересно, почему Кэрмоди вернулся на их планету. Среди встречающих находился Абог, секретарь Рилга. Это был весьма приятный молодой человек, но что-то в его поведении — или голосе? — насторожило Кэрмоди.

— Мы надеемся, — произнес Абог, — что вы прилетели к нам, чтобы заявить о своем принятии бунтизма.

— Нет. Просто мне нужно поговорить с Йессом, — ответил Кэрмоди.

В разговор поспешно вмешался Тэнд:

— Не хотел бы ты поехать в гостиницу и немного отдохнуть после полета? Поскольку ты являешься одним из семи Отцов, правительство зарезервировало для тебя лучший номер. И, конечно же, за государственный счет.

После чего он обернулся к коллегам и с напускным сожалением посетовал на их неимоверную занятость. Те поняли намек и стали прощаться. А Абог, прежде чем уйти, очень настойчиво попросил почетного гостя назначить ему встречу, и, если можно, нынче же вечером. Священник ответил, что будет счастлив еще раз увидеться с ним.

Когда официальные представители ушли, Тэнд повел Кэрмоди к своей машине. Это был низкогравитоновый автомобиль, как и большинство из тех, что мчались по улице.

— Изменения, — сказал Тэнд. — Они происходят во всей Вселенной и даже на нашей отфутболенной на задворки Галактики планете. Население выросло вчетверо. Новая индустрия, основанная на технологии Федерации, а иногда на ее займах, бурлит и расползается, как кипящая лава.

Тэнд тронулся с места, Кэрмоди уставился в окно. Массивные каменные здания с улыбающимися и злобными статуями остались прежними. На улицах стало больше людей, и на стиль их одежды явно влияла последняя мода Федерации.

— Да, старый город остался почти таким, каким ты его знал, — сказал Тэнд. — Но вокруг него, там, где стояли рощи и фермы, теперь раскинулся новый город. Он сделан не из камня и не похож на другие наши города. Слишком много людей появилось за последнее время. И мы больше не можем тратить время на постройку капитальных зданий.

— Так происходит везде, — ответил Кэрмоди. — Слушай, а ты по-прежнему связан с полицией?

— О нет. Но я имею влияние на нее. Как и любой из Отцов. А что?

— Вместе со мной на «Белом муле» прилетел человек по имени Эл Лифтин. Несколько лет тому назад он был наемным убийцей. А теперь путешествует под собственным именем, поэтому я полагаю, что он прошел психическую обработку в госпитале Хопкинса или в каком-нибудь подобном заведении. Он сказал, что служит дьяконом в Твердыне Божьей Церкви. Может, и не врет. Если бы у тебя было время, то ты мог бы проверить. Но времени нет. Не исключено, что его наняли убить Йесса и сделали это фанатики с Земли. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Слышал кое-что и, конечно же, направлю полицию по следу Лифтина. Но за ним трудно будет присматривать — разве что посадить его под домашний арест? Как только он смешается с толпой

предношного торжества, то легко оторвется от любой слезки. Или вообще исчезнет.

— А как посадить его под домашний арест?

— Никак. Он может поднять шум. Власти предпочитают не задерживать граждан Федерации без серьезных на то оснований.

Кэрмоди немного помолчал.

— Есть еще один человек, за которым не мешало бы последить. Но о нем я почти ничего не могу рассказать. Это очень личное — важное для меня, но несущественное в сравнении с планами, которые строятся относительно Йесса.

И он рассказал своему другу об угрозах человека, который называл себя Фрэттом. Тэнд задумался.

— Ты считаешь, что землянин Абду и есть Фрэтт? — наконец спросил он.

— Возможно, хотя и маловероятно. Против этой версии выступает элемент времени. Как бы он узнал о моем внезапном решении полететь сюда?

— Если бы ты знал то, что известно ему, объяснение могло бы оказаться очень простым. У меня есть человек, который станет его тенью. Полиция слишком занята подготовкой к празднику, и ей сейчас не до того. Но я проведу операцию частным порядком.

Тэнд остановил машину перед отелем. Коридорный, в кэринянском исполнении, взвалил багаж гостя на гравитоновую тачку, и два друга отправились прямо в номер Кэрмоди: поскольку Тэнд обо всем уже позаботился, регистрации ожидать не пришлось. По пути на них набросилась группа репортеров, которые попытались взять у Кэрмоди интервью. Но Тэнд махнул рукой, и те, будучи не менее агрессивными, чем их земные собратья по перу, подчинились Отцу великого Йесса.

Там, где раньше им пришлось бы подниматься по изогнутым пролетам лестницы, теперь они промчались в кабине скоростного лифта. Лестничные клетки были такими широкими, что не было необходимости вырубать пространство для шахт.

— Это здание всегда было отелем, — сказал Тэнд. — Возможно, это один из старейших отелей во Вселенной. Он построен больше пяти тысяч лет назад. — В его голосе слышалась гордость. — В нем живут так давно, что, можно сказать, человек с острым нюхом может различить запах плоти, впитавшийся в камень за долгие века.

Лифт остановился на семнадцатом этаже. Это счастливое число было выбрано для оказания почести одному из семи Отцов. Номер Кэрмоди находился в двух гектометрах от лифта. Двери, выходявшие в широкий коридор с каменными стенами, были железными и по толщине почти соответствовали банковским стандартам. Как и многие двери кэринян, они не висели на петлях, а вращались на осях посреди проема. Такие меры безопасности позволяли жильцам оставаться в комнатах во время «сна» и не спускаться в огромные подвалы, оборудованные для членов правительства.

Кэрмоди осмотрел трехкомнатный люкс. Кровати были высечены в каменных стенах, столы представляли собой гранитные выступы в полу.

— Да, так давно уже не строят, — грустно сказал Тэнд.

Он налил густого темно-красного вина в два многогранных кубка из белого дерева с красными прожилками. Напиток стекал в кубки медленно и тяжело, словно расплавленный гранит.

— За твоё здоровье, Джон.

— И за твоё. А также за здоровье благочестивых мужчин и женщин везде и всюду, какими бы они ни были, за прощение грешных душ и за Божье благословение для детей.

Кэрмоди выпил. Вино оказалось не таким сладким, как он ожидал, и даже немного горчило. Тем не менее вкус был великолепным, и по жилам маленького священника разлилось тепло. Полумрак комнаты стал золотистым.

Тэнд предложил выпить еще, но Кэрмоди поблагодарил и отказался.

— Я хочу повидаться с Йессом. Когда это можно будет сделать?

Тэнд улыбнулся:

— А ты все такой же быстрый. Йесс тоже с нетерпением ожидает тебя. Но у него много забот и обязанностей. Божественная суть не освобождает его от суеты смертных. Я поеду и повидаяюсь с ним — вернее, с его секретарем — и устрою вашу встречу.

— Да, когда ему будет удобно. — Кэрмоди тихо засмеялся. — А сынок не очень-то почтителен — заставляет ждать так долго отсутствовавшего отца.

— Тебя примут с превеликой радостью, Джон. Однако твоё присутствие вызвало некоторое смущение в умах. Многие слышали о тебе, но не видели тебя. Лишь некоторые знают, что ты не поклоняешься Бунте. Когда это станет широко известно, это может породить сомнения и непонимание среди простых людей. И даже у более образованных. Как может один из семи Отцов не быть бунтистом?

— Церковь спрашивает меня о том же. И я не знаю, что сказать. Я видел здесь тьму так называемых чудес, которые могут обратить в вашу веру миллиарды атеистов. Они могли бы убедить самых твердолобых материалистов. Но я не хочу менять веры.

Собственно, я не был атеистом, когда улетел с Кэрина на Землю, но тогда я не склонялся ни к одной из религий. А потом в клинике Хопкинса я пережил нечто странное и по сути необъяснимое. Это и привело меня в Церковь. Хотя, прости, я уже писал тебе об этом.

Тэнд поднялся с кресла:

— Я уйду, чтобы повидаться с Йессом. Позвоню тебе позже.

Он поцеловал священника и ушел.

Кэрмоди распаковал чемодан и принял душ в кабинке, стены и пол которой носили следы миллиардов тонн воды, вытекшей здесь, и тысяч ног, стоявших на плитах пола. Едва он оделся, как в огромную железную дверь постучали. Священник вытащил засов и ти-

хонько толкнул дверь с одной стороны. Но массивная дверь была прекрасно уравновешена и завертелась, как балерина на цыпочках.

Кэрмоди отступил назад и попытался остановить вращающуюся дверь. В тот же миг кэринянин, стоящий на пороге, сунул руку в открытую сумочку на поясе. Этого Кэрмоди не ожидал. Но старый рефлекс сработал вовремя. Священник прыгнул вперед и всем телом навалился на дверь, но незнакомец, вытащив автоматический пистолет, стал протискиваться в щель с другой стороны.

Он уже почти пролез, но тут Кэрмоди так сильно поднажал плечом, что вместе с дверью, сделавшей еще один оборот, выскочил в коридор, а убийца, получивший дополнительное ускорение сзади, влетел в номер. Все произошло настолько быстро, что Кэрмоди успел лишь заметить растерянный взгляд кэринянина.

Однако незванный гость, как видно, не собирался сидеть взаперти и попробовал выбраться, не дожидаясь, пока священник добегит до лифта. Но Кэрмоди знал, что не успеет свернуть за угол. Коридор был пуст, и ни одна из многочисленных спасительных дверей даже не приоткрылась.

Молниеносно сориентировавшись, Кэрмоди впрыгнул в образовавшуюся щель, крутанул дверь еще на пол-оборота и, не медля ни секунды, задвинул засов. После чего подбежал к телефону и позвонил портье. Через минуту в дверь его номера уже стучала охрана отеля. Убийца, конечно же, исчез.

Не обнаружив ничего подозрительного, охрана принялась допрашивать постояльца. Чуть позже приехала полиция и занялась тем же. Кэрмоди терпеливо отвечал на вопросы. Нет, он не знает этого кэринянина. Да, ему угрожал человек по имени Фрэтт. Кэрмоди рассказал о полученном письме и сообщил, что Тэнд уже обещал обо всем позаботиться.

Полиция уехала, оставив у дверей номера двух охранников. Однако теперь ожидать нового нападения в гостинице вряд ли произошло, и Кэрмоди попытался отказаться от услуг охраны: ему не нужны двое соглядатаев. А впрочем, черт с ними, пусть стоят — в случае чего он всегда сумеет обвести их вокруг пальца и ускользнуть.

Успокаивая расхолодившиеся нервы порцией вина, он принялся размышлять. Неужели кэринянина нанял Фрэтт? Это вряд ли. Фрэтт хотел отомстить лично, собственноручно подвергнуть своего врага пыткам, которые изобрел для него.

А может, это Лифтин? Если его бывший поделщик не тот, за кого себя выдает, если его благообразный вид и речи — всего лишь маскировка, если его наняли земные фанатики, он охотно похитил бы Кэрмоди. А что, если он хотел получить от него какую-то информацию о Йессе?

Кэрмоди допил вино и принялся бродить по комнате. Он не мог уйти, потому что ждал звонка от Тэнда, но бесцельное времяпрепровождение заставляло его нервничать.

Наконец телефон зазвонил. Кэрмоди провел рукой над экраном. Оттуда на него взглянул Абог, секретарь главы планетарного правительства.

— Я немного раньше условленного часа, падре. Но мне не терпится поговорить с вами. Вы не против, если я приеду к вам сейчас?

Кэрмоди не возражал. Через несколько минут в дверь постучали. Кэрмоди открыл и осторожно выглянул в коридор. Охранники, должно быть, остолбенели при виде роскошного наряда Абога и его документов, поскольку замерли по стойке «смирно».

Секретарь вошел в номер, и тут же вновь зазвонил телефон. На экране появилось лицо землянина.

— Джоб Джилсон, — представился он по-английски. — Земная служба безопасности. Мне сказали, что вы хотите встретиться со мной.

Это был человек среднего возраста, прекрасно сложенный и темно-волосый. Его черты лица были такими правильными, что не производили никакого впечатления и легко забывались — весьма ценное качество для агента ЗСБ.

— Не могли бы вы подождать? У меня посетитель.

— Я привык ждать, — ответил Джилсон и, улыбнувшись, добавил: — Моя работа — просто находка для человека, страдающего плоскостопием.

Кэрмоди провел над экраном ладонью, и тот потемнел. Потом предложил Абогу выпить. Кэринянин согласился.

— Я не мог утерпеть, — смущенно сказал он. — К сожалению, время не позволяет применить обычную дипломатическую отсрочку. Я не обижу Отца, если сразу перейду к делу?

— Наоборот. Вы обидите меня, если будете ходить вокруг да около, как коза на привязи, — то есть, простите, как политик. Мне нравится прямота.

— Очень хорошо. Однако сначала вам необходимо узнать о степени власти, которой я облечен. А также кое-что о структуре нашего правительства и его главе. Я думаю...

— Я думаю, ваши добрые намерения ведут прямо к сути вопроса и свидетельствуют о вашей компетенции. Давайте отбросим все ненужное и приступим к делу.

Абог, похоже, смешался, но быстро взял себя в руки и улыбнулся, показав голубые зубы.

— Вы правы. Единственное, о чем я хочу вам напомнить, так это то, что мое правительство никогда не совало нос в вашу личную жизнь и вероисповедание. Мы надеемся, что так будет и впредь. Но сейчас мы должны спросить...

— Спросить, значит.

Абог сделал глубокий вдох и сказал:

— Скажите, вы прилетели к нам, чтобы объявить о своем общении к бунтизму?

— И это все? Нет, я не собираюсь изменять своей вере. В ней я тверд.

— Ага.

Абог казался разочарованным. После долгого молчания он пристально посмотрел на Кэрмоди и сказал:

— Может быть, вы хотите использовать свое влияние Отца, чтобы отговорить Йесса от некоторых его намерений?

— Вряд ли я имею на него такое влияние. А от чего его нужно отговорить?

— Сказать по чести, мой шеф Рилг обеспокоен. Если Йесс решит, что всем необходимо стать Пробудившимися, результат такого решения окажется катастрофическим. Те, кто выживут, будут, конечно, «хорошими», «очистившимися», но сколько их останется после Ночи? Статистика предсказывает, что три четверти населения погибнет. Подумайте об этом, Отец. Три четверти! Цивилизация Кэрина будет сметена с лица планеты.

— А Йесс знает об этом?

— Конечно, знает. И согласен, что статистика может быть верной. Но он считает, что жертв окажется не так много. Он утверждает, что существует причина, по которой Йесс обычно побеждает Эльгуля в течение Ночи. Такой исход предопределяет большинство Спящих. Сновидения отражают их истинные желания, а те, в свою очередь, каким-то образом влияют на действия Пробудившихся. Вот почему Йесс побеждает.

Развивая эту мысль, он говорит, что, если все станут Пробудившимися, результат окажется тем же, как если бы большинство людей не пробуждалось. Только истинно «хорошие» имеют шанс очиститься от налета зла, который покрывает даже самых лучших.

— Возможно, он прав, — сказал Кэрмоди.

— Однако Йесс может сильно заблуждаться. И мы считаем, что он не прав. Но даже если его логика верна, подумайте о том, что случится. Если статистика ошибается, то по крайней мере четверть населения погибнет. Какое нас ждет опустошение, сколько смертей. Мужчин, женщин, детей!

— Да, картина страшная!

— Страшная! Но и опасная! Даже Эльгуль не мог бы придумать ничего более жестокого. Если бы я не знал Йесса немного лучше, то подумал бы... — Абог умолк, встал и, приблизившись к землянину, зашептал: — Ходят слухи, что той Ночью родился не Йесс, а Эльгуль. Но он настолько коварен и хитер, что назвался Йессом. Такой фокус очень понравился бы Разрушителю.

Кэрмоди улыбнулся:

— Вы серьезно?

— Конечно, нет. Вы думаете, я один из этих жалких придурков? Но такие слухи смущают умы. Люди не понимают, как их великий и добрый бог может требовать от них такой жертвы.

— Ваши летописи предсказывали такое событие.

Абог как будто испугался.

— Вы правы, — произнес он дрожащим голосом, — но никто не предполагал, что предсказания сбудутся. Только неисправимые ортодоксы верили в них и даже молились, чтобы так произошло.

— Тогда я чего-то не понимаю, — сказал Кэрмоди. — Что случится с теми, кто откажется проходить через Ночь?

— Те, кто откажутся подчиниться приказу Йесса, автоматически и по закону будут причислены к сторонникам Эльгуля. Их станут арестовывать и заключать в тюрьму.

— А если и там эти люди будут упорствовать?

— У них ничего не получится. Им не дадут наркотиков, погружающих в «сон», и им придется пройти через Ночь, хотя бы и в тюремной камере.

— Но может возникнуть массовое неповиновение. У правительства нет времени и сил, чтобы усмирить такую массу людей, верно?

— Вы не знаете кэринян. Вне зависимости от того, как напуганы они будут, большинство не посмеет ослушаться Йесса.

Чем больше Кэрмоди думал об этом, тем меньше ему нравилась затея местного бога. Он еще мог понять, если бы во всем этом заставляли участвовать только взрослых, — но детей! Пострадать должны были безвинные, и большинству из них предстояло погибнуть. Если родители не любят своего ребенка, сознательно или бессознательно, они могут убить его. А те родители, которые станут защищать детей от детоненавистников, тоже могут погибнуть, а с ними и их дети.

— Я не понимаю этого, — сказал он. — Но, как вы правильно заметили, я не знаю кэринян.

— Но вы попытаетесь убедить его не прибегать к насилию?

— А вы беседовали с другими Отцами?

— С некоторыми — да, — ответил Абог. — И довольно часто. Но они согласны со всем, что взбредет в голову Йессу.

Какое-то время Кэрмоди молчал. Он был готов спорить с Йессом, но считал, что говорить об этом Абогу не стоит. Кто знает, какую политическую группу представлял Абог и какую долю истины несли его слова? Или какую обиду затаит Йесс, если намерения Кэрмоди будут преданы огласке?

— Я понимаю серьезность ваших опасений, — вслух произнес Кэрмоди. — Да, я намерен побеседовать с Йессом. И в разговоре поинтересуюсь его намерениями и расскажу о страхе людей. Но я не хочу, чтобы меня цитировали в теленовостях или печатали мои слова в газетах. Если такое произойдет, я выступлю с опровержением.

Абог расплылся в счастливой улыбке:

— Очень хорошо. Быть может, вам повезет там, где другие ничего не добились. Кроме того, он еще не сделал публичного заявления. И у нас еще есть немного времени.

Он поблагодарил Кэрмоди и ушел.

Священник позвонил Джилсону и попросил его подняться наверх, затем предупредил охранников, что ожидает визита землянина.

Телефон зазвонил в третий раз. На экране появилось лицо Тэнда.

— Мне жаль, Джон, но Йесс не сможет увидеться с тобой сегодня вечером. Однако он встретится с тобой завтра вечером в храме. Как ты собираешься провести время?

— Наверное, куплю маску и присоединюсь к весельчакам на улицах.

— Ты можешь делать все что угодно, потому что ты Отец, — сказал Тэнд. — Но твои земные соратники, о которых ты говорил, Лифтин и Абду, уже лишились этого удовольствия. Я приказал полиции удерживать их в отеле, если только они не согласятся пройти через Ночь. Фактически все некэриняне находятся сейчас под домашним арестом. Таково новое правило. Боюсь, это рассердит многих туристов и ученых. Но так, наверное, будет лучше.

— Ты поднимаешь слишком большой вес, Тэнд.

— Я не злоупотреблял своей властью. Но считаю такую расстановку сил правильной. Мне хотелось бы прогуляться вместе с тобой, Джон, но я связан по рукам и ногам своими многочисленными обязанностями. Ты же знаешь, что любая власть налагает на человека большую ответственность.

— Да, я знаю. Спокойной ночи, Тэнд.

Кэрмоди провел рукой над экраном и уже собрался отойти от стола, но тут телефон опять зазвонил. На сей раз на экране появилось не лицо, а страшная маска. Она казалась огромной и не давала рассмотреть, что делается позади нее. Однако по звукам Кэрмоди понял, что звонят из телефонной будки на одной из многочисленных улиц города.

Голос, исходивший из неподвижных губ маски, был намеренно искажен.

— Кэрмоди, это Фрэтт. Я только хочу еще раз взглянуть на тебя, пока ты не умер. Я хочу посмотреть, страдаешь ли ты, — хотя вряд ли ты можешь страдать так, как я и мой сын.

Священник заставил себя успокоиться и ровным голосом сказал:

— Фрэтт, я не знаю тебя. И не помню инцидента, на который ты ссылаешься. Так почему бы тебе не прийти ко мне и не рассказать об этом происшествии? Быть может, тогда ты изменишь свое решение.

Наступила пауза, достаточно долгая, чтобы Кэрмоди понял, что озадачил Фрэтта.

— Ты думаешь, я настолько глуп, — наконец ответила маска, — что сам полезу в ловушку такого негодяя, как ты? Ты, наверное, просто спятил.

— Хорошо. Тогда назови мне время и место. Я приду один, и мы поговорим о твоей беде.

— Ты и так скоро меня встретишь. Но когда и где, ты знать не будешь. Я хочу, чтобы ты попотел, ожидая смерти. А потом ты сам будешь у меня ее просить. — Перед маской мелькнула перчатка, похожая на лапу с когтями, и экран померк.

В дверь постучали. Кэрмоди отодвинул засов — на пороге стоял Джилсон.

— Боюсь, что ничем вам не смогу помочь, падре, — сердито проговорил он, входя. — Я только что узнал, что сижу в отеле под домашним арестом.

— Это моя вина, — ответил священник.

Он рассказал Джилсону о том, что случилось, но тот не стал от этого счастливее, особенно когда услышал о телефонном разговоре с Фрэттом.

— Тогда мне лучше улететь отсюда следующим кораблем, — сказал он.

— Давайте спустимся в ресторан и поедим, — предложил Кэрмоди. — Обед за мой счет. Насколько я знаю, тут готовят земные блюда для тех, кто не привык к кэриньянской кухне. Но проблема в том, что повар из Мексики. Если вам не нравятся энчиладас, черепажовый суп и ослятина под чили, то...

В ресторане они встретили Лифтина и Абду, которые сидели за одним столом. Оба мрачно жевали и выглядели очень сердитыми. Кэрмоди попросил разрешения присесть рядом, и Джилсон последовал его примеру. Он представился как бизнесмен.

— Вам отказали во встрече с Йессом? — спросил Кэрмоди у Лифтина.

Тот выругался и ответил:

— Они были вежливы, но дали мне понять, что я не увижу его до наступления Ночи.

— Тогда вам лучше «заснуть», — сказал Кэрмоди. — Хм-м, если Йесс запретит «сон», то неужели указ коснется и некэриньян?

— Вы предлагаете мне погрузиться в «сон» и встретиться с Йессом после Ночи? — спросил Лифтин и покраснел. — Что мне, больше делать нечего?

Кэрмоди удивился, почему Лифтин так зол. Если он был наемным убийцей, то стремился бы закончить свою работу до наступления Ночи.

— А вы тоже полетите обратно? — спросил Кэрмоди у Абду. — Или вы еще не закончили свои дела?

— Эти ограничения застали меня врасплох, — ответил тот. — Но я продолжаю переговоры по телефону.

— Не думаю, что вам многое удастся сделать во время праздника. Большая часть дел сейчас приостанавливается.

— Кэриньяне похожи на землян. Всегда найдутся такие, кто будет делать свои дела, несмотря ни на что, даже на землетрясение. — Лифтин ткнул большим пальцем в сторону дверей отеля. — Видите двух парней в голубой форме с красными перьями? Это копы. Они делают все возможное, чтобы мы остались в этом покинутом склепе.

— Как тихо, — произнес Кэрмоди и осмотрелся.

В зале стояли еще десять столов, но четверо землян были единственными обедающими. Более того, в холле осталось лишь несколько клерков и коридорных. Отель казался пустым и мрачным.

— Я не могу оставаться в своей комнате, — продолжал Лифтин. — Она похожа на мавзолей. Повсюду холодный камень и мертвая тишина. Не пойму, на кой черт кэриняне строят такие здания?

— Они немного похожи на древних египтян, — ответил священник. — Они много думают о смерти, и их почти не интересует эта короткая остановка на планете. Они считают, что незачем оставаться здесь слишком долго.

— А что они думают о небесах? — спросил Абду. — Или об аде?

Кэрмоди подождал ответа Лифтина. Если он действительно тот, за кого себя выдает, то должен знать основы кэринянской религии. Его Церковь не стала бы посылать с миссией несведущего человека: межзвездный полет стоил очень дорого.

Но Лифтин ел, не поднимая глаз от тарелки. Когда стало ясно, что он не собирается отвечать на вопрос Абду, Кэрмоди сказал:

— У бунтистов существует два уровня небес. На нижнем обитают те, кто служил Йессу и вел добропорядочную жизнь, но не посмел пройти через Ночь. Их вечная жизнь на этом уровне почти во всем сходна с земным существованием. Они должны работать, спать, переживать неудобства, боль, разочарование и скуку. Но они живут вечно.

Верхний уровень предназначен для тех верующих, кто успешно прошел через Ночь. Там они наслаждаются вечным мистическим экстазом. Переживание, как вы понимаете, очень близкое к тому, что получают спасенные в христианской религии. Они воочию видят бога, но уже мистического Йесса — то есть красоту, которая скрывается за плотской маской живого Йесса. А вот Бунты не видит никто. Даже ее сын.

— А как насчет их ада? — спросил Абду.

— Ад тоже имеет два уровня. Нижний — для равнодушных к религии людей, не особенно ревностных верующих, лицемеров и заблуждающихся. А также для тех, кто осмелился пройти Ночь, но не дожид до ее окончания. Теперь вы понимаете, почему так немногие йесситов остаются бодрствовать во время Ночи. На самом деле награда за успех достойна сурового испытания. Но неудачники расплачиваются за свои амбиции в аду. И таких очень много. Безопаснее вообще не рисковать. В таком случае вам забронировано место на нижнем небесном уровне.

Верхний уровень ада зарезервирован для эльгулитов. Там они переживают свой собственный экстаз, аналогичный удовольствиям истинных йесситов. Однако это темная радость — эдакий оргазм зла. Он хуже чем небесный, но если вы истинный эльгулит, то предпочтете его. Зло создает зло, и ничего кроме зла.

— Дурацкая религия, — проворчал Лифтин.

— Кэриняне говорят то же самое о нашей.

Кэрмоди извинился, оставил Джилсону свое переговорное устройство и вернулся в номер. Он хотел, чтобы тот позвонил ему.

— Я скоро уйду. Хочу провести моих старых друзей-кэринян. И еще хочу дать Фрэтту шанс. Возможно, так мне удастся остановить

его, либо нейтрализовав, либо убедив вернуться к здравому смыслу. Но прежде мне надо узнать, кто он и чем я заслужил такую месть.

— Он может перехватить инициативу.

— Я это уже учел. Теперь о другом. Я собираюсь позвонить Тэнду и попробовать еще раз воспользоваться его влиянием. Попытаюсь снять с вас эти ограничения. Но не ради Фрэтта. Вы должны наблюдать за вашим подопечным Лифтином. Если он выберется из отеля, — а в этом у меня почти нет сомнений, — я хочу, чтобы вы тут же сели ему на хвост.

— Ладно, — ответил Джилсон. — Я буду присматривать за ним.

Кэрмоди отключил оперативную связь и произнес в микрофон телефонный номер Тэнда. На экране появилось лицо кэринянина.

— Тебе повезло, — сказал он. — Я собирался уходить. Чем могу быть тебе полезен?

Кэрмоди рассказал о своей просьбе. Тэнд ответил, что это не вызовет затруднений, и пообещал тут же отдать приказ.

— Вообще-то мы можем использовать дополнительную помощь. У нас нет людей, чтобы следить за Лифтином, если он вырвется на свободу. Так ты говоришь, он на все способен?

— Старый Лифтин был хитер и изобретателен, — ответил священник.

— Я должен сказать тебе правду. Нас тревожат не только наемники с Земли. Эльгулиты тоже готовятся к началу Ночи. И я имею в виду не только тех, кто собирается взять свой Шанс. Я говорю о большом тайном обществе, которое в основном состоит из людей, никогда не идущих на риск. Наше правительство ослабило их влияние, но они по-прежнему сильны и, возможно, сейчас даже прослушивают наш разговор.

— Есть вещи, которых я еще не могу понять, — сказал Кэрмоди. — Почему эльгулиты, прошедшие Ночь во время правления Йесса, все еще живы? Ты помнишь, когда меня поймала статуя, я долго не мог решить, какой мне выбрать путь? Остаться с шестью йесситами или с шестью эльгулитами? А потом, когда я сделал свой выбор и когда стало ясно, что Мэри родит Йесса, несостоявшиеся отцы Эльгуля бросились наутек. Но все они умерли.

До сих пор я считал, что эльгулиты могут пережить Ночь лишь в том случае, если побеждает Эльгуль. Однако от тебя и от других я слышал, что многие из сторонников Эльгуля пережили Ночь и живут нормальной обычной жизнью. Почему?

— Те шестеро, которые погибли на наших глазах, умерли из-за того, что мы, шесть Отцов, сознательно, а ты бессознательно желали их смерти. Но остальные эльгулиты действительно выжили. Они не погибли потому, что мы ничего не знали о них.

Ты знаешь, что эльгулиты объявлены вне закона. Кара за приверженность Эльгулю — смерть. Но если Эльгуль победит, — а Бунта вряд ли такое позволит, — можешь быть уверен, что тут же начнут-

ся гонения на йесситов. И наши пытки будут такими же болезненными, как нынешние муки эльгулитов.

— Спасибо, Тэнд. Сейчас я хочу навестить миссис Кри. Она все еще живет в своем старом особняке?

— Не могу сказать тебе ничего конкретного. Я не видел ее и не слышал о ней уже много лет.

Кэрмоди велел прислать ему костюм с большой карнавальной маской божественной птицы троджар. Он надел его и вышел из отеля, предъявив свои документы охране, которая стояла у входа. Перед уходом он забежал в ресторан и обнаружил, что Джилсон, Лифтин и Абду уже ушли. Однако теперь в зале обедало около дюжины некэринян. Все они выглядели подавленными.

Могильная тишина отеля уступила место какофонии из музыки, криков, воплей, гудения рожков, свистков, треска шутих, боя барабанов и звона бубенцов. На улицах стало тесно от шумного столпотворения переодетых весельчаков.

Кэрмоди медленно пробирался сквозь толпу, в которой его то и дело награждали тычками. Через пятнадцать минут ему удалось дойти до переулка, где народу было поменьше. Еще через четверть часа он увидел свободное такси. Водитель не очень обрадовался пассажиру, но Кэрмоди настоял на своем. Бормоча себе под нос проклятия, таксист повел машину сквозь толпы и вскоре выехал в район, где можно было прибавить скорости. Но и тогда автомобилю время от времени приходилось останавливаться и протискиваться через гомонящие ватаги масок, шагавшие к центральным улицам.

Примерно через полчаса машина остановилась перед домом миссис Кри. К тому времени огромная луна Кэрина поднялась, разбросав серебряное конфетти по черным и серым камням массивных домов. Кэрмоди вышел, расплатился с водителем и попросил его подождать. Тот, видимо, уже смирился, что повеселиться ему не удастся, и согласился.

Кэрмоди прошел по дорожке и остановился перед деревом, которое некогда было мистером Кри. С тех пор как землянин видел его в последний раз, мистер Кри разросся, достигнув в высоту метров тридцати пяти, и распростер свои ветви над двором.

— Здравствуйте, мистер Кри, — произнес священник.

Пройдя под молчаливым человекодеревом, он постучал огромным молотком в большую металлическую дверь. Света в окнах не было, и Кэрмоди решил, что поторопился. Следовало сначала позвонить. Но миссис Кри была уже стара, поскольку гериатрика Земли была доступна лишь богатым кэриньянам, и Кэрмоди считал сам собой разумеющимся, что она осталась дома.

Он еще раз стукнул молотком в дверь. Молчание. Он повернулся, собираясь вернуться к такси, и вдруг услышал за спиной скрип двери.

— Кто здесь? — спросил старческий голос.

Кэрмоди повернулся и снял маску.

— Джон Кэрмоди, землянин.

В освещенном дверном проеме вырисовывался силуэт старой женщины. Но это была не миссис Кри.

— Я жил здесь какое-то время, — сказал он. — Лет двадцать назад. Мне бы хотелось повидать миссис Кри.

Сморщенная старуха, видимо, боялась стоять лицом к лицу с чужаком из дальних межзвездных глубин. Она чуть-чуть прикрыла дверь и сказала в щелку дрожащим голосом:

— Миссис Кри здесь больше не живет.

— А вы не могли бы сказать, где я могу ее найти? — вежливо спросил Кэрмоди.

— Не знаю. Она решила пройти последнюю Ночь, и больше о ней никто не слышал.

— Мне очень жаль.

Несмотря на бывшие вспыльчивость и воинственность Кэрмоди, миссис Кри обожала своего вздорного постояльца.

Кэрмоди вернулся к такси. Но едва он взялся за ручку двери, как из-за ближайшего угла сверкнули автомобильные фары и помчались прямо на него. Кэрмоди быстро нырнул под такси, понимая, что, возможно, ставит себя в дурацкое положение. Но он обычно следовал своим предчувствиям.

На сей раз он тоже не оплошал. Застрекотал пулемет, посыпались стекла, и водитель такси закричал. После чего машина промчалась по улице, набирая скорость, и, взвизгнув тормозами, скрылась за углом.

Не успел Кэрмоди вылезти из-под машины, как что-то полыхнуло у него над головой у окна машины. Он быстро пополз назад, ослепленный и оглушенный.

Когда ему удалось-таки подняться на ноги, его окутал горький дым. Из салона такси рвался огонь, в приоткрытой двери виднелся труп водителя, свесившийся на землю.

Кэрмоди бросился обратно к дому и заколотил молотком в закрытую дверь. Но внутри не слышалось ни звука. «Ну что ж, — подумал священник. — Старуху винить не приходится. Однако, надеюсь, она все же догадалась позвонить в полицию».

Он надел маску и зашагал по тротуару. Звон в ушах понемногу утихал, и голова уже не так кружилась. Через пару минут Кэрмоди нашел телефонную будку и позвонил в отель Джилсону, но ему никто не ответил. Тогда он позвонил Лифтину. Но на экране возник кэринянский полицейский.

«Что за маскарад?» — строго спросил он, увидев перед собой жуткую физиономию. Кэрмоди снял маску. Узнав земного Отца Йеса, кэринянин выпучил глаза и заговорил повежливее.

— Землянин Лифтин бежал час назад, — сказал он. — Расплавил прутья оконной решетки каким-то горючим веществом и спустился по веревке, которую, должно быть, припас в багаже. Мы передали всем постам его приметы, но он может нарядиться в костюм. Он купил его у коридорного.

— Проверьте, где находится землянин Рафаэль Абду, и сообщите мне! — велел Кэрмоди. — А вы случайно не знаете, где Джилсон?

— Джилсон покинул отель сразу же после бегства Лифтина. Подождите, Отец. Мы проверим, где Абду.

Часы Кэрмоди показали, что прошло пять минут, прежде чем на экране снова возникло лицо полицейского.

— Землянин Абду в своем номере, Отец.

Его лицо исчезло с экрана, а голос сказал: «Одну минуту». Очевидно, он говорил с кем-то еще. «Хорошо», — пробормотал полицейский, и на экране вновь показалось его лицо.

— Джилсон оставил для вас сообщение. Вам надо позвонить ему по этому номеру.

Кэрмоди произнес в микрофон названный номер, и на экране появилось лицо Джилсона. За его спиной слышались громкие голоса и смех.

— Я в таверне на углу улиц Виилджрар и Тьювдон, — сказал Джилсон. — Подождите, сейчас я надену маску. Я снял ее, чтобы вы меня узнали.

— Что случилось? — спросил Кэрмоди. — Мне сказали, что Лифтин сбежал.

— Вы уже знаете? Так вот, я преследую его. Он здесь, в таверне, и беседует с каким-то парнем. Кэринянином, кажется. Я вижу только кончики его пальцев и черную шею. Лифтин одет в коричневый костюм, изображающий какое-то животное, и маску с рогами — кэринянский вариант оленя, я полагаю. А его собеседник наряжен какой-то кошкой.

«Наверное, эрдур и ишквар», — подумал Кэрмоди. Он довольно сносно разбирался в персонажах кэринянской мифологии и сказок, чтобы распознавать их со слов. Но у него не было времени делиться своими знаниями с Джилсоном.

— Вы можете повертеться там, пока я не поймаю такси? Приеду — расскажу, что случилось со мной.

Отсюда же, из будки, Кэрмоди вызвал такси. Машина появилась только через десять минут. При виде суммы, которую предложил пассажир, водитель решил пренебречь всеми правилами движения. Так что Кэрмоди не мог пожаловаться, что поездка оказалась слишком долгой.

Таверна Тиивита стояла в стороне от главных улиц, но нынче вечером была заполнена до отказа. Толпы гуляющих тянулись сюда, надеясь отдохнуть и повеселиться после парада масок.

Джилсон, тоже одетый в костюм гроджара, топтался на улице. Кэрмоди перебросился с ним парой слов, и они оба вошли в таверну.

Лифтин и кэринянин сидели за столом у задней стенки. Наблюдая за ними, Кэрмоди мучительно старался вспомнить, где он видел этого кэринянина — его жесты казались ему знакомыми. Через некоторое время незнакомец поднялся и направился в туалет. И Кэрмоди наконец узнал его.

— Это Абог, — сказал он Джилсону. — Секретарь Рилга. Какого черта он болтает тут с Лифтином?

Абог не стал бы встречаться с Лифтином по своей инициативе. Неужели его шеф Рилг был членом эльгулитского подполья? Он мог узнать, что наемника послали фанатики Земли, и попробовать использовать его в своих целях.

— Послушайте, Джилсон, — сказал Кэрмоди, — теперь, когда в дело ввязалась полиция, нам следует быть осторожными. Некоторые из них могут работать на Рилга. Уходите отсюда и возвращайтесь в отель. Если все получится, у меня появится шанс на более доверительное отношение со стороны полиции. Я попробую подобраться поближе к Лифтину.

— Мне бы не хотелось оставлять вас одного, — сказал Джилсон.

— Я знаю этот мир лучше, чем вы. Кроме того, если вы не собираетесь провести здесь Ночь, вам следует поторопиться с отлетом.

Оперативник ушел, пожелав Кэрмоди удачи. Священник подошел к стойке и заказал кэрнинянского пива. Когда пара подвыпивших парней встала из-за столика, который стоял рядом с Лифтином, Кэрмоди тут же занял освободившееся место. Но в таверне было так шумно, что он не слышал, о чем говорили Лифтин и Абог. Какая жалость, что он не захватил с собой магнитофона, с помощью которого можно было вести лучевую запись беседы.

Внезапно Лифтин и Абог встали и быстро пошли к выходу. Выждав несколько секунд, Кэрмоди двинулся за ними следом. Очевидно, они были начеку, поскольку Абог оглянулся. Они вышли в тот момент, когда Кэрмоди достиг лишь середины зала.

А еще через секунду в дверях возникли трое полицейских и заблокировали выход. Кэрмоди остановился и обернулся — в заднюю дверь тоже входили полицейские.

Неужели Абог и Лифтин обнаружили, что за ними следят? Вряд ли. Скорее всего они просто решили подстраховаться на всякий случай.

Кэрмоди двинулся к туалету. Не успел он закрыть за собой дверь, как послышались свистки, и кто-то сделал предупредительный выстрел. Кэрмоди быстро вылез в открытое окно.

И, приземлившись на четвереньки на мостовой, услышал:

— Встать! Руки за голову!

Кэрмоди поднял руки и обернулся. Перед ним стоял полицейский и целился в него из пистолета.

— Спиной ко мне! Руки на стену! Живо!

— Я ничего не сделал, офицер! — заныл Кэрмоди голосом бродяжки кэрнинянина.

Подчиняясь приказу, он медленно снял маску и вдруг бросил ее в лицо полицейскому. Тот вскрикнул от неожиданности. Раздался выстрел. Пуля попала в каменную стену, и Кэрмоди осыпала кирпичной крошкой. Недолго думая, он подпрыгнул и что было сил ударил полицейского ногами. Тот рухнул как подкошенный. В тот

же миг Кэрмоди вскочил ему на спину и большими пальцами ткнул у него за ушами. Полицейский сразу обмяк и больше уже не шевелился.

Кэрмоди схватил оружие и маску и помчался по улице, на бегу надевая маску и заправляя на пояс пистолет. За спиной у него слышались свистки и крики. Прогремел выстрел. Кэрмоди кинулся на землю, быстро перекатился к стене ближайшего здания, вскочил и снова бросился бежать. Через пару минут он достиг перекрестка, запруженного людьми, и, с разбегу вклинившись в толпу, затерялся среди людей.

Послышался вой сирены; на перекресток выскочила полицейская машина и, резко сбавив скорость, медленно поехала в толпе, стараясь не подавить праздных гуляк. Но Кэрмоди уже нечего было бояться. Он стоял, окруженный ликующим народом, и невозмутимо наблюдал, как блюстители закона проезжают мимо.

Ну что ж, дело «сделано». След Абога и Лифтина потерян, и теперь можно спокойно вернуться в отель.

Из холла Кэрмоди позвонил в номер Джилсона. Ему никто не ответил. Тогда он позвонил Тэнду, и слуга сообщил, что хозяина дома нет и до завтрашнего утра не будет.

Делать нечего. Кэрмоди поднялся на свой этаж. У двери его номера по-прежнему маячили двое охранников. Священник открыл дверь и попросил стражей осмотреть комнаты. Те с готовностью повиновались и через минуту дружно отрапортовали, что посторонних в помещении нет и подозрительных предметов не обнаружено. Кэрмоди поблагодарил их и запер дверь.

Выпив бокал вина, Кэрмоди разобрал постель и засунул под одеяло подушки, придав им вид спящего человека. Потом расстелил под столом покрывало, лег, свернулся калачиком и уснул.

Разбудил его телефонный звонок. Кэрмоди осторожно высунулся из-под стола. Сквозь двойные пуленепробиваемые стекла зарешеченного окна струился утренний свет. Священник медленно выполз из-под стола, поднялся и выпрямился во весь рост. После вчерашней пробежки и ночевки на полу все тело болело, точно побитое палками.

Звонил Тэнд. Он выглядел так, словно спал еще хуже, чем Кэрмоди. Лицо его осунулось, в уголках рта залегли глубокие морщины. Тем не менее кэринянин улыбался.

— Как ты провел ночь?

— Я не скучал, — ответил Кэрмоди и взглянул на настенные часы. — О-о! Да я проспал завтрак.

— У меня хорошие новости, — сказал Тэнд. — Йесс увидится с тобой сегодня вечером. В час «трагу».

— Прекрасно. Слушай, а тебе не кажется, что эта линия прослушивается?

— Кто его знает. Может быть. А что?

— Мне надо поговорить с тобой. Прямо сейчас. Это очень важно.

— Я не спал всю ночь, — сказал Тэнд. — Впрочем, кто спит в это время. Ладно. Приезжай ко мне. Или хочешь встретиться в другом месте?

— В твоём доме тоже наверняка установлены «жучки».

Улыбка исчезла с лица Тэнда.

— Неужели дела так плохи? Ладно. Я заеду за тобой. Встретимся в холле отеля. Я буду у тебя через полчаса.

Ожидая Тэнда, Кэрмоди расхаживал по комнате взад и вперед и яростно размахивал руками. Имя Фрэтта звучало у него в мозгу, как удары молота: Фрэтт! Фрэтт! Но кто такой этот Фрэтт? И откуда он взялся?

У Кэрмоди была прекрасная память. Он отлично помнил свои чудовищные преступления и порой думал, что лучше ему было тогда покончить с собой. Но все это давно прошло. Теперь он созерцал свои поступки как бы со стороны.

Но почему он не мог увидеть в своем прошлом человека по имени Фрэтт?

Кэрмоди перебирал в уме имена своих жертв, которые мог вспомнить. Их было много. Потом он пытался представить себе их лица, и лиц тоже было много.

Наконец он махнул рукой на это занятие и вышел из номера. У него даже появилась легкая головная боль, чего не случалось уже много лет. Неужели ее вызвала пробудившаяся совесть? Или было что-то скрытое в его подсознании, хотя он считал, что навсегда избавился от вины и раскаяния?

Кэрмоди вышел из отеля как раз в тот момент, когда подъехал Тэнд на длинной черной машине. Правая дверца открылась, впускная маленького священника, и закрылась, когда он устроился на переднем сиденье рядом с Тэндом.

— Это «гразха», — с гордостью сказал Тэнд. — Следующая модель после земной «ДМ Стиджо», ты заметил?

Тэнд свернул с центральной улицы и помчался в жилой район. Машина остановилась у детской игровой площадки.

— Пусть тебя не беспокоят лучевые микрофоны, направленные на нас, — сказал он. — Я включил электротрещотку.

Кэрмоди рассказал другу о событиях прошлой ночи.

— Я подозревал что-то подобное, — ответил Тэнд. — Но мы ничего не сможем сделать. У нас нет конкретных доказательств, на которые мог бы опираться суд. Мы можем предъявить Абогу твои обвинения, но это ничего не даст. Во-первых, откуда тебе известно, что мужчина в костюме ишквара действительно был Абогом? Ты, конечно, можешь быть уверен в этом, но для суда твои слова не являются доказательством. И потом, в чем ты его обвинишь? В том, что он беседовал в таверне с землянином? А что в этом необычного — особенно в предпраздничную ночь? К тому же ты даже не можешь точно сказать, был ли этот землянин Лифтином.

— Да, я в этом сомневаюсь, — сказал Кэрмоди. — Не могу поверить, что Лифтин мог говорить с кэринянином как местный.

— Значит, у тебя вообще нет никаких доказательств, — подытожил Тэнд по-английски. — Однако, как говорите вы, земляне, у предыдущего четыре руки, и в каждой из них пистолет.

Кэрмоди засмеялся, поскольку оценил каламбур. Тэнд намекал, что кэринянские дети и суеверные сельчане верили в злого духа Дуублоу, якобы имевшего четыре руки, которыми он хватал беспечных путешественников на перекрестках, а затем съедал.

— Рилг может вообще не быть эльгулитом, — продолжал Тэнд. — Он может считать себя истинным приверженцем Йесса. Но он глава нашего правительства, и его первой заботой является выживание государства и процветание Кэрина. Я не завидую его посту. Он разрывается между святой обязанностью принять то, что говорит его бог, и желанием сохранить статус-кво. К тому же надо учесть его сомнения в способности выжить в нынешнюю Ночь. Последний фактор, я бы сказал, оказывает на него самое сильное влияние, как на большинство других людей.

Однако он не может не замечать, как не замечает большинство людей, что время от времени требуется чистка рядов. Так почему не сделать это сейчас, независимо от того, насколько болезненной она будет? Поверь мне, любое сопротивление выражает лишь то, как поверхностна вера в нас. Нет ничего проще, чем следовать популярной религии и служить богу-победителю. Но когда тебя призывают пройти окончательную проверку, это уже другое дело.

— Йесс не собирается отделять взрослых от детей?

— То, что хорошо для одних, приемлемо и для других.

— Но это же дети!

Тэнд скорчил гримасу:

— Мне тоже не нравится такая идея. Но если они не пройдут через Ночь, весь план Йесса потерпит крах.

— Это нелогично, — возразил священник. — Предположим, после Ночи останутся только добрые и хорошие люди. Но что будет с их детьми? Ты же не станешь мне доказывать, что доброта — чем бы она ни являлась по твоему определению — представляет собой генетическую особенность.

— Но дети обычно склонны наследовать качества родителей. В любом случае это не имеет большого значения. Потому что как только Йесс издаст указ об общем Бодрствовании, Спящих уже не окажется. Все люди пройдут через Ночь.

— Ладно. Я вижу, что спорить по этому поводу бесполезно. А что ты собираешься делать с Абогом и Рилгом?

— Усилю меры безопасности и охрану Йесса. И твою охрану. Я уже приказал перенести твои вещи в номер на четырнадцатом этаже. Люди, охранявшие тебя, заменены на лучших работников, которым я доверяю. Теперь ты и шагу не сделаешь без надежного и соответствующего прикрытия.

— Это разумно, но до каких-то пределов, — сказал Кэрмоди. — Да, ты обещал назначить пенсию вдове и сиротам того бедняги

таксиста. Хотя я и не виноват в его гибели, но все-таки, если бы не я, он был бы жив.

— Я уже обо всем позаботился, — ответил Тэнд и мрачно усмехнулся. — Но деньги не принесут им пользы. Все зависит от того, пройдут ли они через Ночь. После нее они будут достойны всего, независимо от денег.

Тэнд завел мотор и поехал назад в отель. Кэрмоди долго молчал. Кардинал дал ему инструкции попытаться отговорить Йесса от принуждения ко всеобщему Бодрствованию. Но получалось, что это могло оказаться выгодным Церкви. Если цивилизация кэринян рухнет, бунтисты долго не смогут вести миссионерской работы.

Однако с человеческой точки зрения кардинал был прав. Но Кэрмоди сомневался, что и он, и руководители Церкви считались с этим. Для них, удаленных от чужой культуры на полтора миллиона световых лет, результаты решения Йесса не были очевидны. Они думали только о том, что несли с собой йесситы и бунтисты. Они воображали себе толпы фанатиков, наводняющие Землю и колониальные планеты.

Что он скажет Йессу? Вопреки инструкциям кардинала одобрит его решение провести всех жителей Кэрина через Ночь? Или следует приказу и пойдет против интересов Церкви, даже если Церковь не знает об этом?

Но в душе Кэрмоди не было сомнений. Он желал предотвратить убийства, боль и горе. Он не был бы христианином, если бы поступил наоборот. Его руководители должны понять, что только человек, ставший непосредственным участником событий, мог действительно понять ситуацию. И потому такой человек, если только он по-настоящему человечен, мог иногда проявлять неподчинение. Возможно, это и не понравится его начальству, но тогда пусть оно наказывает его, как сочтет нужным. Он готов к этому.

Впрочем, в одном Кэрмоди сомневался. Что, если события не будут развиваться по тому плохому сценарию, как думали Тэнд и многие другие? Йесс, будучи предводителем обычных смертных, мог знать нечто большее, чем они.

Тэнд проводил приятеля до входа в отель. Три кэринянина в гражданской одежде, подбежавшие к машине, прикрывали Кэрмоди с трех сторон.

— Вечером я пришлю за тобой машину, — сказал Тэнд. — Мы встретимся у покоев Йесса в храме и перед аудиенцией еще немного поговорим.

Кэрмоди поблагодарил его и отправился в свой номер, который теперь находился на четырнадцатом этаже. Люди Тэнда расположились в коридоре. Кэрмоди позвонил Джилсону, но того опять не оказалось в номере. Тогда он позвонил портье и поинтересовался, не оставял ли Джилсон для него каких-то сообщений. Клерк ответил, что мистер Джилсон не давал о себе знать с прошлой ночи.

Кэрмоди встревожился. Позвонив Тэнду, но не застав его на месте, он потребовал соединить его с ларгом, лейтенантом, который

раньше отвечал за его охрану. Теперь тот выполнял другое задание. Но ларгу была известна предыстория покушений, и он мог бы продолжить расследование.

Ларг Пийнел находился в холле. Он тут же поднялся наверх, чтобы поговорить с Кэрмоди в его номере. Пийнел был молодым кэринянином, очень высоким, стройным и мрачным.

— Вы подозреваете работу на два фронта? — спросил он.

— Да, это не исключено, — ответил Кэрмоди.

Он не стал рассказывать Пийнелу всей правды об инциденте предыдущей ночью. Его история гласила о том, что Джилсон обнаружил Лифтина в таверне Тиивита. После его звонка Кэрмоди приехал и увидел Лифтина своими глазами. О своих подозрениях относительно Абога Кэрмоди предпочел умолчать. Джилсон следил за Лифтином от таверны, но Кэрмоди не смог пойти за ними. Ему надо было вернуться в отель и ответить на звонок Тэнда. Об инциденте с полицейским на улице он тоже не стал упоминать.

— Я попытаюсь подключить к этому делу нескольких человек, — пообещал Пийнел. — Но вы должны понять, что праздник ограничил наши возможности. Кроме того, улицы заполнены людьми в карнавальных масках. Они танцуют, пьянствуют и занимаются сексом до упаду, затем спят несколько часов и продолжают развлекаться. Поэтому очень трудно опознать в толпе кого-то, даже землянина.

— Я понимаю, — ответил священник. — Думаю, что я сам подключусь к поискам. Я узнаю Джилсона по походке и жестам, даже если он будет в маске.

— Мне приказано обеспечить вашу безопасность, — сказал ларг. — Я не могу позволить вам выйти из отеля. Простите, Отец, но так надо.

— Отец Тэнд дал мне трех телохранителей, — заметил Кэрмоди.

— Еще раз простите, Отец, но вы не должны выходить из отеля. Люди Тэнда могут охранять вас сколько угодно, но я наделен более высокими полномочиями.

Зазвонил телефон, и Пийнел, сидящий ближе к аппарату, ответил. На экране появилось лицо полицейского.

— Докладывает Виндру, сэр. Я насчет того землянина, Джилсона. Он найден мертвым. На аллее у квартала Традхи. Десять минут назад. Парня дважды пырнули в спину, а потом перерезали ему горло.

Кэрмоди застонал.

— Опознание уже проведено?

Виндру нерешительно посмотрел на начальника.

— Все нормально, — сказал тот. — Говорите.

— Да, Отец. Его документы находились в сумочке на поясе. Мы проверили фото и отпечатки пальцев.

Пийнел извинился и сказал, что должен отдать кое-какие распоряжения относительно доставки тела. Очевидно, ЗСБ имела соглашение с кэринянскими властями относительно транспортировки

убитых агентов обратно на Землю для захоронения. Кэрмоди подумал, что Пийнел использовал этот предлог, чтобы прервать беседу.

Рассердившись, он еще раз позвонил Тэнду, и ему опять ответили, что Отец Тэнд еще не дал о себе знать. Кэрмоди забежал по комнате из угла в угол. Его категорически не устраивало положение заключенного; ему хотелось что-нибудь делать.

Он был уверен, что Лифтин как-то связан со смертью Джилсона. Возможно, здесь замешан и Абог. Но Кэрмоди ничего не мог поделать. Да и где сейчас Лифтин? Где бы он ни был, он работал над выполнением своей задачи: убить Йесса.

Кэрмоди так разозлился, что принялся проклинать землян и своих собратьев по вере, которые наняли Лифтина. Как странно, что почитатели Эльгуля и сторонники Христа объединились!

В дверь постучали. Кэрмоди отодвинул засов и толкнул дверь, давая тем самым понять, что полицейские могут войти. Но в номер ворвались два кэринянина с автоматами в руках. За ними появились еще трое, волоча за собой тела охранников.

Кэрмоди заставили поднять руки. Пока один из кэринян держал его под прицелом, другой помогал втаскивать полицейских в комнату. Охранники не были мертвы, как поначалу показалось Кэрмоди, — просто их, очевидно, накачали каким-то наркотиком.

Кэринянин подал священнику маску и карнавальный костюм:

— Надень.

Тот подчинился.

— Вы работаете на Фрэтта? — спросил он.

Но никто ему не ответил. Когда он надел костюм и маску в виде рогатой головы эрдура, ему велели идти вперед и предупредили, что, если он попытается бежать или звать на помощь, ему на первый раз прострелят ногу.

Кэриняне тоже надели маски и теперь выглядели как группа весельчаков. Кэрмоди приказали идти до конца коридора, а там заставили подняться по лестнице. На пятнадцатом этаже его отвели в комнату, находящуюся как раз над его номером. Один из похитителей постучал в дверь: два удара кряду и секунд через пять еще три.

Дверь открылась, и в спину Кэрмоди уперлось оружие. Священнику ничего не оставалось делать, как только войти. Коридор был пуст: ни служащих отеля, ни других постояльцев.

Дверь закрылась, глухо щелкнул засов. С лица Кэрмоди сорвали маску, и он огляделся. Комната была обставлена, как и в его номере.

У каменного стола в центре комнаты стоял Рафаэль Абду. За столом сидела пожилая землянка. Ее платье было сшито по моде тридцатилетней давности, но некоторые детали выдавали руку портного-колониста — с какой планеты, Кэрмоди определить не удалось. Длинные седые волосы женщины были заплетены в косы и ложены в высокую башню на макушке. Ее морщинистое лицо носило следы былой красоты. Глаза скрывались за большими шестиугольными солнечными очками.

— Ты уверен, что это Джон Кэрмоди? — спросила она Абду на межпланетном английском.

— Что за нелепый вопрос? — раздраженно сказал тот. — Если хотите, он вам что-нибудь скажет, и вы узнаете его голос.

— Да, пусть заговорит!

— Эй, Кэрмоди, скажи ей что-нибудь! — рявкнул Абду. — Несколькое фраз из какой-нибудь твоей проповеди. Леди хочет послушать тебя.

— Так вот вы какая, Фрэтт, — сказал Кэрмоди. — Значит, я ошибался. Я полагал, что вы мужчина. Видимо, вы попросили продиктовать свое послание какого-то мужчину.

— Да, это он! — закричала женщина. — Я не забыла его голос! Не забыла даже через столько лет.

Она положила кисть с набрякшими венами на руку Абду:

— Расплатись с ними. Скажи им, пусть уходят.

— С радостью, — сказал Абду.

Он скрылся в другой комнате и тотчас же вернулся, держа в руках несколько пачек кэринянских денег. Потом разделил деньги и вручил каждому похитителю его долю. Пересчитав купюры, четверо вышли из номера. Пятый остался.

Он снял с Кэрмоди маскарадное одеяние, связал ему руки за спиной, после чего посадил священника в кресло и прикрутил его лодыжки к массивным ножкам кресла. Вытащив откуда-то из-под плаща еще пару веревок, привязал пленника к сиденью. Потом пропустил веревку под мышками Кэрмоди и накрепко примотал его к спинке.

— Рот затыкать? — закончив работу, осведомился он.

Абду перевел вопрос на английский язык.

— Нет, — ответила женщина. — Я сама залеплю ему рот, если понадобится. Пусть оставит ленту на столе.

— Я по-прежнему не знаю, кто вы, — сказал Кэрмоди.

— Твоя память слишком обременена злыми делами, — сказала она. — Но я тебя не забыла. А это важнее всего.

Кэринянин вышел из номера, и Абду закрыл за ним дверь. Какое-то время было тихо. Кэрмоди рассматривал лицо женщины. Внезапно в его памяти словно шлюз прорвался, и воспоминания хлынули потоком.

Это была та самая женщина, что продала ему план крепости, где хранился огневик «Старониф».

Скрываясь от погони, Кэрмоди улетел на планету Бюлах. Располд шел по его следу до самого Трамплина, но ему удалось бежать. На Бюлахе, планете, заселенной в основном англичанами и скандинавами, он представился золотоискателем. Здесь он решил затаиться и очень долго боялся даже думать об огневике.

Но когда выяснилось, что Располд потерял его из виду, он перестал сопротивляться искушению. Его тщательно разработанный план потребовал четырех месяцев — не так уж и много времени, учитывая размер добычи. Он собрал нескольких поделщиков и среди них

Лифтина. Обеспечив отход и наняв космический корабль для бегства с Бюлаха, он подкупил одного из охранников огневика, что уже само по себе было целым искусством, ибо стражи драгоценности славились своей честностью. Этот охранник должен был открыть похитителям дверь, а затем вывести из строя механизмы сигнализации. Он дал им план помещений и расположения датчиков, установленных в подвале, куда помещали камень по ночам.

Но наместник, который управлял одним из маленьких государств Бюлаха, решил, что система охраны устарела. Он сменил всех стражей, набрал новых и начал вносить изменения в механизмы защитных рубежей и даже во внутреннюю конструкцию здания. Кэрмоди боялся, что подкупленный охранник начнет болтать, если подумает, что уже отработал полученные деньги. Его надо было убить, что Кэрмоди и сделал.

Другие члены его группы хотели отказаться от операции, но Кэрмоди настоял на ее продолжении. Для этого требовался новый план. И, поспрашивав кое-кого, Кэрмоди обнаружил, что секретарша наместника не уволена и не переведена на другую работу. Ходили слухи, что эта женщина была любовницей наместника и тот не хотел отказываться от ее услуг.

Кэрмоди вошел в дом женщины ночью.

Миссис Джеральдина Фрэтт, как она назвала себя, была не одна, а с сыном, который вообще-то жил в другом городе, но по случаю приехал на денек, чтобы навестить мать. Когда женщина, несмотря на пытки, отказалась отвечать на вопросы и стало ясно, что она скорее умрет, но ничего не скажет, Кэрмоди принялся пытать ее сына. Увидев, как сына буквально режут на части, мать не выдержала, хоть несчастный и молил ее ничего не говорить мучителю.

Миссис Фрэтт провела злоумышленников в крепость. Ее сына несли Лифтин и еще один парень. Так похитители хотели подстраховаться, чтобы женщина их не выдала. Выкрыв из подвала огневик «Старониф», Кэрмоди втолкнул туда мать и сына. А потом бросил им вслед гранату и захлопнул массивную дверь.

От взрыва сработала сигнализация. И вместо того чтобы организованно двинуться в космопорт, как было запланировано, люди Кэрмоди разбежались. Располд, только что прибывший на Бюлах, подключился к поиску и возглавил погоню.

Пытаясь скрыться, Кэрмоди украл гравиплан. Вынужденный совершить посадку у кромки Колючего леса, дальше он двинулся на своих двоих. Именно в этом лесу произошел случай с лагаром, который проглотил огневик. Позже Кэрмоди все-таки покинул Бюлах и со временем добрался до Радости Данте.

— Думаю, я не вспомнил вас, миссис Фрэтт, потому, что, во-первых, думал, что письмо послал мужчине, а во-вторых, считал вас с сыном мертвыми.

— Мой сын закрыл меня своим телом, — сказала старуха. — Он умер. Мое лицо было разорвано в клочья, а глаза выбило оскол-

ками. Пластическая операция устранила первое, но второе... — Она сняла очки, и Кэрмоди увидел ее пустые глазницы.

— Вы могли бы обрести и новые глаза! — воскликнул он.

— Я поклялась, что не взгляну на этот мир снова, пока ты не расплатишься за меня и Берта. Я потратила много времени и денег, разыскивая тебя. У меня было большое состояние, потому что наместник завещал мне все свое имущество. Но к тому времени когда я услышала, что ты стал священником на Вайлденвули, оно уже почти иссякло. И чтобы сэкономить средства, необходимые на твои розыски, я отказалась от омоложения и регенерации. Вот почему я выгляжу такой старой. Боюсь, что после осуществления моей мести я умру. Но я благодарю Бога, что отыскала тебя.

— И все эти годы вы разыскивали меня? — спросил Кэрмоди. — Миссис Фрэтт, кого же вы нанимали для этого дела?

— Поиски возглавлял Рафаэль Абду. Ты ничего не можешь сказать против него, злоязычное чудовище! Он был добрым и верным помощником и без усталости работал на меня все это время. Я знаю его и доверяю ему.

— Странно, что он нашел меня только после того, как вытянул из вас все деньги, — пробормотал священник. — Ладно, доверяйте ему и дальше. По крайней мере, он не бросил это занятие. Он дал вам что-то взамен, чтобы удержаться на хорошо оплачиваемой работе, о какой только может мечтать двадцативосьмилетний лоботряс. Не так ли, добрый и верный слуга?

— Миссис Фрэтт, позвольте мне выбить ему пару зубов? — попросил Абду. — Всего лишь пару. Это будет хорошее начало.

— Нет, пусть поговорит. Меня не трогают его слова — мое решение неизменно.

— Миссис Фрэтт, ваш помощник мог бы без труда отыскать меня после того, как я покинул эту планету. Год я провел в госпитале Джонса Хопкинса. Полиция знала о моем местонахождении, и у Церкви не было причин скрывать мои координаты. Абду выжимал из вас деньги, как сок из лимона.

— Ты скользкий и мерзкий тип, — сказала она. — Вчера ты отделался от нашего человека, посланного Абду, но сегодня мы с огромным трудом, но поймали-таки тебя в сети. Наконец ты здесь, и на сей раз тебе уже ничто не поможет.

Несмотря на могильный холод, царивший в комнате, Кэрмоди вспотел.

— Миссис Фрэтт, — сказал он, стараясь не выдать отчаяния, которое чувствовал, — я понимаю, почему вы хотите мне отомстить. Я понимаю вас, несмотря на то что через столько лет вы видите перед собой не-того человека, которого когда-то знали... Тем не менее я не могу понять и простить вам убийства ни в чем не повинной женщины, моей жены!

Женщина вцепилась в подлокотники кресла:

— Что? О чем ты говоришь, безумец?

— Вы сами прекрасно знаете, о чем я говорю! — хрипло ответил Кэрмоди. — Вы убили мою Анну! И, совершив это злодеяние, стали такой же виновной, как тот Джон Кэрмоди, которого вы так ненавидите. Вы так же злы и мерзки, как он, и не имеете права говорить мне о правосудии или справедливом возмездии!

— Что он говорит?! — вскричала она, поворачивая слепое лицо к Абду, и снова обратилась к Кэрмоди: — Что же случилось с твоей женой? Я даже не знала, что ты женился! Ты сказал, ее убили? Действительно убили?

— Я предупреждал вас, миссис Фрэтт, — вкрадчиво заговорил Абду, свирепо глядя на Кэрмоди, — что с этим типом надо держать ухо востро. Он скользкий как угорь. Он говорит о своей жене только для того, чтобы разжалобить вас и отвести от себя ваш гнев. И для этого пытается пробудить у вас подозрения на мой счет. С его женой все в порядке. Я видел, как он целовал ее на прощание, улетая с Вайлденули.

Лицо миссис Фрэтт стало разгневанным.

— Ах, Кэрмоди! Лжец! Ты можешь сказать что угодно, лишь бы спасти свою шкуру.

— Я говорю правду! — ответил Кэрмоди. — Мою жену взорвали в машине. Как только она погибла, мне позвонил мужчина в маске и сказал, что это вы отдали приказ убить ее!

— Ты лжешь!

— Тогда, может, вы объясните мне такой факт? Если вы хотели взять меня живым, то почему ваши люди пытались убить меня рядом с домом моего старого друга, здесь, в Рэке?

Миссис Фрэтт побледнела, и ее губы беззвучно зашевелились.

— Ослепленная ненавистью ко мне, вы не только убили мою жену, но и прикончили безвинного человека, который не имел ко мне никакого отношения, кроме того, что подвез меня на такси к дому миссис Кри. Его разорвало снарядом, который предназначался для меня.

— Снова ложь! — яростно закричал Абду. — Он говорит так, чтобы оттянуть неизбежное, справедливое неизбежное. Клянусь вам!

Миссис Фрэтт протянула руку, коснулась запястья Абду и вдруг сжала его изо всех сил.

— Ведь ты не совершал этих гнусных поступков, правда? Ты не убивал его жену и того человека? Или ты хотел убить Кэрмоди и лишить меня цели всей моей жизни?

— Я всегда говорил вам только правду, миссис Фрэтт. Думаю, хватит слушать его болтовню. Он сейчас похож на удава, который гипнотизирует свою жертву. — Абду посмотрел на часы. — Миссис Фрэтт, до отлета последнего корабля осталось десять часов. Нам лучше приступить к делу. Насколько я помню, вы хотели пролить свою месть?

— О, я сделала ошибку, отказавшись от новых глаз! — сказала она. — Мне так хочется посмотреть на его мучения! Жаль, что сейчас уже нет времени исправлять оплошность!

— Не волнуйтесь. Вы все услышите. Вы почувствуете его боль руками.

— Миссис Фрэтт, — сказал Кэрмоди, будучи уже не в силах сдерживать дрожь в голосе. — У меня есть к вам последняя просьба. Несколько минут назад вы говорили о Боге и благодарили его. Неужели вы действительно думаете, что он одобрит ваше преступление? Если вы христианка, то ради Бога не делайте этого! Даже если я причинил вам столько горя. Неужели вы хотите предать меня пыткам. «И аз воздам», — сказал Господь. Но я не...

— «Аз воздам», — сказал Господь? — зашипела миссис Фрэтт. — Дьявол умеет цитировать Писание — теперь я знаю это точно! Но приступим! Вой, умоляй о пощаде, проси! Я тоже просила тебя не мучить моего сына, а ты смеялся надо мной. Посмейся и сейчас!

Кэрмоди молчал. Он решил, что умрет с достоинством. Злодеи не услышат от него мольбы и криков, пока он будет в силах контролировать себя. Но тем не менее он не мог унять дрожь, распространившуюся по всему телу.

— Миссис Фрэтт, пока я еще могу говорить и думать логично, я хочу сказать, что прощаю вас. Надеюсь, что и Бог по милости своей тоже простит ваше прегрешение. Поэтому независимо от того, что я скажу позже, помните, это было мое последнее слово. Пусть Бог дарует вам милость.

Миссис Фрэтт вскочила на ноги и медленно двинулась к креслу Кэрмоди. Абду поддерживал ее под локоть. Внезапно она остановилась и положила руку на грудь, туда, где билось сердце.

— Это еще одна его хитрость, миссис Фрэтт, — сказал Абду, видя, что она молчит.

— Помогите мне, Рафаэль, — тихо произнесла миссис Фрэтт. — Помогите мне.

— Я стану вашей силой, — ответил Абду.

Он подошел к столу и сдернул покрывало. В лучах солнечного света заблестела сталь: длинные острые ножи, хирургические скальпели, хирургический бур, дрель и пила. Здесь лежали также щепки кэринянского дюрла, дерева, похожего на бамбук, несколько проводов, ножницы и пара щипцов с широкими острыми краями. Набор завершали дубинка и молоток.

Абду взял скальпель и, подойдя к миссис Фрэтт, вложил инструмент ей в руку.

— Думаю, сначала надо немного поработать с его лицом. Он должен почувствовать часть той боли, какую пережили вы, миссис Фрэтт.

Женщина судорожно сжала скальпель и замахнулась им на Кэрмоди.

— Если вы будете вести себя малодушно, то поставите крест на всех этих долгих годах ожиданий. Неужели вы потеряли свое зрение ни за что?

Она дрогнула:

— Дай мне пощупать его лицо. Я не вижу, но пусть мои пальцы почувствуют страх того, кого я возненавидела с первой минуты

нашей встречи. О Боже! Я никогда не думала, что у меня не хватит духу на это. Я привыкла плакать, потому что не могла до него дотянуться!

Она приблизилась к Кэрмоди и, вытянув правую руку, коснулась его лба. Пальцы тут же отдернулись, вновь коснулись кожи и двинулись вниз, ощупывая лицо.

Кэрмоди вцепился в руку зубами. Женщина закричала и попыталась вырвать ладонь, но челюсти крепко держали ее. Пленник привстал вместе с креслом и, сжав коленями ее ногу, рывком приподнял ее на несколько дюймов. Миссис Фрэтт еще раз закричала и едва не упала на пол. Взревав, Абду бросился ей на помощь.

Кэрмоди поднатужился и с неимоверным усилием разорвал веревку, стягивавшую лодыжки. Женщина вырвала руку и отступила на шаг. Пленник подобрался и, резко выпрямив ноги, пнул ее в живот. Миссис Фрэтт отлетела назад и, наскочив на Абду, рухнула к его ногам.

Абду тупо взглянул на окровавленный скальпель в своей руке, на кровь, струящуюся по спине женщины, потом бросил инструмент и опустился на колени.

Тихо окликнув миссис Фрэтт по имени, он приложил ухо к ее груди и наконец медленно поднялся.

— Скальпель вошел неглубоко. Он не мог убить ее. Это ты убил ее, тварь.

— Я не хотел ее убивать, — хрипло ответил Кэрмоди. — Это ты во всем виноват. Но я был бы просто глупцом, если бы сидел на месте и позволял ей резать меня на куски.

— Ты все равно свое получишь, — тихо произнес Абду. — Твой трюк не сработает дважды.

Он поднял скальпель и двинулся к Кэрмоди.

— А тебе-то какой в этом интерес, Абду? Ты же получил от нее все, что только мог. Разве этого недостаточно? Зачем ты хочешь мучить меня?

— Ты прав, благодаря ей я жил как король. Но я уважал эту леди от всего сердца. И потом, мне всегда хотелось посмотреть, насколько ты крут, Джон Кэрмоди.

Он снова привязал лодыжки Кэрмоди к ножкам кресла и, встав за спинкой, обхватил левой рукой голову Кэрмоди. А правой воткнул скальпель ему в щеку и повел им вниз.

— Тебе не больно, приятель? — шепнул Абду в ухо священника.

— Довольно неприятно, — шепотом ответил Кэрмоди.

— Тогда посмотрим, крепка ли кожа твоих губ.

Скальпель полоснул уголок его рта. Кэрмоди дернулся от боли, но, сжав зубы, подавил рвавшийся из горла крик.

Абду приставил лезвие к яремной вене Кэрмоди.

— А ты дерни головой, и все кончится. Как тебе нравится такая идея?

— Боюсь, что теперь она мне действительно нравится, — ответил Кэрмоди. — Прости меня, Господи.

— Да, это настоящее самоубийство. Если ад существует, то я надеюсь, ты угодишь именно туда. Но я смотрю, ты что-то не торопишься.

Абду вернулся к столу и взял несколько деревянных щепок.

— Надо будет поджечь их под твоими ногтями. Ты когда-нибудь пользовался такими штуками?

Кэрмоди сглотнул слюну и сказал:

— Боже, прости меня еще раз.

— А ты думал, что об этом уже можно забыть, верно? Но мы не можем убежать от своих злодеяний. Они преследуют нас как собака, учуявшая кость.

Абду подошел к креслу, встал на колени и, навалившись животом на бедра Кэрмоди, снял с пленника туфлю и носок. Кэрмоди стал извиваться, пытаясь сбросить с себя мучителя, и вдруг закричал — это щепка вонзилась ему под ноготь большого пальца.

— Давай кричи, — подбодрил его Абду. — Никто не услышит тебя через эти стены.

Он взял коробок кэринянских спичек, чиркнул одной из них о каменный пол и, подпалив кончик щепки, встал.

— Это дерево пропитано маслом, — сообщил он. — Жжет как адский огонь, правда?

Внезапно в дверь постучали. Абду развернулся и выхватил из кобуры пистолет. Кто-то снова постучал, и стало тихо. Абду с облегчением вздохнул и неожиданно подпрыгнул от телефонного звонка.

Священник следил, как над медленно разгорающимся огнем поднимается дым. Он уже не кричал и чувствовал, что скоро потеряет сознание. Он испытывал невероятную боль, но знал, что она несравнима с теми адскими муками, когда огонь коснется нервов.

— Хватит звонить, черт бы тебя побрал! — рявкнул Абду.

— Наверное, это ищут меня, — простонал Кэрмоди. — Они нашли полицейских, которых вы вывели из строя. И им известно, что я не покидал отель.

— Ладно, пусть поищут тебя в другом месте. Сюда никто не попадет, пока дверь на засове.

Кэрмоди зашипел от боли.

— А что ты будешь делать потом? Они все равно не уйдут. Кроме того, они знают, что этот номер снимает миссис Фрэтт, которая на телефонный звонок не отвечает. И тебя в твоём номере нет. Охране известно, что из отеля ты не выходил. Ты же знаешь, как они проверяют каждого, кто входит и выходит.

Абду нахмурился и посмотрел на телефон. Потом оторвал кусок липкой ленты, лежавшей на столе, и, заклеив Кэрмоди рот, поднял трубку.

Кэрмоди хотелось услышать разговор, но это ему не удалось. Огонь достиг его плоти. И он уже ничего не слышал, кроме собственного крика, который остался в горле, запечатанном липкой лентой. Крик подымался все выше и выше, в голову. Однако боль не

помутила зрения, и он увидел тонкую струйку дыма, вьющуюся над дверным запором. Абду не видел этого, потому что стоял спиной к двери.

Огненная полоса медленно прочертила засов. Сталь лопнула. В тот же миг Абду повернулся и исчез в облаке желтоватого дыма. Его тело превратилось в смутный силуэт. Неясная тень вскинула руки, сжимая горло, и упала. Секундой позже в номер ворвались кэриняне в противогазах. Один из них бросился к Кэрмоди и попытался вытащить щепку из-под ногтя большого пальца, но только сломал обгоревший кусок. Тогда он вскочил, махнул рукой другому, и тот, достав шприц, ввел Кэрмоди в руку какое-то вещество. Через несколько секунд страдальца охватило блаженное забвение...

Он очнулся на какой-то кушетке. Боль в пальце и изрезанной щеке прошла. Над ним склонился Тэнд. По щекам его текли слезы. Но Тэнд не смущался: кэринянские мужчины плакали так же часто и охотно, как земные женщины. Он улыбнулся и похлопал Кэрмоди по руке:

— Все в порядке. Ты у меня дома, в полной безопасности, — во всяком случае в этот момент. Мы вовремя разрезали дверь автогеном. Можно сказать, нам повезло: Абду ничего не заметил, иначе он убил бы тебя.

— Абду парализовали газом?

— Да, он жив и сейчас на допросе.

— Он рассказал что-нибудь о своей связи с Лифтином и Абогом?

— Мы воспользовались шаларошелем, и он выложил все. Абду нанял Лифтина убить тебя, и это люди Лифтина покушались на тебя рядом с домом миссис Кри. Однако мы уверены, что Лифтин не только делал это втайне от Абога, но и тщательно скрывал от секретаря главы покушение, которое готовилось против тебя. Абог заинтересован в том, чтобы ты оставался в живых, потому что он и Рилг надеются на твою помощь в беседе с Йессом по поводу всеобщей Ночи. Ты, мой милый друг, попал в эту паутину.

— А миссис Фрэтт мертва?

— Боюсь, что так. Абду рассказал нам, как она была убита. — Заметив, что Кэрмоди вздрогнул, Тэнд поспешил ободрить его: — А что еще тебе оставалось делать?

— Я знаю тебя достаточно хорошо и понимаю, что ты озадачен моим поведением. Тебя интересует, почему я, человек, переживший Ночь, так яростно сопротивлялся. Почему не постарался отговорить миссис Фрэтт от пыток, когда она явно склонялась к отказу от своих намерений.

— Да, этот вопрос меня интересует. Но я понимаю, почему желание выжить преодолело остальные доводы рассудка. Человек, прошедший через Ночь, далеко не идеален. Я переживал ее многократно и всякий раз становился лишь ненамного лучше прежнего. И мне еще куда как далеко до совершенства. Кроме того, разве я могу тебя судить? Я и сам, наверное, поступил бы так же. — Он помолчал и

добавил: — Но одного я все-таки не понимаю. Ты мог заставить разум не воспринимать физическую боль. Почему не воспользовался своими способностями?

— Я пытался, — ответил Кэрмоди. — И в первый раз это у меня не получилось.

— Хм-м. Понимаю.

— Во мне что-то выключилось, — сказал священник. — И ясно почему. Я почувствовал, или, вернее, почувствовала какая-то бессознательная часть меня, что я должен пострадать за горе, причиненное миссис Фрэтт и ее сыну. Это ощущение не поддается логике, потому что моя боль ничем бы ей не помогла, а уж мне тем более. Но бессознательный ум имеет свою собственную логику, как ты сам прекрасно знаешь. — Он пошевелил раненым пальцем. — Не болит.

— Заболит, когда анестезия перестанет действовать. Но ты уже сможешь контролировать эту боль. Или ты по-прежнему намерен причинять себе страдания?

— Думаю, что нет. — Кэрмоди сел. Собственное тело казалось ему слабым и, как ни странно, голодным. — Я хочу есть. Сколько времени?

— Через час ты должен встретиться с Йессом. Думаю, у тебя хватит сил.

— Я чувствую себя прекрасно. А теперь ты что-нибудь предпримешь против Абога и Рилга?

— Это зависит от Йесса. Ситуация очень сложная. Требуется время, чтобы разобраться в ней и привести наши планы в исполнение. Нам сейчас очень не хватает времени. Кроме того, мы до сих пор не разыскали Лифтина.

Кэрмоди поднялся с кровати. Закусив, приняв душ и одевшись, он снова почувствовал себя самим собой.

Тэнд не скрывал радости.

— Я хочу, чтобы при встрече с нашим сыном ты выглядел хорошо, — сказал он. — Хотя, честно говоря, я чувствую, что он больше твой сын, чем любого из остальных Отцов.

— А другие тоже так считают?

— Теперь уже нет. Пойдем. На улицах оченьлюдно, и дорога займет много времени.

Тэнд оказался не прав. Народу на улицах поубавилось, и многоголосый галдеж утих.

— Никогда прежде я такого не видел, — сказал он. — Наверное, люди волнуются, какое решение примет Йесс, и сидят по домам у телевизоров, ожидая его обращения к жителям планеты.

Машина свернула за угол огромного храма, к той стороне, которую Кэрмоди никогда прежде не видел. На этой стене не было порттика с кариатидами, и в нишах виднелось лишь несколько фигур. Тэнд припарковал машину у входа и провел Кэрмоди в небольшую дверь у юго-западного угла здания. Отряд охранников отсалютовал

ему, и офицер открыл перед пришедшими дверь большим ключом, который висел на серебряной цепи на его широком поясе.

За дверью оказалась маленькая комната с несколькими креслами и столиками, на которых лежали кэринянские и некэринянские журналы, книги и кассеты с записями. Другая дверь вела на площадку лестницы с кварцевыми ступенями, где стояла небольшая кабина гравитового лифта. Низ шахты лифта был высечен в каменной породе.

Тэнд и Кэрмоди вошли в лифт. Кэринянин нажал пусковую кнопку и еще одну кнопку с идеограммой цифры «семь».

— Я с тобой не поеду, — сказал он. — Тебя некому будет представлять, хотя протокол и требует этого. Но он видел твою фотографию. Да и кем ты можешь быть, как не Джоном Кэрмоди, верно?

Кэрмоди занервничал. Лифт остановился. Тэнд открыл дверь, и они вышли в небольшую прихожую. Кэринянин отпер овальную дверь, потом вытащил из сумочки на поясе еще один ключ и протянул Кэрмоди:

— У каждого Отца есть такой.

Кэрмоди заколебался.

— Входи, — подбодрил его Тэнд. — Йесс в следующей комнате. А я спущусь и подожду тебя.

Кэрмоди кивнул и переступил порог. Он вошел в большую комнату, освещенную крошечным светильником. На стенах висели красные портьеры, светло-зеленый ковер, очень толстый и мягкий, покрывал весь пол. Окон не было, но его слегка горевшую кожу овеивал прохладный воздух. В противоположной стене виднелась еще одна овальная полуоткрытая дверь.

— Входи, — послышался глухой баритон.

Кэрмоди вошел в большой зал, стены которого были покрыты светло-зеленым пластиком. На стенах красовались фрески, изображавшие события из кэринянской мифологии. Обстановка была простой: стол из блестящего черного дерева, несколько легких, но удобных кресел и кровать, установленная в нише. Имелись также видеофон, большой телевизор и высокий книжный шкаф из того же блестящего дерева. На столе лежали кассеты, несколько книг, канцелярские принадлежности и выполненная под старину авторучка из драгоценного камня с белыми и зелеными прожилками.

Йесс стоял у стола. Он был высоким: макушка Кэрмоди доходила ему как раз до груди. Великолепное мускулистое тело было обнаженным. Черными волосами он походил на землянина, но пронзительный взгляд выдавал в нем кэринянина. Взглянув на его красивое лицо, Кэрмоди почувствовал, как его горло сжалось: он увидел черты Мэри, запечатленные в Йессе. Его уши походили на волчьи, зубы были лишь слегка голубыми. Но на каждой стопе росло пять пальцев.

Внезапная боль стиснула Кэрмоди грудь, выжала слезы из глаз и выдавила из горла стон. Он зарыдал, шатаясь, приблизился к Йессу и обнял его. Йесс тоже заплакал.

Наконец бог высвободился из объятий и усадил Кэрмоди в кресло. Выдвинув ящик стола, он достал платок и вытер священнику слезы.

— Я долго ждал этой встречи, — сказал он. — Но знал, что она будет нелегкой. Мы чужие независимо от того, как много нам известно друг о друге. Боюсь, что этот барьер навсегда останется между нами.

Первый раз в жизни Кэрмоди было трудно начать разговор. Что он мог ему сказать?

— Как видишь, Отец, — продолжал Йесс, — я действительно твой сын, а значит, наполовину землянин. Сейчас это стало одним из наших аргументов относительно универсальности бунтизма. Некогда ограниченный этой планетой, бунтизм распространяется по всей Вселенной. Нашей вере суждено было стать межпланетной, когда я получил некэринянскую мать и отца-землянина. Бунта сделала это, преследуя особую цель.

Кэрмоди почувствовал себя лучше и улыбнулся:

— У тебя есть одна моя черта: прямота. И мне кажется, что ты обладаешь еще одной моей чертой: агрессивностью. Но я не могу сказать, что радуюсь этому последнему качеству.

Йесс улыбнулся и сел в кресло, стоявшее у стола.

— Тогда я перейду к главному вопросу. Почему ты, человек, заключивший мистический брак с Бунтой, принял другую религию? По моему мнению, тебя настолько должны были потрясти переживания Ночи и чувство реальности Бунты, что ты не должен был поступить иначе, как только преданно служить великой богине.

— Другие люди, в том числе верховные руководители Церкви, задавали мне тот же вопрос, — ответил Кэрмоди. — Возможно, оставшись на Кэрин, я бы стал бунтистом. Но я искренне верю, что нечто — рок, судьба или Бог — направили меня на верный путь. Будучи под наблюдением в госпитале Хопкинса, я испытал мистическое переживание, прояснившее все, что происходило здесь. Теперь я убежден, что вера, избранная мной, — моя, и пока ничто не убедило меня в обратном.

Не сводя с лица Кэрмоди пристального взгляда, Йесс по-прежнему дружелюбно спросил:

— Ты считаешь Бунту ложным божеством?

— О нет! Скорее она — проявление Творца, создавшего Кэрин, одно из его проявлений. По крайней мере, я так думаю. Но я не знаю этого наверняка и вряд ли смогу убедиться в этом. Моя Церковь не сделала никаких заявлений касательно бунтизма и еще долго не будет их делать.

— Вот в последнем я не уверен, — сказал Йесс и, открыв дверцу бара, вытащил небольшую бутылку и пачку сигарет. — Вино кэринянское, а сигареты с Земли. Мне нравится и то и другое. Вот почему я думаю, что я, Йесс, не только бог Кэрина. Я, Йесс, бог всей Вселенной. — Он говорил об этом, как о само собой разумеющемся.

— Ты действительно веришь в это?

— Я знаю.

— Тогда незачем и спорить, — сказал Кэрмоди. — Я, собственно, и не намеревался спорить с тобой. Но мне хочется быть честным. Я приехал сюда, чтобы попытаться разубедить тебя в одном из твоих замыслов. Я...

— Я знаю, почему ты здесь. Твоя Церковь послала тебя, вооружив теми же аргументами, которые представил мне Рилг. Бедняга, сам того не ведая, является эльгулитом. Я знаю об этом давно, но ничего не могу поделать, потому что редко вмешиваюсь в дела правительства. Кроме того, почти все политики Кэрина — что, возможно, касается и других планет — тоже эльгулиты. По собственной воле или бессознательно.

— И поэтому ты принял такое решение?

— Я думал о нем весь последний год. Но не намерен провозглашать его народу до самого последнего мгновения. Потому что если у людей будет много времени на размышления, они могут взбунтоваться.

Конечно, я ни в чем не могу их обвинять. Слишком многие из них знают, что не переживут Ночи. Но время на уговоры самообманувшихся прошло. Если за своим показным служением Йессу они действительно эльгулиты, им следует это понять.

— А что ты скажешь о детях? — спросил Кэрмоди.

Он знал, что лицо его покраснело и Йесс осознает, что Отец разгневан.

— Жизнь расточительна. Жизнь — это борьба. Кто-то понимает это, а кто-то — нет. Бунта дает, но не отнимает. Она позволяет жизни идти своим чередом.

Кэрмоди сидел молча, подавленный: он понимал, что ни в чем не сможет переубедить Йесса.

— Когда Ночь пройдет, мы осуществим реорганизацию, — продолжал Йесс. — Мы проведем интенсивную кампанию обращения в веру максимально возможного числа некэринян. Я сам собираюсь посетить другие планеты.

— А это не опасно? — спросил Кэрмоди. — Если тебя убьют какие-нибудь религиозные фанатики, о тебе пойдет дурная слава.

— Нет, это не так. Появится новый Йесс. Убийство Йесса не опровергает его божественность, а усиливает — так же, как в случае с Христом.

— Ты хочешь сказать, что планеты имели своих собственных спасителей лишь как временную замену до тех пор, пока не появился ты, истинный суперспаситель.

— Именно так, — ответил Йесс. — Это эволюция божественного начала. Так же, как Новый завет заменил собою Ветхий, так же, как Книга мормонов, Коран, «Ключи науки и здоровья» дополнили Библию, так и другая Книга идет им на смену, чтобы объединить в себе все существовавшее до этого знание.

Сейчас я диктую Книгу Света. Вскоре она будет закончена. В ней отражена краткая история Бунты и ее народа. Кроме того, она будет представлять в организованной и доступной форме основ-

ные принципы нашей религии. Она сделает то, на что не осмеливались другие писания. Она понесет в себе детально расписанное пророчество грядущих событий. Она даст его не в смутных символах, которые можно трактовать по-разному в тысячах версий. Она предоставит ясное и вполне определенное пророчество.

Когда эту Книгу переведут на все языки Галактики и она станет доступной каждому, свершится величайший миссионерский подвиг всех времен.

Йесс посмотрел в глаза Кэрмоди, и священник почувствовал, как на затылке у него поднимаются волосы. Это была та аура, которую многие отрицали. Это была та аура, которую он чувствовал, когда входил в храм с другими Отцами, чтобы породить бога Йесса, — аура Бунты.

Внезапно это ощущение исчезло. Йесс встал:

— Рад был видеть тебя, Отец.

Кэрмоди тоже поднялся:

— Могу ли я обнародовать твоё решение?

— Нет. Ты не должен говорить об этом. — Йесс подошел к нему, обнял его за плечи и поцеловал. — Не печалься, Отец. Ты многого не понимаешь. Прими мое решение, как ты принимал события Ночи и мое зачатие существом, которое ты породил своим сознанием.

— Мне бы тоже этого хотелось, — ответил Кэрмоди. — Но я не могу принять необходимость страданий и смерти.

— Они не будут излишними. Да пребудет с тобой Бунта.

— А с тобою — Бог, сын мой.

Выйдя из лифта на первом этаже, священник сразу увидел Тэнда.

— Ну как все прошло, Джон? Как ты себя чувствуешь?

— Угнетенно. И тревожно. Я чувствую себя как актер, который вышел на сцену и обнаружил, что играет в плохой пьесе да в плохом театре.

— Ты выполнил свою миссию. Почему бы тебе не улететь домой?

— Я не могу. Не знаю почему, но не могу. Внутренний голос говорит мне, что дела здесь еще не закончены. Наверное, мне хочется узнать всю правду, если это возможно. Слушай, я тебе вот что скажу. Меня встревожила теория Йесса об универсальном спасителе. Неужели божественные истины приоткрываются малопомалу, когда человек становится к ним готов? Неужели Йесс открывает нам очередную тайну? И будет ли она действительно ценной?

Кэрмоди вернулся в номер, лег в постель и проспал до позднего утра, что с ним редко случалось. Когда он спустился в ресторан на завтрак, то не увидел ни одного некэринянина, кроме нескольких землян, обращенных в бунтизм. Завтракал он в печальном одиночестве, которое внезапно было нарушено появлением жреца из храма Бунты.

Кэрмоди посмотрел на зеленые одеяния, на головной убор, похожий на павлиний хвост, и лишь через несколько секунд узнал Скеддера.

Кэрмоди встал и радостно протянул к нему руки. Некогда суровый и замкнутый священник, к которому он когда-то относился весьма пренебрежительно, явно изменился.

— Я хотел повидаться с тобой до наступления Ночи, — сказал Скелдер. — Потому что никто не знает, что будет потом.

— Наверное, мне не стоит спрашивать о правильности твоего выбора? — спросил Кэрмоди.

— Не надо. Я счастлив и доволен принятым решением. Мне не о чем сожалеть. А как ты?

— То же самое. Может быть, присядем и поговорим?

— Я бы с удовольствием, — ответил Скелдер, — но мне надо быть в храме. Ты же знаешь, в полдень Йесс собирается объявить народу о своем решении.

— Нет, я не слышал об этом. А что потом?

— Все мы в руках Бунты. Тэнд рассказал мне, что ты многое знаешь о закулисных делах. И поэтому должен догадываться, что мы не будем удивлены, если Рилг попытается помешать Йессу выступить с публичным обращением. Конечно, он не посмеет пойти против бога — официально, во всяком случае. Но его люди могут перерубить электрические кабели или испортить телевизионную аппаратуру.

— Наверное, он в отчаянии.

— Наверное. Ладно, мне пора идти. Ах да. Тэнд просил сказать, что Лифтин все еще на свободе. Он тоже, наверное, в отчаянии. Последний корабль улетел, и Лифтин на него не проскочил. Теперь он может надеяться только на «сон», иначе ему не избежать последствий Ночи. Мы считаем, что он попытается осуществить свой план перед выступлением Йесса.

Скелдер попрощался и ушел в вихре длинных зеленых одеяний. Кэрмоди подписал чек за завтрак и вышел на улицу. Его никто не сопровождал, так как охранять его теперь уже необходимости не было. На улицах снова толпились люди. Они молча стояли у угловых зданий, оборудованных большими телеэкранами, ожидая, очевидно, выступления Йесса. Многие уже сняли карнавальные костюмы и маски.

Кэрмоди попытался заговорить с некоторыми стоявшими на тротуаре перед отелем, но после нескольких попыток отказался от своего намерения. С ним не только не хотели говорить, но и хмурились, отворачивались и шептали себе под нос проклятия.

Кэрмоди вернулся в отель, задумчиво постоял в холле и отправился в свой номер, где долго, но безуспешно пытался развлечь себя книгой по истории Кэрина. Наступил полдень, и священник с чувством облегчения включил телевизор. Ведущий принес извинения и объяснил причину задержки обещанного выступления. По его словам, несмотря на научные достижения Земли и Кэрина, технические трудности по-прежнему иногда имеют место. Он просил телезрителей сохранять терпение и спокойствие, обещая, что неисправности будут скоро устранены и сразу же начнется трансляция важного...

Через полчаса последовали новые извинения и краткий документальный фильм о посадке первого земного космического корабля на Кэрин. К тому времени Кэрмоди понял, что случилось что-то скверное. Он попытался дозвониться Тэнду, но услышал короткие гудки. Еще через полчаса по телевизору начали передавать документальные фильмы, которые не имели никакого отношения к выступлению Йесса. Кэрмоди трижды звонил Тэнду, но линия связи оставалась занятой. Теперь он знал, что вся телефонная сеть содрогалась от звонков людей, которые хотели знать, что происходит.

Внезапно диктор произнес: «Люди Кэрина, слушайте и смотрите! Перед вами ваш бог!»

На экране появился Йесс. Он улыбнулся и сказал: «Возлюбленные чада мои, я...»

Экран погас. Кэрмоди выругался. Отодвинув засов, он выбежал в коридор и спустился по лестнице с четырнадцатого этажа в холл. Там стояла толпа людей, которые кричали и ругались. Кэрмоди схватил за плечо коридорного и спросил:

— Где находится телестудия? Далеко?

— В трех кварталах от нас, Отец. К востоку, — ответил коридорный.

Казалось, он был немного ошеломлен происходящим.

Кэрмоди пробрался сквозь толпу и выбежал на улицу. Там тоже толклись люди, потрясенные и встревоженные. Все что-то говорили и кричали вразнобой. Они знали, что с их богом что-то случилось. И если раньше они негодовали или боялись того, что он хотел сказать, то теперь уже забыли о своих страхах. Кто-то паниковал и ужасался, кто-то молча стоял в оцепенении, кто-то возмущался. Но никто не обращал внимания на маленького землянина, который протискивался сквозь толпу, но все с удивлением смотрел ему вслед.

Едва Кэрмоди добежал до квартала, где находилось здание телестудии, как увидел клубы дыма, вырывающиеся из окон первых двух этажей. Толпа запрудила все пространство у крыльца и мешала войти в здание полицейским и работникам скорой помощи. Кэрмоди тыкался в спины стоявших перед ним людей, но никто даже с места не сдвинулся.

И тут чья-то рука похлопала Кэрмоди по плечу. Он обернулся и увидел Тэнда.

— Что случилось? — спросил священник.

— Лифтин заложил взрывчатку, да так ловко, что полиция ничего не обнаружила, — ответил Тэнд. — А может, не захотела обнаружить. Мы отложили выступление на час, чтобы осмотреть здание на наличие бомб. А потом приехал Йесс, и тут... Ты же видел, как экран погас. Я тоже должен был сопровождать его, но в мою машину врезалась другая. Со мной все в порядке, а вот водитель пострадал. — Он взглянул на здание. — Как ты думаешь, он погиб?

— Не знаю, — ответил Кэрмоди. — Что это?

В этот момент толпа восторженно завопила и словно по мановению невидимой руки расступилась. Черный от дыма и немного поцарапанный, по образовавшемуся проходу шел Йесс.

Он махнул рукой Тэнду, и тот вместе с Кэрмоди бросился к нему.

— Найди машину и отвези меня на телестудию Фуурдала, — сказал Йесс.

— Машина рядом, — ответил Тэнд. — Она не моя, но это неважно. Пошли.

Он повел Йесса и Кэрмоди к автомобилю, а сзади бежали люди. Все плакали и вопили от радости при виде того, что их бог жив; некоторые подбегали, падали на колени и пытались поцеловать руки Йесса. Тот на ходу бережно отстранял их и, улыбаясь, трепал по щекам. Через минуту Тэнд, Кэрмоди и Йесс уже были в пути.

— Я не понимаю, как Лифтину или кому бы то ни было удалось заложить взрывчатку, — возмущался Йесс. — Полиция и жрецы проверили каждый метр, каждую часть оборудования и все предметы, где могла бы находиться бомба. Довольно странно, что Абог настаивал на осмотре здания, прежде чем начнется передача.

— Может, он хотел обеспечить алиби всему правительству? — предположил Кэрмоди.

— Да, наверное, так. Когда взорвалась бомба, его на студии не было. Все, кто меня окружал, получили серьезные ранения или погибли. Остальные Отцы мертвы. Только вы двое остались в живых. — Йесс заплакал. Но через некоторое время сказал как ни в чем не бывало: — Собери своих лучших людей, Тэнд. Нам потребуется охрана, когда мы будем возвращаться в храм.

Тэнд включил радиотелефон и принялся названивать. К тому времени когда машина остановилась у места назначения, он сообщил, что вскоре к ним присоединятся около пятидесяти вооруженных людей. Кроме того, можно было рассчитывать на помощь нескольких жрецов, у которых тоже имелось оружие.

Вслед за Йессом и Тэндом Кэрмоди вошел в здание, но в студию, откуда Йесс собирался прочитать обращение к народу, заходить не стал. Он чувствовал, что одним покушением дело не кончится. А коли так, то, прежде чем войти в студию и причинить вред Йессу, убийце придется сначала сразиться с Кэрмоди.

Через несколько секунд после начала передачи в коридоре прозвучали выстрелы. В холл вбежал кэринянин с пистолетом в руке. Кэрмоди, стоявший за дверью, ударил его по голове бронзовой статушкой.

После чего поднял пистолет, выпавший из руки потерявшего сознание мужчины, сунул оружие за пояс и выскочил в коридор. На полу лежали трое мертвых наемных убийц, двое убитых полицейских и двое раненых оперативников. Один из служащих телестудию прятался за креслом. Кэрмоди велел ему срочно вызвать «скорую помощь» и вернулся в холл, готовый отразить любую атаку.

Через десять минут из студии вышли Йесс и Тэнд, оба мрачные и печальные.

— Дело сделано, — сказал Йесс. — И пусть исчезнет все, что Бунта решила уничтожить.

В сопровождении вооруженного эскорта Йесс и оба Отца направились в храм. Завидев внушительную колонну машин, люди на улицах поспешно уступали дорогу и разбегались в разные стороны. Кэрмоди внимательно разглядывал маски и лица. И вдруг он крикнул:

— Останови машину!

Йесс приказал водителю остановиться и обернулся, намереваясь спросить землянина, что его так встревожило. Но маленький священник уже выскочил из салона.

Объектом его преследования был человек в маске, походка которого показалась ему знакомой. Это же Лифтин! Боясь, что Лифтин скроется, он бросился в погоню, никого ни о чем не предупредив.

— Стой, Лифтин, стой! — закричал Кэрмоди, заметив, что никто не спешит ему на помощь. — Ты арестован!

Человек развернулся и бросился бежать. На секунду Кэрмоди потерял его из виду в толпе, а потом вновь увидел вбегающим в двери магазина готовой одежды и кинулся за ним. Это было большое заведение, рассчитанное на богатых клиентов. Одна продавщица стояла у окна, желая увидеть Йесса, когда тот будет проезжать мимо. Кэрмоди закричал, и она отскочила от витрины. Судя по изумленному выражению ее лица, Лифтина она не заметила. Не обращая внимания на недоуменные крики, Кэрмоди ворвался в подсобное помещение. Там оказалось три двери. Выбрав наугад первую дверь слева, священник пронесся через несколько складских помещений и вылетел на улицу... Никого. Он уже собрался вернуться в магазин, как вдруг сзади послышались шаги, и острая боль разломила его череп надвое...

Придя в себя, Кэрмоди обнаружил, что лежит на шершавых брызжниках мостовой. Он поднялся на ноги и ощупал голову. За ухом вздулась здоровая шишка. Вокруг ни звука, ни шороха. Начиналась Ночь.

То, что Кэрмоди увидел вокруг, перепугало его до полусмерти. Везде, насколько хватал глаз, лежали трупы. Мужчины, женщины, дети, застреленные, заколотые ножами. Некоторые тела были разрезаны пополам лучом лазерной пушки. А сама пушка валялась рядом, придавленная лежащим на боку грузовиком. Ствол ее был разорван бомбой, которую бросили откуда-то сверху. Солдаты, сопровождавшие боевую машину, были мертвы.

В сточную канаву медленно стекала кровь.

Кэрмоди подобрал пистолет, проверил обойму и торопливо зашагал по улице. Но не успел он отойти на несколько шагов, как у него закружилась голова, и тело обдало жаркой волной. В глазах потемнело. И сразу же вспышка светила, осязаемая даже на обратной стороне планеты, прекратилась.

Пройдя несколько кварталов, Кэрмоди увидел на тротуаре мотоцикл. Часть сиденья снесло при взрыве, очевидно, вместе с водителем, но в остальном машина была как будто в исправном состоянии. Священник завел мотоцикл и, лавируя среди трупов, медленно поехал вперед. Поворачивая за угол, мотоцикл наехал на что-то скользкое, наскочил на бордюрный камень, и Кэрмоди выбросило на тротуар. Он больно ударился о стену дома, но сознания не потерял и даже сумел встать на ноги. Переднее колесо мотоцикла согнулось буквой «О», и Кэрмоди, хромая, двинулся дальше пешком.

Неподалеку от храма Бунты он услышал выстрелы и топот бегущих ног. Кэрмоди метнулся в открытую дверь какого-то учреждения, пригнулся за разбитым окном и осторожно выглянул на улицу. Вдалеке показалась толпа, преследующая тощего человека в порванной рясе. Пытаясь спастись, тот бежал изо всех сил, но уже задыхался и, похоже, терял последние силы.

Кэрмоди привстал и громко окликнул его. Но крик его заглушили выстрелы. Несчастный подскочил вверх, прошитый пулями, грянулся оземь и застыл.

На лицо убитого упал свет уличного фонаря, и Кэрмоди узнал Скелдера. Так закончилась для него Ночь, которая началась много лет назад.

В разбитое окно влетела пуля и чиркнула по стене. Не дожидаясь продолжения, Кэрмоди развернулся и бросился к запасному ходу.

Но едва он оказался на улице, как позади послышались чьи-то шаги. Кэрмоди незамедлительно упал на четвереньки. Преследователь с разбегу налетел на него и, не удержавшись на ногах, покатился по тротуару. Кэрмоди схватил пистолет.

— Не стреляй! Это я, Тэнд!

Кэрмоди опустил оружие и, не обращая внимания на дрожь, сотрясавшую все тело, облегченно вздохнул. Тэнд быстро поднялся, с размаху швырнул что-то в дверь, из которой только что выбежал священник, затем дернул Кэрмоди за одежду, и оба распластались на мостовой. Раздался оглушительный взрыв, и над лежащими пронеслась волна горячего воздуха, опалив им волосы.

Друзья вскочили и побежали к другому зданию. Влетев в дверь, они попадали на пол и, не успев отдышаться, принялись делиться впечатлениями.

— Я прятался в этом здании и вдруг увидел тебя, — начал Тэнд. — Вернее, только силуэт, поэтому сначала даже не понял, что это ты. Но потом, когда ты повернулся и побежал, я узнал твой профиль и помчался за тобой...

— Странно, что трое из нас встретились в одном и том же месте, — произнес Кэрмоди. — Там, на улице, только что убили Скелдера. Тэнд осенил себя кругом.

— И все же его последние годы были счастливыми. Когда мятежники предприняли штурм, я искал тебя повсюду. Мне пришлось прятаться. Храм окружен эльгулитами, но сейчас они превратились

в неорганизованное стадо. Каждая вспышка вызывает среди них настоящие побоища.

— И как же мы попадем туда? — спросил Кэрмоди.

— Я знаю один ход. Но надо действовать очень осторожно. Если враги прорвутся в храм через эту тайную дверь, то застанут врасплох жрецов и защитников Йесса.

Передохнув, Отцы решили снова двинуться в путь. Осторожно, прижимаясь к стенам зданий, они двигались по улице, пока не добрались до магазина, который, видимо, подвергся ограблению. Рядом со стойками и в проходах лежали четыре трупа, один из них детский. Тэнд поморщился и пошел в служебное помещение. Там, навалившись грудью на стол, сидел обезглавленный мертвец. Позади него находилась дверь.

Небольшой коридор вывел их в кладовую канцелярского магазина, где в беспорядке валялись бумага, ручки, разбитые печатные машинки и офисные принадлежности.

Пройдя мимо стеллажей с большими деревянными ящиками, каждый из которых был взломан, Тэнд остановился и принялся ощупывать голые каменные блоки стены. Потом на что-то нажал, и огромная плита скользнула вниз, как сквозь пол провалилась. Тэнд опустился на четвереньки и пролез в отверстие. Землянин последовал за ним. Свет, проникавший в дыру, освещал туннель на несколько шагов, а дальше — тьма, хоть глаз выколи. Тэнд встал, что-то сделал, и каменная плита встала на прежнее место.

Впереди зажегся свет. Тэнд убрал руку с выключателя на стене. Они вошли в небольшое помещение, в конце которого виднелась узкая арка.

— Этот туннель узкий и низкий, — предупредил Тэнд. — И круто спускается вниз. Иди за мной, но не вплотную. Если я внезапно остановлюсь, постарайся не налететь на меня, иначе мы оба можем погибнуть. Понимаешь?

Кэрмоди зашагал за Тэндом. Время от времени он заглядывал ему через плечо, но видел лишь едва заметные следы в густой пыли.

— Чьи они? — поинтересовался он.

— Я никогда не был здесь, но изучил карты этого туннеля и других тайных ходов. Только Йесс, Отцы и верховные жрецы знают о туннеле, лишь те, кто не раз проходил через Ночь. Но даже если...

Тэнд остановился и поднял руку. Кэрмоди пристально вглядывался в полумрак впереди, но не видел ничего необычного.

— Что такое?

Тэнд указал на одну из немногочисленных лампочек, висевших под потолком:

— Видишь? На ней черное пятно, которое кажется грязью. Это знак. Будь внимателен и делай все, как я.

Тэнд начертил в пыли перед собой линию, отступил шагов на десять, пригнулся и быстро побежал. Прямо перед своей меткой он вдруг подпрыгнул и побежал по слегка наклонной стене туннеля. Инерция разбега позволила ему одолеть таким образом несколько

метров. Вновь оказавшись на полу, Тэнд остановился и помахал рукой:

— О'кей. Делай то же самое. Смотри не упали.

Кэрмоди побежал за ним. Проскочив опасный участок, он присоединился к Тэнду и спросил:

— А что бы случилось, если бы прошли по полу под этим пятном?

— Ничего смертельно опасного, — ответил Тэнд. — Потолок над этим местом выглядит прочным каменным сводом, но на самом деле это ловушка. Плита открылась бы, и на нас обрушилось бы огромное количество липкой и клейкой жидкости, которая сковала бы нас по рукам и ногам. В то же время в храме на пульте сигнализации высветился бы знак, указывающий наше местоположение. И мы сидели бы в этом желе до тех пор, пока храмовая стража не растворила бы клей. Впрочем, мы могли бы и погибнуть. Все зависит от того количества клейкой массы, которая залепляет ноздри и рот.

Они прошли еще около пятидесяти метров. После этого туннель начал резко подниматься вверх и закончился железной дверью. Тэнд достал из сумочки на поясе ключ, вставил его, но не в замочную скважину, а в неприметную дыру в стене. Дверь открылась.

Друзья вошли в маленькое помещение без мебели. На полу лежал толстый слой пыли. Другая дверь, которая открывалась тем же ключом, вела в такую же маленькую комнату. За третьей дверью, вращающейся как в отеле, оказался коридор с таким же грязным полом. Наконец ключ открыл очередную дверь, и они оказались в тамбуре, где Кэрмоди уже бывал. Здесь находился лифт, на котором он поднимался в покои Йесса.

Дверь за ними закрылась, и стена вновь стала единым монолитом.

— Входи быстрее, — поторопил спутника Тэнд.

Поднявшись на лифте, они вышли из кабины и пошли по широкому коридору, протянувшемуся метров на пятьсот. По обе стороны находилось множество дверей, но все они были закрыты. Наконец они сели в другой лифт, спустились на первый этаж и, пройдя еще две комнаты, оказались в огромном зале, где много лет назад Кэрмоди убил старого Йесса.

Но теперь там находился новый Йесс. Завидев пришедших, он перестал разговаривать с жрецами и жрицами, толпившимися вокруг него, и поспешил навстречу Отцам.

— Я не терял надежды, что вы живы и доберетесь сюда, но уже начал беспокоиться.

— Как дела? — спросил Тэнд.

— Рилг и верные ему эльгулиты ведут осаду. У них есть тяжелая артиллерия и лазерные пушки, но они не могут воспользоваться ими в храме, и я сомневаюсь, что до этого дойдет. Они воюют против меня, однако дом Великой матери разрушить не посмеют. Но они охраняют двери храма и никому не позволяют входить и выходить. Думаю, они собираются начать атаку позже Ночью. — Йесс

положил руку на плечо священника и сказал: — Ступай в мои покои, Отец. Я хочу кое-что тебе показать.

— Смотрите! — вдруг закричал Тэнд, указывая вверх.

На верхней галерее стоял Лифтин и, опираясь на перила, нацеливал на Йесса базуку.

Кэрмоди выхватил пистолет и выстрелил навзлет.

Лишь позже он мог осознать то, что случилось. Лифтин вдруг исчез в пламени и клубах дыма. Взрывная волна сбила с ног Кэрмоди и всех, кто стоял поблизости. Только Йесс остался стоять. Оглушенный, Кэрмоди вскочил, все еще не соображая, куда подевался Лифтин. Но мало-помалу чувства вернулись, и он увидел, что с галереей ничего не стряслось, только на стене появилось большое красное пятно, похожее на осьминога.

Он бегом поднялся на галерею и осмотрел ее. Под скамьей валялась искореженная базака с разорванным стволом. Единственным напоминанием о Лифтине были несколько ошметков кровавого мяса да обломки костей.

— Наверное, твоя пуля попала в снаряд перед самым выстрелом, — сказал Тэнд, тоже поднявшийся на галерею. — Базака взорвалась... и вот результат.

— Я целился в него, а не в базуку, — ответил Кэрмоди. — Это удачный выстрел — попросту счастливый случай.

— Ты так считаешь? — усмехнулся Тэнд. — А вот я думаю иначе.

— Ты хочешь сказать, что кто-то — Йесс или Бунта — направляли меня?

Тэнд пожал плечами:

— Только не богиня. — Он осенил себя кругом. — Она не поддерживает ни одну из воюющих сторон. Но Йесс... Кто знает? Он же нам не скажет.

— Ну так надо спросить.

— Поступай, как знаешь. Его слова нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Тэнд поднялся к верхнему ряду скамей и прошел через арку. Кэрмоди торопливо последовал за ним и увидел, что тот принялся осматривать дверной проем, высеченный в каменных плитах стены.

— Лифтин и те, кто его нанял, нашли один из потайных ходов, — сказал Тэнд. — Этого следовало ожидать. Но я удивляюсь, как они узнали именно об этом ходе?

— Когда они узнают, что попытка наемного убийцы не удалась, то смогут воспользоваться им снова.

— Сомневаюсь. Один раз злоумышленнику еще удалось пробраться сюда незамеченным, но во второй обязательно сработает сигнал тревоги. Они знают, что мы теперь не позволим им воспользоваться этими туннелями вторично. Я позабочусь о том, чтобы они были надежно закрыты.

Тэнд ушел. Кэрмоди вернулся к Йессу, который снова пригласил его в свои покои. Там Йесс вытащил из ящика стола диктофон.

— Я надиктовал это час назад. Это последняя глава Книги Света. Я сейчас не помню, о чем говорил, потому что это происходило в присутствии богини. Фактически говорила она, а я был ее голосом и устами. — Он протянул кассету Кэрмоди: — Возьми ее и уходи. Когда Ночь закончится, посмотри, исполнятся ли мои слова.

— Ты предсказал ход текущих событий?

— До малейшей подробности.

— Откуда ты это знаешь, если не помнишь, о чем говорил?

Йесс улыбнулся:

— Знаю.

Кэрмоди сунул кассету в сумочку на поясе.

— Почему ты отдаешь ее мне? Ты ожидаешь какой-то беды?

— Я не знаю ничего, кроме того, что должен передать тебе последнюю главу. Можешь ли ты пообещать мне издать ее?

— А ты понимаешь, о чем просишь? Я священник Церкви, которой угрожает твоя религия. Зачем же мне ее издавать?

— Потому что ты тот, кому поручена эта миссия. Вот все, что я могу тебе сказать.

— Я не буду ничего обещать, — ответил Кэрмоди. — А сначала посоветуюсь со своими руководителями. Несомненно, они захотят послушать кассету сами, и мне неизвестно, что они решат.

— Вот и хорошо. Но только обещай мне, что, перед тем как предпринять какие-то действия, ты прослушаешь ее сам. А потом можешь действовать по своему усмотрению.

— Ладно. Теперь мне хотелось бы побыть немного одному. Самое удобное для этого место — крыша храма. Как мне пройти туда?

Йесс объяснил. Кэрмоди хотел уйти, но Йесс обнял его и поцеловал.

— Ты мой Отец, — прошептал он.

— В каком-то смысле да, — ответил Кэрмоди. — Но хотелось бы мне знать, что показало бы научное сравнение наших клеток и крови. Скажи мне, ты чувствуешь одиночество? Ты думаешь иногда, что можешь совершить ужасную ошибку, приказав населению всей планеты пройти через Ночь?

— Я один, но не одинок. И в моем выражении любви к тебе нет ошибок, равно как в слабости и просьбе о помощи. Я — Йесс, существо, которое ты не можешь понять. Только новый Йесс поймет мои поступки. Или Эльгуль, хотя мне это кажется довольно странным.

Йесс повернулся и пошел по коридору. Кэрмоди смотрел ему вслед и думал о том, каким прекрасным, сильным и мудрым был этот обнаженный бог. А еще он думал о невозможности существования Йесса. Только чудо или некая сверхъестественная сила могли создать его.

Это был основополагающий фактор в распространении бунтизма, и именно это делало веру в Йесса опасной для религий всех планет, а не только для земных.

Выйдя из лифта на крыше, Кэрмоди испугался. Большинство крупных зданий в Федерации имели плоские незагроможденные крыши,

на которые могли садиться вертолеты и мелкие космические корабли. Но он забыл, что находится не только на планете Радость Данте, но и на самом высоком месте храма великой Бунты. Перед ним, за ним, ниже и выше кружился хоровод каменных форм — сплошной мимический кошмар.

Крыша, покрытая прочными мраморными плитами в метр толщиной, уложенными как разноцветная паутина, была сплошь уставлена каменными изваяниями. Казалось, что какой-то безумный титан вырубил эти скорченные фигуры. Он, видимо, начал работу с того самого места, где стоял сейчас Кэрмоди, поскольку именно отсюда разбегались во все стороны извивы и переплетения каменной резьбы. Ряды статуй казались волнами, скрученными силой вихря, и он находился в самом центре водоворота мраморного моря.

Поначалу Кэрмоди почудилось, что статуи стоят сплошной стеной, но, присмотревшись, он отыскал-таки маленькую лазейку между ними и осторожно и медленно стал пробираться к краю крыши.

Свирепые рептилии с длинными шеями, какие-то твари с плоскими хвостами, с щупальцами и плавниками боролись друг с другом, кусали врагов и самих себя. Многие сплетались в лютых поединках и еще более неистовом спаривании, независимо от различий форм и видов.

Кэрмоди подлез под огромную голову, которая преграждала ему путь. Длинные зубы уткнулись в спину священника. Внезапно он почувствовал себя карликом в стране гигантских чудовищ. Только великому мастеру удалось выразить в мраморе то неистовство, с которым эти твари пожирали друг друга, убивали и спаривались. Однако физиономии их казались разумными, и чем дальше шел Кэрмоди, тем все более.

Наконец изображения монстров закончились, и дальше потянулась череда одиночных статуй — былых Йессов и Эльгулей. Глаза их, сделанные из драгоценных камней, были выполнены с таким мастерством, что казалось, будто они следят за Кэрмоди. Посмотрев в лицо одному из Эльгулей, Кэрмоди вздрогнул — настолько злым был взгляд божества.

Он торопливо прошел мимо статуи к парапету на краю крыши, рядом с которым стояла скульптура Йесса. Глянув на нее, Кэрмоди опять ощутил дрожь, узнав черты бога, которого он убил много лет назад. Только сейчас это событие уже не казалось таким далеким. Все вернулось: и опять Йесс держал полусъеденную свечу в руке, и уже появились красные пятна на его лбу, и осталась лишь половина уха. Кэрмоди тряхнул головой, пытаясь отринуть воспоминания о том человеке, которым некогда был, и принялся осматривать огромный город.

Далеко-далеко, у самого горизонта, виднелись пожарища, над которыми подымался светло-пурпурный дым. Казалось, что, завывая в кольцо, он корчится от боли. Над домами плыли дымные облака в виде змей, осьминогов, лиц, изменялись и приобретали новые причудливые формы. Кэрмоди знал, что это горят недавно

построенные предместья, окружавшие массивное каменное сердце старого города. Пожарные трудились не покладая рук, но все было бесполезно — деревянные здания сгорали дотла.

Снизу слышались крики, время от времени прерываемые дробью выстрелов. Стрельба со стороны осаждавших храм эльгулитов прекратилась. Возможно, они повернули оружие друг против друга, сражаясь с монстрами, которых сами породили, или претерпевая метаморфозы по воле и капризу этой Ночи.

Солнце снова вспыхнуло, и Кэрмоди почувствовал себя как будто связанным — словно гигантские руки обмотали его прочным тросом и теперь тянули за оба конца. Грудь сдавило так, что стало нечем дышать.

— Джон Кэрмоди! — слышался голос, далекий и жалобный. — Злой Джон Кэрмоди! Ты здесь?

Это был голос миссис Фрэтт.

Священник повернулся — звук исходил откуда-то с дальнего края крыши. Но там никого не было.

— Кэрмоди! Верни мне сына! И глаза!

Он задрожал, ожидая, что вот-вот старуха материализуется из пустоты, как это случилось с Мэри. Но воздух не сгущался, а только посверкивал розовато-лиловыми искрами.

— Ты убийца, Джон Кэрмоди! — Голос стал злее. — Ты родился убийцей и им же умрешь!

— Миссис Фрэтт... — произнес он вслух и со всех ног бросился к лифту.

Спустившись вниз, он вошел в зал, где погиб Лифтин.

Присутствующие сидели в креслах вокруг большого круглого стола, которого раньше здесь не было.

Спросив у Йесса позволения говорить, Кэрмоди рассказал им о голосе.

— Ты чувствуешь вину перед миссис Фрэтт, — ответил Йесс. — Ты знаешь, что должен был постараться все-таки отговорить ее от мести. Но ты запаниковал и позволил возобладавать своим старым рефлексам.

— Я не мог ее убедить, — с жаром возразил священник. — Она была не одна. Абду требовал, чтобы она осуществила задуманное, и если бы она отказалась, он сделал бы это сам.

— Если бы ты от всей души верил в то, что говоришь, то не услышал бы голоса миссис Фрэтт, — сказал Йесс.

— Но я же не святой! — воскликнул Кэрмоди.

Йесс не ответил. Минуту длилась тишина.

Люди за столом ели, не отводя глаз от кубков с вином и полусъеденных кексов, сделанных в форме семи Отцов. Жрецы и жрицы, сидевшие с краю стола или стоявшие в разных частях огромного зала, молчали или о чем-то тихо шептались.

Наконец Тэнд поднял голову:

— Не отчаивайся, Джон. Все мы, кто по несколько раз прошел через Ночь, попадали в подобные ситуации. Мы называем их «остатками». Ты можешь пережить семь Ночей, но так и не избавиться от них.

Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя, а для того, чтобы познакомить с реальностью этого мира, который по сути своей является разнообразием потенциальных возможностей... — Он замолчал, откашлялся и улыбнулся. — Я пытаюсь воздержаться от излишней болтовни. Иногда происходят случаи — правда, очень редко, — которые мы называем ретропреобразованием. Самым известным и, пожалуй, самым постыдным является случай с Руугро. Он был одним из Отцов предыдущего Йесса. Во время седьмой Ночи после появления Йесса Руугро вдруг изменился. Никто не знает, как и почему, но он стал заклятым эльгулитом. И ему едва не удалось возродить нового Эльгуля, но его вовремя убили.

— Значит, нам никогда нельзя расслабляться? — спросил Кэрмоди.

— Каждое дыхание жизни порождает добро или зло, — сказал Йесс. — Борьба ожидает человека на каждом шагу. И на этом пути нет остановок.

— И даже Йесс может однажды стать Эльгулем? — не унимался священник.

— Нет, никогда, — ответил Йесс. — Сыновья Бунты, хоть и обречены однажды умереть, все же не являются смертными.

Кэрмоди попытался привести в порядок свои мысли о Йессе и понять то, чего еще не знал. Как мог «бог добра», если он действительно таковым являлся, стать причиной стольких смертей и разрушений? Его мысли прервал голос жреца, который обратился к Йессу:

— О, сын Бунты. Эльгулиты собираются перед храмом. Они готовятся к штурму здания.

Йесс кивнул и встал из-за стола, на котором стоял золотой подсвечник, выполненный в форме змеи. Свеча, которая должна была находиться в нем, отсутствовала. Давным-давно Кэрмоди так надругался над телом убитого Йесса, что от трупa осталась лишь горстка золы. Прах смешали с жиром птицы троджар, но нынешний Йесс съел эту крохотную свечу пару Ночей назад.

Увидев пустой подсвечник, Кэрмоди на миг почувствовал вину. Он осознал, что кэриняне думали, что новый Йесс питался божественностью и духовной силой, поедая прах старого Йесса, но злодеяние Кэрмоди лишило их этой святыни. Однако, хоть кэриняне и знали о его поступке, он никогда не слышал от них слов осуждения.

Встав из-за стола, Йесс коснулся подсвечника рукой, словно хотел, по крайней мере, набраться сил от прежних ассоциаций. Потом поднял голову, закрыл глаза и начал петь молитву. Он молился на древнем языке, который знали только боги.

Тэнд взял Кэрмоди за правую руку, жрица — за левую, и все присутствующие, кроме Йесса, взялись за руки. Они стояли бок о бок, образуя полумесяц, который как бы защищал Йесса.

Едва песня началась, как Кэрмоди почувствовал нервную дрожь, пробежавшую по рукам и всему телу как слабый электрический ток. Йесс пел, и его голос становился все громче и громче, а фразы —

все длиннее и длиннее. Тело Кэрмоди начал покалывать холод. Огонь факелов на стенах затрепетал — а может, это только ему показалось? Священник немигающим взглядом уставился на один факел, но тот горел ровным пламенем. На потолке вдруг возникли темные тени, бледно-пурпурный свет, пульсируя, сгустился, и по всему помещению побежали блики. В зале стало холодно, будто какая-то неясная угроза выдула все тепло.

Из-под мышек священника потекли струйки пота. Холод и неподвижная поза становились все более невыносимыми. Сердце Кэрмоди громко застучало, ноги задрожали. Ему почудилось, что со стен на пол струится абсолютно холодное сияние, которое не только слепило глаза, но и наполняло самые глубокие и темные уголки души — или того, что он мог назвать душой, — таким ледяным свечением, что разум и чувства не могли выдержать этого.

— Спокойно! — прошептал Тэнд. — Я тоже это чувствую, но надо стоять! Если ты разорвешь цепь, тебе конец! И всем нам тоже. Бунта не любит слабаков.

Тут дверь распахнулась, и в зал ворвалась толпа кэринян. Многие из них сохранили человеческий облик, но некоторые превратились в чудовищ. Из рта их вожака, человека, которого Кэрмоди не узнал, торчали два огромных клыка, а длинный нос его затвердел и превратился в кожистый клюв. Вскинув над головой огромный меч, с которого стекала кровь, он открыл рот, собираясь крикнуть. Но так и застыл на месте. Его люди тоже не двигались. Меч выпал из поднятых рук и со звоном ударился об пол.

Йесс продолжал песнопение. Его единомышленники, не нарушая строя, приблизились к обездвиженным врагам и бесстрастно убили тех их же оружием. Когда последний из нападавших умер, они снова взяли за руки. Кэрмоди не участвовал в этой резне, хотя и чувствовал неудержимое желание убивать.

Йесс замолчал. Медленно, очень медленно ощущение присутствия богини уходило.

Бог осматрел тела убитых и покачал головой:

— Рилга и Абога здесь нет. Наверное, они остались на улице. Ждут, когда соберутся семь отцов Эльгуля. А это, видимо, передовой отряд. Но пока богиня-мать на нашей стороне. Эльгулиты надеются, что в следующий раз она позволит им убить меня. Только тогда Эльгуль может быть зачат и рожден.

Кэрмоди вышел из зала и снова вернулся на крышу, где принял-ся читать молитву. Однако он чувствовал, что звезды, чужие звезды, тускло мерцавшие сквозь клубящийся туман, не были сотворены его Господом, и никак не мог отделаться от ощущения пустоты, которое нахлынуло на него. Разве может существовать несколько богов? Великое множество творцов и создателей?

Хотя, может, Йесс и прав. Если есть местные спасители, то почему бы не завестись некоему суперспасителю. И когда этот суперспаситель появится, остальные должны исчезнуть... Это не означает, что религия Кэрмоди ложная, но истина состояла в том, что она

должна уйти. Теперь перед ним открылся еще один аспект, к ~~нему~~ добавился новый кусочек истины, и головоломка Вселенной стала более понятной.

— Помоги мне в моих сомнениях, — взмолился он.

Звезды изливали пурпурный свет. Откуда-то снизу послышался смех, точно что-то огромное зашло в приступе хохота.

Но Кэрмоди уже не обращал внимания ни на звезды, ни на смех. Он и раньше видел множество метеоритов в небе Кэрина, а чудовищный смех мог просто быть ответом на его просьбу. Кроме того, священник не был настолько суеверным, чтобы хвататься за знамения и приметы, а если бы и был, то мог бы найти немало прямо противоположных.

Он ждал внутреннего знамения. Но ответа не было — ни в душе, ни вне ее.

Внезапно снизу послышались крики. Зазвучали выстрелы. Кэрмоди быстро повернулся и бросился к лифту. Едва кабина пришла в движение, как пол ее прошили несколько пуль. Кэрмоди ловко перепрыгнул через заградительный бортик и выскочил на каком-то этаже, мимо которого в этот момент проезжал. Снизу снова послышались выстрелы, а затем крики. Внезапно стрельба прекратилась, и раздался оглушительный грохот.

Кэрмоди осторожно заглянул в шахту и увидел кабину, которая рухнула на пол первого этажа, раздавив несколько тел и раскрошив стену. Из-под груды искореженного металла торчали руки и ноги.

Звуки выстрелов послышались вновь. Это Йесс и его сторонники продолжали держать оборону. Наверное, нападавшим опять пришлось отойти. Кэрмоди побежал туда, где стреляли, но, запутавшись в коридорах с толстыми стенами, потерял ориентир. Тогда он остановился и прислушался. Через некоторое время звуки боя раздались снова. В конце одного из коридоров Кэрмоди наконец обнаружил Тэнда и нескольких жрецов, которые отстреливались от эльгулитов, пробиравшихся по лестнице. Враги высовывали из-за угла дула автоматов и вслепую палили по коридору и пролетам лестницы.

Кэрмоди подбежал к Тэнду:

— Как думаешь, у них есть пушки?

— Если бы были, то эти ребята давно бы ими воспользовались.

— Где Йесс?

— В своих покоях. — Тэнд взглянул на часы. — Ничего, скоро Ночь закончится.

Кэрмоди удивленно покачал головой:

— Но я все равно не понимаю этого.

— Чего не понимаешь?

— Как они могут быть такими наглыми. Да еще в доме Бунты. Почему она позволяет им осквернять свой храм? Хотя, может быть, это ловушка, и, когда Ночь закончится, богине останется только захлопнуть дверь?

На лестнице, пролетом ниже, раздался взрыв. Защитники храма поспешно отступили, не дожидаясь, пока им в спины ударит взрывная

волна. Сквозь дымовую завесу слышались крики, и эльгулиты помчались вверх по ступеням. Бой был яростным, но скорым — все прорвавшиеся враги погибли.

Но досталось и защитникам. В живых остались только Тэнд, Кэрмоди и трое жрецов. Они перебежали на следующий этаж и там залегли. Но тут на пол прямо перед ними упали две гранаты, и весь этаж заполнился зеленоватым дымом.

Тэнд швырнул гранату на нижнюю лестничную клетку. Взрыв несколько разогнал газовое облако, и Тэнд велел Кэрмоди и жрецам отступать на следующий этаж.

В этот момент откуда ни возьмись появился Йесс в сопровождении двадцати восьми жрецов и жриц.

— Их слишком много, — сказал он. — Они подходят со всех сторон. Мы должны занять оборону на крыше.

— А вертолеты? — спросил Кэрмоди. — Разве там мы не будем еще более уязвимыми?

— Будем надеяться, что вертолеты, как и пушки, разбиты или поломаны, — сказал Тэнд.

Медленно, с достоинством, Йесс шествовал по лестнице в окружении свиты. Кэрмоди, плетущийся в хвосте, нервничал и потел от страха, каждую секунду ожидая новой атаки сзади.

Выбравшись на крышу, люди принялись таскать с последнего этажа мебель и громоздить ее на лестнице, пока не забаррикадировали последние семь ступеней. Они работали, а Йесс расхаживал взад и вперед между каменными фигурами и время от времени поглядывал на полосы тумана, плывущие по небу и уже начинающие бледнеть. В сизой дымке вставало солнце, похожее на огромный шар молочно-белого цвета.

— Скоро появится богиня Бунта, — шепнул Тэнд Кэрмоди. — Потом мы спустимся вниз и займемся переустройством нашего мира.

Внезапно Йесс замер, устремив взгляд в небеса и склонив набок голову, словно прислушивался к чему-то.

— Мать здесь! — Его лицо исказила мучительная гримаса, по щекам потекли слезы. — Я не призывал ее, но она уже пришла!

Остальные хранили молчание. Один из жрецов, побледнев, поднял вверх скрюченный палец. Кэрмоди прислушался. Издалека, с самого низа лестничной клетки, слышалась песня. Слова были неразборчивы, но в тоне слышался триумф.

— Они празднуют рождение Эльгуля! — сказал Тэнд и быстро взглянул на Йесса: — Но этого не может быть. Ведь ты еще жив!

— Молчи и слушай, — ответил Йесс.

Песня оборвалась. Снизу больше не доносилось ни звука, и казалось, весь город вокруг храма притих. Тэнд хотел что-то сказать, но, повинувшись нетерпеливому жесту Йесса, закрыл рот. Прошло несколько минут, а Йесс все к чему-то прислушивался.

И вот наконец пришел ответ на мучивший бога вопрос. Сначала тихо, а затем все громче заплакал ребенок. Йесс застонал.

— Слушайте, падший бог, и те, кто ему служит! — послышался чей-то голос. — Слушайте все! Новорожденный сын Бунты Эльгуль посылает вам свое проклятье! Слушайте! Слушайте!

— Встань так, чтобы мы могли вас увидеть! — кричал Йесс. — Покажи мне моего брата!

В ответ раздался смех:

— Не считай меня идиотом. Ты хочешь убить меня и младенца Эльгуля!

— Это голос Абога, — пробормотал Тэнд и кричал: — Абог! Ты исчадие ада! Где Рилг?

— Я убил его во время второго штурма! Этот придурок мертв, и теперь я главный среди отцов, оставшихся в живых!

— А что тебе это даст? — продолжал выкрикивать Тэнд. — Уходи и забирай эту мерзость с собой! Тебе недолго придется радоваться победе!

Снизу послышался смех. Плач ребенка удалился и затих.

Все, кто стоял на крыше, воззрились на Йесса. Его лицо было бледным, как восходящее солнце.

— Впервые с начала времен Эльгуль и я живы одновременно, — сказал Йесс и повернулся к Кэрмоди: — В роковой день ты прилетел в наш мир, Отец. Ты стал первым землянином, который пережил всю Ночь. Ты первый землянин, который стал Отцом. И теперь все на Кэрине изменилось. Сейчас, с окончанием Ночи, борьба должна была бы прекратиться. Ход следующих семи лет должен быть ясен. Но мой злой брат родился, а я остался жив!

— Сын Бунты, — сказал Тэнд, — что же нам теперь делать?

Йесс молча повернулся и направился к лестничной площадке. Кэрмоди поспешил за ним.

— Так что же нам делать, сын мой? Неужели мы бессильны?

Йесс остановился и посмотрел на него:

— Возможно, ты и твоя Церковь еще выиграете эту битву, как выиграл ее Эльгуль. Но сейчас нас слишком мало, и мы не можем продолжать удерживать оборону на этой крыше.

— А откуда ты знаешь, что нас мало? — спросил Кэрмоди.

— Посмотри вниз, — ответил Йесс.

Кэрмоди перегнулся через парапет, глянул вниз и от изумления открыл рот. Все ближайшие улицы были запружены тысячами мужчин, женщин и детей. Пока он смотрел на них, они вдруг запели песню.

— Так где же мои сторонники? — спросил Йесс.

— Не теряй надежды, — ответил Кэрмоди.

Он вытащил из сумки на поясе небольшую металлическую коробочку, нажал на кнопку и произнес какие-то слова. Ответа не последовало. Сначала. Но вскоре из динамика послышался голос. Кэрмоди посмотрел на небо. На поле космопорта медленно опускалась огромная металлическая полусфера, сверкающая под лучами солнца.

— Это «Аргус», — сказал Кэрмоди. — Исследовательский корабль Федерации, который находился на орбите, пока экипаж и

ученные пребывали во «сне». Теперь они возобновили изучение последствий Ночи. Они услышали наш призыв и помогут нам бежать.

Корабль взвился в воздух и полетел к храму. Вскоре его огромное плоское дно в полкилометра диаметром нависло над крышей. Люк открылся, и оттуда вылетел гравилет. Через несколько минут Йесс, Кэрмоди, Тэнд, жрецы и жрицы уже находились на борту «Аргуса».

А еще через час корабль совершил посадку на одном из пляжей западного берега континента.

Джон Кэрмоди и Йесс стали прощаться.

— Я начну свою борьбу здесь, — сказал Йесс. — Теперь Эльгуль далеко, и у меня хватит времени собраться с силами и подготовиться к визиту наемных убийц.

— Я бы остался с тобой, — ответил священник, — но мне надо сообщить о происходящем моему руководству в Риме. А потом я поеду туда, куда меня пошлют.

Йесс улыбнулся:

— И о чем же ты сообщишь?

— Я буду говорить лишь правду. Только то, что сам видел и слышал. Это, конечно, лишь часть истины, но я должен рассказать о ней. Я собираюсь выразить свое честное мнение о том, что бунтизм — не то, что о нем говорят. Это не высшая религия, которая заменит собой все другие. И ей не удастся занять место моей Церкви и ортодоксальной христианской веры. Бунтизм может привлечь к себе многих неуверенных в себе людей, но он не истина и не универсальная вера.

— И что же заставляет тебя так думать? — все еще улыбаясь, спросил Йесс.

— Разве истинный бог потерпел бы поражение от сил зла? Разве мог «бог добра» совершить такой злой, на мой взгляд, поступок и приказать всем жителям планеты пройти через Ночь?

— Я сын Создательницы, — ответил Йесс, — так же как Христос был сыном Создателя. Однако я не более всемогущ и всеведущ, чем был Христос в своем плотском теле. Я не идеален и не абсолютно «добр». Вспомни, что твой Христос отвечал, когда его называли добрым. Он говорил, что только Бог воистину добрый.

Моей матерью стала Бунта. Но я тот, кто стоит по правую ее руку, а правая рука сильнее левой. Я верю, что судьба уготовила мне победу — на долгое время, во всяком случае. Я стану победителем, и не только здесь, но и в других мирах. Сейчас мать дала видимую победу Эльгулю по какой-то только ей известной причине. И я со временем узнаю ее божественный план.

Конечно, она может быть полностью безразличной к результату, но и тогда победа будет за мной. А если так, то мне нечего бояться. И не думай, что из-за упадка кэринянской цивилизации и зла, выпущенного на волю, бунтизм надолго сойдет с галактической сцены. Может случиться настоящее чудо, и гораздо быстрее, чем ты думаешь. История твоего мира рассказывает о многих народах, раз-

битых и уничтоженных буквально начисто; но через несколько лет они вновь поднимали головы и сметали с пути своих победителей. — Он указал на сумку с кассетой и спросил: — Ты уже послушал последнюю главу моей Книги?

— Я сделаю это на пути к Земле.

— Я не знаю, когда смогу прочесть ее. Но в свое время узнаю. Бунта благоволит к тебе, Отец. Может быть, мы встретимся еще раз, в более спокойной обстановке. Я люблю тебя.

Йесс обнял Кэрмоди и заплакал. Священник почувствовал, как по его лицу тоже побежали слезы. Он поцеловал сына в щеку и сказал:

— Храни тебя Бог, сынок.

Йесс вышел из шлюза корабля. Мимо него порхнула птичка, крохотное, желтое длинноклювое существо с черными кругами вокруг глаз, и пропела семь длинных нот. Йесс осенил себя кругом, но оборачиваться не стал. Люк шлюза закрылся. Священник торопливо прошел на свое место, пристегнул ремень, и в тот же миг прозвучал сигнал к отлету.

Он вставил кассету в отверстие на подлокотнике, надел наушники и, откинувшись на спинку кресла, начал слушать.

Через час кассета закончилась. Дрожащими руками Кэрмоди прикурив сигарету.

До малейших подробностей, иногда называя имена и точное время, Йесс предсказал все то, что произошло. Да, все: и вторжение в храм эльгулитов, их гибель, второй штурм и беспрецедентное рождение Эльгуля. В записи говорилось и о том, что Абог убил Рилга, о появлении «Аргуса» (Йесс правильно произнес название корабля и сообщил точное время его появления), и о полете на западный берег континента.

Затем, используя апокалиптические и красочные образы, Йесс поведал о расцвете бунтизма на пепелище Ночи, о своем триумфе на других планетах Вселенной. О том, что везде будут возводить храмы Бунты, а храмы других богов начнут превращаться в руины.

Последняя фраза звучала так: «Слышишь, Бунта. Левая рука не может вечно воевать против правой».

Что он хотел этим сказать? Что Эльгуль подчинится Йессу? Или Йесс Эльгулю? Или — подумать страшно! — что два брата объединят силы и сметут все со своего пути?

Кэрмоди спрятал кассету в сумочку на поясе. На какое-то мгновение ему захотелось уничтожить ее, но он покачал головой и решил, что отдаст запись своему руководству. Пусть все зависит от них: обнародовать ее или хранить в секрете.

А вдруг под впечатлением от Книги они признают, что есть причина бояться ее содержания? Что, если, испугавшись, сознательно или нет, уверуют, что Книга содержит в себе истину?

Кэрмоди помолился, чтобы сердца их не знали страха.

Наконец он заснул беспокойным сном. Его разбудил чей-то голос. Священник испугался: ему почудилось, что с ним опять говорит

миссис Фрэтт. В последний раз он слышал ее в конце Ночи. Но, может быть, она явилась снова, чтобы по-прежнему мучить его? А может, это богиня говорила с ним голосом миссис Фрэтт, пытаясь избавить его от ощущения вины за гибель несчастной женщины?

Нет. Это был его голос, идущий будто бы из глубины души:

— Что же явится с пробуждением Спящих? Самое доброе добро или самое злое зло?

Эта мысль пробила какую-то стену в мозгу Кэрмоди и затопила его сознание мраком, что чернее любой ночи.

Как же он мог видеть все эти чудеса и не верить во всемогущество Бунты? Как мог считать случайностью то, что стал первым инопланетным Отцом кэринянского бога Йесса, который сказал, что Кэрмоди открыл новый путь для религии его матери и что этот путь проляжет через всю Вселенную? Как он мог считать иронией судьбы то, что пророческая книга, написанная сыном богини, попала в руки именно ему и именно ему суждено нести ее людям? Почему его избрали в свидетели всех этих событий?

Неужели происшествие в госпитале Джонса Хопкинса, которое обратило его в веру истинной Церкви... было вызвано Бунтой, дабы он мог зарекомендовать себя как стойкий и верный служитель своей Церкви? Его вера, которую он столько лет считал нерушимой, была послана ему не Богом-Отцом, а Матерью-Бунтой, чтобы он, Джон Кэрмоди, сыграл роль космического Иуды?

— О, всемогущий Отец! — воскликнул он. — Тебе известно, почему все так случилось! Помоги мне, ибо я не знаю сих причин! Я видел великие чудеса, которым был не в силах сопротивляться. Ты должен дать мне ответ! Я никогда не нуждался в твоей помощи так, как сейчас!



ОТЧЕ ЗВЕЗДНЫЙ

НЕСКОЛЬКО МИЛЬ

Братец Джон Кэрмоди нагнулся, вытянул морковку из унавоженной земли и услышал, как его окликают по имени.

Разогнувшись, он охнул, приложил руку к ноющей пояснице и стал ждать появления брата Фрэнсиса, ибо братец Фрэнсис не подозревал его, а всего лишь окликнул.

Братец Джон был невысок и крепко сбит, имел короткие иссиня-черные волосы, торчащие, как иглы дикобраза, и квадратную физиономию; одно веко было полуприкрыто. Братья-послушники ордена Святого Джейруса, к которому он принадлежал, не брили голов. На нем была длинная, до щиколоток, фибергласовая ряса каштанового цвета и такие же пластиковые сандалии. Выпирающий животик был обтянут широким поясом из пластикажи, с которого свисали крест и маленький молитвенник в темно-бордовой обложке.

Братец Фрэнсис, высокий и худой, с узким лицом, украшенным крупным горбатым носом, остановился рядом с толстячком и, показав на пучок морковки, который тот держал в руке, спросил:

— Что с ними случилось, братец?

— Кролики, — объяснил братец Джон, подняв на него глаза, и сделал возмущенный жест, хотя по ухмылке было ясно, что гнев его наигранный. — Кролики! Откуда они берутся? Мы живем в городе под куполом, обнесенным стенами, которые уходят глубоко в землю. Но кролики, крысы и мыши ухитряются подкапываться под них и разоряют наши сады и кладовые. По деревьям прыгают белки, а птицы, которые, должно быть, протискиваются сквозь молекулы крыши, гнездятся на каждой ветке. И насекомые, от которых не знаешь, как отделаться, разве что ловить и давить, тут как тут. — Он смахнул мошку и добавил: — Даже у меня на носу. Это исчадие ада целый час паслось на моем хоботе. Тем не менее я не притрагивался к нему, предполагая, что оно ниспослано мне, дабы ввести в грех гнева и насилия. И должен сказать, что оно почти преуспело в своих намерениях.

— Братец Джон, вы слишком многоречивы, — сказал братец Фрэнсис. — Даже чересчур. Однако я явился не упрекать вас...

— Хотя от упрека не удержались, — заметил братец Джон и тут же, покраснев, взорвался потоком слов, опередив брата Фрэнсиса: — Прошу простить мое последнее замечание. Как и предыдущее. Как вы заметили, я в самом деле слишком многоречив. Это очень серьезное прегрешение, а если и не прегрешение, то, по крайней мере, качество, достойное осуждения и...

— Братец Джон! — остановил его братец Фрэнсис. — Не соблаговолите ли вы помолчать, дабы я мог сообщить, что привело меня сюда? Как вы знаете, отнюдь не для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Прошу прощения, — сказал братец Джон. — Я весь внимание.

— Епископ изъявил желание увидеть вас. Немедленно, — торопливо выложил братец Фрэнсис, словно опасаясь, что братец Джон прервет его, пока он переводит дыхание между словами.

Повернувшись, братец Джон бросил траченные кроликами морковки в одну тележку, а хорошие — в другую. После чего направился к главному зданию — длинному низкому строению темно-коричневого цвета, сложенному из блоков прессованной земли. Его крутая крыша была взнесена над стенами на тонких шестах, а пустое пространство между кромкой крыши и стенами затягивала решетка темного металла. На входе дверей не было, ибо традиция ордена предписывала никогда не запираť дверь, тем более что здесь, в изолированном пространстве города, не приходилось опасаться перепадов погоды. Крыша лишь обеспечивала избавление от взглядов тех, кто пролетал над зданием.

Войдя в главное здание, братец Джон, даже не омыв грязные руки и лицо, направился напрямик в кабинет отца настоятеля. Когда тот призывает к себе, никто не должен медлить.

У помещений в здании были двери, но они не запирались. Поскольку дверь отца настоятеля была прикрыта, братец Джон постучал.

— Входите! — послышался голос, и братец Джон оказался в просторной треугольной комнате, где уже бывал не раз с того дня, как стал послушником.

Он стоял в основании треугольника, а отец настоятель восседал за обширным столом полупрозрачного материала, располагавшегося в вершине его. Столешница была завалена грудami кассет; здесь же стояли стенограф и видеотелефон. Тем не менее отец настоятель отнюдь не терялся среди этой груды предметов, ибо обладал весьма внушительным ростом.

Он был широколиц, с длинными волосами ржавого цвета и пышной бородой той же раскраски, носить которую в «гостинице» позволялось ему и только ему, и попыхивал толстой гаванской сигарой.

Братец Джон, который на месяц был отлучен от курения в наказание за один из его многочисленных грехов, жадно вдохнул аромат зеленоватого дымка.

Отец настоятель щелкнул клавишей стенографа, в который что-то диктовал.

— Доброе утро, братец Джон, — сказал он, держа в руке дискету, которую показал толстяку. — Только что космический корабль доставил мне указание. Вам надлежит немедленно отправиться на планету Вайлденвули и явиться к епископу Брекнека. Нам будет не хватать вас, но да пребудет с вами наша любовь. И да ускорит ваш путь Господь и наше благословение.

Голубые глаза брата Джона чуть не вылезли из орбит. Он застыл на месте и в первый раз не нашелся что сказать.

Отец же настоятель, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла и, попыхивая тлеющей сигарой, которую сдвинул в угол рта, другим углом губ продолжил диктовать в стенограф. Он был убежден, что дал все необходимые указания.

Братец Джон уставился на длинный столбик пепла на конце сигары отца настоятеля. Тот вот-вот должен был упасть, и братец Джон подумал, не осыплет ли пепел эту длинную рыжую бороду.

Однако отец настоятель успел, не открывая глаз, вынуть сигару изо рта и стряхнуть пепел на каменный пол.

Братец Джон пожал плечами и вышел, сохраняя на лице выражение крайнего удивления.

Покинув кабинет, он несколько минут пребывал в растерянности. Затем, вздохнув, вышел в сад и направился к братцу Фрэнсису.

— Братец Фрэнсис, могу ли поговорить с вами?

— Да, — ответил его худой собрат. — Но только если вы будете говорить о деле, а не воспользуетесь этим поводом, чтобы, как обычно, распустить язык.

— Где находится Вайлденвули? — спросил братец Джон едва ли не с трагическими нотками в голосе.

— Вайлденвули? Насколько я знаю, это четвертая планета в системе тау Кесарь. У нашего ордена там церковь и гостиница.

Братец Джон и не предполагал, что орден содержит на этой планете таверну. Орденские обители обычно назывались гостиницами, ибо так было предписано основателем организации Святым Джейрусом.

— Почему вы спрашиваете? — осведомился братец Фрэнсис.

— Только что отец настоятель приказал мне отправиться на Вайлденвули. — Он с надеждой посмотрел на собеседника.

— Значит, вы должны немедленно отправляться туда. — Это было все, что он сказал. — И да придаст Господь вам ускорение, братец Джон. И да пребудет с вами моя любовь. Я не раз упрекал вас, но только для вашего же блага.

— Благодарю вас за ту любовь, которой вы удостоили меня, — сказал братец Джон. — Но я пребываю в растерянности.

— Почему?

— Почему? К кому мне обращаться за билетом на корабль? Кто даст распоряжение возместить дорожные расходы? Как насчет письма с рекомендацией к епископу Брекнека? Я даже не знаю, как его зовут. Мне даже неизвестно, когда улетает корабль на Вайлденвули,

я не знаю, ни сколько мне придется ждать его, ни где. Да я даже не имею представления, где находится космопорт!

— Вы слишком много говорите, — заметил братец Фрэнсис. — Вам даны все необходимые указания. Что же до космопорта, то он всего лишь в нескольких милях от города. А гостиница на Вайлденвули — в нескольких милях от города Брекнек. При удачном стечении обстоятельств вы можете быть там уже к полудню.

— Это все, что вы можете мне сказать? — не веря своим ушам, переспросил братец Джон.

— Всего несколько миль, — повторил братец Фрэнсис. — И вы должны отправляться немедленно. В соответствии с приказом, вы же понимаете.

Братец Джон мрачно уставился на брата Фрэнсиса. Показалось ли ему, или в самом деле по этому длинному неулыбчивому лицу скользнула усмешка? Нет, должно быть, он ошибся. Неподвижные черты лица брата Фрэнсиса хранили обычную мрачность.

— Не расстраивайтесь, — сказал братец Фрэнсис. — Как-то и я получил такой же приказ. Получали его и остальные.

Братец Джон прищурился:

— То есть это определенного рода испытание?

— Орден не стал бы посылать вас за сорок тысяч световых лет *только* ради испытания, — ответил братец Фрэнсис. — Вы нужны на Вайлденвули, и вас там ждут. Так что отправляйтесь.

Неторопливость не была свойственна братцу Джону Кэрмоди. Едва только приняв решение, что обычно не требовало у него много времени, он сразу же приступал к делу. Он тут же отправился в общую душевую, войдя в которую снял рясу, обнажив белое незагоревшее тело и черные до паха ноги. Бросив рясу в прямоугольное отверстие в стене, он направился в душ, где пробыл недолго, ибо, хотя душевая была полностью автоматизирована, существовало убеждение, что членам ордена полагается только холодная вода. Правда, раз в месяц позволялось пользоваться теплой.

Поеживаясь, он вышел из-под душа и обсох в струе такого же холодного воздуха, которая шла из вентиляционного отверстия в стене. Затем вытянул рясу из прямоугольной прорези под той, куда бросил грязное одеяние, и натянул ее, пробормотав несколько слов благодарности за то, что орден наконец установил стиральные машины. На такой захудалой планете, как Вайлденвули, стирать скорее всего придется руками. И, кроме того, учитывая его подчиненное положение, облачения других членов ордена тоже.

Одернув рясу, он направился в свою келью. Она представляла собой комнату шесть футов на семь, с люминесцентными стенами, на одной из которых висело распятие, с подвесной койкой, убравшейся на день, с откидными столиком и нишей в стене, где Кэрмоди хранил все свое имущество: молитвенник, историю Церкви с 1 года нашей эры по 2260-й, латинскую грамматику и жизнеописание Святого Джейруса. Все это он сложил в болтавшийся за плечами ка-

пюшон, превратив его в подобие дорожного мешка, и, опустившись на колени перед распятием, произнес:

— Господь и Учитель, наставь меня на путь истинный. Аминь.

Встав, он направился к дверям кельи и, прежде чем переступить порог, на ходу снял со стены длинный пастушеский посох. Всем братьям предписывалось иметь при себе таковой, когда они выходили во внешний мир, если в изолированной капсуле Города Четвертого Июля существовало такое понятие.

Уже миновал полдень, и жаркое солнце аризонского лета клонилось к закату. Братец Джон считал, что было лишь чуть жарче, чем в стенах гостиницы. В данное время дня пластиковая крыша над городом тускнела, чтобы отражать большинство солнечных лучей. Но братец Джон уже предвкушал, как покинет пределы городских стен, пусть ему и предстояло окунуться в палящий жар Аризоны в середине лета. Он давно уже чувствовал себя как в клетке и хотя никогда вслух не сетовал на свое положение, давно испытывал к этому позыв. В чем следовало бы покаяться и получить заслуженное воздаяние.

На какое-то мгновение он помедлил. Он знал, что космопорт расположен рядом с Четвертым Июлем, но не имел представления, в какой стороне. Поэтому он подошел к копу.

Коп был одним из новых типов, Марк LIV. Лицо и тело состояли из танталового сплава, но глаза представляли собой живую протоплазму, давным-давно изъятую у какого-то трупа и возвращенную в лаборатории. Он обладал определенной свободой действий, ибо мозг его, скрытый в металлической брюшной полости, был отнюдь не механизмом, дистанционно управляемым из подземной штаб-квартиры, а серой белковой массой, как у человека, вдвое большим по размерам и обладавшим половинным, по сравнению с человеческим, интеллектом. Коп не мог вести вежливый светский разговор и тем более был не способен к оскорбительным высказываниям, но со своими обязанностями справлялся отменно, не говоря уж о том, что его невозможно было подкупить или переубедить. И не в пример своим предшественникам, он передвигался не на колесиках, а на ногах с плоскими ступнями.

Присмотревшись к жетону на его груди, братец Джон спросил:

— Офицер О'Мейли, где находится космопорт?

— Что именно в космопорту? — осведомился полицейский.

Говорил он громко и без интонаций, и у брата Джона пошли мурашки по спине, словно он общался с человеком, у которого изъята душа.

— Ах да, я и забыл, — спохватился братец Джон. — Я так давно уже не общался с полицейскими. Обычно они стреляли в меня. Я должен был спросить, как добраться до космопорта, *p'est ce pas?**

— *N'est ce pas?* — повторил коп. — На каком языке вы говорите? Я свяжу вас с управлением. — Огромной кистью с серым

* Не так ли? (фр.)

чешуйчатым покрытием он уже взялся за микрофон, торчащий на голове сбоку.

— На американском, — торопливо остановил его братец Джон. — Я хотел бы узнать, как отсюда попасть в космопорт Четвертого Июля?

— По трубе, или у вас своя машина? — уточнил коп.

Сунув руки в объемистые карманы ряс, братец Джон вывернул их.

— Бреду посуху, — грустно сказал он.

— Вы сказали, что говорите по-американски. Пожалуйста, говорите по-американски.

— Я хочу сказать, что добираюсь до космопорта пешком, — сказал братец Джон. — Прогуливаюсь.

На несколько секунд коп погрузился в молчание. Его металлическая физиономия была совершенно бесстрашной, но обладающему живым воображением братцу Джону показалось, будто по ней скользнуло и тут же исчезло изумленное выражение.

— Я не могу проинформировать вас, как добраться до него пешком, — сказал коп. — Минутку. Я переадресую ваш вопрос управлению.

— В этом нет необходимости, — перебил его братец Джон.

Он уже предвидел долгие объяснения с управлением, когда придется растолковывать, почему он предпочитает *идти пешком* от города до столь отдаленного пункта. И, возможно, ему потребуется ждать появления копа-человека, который станет разбираться с ним на месте.

— Я могу до самого конца идти вдоль трубы, — сказал он, показывая на ряд высоких металлических стержней, каждый из которых поддерживал огромное металлическое кольцо. — Каким образом мне попасть к ближайшему входу в космопорт Четвертого Июля? — добавил он.

На этот раз коп молчал две секунды. После чего сказал:

— Вы не имеете в виду дату четвертого июля? Вы имеете в виду космопорт, именуемый «Четвертое Июля»? Верно?

— Верно, — подтвердил братец Джон.

— Городские службы рады услужить вам, — сказал коп.

Братец Джон тут же отошел от него. От взгляда живых глаз на мертвом лице он испытывал смущение. Но не мог отделаться от мысли, в самом ли деле эти полицейские такие уж неподкупные. Ах, если бы с этим копом общался давний Джон Кэрмоди, все было бы по-другому! Вопросы задавал бы не смиренный брат-послушник ордена Святого Джейруса, а самый продувной жулик во всей вселенной, и уж он-то доподлинно выяснил бы, в самом ли деле существует такой коп, которого невозможно ни подкупить, ни обмануть, ни уломать.

«Джон Кэрмоди, — сказал себе братец Джон, — ты еще очень далек от чистоты в мыслях. И страдать тебе неизбежно под грузом своих грехов. Да обережет тебя Господь! Не успел ты выйти за стены обители и едва столкнулся с внешним миром, как уже вспоминаешь прошлые деньки как доброе старое время. Ты же чудови-

ще, Джон Кэрмоди, ужасающее чудовище, достойное подобающей кары. И нет в тебе ничего от раскаявшегося грешника, каковым ты себя представляешь».

Он пошел вдоль линии. Наверху сквозь кольцо на шесте со свистом пролетела капсула трубопоезда и, остановившись в сотне ярдов от него, высадила пассажиров. Иметь бы ему деци-кредитку, в просторечии называемую «десси», которой можно было расплатиться за проезд. Будь у него хоть одна, он бы в два счета миновал те десять миль от городских ворот до космопорта, которые сейчас ему предстояло «брести посуху».

— Джон, — со вздохом сказал он, — если бы твои мысли были горячими скакунами... — и хмыкнул, представив, как въезжает в этот город на коне.

Вот бы поднялась паника! Люди толпами сбегались бы поглазеть на сие чудовище, которое видели раньше только в три-ди или в зоопарке! А потом зеваки, взывая к полицейским, в ужасе улепетывали бы, к нему спешили бы блюстители закона, и он... оказался бы в тюрьме. И его признали бы виновным в преступлении не только светского порядка, но и церковного. Смиранный брат-послушник, в котором не должно быть ничего, кроме смирения, гордо гарцует на лошади... или это лошадь гарцует? Виновен в нарушении общественного порядка, в призыве к мятежу и Бог знает в чем еще.

Кэрмоди снова вздохнул, продолжая путь. К счастью, подумал он, человек в состоянии одолеть это расстояние, если будет держаться узкой тропки, проложенной вдоль столбов. Не в пример прошлым временам, когда существовали улицы для людей, город превратился в лабиринт тесных дворишков и высоких заборов, за которыми на маленьких полосках травы стояли одинокие семейные домики; основные помещения располагались под землей. А еще ниже помещались заводы, фабрики и конторы, в которых люди зарабатывали себе на жизнь. Если вообще это существование можно назвать жизнью.

Он шел и шел, а над ним проносились горожане, восседавшие то в капсулах трубопровода, то в своих личных крылатых машинах (их можно было брать напрокат в своей компании). Как-то мимо него порхнула малиновка, и братец Джон сказал:

— Ах, Джон, если бы ты верил в эту пагубную доктрину о переселении душ, то предпочел бы начать новое существование в виде птицы. Но, конечно, тебе это не суждено, так стоит ли жалеть о восторге крылатого полета? Это боль в ногах наводит на столь опасные мысли. Иди же, Джон, иди! Волочи свою усталую задницу.

Он отшагал еще мили две, когда к своей радости увидел открытый вход в парк. Это был один из двух больших городских парков, в котором собирались обыватели, чтобы получить представление о внешнем мире. Здесь тянулись извилистые песчаные дорожки, груды валунов напоминали миниатюрные горы с пещерами; здесь выросли деревья, населенные птицами и белками, и тянулись озерца

с гусями, утками и лебедями, где порой на водной поверхности шла рябь от плещущихся рыб.

По сравнению с геометрической точностью посадок, которые он только что покинул, парк казался сущим раем. Но увы! В этом раю не было змей, но он кишел Адамами и Евами с маленькими Каинами и Авелями, что валялись на травке, пили, орали, храпели, занимались любовью, ссорились, смеялись или сидели с мрачным видом.

Поразившись, братец Джон остановился. Он так долго находился в стенах обители Девы Нашей Города Четвертого Июля, что и забыл, как выглядит скопище людей.

Топчась на месте, он услышал звук, от которого все вокруг смолкли. Где-то пронзительно выла сирена пожарной машины.

Повернувшись, он увидел, что от таверны на краю парка тянется дымок. И над верхушками деревьев, прорезая воздух, летела красная игла пожарной лестницы.

Братец Джон кинулся в сторону таверны. Она была одной из немногих закусочных в городе на поверхности земли и напоминала бревенчатый салун периода ранней Америки. Здесь любители пикников могли вкушать «атмосферу», забывая об обширных, убийственно чистых и светлых кафетериях своих компаний, в которых обычно питались.

Стоявший в дверях владелец «етова старова аризонского салуна» преградил вход братцу Джону.

— Никаких грабежей! — заорал он. — Пришибу первого, кто попытается войти! — В здоровых мясистых лапищах он держал здоровенный тесак.

Братец Джон остановился и, переводя дыхание, сказал:

— Я не собираюсь вас грабить, друг мой. Я прибежал посмотреть, не могу ли чем-нибудь помочь.

— Никакой помощи не нужно, — ответил владелец, продолжая угрожающе вздымать тесак. — Пару лет назад у меня тоже случился пожар, так вломилась толпа и до приезда полицейских утащила все, что только можно. И больше мне этого не надо.

Братца Джона стали подталкивать сзади. Он оглянулся и обнаружил, что за его спиной сгрудилась толпа мужчин и женщин, которые подпихивали его. Не подлежало сомнению, что до появления полиции они намеревались ворваться внутрь, утащить все, на что удастся наложить руки, и разгромить таверну. Таким привычным образом, когда в городе что-то случалось, они выражали свое неприятие замкнутого образа жизни и бездушия представителей городских властей.

Владелец надежно утвердился в дверном проеме и гаркнул:

— Я расколю череп первым же мужчине или женщине, которые попробуют войти сюда! И да поможет мне Бог!

Собравшиеся взревели от ярости и зарывали на человека, который осмелился не подпускать их к добыче. Выбрасывая этикие ложноножки, готовые к насилию, толпа двинулась вперед, и, подпира-

емый ею, братец Джон волей-неволей оказался во главе банды грабителей.

К счастью, в этот момент на толпу упала тень подъехавшей пожарной машины, которая тут же обдала злоумышленников струей пены. Все подались назад, судорожно хватая ртами воздух, ибо пенная масса перекрыла доступ кислорода в дыхательные пути. Братец Джон сам чуть не задохнулся, прежде чем смог выбраться из гряды пены, облепившей его с головы до ног.

И тут же, истошно завывая сиреной, с неба свалился полицейский вертолет. Оттуда, блестя металлическими сочленениями ног и округлых грудных клеток, поблескивая живыми черными глазами, которые казались влажными на неподвижных танталовых лицах, высыпали копы и принялись окружать толпу. Их громовые голоса перекрывали всеобщий галдеж, и вскоре в парке воцарился порядок.

Пожарные вошли в таверну и через десять минут покинули ее. Большая часть из них погрузилась в пожарную машину, а несколько человек остались убирать пену. Еще один полицейский выслушал рассказ владельца таверны и тоже ушел.

Хозяином таверны был невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти с густыми висячими черными усами. Раздувая их, он не менее пяти минут ругался по-американски, на лингво и на мексиканском диалекте. Затем стал закрывать двери заведения.

Братец Джон, который остался понаблюдать, чем все кончится, поинтересовался:

— Почему вы закрываетесь? Разве теперь у вас не все в порядке?

На самом деле *почему* его не очень интересовало; главным образом он надеялся как-то перекусить. Вот уже не менее получаса желудок урчал, как голодный пес.

— Все, — ответил хозяин. — Но вышел из строя автошеф-повар и задумился — потому-то я и вызвал пожарных.

— А вы сами не могли его отремонтировать?

— Нет, потому что я подписал новый контракт с союзом электриков-ремонтников, — пробурчал усатый хозяин. — И мне не позволено ничего ремонтировать. А они теперь бастуют, требуя повышения зарплаты. Черт бы их побрал! Скорее прикрою бизнес, чем впредь стану иметь с ними дело. Или придется ждать, пока из Мехико не придет мой брат Хуан. Он сам технарь-электронщик и знает, как запустить автошефа. Но он прибудет только на следующей неделе. И когда он появится, мы этим ублюдкам покажем.

— Так уж получилось, — сглатывая слюну при мысли о яствах, кроющихся в этом заведении, улыбнулся братец Джон, — что, кроме всего прочего, я тоже специалист по электронике. И могу запустить вашего автошефа.

Трактирщик уставился на него из-под густых бровей:

— И что ты за это хочешь?

— Хороший обед, — ответил братец Джон. — И денег на такси и трубопоезд, чтобы добраться до космопорта.

Хозяин оглянулся:

— А тебя не беспокоят неприятности с профсоюзом? Они свалятся нам на голову, как автобус, у которого отказал антиграв.

Братец Джон задумался. Бурчание в животе уже было слышно невооруженным ухом.

— Не хотелось бы, чтобы меня сочли скэбом. Но если ваш брат в самом деле через несколько дней отремонтирует устройство, не вижу ничего страшного в том, чтобы заблаговременно привести его в порядок. Кроме того, я проголодался.

— О'кей, — сказал владелец. — Похороны за твой счет. Но должен предупредить тебя, что на кухне у меня имеется соглядатай. Наблюдатель.

— Он может прибегнуть к насилию? — спросил братец Джон.

Трактирщик извлек сигару изо рта и уставился на послушника:

— Где ты был всю жизнь?

— Я несколько лет отсутствовал на Земле, — объяснил братец Джон. — И все это время находился в достаточно уединенном заведении.

Он не счел нужным уточнять, что весь первый год провел в госпитале Джонса Хопкинса, где, после того как сдался полиции, прошел курс реабилитационной терапии.

Владелец пожал плечами и через обеденный зал провел братца Джона на кухню, где показал на большую картину на стене, «Утро на Антаресе II» работы Трюдо.

— Выглядит совсем как картина, — сказал он. — Вот это и есть «наблюдатель». Телепередатчик. Профсоюз следит за мной из своей штаб-квартиры. Стоит им увидеть, что ты ремонтируешь шеф-повара, они решат, что их обдурили, и примчатся сюда, как волки.

— Я не испытываю желания делать что-то незаконное или неэтичное, — сказал братец Джон. — Но что случится, если мы... то есть я... обесточу вашего «наблюдателя»?

— Ничего не получится, разве что расколотить его, — мрачно произнес хозяин. — Подача энергии осуществляется дистанционно из помещения профсоюза.

— А что, если его занавесить? — поинтересовался братец Джон.

— В профсоюзной штаб-квартире тут же раздастся сигнал тревоги, — ответил хозяин таверны. — И один из этих копов-зомби тут же отволочет меня в каталажку. С моей стороны противозаконно тем или иным образом мешать «наблюдателю» глазеть, что у меня тут делается. Я даже обязан круглые сутки жечь свет на кухне. И что хуже всего, именно я обязан оплачивать счета за электричество, а не этот гребаный профсоюз.

Сочное словцо не смутило братца Джона. Подобные выражения давно перестали считать вульгарными или неприличными; не имело никакого значения, выражался человек по-английски или прибегал к латинскому оригиналу, ссылка на телесные функции уже не воспринималась как оскорбление. Тем не менее культура двадцать треть-

его столетия имела другие табуизированные слова, и, пусть он их в ход, это могло бы оскорбить брата Джона.

Послушник попросил плоскогубцы, кусачки, отвертку и изолирующую ленту и засунул голову в дыру, образовавшуюся после того, как пожарные сняли стенную панель. Трактирщик принялся нервно ходить взад и вперед, отчаянно дымя сигарой, словно индеец, который с помощью дыма костра умоляет, чтобы ему скорее прислали денег из дому.

— Может, мне и не стоило подпускать тебя к этой работе, — сказал он. — Профсоюз натравит на нас банду своих головорезов. Может, они тут все разнесут. Может, потащат меня в суд. Ведь ты же не мой брат. Вот когда ремонтник является совладельцем заведения, они ничего не могут сделать.

Братец Джон не отказался бы поесть перед началом работы. Желудок у него бурчал все громче, а кишечник был готов совершить грех каннибализма.

— А почему бы вам не вызвать копов? — спросил он. — Они бы тут навели порядок.

— Ненавижу этих зомби с металлическими задницами, — ответил владелец. — Как и любой порядочный человек. Поэтому никто не обращается к полицейским, пока совсем уж не подопрет. Люди начинают брать наведение порядка в свои руки, потому что терпеть не могут иметь дело с копами. Я уж лучше предпочту, чтобы мне все тут разгромили, и заплачу за ремонт, чем попрошу о помощи этих проклятых зомби.

— Неподкупные и бесстрастные силы охраны закона всегда были недостижимым идеалом, — сказал братец Джон. — Наконец они у нас появились...

— Не будь ты духовным лицом, я бы сказал, куда ты можешь засунуть свои слова, — возразил трактирщик. — Но вот что я хочу узнать. Почему вы, монахи, называете друг друга «братец», а не «брат»?

— Потому что так выражался основатель нашего ордена, Святой Джейрус, — ответил братец Джон. — Он родился на планете Гавайи, которую колонизировала американская ветвь полинезийцев. А, вот оно в чем дело! Сгорел высоковольтный трансформатор. Повезло, что все на виду. Хотя о везении говорить рановато, если мы не сможем его сменить. У вас есть запасные части? Или, как я догадываюсь, их вам тоже поставляют ремонтники?

Владелец ухмыльнулся:

— Обычно так и бывает. Но брат позвонил мне и сказал, что именно надо закупить, прежде чем профсоюз узнает о его приезде. Понимаешь, как только они выяснят, что я использую его услуги, то потребуют от всех поставщиков ничего мне не продавать. О, какие ублюдки! Так или иначе, но они тебя придушат!

— Что ж, так они обеспечивают себе средства к существованию, — сказал братец Джон. — На встрече труда и капитала обеим сторонам будет что сказать друг другу.

— Черта с два! — рявкнул владелец, пережевывая сигару. — Кроме того, я не капитал. Я всего лишь владелец, которому приходится платить грабительские цены, чтобы моя электроника работала, вот и все.

— Покажите, где у вас лежат запасные части, — попросил братец Джон. И осекся. В кухню донесся громкий стук в двери таверны.

— Вот они и явились, — ослабившись, проговорил владелец трактира. — Но войти не смогут, потому что я запер двери. Или же им придется выламывать их.

Он кинулся в комнатку за кухней. Братец Джон последовал за ним. Когда он нашел нужный трансформатор и вернулся на кухню, в дверь колотили со всей силы.

— Вы собираетесь впустить их? — спросил братец Джон.

— В противном случае они сорвут дверь с петель, — ответил владелец. — И я, черт побери, ничего не могу сделать. По закону они имеют неоспоримое право проверять, чтобы никто, кроме хозяина, не имел дело с электронным оборудованием. И так же законно могут задержать любого, кто пытается это делать.

— Права и свободы человека уменьшаются буквально на глазах, — сказал братец Джон. — Увы, это правда. Во всяком случае, на Земле. Поэтому все нонконформисты и свободолюбивые личности массами покидают Землю, перебираясь на окраинные планеты. — Нахмурившись, он погрузился в глубокую задумчивость и наконец пробормотал: — Может, именно потому меня и посылают на Вайлденвули... Хотя, похоже, я туда не доберусь. — Он повернулся к открытой панели. — Постарайтесь, не прибегая к насилию, задержать их как можно дольше. Может, до того как они до меня доберутся, я успею покончить с ремонтом.

Это занятие не заняло много времени, потому что клеммы трансформатора удалось без хлопот подключить к сети и к терминалу. Братец Джон засмеялся. Все оказалось так просто, что владелец, будь у него время разобраться в ситуации, без труда и сам справился бы с ремонтом. Но, подобно многим, он считал электронику загадочной и мудреной наукой, заниматься которой могут только специалисты. И хотя в ней действительно было немало сложностей, над которыми и опытный мастер поломал бы голову, эта явно не относилась к ним.

Послушник наполовину вылез из проема в стене как раз в тот момент, когда четверо ремонтников вталкивали хозяина в кухню. Они были в пурпурных комбинезонах и ярко-синих шапочках, а на груди и спине носили профессиональные эмблемы: зигзаг молнии, перекрещенный отверткой.

Увидев братца Джона, они удивленно замерли: не подлежало сомнению, что его они не видели на экране монитора, а просто исполняли приказ явиться в таверну и остановить скэба.

Вперед вышел главный, громила не менее шести футов и шести дюймов роста, с кустистыми бровями и тяжелой челюстью борца.

— Не знаю, что ты здесь делаешь, брат, — сказал он. — Но лучше, чтобы причина у тебя оказалась убедительной.

— Может, святой отец не знает, что творит? — добавил другой ремонтник, пониже ростом, но пошире в плечах.

Главный резко повернулся к плечистому.

— Он не святой отец! — рявкнул он. — Будь ты нашей веры, сам бы понял. Он монах, или послушник, или что-то в этом роде. Но не священник.

— Я послушник ордена Святого Джейруса, — объяснил братец Джон. — И зовут меня братец Джон.

— Что ж, братец Джон, — сказал великан. — Может, ты так долго сидел в одних стенах, погруженный в молитвы и размышления, что и не понял: ты поганый скэб, который лишает нас куска хлеба.

— Я знал, что делаю, — ответил братец Джон. — Не возмись я починить автошеф-повара, куска хлеба лишился бы вот этот человек... — он показал на владельца таверны. — Кроме того, много людей лишились бы возможности выбраться сюда из мрачных бездушных переполненных кафетериев.

— Все эти капиталисты должны платить нам, сколько мы потребуем, а он пусть кормит столько едоков, сколько получится! — гаркнул вожак.

— В таком случае, — сказал братец Джон, — у вас вечно будут причины для неприятностей.

Вожак побагровел и сжал кулаки.

— Позор вам, — сказал братец Джон. — Вы готовы наброситься и на единоверца, и на члена святого ордена к тому же. А вот этот человек, — показал он на широкоплечего, — хоть и другого вероисповедания, но готов проявить рассудительность.

— Он один из поклонников этого проклятого Всеобщего Света, — буркнул главный. — Всегда готов влезть в чужую шкуру, пусть даже сам от этого пострадает.

— Тем более вам должно быть стыдно, — сказал братец Джон.

— Я сюда явился не для того, чтобы меня стыдили! — заорал великан. — А для того, чтобы вышвырнуть гнусного маленького скэба, напавшего на себя рясу! И тут уж, будь уверен, позориться придется тебе!

— Так что же вы собираетесь делать? — осведомился братец Джон.

Его колотило с головы до ног, но не из-за страха перед побоями, а потому, что он мог потерять самообладание и врезать по этой роже. То есть предать свои принципы. Не говоря уж о принципах ордена, к которому принадлежал. А что, если там услышат об этой истории? Что ему скажут, что с ним сделают?

— Первым делом я собираюсь вышвырнуть тебя отсюда, — ответил громилы. — А потом снять тот трансформатор, который ты только что поставил.

— Не имеете права! — завопил хозяин. — Что сделано, то сделано!

— Минутку, — остановил его братец Джон. — Не стоит так волноваться. Пусть снимают. Вы сможете сами поставить его обратно, и тут им уже ничего не сделать.

Великан снова побагровел, и его глаза чуть не выкатились из орбит.

— Черта с два он поставит! — рявкнул он. — Если «наблюдатель» засечет его за этим делом или даже при попытке, мы его так отделаем, что ему покажется, будто крыша города рухнула!

— А вот на это прав вы уже не имеете, — усмехнулся хозяин. — Валяйте. Снимайте трансформатор. А я буду стоять рядом и смотреть, как вы это делаете, чтобы знать, как ставить его обратно.

— Он прав, — сказал широкоплечий. — Поломка незначительная, и нам тут ничего не сделать.

— Слышь, ты вообще на чьей стороне? — заорал предводитель. — Ты что, за скэбов?

— Нет. Просто я хочу действовать по закону, — ответил широкоплечий. — Мы можем поставить людей надзирать за этим заведением.

— У тебя что, крыша поехала? — осведомился старший. — Ты знаешь, что профсоюз пикетчиков так взвинтил почасовую оплату, что мы никого не сможем нанять? А своего народа, чтобы все время торчать тут, не хватает. Кроме того, проклятые пикетчики пробили закон, по которому стоять в пикетах имеют право только члены их профсоюза. С ума сойдешь с этой публикой!

Расплывшись в улыбке, братец Джон покачал головой и сочувственно пощелкал языком.

— Я вас предупреждаю! — заорал вожак, потрясая кулаком перед братцем Джоном и хозяином таверны. — Если вы снова отремонтируете шеф-повара, от этого заведения камня на камне не останется!

И тут владелец, физиономия которого давно уже обрела пурпурный оттенок, кинулся на вожака и повалил его на пол. Они сцепились в яростной, пусть и не смертельной, схватке. Другой громила замахнулся дубинкой на брата Джона. Тот уклонился от удара и, не успев осознать, что к чему, отреагировал автоматически. Вскинув левую руку, он заблокировал нападение и, увидев, что противник открылся, с силой нанес удар правой прямой под ложечку.

Его охватило яростное возбуждение. И еще не осознавая, что надо делать, он поступил так, как не должен был. Блистательный знаток карате, дзюдо, сабате, акранте и виспексуна, ветеран сотен драк в барах и на улицах, он вступил в бой, как взбесившаяся львица, решившая, что ее котятam угрожает опасность. Рубящий удар ребром ладони по шее, тычок жесткими вытянутыми пальцами в мягкое подбородье, безжалостный апперкот пяткой в подбородок, коленом в пах, а локтем по горлу — и все, кроме вожака, вышли из боя. Следуя библейскому принципу «да вознаграждены будут

все по достоинству», братец Джон оторвал его от хозяина и вывел из строя, основательно обработав ладонями, пальцами, коленями, ступнями и локтями. И великан рухнул, словно дерево под натиском тысячи дятлов.

Хозяин с трудом поднялся на ноги и изумленно воззрился на брата Джона, который, опустившись на колени и закрыв глаза, молился.

— В чем дело? — спросил он. — Ты пострадал?

— Не физически, — ответил, вставая, братец Джон. Он сомневался, что в такой обстановке длинные молитвы могут принести пользу. — Я пострадал, потому что потерпел поражение.

— Поражение? — переспросил хозяин, обводя взглядом бесчувственные тела, которые могли лишь издавать слабые стоны. — Кто-то из них успел удрать?

— Нет, — сказал братец Джон. — Только лежать на полу должен был я, а не они. Я потерял самообладание и вместе с ним самоуважение. Я должен был позволить им поступить со мной, как заблагорассудится, и пальцем не шевельнуть в свою защиту.

— Черт возьми! — заорал трактирщик. — Посмотри с другой стороны! Ты спас их, не дав возможности стать убийцами! Можешь поверить, им пришлось бы убить меня, чтобы добраться до трансформатора! Нет, ты оказал и им, и мне огромную услугу. Хотя и представить не могу, чем все кончится, когда они доберутся до своей штаб-квартиры. Расплата может стать чертовски серьезной.

— Как обычно и бывает, — согласился братец Джон. — И что же вы собираетесь делать?

— Не хочется и думать, — сказал хозяин. — Еще недавно зайти сюда мог любой. Но вот что я тебе скажу. Я выволоку эту шпану — и тут я рассчитываю на твою помощь, — запру двери, а потом, хотя и подумать тошно, что придется иметь дело с этими железнопузыми, придется вызвать копов. Они могут установить тут полицейский пост, чтобы эти бандиты не взорвали или не разгромили заведение. Не могу не признать, что этих зомби ни запугать угрозами, ни надавить на них.

Братец Джон помог хозяину вытащить незадачливых налетчиков на улицу. Едва они уложили всю четверку рядком на тротуаре и заперли двери, как услышали сирену полицейской машины.

— Теперь я должен уходить, — сказал братец Джон. — Я не могу позволить, чтобы мое имя появилось в полицейских протоколах или в газетах. Мое начальство будет очень недовольно такой сомнительной известностью. Да и мне от нее пользы не будет, — добавил он, вспомнив себя до обращения к христианству. Не исключено, что его доставят обратно в больницу Джонса Хопкинса для дальнейшего наблюдения.

— Но что я скажу копам? — взвыл хозяин.

— Скажите правду, — посоветовал братец Джон. — Всегда говорите правду и только правду. Извините, что я так подвел вас. Мне еще многому надо учиться. И к тому же я все еще голоден, — сказал

он, но хозяин вряд ли услышал последнюю фразу, ибо братец Джон, в своей бесформенной бурой рясе напоминающий испуганного медведя, со всех ног кинулся под укрытие деревьев парка.

Влетев в рощицу, он остановился. Не потому, что собрался прикинуть план дальнейших действий, а потому, что, перескакивая через одеяло, разложенное для пикника, попал ногой в миску с картофельным салатом. И, падая, угодил лицом в тарелку с икрой. Растерявшись, он так и остался лежать, смутно осознавая, что вокруг раздаются радостные вопли и взрывы смеха.

Когда он наконец сумел сесть и оглядеться, то обнаружил, что находится в окружении шести подростков обоего пола. К счастью, они пребывали в хорошем настроении, ибо в противном случае, могли изуродовать или даже убить его. На них была униформа «вонючек», как называли их другие да и они сами, — свитера в черно-белую полоску с туго прилегающими к голове капюшонами; ноги «вонючек» были разрисованы вертикальными черно-белыми полосами. Девушки щеголяли угольно-черными тенями, а у парней под глазами красовались черные полукружия.

— Колченогий первосвященник! — заорал кто-то из ребят, выкинув перед собой палец с красным ногтем. — Гляньте на его тряпье!

— Сделаем ему «бум-бум», — сказала одна из девчонок и, склонившись к братцу Джону, потянула завязку свитера. Из узкого лифчика вывалились груди, на месте сосков были намалеваны глаза с розовыми зрачками и красными веками.

Остальные, вопя от восторга, повалились на траву и стали кататься по земле.

Братец Джон отвел глаза. Он слышал о таких фокусах, их любили откалывать испорченные девчонки: искусственные груди, которые выскакивали навстречу испуганному прохожему, как чертик из коробочки. Но он сомневался, было ли искусственным то, что предстало его глазам.

Засунув свое имущество на место, девчонка улыбнулась братцу Джону, и тот увидел, что ее можно было бы назвать даже хорошенькой, если бы не столь дико размалеванная физиономия.

— Чего ты такой вздрюченный? — спросила она.

Братец Джон поднялся и, вытирая лицо носовым платком, извлеченным из кармана рясы, ответил:

— Удираю от копов.

Ничто иное не смогло бы вызвать у подростков столь внезапный прилив симпатии к нему.

— Нажрался наркоты? А чего эти тряпки напялил? Так ты священник? Поскреби хоть его, хоть какого монаха, ничего святого не отскребешь.

«Словно домой попал, — подумал братец Джон и тут же почувствовал отчаянное желание возразить. — Нет, ничего общего. Это мои братья и сестры, сыновья и дочери, пусть даже грешники, но не из моего дома. Я могу понять, как и почему они стали такими,

но никогда не смогу быть таким, как они. Я не могу обдуманно причинить зло человеку».

— Гребн сюда, — сказала девчонка, что вывалила перед ним груди, настоящие или искусственные. — Сунем тебя в какую-нибудь дырку.

Братец Джон истолковал эти слова как приглашение взять ее за руку, а она ответит его в какое-то убежище.

— Пойду разнюхаю, чем пахнет, — сказал парень, который отличался от остальных высоким ростом и близко посаженными черными глазами.

— Валяй, чеши, — согласилась девушка, давая понять, что согласна с ним.

Покинув рожицу, они двинулись к другой, где им пришлось переступать через парочки в самых разных темпераментных позах, после чего, поднявшись по склону искусственного холма и пройдя под искусственным же водопадом, снова очутились среди деревьев. Время от времени братец Джон оглядывался. Полицейская стрелка все еще висела в воздухе, но, по всей видимости, пока беглеца не засекала. Внезапно девчонка втащила послушника в густые заросли кустарника и села на землю. Парень втиснулся между ней и братцем Джоном и стал хлебать пиво из ведерка, которое ташил с собой.

Девчонка протянула братцу Джону бутерброд, и послушник жадно вонзил зубы в угощение. Желудок у него заурчал, а рот наполнился слюной. Пока он ел, парень напился, и девчонка передала ведерко братцу Джону. Удовлетворенно припав к нему, тот сделал несколько больших глотков, но парень тут же вырвал у него сосуд.

— Не гони волну, — сказал он, что можно было понимать как угодно. — Не будь свиньей.

— Сам такой, — сказала девушка. — Так откуда чешешь?

Братец Джон истолковал ее слова как желание узнать, откуда он взялся и куда направляется. Он рассказал, что является братом-послушником ордена Святого Джейруса, одним из тех, кто еще не принес последнего обета. Строго говоря, через неделю кончается срок его годового послушания, и если он решит покинуть обитель, то имеет на это право. Он даже не должен ставить в известность свое начальство.

Он не стал говорить, что, по его мнению, приказ отправляться на Вайлденвули как раз к окончанию года послушания имел целью дать ему возможность решить, хочет ли он оставаться в рядах ордена Святого Джейруса.

Он рассказал, что может посвятить себя священнослужению, но не уверен, стоит ли это делать, — возможно, ему лучше оставаться простым членом ордена. Да, конечно, на этой ступени придется заниматься грязными работами, но, с другой стороны, на нем не будет лежать тяжелый груз ответственности, который должны брать на себя священники.

Кроме того, хотя на сей счет братец Джон не обмолвился ни словом, он не хотел сталкиваться с унижением в том случае, если

ему откажут в намерении стать священнослужителем. Он и сам не был уверен, достоин ли этой чести.

Наступило молчание, нарушаемое только звучными глотками парня, который присосался к ведерку. Братец Джон глянул в проем между кустами и увидел изгородь. Сразу же за ней располагалась полоска земли, что шла вдоль глубокого рва. На другой его стороне высилась груда камней, скрывавших вход в пещеру. По всей видимости, в ней находилось логово какого-то зверя, для которого устроили естественную среду обитания.

Он попытался увидеть хозяина берлоги, но никого не заметил. Лишь увидел надпись на изгороди:

«ГОРОВИЦ.

Свирепая плотоядная гигантская птица с планеты Ферал.

Обладает высоким интеллектом.

Названа в честь первооткрывателя Александра Горовица.

Просьба не дразнить. Район просматривается».

Девушка протянула руку и погладила братца Джона по подбородку.

— Колючий, — сказала она.

Она повернулась к парню и ткнула его большим пальцем, явно давая понять, чтобы тот отваливал.

— Почему бы кому-то не испариться? — сказала она.

— Кто-то хочет стать трупом? — прищурившись, спросил парень.

— Такого траха у меня еще не было, — расхохоталась девчонка, глядя на братца Джона голубыми глазками, выражение которых было так хорошо ему знакомо по давним временам.

— Траха? — фыркнул парень, и тут братец Джон окончательно понял, что девчонка имела в виду.

«Трах», вспомнил он, считалось исключительно вульгарным словом, обозначавшим действие, на упоминание о котором в прошлом накладывалось табу.

— Трахалка хочет трахаться. А мы трахнем кого-то, если этот кто-то не поймет, что пора уносить ноги. — Он повернулся к братцу Джону: — Испарись, головожопый!

Внезапно в руке девушки мелькнул нож, и острое уперлось парню в горло.

— Я слышала, тут кто-то заикался о трупных пятнах, — проворковала она.

— Из-за этого? — изумился парень, тыкая пальцем в сторону братца Джона.

Девушка кивнула:

— Ага, из-за этого. Никогда не трахалась с таким затраханным монахом, comprendo?* Так что испарись — и чем скорее, тем лучше. Ты же не хочешь увидеть на себе трупные пятна, а?

* Понял? (исп.)

Перебирая за спиной руками, парень попытался отползти от нее. Но она продолжала надвигаться, не отводя от его горла ножа.

В это мгновение взметнувшаяся рука брата Джона вышибла у нее нож. Все трое кинулись к оружию, столкнувшись головами. У брата Джона из глаз посыпались искры; когда он пришел в себя, парень держал его за горло, собираясь задушить. Братец Джон пресек попытку, ткнув парня железной пятерней в живот, тот выдохнул «Уф-ф!» и расслабил хватку. Девчонка, уже успевшая схватить нож, прыгнула на парня. Повернувшись, тот встретил ее ударом в челюсть, от которого она без сознания рухнула на землю. И не успел братец Джон приблизиться к нему, как тот схватил его за складки рясы и оторвал от земли. Далее братец Джон осознал, что переваливается через изгородь. Он шлепнулся о жесткую землю, перевернулся через голову, почувствовал, как мир вокруг завертелся, сообразил, что кувырьком летит в ров, с силой врезался спиной в землю, а затем... услышал чей-то пронзительный голос:

— Эй, Джон, эй, Джон! Вот он я, Джон!

Придя в себя, он услышал тот же самый голос:

— Эй, Джон! Вот он я!

Братец Джон лежал плашмя на спине, вокруг него вздымались серые стенки рва, а высоко в небе висела крыша города, которая теперь потеряла свою прозрачность, позволявшую видеть синеву аризонского неба. За пределами купола спустилась ночь, а свод сиял как днем, отдавая с закатом всю накопленную энергию лучей солнца.

Застонав, братец Джон попытался присесть, дабы убедиться, все ли кости целы. Но не смог даже пошевелиться.

— Матерь Божья! — выдохнул он. — Я парализован! Спаси меня, Святой Джейрус!

Но обездвижен он оказался не полностью и мог шевелить руками и ногами. Но грудь была словно придавлена к земле каким-то огромным весом.

Он повернул голову и едва не потерял сознание от ужаса. Так вот что это был за вес, давивший на него. Огромная птица, куда крупнее человека...

Она взгромоздилась на послушника, утвердив на груди гигантские когтистые лапы и припилив его к земле. Увидев, что человек открыл глаза, она подняла одну ногу, продолжая придерживать его другой.

— Эй, Джон! — завопила она. — Вот он я, Джон!

— Вот он ты, — сказал братец Джон. — Не хочешь ли отпустить меня?

Он не ждал от своих слов никаких результатов, ибо было ясно, что огромная птица — если это существо вообще считалось птицей — всего лишь повторяла слова, как попугай.

Он осторожно изменил положение рук, опасаясь обеспокоить горюха, что могло повлечь за собой неприятные последствия. Это

существо могло в любой момент разорвать его на куски, пустив в ход ужасные трехпалые лапы или тяжелый, остроконечный, как у моа, клюв. Было ясно, что оно прыгнуло за ним в ров, но братец Джон не знал, с какой целью.

Согнув руки в локтях, он пустил в ход предплечья и стал ошупывать грудь. Он пытался понять, что же такое лежит у него на груди; та была голой, потому что огромная птица скорее всего разодрала ему рясу.

Его замутило. На груди у него лежало яйцо.

Оно было небольшим, размером примерно с куриное. Братец Джон не мог представить, почему столь огромное существо откладывает такие крохотные яйца и с какой стати именно на него. Но так случилось, и никуда от этого не деться.

Увидев, что рука человека коснулась яйца, горюхи протестующе завопил, и над лицом брата Джона навис огромный клюв. Послушник закрыл глаза, вдохнув зловонное дыхание плотоядного существа. Но клюв не коснулся его, и он снова открыл глаза. Клюв продолжал висеть в нескольких дюймах от его физиономии, готовый опуститься, если человек повредит яйцо.

Братец Джон вознес более длинную, чем обычно, молитву и попытался прикинуть, как выпутаться из этой ситуации.

И ничего не смог придумать. Попытка высвободиться силой была слишком рискованна, и он оказался в той редкой для себя ситуации, когда никого не мог уболтать. Повернув голову, он взглянул на край рва, откуда свалился, надеясь, что хоть какие-то посетители обратят на него внимание. Но там никого не оказалось. Братец Джон понял, в чем дело. Посетители парка скорее всего отправились домой на ужин или по делам, а вторая волна гуляющих еще не нахлынула. И, вполне возможно, что еще долго никто не появится. Не осмеливался он и звать на помощь из тех же опасений разозлить горюхи.

Оставалось лишь неподвижно лежать на спине и ждать, когда огромная птица соизволит отпустить его. Но, похоже, делать этого она не собиралась. В силу какой-то причины она спрыгнула в ров, чтобы отложить на человеке яйцо. И выпрыгнуть обратно не могла. А это означало, что близится время, когда она проголодается.

— Кто мог подумать, что, когда я получал указание отправиться на Вайлденвули, мне уже суждено было погибнуть в городском зоопарке всего на полпути от города. Непостижимы пути твои, Господи, — пробормотал братец Джон.

Он продолжал лежать, глядя в мерцающую крышу над головой, на огромный клюв и черные, с розоватыми белками, глаза птицы и время от времени посматривая на край рва в надежде, что кто-то пройдет мимо.

По прошествии времени ему показалось, что место на груди, где лежало яйцо, начало зудеть. С каждой минутой зуд становился все

сильнее, и он испытывал идиотское желание почесаться — идиотское потому, что это могло стоить ему жизни.

— Матерь Божья, — сказал он, — если ты решила помучить меня, дабы перед смертью я вспомнил все свои грехи, считай, что добилась успеха. Или близка к нему, не уделяй я столько внимания зуду. Я с трудом вспоминаю мои самые непростительные грехи, ибо меня раздражает проклятое желание почесаться. Я не могу сопротивляться! Я должен!

Тем не менее он не осмелился. Решиться — означало совершить самоубийство, то есть непростительный грех, поскольку в нем нельзя было покаяться, а это представлялось Кэрмоди невыносимым. Или, точнее, невыносимым, ибо он так *думал* об этом; наверное, правильное было бы сказать — невозможным? Хотя это не имело значения. Если бы только он мог почесаться!

Ему показалось, что прошло несколько часов, хотя на самом деле миновало не больше пятнадцати минут, и наконец зуд стих. Жизнь опять стала если не приятной, то по крайней мере терпимой.

Как раз в эту минуту наверху возник парень, что скинул его в ров.

— Пошевеливайся! — заорал он. — Я кину тебе веревку!

Братец Джон наблюдал, как парень привязал один конец каната к изгороди, а другой скинул в ров. Интересно, он, наверное, думает, что можно ухватиться за канат и влезть наверх, совершенно не обращая внимания на огромную птицу. Он хотел было подзвать своего спасителя и сообщить, что не может даже сесть, но побоялся, что звук голоса разозлит существо.

Однако ему не пришлось ничего предпринимать. Едва веревка коснулась дна, горовиц выпустил человека и кинулся к ней. Ухватившись за канат двумя небольшими верхними конечностями, он уперся ногами в стенку рва и полез наверх.

— Эй! — вскочив, заорал братец Джон. — Сынок! Не позволяй ему вылезти отсюда! Он убьет тебя!

Парень, застыв на месте, смотрел на горовица, ползущего по канату. Но едва только макушка существа показалась над краем рва, он очнулся и, подскочив поближе, изо всех сил треснул по клювастой голове. Издав вопль, птица выпустила канат и полетела на дно. Свалившись на землю, горовиц откатился на несколько футов и замер, вытаращив остекленевшие глаза.

Братец Джон не стал медлить. Он подскочил к канату и, быстро перебирая руками, полез наверх. Но на полпути почувствовал, как канат натянулся, и, посмотрев вниз, увидел, что горовиц пришел в себя и, яростно кудахча, лезет следом.

— Эй, Джон! — время от времени вскрикивал он. — Я здесь, Джон!

Братец Джон подтянулся еще на несколько футов и, зависнув, лягнул украшенную хохолком голову. Удар оказался сильным — птица снова сорвалась и шлепнулась на землю, где, переводя

дыхание, лежала так долго, что братец Джон успел подтянуть к себе канат.

— Необходимо сообщить персоналу зоосада, — сказал он. — В противном случае бедное создание может умереть с голоду. Кроме того, мне кажется, оно является собственностью заведения.

— Ты меня не колыхаешь, — ответил парень, и братец Джон истолковал эти слова как подтверждение тому, что выразился неясно. — Дум-дум — и на ком-то пошли трупные пятна.

— Птица всего лишь действует в соответствии со своей природой, — сказал братец Джон. — Не в пример мне или тебе, она не обладает свободой воли.

— Воли-неволи, — сказал парень. — Дай-ка набалдашник.

— Ты хочешь взглянуть на яйцо? — спросил братец Джон.

Он опустил голову и стал изучать странное яйцо. Когда он лез по канату, оно не упало, а, напротив, держалось на коже, как приклеенное. Он попытался оторвать его от груди, но вслед за яйцом потянулась и складка кожи.

— Чем дальше, тем интереснее, — сказал братец Джон. — Может, откладывая яйцо, птица выделила какой-то клейкий секрет. Но чего ради?

И тут он вспомнил, что не поблагодарил своего спасителя.

— Большое спасибо за помощь, — промолвил он. — Хотя должен признать, что удивлен... прости, что упоминаю об этом... ибо ты меня и скинул туда.

— Соскочил со сковородки, — ответил парень, имея в виду, что перестал соображать. — Как съехал на трах, так и слетел с катушек. Она совсем сдвинулась на трахании. Пришлось пройтись ей по клавишам.

— Выбил ей зубы? — догадался братец Джон.

— И списал ее, — уточнил парень. — Сказал ей: «Испарись!» Да она меня сколько раз доводила до ручки.

— То есть ты велел девушке оставить тебя в покое, потому что из-за нее ты постоянно попадаешь в неприятности?

— Оно Кого-то охладил, и меня начнут поджаривать.

— То есть если ты кого-то убил, то тебя пошлют в заведение, где займется корректировкой твоей личности? Возможно. Однако тот факт, что ты пришел ко мне на помощь, свидетельствует о том, что еще не все потеряно. Я хотел бы как-то помочь тебе, но пока мне нечего предложить. — Внезапно он начал яростно чесаться, продолжая: — Разве что кроме долбанных вшей, которыми эта птичка наградила меня. Могу я для тебя что-нибудь сделать?

Парень безнадежно пожал плечами:

— Что в лоб, что по лбу... На Вайлденвули отправляешься?

Братец Джон кивнул. Парень посмотрел на рдеющий купол неба над головой:

— Ну пока. Здесь, в этой муравьиной куче, только и остается, что лечь-встать. Там, в глубоком космосе, те же болваны, но все же немного другие

— Да, если с Земли ты переберешься на приграничную планету, то станешь совершенно другим человеком, — сказал братец Джон. — К тому же получишь возможность освоить американский язык. Да благословит тебя Бог, мальчик мой. Я должен идти. А если тебя сподобит оказаться на Вайлденвули раньше меня, Расскажи там, что я прилагаю все силы, дабы оказаться на месте. Матьер Богородица, братец Фрэнсис сказал, что надо пройти всего лишь несколько миль!

Он двинулся в путь. За его спиной раздался хриплый вопль:

— Эй, Джон! Я здесь, Джон! Твой старый приятель, Джон!

Передернувшись, братец Джон осенил себя крестным знаменем и ускорил шаги. Но чудовища во рву он так и не мог забыть. Паразиты, которые теперь копошились под рясой, старательно вгрызаясь в кожу, не позволяли выкинуть его из памяти. Не говоря уж о яйце, примостившемся на груди.

Сочетание того и другого навело послушника на мысль, что неплохо бы найти уединенное место на берегу водоема и искупаться. Он испытывал надежду, что таким образом сможет избавиться от блох и растворить клейкий состав, который надежно держал яйцо на груди. Но отыскать место, где бы его никто не увидел, оказалось не так легко. Новая партия отдыхающих уже заполнила парк и нежилась на песчаных пляжах или купалась. Братец Джон старательно отводил глаза от обнаженных фигур. Но было просто невозможно не обращать внимания на женщин, которые лежали поодаль или проходили мимо. И он оставил свои старания.

Ведь до того как вступить в ряды ордена Святого Джейруса, он вдоволь нагладелся на обнаженных женщин на пляже и дома. И все страстные призывы Церкви, как и в предыдущие столетия, не могли заставить верующих отказаться от укоренившихся привычек окунаться в воду в более чем откровенных купальных костюмах. Церковь давно перестала выражать протесты по поводу нудистских купаний и возражала лишь против появления голых на улицах. Хотя невозможно предсказать, какой политики она станет придерживаться лет через двадцать. Случалось, что голый человек показывался на улице или в магазине, где его арестовывали за неподобающую обнаженность, точно так же, как женщин в шортах или купальниках, застигнутых вне пляжа, арестовывали в начале... кажется, двадцатого столетия? Миряне могли позволить себе обнажаться в местах публичного купания — но только не священнослужители. В сущности, им даже запрещалось находиться в таких местах. И братец Джон одним пребыванием здесь презрел обеты своего ордена, не говоря уж о Церкви в целом.

Но порой неожиданное развитие событий требовало нарушения правил, а блохи так свирепо грызли его, что он испытывал настоятельную потребность как можно скорее избавиться от них, прежде чем станет являть собой постыдное зрелище.

Братец Джон обогнул чуть ли не всю лагуну и наконец нашел то, что искал: высокий береговой откос, со всех сторон заплетенный

кустами. Продираясь сквозь заросли, он чуть было не наступил на парочку, которая, должно быть, не сомневалась, что пребывает в блаженном одиночестве в садах Эдема. Миновав их, он стал ввинчиваться в гущу зарослей, покуда пара окончательно не исчезла из виду, но ему еще долго не давали покоя раздававшиеся из-за спины звуки.

Торопливо стянув рясу, Кэрмоди прыгнул с песчаного откоса в воду. Окунувшись в прохладные струи, он было поежился, но через мгновение почувствовал себя довольно комфортабельно и, вспомнив басню, как лиса избавлялась от блох, начал медленно погружаться в воду. Он надеялся, что насекомые вскарабкаются на макушку и, когда он окунется с головой, наконец исчезнут.

Он набрал в грудь воздуха и, опустив голову под воду, досчитал до ста восьмидесяти. Вынырнув, он не увидел, как предполагал, флотилию блох, отплывающих от пристани его носа. И все-таки они куда-то делись, поскольку больше его не мучили.

Затем, посчитав, что вода уже размягчила клей, он попытался избавиться от яйца. Но безуспешно.

— Не хватало еще, чтобы оно приросло ко мне, — пробормотал он и, поблуднев, вытирает глаза: — Спаси меня, Святой Джейрус! Вроде *так оно и есть!*

Он с трудом подавил приступ паники и постарался обрести если не спокойствие, то по крайней мере логичность. Может, у яйцекладущих горюшечек те же привычки, что и у ос. Наверное, они привыкли откладывать яйца на трупы и даже на живые существа. А яйцо способно выпускать тонкие отростки, которые проникают в кроветок восприимчивика. С их помощью яйцо получает питание, необходимое для роста и формирования эмбриона. Горюшечки, по всей видимости, сделали шаг в эволюции по сравнению с существами, у которых эмбрион питается через плаценту, суть которого состоит в том, что эмбрион развивается *вне тела восприимчивика, а не внутри* его.

Но братцу Джону как-то не хотелось вникать в биологические и зоологические тонкости. Эта штука, приросшая к его телу, была дьявольской пиявкой, которая сосала из него кровь.

Хотя положение, может, и не носит фатального характера. Если он раздавит яйцо, щупальца скорее всего оставят его в покое.

Но необходимо было принимать во внимание и этический аспект. Яйцо не являлось его собственностью, которой он мог распоряжаться, как заблагорассудится. Оно принадлежало зоосаду.

Братец Джон подавил желание вырвать из своего тела окровавленные щупальца и забросить их как можно дальше. Он должен вернуть яйцо властям зоопарка. Пусть даже это займет много времени, пока он изложит долгую и запутанную историю, как оказался в таком положении и каким образом к его телу приросло яйцо.

Он выкарабкался на берег и растерянно застыл на месте. Его рясa исчезла. По щекам у него потекли слезы.

— Все хуже и хуже! — простонал он. — Каждый шаг к Вайлденвули отбрасывает меня на два шага назад! Как мне выпутаться из этой неразберихи?

Братец Джон возвел глаза к небесам. Но таковых не было, над головой мерцал купол рукотворной крыши. Он видел свет, но не откровение.

Ему припомнился девиз ордена Святого Джейруса: «Поступай, как поступил бы он».

— Да, но он никогда не находился в таком положении! — сказал вслух братец Джон.

И все же, размышляя о жизни Святого Джейруса, он пришел к выводу, что тот всегда выбирал меньшее из двух зол, хотя такой подход, случалось, мог привести к злу и большему, чем отвергнутое. В таком случае, имея возможность выбирать, святой предпочитал большее зло.

«Джон, — сказал он про себя, — ты не философ. Ты человек действия, хотя порой некому дать тебе дельный совет, как поступать. Ты вечно не умел выпутываться из неприятностей. Поэтому и вляпался в очередную передрагу. Но ты всегда полагался на мудрость своих чувств, которые и спасали тебя. Так что действуй!»

Первым делом необходимо было одеться. Обыскивая пляж в поисках того, кто стащил облачение, братец Джон еще мог себе позволить оставаться голым, но сомневался, что вор или шутник станет дожидаться его с доказательствами своих действий в руках. Ему нечем было даже прикрыть яйцо на груди. Следовательно, пока он не решит эту задачу, все будут откровенно глазеть на него, что может повлечь за собой очередные неприятности. Если он удалится от пляжа, могут вызвать копов, и он окажется за решеткой. И ему придется многословно объяснять, что случилось, — и не только светским властям, но и своему начальству.

Нет. Он обязан разыскать одежду. Затем необходимо раздобыть денег, чтобы позвонить руководству зоосада и избавиться от яйца. Далее каким-то образом нужно разжиться средствами на билет до Вайлденвули.

Братец Джон снова осторожно забрался в заросли кустарников. Пара лежала на прежнем месте, предавшись сну в объятиях друг друга. Беззвучно пробормотав: «Лишь в долг. При встрече верну», он дотянулся до кустов с развешанной мужской одеждой и стянул ее. Затем вернулся на берег и оделся.

Его поступок вызывал отвращение в силу нескольких причин. Во-первых, он предоставил полиции еще один повод искать его. Во-вторых, когда мужчина откроет глаза, то окажется в том же самом двусмысленном положении, в котором только что пребывал братец Джон, хотя, конечно, он сможет послать женщину за какой-нибудь одеждой. В-третьих, широкий килт, который он натянул на себя, был украшен кричащими горчично-желтыми кругами с розовыми точками, что само по себе являлось преступлением против хорошего вкуса, не говоря уж о том, что, в-четвертых, килт был грязным

и зловонным. И, в-пятых, пластрон, которым послушник прикрыл грудь, был ядовито-синего цвета с блестками.

— Омерзительный вкус, — передернувшись, сказал братец Джон. Его беспокоило, что он превратился в довольно забавную фигуру. — Но это лучше, чем носить всем на обозрение болтающееся на груди яйцо, — добавил он и через парк направился в сторону города.

Он предполагал зайти в будку таксофона и отыскать адрес директора зоопарка. После чего отправиться к нему домой и рассказать о яйце. А дальше, сказал он себе, остается полагаться на Господа Бога и на смекалку (?) брата Джона. Кроме того, каким-то образом необходимо вернуть владельцу похищенную (одолженную) одежду вкупе с какой-нибудь компенсацией.

Братец Джон неторопливо добрался до границы парка. Теперь он уже не оглядывался на белокожие тела и на расписанные разными цветами ноги пляжной публики. Его охватило давно забытое ощущение знобящего страха и возбуждения, что в любой момент может раздаться крик «Держи вора!» И ему придется со всех ног удирать от преследователей.

Хотя такой исход вряд ли возможен. Уж очень крепко спал тот тип.

— Держи вора! — заорал кто-то.

Братец Джон автоматически ускорил шаг, но в бегство все же не обратился. А вместо этого драматическим жестом показал пальцем на человека, который по счастливому совпадению отпрыгнул от своего соседа.

— Держите его! — завопил он.

И толпа, миновав его, кинулась за несчастным, который со всех ног улепетывал от преследователей. К несчастью, люди, кинувшиеся за тем, на кого указал братец Джон, столкнулись с компанией, бежавшей за братцем Джоном, который щеголял в украденной одежде. Кто-то кого-то толкнул, и через пару секунд в этой части парка началась свалка. Раздались полицейские свистки, несколько человек навалились на копов, и металлические стражники порядка исчезли под грудой тел. Братец Джон решил, что сейчас самое время уносить ноги.

Добравшись до опушки парка, он побежал по узкой улочке между заборами, за которыми тянулись небольшие дворики частных домов. Эти проходы образовывали настоящий лабиринт, где было очень легко оторваться от любого преследования. Но к месту потасовки в парке уже спешил полицейский вертолет, и братцу Джону пришлось, подтянув животик, как дворовому коту, перевалиться через забор. Легко приземлившись, он прижался к ограде, чтобы его не заметили с воздуха.

Мимо забора пронесся и исчез в отдалении топот ног преследователей. Беглец расплылся в улыбке, но та замерла у него на губах, когда из-за спины раздалось грозное низкое рычание.

Братец Джон медленно повернул голову. Он оказался во дворе типичного домика. Забор огораживал небольшой клочок травы, в

центре которого тянулась крытая веранда. На ней стояли стол, несколько стульев и шезлонг; здесь же находился вход в подземные помещения дома. Поблизости не было видно ни одного человека, и пес явно чувствовал себя тут хозяином. Это был огромный доберман-пинчер, готовый кинуться на незнакомца.

Братец Джон так стремительно перемахнул обратно через забор, что собака лишь клацнула челюстями у подола его килта, и бросился бежать со всех ног.

Промчавшись ярдов сто, он оглянулся и, убедившись, что пес не перепрыгнул через ограду и не преследует его, сменил аллюр на быстрый шаг. Завидев впереди будку таксофона, он устремился к ней, но едва взялся за дверь, как какой-то человек ухватил его за локоть.

— Не поговорить ли нам? — сказал он. — Могу решить все твои проблемы, и очень выгодно.

Братец Джон уставился на него. Человечек с крысиной мордочкой был невысок и худ. Ноги его были исчерчены на манер столбов у парикмахерских красно-белыми полосками, на пластроне виднелась россыпь фальшивых алмазов, голову украшала треуголка с пышным плюмажем. Этого было достаточно, дабы понять, что он выходец из низших классов; в носовой перегородке торчала пластмассовая имитация кости, свидетельствующая о том, что перед Кэрмоди мелкий жулик.

— Имею информацию, — сказал он, склоняя тем временем голову набок, как воробей, опасющийся, не подкрадывается ли кошка. — Слышал, как быстро ты обернулся, когда у тебя свистнули облачение. Слышал и о яйце. Вот о нем и хотел бы потрепаться. Значица, так: ты продаешь мне яйцо, а я перепродаю его богатому отродью на Фениксе. Они все сдвинутые, слышал, небось? Жрут только редкие деликатесы и гоняют за ними свои ракеты. Давно ищут не вино, а хорошие яйца горовицев. Усек?

— Усек, — ответил братец Джон. — Ты хочешь сказать, что богатые люди на Фениксе платят хорошие деньги за редкие деликатесы, как древние китайцы платили за так называемые тысячелетние яйца?

— Сечешь. Знаю, тебе нужен билетик до Вайлденвули. Могу подкинуть.

— Я испытываю искушение, приятель, — сказал братец Джон. — Ты мог бы разрешить мои временные трудности.

— Да? Договорились. Только штука в том, что тебе самому надо смотаться на Феникс. Там яйцо срежут, всего-то делов. Так оно и не протухнет — не то что срезать с трупа.

— Приятель, ты меня искушаешь, — вздохнул братец Джон. — Но, к счастью, я вспомнил, что, связавшись с тобой, опять попаду в переделку. Кроме того, яйцо, которое так уютно устроилось у меня на груди, не является моей собственностью. Оно принадлежит зоосаду.

Человечек прищурился:

— Кончай трепаться. Тебе все равно никуда не деться.

Он извлек из кармана просторного килта свисток и дунул в него. Никаких звуков не послышалось, но из-за угла харчевни появились три человека, вооруженных воздушными пистолетами, острия стрел которых были смазаны парализующим составом.

Братец Джон взвился, как атакующая гремучая змея. «Крысиная мордочка» пискнула от страха и торопливо сунула руку в карман. Но братец Джон оглушительной оплеухой вышиб из человека дух и загородился его телом. Две стрелы с чмоканьем воткнулись в обмякшую фигуру. Братец Джон, держа перед собой человека, рванулся к стрелкам. Еще одна стрела чмокнула, поразив живой щит, — и послушник сцепился с бандитами. Или они с ним: в этой свалке трудно было разобраться; то он валял их, то они его. Шипели воздушные пистолеты, впустую тратя заряды; кто-то из нападавших вскрикнул, когда стрела поразила его; другой сложился вдвое, получив безжалостный тычок железными пальцами под ложечку. И тут на голову братца Джона обрушилась рукоятка оружия.

Россыпь звезд... и темнота.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на кровати в некоей странной комнате. И сверху вниз на него смотрит некий странный человек.

— Я протестую против сознательного унижения человеческой личности, — сказал братец Джон. — Если вы думаете, что вам это сойдет с рук, то глубоко ошибаетесь. В свое время я был известен под именем Джона Кэрмоди, единственного человека, который оставил знаменитого детектива Леопарди. Я найду вас и... и передам в руки властей, — смиренно закончил он.

— Я не тот, за кого вы меня принимаете, братец Джон, — улыбнулся человек. — Жулики, которые пытались обобрать вас, были схвачены полицейскими сразу же после того, как вы потеряли сознание. Им сделали инъекции, и они во всем сознались. Ввели препарат и вам. И теперь нам известна ваша история. Самая удивительная из всех, которые мне доводилось слышать.

Братец Джон сел и почувствовал приступ головокружения.

— Ни о чем не беспокойтесь, — сказал его собеседник. — Разрешите представиться. Я Джон Ричардс, директор зоологического сада.

Братец Джон прикоснулся к груди. Яйцо было на месте.

— Минутку, — сказал он. — Горовиц, как попугай, имеет способность к звукоподражанию. И вы, наверное, научили его обращаться к вам по имени? Джон. Усекли? То есть я прав?

— Правы, — согласился Джон Ричардс. — И если это улучшит ваше состояние, скажу, что берусь разрешить все ваши проблемы.

— В последний раз, когда я слышал эти слова, меня едва не похитили, — напомнил братец Джон. И улыбнулся. — Хорошо. Но каким образом вы собираетесь мне помочь?

— Достаточно просто. Мы давно ждали, когда горовиц соберется снести яйцо, и даже подготовили животное на роль восприимчика.

Ваше появление расстроило наши планы. Но это не значит, что все пошло прахом. Если бы вы согласились подписать контракт и отправиться на Ферал, родную планету горовицев, а там позволили бы изучать вас до полного созревания яйца, в таком случае...

— Вы вселяете в меня надежду, мистер Ричардс. Но что-то в вашем предложении мне не нравится. Каковы условия данного контракта? И главное, сколько времени это путешествие потребует?

— Мы, группа изучения Ферала, хотим, чтобы вы отправились на Ферал и жили бы там под видом горовица, пока...

— Под видом горовица? Как? Они же убьют меня!

— Ни в коем случае. Они не убивают животное-восприимчика, пока... м-м-м... пока птенец не появится на свет. А как раз в тот момент мы и подключимся. Вы все время будете находиться под пристальным наблюдением. Не хочу обманывать вас, уверяя, что данное предприятие совершенно безопасно. Но если вы согласитесь, то окажете науке огромную услугу. Вы можете представить нам детальный, а главное, личный рассказ о таких подробностях, которые мы никак не можем уловить при дистанционном наблюдении с помощью оптики. А по истечении срока контракта, братец Джон, мы обязуемся немедленно доставить вас на Вайлденвули. Вместе с существенным пожертвованием отделению вашего ордена там.

— Когда я могу попасть на Вайлденвули?

— Примерно через четыре месяца.

Братец Джон прикрыл глаза. Ричардс не мог понять, молится он или думает. Скорее всего, решил он, и то и другое.

Братец Джон открыл глаза и улыбнулся:

— На Земле мне пришлось бы вкалывать два года, чтобы оплатить проезд. Можно было бы выкрутиться как-то по-другому, но в данный момент мне даже не хочется об этом думать. В силу столь странного развития событий я склонен считать, что меня *привело* в ров, а потом — к вам. Во всяком случае мне хочется так думать.

Я проведу на Ферале четыре месяца. Самый верный путь не всегда самый прямой. За удачей приходится бегать по кругу.

Братец Джон сидел в зале ожидания космопорта, размышляя и благодаря Господа за то, что свободно ниспадающее облачение ордена позволяет надежно скрыть яйцо. Через несколько минут колокол возвестит, что пора подниматься на борт «Гончей».

Подошедший человек поставил на пол свой походный саквояж и сел рядом. То и дело поглядывая на брата Джона, он явно мялся. Поймав его взгляд, послушник улыбнулся, но ничего не сказал. Он уже усвоил, что молчание — золото. Наконец человек не выдержал:

— Отправляетесь на окраину, отче?

— Зовите меня братцем, — сказал братец Джон. — Я не священник, а простой брат-послушник. Да, я держу путь в пограничье. На Вайлденвули.

— На Вайлденвули? И я тоже! Слава Богу, наконец-то покину Землю! До чего унылое, ограниченное место! Тут не происходит ровно ничего волнующего. День за днем все то же: туда-сюда, вверх-вниз. Значит, вы на Вайлденвули! Вот место для свободолюбивого искателя приключений с красной кровью в жилах! Стоит там пройти несколько миль, и на вас свалится столько приключений, сколько вы за всю жизнь не встретите на этом сером шарике.

— Воистину, — промолвил братец Джон.

Глянув на него, человек отодвинулся. Он так и не смог понять, почему братец Джон побагровел и сделал рукой такое движение, словно хотел кому-то врезать в челюсть.

ПРОМЕТЕЙ

Из космического корабля вышел человек с яйцом, приросшим к груди.

В лучах рассвета вельд Ферала ничем не отличался от африканского буша, каким тот был до появления белого человека. Сколько видел глаз, простиралось пространство коричневатой травы в фут высотой. Тут и там, поодиночке или рощицами, включавшими в себя от пяти до тридцати экземпляров, стояли высокие деревья с толстыми мощными стволами. Всюду паслись стада животных. Часть из них шипала траву, а другие толпились у водоема в четверти мили отсюда. С этого расстояния некоторые напоминали антилоп гну, жирафов, свиней и слонов. Были и другие создания, выглядевшие так, словно явились из эпохи плиоцена Земли. Для остальных было невозможно подобрать земных сравнений.

— Млекопитающие отсутствуют, — сказал чей-то голос из-за спины человека с яйцом. — Это теплокровные потомки рептилий. Но не млекопитающие.

Говоривший подошел к Джону Кэрмоди. Это был доктор Холмъярд, исследователь разумных форм жизни, зоолог и глава экспедиции. Высокий человек лет шестидесяти, худой, с костистым лицом и каштановыми волосами, которые когда-то были ярко-рыжими.

— Две предыдущие экспедиции установили, что млекопитающих тут никогда не было или же они вымерли значительно раньше. Не подлежит сомнению, что рептилии и птицы получили преимущество в эволюционной гонке. Они заняли ту экологическую нишу, которая на Земле принадлежит млекопитающим.

Кэрмоди был невысоким кругленьким человечком с крупной головой и длинным остроконечным носом. Левое веко то и дело опускалось на глаз. Прежде чем покинуть корабль, он облачился в монашескую рясу.

Холмъярд показал на кущу деревьев, располагавшуюся строго на север в миле от них.

— Это ваш будущий дом, пока детеныш не вылупится, — сказал он. — А если вы решите остаться там и после сего события, мы будем весьма рады.

Он махнул двум своим спутникам, которые вслед за ним вышли из корабля, и те приблизились к Кэрмоди. Они сняли с него ясу и расстегнули ремень, опоясывавший выпуклый животик. Затем натянули на него облачение из потертых красных и белых перьев. На выбритую голову водрузили парик с высоким крестообразным хохлом из перьев того же цвета. Далее последовал фальшивый клюв с зубами, опорой для которого послужил нос. Рот, однако, остался свободным. Затем надежно затянули на поясе упряжь с кучей перьев, из которых торчал плюмаж красно-белого хвоста.

Холмъярд осмотрел Кэрмоди со всех сторон. Покачал головой:

— Этих пернатых — если они в самом деле птицы — не удастся обдурить, если они присмотрятся к вам повнимательнее. С другой стороны, в целом ваш силуэт достаточно убедителен, чтобы они подпустили вас довольно близко, не догадываясь об обмане. Кроме того, снedaемые любопытством, они могут позволить присоединиться к ним.

— А если они нападут? — спросил Кэрмоди. Несмотря на всю серьезность ситуации, которая ждала его, он улыбался. Он чувствовал себя сущим идиотом, как человек, отправляющийся на костюмированный бал в петушиных перьях.

— Мы уже имплантировали вам микрофон в голосовые связки, — сказал Холмъярд. — Плоский передатчик прилегает к черепу. Стоит вам попросить о помощи, мы тут же примчимся. Не забывайте выключать передатчик, когда вы им не пользуетесь. Батарейки рассчитаны на пятьдесят часов работы. Но вы сможете подзарядить их в тайнике.

— А вы разобьете лагерь в пяти милях к югу отсюда? — уточнил Кэрмоди. — После чего корабль снимется?

— Да. И помните еще вот о чем. Если... то есть после того как вы внедритесь, вернитесь к тайнику и возьмите камеры. Установите их в самых оптимальных местах, чтобы снять фильм о горющих.

— Мне нравится это «если», — сказал Кэрмоди. Он кинул взгляд на место своего предназначения и обменялся со всеми рукопожатиями. — Да пребудет с вами Господь.

— И с вами тоже, — отвечал Холмъярд, тепло пожимая ему руку. — Вы оказываете огромную услугу науке, Джон. А может, и всему человечеству. Не исключено, что и горющим. Не забывайте моих слов.

— Среди моих многочисленных недостатков плохая память не числится, — сказал Джон Кэрмоди и, повернувшись, пошел в сторону вельда.

Через несколько минут огромный корабль бесшумно оторвался от земли футов на двадцать и, набирая скорость, стремительно ушел в южную сторону.

Одинокий маленький Джон Кэрмоди, забавный в своих накладных перьях, пробиравшийся сквозь заросли травы, напоминал сейчас не столько человека, сколько потрепанного в драке петуха, каковым себя и чувствовал в данный момент. На нем были прозрачные сандалии, так что камни, на которые он наступал, не резали ног.

Стадо лошадиноподобных созданий, перестав кормиться, уставилось на него и стало принимать. Животные были размерами с зебру, но совершенно безволосые; их гладкие желтоватые шкуры были покрыты розовыми прямоугольными пятнами. Ввиду отсутствия хвостов они не могли обороняться от вьющихся вокруг насекомых, а длинными, но явно не змеинными языками слизывали оводов друг с друга. Фыркали и ржали они совершенно по-лошадиному. Понаблюдав за Кэрмоди секунд шестьдесят, они внезапно сорвались с места и отбежали ярдов на сто, где, сбившись в тесную кучку, опять усталились на незнакомца. Тот решил, что их, вероятно, обеспокоил исходящий от него странный запах. Оставалось надеяться, что горовицы не окажутся столь подозрительны.

В этот момент ему пришло в голову, что, должно быть, он сделал глупость, добровольно вызвавшись на это задание. Особенно когда огромное животное, которому для полного сходства со слоном не хватало только бивней, вскинув хобот, затрубило и двинулось в его сторону. Но тут же принялось стряхивать плоды с деревьев, не обращая на него никакого внимания.

Искоса поглядывая на зверя, дабы убедиться, что тот не испытывает к нему интереса, Кэрмоди двинулся дальше. Тем временем он снова обрел свойственный ему оптимизм и сказал себе, что очутился на этой планете, ведомый совершенно конкретной целью. Он не знал, в чем она заключалась. Но не сомневался, кто послал его.

Каждое звено в цепи событий, что привели его сюда, было слишком странным, чтобы их сочетание оказалось простым совпадением. Во всяком случае, Кэрмоди так считал. Всего месяц назад он чувствовал себя вполне счастливым, будучи простым послушником, работавшим в саду монастыря ордена Святого Джейруса в Городе Четвертого Июля, Аризона, Североамериканский департамент. Затем аббат сказал, что его переводят в приход на планете Вайлден-вули. Тут-то его беды и начались.

Во-первых, выяснилось, что ему не полагается ни денег, чтобы приобрести билет на космический корабль, ни рекомендательных писем, ни удостоверения личности, ни даже подробных указаний. Ему просто велели отправляться. Он не мог даже купить билет на автобус, который доставил бы его в космопорт из города под куполом. Он пустился в путь пешком, и такова уж была его планида, что беды не заставили себя ждать. Он забрел в городской парк, где хулиганы кинули его в ров, огораживающий зоопарк. Самка горовица, огромная птица с планеты Ферал, прыгнула в ров и, придавив ногой, несла ему на грудь яйцо. Когда Кэрмоди наконец выбрался на ровное место, то убедился, что яйцо, пустив мясистые отростки, надежно приросло к груди и стало неотъемлемой частью его тела.

Когда руководство зоосада обнаружило Кэрмоди, ему объяснили, что, поскольку самка горовица, подбирая существо, которое будет вынашивать ее яйцо, не в состоянии отличить мужскую особь от женской, она может отложить его на кого угодно. Кэрмоди исключительно не повезло — или, с точки зрения зоологов, исключительно повезло — стать таким существом. Повезло потому, что ученым представилась возможность наблюдать, как эмбрион развивается в яйце и питается соками своего восприимчивника. Более того — если Кэрмоди отправится на Ферал и попытается предстать в роли горовицы, он может обогатить зоологию неоценимыми сведениями об этих пернатых. Зоологи считали горовиц самыми разумными существами в данной галактике из тех, что не обладали эмоциями. Существовали даже предположения, что они развиты настолько, что имеют язык общения. Согласен ли Кэрмоди поработать с зоологами, если по окончании полевых работ ему оплатят путешествие на Вайлденвули?

Вот почему одинокий человечек брел через вельд, неся на груди пушистое оперенное яйцо, питающееся его кровью. Он был полон опасений, что даже его молитвы мало что могут изменить.

Над головой пролетела стая из нескольких тысяч птиц. Огромные создания размерами со слона, но с длинными шеями и четырьмя узловатыми клыками на морде, снялись с лиственных крон. На человека они не обращали внимания, и Кэрмоди продолжал движение по прямой, пока не оказался в пятидесяти ярдах от них.

И тут из зарослей травы показалось животное, в котором он тут же опознал крупного хищника. Тот напоминал льва и размерами, и раскраской шкуры, да и формы его смахивали на львиные. Но он был совершенно безволосым. Его кошачья физиономия оскалилась в беззвучном рычании. Остановившись, Кэрмоди повернулся лицом к нему. Рука его скользнула под растрепанный хвост и сжала рукоятку спрятанного там пистолета.

Об этих плотоядных его предупреждали.

«Он может покуситься на вас, только если очень голоден или слишком стар, чтобы догонять дичь», — втолковывал Холмъярд.

Животное не казалось очень уж старым, и бока его лоснились. Но Кэрмоди пришло в голову, что если характер существа соответствует его кошачьему облику, то оно сможет напасть просто потому, что пришелец ему не нравится.

Леонид моргнул, глядя на него, и зевнул. Кэрмоди осторожно перевел дыхание. Животное село на задние лапы и уставилось на него, явно видя в чужаке забавного, но слишком крупного котенка. Кэрмоди медленно сдвинулся в сторону.

Леонид не изъявил желания преследовать его. И Кэрмоди мысленно поздравил себя, когда слева от него из густой травы выскочило какое-то существо.

Он разглядел лишь, что это был горовиц-подросток, на большее у него не хватило времени. Удивившись не меньше Кэрмоди, леонид все же кинулся за ним в погоню. Горовиц в ужасе заорал. Леонид заревел, набирая скорость.

Внезапно из тех же зарослей, откуда появился подросток, стрелой вылетела взрослая особь. В передних конечностях, напоминающих человеческие, она держала дубинку. Хотя для хищника та была не более чем спичкой, спаситель с воплями кинулся на врага.

Кэрмоди вытащил пистолет и выпустил очередь в леоноида. Одна пуля взрыхлила почву в нескольких футах перед ним; остальные попали ему в бок. Зверь несколько раз крутанулся на месте и рухнул.

Взрослый горовиц бросил дубинку, подхватил дитя на руки и пустился бежать к роще в полумиле отсюда, где скорее всего находились гнездовья.

Кэрмоди пожал плечами, перезарядил пистолет и снова двинулся в путь.

— Может, этот инцидент пойдет мне на пользу, — стал он размышлять вслух. — Если им свойственно чувство благодарности, меня должны принять с распростертыми объятиями. С другой стороны, они могут настолько перепугаться, что кинутся на меня всем скопом. Что ж, посмотрим.

К тому времени как он приблизился к роще, ветви деревьев кишели самками и молодежью. Самцы расположились вне рощицы. Один из них, по всей видимости вождь, возглавлял группу. Кэрмоди показалось, что именно он и спас ребенка.

Вождь был вооружен какой-то тростью. Неторопливо переступая прямыми ногами, он двинулся к гостю. Остановившись, Кэрмоди обратился к нему. Вождь тоже остановился и, птичьим жестом склонив голову набок, стал слушать. Он был неотличим от своих сородичей, разве что покрупнее, примерно семи футов ростом. Ступни кончались тремя когтистыми пальцами, ноги, которым приходилось держать на себе вес корпуса, были крупными и мускулистыми, а телом он напоминал страуса. Но крыльев, даже рудиментарных, зачаточных, у него не было и в помине. Хорошо развитые предплечья завершались пятипалой кистью, хотя пальцы были заметно длиннее, чем человеческие. На толстой шее держалась крупная голова с развитой черепной коробкой. Карие глаза располагались на передней части лица, как у человека; черный вороний клюв, усеянный острыми зубами, был невелик. Оперение отсутствовало, если не считать редких красно-белых перьев в области паха, на спине и голове. На голове щетинился высокий крестообразный перистый хохол, а за ушами топорщились жесткие перышки, как у совы.

С минуту Кэрмоди слушал звуки, которые издавали вождь и остальные, стоящие за ним. Они ничем не напоминали членораздельную речь: в ней не было ни четкого ритма, ни повторяющихся слов. Тем не менее отдельные слоги можно было выделить, и в лопотании горовицев слышалось что-то знакомое.

Еще через минуту Кэрмоди уловил сходство и удивился. Их речь напоминала лепет младенца. Порой они произносили отдельные фонемы, иногда повторяя их, но чаще этого не случалось.

Неторопливо, чтобы не напугать их резким движением, Кэрмоди поднес руку к голове и, чуть сдвинув шторку панели, включил

передатчик, чтобы зоологи на базе могли слышать эти звуки. После чего заговорил тихим спокойным голосом, зная, что встроенный в гортань микрофон четко транслирует его голос. Описав ситуацию, он сказал:

— Я собираюсь направиться в их гнездовье. Если вы услышите громкий треск, то это значит, что дубинка расколола мне череп. Или наоборот.

Он снялся с места, двинувшись не прямо в сторону вождя, а пообок от него. Высокий горюхи развернулся, когда человек проходил мимо, но не сделал своим оружием никакого угрожающего жеста. Кэрмоди спокойно прошествовал мимо, хотя у него побежали мурашки по спине, когда вождь остался вне поля его зрения, и направился прямо в толпу, заметив, что все расступаются перед ним, склоняя головы набок, а из зубастых клювов слышится младенческий лепет.

Кэрмоди беспрепятственно прошел в рощу деревьев, напоминающих тутовник. Самцы, самки и молодежь разглядывали его сверху. Самки основательно напоминали самцов, но были поменьше, с коричневыми хохолками. Почти все они носили яйца на груди или держали на руках младенцев, с головы до ног покрытых золотисто-коричневым пушком. У подростков он уже сошел. Самки, как и самцы, были удивлены появлением незнакомца, а детишки, так же лепеча подобно младенцам, проявляли к нему лишь любопытство.

Наконец один подросток — судя по коричневому оперению, самка — прыгнул с ветки и осторожно подошел к нему. Кэрмоди порылся в сумке под хвостом и извлек оттуда кусок сахара. Лизнув его, дабы показать, что угощение не отравлено, он протянул его на ладони, издав какой-то курлыкающий звук. Девочка — он уже воспринимал эти существа как людей — схватила подношение и кинулась обратно к дереву. Там она покрутила кусок сахара, ощупала, после чего осторожно лизнула кончиком широкого длинного языка.

На ее физиономии отразилось блаженство. Это удивило Кэрмоди, ибо ему не приходило в голову, как птичий облик может выразить столь человеческую эмоцию. Но плоская и широкая лицевая часть обладала хорошо развитой мускулатурой и, подобно человеческому лицу, могла выражать самые разные чувства.

Девчонка засунула кусок в клюв и пришла в экстаз. Повернувшись к большому горюху, который приблизился к ней, она издала серию односложных восклицаний. В голосе ее явно чувствовался восторг.

— Доставьте в убежище запас сахара, — громко и четко, чтобы его хорошо слышали на базе, сказал Кэрмоди. — И еще соли. Не исключено, что эта публика нуждается и в соли.

— Публика! — взорвался у него в ухе чей-то бесплотный голос. — Кэрмоди, не совершайте антропоцентрических ошибок, имея дело с этими существами.

— Вы не встречались с ними, — отпаривал Кэрмоди. — Может, вы и способны оценивать их как зоолог. Но я не могу. Они люди и ведут себя по-людски.

— О'кей, Джон. Но, поставляя информацию, давайте лишь описание, а не вашу интерпретацию. Ведь я тоже человек и поддаюсь внушению.

— Ладно, — ухмыльнувшись, сказал Кэрмоди. — О, они начинают танцевать. Я не знаю, что означает этот танец — какие-то инстинктивные движения, или же они его выдумали.

Пока Кэрмоди разговаривал, самки и молодежь слезли с деревьев и, образовав полукруг, стали в такт хлопать в ладоши. Мужские особи, которые уже успели сгруппироваться, принялись подпрыгивать, кружиться, кланяться и, как утки, ковылять на полусогнутых ногах. Они издавали странные крики и порой, взмахивая руками, подскакивали, как бы изображая птичий полет. Минут через пять танец внезапно прекратился, и все горовицы выстроились в шеренгу. Вождь, занявший место во главе ее, направился к Кэрмоди.

— Ну и ну, — сказал Кэрмоди. — Похоже, мы видим первую в неписаной истории этих людей очередь за хлебом. Только им нужен не хлеб, а сахар.

— Сколько их там? — спросил Холмъярд.

— Примерно двадцать пять.

— Сахара хватит?

— Только если я расколю все куски и дам каждому лизнуть.

— Попробуйте, Джон. А пока мы успеем на джипе подкинуть вам сахар в убежище. После того как мы уедем, вы сможете отвести их туда.

— Может, я и так справлюсь. Пока меня беспокоит их реакция, если каждому не достанется по цельному куску.

Он принялся дробить сахарные кубики и всякий раз, протягивая на ладони каждому подходившему его порцию, повторял: «Сахар». Когда последняя в очереди — мать с пушистым младенцем на руках — протянула руку, у него оставался последний осколок.

— Просто чудо, — с облегчением вздохнул он. — Уложился. Они вернулись к тому, что я бы назвал их обычным времяпровождением. Кроме главы и нескольких детишек. Эти, как вы можете слышать, тараторят рядом со мной, как сумасшедшие.

— Мы записываем эти звуки, — сказал Холмъярд. — А позже попробуем проанализировать их и выяснить, являются ли они осмысленной речью.

— Я понимаю, что вам требуется научный подход, — ответил Кэрмоди. — Но у меня очень восприимчивое ухо, как у всех людей, которым приходится много слушать, и могу заверить вас, что языка как такового у них нету. Во всяком случае, в нашем понятии.

Через пять минут он сказал:

— Вношу поправку. У них имеются по крайней мере начатки разговорного языка. Только что ко мне подошла одна из девчушек, протянула ручку и сказала: «Сахар». Доподлинное воспроизведение английского произношения, если не обращать внимания на тот факт, что звуки произнесены не человеческим ртом. Словно их повторил попугай или ворона.

— Я слышал! Это чертовски важно, Кэрмоди! Если она смогла так быстро сориентироваться, то должна обладать способностью к абстрактному мышлению. Конечно, если это не случайность, — более спокойным тоном добавил Холмъярд.

— Никаких случайностей. Вы слышите, как остальные малыши тоже просят сахара?

— Слабо. Общаясь с ними, попробуйте научить их еще несколькими словам.

Кэрмоди устроился в тени у основания толстого дерева, потому что солнце уже начало основательно припекать. У дерева была толстая ребристая кора, как у американского тополя, но на нем росли плоды, которые располагались высоко на ветках и снизу напоминали бананы. Девочка сорвала один из них и, протягивая его Кэрмоди, повторила: «Сахар?»

Кэрмоди собрался было попробовать плод, но подумал, что взять угощение, не отблагодарив дарительницу, было бы нечестно. Он отрицательно покачал головой, хотя усомнился, поймет ли она значение этого жеста. Девочка склонила голову набок, и на ее физиономии отразилось разочарование. Тем не менее она не забрала свое подношение. Убедившись, что она уяснила тот факт, что сахара у него больше нет, Кэрмоди все же взял подарок. Скорлупу пришлось расколоть о ствол дерева, и, треснув, она распалась посередине. Он осторожно попробовал содержимое и сообщил Холмъярду, что оно напоминает смесь яблока и вишни.

— Но они кормятся не только этими плодами, — сказал он. — Еще они едят побеги растений, напоминающих бамбук. Кроме того, я видел, как одна особь поймала и съела небольшое животное типа грызуна, выскочившее из-под камня, который она перевернула. Они ищут друг на друге насекомых, которые так же идут в пищу, как и те жучки, что копошатся в траве. К тому же я заметил попытку поймать птицу, что клевала ростки бамбука... Вождь стал колотить дубинкой по земле. Все оставили свои занятия и столпились вокруг него. Похоже, они куда-то собрались. Самки и подростки сбились в кучку. Самцы, вооружившись дубинками, окружили их. Пожалуй, я присоединюсь к ним.

Как Кэрмоди выяснил, они направлялись к водопою, расположенному в полутора милях, который представлял собой впадину футов двадцати в диаметре, заполненную мутной водой. Вокруг нее толпились животные — создания, напоминающие газелей, огромные морские свинки в костистых, как у броненосцев, щитках, птицы, которые издали на первый взгляд напоминали горовицев. Но, приблизившись, Кэрмоди увидел, что их рост не превышает двух с половиной футов, передние конечности куда длиннее, а лобные доли скошены назад. Скорее всего они занимали ту экологическую нишу, которая на Земле принадлежала обезьянам.

При появлении горовицев животные рассеялись. Те выставили охрану, по одному самцу с каждой стороны, а остальные принялись утолять жажду. Молодежь прыгала и плескалась в воде, визжа от

удовольствия. Наконец, несмотря на все протесты, мамыши выгнали своих чад на берег. Стражники тоже напились, и группа стала собираться в обратный путь.

Кэрмоди испытывал жажду, но ему не нравился ни внешний вид, ни трупные запахи, исходящие от воды. Оглядевшись, он заметил, что деревья, растущие у водоема, принадлежали к другому виду. Их стройные пятидесятифутовые стволы с гладкой светло-коричневой корой имели лишь несколько веток на самой верхушке. У подножия деревьев лежали пустые оболочки тыкв. Подобрал одну, Кэрмоди продырявил конец поуже и наполнил ее водой. Затем бросил внутрь таблетку антибиотика, извлеченную из сумки под пушистым хвостом, и, сделав глоток, поморщился от вкуса воды. К нему подошла девочка, которая первая попросила сахар, и Кэрмоди показал ей, как пить из тыквы. Она засмеялась, совсем как человек, и втянула клювом воду.

Воспользовавшись тем, что и остальные заинтересовались их занятием, Кэрмоди показал, как наполнять водой оболочки тыкв, чтобы доставлять запас питья в рошу.

Так на Ферале появился — или был вручен — первый артефакт. За короткое время все обзавелись тыквами и принялись наполнять их. После чего компания, лепеча, отправилась домой.

— Не могу понять, есть ли у них интеллект для овладения языком, — сказал Холмъярду Кэрмоди. — Мне кажется, что, существуя у них таковой, они бы создали средство общения. Но они самые разумные создания из всех, что мне приходилось встречать. Куда умнее морских свинок и даже обезьян. Прекрасные способности к подражанию.

— Мы ввели образцы их речи в анализатор, — сообщил Холмъярд. — Пока нет оснований считать, что она носит организованный характер. Или содержит хотя бы начатки языка.

— Вот что я вам скажу, — ответил Кэрмоди. — По крайней мере, у них есть опознавательные звуки для каждого. Я заметил, что когда они хотят привлечь внимание вожака, то произносят «Ху-ут!», и тот откликается. Далее: девочка, что просила сахар, отзывается на обращение Туту. Так что я могу их различать.

Остаток дня Кэрмоди провел, наблюдая за горовицами и докладывая об увиденном Холмъярду. Он сообщил, что в минуты опасности или при совместных действиях, таких, как, например, поход за водой, племя действует сообща. Но большую часть времени они проводят, разбившись на небольшие семейные группки. Средняя семья включает в себя самца, детей и от одной до трех самок. У большинства самок на груди или на животе яйца. Он поинтересовался, почему большинство самок откладывают яйца друг на друга, создавая тем самым приемные семьи, но порой сразу же после кладки позволяют яйцу укрепиться на своем теле. В вечерних сумерках он увидел, как самка снесла яйцо и тут же приложила его к груди другой самки. Через несколько минут из кожистой оболочки

проклюнулись маленькие щупальца, которые тут же внедрились в кровеносную систему приемной матери.

— Таков, насколько я могу судить, — сказал Кэрмоди, — общепринятый способ действий. Но тут есть одна мужская особь, которая, подобно мне, тоже носит на себе яйцо. Не понимаю, почему он единственный оказался в таком положении. Но могу сказать, что, когда яйцо созрело для кладки, эта самка и ее приятель отделились от остальных. Так что выбор у нее был небольшой. Не спрашивайте меня, почему бы самке не носить яйцо на своем теле. Может быть, существуют какие-то химические факторы, препятствующие развитию яйца на теле матери. Может, образуются какие-то антитела. Не знаю. Но тому есть какие-то причины, известные в данный момент лишь создателю горовицев.

— Не все птицы на данной планете ведут себя подобным образом, — ответил Холмъярд. — Среди них есть и яйцекладущие, и живородящие, и сумчатые. Но тот отряд, к которым относятся горовицы, обладает самым высоким уровнем развития. Среди пернатых их можно считать приматами, к тому есть все основания. Но сверху донизу все они откладывают яйца, а потом находят им восприимчивых.

— Удивляюсь, почему эта линия развития не привела к живорождению? — сказал Кэрмоди. — Не подлежит сомнению, что таким образом лучше всего оберегать зародыша.

— Кто знает? — ответил Холмъярд, и Кэрмоди словно увидел, как тот пожимает плечами. — На этот вопрос нам удастся или не удастся ответить во время данного исследования. Ведь данная планета незнакома нам. И тщательного изучения ее не проводилось. Лишь по счастливой случайности Горовиц во время своего краткого пребывания здесь наткнулся на этих птиц. Таким же образом нам повезло, что мы сумели получить грант для исследований.

— Причиной внекорпорального развития, — сказал Кэрмоди, — может служить и то, что, если зародыш будет ранен или убит, его воспитательница не пострадает. Урон же, нанесенный зародышу живородящей матери, чаще всего ведет к гибели ее самой. Но, насколько мне кажется, в данном случае, хотя эмбрион и уязвим с точки зрения внешних травмирующих воздействий, его носительница в состоянии избежать ранений.

— Может, и так, — согласился Холмъярд. — Природа вечно экспериментирует. Возможно, на данной планете она решила испытать именно такой метод.

«Ты имеешь в виду Его», — подумал Кэрмоди, но ничего не сказал. Пол Создателя не имеет ровно никакого значения. И он, и зоолог имели в виду одно и то же высшее существо.

Кэрмоди продолжил излагать свои наблюдения. Матери кормили свое потомство, как и все птицы, пережеванной и отрыгнутой пищей.

— Звучит убедительно, — сказал Холмъярд. — От пресмыкающихся произошел класс теплокровных животных, но ни у кого из

них нет волосяного покрова или хотя бы зачатков молочных желез. Горовицы же, как я вам рассказывал, произошли от весьма примитивных пернатых, которые продолжали обитать на деревьях, когда их ближайшие родственники учились планировать. Складки кожи между руками и ребрами — напоминания о том кратком периоде, когда, начав планировать, они изменили свои намерения и стали лемуroidами. Во всяком случае, так нам кажется. У нас не так много остатков внезапных ископаемых, чтобы утверждать с уверенностью.

— Они издают определенные звуки, а другие могут их истолковывать. Такие, как, например, крик о помощи, просьба «вычеси мне насекомых», приглашение прогуляться и так далее. Но это все. Если не считать, что часть детишек знает сейчас такие слова, как «вода» и «сахар». И они отличают их. Можете ли вы сказать, что сделан первый шаг к созданию языка?

— Нет, не могу, — твердо сказал Холмъярд. — Но если вы научите их сочетанию отдельных слов, которые будут составлять осмысленную фразу, и они смогут самостоятельно подбирать такие слова в разных комбинациях и ситуациях, то я соглашусь, что они пребывают на определенной стадии овладения языком. Но возможности у вас очень неопределенные. Кроме того, они могут находиться на предъязыковой стадии, на грани, за которой последует усвоение абстрактных понятий. Но для этого может потребоваться еще десяток тысяч лет, а то и пятьдесят тысяч, прежде чем этот вид овладеет подобными способностями. Прежде чем он сделает шаг от животного к человеку.

— Но, может быть, я смогу их подтолкнуть, — сказал Кэрмоди. — Может быть...

— Что может быть? — переспросил Холмъярд, поскольку Кэрмоди на несколько минут погрузился в молчание.

— Я столкнулся с теологической проблемой, которую Церковь подняла за несколько веков до начала межзвездных полетов, — сказал Кэрмоди. — В какое мгновение обезьяна стала человеком? Когда она обрела душу и...

— Иисусе Христе! — воскликнул Холмъярд. — Я знаю, что вы монах, Кэрмоди. И совершенно естественно, что вас интересуют такие вопросы. Но молю вас, не начинайте, теряя представление о реальности, забивать себе голову такими вещами, как выяснение момента, когда животное обрело душу. Не позволяйте, чтобы такая чушь, как сколько-ангелов-уместится-на-кончике-иглы, мешала вашим отчетам. Прошу вас, старайтесь придерживаться строгой объективности и исходить из научной точки зрения. Просто описывайте только то, что видите — и ничего больше!

— Не волнуйтесь, док. Именно это я собираюсь делать. Но вы не можете упрекать меня в излишней заинтересованности. Тем не менее я не берусь решать такие вопросы. Предоставляю это своему начальству. Указание, полученное мною в обители Святого

Джейруса, не имеет ничего общего с теологическими рассуждениями; первым делом мы должны действовать.

— О'кей, о'кей, — сказал Холмъярд. — Значит, мы поняли друг друга. Итак, сегодня вечером вы собираетесь познакомить горовицев с огнем?

— Как только стемнеет.

Остаток дня Кэрмоди провел, обучая малышку Туту таким словам, как «дерево», «яйцо», «тыква», нескольким обозначениям действий, которые он ей продемонстрировал, и местоимениям. Усваивала она быстро. Кэрмоди не сомневался, что причина далеко не только в подражательной способности, как у попугаев. Чтобы убедиться в этом, он задал ей несколько вопросов.

— Ты видишь вот это дерево? — спросил он, показывая на большое фруктовое дерево, напоминающее сикомор.

Она кивнула — жест, который тоже был перенят от него, — и ответила своим странным птичьим голосом:

— Да. Туту видит это дерево. — И прежде чем Кэрмоди успел сформулировать следующий вопрос, спросила, показывая на учителя: — Ты видеть Хута? Туту видеть Хута. Он горовиц. Я горовиц. Ты...

На мгновение Кэрмоди потерял дар речи, слыша лишь, как взволнованно завопил Холмъярд:

— Джон, вы слышите ее? Она научилась говорить и понимать по-английски! И за столь короткое время! Мы дали им язык! Дали им язык!

Кэрмоди слышал тяжелое дыхание Холмъярда так отчетливо, словно тот стоял рядом.

— Успокойтесь, мой добрый друг. Хотя я не могу осуждать вас за то, что вы так взволнованны.

Туту склонила голову набок и спросила:

— Ты говорить с...

— Я человек, — ответил Кэрмоди на предыдущий вопрос. — Человек, человек. И я говорю с человеком... не с собой. Этот человек далеко. — Затем, осознав, что она не понимает смысла слова «далеко», взмахом руки показал куда-то вдаль и ткнул пальцем в пространство вельда.

— Ты говорить с... человек... далеко?

— Да, — сказал Кэрмоди, торопясь уйти от этой темы. Как бы он ни старался, Туту пока была не в состоянии воспринять объяснение, каким образом он может переговариваться с кем-то на столь большом расстоянии, и поэтому сказал: — Будет время, и я объясню тебе... — И снова осекся, ибо не мог подобрать слов, дабы дать ей представление о времени. Придется заняться этим позже. — Я делять огонь, — произнес он.

Туту удивленно посмотрела на него, словно поняла только первое слово фразы.

— Я показать тебе, — сказал Кэрмоди, собирая пучки длинной сухой травы и обломившиеся сухие ветки.

Сложив их шалашиком, он наломал тоненькие веточки и запишал в конус шалашика. К этому времени за спиной у него собралась ребятня, подошло несколько взрослых.

Из кошеля под хвостом он вытащил огниво и кресало. И то и другое Кэрмоди прихватил с корабля, ибо зоологи сообщили, что земля тут бедна минералами. Он показал их горюшкам и с шестой попытки высек искру. Но трава не загорелась. Огонек затеплился лишь с третьей попытки и через несколько секунд занялся по-настоящему, так что пришлось подбрасывать в него ветки, а потом сучья.

Как только по хворосту заплясали первые язычки пламени, горюшки, стоявшие неподалеку с вытаращенными глазами, одновременно вздохнули. Но не обратились в бегство, чего Кэрмоди боялся, а стали издавать звуки, которые привлекли остальных. Вскоре за его спиной собралось все племя.

Туту воскликнула: «О! О!» — Кэрмоди принял это за выражение изумления или восхищения красотой пламени — и протянула руку, чтобы коснуться его языков. Кэрмоди открыл было рот, чтобы сказать: «Нет! Огонь плохой!», но тут же сжал губы. Как объяснить ей, что одно и то же явление может быть очень опасным и в то же время приносить огромную пользу?

Оглядевшись, он заметил девочку, стоящую в задних рядах, которая держала в руках грызуна размерами с мышь. Она так восторженно глазела на пламя, что забыла даже сунуть зверька в клюв. Протолкавшись к ней, Кэрмоди подвел ее поближе к огню, где все могли ее видеть. Пустив в ход самые убедительные жесты, он преодолел недоверчивость подростка и убедил отдать ему добычу. Сдрогааясь от отвращения, он прикончил животное, ударив головой о камень. После чего, вытащив нож, содрал шкуру, выпотрошил, обезглавил и, заострив прут, нанизал на него тушку. Затем ухватил Туту за худенький локоть и привлек поближе к огню. Почувствовав обжигающий жар, она отпрянула. Кэрмоди не стал мешать ей, сказав лишь: «Огонь горячий! Жжет! Жжет!»

Она уставилась на Кэрмоди широко открытыми глазами, а тот, улыбнувшись, потрепал ее за хохолок из перьев и продолжил обжаривать мышь. Затем разодрал ее на три части, остудил каждый кусок и дал один девочке, владелице добычи, другой Туту, а третий вручил вождю. Все трое с опаской попробовали угощение и в голос восторженно выдохнули: «Ах!»

Спать в эту ночь Кэрмоди почти не пришлось. Он поддерживал огонь, а все племя, рассевшись вокруг, восхищенно любовалось костром. Несколько раз какие-то крупные животные, привлеченные светом, останавливались неподалеку, и Кэрмоди видел блеск их глаз. Но никто из них не сделал попытки приблизиться.

Утром Кэрмоди связался с Холмъярдом.

— Как минимум пятеро детей практически не уступают Туту в изучении английского, — сказал он. — Но из взрослых никто не изъявил желания повторить хоть слово. Может, они не могут

преодолеть привычек и не в состоянии обучаться. Не знаю. Сегодня попробую поработать с вождем и с другими. Да, кстати, когда повезете снаряжение в мое убежище, прихватите пояс с патронташем и кобуру для пистолета. Не думаю, что это их удивит. Ведь они знают, что я не настоящий горовиц. Но, похоже, для них это не имеет значения.

Сегодня я попробую убить антилопу и показать им, как обжаривать целую тушу. Но у них ничего не получится, пока они не найдут кремень, из сколов которого можно делать ножи. Думаю, что надо отвести их в такое место, где его можно обнаружить. У вас есть что-нибудь на примете?

— Поедем искать на джипе, — ответил Холмъярд. — Вы правы. Если даже они научатся делать инструменты и посуду, у них нет сырья.

— Но почему вы не выбрали группу, что располагается рядом с выходами кремня?

— Главным образом потому, что Горовиц нашел этих созданий именно здесь. Мы, ученые, как и прочие, привыкли двигаться по накатанной колее и не думаем о будущем. Кроме того, мы не имели представления, что эти животные... м-м-м, люди, если они заслуживают такого определения, — обладают такими способностями.

К Кэрмоди подошла Туту, держа в руке кузнечика размерами с полевую мышь.

— Это...

— Это кузнечик, — ответил Кэрмоди.

— Ты гореть... огонь.

— Да. Я *разжигаю* огонь. Но не горю. Я жарю *на* огне.

— Ты жарить на огне, — повторила она. — Ты давать мне. Я есть, ты есть.

— Она уже освоила два предлога... мне кажется, — произнес Кэрмоди.

— Джон, к чему этот пиджин-инглиш? — сказал Холмъярд. — Почему надо избегать временных категорий и падежей, сводить к минимуму личные местоимения?

— Потому что в этом нет необходимости, — ответил Кэрмоди. — Многие языки, как вы знаете, обходятся без настоящего времени. Более того, в современном английском прослеживается тенденция опускать его в разговоре, а я могу только предполагать, как развитие пойдет дальше.

Учу же я их языку низших классов, поскольку думаю, что речь неграмотных возобладает. Вы же знаете, с каким трудом преподаватели в наших школах устранили из лексики учащихся жаргон лифтеров.

— Ладно, — сказал Холмъярд, — в общем-то это неважно. Насколько я понимаю, горовицы не имеют представления об отличиях. Слава Богу, что вы не обучаете их латыни!

— Слушайте! — воскликнул Кэрмоди. — Об этом я и не подумал! Почему бы и нет? Если горовицы когда-нибудь станут доста-

точно цивилизованными, чтобы совершать межзвездные путешествия, то, где бы они ни оказались, всегда смогут общаться со священнослужителями.

— Кэрмоди!

Тот хмыкнул:

— Я вас просто поддраживаю, доктор. Но мне пришла в голову серьезная мысль. Если и остальные группы проявят такие же способности, почему бы не обучать каждую из них другому языку? Хотя бы в виде эксперимента? Эта группа будет представлять индоевропейскую ветвь, другая — китайско-тибетскую, кто-то освоит диалекты американских индейцев, а другие — наречия банту. И будет интересно проследить, как разовьется каждая из них в социальном, технологическом и философском смысле. Повторит ли земной путь развития своего прототипа? Повлияет ли определенный тип языка на восхождение его носителей к вершинам цивилизации?

— Заманчивая идея, — согласился Холмъярд. — Но я против. У разумных существ и без того достаточно барьеров на пути взаимопонимания, чтобы еще воздвигать искусственные в виде разных языков. Нет, я все же думаю, что всем им необходимо освоить английский. Единый язык будет хотя бы единственным общим элементом. Хотя одному Богу известно, как быстро он начнет распадаться на отдельные диалекты.

— Я научу их птичьему английскому, — сказал Кэрмоди.

В качестве одной из первых задач, которые он поставил перед собой, Кэрмоди решил внушить Туту обобщенное понятие «дерево». Она уже взялась обучать своих сверстников тому, что усвоила сама, и, ткнув пальцем в сторону тополя, сказала: «Дерево!» Но, показав на другой тополь, замолчала и удивленно уставилась на Кэрмоди. Тот понял, что, хотя в данный момент она воспринимает этот тополь тоже как дерево, для нее это понятие связано со строго определенным деревом. У нее не было родового понятия дерева.

Кэрмоди решил наглядно продемонстрировать его и, указав на второй тополь, сказал: «Дерево». Затем показал на одно из высоких тонких деревьев и повторил то же слово.

Туту с неприкрытым удивлением склонила голову набок.

Кэрмоди смутил ее еще больше, когда каждому из тополей дал имя. Затем без промедления окрестил высокие тонкоствольные деревья:

— Тумтум.

— Тумтум, — повторила Туту.

— Дерево тумтум, — сказал Кэрмоди и показал на тополь: — Дерево тополь. — Повернулся в сторону вельда: — Дерево с колючками. — Сделал обобщающий жест: — Все деревья.

Подростки, собравшиеся вокруг Туту, похоже, не поняли, что он имел в виду, но она засмеялась — точнее, каркнула — и сказала:

— Тумтум. Тополь. Колючки. Все деревья.

Кэрмоди не знал, уловила ли она смысл или просто бездумно повторяла его слова. Но тут она тихо сказала — может быть, поняв причину его раздражения:

— Дерево тумтум. Дерево тополь. Дерево колючка. — Она подняла три растопыренных пальца и махнула другой рукой. — Все деревья.

Кэрмоди был доволен. Теперь он убедился, что Туту воспринимает деревья не только по отдельности, но и как вид. Но он не знал, как растолковать ей, что последнее надо именовать не колючкой, а деревом с колючками. И решил, что это несущественно. Во всяком случае, сейчас. Когда придет время, он что-нибудь придумает. Не стоит слишком затруднять ребятишек.

— Похоже, поработали вы отменно, — раздался голос Холмъярда. — Что сейчас в повестке дня?

— Попробую незаметно добраться до убежища, взять боеприпасы и сахар, — объяснил Кэрмоди. — Успеете до моего появления закинуть туда грифельную доску, бумагу и карандаши?

— Вам не стоит делать записи, — сказал Холмъярд и нетерпеливо добавил: — Каждое ваше слово фиксируется, как я уже объяснял.

— Я не буду вести записи, — сказал Кэрмоди. — Я хочу научиться их читать и писать.

Несколько секунд было тихо, и наконец послышалось:

— Что?

— А почему бы и нет? — осведомился Кэрмоди. — Даже сейчас я сомневаюсь, в самом ли деле они понимают меня. То есть я убежден на девяносто пять процентов. Но мне нужна стопроцентная уверенность. И если они смогут усвоить письменную речь, то не останется никаких сомнений. Да и кроме того, зачем тянуть? Не получится сейчас, попробуем позже. А если получится, значит, время ушло не впустую.

— Я должен принести вам свои извинения, — сказал Холмъярд. — У меня не хватило воображения. Я должен был подумать об этом шаге. Знаете, Джон, я без восторга отнесся к тому факту, что в силу чистой случайности для первой встречи с горовицами были отобраны именно вы. Я считал, что контактером должен стать подготовленный ученый, скорее всего я сам. Но теперь я признаю, что выбор не был ошибкой. У вас есть те качества, которые мы, профессионалы, слишком часто и слишком быстро теряем: энтузиазм и восторженность любителя. Представляя себе все трудности или даже невозможность решения, мы становимся слишком осмотрительны.

— Ну-ну, — смутился Кэрмоди. — Прошу прощения, но, кажется, вождь собирает всех для какого-то большого перехода. Он бежит взад и вперед, выкрикивает непонятные односложные звуки и куда-то указывает. Кроме того, тыкает пальцем в сторону деревьев. О, я понимаю, что он имеет в виду. Почти все плоды съедены. И он хочет, чтобы мы последовали за ним.

— В каком направлении?

— На юг. В вашу сторону.

— Джон, примерно в тысяче миль к северу лежит прекрасная долина. Мы обнаружили ее во время последней экспедиции и об-

ратили на нее внимание, потому что она расположена повыше, там прохладнее и имеются обильные источники воды. И там есть не только выходы кремня, но и залежи железной руды.

— Да, но вождь явно намерен вести нас в противоположном направлении.

Наступило молчание. Наконец Кэрмоди вздохнул:

— Я понял вашу мысль. Вы хотите, чтобы я повел их на север. Но вы же знаете, что это означает.

— Простите, Джон. Я понимаю, что это означает конфликт. И не могу приказывать вам вступить в драку с вождем. Разве что иного выхода не окажется.

— Я склонен думать, что так и случится. Ничего хорошего в этом нет; я бы не назвал тутошнее место Эдемом, но по крайней мере эти создания пока не проливали крови. А теперь, поскольку мы хотим развить их способности, внушить им высокие понятия...

— Вы не обязаны это делать, Джон. И у меня не будет к вам никаких претензий, если вы просто последуете за ними и продолжите наблюдения, куда бы они ни двинулись. Ведь мы и так получили куда больше данных, чем я мог мечтать. Но...

— Но если я не попробую перехватить бразды правления, эти существа еще долго будут находиться на низком уровне развития. Кроме того, нам надо определить, способны ли они овладеть хоть какой-то технологией. Так что... словом, конец венчает дело. Впрочем, так, кажется, говорят иезуиты. Я не иезуит, но готов принять посылку, на которой базируется данный довод.

Больше Кэрмоди ничего не сказал Холмъярду.

Он подошел к голенастому вождю, остановился перед ним, яростно затряс головой и, указывая на север, заорал:

— Мы идти туда! Сюда мы не идти!

Вождь перестал курлыкать и, склонив голову набок, уставился на человека. Его физиономия, там, где ее не покрывали перья, побавровела. Кэрмоди, естественно, не мог определить, чем объясняется такая реакция: растерянностью или яростью. Насколько он мог понять, его положение в этом сообществе было весьма неопределенным — с точки зрения сообщества. Ему не потребовалось много времени, дабы уяснить, что в нем существует определенная иерархия.

Большой горювец мог помыкать любым членом стаи. Самец, по неписаным правилам подчинявшийся ему, не мог — или не осмеливался — оспаривать его авторитет, но имел право колотить любого, кто стоял ниже его. И так далее. Любой самец, кроме самых слабых и затюканных, мог гонять самок. Среди последних тоже, как и у самцов, существовала своя система соподчинения, хотя более сложная. Главенствующая самка могла господствовать над всеми товарками, кроме одной, которая могла командовать как минимум половиной остальных самок. Были и другие сложности, разобраться в которых Кэрмоди был пока не в силах. Хотя он заметил, что к юному поколению все относились с нежностью и заботой. Может,

потому, что понятия родства тут были перемешаны. Тем не менее у молодежи тоже существовала своя система, кто отдает приказы и кто получает их.

Пока Кэрмоди не обрел никакого положения на социальной шкале. Похоже, к нему относились как к чему-то отделенному от всех прочих, считая его *ga ga avis** непонятого происхождения. Вождь не делал попыток определить Кэрмоди какое-то место, соответственно остальные тоже не пытались. Может, вождь осторожничал, потому что видел, как Кэрмоди уложил леоноида.

Но теперь незнакомец стоял перед ним в такой позе, что требовалось или принимать бой, или отступать. Вождь слишком долго пребывал на вершине власти, чтобы принять такую мысль. Даже догадываясь, что Кэрмоди в принципе может уничтожить его, он не собирался сдаваться без боя.

Это Кэрмоди уяснил, глядя, как у горовица покраснела кожа на всем теле, как стала вздыматься грудь; на лбу у него вздулись вены, глаза засверкали — вскинув клюв, он сжал кулаки и тяжело задыхался.

Хут, вожак, производил внушительное впечатление. Он был на полтора фута выше человека и обладал длинными мускулистыми руками и широкой грудью, а клюв с острыми зубами, которыми он раздирает мясо, и три острых когтя на пальцах ног давали понять, что он может вырвать у Кэрмоди сердце.

Но коротышка знал, что горовиц весит куда меньше человека его роста, ибо у него трубчатые птичьи кости. Более того, хотя вождь был, без сомнения, опытным и неустрашимым бойцом, да и сообразительным к тому же, он не имел представления о сложных боевых искусствах двенадцати планет. Кэрмоди же, как и любой человек, сумевший остаться в живых, умел наносить убийственные удары руками и ногами; много раз ему доводилось убивать или калечить противников.

Бой был ожесточенным, но коротким. Кэрмоди пустил в ход все свое искусство и очень быстро заставил вождя отступить; клюв его был окрашен кровью, а глаза остекленели. Кэрмоди нанес «удар милосердия» ребром ладони по толстой шее и, повергнув наземь бесчувственное тело Хута, встал над ним, тяжело дыша, покрытый кровью из трех ран, нанесенных острым клювом и зубами, страдая от удара кулаком по ребрам.

Он подождал, когда горовиц открыл глаза и, шатаясь, встал на ноги. И, показав на север, крикнул: «За мной!»

Через краткое время все шествовали за ним по направлению к рощице, расположенной примерно в двух милях. Хут, низко опустив голову, тащился в хвосте группы. Но по прошествии времени несколько воспрянул духом. И когда какой-то крупный самец попытался всучить ему тыквы с водой, Хут кинулся на него и сбил с ног.

* Редкая птица (лат.).

Это позволило ему восстановить положение в группе. По рангу он был ниже Кэрмоди, но все же выше всех остальных.

Чему Кэрмоди остался рад, потому что малышка Туту была дочкой Хута. Он опасался, что из-за трепки, заданной отцу, она проникнется к учителю ненавистью. Однако смена власти никак не сказалась на ней, если не считать, что теперь она держалась еще ближе к пришельцу. Пока они шли бок о бок, Кэрмоди показывал на встречавшихся животных и деревья и называл их. Туту безукоризненно повторяла за ним слова. К тому же она восприняла его стиль разговора, его обороты речи, его манеру произносить «А?», когда ему в голову приходила мысль, его привычку разговаривать с самим собой.

И еще она подражала его смеху. Кэрмоди показал ей на маленькую растрепанную птичку, торчащие во все стороны перья которой напоминали живую швабру.

— Метла на ножках, — сказал он.

— Метла на ножках, — повторила девочка.

Внезапно Кэрмоди рассмеялся, и Туту стала вторить ему. Но он не мог объяснить ей причину своего веселья. Как рассказать ей об «Алисе в стране чудес»? Как поведать, что он попытался представить, о чем подумал бы Льюис Кэрролл, если бы воочию увидел эти фантастические создания, существующие на странной планете, что вращается вокруг странной звезды, столетия спустя после его смерти, и узнал бы, что его творение по-прежнему живо и приносит плоды, пусть даже и весьма странные? Может, Кэрроллу это и понравилось бы. Потому что он и сам был странным маленьким человечком — «Как Кэрмоди», — подумал Кэрмоди, — и счел бы наименование этой птицы совершенно естественным и определенным выводом из царящей вокруг полной неопределенности.

Тут он пришел в себя и собрался, потому что огромное животное, напоминающее зеленого носорога с тремя узловатыми рогами на морде, топоча, направилось к ним. Кэрмоди извлек из-под хвоста пистолет, мельком заметив, что Туту вытаращила глаза даже больше, чем при виде трехрогого чудовища. Но, остановившись в нескольких шагах от группы и понюхав воздух, оно неторопливо удалилось. Кэрмоди спрятал пистолет и связался с Холмъярдом.

— Забудьте предыдущее указание о складировании снаряжения, — сказал он. — Я веду их в дальний поход. Так сказать, Исход. Сегодня вечером я разведу костер, а вы держитесь за нами милях в пяти. Как я предполагаю, миновав рощицу, что стоит перед нами, мы двинемся к следующей. Я планирую каждый день покрывать две с половиной мили. Думаю, что больше у меня не получится. В долину молока и меда, которую вы описали, мы придем месяцев через девять. К тому времени мое дитя, — он погладил яйцо на груди, — должно вылупиться. И мой контракт с вами закончится.

Тревог у него оказалось куда меньше, чем он предполагал. Окалавшись в рощице, группа тут же рассеялась, но по его призыву все тут же собрались, оставив столь заманчивые свежие плоды и

обилие грызунов, обитавших под камнями. Никто не роптал, преодолевая очередную милю до следующей роши. Кэрмоди решил, что здесь они останутся лагерем на остаток дня и на ночь.

После того как сгустились сумерки, он понаблюдал, как Туту разводит костер, и ускользнул в темноту. Не без опаски, ибо немало хищников предпочитали охотиться при свете двух небольших лун, а не днем. Однако он без приключений отшагал милю, на исходе которой встретил джип с ожидавшим его доктором Холмъярдом.

Получив от Холмъярда сигарету, он описал события дня более подробно, чем позволяли возможности передатчика. Холмъярд осторожно потискал яйцо на груди Кэрмоди.

— Каково чувствовать, что вы не только дадите жизнь горовицу, но и подарите им средство общения? Став, в определенном смысле, отцом всех горовицев?

— Чувствую я себя очень странно, — ответил Кэрмоди. — Беспокоит груз ответственности, который я взвалил на себя. Ведь то, чему я научу этих разумных существ, определит направление их развития на много тысячелетий. А может, и больше. С другой стороны, все мои старания могут и не дать результатов.

— Вам необходимо соблюдать осторожность. Да, кстати, вот то, что вы просили. Кобура с поясом. А в сумке патроны, фонарик, запас сахара и соли, перец, ручка, пинта виски.

— Вы же не предполагаете, что познакомлю их с огненной водой? — заметил Кэрмоди.

— Нет, — хмыкнул Холмъярд. — Эта бутылка лично для вас. Я думаю, порой вам не помешает сделать глоток-другой. Не исключено, что может возникнуть необходимость поднять бодрость духа, если вы долго не увидите никого из соплеменников.

— Я слишком занят, чтобы маяться одиночеством. Но девять месяцев — действительно долгий срок. Нет, я не считаю, что одиночество станет невыносимым. Это достаточно странная публика. Но уверен, что они, как и я, ждут развития событий.

Они пообщались еще немного, обговорив методику исследований на следующий год. Холмъярд сказал, что на всякий случай на корабле кто-то постоянно будет нести вахту у приемника. Правда, у всех дел по горло, потому что у экспедиции масса проектов, не терпящих отлагательств. Им придется отлавливать и препарировать разные виды живых существ, брать и анализировать пробы земли и воздуха, проводить геологическую съемку, заниматься розысками ископаемых останков и так далее. Довольно часто корабль будет перемещаться в другие районы планеты, даже в другое полушарие. Но в этом случае останутся два человека с джипом.

— Послушайте, док, — сказал Кэрмоди. — Не можете ли вы слезть в ту долину и обеспечить готовый запас кремня? Затем сложите его на видном месте, чтобы мы могли найти его. Идет? Если они научатся пользоваться оружием и инструментами, я бы хотел, чтобы сырье оказалось у меня *тут же*.

Холмъярд кивнул:

— Хорошая мысль. Сделаем. До конца недели мы подготовим вам запасы кремня.

Холмъярд пожал руку Кэрмоди, и маленький монах двинулся в обратный путь. Он освещал себе дорогу фонариком, предполагая, что, если свет и привлечет хищников, он же и отпугнет их.

Он преодолел больше сотни ярдов, когда ему показалось, что сзади кто-то идет. Он почувствовал себя сущим дураком, когда, прислушиваясь к подсознательным импульсам, понял, что причиной их оказалась маленькая фигурка Туту.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Кэрмоди.

Девочка осторожно приблизилась, словно опасаясь его, и он повторил вопрос. Она еще не знала массы слов, и в этой ситуации Кэрмоди не мог исчерпывающе объясниться с ней.

— Почему ты здесь?

Раньше он не использовал слова «почему», но подумал, что в данных обстоятельствах Туту должна его понять.

— Я... — Она жестом показала, как следовала за ним.

— Следить.

— Я следить... ты. Я нет... хотеть ты обидеть. Темно. Большой мясоед. Кусать, рвать, убить, есть тебя. Ты умирать. Я... как сказать?

Монах понял, что она имела в виду, потому что ее большие карие глаза были полны слез.

— Ты плачешь, — сказал он. — Ох, Туту, ты плачешь из-за меня. — Он был тронут.

— Я плакать, — сказала она дрожащим голосом, готовая разрыдаться. — Я...

— Расстроена. Переживаешь.

— После Джон умереть... я хочу умереть. Я...

Кэрмоди обратил внимание, что она только что использовала понятие будущего, но не стал растолковывать ей, что значит будущее время. А вместо этого обнял ее и привлек к себе. Она уткнулась в него головой, кольнув острым кончиком клюва между ребрами, и громко расплакалась.

— Не переживай, Туту, — сказал он, поглаживая султан на круглой головке. — Джон любит тебя. Понимаешь... я люблю тебя.

— Люблю. Люблю, — пробормотала она между всхлипываниями. — Люблю, люблю. Туту люблю тебя!

Внезапно она отпрянула, и Кэрмоди ее выпустил.

— Я люблю, — проговорила она, вытирая кулачками слезы. — Но... я бояться за Джона.

— Боишься? Почему ты боишься за Джона?

— Я видеть... ну... горовиц... с тобой. Ты как он, но ты не как он. Он... как сказать... странный. Это правильно, да? И он летать, как гриф, но нет крыльев... он... не могу сказать, как он летать. Очень... странно. Ты говорить с ним. Я понимать слова... не все.

Кэрмоди вздохнул:

— Сейчас я могу тебе сказать лишь то, что он не горовиц. Он человек. Человек. И пришел со звезд. — Он показал наверх.

Туту тоже подняла голову, потом снова посмотрела на него и сказала:

— Ты тоже приходить... со звезд?

— Ребенок, ты поняла это?

— Ты не горовиц. Ты надел клюв и перья. Но... я понимать, ты не горовиц.

— Я человек, — сказал он. — Но сейчас хватит об этом, дитя. Когда-нибудь... скоро... я расскажу тебе о звездах.

И, несмотря на ее непрестанные вопросы, он отказался хоть словом обмолвиться на эту тему.

Шли дни, которые складывались в недели и месяцы. Неизменно оставляя за собой от двух с половиной до трех миль в день, переходя от рощи к роще, стая вслед за Кэрмоди шла к северу.

Однажды они вышли к гряде кремня, оставленного экипажем корабля. Кэрмоди показал им, как делать наконечники копий и стрел, скребки и ножи. Он сделал для них луки и научил стрелять. Через короткое время каждый горовиц, который умел работать руками, обзавелся собственными инструментами и оружием. Руки у них были в ссадинах и царапинах, а один самец потерял глаз, выбитый отскочившим осколком кремня. Но питание группы улучшилось; их стрелы настигали бегущих и прыгающих животных, да и вообще всех, кто подходил по размерам и выглядел съедобным. Мясо они жарили, и Кэрмоди показал, как вялить и коптить его. Они осмелели до бесшабашности, что и стало причиной несчастья с Хутом.

Как-то, будучи в компании двух соплеменников, он выпустил стрелу в леоноида, который не скрылся при их приближении. Рана только разъярила зверя, и он кинулся на горовицев. Хут не сдвинулся с места и успел выпустить в него еще две стрелы, а его спутники метнули копья. Но, умирая, животное дотянулось до Хута и разорвало ему грудную клетку.

Пока те двое добрались до Кэрмоди и он прибежал к Хуту, тот уже умер.

Это была первая смерть члена стаи после того, как Кэрмоди присоединился к ней. Теперь он убедился, что горовицы воспринимают смерть не с тупым равнодушием, как свойственно животным, а с плачем и криками протеста. Они стонали, рыдали, били себя в грудь и катались по земле.

Туту безутешно плакала, стоя у трупа отца. Кэрмоди подошел к ней и привлек к себе, дав ей излить горе. Подождав, пока она успокоится, он взялся организовывать похоронный обряд. Что было для него в новинку; у горовицев существовал обычай просто оставлять своих мертвых на земле. Но они поняли его и, выкопав заостренными палками яму в земле, погребли в ней Хута и завалили могилу грудой камней.

— Мой отец... — сказала Туту Кэрмоди после похорон. — Куда он ушел теперь?

На несколько секунд Кэрмоди потерял дар речи. На эту тему они никогда не говорили, но Туту сама догадалась о существовании загробной жизни. Хотя пока это было всего лишь предположение, ибо, возможно, он неправильно истолковал ее слова. Вряд ли она могла додуматься до мысли о конечности бытия тех, кого мы любим. Но нет, она знала, что такое смерть. Еще до того как Кэрмоди присоединился к стае, она видела гибель других ее членов, видела, как умирают крупные животные, не говоря уж о тех грызунах и насекомых, которых сама ловила и ела.

— Что думают остальные? — спросил он, кивая в сторону стаи.

Туту посмотрела на них:

— Взрослые не думать. Они не говорить. Они как животные. Я ребенок. Я думать. Ты учить меня думать. Я спросить тебя, куда Хут ушел, потому что ты понимать.

И как много раз при разговоре с ней Кэрмоди мог только вздохнуть. На нем лежала тяжелая и серьезная ответственность. Он не желал внушать ей ложные упования и в то же время не хотел лишать ее надежд — если таковые вообще у нее были, — что жизнь продолжится и после смерти. Он понятия не имел, обладал ли Хут душой, и если да, то какая ей уготована судьба. В этом смысле он ничего не знал и о Туту. Он считал, что разумные существа, способные осознавать себя в этом мире и пользоваться абстрактными понятиями, должны иметь душу. Однако уверенности в том у него не было.

Он не мог объяснить девочке, какая перед ним встала дилемма. Ее словарь, созданный всего лишь за шесть месяцев общения с человеком, не включал такого понятия, как бессмертие. И пусть даже в распоряжении Кэрмоди имелись усложненные языковые конструкции, они имели отношение не столько к реальности, сколько к расплывчатым абстракциям, которые трудно понять и осознать. У него была вера, и он старался претворить ее в конкретные дела. Больше он ничем не располагал.

— Ты понимаешь, — медленно подбирая слова, сказал он, — что тело Хута и тело льва станут землей?

— Да.

— И что из семян, упавших на землю, растут трава и деревья, кормясь землей, в которую превратились и Хут и лев?

Туту утвердительно качнула клювом:

— И птицы и шакалы будут есть льва. Они съесть Хута тоже, если стащить камни с него.

— Но в конце концов останки льва и Хута станут почвой. И трава, что произрастет из них, будет их частью. А траву, в свою очередь, съедят антилопы, и лев и Хут станут не только травой, но и плотью.

— А если мы есть антилопу, — возбужденно прервала его Туту с горящими карими глазами и клацая клювом, — то Хут станет часть меня. А я стать он.

Кэрмоди понял, что вступает на опасную почву теологических мудрствований.

— Я не имел в виду, что Хут станет жить в тебе, — сказал он. — Я имел в виду, что...

— Почему он не жить во мне? Он жить в антилопе, а она есть траву! А, понимаю! Потому что Хут разойтись на много кусочков! Он жить в разных созданиях. Это ты иметь в виду, Джон? — Она нахмурила бровки. — Но как он жить, если кусочки?.. Нет, он нет! Его тело идти во много мест. И я хотеть знать, Джон, куда Хут уходить? — Она с силой повторила: — Куда *он* уходить?

— Туда, куда ему определил Создатель, — с отчаянием ответил Кэрмоди.

— Соз-да-тель? — эхом по слогам повторила она.

— Да. Я учил тебя, что слово «создание» означает любое живое существо. Ну вот, а создания кто-то создает. И делает это Создатель. Создавать — значит давать жизнь. Появляется то, чего раньше не существовало.

— Мой мать — мой создатель?

Туту не упоминала отца, потому что, как другие дети, а возможно, и взрослые, не связывала спаривание с репродуктивной функцией. И Кэрмоди пока не мог объяснить ей эту связь в силу бедности ее словарного запаса.

— Чем дальше, тем хуже, — со вздохом пробормотал Кэрмоди. — Нет. Твоя мать не может считаться твоим создателем. Ее тело произвело яйцо и выкормило его. Но она не создала тебя. В начале всех начал...

Он осекся. Ему стоило бы стать священником и пройти специальное обучение. Но он всего лишь простой монах. Ну, не совсем простой, поскольку за плечами уже немало лет и он кое-что уже повидал в Галактике. Но он не готов иметь дело с такими проблемами. С одной стороны, он не может выложить Туту готовые к употреблению теологические тезисы. На данной планете теология только формируется, и о ней не стоит и говорить, пока Туту и ее сородичи в полной мере не овладеют речью.

— Потом я многое расскажу тебе, — вымолвил он. — После многих солнц. А пока придется удовлетвориться тем малым, что я могу объяснить тебе. О том, как... ну, словом, как Создатель сделал весь этот мир, звезды, небо, воду, животных и горющих. Он создал твою мать и ее мать, и мать ее матери. Много солнц тому назад он сделал многих матерей...

— Он? Так ему имя? Он?

Кэрмоди понял, что совершил ошибку, употребив именительный падеж личного местоимения, но сказались старые привычки.

— Да. Можешь называть его Он.

— Он — мать первой матери? — спросила Туту. — Он мать всех созданий? Матерей?

— Слушай. Возьми-ка сахару. И беги играть. Говорить будем потом.

«После того, как у меня появится время подумать», — добавил он про себя.

Сделав вид, что чешет в затылке, Кэрмоди включил передатчик, прилегающий к черепу, и попросил дежурного оператора вызвать Холмъярда. Через минуту послышался голос доктора:

— В чем дело, Джон?

— Док, вроде через несколько дней должен сесть корабль и забрать ваши записи и образцы, не так ли? Можете ли вы передать послание на Землю? Сообщите моему начальству, аббату в Четвертом Июля, что я позарез нуждаюсь в мудром руководстве.

Кэрмоди передал свой разговор с Туту и ее вопросы, на которые у него не будет ответа даже в будущем.

— До отлета я должен был предупредить его, куда направляюсь. Но у меня сложилось впечатление, что я оказался предоставленным своей собственной судьбе. Тем не менее я оказался в ситуации, которая требует присутствия человека куда более мудрого и сведущего.

Холмъярд хмыкнул.

— Я перешлю ваше сообщение, Джон, — сказал он. — Хотя сомневаюсь, что вам нужна помощь. Вы справляетесь не хуже любого другого. То есть стараетесь быть объективным. Вы уверены, что ваше начальство будет способно на такой подход? Или что им не потребуется сто лет, дабы принять решение? Ваша просьба может привести к тому, что руководство Церкви проведет специальное совещание. Или дюжину их.

Кэрмоди застонал.

— Не знаю, — сказал он. — Думаю, что начну учить ребят письму, чтению и арифметике. По крайней мере, буду плавать в спокойных водах.

Отключив передатчик, он созвал Туту и других подростков, которые проявляли способность к обучению.

Дни шли за днями, и молодежь прогрессировала с необыкновенной быстротой — во всяком случае, так казалось Кэрмоди. Учеников можно было сравнить с богатой необработанной почвой, ждущей лишь прикосновения умелой руки. Без особых трудностей они уяснили разницу между словом написанным и произнесенным. Чтобы избавиться их от лишних сложностей, Кэрмоди модернизировал земной алфавит, создав чисто фонетическую систему записи, в которой каждая фонема имела свое обозначение. Именно такую, к созданию которой двести лет призывали англоговорящие обитатели Земли, но которая так и не появилась. Орфография, хотя и несколько изменилась, все же заметно отличалась от устной речи, смущая, а то и буквально сводя с ума иностранцев, вознамерившихся выучить английский.

Но поскольку ученики быстро освоили искусство письма и чтения, Кэрмоди пришлось заняться преподаванием другого вида искусства — рисования. Туту без малейших понуканий с его стороны как-то начала рисовать его портрет. Ее успехи оставляли желать лучшего, но что учитель ей тут же указал. Но, если не считать, что потом он объяснил ей законы перспективы, Кэрмоди старался

больше не вмешиваться. Он чувствовал, что, если она и другие, которые также начали рисовать, окажутся под сильным воздействием земных понятий, характерному искусству Ферала не суждено будет развиваться. Эту его мысль поддержал Холмъярд.

— В основе мышления человека лежат представления, сформированные еще приматами. Его же, примата, взгляд на мир он и выражает через искусство. Но пока у нас нет искусства, выражающего — прошу прощения, Джон, — птичий взгляд на мир. Так что я согласен с вами, когда вы позволяете им рисовать и лепить на свой собственный манер. Не исключено, что когда-нибудь мир обогатится искусством, созданным пернатыми. Может, да, а может, и нет.

Кэрмоди был занят по горло все время — едва только открывал глаза с первыми лучами рассвета и вплоть до отхода ко сну, часа три спустя после наступления сумерек. Ему приходилось тратить много времени не только на преподавание, но и на роль судьи — точнее, диктатора — в спорах. Конфликты между взрослыми доставляли куда больше хлопот, потому что с молодежью ему было легче общаться.

Раскол между старшим и младшим поколениями был не столь разителен, как он предполагал. Взрослые оказались довольно сообразительными и, хотя не овладели речью, научились мастерить инструменты и оружие, умели стрелять из лука и метать копья. Они даже освоили искусство верховой езды.

На полпути к цели путешественники все чаще стали встречать табуны животных, сильно напоминавших безволосых лошадей. Кэрмоди поймал одну из них и в виде эксперимента объездил. Из плотной травы он сплел уздечку, а из костей сделал мундштук. На первых порах седла не было, и приходилось ездить без него. Потом, когда подростки постарше и взрослые тоже обзавелись лошадьми и начали ездить верхом, им пришлось освоить умение тачать седла и ладить стремена и уздечки из толстой кожи трехрогих носорогов.

Вскоре Кэрмоди столкнулся с первой попыткой сопротивления со стороны молодежи. Они разбили лагерь на берегу озера, в окружении густых деревьев, которые постоянно овеивал ветерок с соседних холмов; тут была масса развлечений. Туту сказала, что ей и другим пришла в голову хорошая идея именно здесь возвести обнесенное стеной поселение, которое, как Кэрмоди рассказывал, придется выстроить в долине, куда они направляются.

— Тут вокруг жить много бессловесных, — объяснила она. — Мы сможем взять их молодыми и воспитать. Так мы стать сильнее. Почему путешествовать каждый день? Мы устать от дороги. Мозоли от пути, мозоли от седел. Мы сделать, как это... конюшники? — для лошадей тоже. Мы ловить других животных, растить их, мяса много, охотиться не надо. Мы суметь сажать семена, как ты учил нас, и растить урожай. Тут хорошее место. Такое же, как долина, что ты рассказывать. Может, лучше. Мы, дети, все обговорить и решить остаться здесь.

— Тут хорошие места, — сказал Кэрмоди. — Но не самые лучшие. Я-то знаю, что тут многого не хватает. Кремня, железа, которое куда лучше, здорового климата; там поменьше крупных хищников, богаче почва... и многое другое.

— Откуда ты знать о долине? — спросила Туту. — Ты видать ее? Ты бываешь там?

— Я знаю о ней по рассказам тех, кто бывал там, — ответил Кэрмоди.

— Кто рассказать тебе о долине? — продолжала настаивать Туту. — Не горовиц. Горовиц не имеет речи, пока ты не научил говорить. Кто рассказать?

— Человек, — ответил Кэрмоди. — Который бывал там.

— Человек, который приходит со звезд? Человек, я видеть, ты говорить с ним в ту ночь?

Кэрмоди кивнул.

— Он знать, куда мы ходить после смерти? — спросила Туту.

Застигнутый вопросом врасплох, несколько секунд он изумленно смотрел на нее с открытым ртом. Холмъярд был агностиком и отрицал наличие убедительных доказательств бессмертия. Кэрмоди, конечно, не спорил и не пытался толковать ему, что не существует ни безупречных научных доказательств такового, ни неопровержимых фактов. Но имелось достаточное количество примет посмертного существования, во всяком случае, чтобы каждый непредубежденный агностик задумался о такой возможности. И конечно, Кэрмоди был убежден, что каждому верующему суждена вечная жизнь. Более того, в этом его убедил личный опыт. (Но это уже другая история.)

— Нет, этот человек не знает, куда мы уходим после смерти. Но сведения об этом имеются.

— Он человек, ты человек, — сказала Туту. — Если ты знать, почему он нет?

И снова Кэрмоди потерял дар речи.

— Откуда тебе-то известно, что я человек?

Туту пожала плечами:

— Первое, ты обманывать нас. Потом, все знать. Легко видеть, что ты надел клюв и перья.

Кэрмоди невольно поправил клюв, который много месяцев натирал ему кожу, раздражая его.

— Почему вы мне об этом не говорили? — сердито спросил он. — Хотели сделать из меня идиота?

Туту смутилась:

— Нет. Никто не хотеть делать из тебя идиота, Джон. Мы любить тебя. Просто мы думать, тебе нравится носить клюв и перья. Мы не знать почему, но если тебе нравится, мы о'кей, ладно. Но не уходить от наших слов. Ты говорить, что знаешь, куда уходят мертвые. Куда?

— Я не могу тебе рассказать куда. Во всяком случае, пока не могу. Позже.

— Ты не хочешь пугать нас? Наверное, там плохое место, и нам будет там плохо? Поэтому не хочешь говорить нам?

— Я сказал, потом. И вот почему, Туту. Когда я впервые пришел к вам и стал учить речи, то не мог научить вас всем словам. Чтобы вы могли понять их. Потом я стал учить вас словам посложнее. И сейчас учу. Но пока вы еще не можете понимать меня, пусть даже я и говорю их. Вы станете старше и умнее, будете знать больше слов. И тогда мы поговорим. Понимаешь?

Кивнув, Туту в знак согласия щелкнула клювом.

— Я рассказать другим, — сказала она. — Много раз, когда ты спать, мы говорить, куда мы уходить, когда умрем. Какой смысл жить так мало, если мы не жить дальше? Что хорошего в том? Одни говорить, толку нет, нам просто жить и умирать потом, вот и все. Ну и что? Но многие не уметь так думать. Стали бояться. И еще — нам это нет смысла. А все остальное в мире есть смысл. Или кажется, что есть. Но смерть смысла нет. Смерть навсегда. Может, мы умирать, чтобы дать место другим? Потому что если мы не умирать, если потомки наши не умирать, скоро мир такой переполненный, и все помирать от голоду. Ты говорить нам, что мир не плоский, а круглый, как шарик, и эта сила — как ты называть ее, тяготение? — не дает падать. Значит, скоро мы увидать, что нет места, если мы не умирать. Но почему не ходить туда, где места много? Может, на звезды? Ты говорить нам, что между звезд много круглых миров, как этот. Почему нам не ходить туда?

— Потому что на них достаточно и своих обитателей, — ответил Кэрмоди.

— Горовицев?

— Нет. На некоторых живут люди, на других — существа, отличающиеся и от людей и от горовицев, как я отличаюсь от вас. Или непохожие ни на лошадей, ни на жуков.

— Надо много думать. Я рада, что сама не стала думать. Я ждать, пока ты сам все рассказать. И мне стало приятно думать об этом.

Кэрмоди посоветовался с другими подростками и в конечном итоге согласился с их желанием на какое-то время обосноваться здесь. Когда стали валить деревья для ограды и домов, он не сомневался, что скоро молодежь впадет в уныние, потому что каменные орудия затупятся, а запасы кремня подходили к концу. Не говоря уж о том, что его описания долины побудят самых непоседливых сняться с места.

А тем временем яйцо на груди увеличивалось в размерах и тяжелело; таскать этот растущий груз становилось все утомительнее.

— Я не отказываюсь от роли матери, — сказал он Холмъярду на очередном сеансе связи. — Да, я хотел бы быть Отцом — в религиозном смысле слова. Но от меня требуются чисто материнские качества. И должен признаться, что и физически и душевно стал уставать.

— При встрече мы сделаем еще одну соноскопию яйца, — ответил Холмъярд. — Кстати, подошло время получить очередные дан-

ные о развитии эмбриона. И всесторонне обследуем вас, дабы убедиться, что яйцо еще не высосало из вас все соки.

Кэрмоди встретился с Холмъярдом той же ночью, и в джипе они добрались до корабля, который теперь располагался не ближе чем в двадцати милях, потому что верхом горловицы могли покрывать солидные расстояния. В корабельной лаборатории у маленького монаха взяли массу анализов.

— Вы основательно похудели, Джон, — сказал Холмъярд. — Толстячком вас уже не назвать. Вы хорошо питаетесь?

— Лучше, чем когда-либо. Вы же понимаете, что мне приходится есть за двоих.

— Ну, мы не нашли в вашем состоянии ничего особо тревожного или опасного. Вы даже здоровее, чем раньше, потому что перестали таскать на себе жировые складки. А этот чертенок, что присосался к вам, раздается во все стороны. Из тех данных, что мы получили о горовицах, выяснилось, что яйцо растет, пока не достигает трех дюймов в диаметре и веса в четыре фунта.

Достоин восхищения биологический механизм, который позволяет яйцу питаться кровью своего приемного родителя, кем бы он ни был. Какие биологические структуры позволяют зародышу существовать подобным образом? Почему в нем не зарождаются антигены, которые должны убить его? Каким образом он извлекает питательные вещества из кровотока совершенно чуждого существа? Конечно, в какой-то мере ответ заключается в том, что размеры кровяных телец у него точно такие же, как и у человека; никаких отличий не удалось установить даже при микроскопическом исследовании. Примерно такое же и сочетание химических агентов. Но даже при этом... да, скорее всего нам удастся получить еще один грант для изучения этого механизма. И если нам удастся расшифровать его, польза для человечества будет неоценима.

— Надеюсь, что вы получите еще один грант, — сказал Кэрмоди. — К сожалению, дальше помогать вам я не смогу. Я должен предстать перед аббатом монастыря на Вайлденвули.

— Я не хотел говорить вам при встрече, — сказал Холмъярд. — Не хотел огорчать вас и усугублять ваше физическое состояние. Но вчера сел грузовой корабль. И доставил депешу для вас.

Он протянул Кэрмоди длинный конверт, усеянный множеством официальных печатей и штампов. Кэрмоди вскрыл его и прочел текст. Затем поднял глаза на Холмъярда.

— Судя по выражению вашего лица, новости, должно быть, не из лучших, — сказал тот.

— С одной стороны, нет. Меня информируют, что я до конца должен отбыть срок контракта, и не могу улетать, пока детеныш не вылупится. Но в день завершения контракта я обязан покинуть вас. Кроме того, я не имею права давать горовицам какие-либо религиозные установки. Они должны сами прийти к ним. Или, точнее, обязаны сами познать откровение — если оно вообще откроется им. По крайней мере, пока не соберется церковный собор и не придет

к какому-то решению. Но к тому времени меня, конечно, тут уже не будет.

— А уж я позабочусь, чтобы ваш преемник не обладал такими религиозными установками, — сказал Холмъярд. — Прошу прощения, Джон, если я кажусь вам антиклерикалом. Но я убежден, что если горюшкам и суждено обрести религию, то лишь свою собственную.

— Тогда почему же не свой язык и не свою технологию?

— Потому что и то и другое — суть орудия общения с окружающей средой. Рано или поздно они будут развиваться в точном соответствии с земными аналогами.

— Но разве им не нужна религия, которая подскажет, что они не заблуждаются в использовании и языка и орудий? Разве им не нужны этические представления?

Улыбнувшись, Холмъярд долго не отводил взгляда от Кэрмоди. Тот покраснел и замялся.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Готов со всей убежденностью возразить вам. Нет необходимости перечислять историю возникновения всех религий Земли. Я убежден, что любое общество нуждается в действенном этическом кодексе, который даже без участия божественной силы будет карать нарушителей, обрекая их на вечные или временные страдания.

Кроме того, религиозные воззрения могут развиваться и совершенствоваться. Христианство двадцатого столетия заметно отличалось от взглядов двенадцатого столетия, и религиозный дух нашего времени во многих аспектах отличается от убеждений того же двенадцатого века. Кроме того, я не собираюсь обращать горюшков в свою веру. Моя Церковь запрещает мне подобные действия. Я могу лишь внушить им мысль о существовании Творца.

— Даже если они ее не понимают, — засмеялся Холмъярд. — Они слышат о Боге как о «Нем», но относятся к Нему как к женщине.

— Пол не имеет значения. Главное, что я в таком положении, когда не могу разуверять их в существовании бессмертия.

Холмъярд пожал плечами, давая понять, что не замечает различий. Но сказал:

— Видя вас в таком расстроенном состоянии, я искренне сочувствую вам, потому что оно доставляет вам боль и страдания. Тем не менее помочь вам ничем не могу. И, кстати, ваша Церковь тоже.

— Я дал слово Туту, — сказал Кэрмоди, — и не хочу нарушать его. В таком случае она потеряет веру.

— Вы думаете, она считает вас Богом?

— Боже сохрани! Но должен признать, меня беспокоит, что такое может случиться. Правда, пока они никак не давали мне понять, что воспринимают меня в подобном качестве.

— Ну а когда вы покинете их? — спросил Холмъярд.

Кэрмоди так и не смог забыть прощальную реплику зоолога. В ту ночь уснул он сразу, как провалился, и в первый раз за все время жизни с горюшками позволил себе спать допоздна.

Когда он проснулся, солнце было уже на полпути к зениту. Он увидел, что в наполовину достроенном селении царит сумятица, которая не имела ничего общего с хаосом и представляла собой какие-то целенаправленные действия. Взрослые как-то растерянно озирались, а молодежь была очень занята. Сидя верхом, они острями копий гнали перед собой группу незнакомых горовицев, среди которых было несколько взрослых, но большей частью подростки в возрасте от семи до двенадцати лет.

— Что вы тут устроили? — возмущенно спросил Кэрмоди у Туту.

Лицевые мышцы вокруг клюва растянулись в улыбке, и она рассмеялась:

— Тебя не было прошлая ночь, мы не смогли рассказать, что задумать делать. А все равно отличный сюрприз, да? Мы решать гонять диких горовицев, что живут рядом здесь. Мы застать их во сне. Прогнать взрослых. Часть убить пришлось, это плохо.

— Почему вы это сделали? — с трудом сдерживаясь, спросил Кэрмоди.

— Ты не понимать? Мы думать, ты все понимать.

— Я не Господь Бог, — сказал Кэрмоди. — О чем я тебе часто говорил.

— Я иногда забывать, — перестав улыбаться, сказала Туту. — Ты сердиться?

— Я не сержусь, пока ты не рассказала мне, зачем вы все это сделали.

— Зачем? Так наше племя станет больше. Мы научить малышей, как говорить. Если они не уметь, то вырастут взрослыми. А взрослые не уметь говорить. Они станут как животные. Ты же не хочешь так, конечно?

— Нет. Но вы убивали?

Туту пожала плечами:

— А что еще делать? Их взрослые хотеть убить нас; вместо того мы убить их. Немного. Больше убежать. Кроме того, ты сказать: о'кей, убивать животное можно. А взрослые как животные, потому что они не уметь говорить. Мы не убивать детей, потому что они учиться говорить. Мы... как ты говорить? — принимать... да, мы принимать их. Они стать наши братья и сестры. Ты говорить мне, что каждый горовиц мне брат или сестра, пусть я не видеть их. — Она снова улыбнулась и, склонившись к Кэрмоди, серьезно сказала: — Мы иметь хорошую мысль во время набега. Вместо того чтобы есть яйца... когда нет взрослого принять их, матери разбивать яйца... почему не давать яйца детям, лошадям и другим животным тоже? И племя будет расти быстрее. Скорее станет большим.

Так оно и получилось. Не прошло и месяца, как у каждого достаточно взрослого горовица, у всех лошадей на груди покачивались яйца.

Кэрмоди сообщил об этом Холмъярду.

— Теперь я вижу все преимущества внематочного развития плода. Если даже зародыш и не защищен от механических повреждений, это не влияет на увеличение количества новорожденных.

— А кто будет заботиться об этих младенцах? — осведомился Холмъярд. — Ведь потомство у горювицев беспомощно как цыплята, и они их выхаживают, как люди своих новорожденных.

— Да они вовсе не плодятся, как дикие свиньи. Количество будущих рождений строго регулируется. Туту четко просчитала, какое количество младенцев может выходить каждая мать. Если она не может отыгивать достаточное количество полупереваренной пищи, они будут готовить цыплятам каши из фруктов и мяса. Матерям не придется проводить добрую долю времени в поисках пропитания; теперь эта обязанность будет лежать на самцах.

— Это ваше сообщество развивается отнюдь не в соответствии с каменным веком Земли, — сказал Холмъярд. — Я вижу, что в будущем в нем могут возобладать коммунистические тенденции. Дети будут производиться en masse, воспитывать и учить их станут в коллективе. На этом этапе, когда они стараются обеспечить стабильный рост племени, с их стороны довольно рационально организовать что-то вроде конвейера. Но тут есть одна деталь, на которую вы не обратили внимания или сознательно умолчали о ней. Вы сказали, что взращивание яиц и соответственно количество будущих рождений строго регулируется. Означает ли это, что яйца, для которых не хватит пропитания, будут поедаться? В виде метода контроля за рождаемостью?

Помолчав, Кэрмоди ответил:

— Да.

— Ну и?

— Что «ну и»? Я готов признать, что идея мне не нравится. Но я не могу найти оснований, чтобы возражать горювицам. Вы же знаете, что у этой публики нет никаких библейских запретов. Во всяком случае, пока нет. В дальнейшем, при развитии этой системы, они появятся как средство выживания.

— Каннибализм и контроль рождаемости, — сказал Холмъярд. — Мне кажется, что вы будете рады избавиться от всего этого, Джон.

— Так кто теперь грешит антропоцентризмом? — возразил Кэрмоди.

Тем не менее он был обеспокоен. Он не мог объяснить горювицам, что нельзя есть яйца, потому что его просто не поняли бы. Добывать пропитание было трудно, и они не могли отказаться от его источника. И Кэрмоди не мог внушить им, что они совершают убийство. Убийство — это незаконное лишение жизни существа, обладающего душой. Обладали ли таковой горювицы? Он не знал. Земные законы утверждали, что противоправное лишение жизни любого существа, владеющего речью и способного к абстрактному мышлению, является убийством. Но сама Церковь, хотя и побуждала своих членов повиноваться законам под угрозой кары со стороны светского правительства, сомневалась, имеется ли под этим определением солидный теологический базис. Она все еще пыталась сформулировать правила, которые помогали бы выяснить, какие инопланетные существа обладают душой. И в то же время не

исключала возможность, что разумные создания с других планет не только не обладают душой, но и не испытывают в ней необходимости. Может, Создатель каким-то иным образом обеспечил им бессмертие — если о нем можно вести речь.

«Хорошо *им* сидеть за столом и обсуждать свои теории, — подумал Кэрмоди. — А я на месте действия; все законы приходится придумывать на глазок. И да поможет мне Господь, если глазок у меня косит!»

В течение следующего месяца он был по горло занят чисто практическими делами. Он попросил Холмъярда послать корабль в долину, откуда к окраине деревни было доставлено несколько тонн железной руды.

На следующее утро он повел детишек к этой груде. Те не могли сдерживать восторженных воплей, которые усилились, когда он рассказал им, для чего предназначается руда.

— А откуда она появиться? — спросила Туту.

— Люди доставили ее из долины.

— На лошадях?

— Нет. Погрузили на корабль, который прилетел со звезд. Тот самый корабль, на котором со звезд прибыл и я.

— Мы увидать его когда-нибудь?

— Нет. Вам запрещено. Не стоит вам смотреть на него.

Туту разочарованно наморщила брови и щелкнула клювом. Но говорить на эту тему больше не стала. Вместо этого она вместе с другими подростками и с помощью Кэрмоди, к которому присоединились несколько взрослых, стала строить печь для выплавки руды. Затем соорудили горн для обжига кокса, который добавлялся к железу, и у горовицев появилось оружие из стали, удила и упряжь, надежные инструменты. Потом они стали ладить металлические части для повозок: Кэрмоди решил, что пришла пора познакомить их с колесным транспортом.

— Просто здорово, — сказала Туту. — Но что нам делать, когда руда кончится, а железо проржавеет и рассыплется?

— В долине много руды, — ответил Кэрмоди. — И нам придется перебираться туда. Звездный корабль не будет больше доставлять ее нам.

Туту вскинула голову и рассмеялась:

— Ты умный человек, Джон. Ты знаешь, как заставить нас двигаться в долину.

— В таком случае нам придется поторопиться, — сказал Кэрмоди. — Мы должны прийти туда до наступления зимы и снегопадов.

— Нам трудно понять, что такое зима, — сказала она. — Ты говорить о том, что мы не можем представлять.

Туту понимала, о чем пойдет речь. И когда Кэрмоди созвал очередной совет и сообщил, что пора перебираться в долину, то наткнулся на сопротивление. Большинство не хотело никуда идти; им нравилось тут. И Кэрмоди убедился, что даже у молодых горовицев

преобладали консервативные взгляды. Только Туту и еще несколько других поддержали монаха, но они были пионерами, первопроходцами, радикалами.

Кэрмоди не пытался диктовать им свою волю. Он знал, что пользуется огромным уважением. Фактически его воспринимали едва ли не как бога. Но даже богам могут возражать, когда те покушаются на покой и уют, и он не хотел подвергать свой авторитет такому испытанию. Если он потеряет его, то погибнет все. Кроме того, он понимал, что, если станет диктатором, это сообщество никогда не усвоит основы демократии. А ему казалось, что демократия, несмотря на все ошибки и пороки, была лучшей формой светского правительства. Мягкое убеждение было самым сильным оружием, которое он мог пустить в ход.

Во всяком случае, он так считал. Но когда в тщетных попытках заставить упрямцев сняться с места прошел еще месяц, он впал в отчаяние. Теперь ему пришлось выслушивать другие аргументы. Под руководством Кэрмоди горовицы вырастили из семян, по его же просьбе доставленных кораблем, огородные растения и злаки. Если они сейчас уйдут, то не смогут воспользоваться плодами нелегкого труда. Все старания уйдут впустую. Так зачем Кэрмоди заставлял их гнуть спины, возделывая почву, высаживая ростки и пропалявая, а потом поливая их, если теперь он хочет сорвать их с места?

— Потому что я хотел показать вам, как выращивать пищу из земли, — сказал он. — Я не собираюсь вечно жить с вами. Когда мы придем в долину, я покину вас.

— Не оставляй нас, возлюбленный Джон! — завопили они. — Ты нам нужен. Кроме того, вот и еще одна причина не идти в долину. Если мы не пойдем, ты не оставишь нас.

Джон не смог не улыбнуться, услышав этот детский довод, но тут же вновь посерьезнел.

— Пойдете вы или нет, но как только из этого яйца вылупится детеныш, я расстанусь с вами. Да мне и в любом случае надо уходить. Если вы не пойдете, я оставляю вас. И зываю ко всем, кто хочет следовать за мной.

Вокруг него собрались Туту, одиннадцать других подростков и пять взрослых самок с двадцатью детишками — плюс их лошади, повозки, оружие и инструменты, запасы пищи. Он надеялся, что вид сборов заставит остальных изменить точку зрения. Но хотя те плакали и молили не уходить, больше к нему никто не присоединился.

Вот тогда-то он потерял самообладание и заорал:

— Очень хорошо! Я знаю, что для вас лучше всего! И если вы не подчиняетесь мне, я уничтожу деревню! И тогда вам придется пойти со мной, потому что вам некуда будет деваться!

— Что ты имеешь в виду? — завоновались горовицы.

— Я имею в виду, что сегодня вечером явится чудовище со звезд и сожжет деревню. Вот увидите!

Он тут же переговорил с Холмъярдом.

— Вы слышали меня, док! Я вдруг понял, что обязан надавить на них! Это единственный способ, чтобы они стали шевелить задницами!

— Вам стоило бы сделать это давным-давно, — ответил Холмъярд. — Даже если вы будете двигаться без остановок, считайте, вам повезет, коли до зимы успеете добраться до долины.

Той же ночью, когда Кэрмоди и его спутники расположились на холме за оградой деревни, в тусклом свете двух лун внезапно появился космический корабль. Все обитатели селения, должно быть, ждали появления грозного чудища, ибо из сотен глоток вырвался общий вопль. Все в панике кинулись к узким воротам, и многие пострадали в давке. Не успели все дети и взрослые покинуть пределы деревни, как чудовище огненным языком лизнуло бревенчатую ограду. Та занялась с южной стороны, и пламя быстро распространилось.

Кэрмоди сбежал с холма и навел порядок среди растерявшихся горовицев. И только под угрозой смерти в случае неповиновения заставил их вернуться в ограду и вывести оттуда повозки с лошадьми и вытащить продовольствие и оружие. Горовицы припали к ногам Кэрмоди, моля о прощении и заверяя, что впредь никогда не пойдут против его воли.

Несмотря на то что Кэрмоди чувствовал утрызения совести за пережитый горовицами страх и был расстроен из-за гибели в панике нескольких из них, он постарался сохранить строгость. Он простил их, но напомнил, что мудрости у него больше, чем у всех прочих, и ему лучше знать, что пойдет им на пользу.

Отныне младшее поколение вело себя безукоризненно, беспрекословно подчиняясь ему. Но из их отношений ушла теплота и доверительность, даже у Туту. Они относились к нему с уважением, но в его присутствии чувствовали скованность. Ушли в прошлое шутки и улыбки, которыми они все время обменивались.

— Вы внушили им страх Божий, — сказал Холмъярд.

— Бросьте, док, — ответил Кэрмоди. — Вы же не считаете, что они воспринимают меня как Бога. И если бы я убедился в этом, то постарался бы разуверить их.

— Да, но они считают, что вы Его представитель. Может быть, полубог. И пока вы не изложите им с начала до конца всю последовательность событий, они и дальше будут так считать. Да и не думаю, что ваши объяснения чем-то помогут. Вам придется во всех подробностях описать наше общество, для чего у вас нет ни времени, ни способностей. И что бы вы ни излагали, они все равно поймут вас неправильно.

Кэрмоди попытался восстановить прежние сердечные взаимоотношения, но понял, что это невозможно. Поэтому он всецело посвятил себя лишь преподаванию того, что знал сам. Все свободное время он или записывал, или диктовал Туту и другим сведения о научных дисциплинах. Хотя в тех местах, по которым шли переселенцы, не было и следов залежей серы и селитры, Кэрмоди знал,

что они есть в долине. Он написал инструкцию, как распознавать, разрабатывать и очищать ископаемые, а также как делать порох. Кроме того, он во всех подробностях изложил, как мастерить ружья, пистолеты и ртутные капсулы, как искать свинцовую руду и выплавлять из нее металл.

Это было лишь частью всех технологических процессов, о которых он оставил сведения. В дополнение он письменно изложил основные данные о химии, физике, биологии и электричестве. Более того — он начертил принципиальную схему электромобиля и машины с двигателем на водородном горючем. Затем последовало детальное объяснение процесса получения водорода в результате реакции сжатого перегретого пара в присутствии цинковых или железных катализаторов. Что, в свою очередь, потребовало рассказа о том, как искать и опознавать медную руду, как извлекать из нее металл и тянуть из него провода, как сделать магнето и пользоваться математическими формулами для ротора.

В процессе занятий он часто обращался за помощью к Холмъярду. Как-то тот ему сказал:

— Вы зашли слишком далеко, Джон. Вы доработались до того, что от вас осталась одна тень, вы вгоните себя в гроб. Вы пытаетесь сделать невозможное, втиснуть сто тысяч лет технического прогресса в один год. Человечеству потребовались для развития тысячелетия усилий, а вы преподносите горюшкам их результаты на серебряном блюде. Перестаньте! Вы уже и так достаточно сделали для них, принеся им речь вместе с техникой обработки кремня и возделывания земли. Предоставьте им дальше идти своим путем. Кроме того, последующие экспедиции скорее всего установят с ними контакты и дополнят всю ту информацию, что вы пытаетесь впихнуть в них.

— Вероятно, вы правы, — простонал Кэрмоди. — Но, несмотря на все старания, больше всего меня беспокоит, что я учил их общению лишь с материальным миром. И почти ничего не сделал, дабы внушить им хотя бы начатки этики. Вот это и не может меня не волновать сильнее всего.

— Дайте им самим разработать ее.

— Мне бы этого не хотелось. Подумайте только о многочисленных путях порока и зла, которыми они могут пойти.

— В любом случае им этого не избежать.

— Да, но при желании они смогут выбрать и правильный путь.

— Так ради Бога, дайте им его! — вскричал Холмъярд. — Перестаньте терзаться до желудочных коликов! Сделайте что-нибудь или перестаньте болтать!

— Скорее всего вы правы, — мрачно сказал Кэрмоди. — Во всяком случае, времени у меня осталось немного. Через месяц мне следует прибыть на Вайлденвули. И решить эту проблему я не успею.

В следующем месяце караван покинул теплые долины и двинулся по плоскогорьям и ущельям меж вершинами. Воздух стал холоднее, а растительность на удивление походила на траву и кустарник

земных высокогорий. Ночи были холодные, и горовицы теснились поближе к пламени костров. Кэрмоди научил их дубить шкуры и сметывать себе одеяния, но не позволил им тратить время на охоту за животными, мех которых мог бы согреть их.

— Успеете заняться этим, когда мы придем в долину, — сказал он.

За две недели до выхода к перевалу, за которым лежала долина, Кэрмоди как-то проснулся ночью. Он уловил постукивание в скорлупу яйца на груди и понял, что острый клювик цыпленка пытается пробиться сквозь двойную кожистую оболочку. К утру в скорлупе появилось отверстие. Кэрмоди поступил так же, как все прочие матери, за которыми ему довелось наблюдать. Придержав яйцо с тыла, он ободрал с него оболочку. Яйцо так долго было частью его самого, что ему казалось, будто он сдирает кожу с самого себя.

Появился прекрасный здоровенький цыпленок, мальчик, покрытый золотистым пушком, и уставился на мир большими голубыми глазами, которые пока разъезжались в разные стороны.

Туту пришла в восторг:

— У всех нас карие глаза! А он первый горовиц с голубыми! Хотя мы слышали, что у диких горовицев в этих местах бывают голубые глаза. Но у него глаза точно как у тебя. Ты сделал ему голубые глаза, чтобы все мы знали — он твой сын, да?

— Ничего я не делал, — сказал Кэрмоди.

Он не стал упоминать, что цыпленок был мутантом или, иными словами, его генетический код содержал в себе рецессивные гены той линии предков, раса которых обладала голубыми глазами. Слишком долго пришлось бы объяснять. Но он в самом деле испытал смущение. Ну почему это случилось с цыпленком, которого именно *он* выносил?

К полудню шупальца, державшие яйцо на его коже, высохли, и пустая кожистая скорлупка, отвалившись, упала на землю. Еще через два дня многочисленные маленькие дырочки на груди затянулись, и кожа снова стала гладкой.

Он рвал связи с этим миром. К полудню на связь вышел Холмъярд и сообщил, что прошение Кэрмоди о продлении срока пребывания на Ферале отклонено. И в день окончания контракта он должен отбыть с планеты.

— В соответствии с условиями нашего контракта мы должны обеспечить вас транспортом до Вайлденвули, — сказал Холмъярд. — Мы воспользуемся нашим собственным. И через несколько часов доставим вас к месту назначения.

В течение последующих двух недель Кэрмоди буквально гнал караван, уделяя сну не больше четырех часов и останавливаясь только тогда, когда надо было выпастить лошадей. К счастью, конское поголовье Ферала обладало немалой выносливостью, хотя и не такой быстротой, как их земные собратья.

Накануне дня отбытия Кэрмоди, вечером, отряд вышел к горному перевалу, за которым лежала долина обетованная. Разведка костры, путешественники пристроились к теплу.

С перевала дул холодный ветер, и Кэрмоди уснул не без труда. Но причиной бессонницы были не порывы зябкого ветра, а его мысли. Они ходили по кругу, как индейцы вокруг каравана фургонов, осыпающие его острыми стрелами. Он не мог отделаться от беспокойства, размышляя, что станет с его паствой, когда он покинет ее. Он не мог не сожалеть о том, что не обеспечил их духовным наставлением. «Завтра утром, — решил он. — Завтра утром мне представляется последняя возможность. Но в мыслях у меня нет ничего, ровно ничего, я оступел. Если бы мне было дано право решать самому, если бы начальство не принудило меня к молчанию... но ему виднее. Скорее всего я бы сделал что-то не то. Наверное, лучше всего отдать все на волю Божественного провидения. Но ведь Бог являет себя через деяния человека, а я человек...»

Должно быть, он все же задремал, потому что внезапно очнулся, почувствовав прижавшееся к нему маленькое тельце. Это была Ту-ту, его любимица.

— Мне холодно, — сказала она. — И я много раз, еще до пожара деревни, спала у тебя на руках. Почему ты не позвал меня сегодня вечером? Это твоя последняя ночь! — дрожащим голосом сказала она и заплакала.

Плечи ее затряслись, и она уткнулась клювом ему в бок, когда он прижал головку Ту-ту к груди. И не в первый раз Кэрмоди пожалел, что у этих созданий такие твердые клювы. Им никогда не будет дано познать удовольствие от соприкосновения в поцелуе теплых нежных губ.

— Я люблю тебя, Джон, — сказала она. — Но после того как чудовище сожгло деревню, мы стали и бояться тебя. Но сегодня вечером я забыла, что боюсь тебя, и должна провести эту ночь в твоих руках, чтобы запомнить ее на всю жизнь.

Кэрмоди почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, но постарался, чтобы голос звучал ровно и спокойно:

— Те, кто служат Создателю, сказали, что меня ждет работа в другом месте. Где-то среди звезд. И я должен отправляться, пусть даже мне не хочется. Мне грустно, как и тебе. Но, может быть, когда-нибудь я и вернусь. Не могу обещать. Но всегда буду надеяться.

— Ты не должен оставлять нас. Мы все еще твои дети, а нас ждет взрослая работа. Взрослые как дети, а мы как взрослые. Ты нам нужен.

— Я знаю, что ты права. Но я буду молиться Ему, чтобы Он не оставил вас своим вниманием и оберегал вас.

— Я надеюсь, что у Него больше мозгов, чем у моей матери. Я надеюсь, Он такой же умный, как ты.

Кэрмоди засмеялся:

— Он бесконечно умнее меня. Не беспокойся. Чему быть, того не миновать.

Он еще немного поговорил с ней, в основном давая советы, как лучше подготовиться к наступающей зиме, и заверяя, что, может

быть, он еще вернется. Или, если не он, так другой человек. И наконец провалился в сон.

Его пробудил испуганный голос Туту, вскрикнувшей под ухом. — Что с тобой, девочка? — сев, спросил Кэрмоди.

Она приникла к нему, и в ее больших глазах отразилось затухающее пламя костра.

— Пришел отец и разбудил меня! Он сказал: «Туту, ты интересовалась, куда уходят горюхи после смерти. Я знаю, потому что, умерев, сам ушел в эти земли. Это прекрасная страна, и не плачь из-за того, что Джон должен покинуть вас. Когда-нибудь ты с ним здесь встретишься. Мне было разрешено увидеться с тобой и рассказать об этом. А ты должна передать Джону, что мы, горюхи, — как люди. У нас есть души, и мы вовсе не превращаемся в прах, умирая, чтобы никогда больше не увидеть друг друга». Отец мне так сказал. И протянул руку, чтобы коснуться меня. Мне стало страшно, я заплакала и проснулась!

— Ну-ну, — сказал Кэрмоди, укачивая ее. — Тебе просто приснилось. Ты же знаешь, что твой отец не умел говорить при жизни. Так как же он может разговаривать сейчас? Тебе привиделось.

— Не приснилось, не приснилось! Он пришел ко мне не в голову, как во сне! Он стоял рядом, между огнем и мною! Он отбрасывал тени! А у сна нет теней! И почему он не умеет разговаривать? Если он может жить после смерти, то почему ему не говорить? Как ты сам сказал: «Почему полоски у жука и грива у лошади?»

— Устами младенца... — пробормотал Кэрмоди и до рассвета проговорил с Туту.

К полудню того же дня горюхи одолели высшую точку перевала. Внизу перед ними лежала долина, сияющая зелеными, золотыми, желтыми и красными красками осенней растительности. Еще через несколько дней яркие цвета пожухнут и порыжеют, но сегодня красота долины радовала глаз теми обещаниями, которые таились в ней.

— Через несколько минут, — сказал Кэрмоди, — с неба в звездном фургоне спустится человек. Не надо пугаться. Он не причинит вам вреда. Я же хочу сказать вам несколько слов, которые, надеюсь, ни вы, ни ваши потомки никогда не забудут.

Прошлой ночью Туту увидела своего покойного отца. Он поведал ей, что у всех горюх есть душа, которая после смерти перебирается в другое место. Творец создал такое место и для вас — так рассказал Хут, — потому что вы Его дети. И Он никогда не оставит вас. А вы должны быть послушными Его детьми, потому что Он... — Тут он замаялся, ибо у него чуть не вырвались слова «что Он — Отец ваш». Но помня, что в представлении горюх существует только образ матери, продолжил: — ...потому что Он — Мать ваша.

Я излагал вам историю, как Творец создал мир из ничего. Сначала вселенную. Затем в космосе появились атомы. Потом они слились, создав бесформенную материю. Та преобразовалась в солнца,

большие солнца, вокруг которых крутились солнца поменьше. Маленькие солнца остывали и становились планетами, как та, на которой вы сейчас живете. Появились вода и суша.

И Он создал живые существа в морях и океанах, столь мелкие, что их нельзя было увидеть глазом. Но Он все видел. И когда-нибудь вы тоже увидите. Из этих маленьких существ появились большие. Возникли рыбы. Одна из них выползла на берег, обрела ноги и стала дышать воздухом.

Некоторые животные залезли на деревья и стали там жить, после чего превратились в птиц. А другие начали ходить на двух ногах, а те конечности, которые могли бы стать крыльями, превратились в руки с пальцами. И эти существа стали вашими предками.

Вы знаете это, ибо я много раз рассказывал вам. Вы знаете, что у вас было в прошлом. А теперь я расскажу вам, что вы должны делать в будущем, если хотите стать Его хорошими детьми. Я оглашаю вам законы горовицев.

Вот что Он хочет от вас каждый день вашей жизни.

Почитайте Создателя вашего пуще своих родителей.

Любите друг друга и даже ненавидящих вас.

Любите и животных. Можете убивать их для пропитания. Но не причиняйте им боли. Пусть животные работают на вас, но кормите их и давайте им отдыхать вволю.

Говорите правду. Кроме того, неотступно ищите истину.

Поступайте в соответствии с правилами общества. Пока оно не потребует от вас творить то, что Ему нежелательно. Тогда отриньте такое общество.

Убивайте только, чтобы не быть убитым. Создатель не любит убийц и тех, кто затевает войны без причины.

Не пытайтесь творить добро через зло.

Помните, что вы, горовицы, не одни в этом мире. Вселенная наполнена Его детьми. Они не горовицы, но любите и их.

Не бойтесь смерти, ибо жизнь вечна.

Замолчав, Кэрмоди бросил взгляд на слушателей, пытаясь представить себе, какое представление о добре и зле оставила у них его речь. Затем подошел к высокому валуну, на плоской вершине которого стояла чаша с водой и лежал ломоть хлеба, испеченный из желудевой муки.

— И ежедневно в полдень, когда солнце стоит в зените, пусть мужчина или женщина, избранные вами, сделает это перед вами и для вас. — Кэрмоди взял кусок хлеба, обмакнул в воду и, съев его, сказал: — И пусть избранный вами произнесет сии слова, чтобы они были услышаны всеми.

«Этой водой, из которой вышла первая жизнь, благодарю Создателя за данную мне жизнь. И этим хлебом благодарю Создателя за благословение всему миру, и пусть даст Он мне силы противостоять злу бытия. Приношу Ему свою благодарность». — Он замолчал.

Лишь Туту не смотрела на Кэрмоди, ибо торопливо записывала услышанное. Затем она подняла на него глаза, словно спрашивая,

собирается ли он продолжать. Но, заплавав, бросила карандаш с грифельной доской и, бросившись к монаху, обвила его руками.

— Звездный корабль летит! — зарыдала она. — Не уезжай!

Общий стон страха и изумления донесся из клювов толпы, когда все увидели, как из-за горного хребта появилось сияющее чудовище и направилось к ним.

Кэрмоди мягко высвободился из объятий Туту и отступил на шаг.

— Приходит время, когда родители должны расставаться с детьми, а дети — становиться взрослыми. Вот это время и наступило. Я должен покинуть вас, потому что меня ждут в другом месте.

Просто помни, что я люблю тебя, Туту. И всех вас люблю тоже. Но я не могу оставаться здесь. Но Он всегда будет с вами. Оставляю вас под Его опекой.

Стоя в пилотской рубке, Кэрмоди не отрывал взгляда от изображения Ферала на экране. Теперь размер планеты был не больше баскетбольного мяча. Он повернулся к Холмъярду:

— Наверное, мне придется отчитаться перед начальством за ту финальную сцену. Должно быть, мне дадут серьезный выговор и накажут. Не знаю. Но в тот момент я был убежден, что поступаю совершенно правильно.

— Вы не должны были говорить им, что у них есть душа, — заметил Холмъярд. — Меня лично эта проблема не волнует. Я считаю, что смешна сама идея души.

— Но у вас есть возможность думать о ней, — возразил Кэрмоди. — Пусть такое же право обретут и горовицы. Разве может существо, способное к осознанию понятия души, не обладать ею?

— Интересный вопрос. И не имеющий ответа. Скажите, вы серьезно верите, что та небольшая церемония, которую вы устроили, удержит их на узкой тропе праведности?

— Я не дурак, — сказал Кэрмоди. — Конечно, нет. Но в данном случае они получили правильные основные указания. И если они исказят их, что ж, я не виноват. Я сделал все, что мог.

— Неужто? — удивился Холмъярд. — Вы заложили основы мифологии, в которой предстанете Богом или сыном Божьим. Неужели вы не понимаете, что, когда по прошествии времени сотрется память о подлинных событиях, связанных с вами, когда поколение будет сменяться поколением, миф станет наслаиваться на миф, а искажение — накладываться на искажение, от правды ничего не останется?

Кэрмоди продолжал смотреть на расплывающиеся очертания шарика.

— Не знаю. Но я дал им нечто, что превратило их из животных в людей.

— Прометей! — выдохнул Холмъярд. И погрузился в долгое молчание.

ОТЕЦ

Первый помощник капитана «Чайки» оторвался от панели управления и взволнованно указал на информационный экран с мелькающими на нем цифрами:

— Если приборы не врут, мы в сотне тысяч километров от второй планеты. Их в этой системе всего десять. Но нам везет: одна из них пригодна к жизни. Вторая по счету.

Он замолчал. Капитан Ту с любопытством взглянул на помощника; тот был бледен, лишь в замечании о везении звучала ирония.

— Это Прорва, сэр.

Смуглая кожа капитана побледнела. Ругательство застыло у него на устах, правая рука дернулась, как будто он собирался вытереть пот со лба, но тут же вернулась на место.

— Что же, мистер Гивенс. Попробуем приземлиться. Для нас это единственный выход. Ждите дальнейших распоряжений.

Он резко отвернулся, чтобы никто не мог заметить выражения его лица.

— Прорва, Прорва, — пробормотал он. Облизнув пересохшие губы, капитан заложил руки за спину.

Послышались два коротких звонка. Мичман Нкрума коснулся выключателя интеркома и произнес:

— Мостик.

Ожил встроенный в стену экран, на котором показалось лицо стюарда.

— Сэр, доложите, пожалуйста, капитану о том, что в седьмой каюте его ожидают епископ Андре и отец Кэрмоди.

Капитан Ту, теребя маленькое расписание, висящее у него в правом ухе, взглянул на часы. Гивенс, Нкрума и Меркалов напряженно наблюдали за ним, хотя тут же отвели глаза, когда он повернулся в их сторону. Капитан Ту мрачно улыбнулся, заметив выражение их лиц, затем расправил плечи и приосанился. Казалось, команда очень нуждается в его спокойной уверенности, которая подтвердила бы способность капитана привести их в безопасную гавань. Поэтому он постоял, грозный и надежный в своей небесно-голубой

форме, не изменившейся с ХХІ столетия. Все знали, что он чувствует себя в ней смешным, когда появляется в космопорту, но по кораблю он вышагивал в ней, словно рыцарь, закованный в броню. Хотя мундиры и брюки устарели и их можно было увидеть лишь на карнавалах и в исторических фильмах или на офицерах с инопланетных кораблей, но здесь они были вполне уместны. Форма подчеркивала статус капитана, придавала ему значительность, способствующую поддержанию дисциплины. В этот момент он как никогда нуждался в доверии и уважении. Поэтому-то поза его была вполне осознанной; перед командой стоял спокойный и знающий свое дело шкипер, настолько уверенный в себе, чтобы потратить время на общение с пассажирами.

— Сообщите епископу, что я скоро наведуся к нему, — приказал капитан Ту Нкруме.

Он покинул мостик, миновал несколько коридоров и вошел в небольшой зал. Помедлив в дверях, капитан обвел взглядом пассажиров. Все, кроме двух священников, были здесь. Никто из них еще не знал, что «Чайка» уже не перемещалась в гиперпространстве. Парочка влюбленных, Кейт Леджин и Пит Мастерс, сидели в углу на софе, держа за руки, перешептываясь и обмениваясь взглядами, полными еле сдерживаемой страсти. На другом конце комнаты миссис Рэкка вместе с судовым врачом Чандра Блейком раскладывала пасьянс. Она была крупной красивой блондинкой, однако ее портили двойной подбородок и темные круги под глазами. Полупустая бутылка бурбона на столе многое говорила о причинах увядания былой красоты; те же, кто был ближе знаком с дамой, знали, что своим полетом на «Чайке» миссис Рэкка была также обязана бутылке. После развода с мужем на Вайлденули она направлялась к родителям в мирок где-то на краю Галактики. Ей пришлось выбирать между мужем и бутылкой, и миссис Рэкка выбрала объект попроще в обращении и поудобнее при перевозке. Как она объясняла доктору, когда вошел капитан, выпивка никогда не будет крикливо или называть вас пьяной свиньей.

Чандра Блейк, невысокий темноволосый мужчина с выступающими скулами и большими карими глазами, слушал ее с натянутой улыбкой. Его явно весьма смущали громогласные разглагольствования миссис Рэкки, но вежливость не позволяла уйти.

Капитан откозырял, ответил улыбкой на приветствия пассажиров и, отклонив предложение миссис Рэкки подсесть к ним за столик, прошел в коридор, где и остановился перед дверью седьмой кабины.

Дверь отворилась, и он вошел. Высокий и подтянутый, капитан выглядел сделанным из какого-то темного негнущегося металла. Резко остановившись, он наклонился, чтобы поцеловать протянутую епископом руку, но проделал это настолько неуклюже и с таким очевидным нежеланием, что исчезла вся торжественность момента. Выпрямившись, капитан Ту, казалось, облегченно вздохнул: такие, как он, не любят перед кем бы то ни было склонять голову.

Он открыл рот, словно собираясь без отлагательств сообщить неприятное известие, но в этот момент отец Кэрмоди сунул ему в руку стакан.

— Тост, капитан, за наискорейшее прибытие на Иггдрасиль, — провозгласил отец Джон низким рокочущим голосом. — Нам очень нравится на корабле, но у нас есть веские причины желать побыстрее добраться до цели.

— Я с удовольствием выпью за ваше здоровье и за здоровье Его Преосвященства, — ответил Ту резким отрывистым голосом. — Что же касается наискорейшего прибытия, то за это нужно чуть-чуть помолиться. А может, и не чуть-чуть.

Отец Кэрмоди нахмурился и поднял необыкновенно широкие и мохнатые брови, но ничего не сказал. Это много говорило о его восприимчивости: он был человеком, который не в состоянии помолчать и минуту. Отец Кэрмоди был полный коротышка лет сорока с тяжелой нижней челюстью, копной иссиня-черных немного вьющихся волос и голубыми слегка выпученными глазами. Левое веко его всегда было немного опущено, большой рот с толстыми губами подчеркивал остроту длинного носа. Он все время находился в движении, не останавливаясь ни на миг. Казалось, если он остановится, то взорвется от переполняющей его энергии; поэтому он за все хватался, суетился, повсюду суя свой нос, смеялся и болтал, вибрировал как огромный камертон.

Епископ Андре, стоявший рядом с ним, был таким огромным и спокойным, что выглядел столетним дубом, вокруг которого мельтешил белка-Кэрмоди. Его широкие плечи, мощный корпус, подтянутый живот, икры с играющими под кожей мускулами говорили об огромной силе, достигнутой путем долгих тренировок. Лицо его соответствовало телосложению: широкие скулы и грива соломенных волос. Глаза его были приятного золотисто-зеленого цвета, нос классически правильной формы, хотя при более тщательном рассмотрении мог показаться слишком тонким, рот с пухлыми красными губами, приподнятыми в углах. Епископ, так же как и отец Джон, был любимцем дам в епархии на Вайлденвули, но по иной причине. С отцом Джоном было приятно иметь дело. Он всех веселил, развлекал, в его устах любая проблема оказывалась забавным пустяком. Епископ же одним своим взглядом приводил дам в трепет. Он относился к тем священникам, которые, приняв обет безбрачия, принесли разочарование не в одно женское сердце. Но хуже всего было то, что Его Преосвященство знал об этом своем качестве и ненавидел его. Временами он бывал довольно резким и всегда соблюдал дистанцию между собой и прихожанками. Но ни одна женщина не могла долго держать на него обиду. Более того, ходили слухи, что своей стремительной карьерой в церковной иерархии он обязан закулисным хлопотам своих поклонниц. Не то чтобы он был недостойн столь высокого сана, но он получил его несколько ранее, чем можно было ожидать.

Отец Джон налил себе вина, наполнив стаканы своих собеседников лимонадом.

— Я, пожалуй, глотну вина, — произнес он, — а вам, капитан, придется довольствоваться безалкогольным напитком, вы ведь на службе. Его Преосвященство отказывается пить горячительные напитки из принципа, я же немного выпью для улучшения пищеварения.

Он похлопал себя по выпирающей округлости живота:

— Так как мое пузо составляет большую часть моего тела, то, принося ему пользу, я приношу пользу всему своему существу. Таким образом, от этого выигрывают не только внутренности, но и все мое тело дышит здоровьем и радостью, а значит, требует еще тонизирующего. К сожалению, епископ подает мне невыносимо хороший пример, так что приходится ограничиваться одним стаканчиком. И это несмотря на то, что я страдаю от нестерпимой зубной боли, которую можно заглушить, лишь пропустив еще пару рюмашек.

Смеясь, он посмотрел через край стакана на Ту, который улыбался, несмотря на внутреннюю напряженность, и на епископа, который в этот момент сосредоточенным лицом и величественной осанкой напоминал льва, погруженного в думы.

— Простите меня, Ваше Преосвященство, — произнес отец Джон. — Я не могу избавиться от чувства, что, хотя, возможно, вы слишком усердствуете в воздержании, мне не следовало бы этого говорить. На самом деле ваш аскетизм — предмет восхищения для всех нас, даже если мы не имеем силы воли подражать вам.

— Вы прощены, Джон, — серьезно произнес епископ. — Но я предпочел бы, чтобы вы ограничили свое зубоскальство — а я не могу назвать это иначе — для разговора наедине. Иначе люди могут подумать, что иногда вы осуждаете своего епископа.

— Я не это имел в виду, да простит меня Бог, — вскричал Кэрмоди. — На самом деле я подтрунивал над собой. Я слишком люблю наслаждаться жизнью, и, вместо того чтобы набираться знаний и святости, я набираю лишь вес.

Капитан поморщился. Ему явно были не по душе разговоры о Боге вне церкви. Кроме того, у него совершенно не было времени на пустую болтовню.

— Выпьем за наше здоровье, — буркнул он, осушая стакан. Потом, поставив его на стол, явно не собираясь более пить, произнес: — У меня плохие новости. Около часа назад перестал работать наш гипертранслятор, выкинув нас в обычное пространство. Наш главный механик говорит, что он не видит никаких неисправностей, однако двигатель не работает. Неизвестно, как запустить его. Меркалов — весьма знающий человек, и если он сдастся, то проблема действительно неразрешима.

На минуту в воздухе повисло молчание. Первым пришел в себя отец Джон:

— И как далеко мы от ближайшей пригодной для обитания планеты?

— Приблизительно в сотне тысяч километров, — ответил Ту, теребя серьгу. Поймав себя на том, что проявляет нервозность, он опустил руку.

Падре пожал плечами:

— Мы не падаем, и с нашим межпланетным двигателем все в порядке. Почему бы не приземлиться, капитан?

— Мы попытаемся, но я отнюдь не уверен в успехе. Планета, о которой мы говорим, — Прорва.

Кэрмоди присвистнул и потер длинный нос. Бронзовое лицо Андре побелело. Маленький священник поставил свой стакан и озабоченно нахмурился.

— Это досадно. — Он вопросительно посмотрел на епископа. — Могу я сказать капитану, почему нам необходимо добраться до Иггдрасиля как можно скорее?

Андре кивнул, хотя по отсутствующему выражению его лица было заметно, что он размышляет о чем-то, совершенно не относящемся к разговору.

— Его Преосвященство, — сообщил Кэрмоди, — покинул Вайлденвули, так как есть подозрение, что он болен «отшельнической лихорадкой».

Капитан вздрогнул, но не попятился от епископа, рядом с которым стоял. Кэрмоди улыбнулся и произнес:

— Вы можете не бояться подхватить эту заразу. Епископ болен не ею. Некоторые признаки совпадают, это правда, но при обследовании микробы найдены не были. Кроме того, Его Преосвященство не проявляет типичных для этой болезни антиобщественных наклонностей. Все же доктора решили, что для него будет лучше пройти обследование на Иггдрасиле, где медицина находится на более высоком уровне. Кроме того, там живет доктор Руденбах, один из лучших специалистов по epileптоидным болезням. Чем раньше он осмолит его, тем лучше, так как в последнее время здоровье Его Преосвященства все ухудшается.

Ту поднял ладони, всем своим видом выражая беспомощность.

— Поверьте, Ваше Преосвященство, эта весть меня глубоко огорчает и делает еще более неприятным инцидент с транслятором. Но, к сожалению, я ничего...

Андре вышел из состояния прострации. Он улыбнулся присутствующей только ему мягкой и теплой улыбкой:

— Да разве мои проблемы сравнимы с вашими? На вас лежит ответственность за корабль и его драгоценный груз и, что самое важное, за жизнь двадцати пяти человек.

Он стал мерить шагами комнату, говоря своим звучным голосом:

— Мы все, конечно же, слышали о Прорве. Знаем мы и то, что может ожидать нас, если гипердвигатель не заработает. В этом случае нас может постигнуть участь всех тех, кто пытался приземлиться там прежде. Мы где-то в восьми световых годах от Иггдрасиля

и в шести от Вайлденвули, из чего следует, что мы не сможем долететь ни до одной из этих планет на планетарном двигателе. Итак, либо мы все-таки запускаем гипердвигатель, либо садимся на Прорву. Либо до самой смерти скитаемся по космосу.

— Даже если нам будет позволено приземлиться, — заметил Ту, — может быть, нам все равно придется провести остаток жизни на Прорве.

Минутой позже он покинул отсек. Вслед за ним выскользнул Кэрмоди.

— Когда вы собираетесь оповестить остальных пассажиров?

Ту бросил взгляд на часы:

— Часа через два. К тому времени мы уже точно будем знать, примет ли нас Прорва. Дольше я тянуть не могу, иначе они догадятся, что что-то случилось. В данный момент по расписанию мы уже должны садиться на Иггдрасиль.

— Епископ молится за всех нас, — произнес Кэрмоди, — я же буду просить Господа послать инженеру прозрение. Оно ему понадобится.

— Дело в том, что транслятор совершенно исправен, — уныло произнес капитан, — если не считать того, что он не работает.

Кэрмоди насупил косматые брови и почесал кончик носа.

— Вы считаете, это не случайность, что транслятор отказал?

— Я бывал во многих передрягах, — ответил ему Ту, — и даже несколько раз впадал в панику. Да, я паниковал. Я не рассказывал об этом никому кроме вас и, может быть, еще одного священника, но трусить мне случалось. Я знаю, это моя слабость, может быть, даже и грех...

При этих словах Кэрмоди поднял брови с удивлением и даже почтением.

— ...Но я никак не мог справиться со страхом, хотя и клялся больше никогда не позволять себе столь недостойных чувств и уж точно не позволял никому это заметить. Моя жена всегда говорила, что лучше бы я проявлял хоть небольшую слабость, хоть изредка... Быть может, это одна из причин, почему она покинула меня. Не знаю, хотя теперь это не имеет никакого значения...

Неожиданно осознав, что уклонился от темы, капитан смолк, взял себя в руки и сказал:

— В любом случае, отец, сегодня я напуган как никогда. Я даже точно не знаю, чего боюсь. Но у меня такое чувство, будто нечто вызвало отказ транслятора с определенной целью, которая нам определенно не понравится, когда мы о ней узнаем. Мои опасения связаны с тем, что произошло с тремя нашими предшественниками. Мы все про них читали. О том, как «Хойл» приземлился и словно в воду канул, как «Приам», расследующий его исчезновение, не мог подобраться к Прорве ближе чем на пятьдесят километров, потому что отказывали все планетарные двигатели, как крейсер «Токио» пытался прорваться, выключив двигатель, и спасся лишь благодаря

тому, что по инерции вылетел из пятидесятикилометровой зоны, да и то сильно обгорел, проходя через стратосферу планеты.

— Чего я не могу понять, — произнес Кэрмоди, — так это как кто-то смог достать нас в гиперпространстве. Теоретически нас даже не существовало в этот момент в нормальном мире.

Ту опять потерял серьгу.

— Да, я знаю. Но мы здесь. Как бы это ни было проделано, здесь замешаны силы, неизвестные человечеству. Иначе было бы невозможно обнаружить нас как раз тогда, когда мы оказались поблизости от этой планеты.

Кэрмоди ободряюще улыбнулся:

— Тогда о чем волноваться? Если нечто смогло поймать нас, как рыбу сеть, то оно должно быть заинтересовано в удачной посадке. Таким образом, за приземление можно не беспокоиться.

Неожиданно он скривился от боли.

— Опять этот проклятый зуб. Я собирался удалить его и имплантировать зародыш нового зуба по прибытии на Иггдрасиль, — объяснил он. — Я поклялся перестать поглощать шоколад в таких количествах, ведь эта слабость уже стоила мне нескольких зубов. И вот пришло время опять расплачиваться за свои грехи: в спешке я не взял с собой ничего болеутоляющего, за исключением вина. Может, это фрейдистский трюк подсознания?

— Должно быть, у доктора Блейка есть то, что вам нужно.

— Разумеется, — засмеялся Кэрмоди. — Еще одно весьма своевременное проявление забывчивости. Я-то уже собирался прибегнуть к целебным свойствам виноградного сока и пренебречь безвкусными и противными продуктами фармакологии. Но слишком много людей заботятся о моем благополучии. Увы, такова цена популярности. — Он похлопал Ту по плечу. — Нас ждет приключение, Билл. Примем же вызов.

Капитан не обиделся на столь фамильярное обращение. Он явно знал Кэрмоди уже много лет.

— Мне бы хоть каплю вашего мужества, отец.

— Мужества! — фыркнул священник. — Да я сам трясусь как осиновый лист. Но мы должны принимать все испытания, посланные нам свыше. И, по-моему, легче преодолевать их с улыбкой.

Ту позволил себе улыбнуться:

— Вот за что я вас уважаю. Вы в состоянии говорить подобные вещи, не боясь показаться неискренним святошей. Я знаю, что именно так вы и думаете на самом деле.

— Тут вы чертовски правы, — ответил Кэрмоди. Затем, сменив тон с веселого на более серьезный, продолжил: — Если по правде, Билл, я очень надеюсь, что мы тут не застрянем. Дела епископа весьма плохи. Он выглядит здоровым, но приступ может случиться в любую секунду. Если это произойдет, я буду занят некоторое время, присматривая за ним. Я бы рассказал вам о его болезни и больше, но он запретил мне говорить о ней. Так же, как и вы, он не любит признаваться в своих слабостях. Скорее всего я еще получу

от него нагоняй, когда вернусь в отсек. Епископ не простит мне упоминания о болезни при вас. Его скрытность — одна из причин, по которой он не поставил в известность доктора Блейка. Он никому не позволяет ухаживать за собой во время, гм... приступов, кроме меня, хотя ему претит даже столь ничтожная зависимость.

— Неужели дела епископа так плохи? В это трудно поверить. Он выглядит абсолютно здоровым. Лично мне и сейчас не хотелось бы схватиться с ним. Кроме того, он очень хороший человек. Праведник, если такие вообще бывают. Я припоминаю, как однажды посетил его проповедь в соборе Святого Пия, что на Ярмарке. Задал нам такого перца, что я вел праведную жизнь аж три недели. Святые, должно быть, не могли на меня нарадоваться, а потом...

Заметив выражение лица Кэрмоди, Ту замолчал, посмотрел на часы и сказал:

— Что ж, у меня было несколько свободных минут, и я провел их не самым лучшим образом. Только все мы так поступаем, а, отец? Не могли бы мы пройти в вашу каюту? Что произойдет с нами в ближайшие два часа, известно только Богу, и я должен быть готов ко всему.

— Разумеется. Следуй за мной, сын мой.

Через два часа капитан Ту рассказал команде и пассажирам о происшедшем по интеркому. Когда умолк его голос и мрачное лицо исчезло с экрана, зал погрузился в тишину. Все присутствующие, за исключением Кэрмоди, сидели не шевелясь, будто голос капитана пригвоздил их к креслам. Кэрмоди же стоял посередине зала — серая фигурка на фоне пестрых одежд пассажиров. Он не носил серьги, ноги его были покрыты скромной раскраской, пышные кюлоты почти без разрезов, а манишка и подвязки лишены золотых пряжек и драгоценных камней. Как и все члены ордена Святого Джейруса, он надевал свои брыжи лишь на планетах в память об основателе ордена и его странных, но вполне оправданных привычках.

Отец Кэрмоди обвел пассажиров внимательным взглядом, покаяваясь на каблуках и поглаживая нос указательным пальцем. Казалось, сообщение капитана его ни в коей мере не касается; он интересовался лишь впечатлением, которое оно произвело на пассажиров.

Миссис Рэка продолжала заниматься своим пасьянсом и только все чаще прикладывалась к бутылке, в конце концов опрокинув ее. Звук падения заставил Блейка и влюбленную парочку подскочить. Женщина же не удосужилась даже встать, позволив виски медленно разливаться по полу, и вызвала стюарда. Может быть, смысл сказанного капитаном не дошел до ее затуманенного алкоголем мозга, а может, ей было на все наплевать.

Пит Мастерс и Кейт Леджин словно застыли. Они молча прижали друг к другу и еще крепче взялись за руки; их бледные лица напоминали два белых воздушных шарика, колышущихся на ветру. Накрашенные губы Кейт, выделявшиеся на лице, казались темной

прорехой в этом воздушном шаре, и голова ее сохраняла форму лишь благодаря какому-то чуду, препятствующему утечке воздуха.

Кэрмоди посмотрел на парочку с сожалением, так как был знаком с их историей гораздо лучше, чем они могли предположить. Кейт была дочерью богатого скорняка на Вайлденвули. Пит же — сыном бедного «железного дровосека», одного из закованных в броню лесорубов, уходивших глубоко в леса, полные неизвестных опасностей, в поисках редко встречающегося «дерева желаний». После того как его отца уволок в свою подводную пещеру снолигатор, Питу пришлось наняться к Старiku Леджину. Его храбрость была не раз проверена в деле, ибо необходимы стальные нервы, чтобы выманить пельтера — обладателя шикарного меха, но весьма кровожадной и непредсказуемой твари — из дупла. Животное, зачарованное звуками флейты, следовало за ловцом прямо в руки свежавальщиков. Готовность Пита идти на риск была доказана и еще одним: он немедленно влюбился в дочь хозяина, как и она в него.

Решившись попросить у Леджина руки девушки — Старик был не менее злобен и вспыльчив, чем предмет его промывла — пельтер, и к тому же не мог быть умиротворен звуками флейты — Пит оказался на улице, получив множество синяков, легкое сотрясение мозга и обещание, что он распрощается с жизнью, если еще раз появится около Кейт. Дальнейшее развитие событий можно было легко предугадать. Выписавшись из больницы, Пит начал обмениваться с Кейт записками, передаваемыми через ее вдовую тетю. Та не очень жаловала своего брата и, кроме того, была такой горячей поклонницей романтических сериалов, что делала все от нее зависящее для воссоединения любящих сердец.

Вот по какой причине прямо перед отправлением «Чайки» в космопорту сел вертолет, доставивший двух пассажиров. После идентификации и приобретения билетов — а этого было достаточно для посадки на корабль, ибо люди имели право на безвизовое перемещение в пределах Сообщества, — они заняли девятый отсек, по соседству с епископом, и находились там почти до того момента, как вышел из строя транслятор.

Тетя Кейт настолько гордилась своей ролью Купидона в этой истории, что не могла держать язык за зубами. Она растрепала об этом десятку своих подруг в Брейкнеке, взяв с них слово, что они будут молчать. В результате отец Кэрмоди узнал всю правду и услышал множество сплетен о романе Мастерса и Леджин. Кэрмоди знал, что может случиться, и ожидал увидеть разъяренного родителя с бандой дюжих подмастерьев, примчавшегося на космодром, чтобы разделаться с Питом. Но «Чайка» взлетела до того, и теперь было маловероятно, что на Иггдрасиль послали приказ о задержании влюбленных. А теперь им повезет, если они вообще туда доберутся. Кэрмоди подошел и остановился перед молодыми людьми.

— Не бойтесь, ребята, — проговорил он. — Капитан уверен, что у нас не будет проблем при посадке на Прорву.

Пит Мастерс был рыжим горбоносым парнем со впалыми щеками и чересчур массивным подбородком. Он обладал фигурой весьма впечатляющих размеров, несмотря на то что еще не нарастил настоящих мужских мускулов и не избавился от юношеской сутулости. Сжав пальцы Кейт, юноша гневно взглянул на священника:

— И, я думаю, передаст нас местным властям, как только мы приземлимся?

Кэрмоди вздрогнул от мощного голоса Пита и даже немного наклонился вперед, как человек, идущий против ветра.

— Едва ли, — мягко сказал он. — Если на Прорве и существуют власти, их еще никто не встречал. Впрочем, быть может, нам будет оказана такая честь.

Он сделал паузу и взглянул на Кейт. Это была хорошенькая миниатюрная девушка с длинными русыми волосами, собранными на затылке с помощью серебряной заколки, и большими голубыми глазами, в которых читалось простодушие; она смотрела на священника, как бы взывая о помощи.

— На самом деле, — проговорил Кэрмоди, — ваш отец ничего не может сделать — в рамках закона, конечно, — чтобы остановить вас, если вы не совершили преступления. Давайте посмотрим. Вам, Пит, девятнадцать, не так ли? А вам, Кейт, только семнадцать? Если я правильно помню Закон Свободной Воли, вы уже вышли из возраста, когда родители могут контролировать ваши перемещения. Вы уже достигли Возраста Свободного Передвижения. С другой стороны, вы еще не достигли брачного возраста. Я понимаю, биологически это не так, но мы живем в обществе и подчиняемся законам, созданным людьми. Вы не можете выйти замуж без разрешения отца. Он вправе на законных основаниях воспрепятствовать этому. И, без сомнения, так и сделает.

— Ничего он не сделает, — гневно ответил Пит. — Мы не собираемся жениться, пока Кейт не достигнет совершеннолетия.

Он с бешенством взглянул на священника из-под белобрысых бровей. Бледность Кейт сменилась краской стыда, она опустила глаза, уставившись на свои стройные ноги, выкрашенные в канареечно-желтый цвет с ярко-красными ногтями. Рука ее теребила ярко-зеленые кюлоты.

Кэрмоди продолжал улыбаться:

— Простите назойливого священника, который сует нос в ваши дела потому, что не хочет, чтобы вам причинили боль. Или чтобы вы причинили боль кому-либо. Я знаю вашего отца, Кейт. Он вполне может выполнить свою угрозу в отношении Пита. Неужели вы хотите, чтобы его похитили, жестоко избили, может быть, даже убили?

Девушка подняла на него глаза, щеки ее все еще пылали. Она была очень красива, очень молода, решительна.

— Папа не осмелится, — тихо, но уверенно произнесла она. — Он знает, что, если что-нибудь случится с Питом, я убью себя. Так я ему и написала в записке, которую оставила у себя в комнате. Он

знает, что я не менее упряма, чем он сам. Папа не тронет Пита, потому что он слишком сильно любит меня.

— Да не слушай ты его, дорогая, — процедил Пит. — Я сам разберусь с ним. Кэрмоди, нам не нужна ничья помощь. Единственное наше желание — чтобы нас оставили в покое.

— Не так уж многого вы хотите, — вздохнул отец Джон. — К сожалению, или к счастью, покой — одна из самых редких вещей во Вселенной, почти такая же редкость, как спокойствие духа или чистая любовь ко всему человечеству.

— Избавьте меня от ваших проповедей! — воскликнул Пит. — Приберегите их для церкви.

— Хм, да, я видел вас однажды в соборе Святой Марии, — ответил отец Джон, поглаживая нос. — Два года назад, в разгар эпидемии отшельнической лихорадки.

Кейт положила руку на запястье юноши:

— Пожалуйста, дорогой. Он желает нам добра. Кроме того, все, что он сказал, — правда.

— Спасибо, Кейт.

Кэрмоди недолго поколебался, затем, решившись, с грустным видом порылся по карманам, извлек на свет лист желтой бумаги и протянул его Кейт. Та взяла его дрожащей рукой.

— Это сообщение получено за секунду до старта, — объяснил он, — когда было поздно что-либо предпринимать; расписание отлетов не может быть нарушено, кроме как по причине жизненной важности.

Кейт прочитала сообщение и вновь побледнела. Пит, читавший бумажку, глядя ей через плечо, покраснел. Ноздри его раздулись. Вырвав у девушки бумагу, он вскочил.

— Если Старик Леджин собирается посадить меня за кражу его денег, то он сумасшедший, — прорычал он. — Он ничего не сможет доказать, потому что я не делал этого. Я невиновен и, чтобы это знали все, соглашусь принять чаларок или любую другую сыворотку правды. Тогда вы узнаете, кто из нас лгун.

Глаза Кэрмоди широко раскрылись.

— Тем временем вас задержат, и отец Кейт приложит все усилия, чтобы вернуть ее или, по крайней мере, отправить на другой конец Галактики. А теперь мне бы хотелось предложить...

— Плевать мне на ваши предложения, — рявкнул Пит. Он скомкал бумажку и бросил ее на пол. — Вставай, Кейт. Пошли в нашу каюту.

Она покорно встала, хотя и бросила на Пита взгляд, в котором светилось желание высказать свое мнение. Парень не обратил на это никакого внимания.

— Если хотите знать, — продолжил он, — я рад вынужденной посадке на Прорву. Я читал, что, по сведениям «Токио», эта планета пригодна для жизни, чуть ли не второй Эдем. Так что мы с Кейт сумеем там прожить. У меня в каюте лежит энергонабор. С его помощью мы сможем построить хижину, возделывать землю, охо-

титься, ловить рыбу и воспитать детей по нашему усмотрению. Там мы будем избавлены от любого вмешательства в нашу жизнь. Принимаете, от любого!

Отец Джон наклонил набок голову и прищурил левый глаз, как бы оценивая молодых людей.

— Адам и Ева, да? А вам не будет немного одиноко? Кроме того, разве вы знаете, какие опасности таит в себе природа Прорвы?

— Питеру и мне никто не нужен, — тихо ответила Кейт. — И ничье вмешательство тоже.

— Вмешательства вашего отца не избежать.

Но они уже уходили, взявшись за руки. Скорее всего они не слышали последних слов священника.

Тот кряхтя нагнулся, чтобы поднять бумагу. Вздыхнув, выпрямился, разгладил лист и еще раз пробежал глазами написанное.

Доктор Блейк встал из-за стола и подошел к нему; его любезно улыбающееся лицо выражало, однако, и упрек.

— Не слишком ли вы назойливы?

Кэрмоди улыбнулся:

— Вы же давно меня знаете, Чандра. Вам известно, что мой длинный и острый нос абсолютно соответствует моему характеру, и я не стану отрицать, что люблю совать его в чужие дела. Но, как бы то ни было, у меня есть оправдание. Я священник, и это моя профессиональная обязанность. От этого никуда не денешься. Кроме того, я искренне интересуюсь этими детьми и хочу, чтобы из своих неприятностей они выбрались в целости и сохранности.

— В таком случае форма вашего носа может претерпеть изменения. По крайней мере Пит выглядит достаточно свирепым, чтобы хорошенько врезать вам.

Отец Джон потер кончик носа.

— Не он первый, не он и последний. Я, впрочем, сомневаюсь в том, что Пит сможет ударить меня. В этом преимущество священнослужителя. Даже самый драчливый человек призадумается, прежде чем ударить священника. Это все равно что ударить женщину. Ударить представителя Бога! И иногда мы трусливо пользуемся этим преимуществом.

— Трусливо? — фыркнул Блейк. — Кейт даже не вашего вероисповедания, отец, и Пит, возможно, тоже.

Кэрмоди пожал плечами и воздел руки, как будто показывая, что протянет руку помощи любому, кто в ней нуждается. Через несколько минут он уже стоял перед дверью епископа, нажимая на кнопку дверного звонка. Не услышав ответа из-за двери, он повернулся, собираясь уйти, но вдруг остановился, нахмутив брови. Резко, словно почуяв неладное, он толкнул дверь. Незапертая, она распахнулась настежь. На секунду застыв, Кэрмоди бросился в каюту.

Епископ лежал на спине посередине помещения, раскинув руки и ноги как на распятии, спина выгнулась как лук, открытые глаза уставились в потолок. Багровое лицо блесло от пота, вместо дыхания из груди вырывался хрип, струйка пены текла из приоткрытого

рта. Это не было похоже на апоплексический удар, так как верхняя половина тела была совершенно неподвижной, будто сделанной из воска, поверхность которого немного подтаяла под воздействием внутреннего жара. Нижняя же часть тела неистово дергалась, ноги отбивали дробь по полу. Епископ выглядел так, будто его разрубили мечом надвое. При этом туловище, отсоединенное от ног, как бы говорило: «То, что вы делаете, ко мне никакого отношения не имеет».

Кэрмоди прикрыл дверь и поспешил оказать столь необходимую епископу помощь.

Для посадки «Чайки» было выбрано место посередине единственного на Прорве континента, по размерам сравнимого с общей площадью Азии и Африки, целиком расположенного в северном полушарии.

— Лучшая посадка в моей жизни, — сказал Ту первому помощнику. — Я провел ее, как робот, — и пробормотал в сторону: — Может, я приберегу все свои навыки для этой, последней, посадки.

Кэрмоди не выходил из каюты епископа еще двадцать четыре часа. Сообщив доктору и капитану, что Андре отдыхает и не желает, чтобы его беспокоили, Кэрмоди поинтересовался, что нового случилось за последние сутки. Очевидно, все время, проведенное в каюте епископа, его снедало любопытство, и, выбравшись оттуда, он засыпал их вопросами.

Новостей было немного, хотя исследования проходили на обширной территории. Климат на планете напоминал западное побережье Северной Америки в мае. Растительная и животная жизнь развивалась здесь приблизительно так же, как на Земле, но, конечно, существовало множество отличий.

— Вот что странно, — произнес доктор Блейк. Он достал несколько тонких дисков — срезов стволов деревьев и показал их священнику. — Пит Мастерс срезал их с помощью своей пилы. Он искал наилучший сорт дерева для сооружения хижины — или, вернее сказать, усадьбы; у него свои грандиозные планы. Обратите внимание на форму среза и расстояние между кольцами. Совершенно правильная форма. И промежутки между кольцами тоже абсолютно одинаковы. Кроме того, никаких узлов или червоточин.

Пит указал на эти странности, и тогда мы повалили около сорока деревьев различных видов. Все эти признаки повторяются с завидным постоянством. Кроме того, число колец, а также фотостатическое определение возраста методом Мида показывают, что все деревья посажены в один год. Им всем по десять тысяч лет!

— Тут что ни скажи — все будет мало, — ответил Кэрмоди. — Равные промежутки между кольцами говорят о том, что времена года здесь следуют строго по расписанию, не бывает сезонов дождей и засух, лишь четкое чередование дождя и солнца. Но эти леса дики и неухожены. Как же объяснить отсутствие повреждений от паразитов? Может, их здесь просто нет.

— Понятия не имею. Кроме того, эти деревья просто ломаются от крупных и вкусных плодов. И все они выглядят как на выставке —

тщательно выведенные сорта, хотя мы до сих пор не обнаружили следов цивилизации.

Глаза Блейка блеснули, от возбуждения он размахивал руками.

— Мы позволили себе подстрелить нескольких животных для изучения. Я на скорую руку сделал вскрытие зебродобного существа, волка с продолговатой мордой цвета меди, желтой вороны с красным гребешком и похожего на кенгуру животного, хотя и не сумчатого. Даже столь быстрое исследование дало совершенно потрясающие результаты, хотя одну вещь мог обнаружить любой наблюдатель.

Он сделал паузу, затем выпалил:

— Все они самки. И анализ костей показал, что их возраст совпадает с возрастом деревьев — десять тысяч лет. — Брови отца Джо-на полезли на лоб от изумления. В этот момент они напоминали крылья птицы, хлопающей ими в изумлении. — Да, среди миллионов зверей, которых мы видели, не было ни одного самца. Ни одного! Все, все только самки.

Он взял Кэрмоди за руку и повел к лесу.

— Возраст скелетов десять тысяч лет. Но это еще не все. Эти кости не несут и намека на эволюцию. Кэрмоди, я знаю, вы любитель-палеонтолог, и должны понимать всю уникальность этого факта. На любой планете, где проводилось сравнение окаменелостей и современных скелетов, были обнаружены элементы, которые выродились из-за потери функций. Вспомните палец собаки, копыто лошади. Собака со временем потеряла большой палец на задних лапах, на передних же его размер сильно сократился. Малые берцовые кости лошадей первоначально оканчивались двумя пальцами. Копыто — один из них, который затвердел, потому что у древней лошади на него приходилась максимальная нагрузка. Но на ногах здешних зебр нет никакого раздвоения кости, а у волка и в помине нет пальцев, потерявших свою функцию. То же и с другими животными, которых я исследовал. Они функционально совершенны.

— Но ведь, — возразил Кэрмоди, — вы знаете, что на других планетах эволюция может не следовать земному пути. Кроме того, внешнее сходство между земными и инопланетными животными могло ввести вас в заблуждение. Даже похожие черты и у земных видов бывают обманчивы. Смотрите, как в изолированной от остального мира Австралии сумчатые похожи на млекопитающих: сумчатый волк, сумчатая мышь, сумчатый медведь — все они ведь совсем не в родстве с волком, мышью, медведем, обитающими на других континентах.

— Это мне известно, — произнес Блейк с тенью обиды. — Я же не дилетант. Существуют и другие факторы, повлиявшие на мои выводы. К сожалению, вы так много говорите, что у меня не было возможности рассказать о них.

Кэрмоди пришлось рассмеяться:

— Я? Много говорю? Я только вставил парочку слов. Но ничего. Прошу прощения за излишнюю болтливость. Так о каких факторах вы говорите?

— Ну так вот, несколько членов экипажа сходили на разведку и принесли сотни различных насекомых, и, естественно, у меня не было времени ни на что, кроме беглого осмотра. Ни одно из этих насекомых не было личинкой, в земном понимании этого слова, только взрослые особи. Когда я это заметил, я осознал еще одну вещь, которую мы все видели, но не обращали на нее внимания; может, потому, что увиденное нами и так уже слишком сильно потрясло нас, а может, потому, что не хотели присматриваться. Мы не видели молодняка среди зверей.

— Это меня озадачивает, даже немного пугает, — произнес Кэрмоди. — Кстати, вы можете отпустить мой локоть, я с охотой последую за вами и без этого. Но куда же мы идем?

— Мы уже пришли.

Блейк остановился перед деревом с красной корой, высотой сотни в две футов. Он указал на большое дупло в стволе, на высоте около двух футов над землей.

— Это отверстие — не повреждение, нанесенное каким-то животным. Это явно особенность строения ствола.

Он посветил фонариком в дупло. Кэрмоди сунул голову внутрь. Увиденное заставило его призадуматься.

— Там, должно быть, тонн десять какого-то желеобразного вещества, — произнес он. — И в нем груды костей.

— Куда бы вы ни пошли, всюду эти желейные деревья, как мы их теперь называем, — сообщил Блейк. — И в половине из них покоятся кости животных.

— Что они собой представляют? Разновидность венерианской мухоловки? — поинтересовался священник, непроизвольно отшатнувшись. — Нет-нет. Не может быть. Вы бы не позволили мне совать туда голову. Или это дерево, подобно многим, находит теологические предметы неудобоваримыми?

Блейк рассмеялся, но вскоре снова стал серьезным.

— Я не знаю, ни почему кости находятся в дереве, ни для чего служит желе, — сказал он. — Но я могу рассказать, как они оказываются там. Понимаете, во время полета с целью создания карты мы стали свидетелями охоты местных хищников. Увидев парочку таких созданий, мы обрадовались, что не пошли по земле, хотя у нас и были средства защиты. Один из них, размерами превосходящий бенгальского тигра, напоминал бы леопарда, если бы не большие круглые уши и пучки серой шерсти на лапах. Другой же — млекопитающее десяти футов росту с черной шерстью и головой медведя — был похож на тираннозавра. Оба они охотились на зебр, многочисленных антилоп и оленей. Можно было бы предположить, что охота на столь быстроногую добычу должна развить в хищниках проворность и ловкость, но это не так. Эти хищники — самые ленивые и неповоротливые плотоядные, которых я когда-либо видел. Когда они атакуют, они не подкрадываются, чтобы потом совершить молниеносный смертельный прыжок. Они нагло подходят к стаду, рычат несколько раз и ждут, пока большая часть стада разбежится,

затем выбирают одно из вялых животных, отказывающихся удирать, и убивают его. Те же, кого пощадили, все равно продолжают пастись. Они даже не испуганы видом того, как хищник пожирает их сестру. Нет, им лишь чуть-чуть не по себе.

Хотя это само по себе удивительно, продолжение поразит вас. Когда большой хищник насытится и убежит, собираются маленькие пожиратели падали — желтые вороны и пестрые лисицы. Кости начисто обгладываются. Но они не остаются белеть на солнце. Появляется черная обезьяна с мрачной физиономией, — мы называли ее гробовщик, — забирает кости и захпихивает их в ближайшее желейное дерево. Что вы на это скажете?

— Скажу, что, несмотря на теплый день, меня пробирает дрожь. Я... О, Его Преосвященство вышел из корабля. Извините.

Священник быстро пересек цветущую поляну, сжимая в руке черный футляр. Епископ, не дожидаясь его, вышел из тени, которую отбрасывал корабль. Хотя желтое солнце еще только поднялось из-за багровых гор на востоке, оно светило очень ярко. Казалось, епископа охватило пламя, когда лучи солнца коснулись его фигуры. Она как бы увеличилась, словно бог солнца передал ему часть своего великолепия. Иллюзия эта еще усиливалась из-за того, что епископ выглядел абсолютно здоровым. Лицо его сияло, и он быстро шел к группе людей, стоящих на опушке леса. Он расправил плечи, и грудь его вздымалась так, будто он хотел вдохнуть весь воздух этой планеты.

Кэрмоди, встретив его на полпути, произнес:

— Вы можете без опаски дышать этим превосходным воздухом, Ваше Преосвященство. Он действительно девственно свеж. Воздух, которым еще не дышал ни один человек.

Андре осмотрелся с медлительностью и величием льва, осматривающего новые охотничьи владения. Кэрмоди слабо улыбнулся. Хотя Андре был и так довольно видным мужчиной, в данный момент он слегка позировал, и только наметанный глаз Кэрмоди сразу различил это. Заметив ухмылку на лице у маленького священника, епископ нахмурился и поднял руки в знак протеста:

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете.

Кэрмоди склонил голову и уставился на траву у своих ног. То ли он сделал это, признавая справедливость упрека, то ли пряча другие эмоции. Так или иначе, епископ не видел его глаз. Затем, как бы осознав, что нехорошо скрывать свои мысли, он поднял голову и посмотрел епископу прямо в глаза. Его движения напоминали движения Андре; в них было достоинство, но не было красоты, ибо Кэрмоди нельзя было назвать красивым, не принимая в расчет неуловимой внутренней красоты, отличающей честных людей.

— Я надеюсь, вы сможете простить меня, Ваше Преосвященство. Но привычка — вторая натура. Зубоскальство так долго было неотъемлемой частью моей жизни, до того как я принял сан — на самом деле это было необходимо, чтобы выжить на Радости Данте, —

что срослось с моей нервной системой. Я пытаюсь избавиться от этой привычки, но иногда, как и любой человек, поддаюсь слабости.

— Мы должны стремиться стать более чем просто людьми, — ответил Андре, махнув рукой. Хорошо его знавший Кэрмоди понял, что тот хочет сменить тему. Это не был приказ, ибо Андре всегда был вежлив и терпелив. Его время не принадлежало ему; оно принадлежало всем страждущим. Если бы Кэрмоди продолжил развивать затронутую тему, он бы поддержал разговор. Но священник согласился с решением епископа.

Он протянул Андре тонкий футляр черного цвета шести футов длиной:

— Я подумал, что Ваше Преосвященство может захотеть положить рыбу. Может, это и правда, что Байлденвули известна на всю Галактику как лучшее место для рыбалки, но что-то говорит мне, что на Прорве мы найдем достаточно рыбы, чтобы разжечь азарт в наших сердцах, не говоря уже об аппетите в наших желудках. Вы бы не хотели попробовать? Это может развлечь Ваше Преосвященство.

Мягкая усмешка, появившаяся на лице Андре, медленно расплылась в широкую улыбку:

— Мне очень по душе ваша идея, Джон. Это лучшее, что вы могли предложить. — Он повернулся к Ту: — Как вам кажется, капитан?

— Я думаю, это будет безопасно. Мы разослали во все стороны патрульные вертолеты. Они засекали несколько крупных хищников, но поблизости их нет. Однако даже травоядные могут представлять опасность. Вспомните, и домашний бык может стать убийцей. Патрульные пытались разозлить самых крупных травоядных, но потерпели неудачу. Животные либо не обращали на них внимания, либо убегали прочь. Да, вы можете пойти порыбачить, хотя мне бы хотелось, чтобы озеро находилось поближе. Если хотите, вертолет может отвезти вас туда и забрать на обратном пути.

— Нет, спасибо, — ответил Андре. — Нельзя проникнуться духом планеты, летая над ней. Мы пойдем пешком.

Первый помощник капитана протянул им пистолеты:

— Возьмите, Преподобные. Это нечто новенькое. Ультразвуковое оружие. Выпускают луч ультразвука, который заставит запаниковать любое животное или человека. Ему захочется убраться ко всем чертям, простите за выражение, как можно быстрее.

— Прощаю. Но мы не можем принять их. По уставу ордена нам нельзя носить оружие.

— Я бы хотел, чтобы вы нарушили это правило, — возразил Ту. — Говорят, правила создаются, чтобы их нарушать; и хотя ни один капитан не согласится с этой пословицей, иногда стоит задуматься над ее смыслом.

— Вы не правы, — ответил епископ, пронзив взглядом Кэрмоди, который уже протянул руку за пистолетом.

Под его взглядом священник отдернул руку.

— Я лишь хотел осмотреть оружие, — произнес Кэрмоди. — Но я должен признаться, что никогда не задумывался над этим правилом. Правда, Джейрус обладал властью над дикими животными. Но, к сожалению, эта способность не передалась его последователям. Подумайте о том, что произошло на Джимденди лишь оттого, что Святой Виктор отказался взять ружье. Выстрели он тогда, было бы спасено более тысячи жизней.

Епископ закрыл глаза и прошептал, так тихо, что его мог слышать лишь Кэрмоди:

«И даже если я иду по темной дороге...»

В ответ Кэрмоди зашептал:

«Но и в ледяной тьме, где волосы на загривке встают дыбом от страха, меня согревает жгучий стыд...»

— Гм, говоря о стыде, Джон, вам всегда каким-то образом удается, осуждая себя, оставлять меня в дураках. Это талант, которым, возможно, должен обладать человек, чаще всего общающийся со мной, ибо он тем самым смиряет мою гордыню. С другой стороны...

Кэрмоди помахал футляром:

— С другой стороны, рыба может нас не дожидаться.

Андре кивнул и пошел к лесу. Ту что-то сказал пилоту, тот догнал Кэрмоди и передал ему кораблейскатель — компас со стрелкой, всегда указывающей на корабль. В благодарность Кэрмоди одарил его улыбкой, затем, расправив плечи, поспешил за быстро удаляющимся епископом. Футляр за его спиной походил на антенну. При этом он насвистывал старую мелодию — «Мой дружок». Несмотря на кажущуюся беззаботность, глаза его внимательно изучали окрестности. Не укрылось от его взгляда и то, что неподалеку в противоположном направлении скрылись, держась за руки, Пит и Кейт. Он успел остановиться как раз вовремя, чтобы не врезаться в епископа, который развернулся и, нахмутив брови, смотрел в сторону «Чайки». Сначала Кэрмоди показалось, что тот также заметил молодую парочку, но вскоре понял, что Андре заинтересовался миссис Рэккой и первым помощником Гивенсом. Они стояли в сторонке и что-то оживленно обсуждали, затем медленно пересекли лужайку, отделяющую их от громады корабля. Андре, не двигаясь, наблюдал, как эти двое вошли в корабль и через несколько минут вышли из него. На этот раз у миссис Рэкки в руках была дамская сумочка, достаточно большая, но не скрывающая очертания бутылки. Все еще болтая, пара обошла корабль и вскоре снова оказалась в пределах видимости священников, оставаясь недостижимой для взглядов капитана и команды.

— Должно быть, что-то в воздухе этой планеты... — пробормотал Кэрмоди.

— Что вы хотите этим сказать? — вымолвил епископ. Лицо его помрачнело, прищуренные глаза метали молнии.

— Если это второй рай, где лев и ягненок лежат рядом, то мужчина и женщина...

— Если Прорва свежа, чиста и невинна, — проворчал епископ; — таковой она надолго не останется. До тех пор, пока не переведутся люди, способные гадить в собственное гнездо.

— Ну что ж, а мы тем временем порыбачим.

— Кэрмоди, не шутите такими вещами! Мне кажется, что вы благословляете этих людей, вместо того чтобы предать их проклятию!

Усмешка сползла с лица маленького священника.

— Едва ли. Я их ни благословляю, ни проклинаю. Я не могу судить заранее, ибо не знаю, что они задумали. Правда, во мне слишком сильно стремление к земному, почерпнутое, возможно, у Рабле. Я не поощряю их. Дело в том, что я слишком хорошо понимаю...

Не ответив, епископ в бешенстве развернулся и быстро зашагал в направлении озера. Кэрмоди, слегка подавленный, следовал за ним по пятам, хотя места было достаточно, чтобы идти бок о бок. Зная характер Андре, он понимал, что в данный момент лучше не попадаться тому на глаза. Пока же оставалось изучать окрестности.

Из донесений патрулей было известно, что между горами на востоке и океаном на западе местность в основном одинакова; волнистая, иногда даже холмистая прерия, перемежающаяся с лесами, которые здесь более походили на парки, чем на дикие заросли. Сочная трава служила идеальным кормом для травоядных; множество деревьев напоминало деревья средних широт Земли; только изредка попадались густые заросли, которые вполне заслуживали названия «дикие». Озеро, к которому направлялись священники, находилось в центре таких «джунглей». Редко растущие дубы, сосны, кипарисы, буки, платаны и кедры уступали место островку железных деревьев. На самом деле они росли не так уж близко друг к другу; вид живой изгороди им придавали многочисленные лозы и лианы, переплетающие их ветви, и крошечные растения-паразиты, торчащие из всех трещин в стволах.

Под этим покровом из листьев было сумрачно, и лишь редкие косые лучи солнца проникали через него, сами напоминая наклонные колонны, отлитые из чистого золота. Лес был полон жизни. Мелькали и кричали пестрые птицы, по деревьям прыгали живущие в кроне животные. Некоторые из них походили на обезьян; когда они, прыгая с ветки на ветку, приближались, сходство становилось еще более удивительным. Было заметно, что они произошли не от древних приматов; должно быть, их предками были кошки, отравившие пальцы вместо когтей и передвигающиеся в полувертикальном положении. Спины у них были темно-коричневого цвета, мех на груди и животе имел серый оттенок, серые цепкие хвосты заканчивались золотистыми кисточками. Морды их потеряли вытянутую звериную форму, стали похожими на плоские лица человекообразных обезьян, хотя по обе стороны тонких губ топорщились типичные кошачьи усы. Зубы у них были длинные и острые, хотя питались они крупными ягодами, растущими на лозах, по форме напоминающими сливу. Зрачки глаз у этих обезьян расширились

при передвижении в темноте и превращались в узкие щелочки на свету. Они болтали друг с другом и вели себя как обычные обезьяны, не считая того, что казались намного чище.

— Может, их ближайшие родственники стали предками гуманоидов, — громко произнес Кэрмоди, отчасти потому, что имел привычку думать вслух, отчасти для того, чтобы узнать, не улучшилось ли настроение епископа.

— Что? — очнулся Андре, который также остановился и стал наблюдать за животными, которые отвечали ему столь же любопытными взорами. — Ах да, теория Необходимой Возможности Соколова. Каждый вид животного царства, известный нам на Земле, имеет возможность стать венцом эволюции — разумным существом, на какой-нибудь из планет Галактики. Лисо-люди на Кубее, летуны на Альберо IV, китообразные на Океаносе, моллюски на Бодлере, гингнгины на Где-То-Еще, так называемые жуки-ленивцы на Мюнхгаузене... я могу еще долго продолжать этот список. Почти на каждой планете земного типа мы обнаруживаем, что тот или иной вид не упустил шанса, данного ему Богом, и стал разумным. И все, за небольшим исключением, прошли через этап жизни на деревьях и лишь затем достигли высшего расцвета, став созданиями, похожими на человека.

— И все считают, что они созданы Богом по его образу и подобию, даже дельфиноиды с Океаноса и улитки с Бодлер, — добавил Кэрмоди. — Но хватит философствовать. Рыба есть рыба, на какой планете мы бы ни находились.

Они вышли из леса на берег озера. Перед ними расстилалась водная гладь около мили в ширину и двух миль в длину; на севере в нее впадал чистый ручей. Трава на берегу росла до самой кромки воды; при их приближении множество мелких лягушек попрыгали в воду. Кэрмоди достал две удочки и отключил реактивные механизмы, которые позволяли закидывать приманку на сколь угодно далекое расстояние.

— Это неспортивно, — сказал он. — Должны же мы дать этой инопланетной рыбешке хоть один шанс?

— Правильно, — улыбаясь, согласился епископ. — И если я ничего не поймаю своими собственными руками, то придется возвращаться с пустым садком.

— Кстати, о садке. Я его забыл, но, мне кажется, чтобы завернуть улов, вполне подойдут большие листья здешних лиан.

Через час они были вынуждены остановиться: за их спинами уже набралась порядочная куча крупных рыб. Мелочь они отпустили обратно в воду. Андре поймал самую большую — огромную форель, весом около тридцати фунтов. Для того чтобы вытащить ее на берег, ему понадобилось двадцать минут. После этого, обливаясь потом и тяжело дыша, но светясь от радости, он заявил:

— Что-то мне жарко. Как насчет купания, Джон?

Кэрмоди, которого тронуло обращение к нему по имени, улыбнулся и крикнул:

— Кто последний, тот эфиоп!

Через минуту оба разделись и одновременно прыгнули в прозрачную холодную воду. Когда они вынырнули, Кэрмоди, отфыркиваясь, произнес:

— Похоже, мы оба эфиопы, но вы выиграли, ибо я не так соерженен, как вы. Или из этого следует, что выиграл я?

Андре весело рассмеялся, затем быстрым кролем поплыл через озеро. Кэрмоди даже не пытался догнать его, лег на спину и закрыл глаза. Через некоторое время он поднял голову, чтобы узнать, как идут дела у епископа, но вскоре опять лег на спину, убедившись, что с Андре все в порядке. Тот доплыл до противоположного берега и уже возвращался, плывя медленно и без особых усилий. Вернувшись и немного отдохнув на берегу, он попросил:

— Джон, не можете ли вы вылезти из воды и засечь, сколько я буду под водой? Хочу узнать, сохраняю ли я форму. Здесь около семи футов, не очень глубоко.

Кэрмоди выбрался на траву, взял часы и подал сигнал. Андре нырнул. Вынырнув, он тут же поплыл к берегу.

— Ну и как? — спросил он, вылезая из воды. Капли на его великопленном теле отсвечивали золотом в лучах послеполуденного солнца.

— Четыре минуты и три секунды, — ответил Кэрмоди. — На срок секунд хуже вашего личного рекорда, но, держу пари, лучше, чем у любого другого человека в Галактике. Вы все еще чемпион, Ваше Преосвященство.

Андре кивнул, слегка улынувшись:

— Двадцать лет прошло с тех пор, когда я поставил этот рекорд. Мне кажется, что, если я буду регулярно тренироваться, я смогу повторить и даже улучшить результат. С тех пор я узнал многое о контроле над телом и разумом. Ведь раньше я не мог полностью свыкнуться с давлением и мраком, окружающими тебя под водой. Мне это нравилось, но удовольствие было смешано со страхом. Это чувство сравнимо лишь с тем, которое испытываешь по отношению к Богу. Может быть, я даже слишком сближал их, как сказал мне один из моих прихожан. Мне кажется, он имел в виду, что я уделяю слишком много внимания вещам, которые должны быть лишь развлечением в редкие свободные минуты.

Он, конечно, был прав, хотя тогда его замечание меня обидело. Он не мог знать, какой это был вызов: нырнуть и плыть под водой в одиночестве. Держаться на одном уровне, будто покоиться в руках Великой Матери, хотя, может быть, эти руки сжимали меня слишком сильно. Мне приходилось бороться с потребностью немедленно вынырнуть из воды за глотком свежего воздуха, но я гордился тем, что поборол страх. Я всегда был в опасности, но эта опасность приводила меня на грань какого-то очень важного для меня открытия — какого именно, я так никогда и не узнал. Но мне всегда казалось, что, проведи я под водой достаточно долго, побори я страх перед мраком и потерей сознания, я бы открыл этот секрет.

Странные мысли, не правда ли? Именно они привели меня к изучению нео-йоги, которая давала возможность человеку приостановить всякую жизнедеятельность, возможность умереть, живя. На Ганди был один человек, который мог прожить три недели зарытым в землю, хотя я никак не решу для себя, мошенничал он или нет. В любом случае он помог мне. Он учил меня, что если мне удастся умереть здесь, — и Андре показал на левую часть груди, — затем здесь, — он коснулся своих чресел, — то я достигну покоя. Я должен стать эмбрионом, плавающим в амниотическом пузыре, живущим, но не нуждающимся в дыхании, не нуждающимся в кислороде, за исключением того, что дает тебе твое окружение. Абсурдная теория, если смотреть с научной точки зрения, хотя в некоторой степени она работает. В это трудно поверить, но теперь мне приходится заставлять себя всплывать: в глубине так тихо, безопасно и тепло, даже в том случае, когда вода очень холодная, как в этом озере.

Говоря это, он вытирался своей манишкой, повернувшись спиной к Кэрмоди. Священник знал, что Андре стесняется его. Сам он, хотя и понимал, что его тело выглядит безобразным и гротескным рядом с хорошо сложенным епископом, был совсем не стеснительным. Так же, как и многие люди его времени, он рос в мире, где нагота на пляже и у себя дома принималась обществом как должное, а в некоторых местах даже была обязательна. Андре, рожденному в семье священника, было дано весьма строгое воспитание. Его благочестивые родители настаивали на том, чтобы он следовал старым традициям, даже если это означало стать мишенью для насмешек.

Об этом он и заговорил, будто прочитав мысли Кэрмоди:

— Я послушался отца всего лишь раз в жизни. Мне тогда было десять лет. По соседству с нами в основном жили агностики и почитатели Храма Мирового Света. Но у меня было несколько приятелей из местных сорванцов, и однажды они все-таки уговорили меня пойти купаться голышом. Конечно же, мой отец поймал меня; казалось, у него есть инстинкт, сообщающий ему, если кому-то из его семьи грозит опасность впасть в грех. Тогда он устроил мне порку, запомнившуюся на всю жизнь, упокой, Господи, его душу, — добавил он, не сознавая иронии, промелькнувшей в этих словах — «Кнут не мука, а вперед наука» — была его любимая поговорка, хотя ему пришлось высечь меня только раз в жизни. Или, вернее сказать, дважды, так как я вырвался от него, когда он начал пороть меня перед приятелями, нырнул в воду и находился там довольно долго, пытаюсь испугать отца тем, что я утопился. В конце концов мне пришлось вынырнуть и вылезти на берег, где отец продолжил наказание. Во второй раз он бил не сильнее, чем в первый. Он ведь не хотел меня убивать, хотя был недалеко от этого. Если бы современная наука не умела убирать шрамы, у меня до сих пор были бы исполосованы спина и ноги. Однако все рубцы остались здесь, — и он положил руку на сердце.

Епископ вытерся и поднял свои кюлоты.

— Это случилось тридцать пять лет назад и за сотни световых лет отсюда, но я продолжаю утверждать, что наказание принесло мне огромную пользу. — Он взглянул на безоблачное небо, обвел взглядом лес, вдохнул полную грудь воздуха и произнес: — Это чудесная, нетронутая планета, свидетельство Божьей любви к Его созданиям, Его великодушия — он заселил ими всю Вселенную, словно это была его обязанность! Здесь я чувствую, что есть Господь на небесах и мир совсем недалек от совершенства. Симметрия и изобилие плодов на деревьях, чистый воздух и вода, бесконечное разнообразие птичьих трелей, яркие цвета...

Он остановился, ибо внезапно ощутил то, что Кэрмоди заметил еще минуту назад. Не было слышно шумного, но мелодичного щебетания птиц, куда-то подевались обезьяны. Все затихло. Словно толстое одеяло мха, тишина повисла над лесом.

— Что-то напугало этих животных, — прошептал Кэрмоди. Он поежился, хотя заходящее солнце давало еще достаточно тепла, и огляделся. Рядом с ними, на длинной ветви, нависающей над озером, уселось несколько обезьян, появившихся неизвестно откуда. Все они были покрыты серым мехом, лишь на груди у каждой обезьяны было белое пятно в форме креста. На головах у них была довольно густая шерсть, спадавшая на лоб, образуя подобие монашеского капюшона. Лапы они держали у глаз в положении «не-вижу-зла». Но даже через пальцы было заметно, как блестели их глаза, и Кэрмоди, несмотря на беспокойство, охватившее его, улыбнулся и прошептал:

— Подглядывать нечестно.

Из леса донесся громкий кашель; монахи, как Кэрмоди окрестил обезьян, будто в страхе жались все ближе друг к другу.

— Что это может быть? — спросил епископ.

— Должно быть, большой зверь. Я слышал, как кашляют львы: очень похоже на этот звук.

Внезапно Андре протянул руку и своей огромной пятерней крепко сжал пухлую ладонь Кэрмоди.

Встревоженный видом епископа, Кэрмоди спросил:

— Что, начинается приступ?

Андре покачал головой. Глаза его остекленели.

— Нет. Забавно, но на секунду меня посетило то же чувство, как и тогда, когда меня поймал отец, — он отпустил руку Кэрмоди и глубоко вздохнул. — Со мной все в порядке.

Он поднял кюлоты и собрался надеть их. В этот момент Кэрмоди ахнул. Андре резко поднял голову и вскрикнул. Что-то белое вырисовывалось в тени деревьев, двигаясь медленно, но уверенно — причина и фокус той тишины, которая охватила весь лес. Затем прищелец стал казаться более темным, вступив в полосу солнечного света, и на секунду замер там, но не для того, чтобы привыкнуть к ослепительному сиянию, а чтобы глаза наблюдателей привыкли к его виду. Он был восьми футов росту и очень походил на человека,

двигался он с таким достоинством и величием, что, казалось, земля почтительно расстилается перед ним. Это был обнаженный, очень крупный мужчина с длинной бородой. Глаза его, как у внезапно ожившей гранитной статуи бога, были настолько ужасны, что в их страшно было взглянуть.

Он заговорил. Теперь они знали происхождение кашля, порожденного в легких, глубоких, как колодец оракула. Голос его походил на рычание льва; он заставил двух пигмеев вновь схватиться за руки с чувством, будто их мышцы отказываются повиноваться. Они даже не задумались, почему он говорит на их родном языке.

— Приветствую вас, дети мои! — прогрохотал он.

Они склонили головы:

— Отец.

За час до заката Андре и Кэрмоди выбежали из леса. Они торопились, так как даже за милю от корабля был слышен страшный шум. Кричали мужчины, вопила женщина, громко рычал какой-то зверь. Они успели как раз вовремя, чтобы увидеть конец драмы. Два огромных зверя, двуногие создания с тяжелыми хвостами и мордами, похожими на медвежьи, преследовали Кейт Леджин и Пита Мастерса. Кейт и Пит неслись, держась за руки, он тащил ее так быстро, что, казалось, на каждом шагу она взлетает в воздух. В другой руке он сжимал энергопилу. У них не оказалось акустического пистолета, чтобы защитить себя, хотя капитан Ту приказал всем носить с собой оружие. Мгновение спустя стало понятно, что ультразвук был бы абсолютно бесполезен — несколько человек из команды разрядили свои пистолеты в хищников. Не обращая никакого внимания на ультразвук, монстры нагнали парочку посреди лужайки.

Несмотря на то что были безоружными, Андре и Кэрмоди кинулись туда, сжав кулаки. Пит умудрился извернуться в лапах зверя и полоснуть его по морде острым краем пилы. Кейт пронзительно вскрикнула, затем потеряла сознание. В следующий момент оба они лежали на траве: звери их бросили и не спеша направились в глубь леса. Было совершенно очевидно, что ни ультразвук, ни священники их не испугали. Они прошли через выпускаемые пистолетами лучи ультразвука, не обращая на них никакого внимания, и если даже те хоть как-то повлияли на их нервную систему, то вида они не показали.

Кэрмоди взглянул на девушку и крикнул:

— Доктора Блейка! Позовите доктора Блейка!

Доктор Блейк появился, словно джинн из бутылки, как только упомянули его имя. В руках он держал маленький черный саквояж. Он тут же послал за носилками; стонавшую Кейт перенесли в медицинский отсек. Взбешенный Пит следовал за ней, пока Блейк не выгнал его из комнаты.

— Сейчас я возьму ружье и перестреляю этих тварей. Я выслежу их, даже если на это уйдет неделя. Или год! Я расставляю ловушки и...

Кэрмоди силой вывел юношу из каюты и заставил сесть. Трясущимися руками он зажег две сигареты.

— Убийство этих тварей тебе ничего не даст, — произнес он. — Они снова оживут через несколько дней. Кроме того, это лишь животные, подчиняющиеся командам хозяина.

Закурив, он закрыл электрозажигалку и спрятал ее в карман.

— Я так же потрясен, как и ты. События разворачиваются слишком невероятным образом и так быстро, что моя нервная система не в состоянии все это усвоить. Но на твоем месте я бы не беспокоился о Кейт. Я знаю, выглядит она не наилучшим образом, но я уверен, что она поправится в ближайшее время.

— Вы слепой оптимистичный осел! — выкрикнул Пит. — Вы ведь видели, что с ней произошло!

— Она страдает скорее от нервного шока, чем от физиологических последствий выкидыша, — спокойно ответил Кэрмоди. — Держу пари, через минуту, когда Блейк даст ей успокоительное, она выйдет оттуда такая же здоровая, какой была сегодня утром. Я уверен в этом. Понимаешь ли, сын мой, у меня был разговор с существом, которое не есть Бог, но которое является ближайшим эквивалентом.

— Что? — У Пита отвисла челюсть. — О чем это вы?

— Я знаю, это звучит абсурдно, но я повстречал владельца Прорвы. Вернее, он говорил со мной, и то, что он показал нам с епископом, по меньшей мере сногшибательно. Нам необходимо о многом поведать тебе и всем остальным. Сейчас я могу лишь рассказать тебе о его могуществе. Он может почти все: от таких приятных мелочей, как лечение зубной боли одним прикосновением руки, до оживления костей, облакая их в новую плоть. Я видел, как мертвые животные оживали и убегали, хотя скорее всего для того, чтобы вновь быть съеденными. — Нахмурившись, он добавил: — Нам с епископом было позволено самим испытать — или, вернее, совершить? — воскрешение. Ощущение, вполне поддающееся описанию, но сейчас лучше о нем промолчать.

Пит поднялся, сжимая кулаки, и раздавил сигарету.

— Вы сошли с ума.

— Лучше бы это действительно было так; в этом случае я бы избавился от ужасной ответственности. Если бы за мной был выбор, я бы предпочел стать неизлечимо безумным. Но мне не удастся так легко отделаться.

Внезапно спокойствие улетучилось с лица отца Джона; казалось, что он недалеко от того чтобы потерять самообладание. Ошеломленный Пит смотрел, как он закрыл лицо руками. Вдруг священник резко выпрямился, и перед миром опять предстало длинноносое круглое улыбающееся лицо Кэрмоди.

— К счастью, последнее слово не за мной, а за Его Преосвященством. И хотя это несколько трусливо — перекладывать свою ношу на плечи других — я должен признать, что рад. В этом случае он

главный, и хотя власть приносит славу, у нее есть свои тяготы и печали. Не хотел бы я оказаться на месте епископа в данный момент.

Но Пит уже не слушал священника. Он уставился на открывающуюся дверь медицинского отсека. Оттуда вышла Кейт, немного бледная, но твердо стоящая на ногах. Пит подбежал к ней, и они заключили друг друга в объятия; затем девушка заплакала.

— С тобой все в порядке, дорогая? — заботливо повторял Пит снова и снова.

— Да, я чувствую себя прекрасно, — ответила она, все еще плача. — Не понимаю почему, но это правда. Я абсолютно здорова. Как будто кто-то провел надо мной рукой, и сила перешла ко мне из этой руки, и я выздоровела.

Блейк, появившийся за ее спиной, кивнул в знак согласия.

— Ах, Пит, — всхлипнула она. — Со мной все в порядке, но я потеряла ребенка! Это потому, что мы украли деньги у папы. Это наказание. Убегать из дома и так нехорошо, хотя мы были вынуждены так поступить во имя нашей любви. Но мы не должны были брать эти деньги!

— Тише, дорогая, ты слишком много болтаешь. Пойдем к себе в каюту; там ты сможешь отдохнуть.

Вызывающе взглянув на Кэрмоди, он повел Кейт по коридору.

— Ах, Пит, — причитала она, — все из-за тех денег, и вот мы на планете, где от них нет никакого толка. Лишнее бремя.

— Ты слишком много болтаешь, детка, — повторил он. Нежность в его голосе сменилась резкостью. Они исчезли за поворотом коридора. Кэрмоди ничего не сказал. Опустив глаза, он прошел в свою каюту и закрыл дверь.

Спустя полчаса он вышел оттуда и отправился разыскивать капитана. Узнав, что Ту снаружи, он вышел из «Чайки» и увидел группу людей, стоящих на другом конце поляны. Центром их внимания были миссис Рэкка и первый помощник.

— ...Мы сидели под одним из больших железных деревьев, по очереди прикладываясь к бутылке и болтая о всяких пустяках, — рассказывал Гивенс. — В основном о том, что будет, если мы застрянем здесь до конца жизни.

Кто-то хихикнул, Гивенс покраснел, но продолжил:

— Неожиданно миссис Рэкке и мне стало очень плохо. Нас сильно вырвало и бросило в холодный пот. К тому времени когда наши желудки опустели, мы подумали, что виски было отравлено. Нам показалось, что мы умрем в этом лесу, возможно, нас так и не обнаружат, так как дело происходило довольно далеко от корабля в весьма уединенном месте.

Но слабость покинула нас так же внезапно, как и пришла. Мы чувствовали себя счастливыми и здоровыми. Единственное, что изменилось, так это то, что и миссис Рэкка, и я были абсолютно уверены в том, что больше не возьмем в рот ни капли виски.

— И любого другого алкогольного напитка, — добавила миссис Рэкка, содрогаясь.

Те, кто был осведомлен о ее слабости, с любопытством уставились на нее. В глазах некоторых читалось сомнение. Кэрмоди хлопал капитана по плечу и отвел в сторону.

— Работают ли сейчас радио и электроника? — спросил он.

— Они вновь заработали незадолго до того, как вы появились. Но транслятор до сих пор не подает признаков жизни. Я беспокоился за вас, так как не мог с вами связаться по рации. Я думал, что либо вас убил дикий зверь, либо вы утонули в озере. Я снарядил поисковую экспедицию, но не успели мы пройти и полмили, как стрелки наших кораблеискателей словно взбесились. Мы вернулись. Я не хотел затеряться в лесах, так как моя главная обязанность — забота о корабле. И я не мог послать вертолет, так как вся техника просто отказывалась работать, в том числе и вертолеты. Хотя теперь они снова работают. Что вы на это скажете?

— Я знаю, кто делает это. И зачем.

— Ради Бога, кто это?

— Я не знаю, ради Бога или ради дьявола... — Кэрмоди посмотрел на часы. — Идите за мной. Вы должны кое-кого увидеть.

— Куда мы идем?

— Просто следуйте за мной, и все. Он хочет поговорить с вами, так как вы — капитан «Чайки», и вы тоже должны решать. Кроме того, я хочу, чтобы вы знали, с чем мы встретились.

— Кто это — он? Абориген Прорвы?

— Не совсем так, но он живет здесь дольше, чем любое из существ этой планеты.

Ту поправил фуражку и стряхнул пылинки с мундира. Он шагал через заросли, словно деревья были солдатами на параде, а он инспектировал их.

— Если он пробыл здесь больше чем десять тысяч лет, — проговорил капитан, произвольно выделяя личное местоимение, как и Кэрмоди, — значит, он прибыл сюда задолго до того, как появился английский язык, не говоря уже о его преемнике — линго. В то время по-арийски говорило лишь одно племя дикарей в Европе. Как же мы будем с ним говорить? Телепатически?

— Нет. Он научился линго у человека, выжившего при аварии «Хойла», единственного корабля, которому он позволил приземлиться.

— И где же этот парень? — поинтересовался Ту, с раздражением бросая взгляд на завывающих обезьян, сидящих на ветке над ними.

— Не мужчина, а женщина, врач. Через год после аварии она покончила жизнь самоубийством. Соорудила огромный погребальный костер и сожгла себя. От нее осталась лишь кучка пепла.

— Почему?

— Мне кажется, что это был единственный способ избежать его власти. В противном случае он мог бы поместить ее кости в железное дерево и оживить ее.

Ту остановился:

— Мой мозг понимает ваши слова, но разум отказывается им верить. Зачем ей было убивать себя, если перед ней была, по вашим словам, вечная жизнь или, по крайней мере, ее подобие?

— Он — Отец — говорит, что она не могла вынести мысли, что навсегда останется на Прорве в компании одного человека — или гуманоида. И я понимаю, что она имела в виду. Это все равно что жить на планете, где разговаривать можно только с Богом. Ее комплекс неполноценности и одиночество одержали верх.

Внезапно Кэрмоди остановился и погрузился в собственные раздумья, склонив набок голову и полуприкрыв левый глаз.

— Гм, это странно. Он сказал, что у нас может быть та же власть, что мы можем стать подобны ему. Почему же он не научил ее? Может, не хотел делиться властью? Над этим надо подумать. Ведь он не предлагает делить владения, но лишь ищет замену. Гм. Все или ничего. Или он, или... или что?

— Что за чушь вы несете? — раздраженно гаркнул Ту.

— Может быть, вы и правы, — задумчиво заметил Кэрмоди. — Вот железное дерево. Я надеюсь, вы не против того, чтобы заглянуть внутрь. Правда, он запретил нам, как посетителям Прорвы, проявлять любопытство; правда, эта планета может оказаться вторым Эдемом и я, как истинный сын Адама, аминь, заново переживу изгнание из рая огненным мечом. Не исключено, что в меня попадет молния за святотатство по отношению к местному божеству. Тем не менее я думаю, что, если мы покопаемся в этом дупле, выгода будет больше, чем прибыль у дантиста с одного «дупла». Что скажете, капитан? Ведь последствия могут оказаться плачевными.

— Если вы имеете в виду, что я трушу, то могли бы и помолчать, — проворчал Ту. — Я никогда не позволю себе быть малодушнее священника. Вперед. Я поддерживаю вас в чем угодно.

— Ах, — вскричал Кэрмоди, решительно направляясь к красному дереву, — вы ведь еще не встречались с Отцом Прорвы. Дело не в том, чтобы поддерживать меня, вы мало что сможете сделать, если нас накроют. От вас мне нужна моральная поддержка; стыд перед вами не позволит мне бежать как кролику, если он поймает меня на месте преступления.

Одной рукой священник достал из кармана пузырек, а в другую взял фонарик, посветив им в темное дупло. Капитан заглядывал туда через его плечо.

— Оно трепещет, как живое, — тихо произнес капитан.

— А также тихонько жужжит. Если прикоснуться рукой к его поверхности, можно ощутить вибрацию.

— А что это белеет там, внутри? Кости?

— Да, заметьте, дупло очень глубокое. Должно быть, уходит под землю. Видите темный силуэт в углу? По-моему, какая-то антилопа. Мне кажется, что плоть как бы наращивается слоями, начиная с костей; наружный слой мускулов и шкура еще не восстановлены.

Священник наполнил пузырек желе и положил его обратно в карман. Не отходя от дулла, он продолжал водить лучом фонарика по поверхности желе.

— Это вещество заставляет сходить с ума счетчики Гейгера. Кроме того, оно излучает электромагнитные волны. Я думаю, волны от желе заглушили все наши передатчики, вывели из строя оружие и сыграли злую шутку с кораблеискателями. Да вы только посмотрите сюда! Видите, тело покрылось сетью белых нитей. Разве они не напоминают нервы?

Прежде чем Кэрмоди успел его остановить, капитан наклонился и зачерпнул пригоршню трепещущего желе.

— А знаете, где-то я это уже видел. Это вещество напоминает мне белковые транзисторы, используемые в трансляторе.

Кэрмоди нахмурился:

— Ведь они единственная органическая часть транслятора? Мне кажется, я где-то читал, что без этих транзисторов транслятор будет не в состоянии вывести корабль в гиперпространство.

— Механические транзисторы тоже способны на это, — поправил его Ту, — но они заняли бы столько же места, сколько и сам корабль. Белковые же транзисторы требуют куда меньше места: все транзисторы «Чайки» запросто может поднять один человек. На самом деле эта часть транслятора не только ряд транзисторов, но и банк памяти: в его функции входит «помнить» нормальное пространство. Оно должно сохранять представление о нормальном, так сказать, «горизонтальном» пространстве, чтобы отличить его от «перпендикулярного» гиперпространства. В то время как одна часть транслятора, как говорится, «перекидывает» нас, протеиновая память определяет структуру нормального пространства в точке назначения с точностью до электрона. Смахивает на магию, не правда ли? Создается изображение, и вскоре вы уже перелетаете из реальности в картинку.

— И что же произошло с банком памяти?

— Ничего, что удалось бы обнаружить: приборы говорят, что он работает нормально.

— Может, сигналы не проходят. Инженер проверял сигналы записи или лишь снял показания со всего банка в целом? Весь банк может быть в порядке, хотя передача информации перекрыта.

— Это уже хозяйство инженера. Я и не подумал бы лезть в его сферу, как и он не полез бы в мою.

Кэрмоди встал:

— Я бы хотел поговорить с инженером. У меня есть своя дилетантская теория. Как и все любители, я могу оказаться слишком смел в своих предположениях по причине незнания. Если не возражаете, я сейчас не стану углубляться в детали. Особенно здесь, где и у леса могут быть уши...

Хотя капитан не открывал рта, Кэрмоди приложил палец к губам. Кругом царила именно та тишина, к которой он призывал. В лесу все затихло, был слышен лишь шелест листьев на ветру.

— Он где-то здесь, — прошептал Кэрмоди. — Бросьте желе обратно в дупло, и поскорее пошли отсюда.

Ту поднял руку, чтобы выбросить желе. В этот момент поблизости послышался выстрел. Оба собеседника так и подпрыгнули.

— Боже, что за идиот там стреляет? — крикнул Ту. Он сказал что-то еще, но его голос потонул в поднявшемся гвалте — криках птиц, завываниях обезьян, мычании, ржании, реве тысяч других животных. Затем, так же внезапно, как началось, будто по сигналу, все стихло. Тишина повисла над лесом. Потом раздался крик. Крик человека.

— Это Мастерс, — простонал Кэрмоди.

Послышался рев, словно зарычал какой-то большой зверь. Одно из леопардоподобных созданий с круглыми ушами и серым мехом на лапах вылезло из кустов. В зубах оно несло обмякшее тело Пита Мастерса с той же легкостью, с какой кошка держит мышь. Не обращая внимания на двух человек, оно пробежало мимо них к подножию огромного дуба, где положило Мастерса к ногам появившегося из чащи существа.

Отец стоял без движения, словно превратившись в камень, одной рукой, лишенной ногтей, поглаживая огненно-рыжую бороду, глубоко посаженные глаза рассматривали тело, лежащее на траве. Отец оставался неподвижным до тех пор, пока Пит, выйдя из оцепенения не стал корчиться от боли и не попросил пощады. Лишь тогда он нагнулся и коснулся затылка юноши. Тот вскочил на ноги и, держась за голову и вопя, скрылся между деревьев. Леопард лежал не шевелясь, лишь медленно моргая, что делало его похожим на толстую и ленивую домашнюю кошку.

Отец что-то сказал зверю. Когда он спокойно зашагал в глубь леса, огромная кошка перевела свой взгляд на двух людей. Ни один из них не решился проверить, насколько хорошо она справляется с ролью сторожа.

Отец остановился под деревом, густо оплетенном лозами, с которых свисали тяжелые плоды, напоминающие белые гладкие кокосы. Хотя нижний из них находился на высоте около двенадцати футов, существу не представило труда достать плод и сжать в ладони. Тот раскололся с громким треском, из раздавленной скорлупы брызнула вода. Ту и Кэрмоди побледнели; капитан пробормотал:

— Я бы предпочел схватиться с этой большой кошкой, чем с ним.

Гигант развернулся, моя руки водой, и направился к ним.

— Ты хочешь так же сокрушать кокосы одной рукой, капитан? — прогрохотал он. — Это мелочи. Я покажу тебе, как это делается. Я могу с корнем вырвать этот бук, я могу сказать слово Зеде, и она будет следовать за мной по пятам, как собака. Это мелочи. Я могу дать тебе силу. Я слышу твой шепот за сто ярдов, как ты уже догадался. И я могу догнать тебя за десять секунд, даже если ты побежишь, когда я буду сидеть. Это мелочи. Я могу мгновенно

определить, где находится каждая из моих дочерей, в каком она состоянии или когда она умерла. Это мелочи. Ты сможешь делать все это, если станешь таким же, как и священник, стоящий рядом. Ты даже сможешь оживлять мертвых, если у тебя хватит мужества уподобиться отцу Джону. Я могу взять тебя за руку и показать, как снова вдохнуть жизнь в мертвое тело, хотя мне не очень хочется прикасаться к тебе.

— Ради Бога, откажитесь, — выдохнул Кэрмоди. — Достаточно того, что мы с епископом подвергаемся этому соблазну.

Отец рассмеялся. Ту схватил Кэрмоди за руку. Он не смог бы ответить гиганту, даже если бы хотел. Подобно рыбе, вытащенной на берег, он открывал и закрывал рот, глаза его почти вылезли из орбит.

— Что-то в его голосе заставляет все внутри перевернуться, а колени дрожать, — сказал священник и замолчал. Отец возвышался над ними, вытирая руки о бороду. Все тело его, исключая великолепную растительность на лице и копну кудрей на голове, было лишено волос. Светло-красная безупречная кожа его позволяла различить под ее тонким покровом свободный ток крови по сосудам. Орлиный нос был начисто лишен перегородки, но единственная ноздря напоминала стрельчатую готическую арку. Во рту сверкали красные зубы; на секунду показался язык, покрытый синими венами; затем темно-красные губы сомкнулись. Все это было странно, но не настолько, чтобы космические странники почувствовали себя не в своей тарелке. Их ошеломяли голос и глаза, гром, заставляющий трестись поджилки, и черные глаза, испещренные серебряными жилками. Камень, превратившийся в живую плоть.

— Не беспокойся, Кэрмоди, я не покажу капитану, как оживать мертвых. В любом случае на это окажетесь способны лишь вы с Андре. Это не будет доступно никому из экипажа, я наблюдал за ними и так решил. Но мне нужен ты, Ту. Я расскажу тебе зачем, и после этого ты поймешь, что у тебя нет другого выбора. Я воспользуюсь убеждением, а не силой. Я ненавижу насилие, и моя природа восстает против него. Если только применения силы не потребует ситуация.

И Отец стал говорить. Замолчал он лишь через час. Не дожидаясь, пока кто-нибудь из них вымолвит слово, даже будь они в силах говорить, он повернулся и зашагал прочь; леопард почтительно бежал следом. Лес вновь ожил, наполнился обычным шумом. Оба слушателя, будто очнувшись от чар, молча поплелись к кораблю. На опушке леса Кэрмоди произнес:

— У нас нет выбора. Придется созывать Судилище ордена Святого Джейруса. К счастью, вы годитесь на роль Арбитра, которым должен быть мирянин. Я спрошу у епископа, и уверен, что он согласится, так как это последнее, что мы еще в силах сделать. Мы не можем связаться с руководством ордена и передать вопрос на его рассмотрение. Вся ответственность ложится на нас.

— Это тяжкое бремя, — согласился капитан.

На корабле им сообщили, что епископ несколько минут назад пошел прогуляться в лес. Рация работала, но Андре не отзывался. Встревоженные Ту и Кэрмоди решили отправиться на поиски. Они шли по дороге к озеру; по пути капитан опрашивал команды вертолетов, патрулирующих окрестности. От них стало известно, что епископа не было на берегу озера, но Кэрмоди был уверен, что Андре скорее всего идет именно туда, или, может быть, просто где-нибудь медитирует.

Отойдя приблизительно на милю от «Чайки», они увидели епископа, лежащего под необыкновенно высоким железным деревом. Ту внезапно остановился:

— У него приступ, отец Кэрмоди.

Кэрмоди развернулся и сел на траву, спиной к епископу. Он было зажег сигарету, но тут же потушил ее, втоптав каблуком в землю.

— Совсем забыл, он не хочет, чтобы мы курили в лесу. Нет, не из-за боязни пожара. Ему просто не нравится запах табака.

Ту стоял рядом со священником, не в силах оторвать взгляд от корчившейся под деревом фигуры.

— Разве вы не собираетесь помочь ему? Он может откусить себе язык или вывихнуть сустав.

Кэрмоди сгорбил плечи и покачал головой:

— Вы забываете, что он вылечил все наши болезни, чтобы продемонстрировать свое могущество. Мои гнилые зубы, алкоголизм миссис Рэкки, недуги Его Преосвященства.

— Но ведь...

— Его Преосвященство вошел в состояние так называемого приступа добровольно, так что его языку и суставам ничего не грозит. Если бы это был настоящий приступ, я бы знал, что делать. А пока поступите, как требуют приличия, — отвернитесь. Мне это зрелище было неприятно, когда я увидел его в первый раз, и противно до сих пор.

— Возможно, вы не считаете нужным оказывать помощь, но я, черт возьми, попытаюсь сделать это, — проговорил Ту. Он шагнул к епископу, но вдруг остановился, со свистом втягивая воздух.

Кэрмоди оглянулся, затем встал:

— Все в порядке. Не беспокойтесь.

Тело епископа последний раз содрогнулось, с огромной силой выгнулось, образовав дугу. В это же мгновение он издал громкий вопль, полный муки. Выпрямившись, он так и остался лежать без движения.

Но не на Андре теперь смотрел Ту, а на дупло железного дерева за его спиной. Из него выползала огромная белая змея с черными треугольниками на спине. Голова ее была размером с арбуз, глаза отсвечивали изумрудно-зеленым, с чешуек тонкими нитями стекало желе.

— О Боже, — прошептал Ту, — скоро ли она кончится? Она все выползает и выползает. Да в ней уже сорок, а то и пятьдесят футов.

Рука его потянулась к карману, где лежал пистолет. Кэрмоди остановил его, покачав головой:

— Эта змея не причинит вреда. Наоборот, насколько я понимаю этих животных, она смутно осознает, что только что была оживлена, и испытывает нечто, похожее на благодарность. Может быть, он дал им знание того, что он возвращает их к жизни, чтобы греться в лучах поклонения. Но, естественно, он не вынес бы того, что сейчас делает это существо. Он, как вы уже могли заметить, не выносит прикосновения своего возрожденного потомства. Вы ведь видели, что он, прикоснувшись к Мастерсу, затем помыл руки «кокосовой» водой. Единственные вещи, к которым он прикасается без отвращения, — цветы и деревья.

Змея приблизила голову к голове епископа; раздвоенным языком она коснулась его лица. Андре застонал и открыл глаза. Увидев рептилию, содрогнулся от страха, затем успокоился и позволил змее ласкать себя. Убедившись, что змея абсолютно безвредна, он погладил ее.

— Ну, если епископ займет место Отца, то, по крайней мере, даст этим животным то, чего они всегда хотели, но никогда не получали от него, — ласку и заботу. Его Преосвященство не ненавидит всех этих самок. Пока. — Повысив голос, он добавил: — Но, я надеюсь, Бог не даст такому случиться.

Тревожно шипя, змея уползла в заросли травы. Андре сел, потряс головой, словно стряхивая оцепенение, затем встал и повернулся к ним. Лицо его больше не выражало ту нежность, с которой он поглаживал змею. Оно стало неожиданно суровым, голос его звучал вызывающе.

— Вам не кажется, что шпионить за мной — по меньшей мере нехорошо?

— Простите, Ваше Преосвященство, но мы не шпионили. Мы искали вас, так как решили, что ситуация требует созыва Судилища ордена.

— Кроме того, мы были озабочены тем, что у Вашего Преосвященства, кажется, снова был приступ, — добавил Ту.

— У меня? Приступ? Но я думал, что он вылечил... Я имею в виду...

Кэрмоди грустно кивнул:

— Он-то вылечил. Я думаю, Ваше Преосвященство простит меня, если я выскажу свою точку зрения. Я думаю, ваш «эпилептический припадок» не случайно совпал с оживлением змеи. Он был лишь имитацией прошлой болезни.

Я вижу, вы не понимаете. Тогда я изложу это по-другому. Врач на Вайлденвули думал, что ваша болезнь имеет психосоматическую основу, и направил вас на Иггдрасиль, где лечением могли заняться более знающие специалисты. Еще до отлета вы говорили мне, что, по его мнению, симптомы носят символический характер и указывают на причину болезни, подавленное...

— Я думаю, на этом вы можете остановиться, — холодно произнес епископ.

— А я и не собирался продолжать.

Они пошли обратно к кораблю. Священники отстали от капитана, который шагал вперед, глядя прямо перед собой.

Нерешительно епископ заметил:

— Вам тоже выпала честь — может, опасная, но тем не менее честь — оживлять мертвых. Я наблюдал за вами так же, как вы за мной. Вы не оставались безучастным. Правда, вы не падали на землю в полубессознательном состоянии, но дрожали и стонали в экстазе.

Он опустил глаза, затем, словно почувствовав стыд за свою нерешительность, поднял взгляд и, не мигая, посмотрел на Кэрмоди:

— До обращения, Джон, вы были светским человеком. Скажите, разве ощущения при воскрешении не напоминают близость с женщиной?

Кэрмоди отвел глаза.

— Скажите мне без жалости и отвращения, — настаивал Андре. — Скажите мне правду.

Кэрмоди глубоко вздохнул:

— Да, ощущения очень сходные. Но воскрешение — это нечто еще более личное, интимное, так как, начав процесс, ты полностью теряешь контроль над собой, ты уже не можешь остановиться, тело и душа сливаются и фокусируются на воскрешении. Чувство слияния — то, что мы всегда ищем, но не находим в сексе — здесь неизбежно. Ты чувствуешь, что ты создатель и создаваемый. Кроме того, в тебе самом оживает часть животного — как вы, несомненно, почувствовали — ибо в мозгу твоём появляется маленькая искорка, часть его жизни, и когда она двигается, ты осознаешь, что животное, которое ты оживил, тоже двигается. Она живет в тебе. Когда искорка тускнеет, животное спит, когда разгорается — страдает или переживает бурные эмоции. И когда искра гаснет, ты понимаешь, что животное мертво.

Мозг Отца — созвездие таких искорок, миллиардов звезд, ярко показывающее жизненную силу их владельца. Ему известно, где находится каждое из животных на этой планете, ему известно, когда оно умерло и когда он сотворил его, он ждет, пока кости покроются плотью, и затем он созидает...

— «Он созидает красоту, что неизменна, хоть и тленна. Хвала же ему!» — выкрикнул Андре.

Пораженный, Кэрмоди поднял глаза.

— Я думаю, Хопкинс сильно огорчился бы, узнав какой смысл вы вкладываете в его слова. Возможно, он ответил бы вам строками из другого своего стихотворения:

«Наш дух всегда отягощает плоть.

Ах, если бы освободил его Господь!

Ведь радуга горит, скажу без лести,

Отнюдь не ради горсточка ожившей персти».

— Эта цитата подтверждает процитированное мною. Ожившая персть — новая плоть. Что вам еще нужно?

— Но ведь свободный дух. Но какова же цена за экстаз? Да, этот мир прекрасен, но разве он не бесплоден, не бесперспективен? Ладно, оставим это. Я лишь хотел напомнить Вашему Преосвященству, что эти власть и слава зиждутся лишь на чувстве единства и контроля над зверьем. Этот мир — его ложе, но кто будет покоиться на нем до скончания веков? И почему он хочет покинуть его, если оно столь желанно? Во имя добра? Или во имя зла?

Час спустя три человека вошли в каюту епископа и заняли свои места за круглым столом. Кэрмоди нес маленький черный чемоданчик. Никому ничего не объясняя, он засунул его под стул. Все собравшиеся были в черных мантиях; когда Андре прочитал вступительную ритуальную молитву, они надели маски основателя ордена. На мгновение в комнате воцарилась тишина, пока они глядели друг на друга из-под одинаковых масок, обеспечивающих анонимность: темная кожа, курчавые волосы, плоский нос, толстые губы — сильное лицо жителя Западной Африки. Создатель маски умудрился придать ей легендарную мягкость и благородство души, присущие Джейрису Кбвака.

Капитан Ту произнес сквозь неподвижные губы маски:

— Мы собрались здесь во имя Его любви, чтобы с помощью Его любви дать имя соблазну, перед лицом которого оказались, и предпринять действия, если таковые возможны, чтобы противостоять ему. Будем же говорить, как братья, и каждый раз, глядя на другую часть стола и видя лицо Основателя, вспоминать, что он ни разу не терял кротости, за исключением одного случая, ни разу не отказался от любви к ближнему, за одним исключением. Вспомним же его страдания, причиненные этим единственным случаем, и то, что он завещал нам, священникам и мирянам. Будем же достойны его духа в присутствии подобия его плоти.

— Я попрошу тебя говорить не так быстро, — заметил епископ. — Такая трескотня нарушает дух церемонии.

— Критика моего поведения вряд ли поможет делу.

— Правильный укор. Я прошу простить меня.

— Разумеется, — ответил Ту, слегка смутившись. — Разумеется. Но перейдем к делу.

— Я выступаю адвокатом Отца, — сказал епископ.

— Я выступаю обвинителем Отца, — сказал Кэрмоди.

— Слово адвокату Отца, — сказал Ту.

— Тезис: Отец представляет силы добра. Он предложил Церкви монополию на таинство воскресения.

— Антитеза.

— Отец представляет собой силы зла, так как стремится распространить по Галактике могущество, которое уничтожит Церковь, если она попытается монополизировать его. Кроме того, даже

если Церковь откажется иметь с ним дело, оно все равно уничтожит все человечество, и в том числе Церковь.

— Развитие тезиса.

— Все, что он делает, — во имя добра. Довод: он вылечил все наши болезни, большие и маленькие. Довод: он прекратил плотские отношения Леджин и Мастерса и, возможно, предотвратил такие же контакты между Рэккой и Гивенсом. Довод: он вынудил вышеупомянутых Леджин и Мастерса признаться в краже денег отца Леджин, и после этого Леджин посетила меня и попросила духовного совета. Она серьезно задумалась над моим предложением расстаться с Мастерсом, вернуться к отцу и ждать его согласия на брак. Довод: она изучает руководство, которое я ей дал, и может быть приобщена к Церкви. Это заслуга Отца, а не Мастерса, который пренебрегает Церковью, хотя и считается нашим прихожанином. Довод: Отец добр, ибо не позволил леопарду причинить Мастерсу вред даже после того, как юноша пытался убить его. Он также сказал, что капитан может освободить Мастерса, так как он ничего не боится, а уголовный кодекс вне его понимания. Он уверен, что Мастерс больше не захочет повторить попытку. Так почему бы не забыть кражу ружья и не оставить Мастерса на свободе? Мы используем насилие для наказания, что не обязательно, ибо, по законам психодинамики, которые он вывел за десять тысяч лет одиночества, человек, использующий насилие как средство для достижения своих целей, в конце концов наказывает себя, лишаясь части сил. Даже то, что он вынудил наш корабль сесть здесь, причинило ему столько страданий, что потребуется еще много времени, чтобы его психическая энергия восстановилась.

Я подошел к доводам за принятие его предложения. Из этого не может выйти вреда, ибо он хочет стать пассажиром «Чайки». Хотя, конечно, у меня нет собственных денег, я санкционирую оплату его билета орденом. И я займу его место на Прорве, в его отсутствие.

Помните также, что решение этого Совета не обязывает Церковь принимать его предложение. Мы лишь на время берем его под свое покровительство.

— Развитие антитезы.

— У меня есть общее соображение, которое отметет большинство доводов тезиса. Самое худшее зло — то зло, которое прячется под маской добра, так что необходимо очень внимательно вглядеться, дабы различить настоящее лицо под маской. Несомненно, от спасшейся с «Хойла» женщины Отец узнал основы нашего этического кодекса. Он также избегает близкого контакта с нами, чтобы у нас не было возможности подробнее изучить его поведение.

Как бы то ни было, это не более чем догадки. Одно не поддается сомнению: воскрешение — это наркотик, самый сильный и коварный, с которым сталкивалось человечество. Как только человек испытает экстаз, связанный с воскрешением, он захочет испытать его снова. А так как число воскрешений ограничено числом мертвецов, некоторые захотят пополнить число последних, дабы насладиться

большим числом воскрешений. Установления Отца в этом мире соединяют максимум искушений с максимумом возможностей. Стоит человеку отвесть этой отравы, он серьезно задумается, не превратил ли его собственный мир во вторую Прорву.

Хотим ли мы этого? Я отвечаю: нет. Я предсказываю, что, если он покинет Прорву, такой поворот событий возможен. Не начнет ли любой человек, обретший такую власть, считать себя богом? Не будет ли, как Отец, неудовлетворен первоначальным — непокорным, грубым, хаотичным состоянием планеты? Не найдет ли он развитие и несовершенство живых существ отталкивающими и не переделает кости своих созданий, чтобы удалить все недостатки эволюции, создав совершенный скелет? Не решит ли он подавить размножение зверей, — а может быть, и людей — позволив самцам вымереть, не воскрешая их, оставив лишь покорных самок, так что уже не станет возможным появление молодняка? Не захочет ли он превратить свою планету в сад, в красивый, но бесплодный и застывший рай? Рассмотрите, для примера, метод охоты, который используют толстые и ленивые хищники Прорвы. Обдумайте его разрушительные последствия для эволюции. Сначала они убивают самых медленных и тупых из травоядных. Но делает ли это выживших быстрее или умнее? Совсем нет, потому что убитые оживают, попадают и снова умирают. Поэтому когда леопард или волчица выходит на охоту, те, кого еще не убивали, убегают прочь, а уже бывшие убитыми ранее стоят, парализованные, и кротко позволяют умертвить себя. Не съеденные возвращаются и пасутся рядом с хищником, терзающим их сестру. Это лощеная планета, где каждый день жизнь течет по одному и тому же гладкому руслу.

Даже любителю совершенства, Отцу, наскучил этот мир, и он хочет найти нетронутую планету, где он сможет трудиться, пока не превратит ее в подобие Прорвы. Будет ли это продолжаться до тех пор, пока в Галактике не исчезнут различия между многообразными удивительно отличными одна от другой планетами и не станет скопищем Прорв, без единого отличия? Я предупреждаю вас, что такая угроза вполне реальна.

Частные доводы. Отец — убийца, так как стал причиной выкидыша у Кейт Леджин и...

— Контрдовод: он утверждает, что потеря ребенка была результатом несчастного случая; ибо он послал двух зверей, чтобы выгнать Кейт и Пита из леса за то, что они предавались там плотским утехам. Он не мог этого вынести. Довод: такое отношение говорит в его пользу и показывает, что он на стороне Церкви и Бога.

— Довод: он бы сделал это, даже если бы Кейт и Пит состояли в освященном Церковью браке. Ему претят плотские отношения *per se**. Почему, я не знаю. Может быть, этот акт нарушает его прерогативы, ибо он — единственный источник жизни в этом мире.

* Как таковые (лат.).

Но я утверждаю, что его вмешательство обернулось злом, ибо оно привело к потере человеческой жизни, и он знал, что так будет...

— Довод, — перебил оппонента епископ, явно начиная горячиться. — На этой планете, насколько нам известно, не существует ни настоящей смерти, ни настоящих грехов. Мы привезли с собой этих двух монстров, а он не может вынести их присутствия.

— Довод: мы не просились на эту планету, но были вынуждены оказаться на ней.

— Соблюдайте порядок, — призвал Арбитр. — Сначала вопрос, затем формулировка, в чем состоит соблазн: так гласят правила. Если Совет решит «за» и Отец полетит с нами, то одному из нас придется остаться здесь и занять его место. В противном случае, по его словам, в его отсутствие этому миру грозит разорение и гибель.

После небольшой паузы Арбитр продолжал:

— По неизвестной нам причине вместо него может остаться лишь кто-то из вас двоих.

— Довод, — сказал епископ. — Мы единственные кандидаты по причине того, что приняли обет безбрачия и отвергли плотские отношения. Отцу, по-моему, кажется, что женщины — еще больший сосуд зла, чем мужчины. Он утверждает, что телесная связь влечет за собой утечку физической энергии, необходимой для воскрешения, кроме того, в ней присутствует нечто грязное — или, может, следует сказать, слишком телесное и животное. Я, конечно, не думаю, что такое его отношение полностью справедливо, также я не соглашаюсь с тем, что женщины стоят на одной ступени с животными. Но учтите, что он не видел женщин на протяжении десяти тысяч лет, и, может быть, женщина его расы вполне оправдывает такой взгляд на вещи. Из разговора с ним я узнал, что на его родной планете существует огромная пропасть между полами. Но, несмотря на это, он очень добр к нашим пассажирам. Он не тронет их, ибо, по его словам, любой контакт с нами причиняет ему боль, ибо лишает его, как бы это сказать, частицы святости. С другой стороны, живя с одними цветами и деревьями...

— Довод: только что сказанное свидетельствует об его извращенной натуре.

— Довод, довод... Признайся, что ты не осмелился бы сказать ему это в лицо, ибо ты благоговеешь перед могуществом, исходящим от него. Довод: он ведет себя так, словно дал обет целомудрия; может, он так устроен, что слишком тесный контакт, образно говоря, пачкает его. Я считаю такое мировоззрение близким ко взглядам Церкви и поэтому говорящим в его пользу.

— Довод: дьявол тоже может быть целомудренным. Но потому ли это, что он любит Бога, или потому, что боится испачкаться?

— Регламент, — провозгласил Арбитр. — Настало время для смены сторон. Тезис и антитеза не изменили своего мнения по данной проблеме? Не бойтесь признать это. И да отступит гордость перед стремлением к правде.

— Не изменил, — уверенно ответил епископ. — И позвольте мне напомнить вам, что я не считаю Отца Богом. Однако его могущество сравнимо с могуществом Бога, и Церковь может использовать его.

Кэрмоди встал, стиснув край стола. Голову он агрессивно нагнул; его поза никак не вязалась с нежно меланхолическим выражением маски.

— Мнение антитезы также не изменилось. Ну что же. Тезис утверждает, что могущество Отца сравнимо с могуществом Бога. Я же утверждаю, что это справедливо и для человека, но в определенных пределах, определяющихся тем, что он может сделать с материей посредством материи. Я также утверждаю, что могущество Отца не выходит за эти пределы, ибо в его так называемых чудесах нет ничего сверхъестественного. На самом деле человек способен делать то же, что делает Отец, хотя на примитивном уровне.

Я использовал доводы духовности, надеясь поколебать ими тезис, прежде чем сообщу о моих открытиях. Мне этого не удалось. Ну что же. Теперь позвольте мне рассказать вам, что я узнал. Может, после этого тезис изменит свою позицию.

Сказав это, Кэрмоди вытащил чемоданчик и поставил его на стол. Начав говорить, он положил на него руку, как бы привлекая к нему всеобщее внимание.

— Могущество Отца, по-моему, это лишь продолжение человеческих возможностей. Оно кажется непостижимым, но лишь потому, что опирается на науку куда более древнюю, чем наша. В конце концов, мы уже умеем омолаживать старые тела, так что средняя продолжительность жизни составляет около ста пятидесяти лет. Мы в состоянии создавать органы из искусственной плоти. Возможно оживлять мертвых, если прошло не слишком много времени и если удастся заморозить их сразу после смерти. Мы даже можем создать простейший органический мозг — где-то на уровне лягушки. А в чувствах страха и паники вообще нет ничего нового. У нас есть ультразвуковые пистолеты, создающие подобный эффект. Разве он не может пользоваться сходными методами?

Лишь потому, что он предстал перед нами в чем мать родила да с пустыми руками, мы заключили, что все его действия носят сверхъестественный характер. Мы не можем представить себе немашинной цивилизации. А что, если он достигает этого другим путем? Как насчет железных деревьев, представляющих собой электромагнитный феномен? Как насчет жужжания, которое мы слышали?

Итак, я попросил у инженера микрофон и осциллоскоп, вооружился детектором шумов, засунул все в сумку и пошел в лес. Я видел, что Его Преосвященство тоже не терял времени перед Судилищем зря, опять разговаривая с ним. Во время этого разговора железные деревья поблизости излучали ультразвук с частотами 4 и 13 герц. Вы знаете, что это значит. Первый массирует кишечник и вызывает перистальтику, второй внушает неопределенное чувство угнетения. Были также и другие звуки инфра- и ультрадиапазонов.

Я отошел подальше от Отца, чтобы осмотреть лес в других местах. И заодно подумать. Я считаю весьма важным тот факт, что на этой планете у нас не было случая или, вернее, желания к медитации. С момента посадки Отец торопил нас, сбивая с толку. Очевидно, он хочет запудрить наши мозги слишком быстрой сменой событий.

Немного подумав, я пришел к выводу, что само по себе воскрешение не было инициировано Отцом. Отнюдь не он вдыхает жизнь в мертвые тела. Это происходит автоматически, сразу после того, как вновь созданное тело готово к получению биоэлектрического разряда, испускаемого желе-протоплазмой.

Он лишь узнает, когда существо готово к воскрешению, и ловит мозговые волны новой жизни, питается ими. Как? Скорее всего существует двухсторонняя связь между его мозгом и желе. Мы знаем, что мыслим символами и что сами символы есть не что иное, как ложная комбинация мозговых импульсов, вызывающих череду образов в сознании. Он запускает уже отлаженный механизм своей мыслью, посылая определенный символ.

Далеко не все способны сделать это, потому что только мы, два священника, давшие обет безбрачия, оказались единственными людьми, способными уловить волны. Очевидно, требуется особое психосоматическое состояние. Почему? Я не знаю. Может, также процесс зависит от уровня духовности. Во всяком случае, отношения тело — разум еще недостаточно изучены. Я не могу решить этой задачи, я могу лишь гадать.

Его способность лечить на расстоянии объясняется взаимодействием с желейними деревьями, которые ставят диагноз и лечат болезни. Они принимают излучение всех плохо функционирующих и больных органов и посылают волны, которые подавляют или уничтожают недуг. В этом процессе нет ничего сверхъестественного. Он происходит в соответствии с законами материалистической науки.

Я предполагаю, что, когда Отец прилетел сюда, он отлично знал, что деревья приводят в экстаз, и он просто подстраивался под волны, испускаемые ими в момент оживления. Но после стольких лет одиночества, проведенных в состоянии почти не прекращающегося наркотического блаженства, он внушил себе, что это он вдыхает в животных новую жизнь.

Существует еще несколько вещей, которые стоит обдумать. Например, как он поймал наш корабль? Я не знаю. Может быть, он узнал о гипертрансляторах от спасшейся с «Хойла» женщины и таким образом смог настроить свои мозговые импульсы, чтобы воспрепятствовать работе белкового банка данных. Он мог усилить эти импульсы, заставив половину желейных деревьев планеты непрерывно работать в качестве источника силовых полей, создав ловушку, в которую обязательно попадет какой-либо проходящий мимо корабль.

— А что же случилось с его кораблем? — перебил Ту.

— Если мы оставим «Чайку» на десять тысяч лет под дождем и солнцем, что от нее останется?

— Кучка пыли. А может, и меньше.

— Правильно. Как я подозреваю, Отец прилетел сюда на корабле с отменной лабораторией. Его наука была в состоянии изменять гены, и он, используя свои инструменты, превратил деревья этой планеты в железные. Это также объясняет, как ему удалось изменить генетический код животных, так чтобы убрать все следы эволюции, сделав их абсолютно совершенными созданиями.

Низенький человек в маске сел. Поднялся епископ. Задыхаясь, он произнес:

— Признавая ценность твоих исследований и догадок, доказывающих, что могущество Отца не опирается на духовность, — и, по справедливости нужно сказать, что ты, похоже, прав — я все еще считаю необходимым принять предложение Отца.

Маска Кэрмоди съехала влево.

— Что?

— Да. Мы должны передать Церкви этот чудесный инструмент, который, как и все в этом мире, может служить как добру, так и злу. Совершенно необходимо, чтобы именно Церковь обрела контроль над ним, ибо тогда она удержит тех, кто захочет злоупотребить могуществом, станет сильнее и привлечет больше людей в свое лоно. Или ты думаешь, что вечная жизнь не окажется неотразимой приманкой?

Ты только что сказал, что Отец обманул нас. Я же говорю, что нет. Он ни разу не говорил нам, что его могущество чисто духовное. Может, будучи представителем чуждой нам расы, он не знал, насколько мы непонятливы; может, он был уверен, что мы поймем, как он действует.

Как бы то ни было, это не есть суть моего тезиса. Суть в том, что мы должны взять Отца с собой и передать его Церкви, которая решит, принимать его или нет. В этом нет никакого риска, ибо он будет один среди миллиардов. Но если мы оставим его здесь, нас упрекнут или даже накажут за то, что мы были настолько трусливы, что отвергли его дар.

Я останусь здесь, даже если мотивы моих поступков будут подвергнуты сомнению теми, у кого нет ни малейшего права судить меня. Я — инструмент в руках Господа, такой же, как и Отец; будет правильно, если мы оба будем использовать все свои возможности; Отец же, будучи изолированным здесь, не приносит никакой пользы ни Церкви, ни человечеству; я же поборю свой страх перед одиночеством, оставшись здесь, и буду ждать вашего возвращения с мыслью, что я подобен слуге — находящему радость в исполнении долга.

— Радость! — вскричал Кэрмоди. — Нет. Я требую, чтобы мы отказали Отцу раз и навсегда. Но я очень сомневаюсь, что он даст нам покинуть планету; он будет рассчитывать, что, побоявшись остаться здесь до конца жизни, а затем умереть — ибо он не воскресит нас, если мы не ответим «да», — мы согласимся взять его на

борт. И он позаботится, чтобы мы оказались запертыми на корабле: иначе нам будет угрожать вызывающее панику излучение или нападение его зверей. Но проживем — увидим. Вот что я хочу узнать у тезиса: почему мы не можем просто отказать ему и предоставить решение проблемы какому-нибудь другому кораблю? Ведь с помощью своей ловушки он может легко поймать еще один. Или, возможно, когда мы вернемся домой, сюда на разведку отправится правительственный корабль.

— Отец объяснил мне, что мы — его единственный реальный шанс. Ему может понадобиться еще десяток тысяч лет, чтобы снова поймать корабль. Или целая вечность. Вы знаете, что перемещение корабля из одной точки нормального пространства в другую, с точки зрения стороннего наблюдателя, происходит мгновенно. Теоретически происходит вращение плоскости координат пространства вокруг особой оси, и корабль, не затрачивая времени, перемещается из пункта отправления в пункт назначения. Как бы то ни было, имеет место эффект распространения комплекса электромагнитных полей, соответствующих кораблю, проявляющихся в шести точках, начиная со стартовой, которые располагаются на прямой, перпендикулярной к траектории, со все увеличивающимися расстояниями. Эти проявления называют «призраками». Они не видны глазу, ни один человеческий инструмент не может их зафиксировать. Существование этих «призраков» вытекает из уравнений Гизо, которые объясняют, каким образом электромагнитные волны могут распространяться быстрее скорости света, хотя еще Аушвейг доказал, что Эйнштейн ошибался, считая скорость света предельной.

Если мы проведем прямую линию между Вайлденвули и Иггдрасилем, мы заметим, что Прорва не лежит на ней, что она находится в стороне. Но поскольку она лежит на перпендикуляре к ней, здесь как раз проявляется один из «призраков». Электромагнитная сеть, запущенная деревьями, поймала его и «заморозила». В результате «Чайку» буквально притянуло к Прорве вместо Иггдрасиля. На какую-то долю миллисекунды мы, вероятно, показались в пункте назначения, а затем были переброшены сюда. Конечно же, мы этого не заметили, так же как никто на Иггдрасиле не заметил нас.

Рейсы между Иггдрасилем и Вайлденвули нерегулярны, кроме того, «призрак» должен точно совпасть с фазами поля, иначе он проскочит между импульсами. По этим причинам его шансы поймать еще один корабль весьма невелики.

— Да, и именно по этой причине он не отпустит нас. Если мы улетим без него, то сюда пришлют крейсер с защитным полем, способным нейтрализовать действие деревьев. Итак, мы — его единственная надежда. И все же я говорю «нет», даже если нам придется навсегда застрять на этой планете.

Беседа в таком духе продолжалась еще часа два, пока Ту не потребовал окончательного решения.

— Итак. Мы выслушали мнения обеих сторон. Антитезис указал на опасность превращения человечества в кучку бесплодных псевдобогов, подверженных анархии.

Тезис утверждает, что опасность состоит в отказе от подарка, который может сделать Церковь всеохватывающей и всемогущей, ибо в ее руках в буквальном смысле слова будут ключи от жизни и смерти.

Тезис, ваше окончательное решение.

— Я настаиваю на принятии предложения Отца.

— Антитеза.

— Нет. Отказаться.

Ту положил свои большие костлявые руки на стол.

— Как Арбитр и судья я согласен с антитезой.

Он снял маску. Остальные, словно нехотя расставаясь с анонимностью и возможностью не брать на себя ответственность, медленно последовали его примеру. Злобно глядя друг на друга, они не обращали внимания на громкое покашливание капитана. Вместе с масками с их лиц исчезло выражение братской любви.

— По справедливости я должен подчеркнуть одну вещь, — сказал Ту. — Как мирянин и последователь Церкви я должен согласиться с решением Совета и отказать Отцу в месте на корабле. Но как капитан корабля Компании Саксвелла, во время непредвиденных посадок я обязан принимать на борт всех жителей планет, желающих уехать, при условии, что они заплатят за билет и на корабле окажется для них место. Таков закон Сообщества.

— Я не думаю, что нужно беспокоиться о том, не оплатит ли кто-нибудь его проезд, — проговорил падре. — Не сейчас. Однако, окажись у него деньги, вы бы оказались перед хорошенькой дилеммой.

— Да, не правда ли? Мне, естественно, придется доложить о своем отказе. Я предстану перед судом и могу потерять место капитана и даже, возможно, буду лишен права межпланетных перелетов. Даже сама мысль об этом мне невыносима.

Андре встал:

— Все это довольно утомительно. Я думаю пойти прогуляться по лесу. Если я встречу Отца, я сообщу ему наше решение.

Ту тоже поднялся:

— Чем быстрее, тем лучше. Попросите его восстановить работу транслятора. Мы даже не будем пытаться улететь отсюда на обычных двигателях. Сразу же уйдем в гиперпространство, а потом уже определим свои координаты. Лишь бы побыстрее отсюда убраться.

Кэрмоди пошарил по карманам в поисках сигареты.

— Я думаю, надо поговорить с Питом Мастерсом. Может, удастся вбить ему в голову хоть каплю здравого смысла. А потом, мне тоже необходимо прогуляться. Здесь можно узнать так много интересного.

Он проводил удаляющегося епископа взглядом и мрачно покачал головой.

— Трудно было противоречить начальству, — обратился он к Ту. — Но хотя Его Преосвященство и великий человек, ему недостает понимания, которое приходит лишь после того, как сам согрешишь.

Он похлопал себя по животу и улыбнулся, словно ничего не случилось, хотя и не очень убедительно.

— Под поясом у меня не только жир. Опыт, накопленный за годы жизни на дне, тоже покоится там. Ведь я выжил на Радости Данте. Я пропитался злом до самых печенок. Теперь, при малейшем намеке на привкус зла, я извергаю его из себя. Говорю вам, капитан, что Отец — кусок падали, в десять тысяч лет.

— Вы говорите так, словно не очень в этом уверены.

— А кто и в чем может быть уверен в этом мире, где все переменчиво, а самопознание дается с таким трудом?

Мастерс был отпущен сразу после того, как он пообещал Ту не доставлять более неприятностей. Кэрмоди, не обнаружив юношу на корабле, вышел наружу и попытался вызвать его по радиации. Безуспешно.

Все еще неся свой черный чемоданчик, Кэрмоди быстрым шагом направился к лесу. Он напевал, пробираясь под сенью огромных деревьев, он свистел, перекликаясь с птицами у себя над головой, и раз остановился, чтобы отвесить важный поклон высокой, похожей на цаплю птице с глазами, словно обведенными темно-фиолетовой краской. Кэрмоди затрясся от смеха, когда она ответила ему криком, похожим на звук, который издает вода в канализационной трубе. В конце концов он сел на траву под буком, вытирая платком пот с лица.

— Господи! Господи, как много всего в этой Вселенной... наверняка у Тебя есть чувство юмора, — громко вслух сказал он. — Но, наделяя Тебя чисто человеческими чертами, я впадаю в антропоморфизм.

Он помолчал, потом продолжил, понизив голос, словно не желая, чтобы кто-то его услышал:

— А почему бы и нет? Не мы ли венец творения, созданные по образу Создателя? Конечно же, Ему тоже необходим отдых, и Он находит его в смехе. Может быть, Его смех — это не просто бессмысленный шум, а нечто гораздо более продуктивное? И возможно, вместо того чтобы посмеяться, Он создает еще одну галактику. Или вместо смешка тычками подгоняет приматов вверх по лестнице Иакова, чтобы стали более похожи на людей.

Или, как ни устарело это звучит, предается вящей радости сотворения чудес, показывая Его детям, что созданная им Галактика работает отнюдь не как часы. Чудеса — вот смех Господень. Гм, звучит не так уж и плохо. Куда же я подевал записную книжку? А, знаю. Я оставил ее в каюте. Это будет хорошей закваской для проповеди. Ну ничего. Позже я восстановлю ход моих мыслей, а если не смогу — невелика потеря. Хотя потомки лишатся кое-чего, и...

Кэрмоди умолк, заметив невдалеке Мастерса и Леджин, потом поднялся и пошел к ним, громко крича, чтобы не быть обвиненным в подслушивании.

Они стояли лицом друг к другу, их разделяла огромная поганка с бахромчатой шляпкой. Кейт замолчала, а Пит, покраснев настолько, что его лицо по цвету не отличалось от волос, продолжал свою гневную тираду, словно не замечая присутствия священника. Он яростно потрясал кулаком одной руки, сжимая в другой рукоять энергопилы.

— Хватит! Мы не собираемся возвращаться на Вайлденвули. Только не думай, что я боюсь твоего отца, так как я вообще никого не боюсь. Конечно, он не станет выдвигать против нас обвинение. Он может позволить себе быть благородным. Сообщество накажет нас и без него. Ты что, настолько тупа, что не помнишь, что гласит закон? Напомню. Министерство Здоровья должно задерживать всех, кто подозревается в нездоровых привычках. Твой отец наверняка уже сообщил на Иггдрасиль. Нас схватят, как только мы сойдем с корабля. Затем отправят в лечебницу. Нас даже не отправят в одно и то же заведение. Они никогда не посылают «партнеров по недугу» на один и тот же курорт. И откуда мне знать, не потеряю ли я тебя навсегда? Эти оздоровительные учреждения воистину меняют людей, меняют их взгляды. Ты можешь разлюбить меня. Они этому только порадуются, скажут, что излечилась, раз готова меня бросить.

Кейт посмотрела на него своими большими голубыми глазами:

— Пит, такого никогда не случится. Не говори так. Папа не станет сообщать о нас. Зная, что в таком случае меня надолго увезут, он не смирится с этим. Он не сообщит правительству, он пошлет за нами своих людей.

— Да? А как насчет телеграммы, пришедшей на «Чайку» перед самым отлетом?

— Папа не упомянул о деньгах. Нас арестуют лишь за сожительство до совершеннолетия.

— Ну ясное дело. А потом его головорезы избыют меня и бросят в твои еловые леса. Как тебе такая перспектива?

Глаза Кейт были полны слез.

— Пожалуйста, Пит, не надо. Ты знаешь, что я люблю тебя больше всех на свете.

— Что же, может, так, а может, и нет. Но ты забыла про этого священника. Он знает о деньгах, и его долг — заложить нас.

— Может, я и священник, — вмешался Кэрмоди, — но это еще не делает меня бесчеловечным. Мне бы и в голову не пришло закладывать вас. Да, я слишком любопытен, но я не злобный склочник. Я очень хочу помочь вам выбраться из этой передрыги, и даже готов подавить желание врезать тебе по носу за то, как ты разговариваешь с Кейт. Но дело не в этом. Важно то, что я не обязан ни о чем сообщать властям, хотя я узнал о краже денег не из исповеди.

Но я надеюсь, что ты последуешь совету Кейт и вернешься с ней к ее отцу, признаешься во всем и попытаешься уговорить его. Мо-

жет, он и согласится на вашу свадьбу, если ты пообещаешь ему подождать, пока сможешь содержать Кейт. И докажешь, что твоя любовь к Кейт заключается не только в животном влечении. Войди в его положение. Он заинтересован в счастье Кейт не меньше, чем ты. И даже больше, ибо он знает ее гораздо дольше и гораздо сильнее любит ее.

— Идите к черту! И вы, и твой отец, и ты! — заорал Пит. Он побрел прочь и уселся под деревом в двадцати ярдах от них. Кейт тихонько плакала. Кэрмоди передал ей носовой платок со словами:

— Немного грязный, зато пропитанный моей святостью.

Он улыбнулся своей шутке с такой детской радостью и одновременно насмешкой над собой, что Кейт не могла сдержать улыбки. Вытирая слезы одной рукой, другую она протянула священнику.

— Ты мила и терпелива, Кейт, и очень сильно влюблена в человека, обладающего, боюсь, вспыльчивым и жестоким характером. А теперь скажи мне, разве у твоего отца не такой же нрав? Не затем ли ты сбежала с Питом, чтобы убраться от требовательного, ревнивого, вспыльчивого отца? Не находишь ли ты, что Пит весьма похож на него? Не попала ли ты из огня да в полымя?

— Вы весьма проницательны. Но ведь я люблю Пита.

— Тем не менее тебе следует вернуться домой. Пит, если он действительно тебя любит, последует за тобой и попытается вступить в честный и открытый диалог с твоим отцом. Кроме того, ты должна признать, что вы поступили дурно, взяв деньги.

— Да, — проговорила она, снова начиная всхлипывать, — это было неправильно. Я не хочу быть малодушной и перекладывать вину на Пита, так как я все-таки согласилась взять деньги, хотя это и была его идея. Я сделала это в минуту слабости. И с тех пор этот проступок не дает мне покоя. Даже когда мы с ним были в каюте и я, казалось бы, должна была быть вне себя от счастья, мысль о деньгах терзала меня.

Мастерс вскочил и направился к ним, размахивая энергопилот. Это был довольно устрашающий инструмент с широким тонким лезвием, торчащим из рукояти наподобие лопасти вентилятора. Пит сжимал пилу как пистолет, держа палец на выключателе.

— Убери от нее свои лапы! — проревел он.

Кейт отняла руку от ладоней Кэрмоди и с вызовом ответила юноше:

— Он не причиняет мне боли. Он дарит мне тепло и понимание, стараясь помочь.

— Знаю я этих старых святош. Он только и ищет шанса, чтобы ущипнуть и полапать тебя...

— Старых? — взорвался Кэрмоди. — Послушай, Мастерс, мне только сорок... — Он рассмеялся. — Хочешь разозлить меня, так? — Он опять повернулся к Кейт. — Если нам удастся выбраться с Прорвы, возвращайся к отцу. Я на время останусь в Брейкнеке. Ты можешь приходить ко мне, когда захочешь, и я постараюсь помочь тебе, чем только смогу. И хотя я предвижу несколько мучительных

для тебя лет, когда ты окажешься меж двух огней — Питом и отцом, — тебя нелегко сломать.

Его глаза сверкнули, и он добавил:

— Даже если ты выглядишь очень хрупкой, очень красивой и подходящей для того, чтобы ущипнуть и полапать.

В этот момент на маленькую поляну выбежала олениха. Она была ржаво-рыжего цвета с маленькими белыми пятнышками, в черных глазах ее не было страха. Танцуя, она приблизилась к Кейт и доверчиво ткнулась в нее носом. По всей видимости, она чувствовала, что Кейт — единственная среди присутствующих женщина.

— Очевидно, это одно из тех неприспособленных к жизни животных, убиваемых хищниками, — заметил Кэрмоди. — Иди сюда, моя красавица. Очень рад, что захватил с собой сахар как раз для такого случая. Как мне называть тебя? Алиса? В этой компании все сумасшедшие, хотя у нас нет чая.

Кейт радостно вскрикнула и погладила самку по влажному черному носу. Та лизнула ей руку. Пит с отвращением фыркнул:

— Ты еще поцелуйся с ней.

— А почему бы и нет? — Она наклонила голову к морде животного.

Лицо Пита стало еще краснее. Сморщившись, он поднес пилу к шее самки и нажал на выключатель. Животное упало, увлекая за собой Кейт, не успевшую убрать руки с ее шеи. Кровь хлынула на пилу, на Пита, на руки Кейт. Лезвие пилы, испускающее ультразвуковые волны, способные разрушить гранит, вошло в тело животного, как нож в масло.

Мастерс окаменел; лицо его стало мертвенно-бледным.

— Я только коснулся ее. Я совсем не хотел нажимать на выключатель. Я, должно быть, перерезал ей яремную вену. Кровь, везде кровь...

Кэрмоди тоже побледнел, голос его дрожал:

— К счастью, олениха недолго будет мертва. Но я надеюсь, что ты надолго запомнишь эту кровь, и пусть она появляется перед твоими глазами каждый раз, когда ты почувствуешь ярость. Ты ведь понимаешь, что на месте животного легко мог оказаться человек.

Он замолчал и прислушался. Звуки леса замерли, подавленные тишиной, как солнце, заслоненное тучей. Затем тяжелая поступь и каменный взгляд Отца.

Его голос грохотал вокруг них, словно они стояли под гигантским водопадом:

— Ярость и смерть витают в воздухе! Нечто подобное я ощущаю, когда голодны мои хищники. Я поспешил сюда, так как узнал, что убийца — не мое создание. Также у меня была еще одна цель. Кэрмоди, от епископа я узнал о твоих исследованиях и ложных выводах и, как следствие, о твоём решении, навязанном епископу и капитану. Я пришел доказать тебе, как ты обманывался, и внушить тебе смирение перед теми, кто выше тебя.

Мастерс издал сдавленный крик, обхватил руку Кейт своей окровавленной ладонью и полу-побежал, полу-заковылял прочь, таща ее за собой. Кэрмоди, хотя и дрожал, не сдвинулся с места.

— Прекрати свои шуточки. Я знаю, каким образом ты пытаешься вселить в меня благоговение и панику.

— У тебя с собой это устройство. Используй его. Посмотри, излучают ли что-нибудь деревья?

Падре послушно нащупал замок чемоданчика и, после двух попыток, открыл его. Глаза его расширились, когда он взглянул на прибор.

— Убедился? На этом уровне никаких звуков, не так ли? А теперь следи за моими действиями и смотри на осциллоскоп.

Отец зачерпнул большую пригоршню желе из дупла ближайшего железного дерева и замазал им кровавую рану на шее животного.

— Это «жидкое мясо» для начала затянёт порез, так как он не очень велик, а затем восстановит поврежденные ткани. Желе посылает волны, которыми как бы ощупывает края раны, идентифицирует их структуру, определяя строение отсутствующих или поврежденных тканей, и начинает воспроизводить их. Но я управляю этой процедурой. Хотя могу, в случае необходимости, сделать это и без желе. Мне оно не нужно, ибо мои силы дарованы мне Богом. Тебе следует провести десять тысяч лет в одиночестве, не разговаривая ни с кем, кроме Бога. Тогда ты поймешь, что я не могу творить ничего, кроме добра, что я проникаю в мистическое сердце вещей, ощущая его пульсацию так же, как биение собственного сердца.

Он возложил руки на остекленевшие глаза оленихи. Когда он отвел их, черные глаза уже светились жизнью, бока подымались и опадали. Встав на ноги, она хотела ткнуться носом в Отца, который остановил ее, подняв руку. Олениха развернулась и ускакала прочь.

— Может, ты захочешь созвать еще одно Судилище, — прогремел Отец. — Я понимаю, что новое положение вещей допускает это. Разве я мог догадаться, что тебя раздражает от обезьяньего любопытства? И что твои умозаключения окажутся тоже вроде обезьяньих? Тогда я сам показал бы тебе все, на что я способен.

Гигант зашагал прочь. Кэрмоди проводил его взглядом. Потрясенный, он заговорил сам с собой:

— Не прав? Не прав? Неужели я действительно был недостаточно смиренен, слишком презрительно отнесся к дальновидности Его Преосвященства лишь потому, что у него не было моего опыта... Не слишком ли много значения придавал я его болезни, ошибаясь в ее первопричине?

Он тяжело вздохнул:

— Хорошо, если я не прав, я признаю это. Признаю публично. Пусть это принизит меня в глазах людей. Пигмей, снующий под ногами у гигантов, пытающийся повалить их и тем самым доказать, что он выше.

Погруженный в свои мысли, он побрел обратно. Увидев дерево с огромными плодами, похожими на яблоки, он попробовал один из них.

— Гм. Восхитительно. В этом мире очень легко прожить. Никто здесь не умрет с голоду. Здесь можно стать толстым и ленивым, чувствовать себя как на Сионе, переживать экстаз воскрешения. Это то, что всегда хочет часть твоей души, не правда ли? Лишь Богу известно, как приходится напрягаться такому толстяку, как мне, чтобы производить впечатление энергичного человека, вечно думающего только о работе. Ты должен забыть про усталость и всюю проявлять служебное рвение. И твои прихожане, и твои начальники, которым следовало бы быть умнее, считают твои труды само собой разумеющимся и даже никогда не задаются вопросом: а не устал ли ты, не пал ли духом, не мучаешься ли сомнениями? Такого ведь вовсе не должно быть.

Отбросив наполовину съеденное яблоко, Кэрмоди попробовал темно-красные ягоды на кусте. Насупившись и ворча, он поедал их, не спуская глаз с удалявшейся фигуры Отца, с его широких плеч и буйной золотисто-красной гривы.

— И все же?..

Он рассмеялся:

— На самом деле это парадокс, Джон И. Кэрмоди, что ты снова выдвинешь на обсуждение проблему искушения, от которого ты уже избавил капитана и епископа. Это будет для тебя хорошим уроком — из которого, я надеюсь, ты почерпнешь немало пользы, — если сейчас уговоришь себя передумать. Может, тебе это было необходимо, потому что ты не подумал о том, как велико искушение, которое испытывает епископ, потому что ты испытывал — о, только слегка, но все же испытывал — презрение к нему за то, что он так быстро сдался, когда ты с легкостью устоял.

Ха, ты считал себя настолько сильным, под твоим поясом покоилось столько опыта! Это жир и одышка распирали тебя изнутри, Кэрмоди. Ты вынашивал в себе невежество и гордыню. А в итоге ты разродился унижением. Нет, смирением, ибо существует огромная разница между этими словами. Именно чтобы ты обрел смирение, Бог наделил тебя пронизательностью.

Признай это, Кэрмоди, признай. Даже будучи в шоке от убийства оленихи, ты почувствовал радость, ибо ты хотел воскресить ее и вновь пережить тот экстаз воскрешения, который, конечно же, был запрещен, ибо это наркотик, уносящий твой разум от проблем, связанных с твоей профессией. И хотя ты говорил себе, что не будешь воскрешать, голос твой был слаб, в нем отсутствовала убежденность.

С другой стороны, разве Бог не чувствует экстаза, когда создает, будучи Творцом? Разве экстаз не неотъемлем от созидания? Почему бы нам не ощущать его? Но, когда мы ощутим его, не заставит ли это нас возомнить себя Его подобиями? Отец уверен, что знает, откуда взялось его могущество. Но если он держится в стороне, как *poli me tangere**, его извиняет то, что он провел десять тысяч лет

* Не прикасайся ко мне (лат.).

в одиночестве. Что же, некоторые святые были настолько эксцентричны, что пали жертвами Церкви, которая позже их же и канонизировала.

Но ведь это наркотик, это воскрешение. Если так, то ты прав, а епископ ошибается. Хотя и алкоголь, и пища, и чтение книг, и множество других вещей могут стать наркотиком. Но стремление к ним контролируемо, и ты сам можешь воздержаться от них. Но не так же ли случится и с воскрешением после того, как минует первый порыв увлечения? Почему нет?

Он выбросил ягоды и сорвал фрукт, похожий на банан, покрытый светло-коричневой скорлупой вместо мягкой кожуры.

— Хм. Да у него здесь прекрасная кухня. Напоминает ростбиф с подливкой и поджаренным луком. Держу пари, набит белками. Ничего удивительного, что Отец стал таким здоровым и даже потрясающим мужиком, полным энергии, при этом оставаясь убежденным вегетарианцем.

Но ты слишком много разговариваешь сам с собой. Дурная привычка, приобретенная на Радости Данте, от которой весьма трудно отвыкнуть, даже после той ночи, когда тебя обратили. Какое ужасное было время, Кэрмоди, и только по милости... А почему бы тебе не заткнуться, Кэрмоди?

Внезапно он спрятался за кустом. Отец взмог на большой холм, который возвышался над лесом и отличался почти полным отсутствием растительности. Исключение составляло огромное дерево, венчавшее его. Громадное дупло у основания дерева указывало на его природу, но в то время как все железные деревья имели красные стволы и ярко-зеленую листву, у этого был ослепительно белый ствол и настолько темно-зеленые листья, что они могли показаться черными. Вокруг его огромных белых корней, торчащих из земли, собралось множество животных. Львицы, леопарды, волчицы, казуары, большая черная корова, самка-носорог, горилла с красной мордой, слониха, птица, похожая на мою, которая могла бы клювом выпотрошить любого слона, зеленая ящерица с хохолком размером с человека и множество других. И все они сбились в кучу, все время двигаясь, но не обращая друг на друга никакого внимания и не издавая никаких звуков.

Увидев Отца, они одновременно глухо взвыли. Звук походил на глубокое горловое рычание. Раздвинувшись, они образовали коридор, по которому он прошел.

У Кэрмоди захватило дух. То, что он сначала ошибочно принял за корни дерева, оказалось кучами костей, курганом из скелетов.

Отец остановился перед ним, повернулся и обратился к зверям, напевно говоря что-то на неизвестном языке, жестикулируя, словно изображая сцепленные шестерни. Потом он нагнулся и стал один за другим поднимать черепа, целуя их в оскаленные зубы и бережно кладя на место. Звери застыли, словно понимали, что он говорит и делает. Возможно, по-своему они действительно понимали это, так как дрожь волнения прокатывалась по спинам животных.

Падре присмотрелся и пробормотал:

— Черепа гуманоидов и такого же размера, как его собственный. Неужели он прилетел не один и они умерли? Или он убил их? Если так, то зачем же такая демонстрация любви, такая нежность?

Отец положил на место последний череп, поднял руки и развел их над головой, словно принимая небо в объятия, затем скрестил их на плечах.

— Он сошел с небес? Или он хочет сказать, что равняет себя с небом, может, со всей Вселенной? Пантеизм? Или что?

Отец закричал так громко, что Кэрмоди чуть было не выпрыгнул из кустов, выдав себя. В ответ звери зарычали. Кэрмоди сжал кулаки и поднял голову, глаза его свирепо горели. Казалось, им овладела злость. Он выглядел как хищник; его лицо походило на морды собравшихся вокруг Отца зверей. Они тоже были охвачены яростью. Большие кошки выли. Слоны трубили. Коровы мычали. Горилла била себя в грудь. Ящерица шипела, как паровой двигатель.

Отец вновь закричал. Заклятье, удерживающее зверей, исчезло. Еп тассе* звери бросились на гиганта. Без сопротивления он был погребен под вздымающимся морем мохнатых спин. Один раз над ними поднялась рука, но тут же, сделав круговое, словно ритуальное движение, исчезла в пасти львицы, а ее обрубок пропал из виду.

Кэрмоди катался по земле, хватаясь за траву, с трудом удерживаясь от того, чтобы присоединиться к убийцам. Когда он увидел, как зверь отгрыз руку Отца, он встал, но выражение его лица изменилось. Теперь на нем читались страх и отвращение. Он побежал прочь, пригибаясь, чтобы кусты скрыли его от случайных взглядов животных. За первым же деревом он остановился, и его стошнило. Немного придя в себя, он побежал дальше.

За ним раздавался рев обезумевших от крови убийц.

Огромная полосатая дыня луны поднялась над лесом вскоре после наступления сумерек. Ее яркие лучи отразились от полусферы «Чайки» и осветили бледные лица людей, собравшихся на поляне. Отец Джон вышел из мрака леса. Он остановился и крикнул:

— Что случилось?

От группы жавшихся друг к другу людей отделился Ту. Он указал на открытый шлюз главного входа, из которого лился свет.

— Он? Уже? — задохнулся Кэрмоди.

Величественная фигура неподвижно застыла на ступенях трапа. Отец терпеливо ждал, словно мог простоять так еще десять тысяч лет.

Голос Ту, несмотря на гнев, звучал как-то неуверенно:

— Епископ предал нас! Он рассказал ему о законе, по которому мы обязаны взять его на борт, и дал ему денег на билет!

— И какое же решение вы намерены принять? — спросил Кэрмоди. Хриплый голос его казался более резким, чем обычно.

* Все сразу (лат.)

— Решение? А что я еще могу сделать, кроме как взять его на борт? Так гласит устав. Если я откажусь, я потеряю место капитана. И вы это знаете, Единственное, что я могу сделать для вас, так это отложить отлет до утра. К тому времени епископ может изменить свое мнение.

— А где Его Преосвященство?

— Не называйте так этого предателя! Он ушел в лес и стал новым Отцом.

— Мы должны найти его и спасти от самого себя! — вскричал Кэрмоди.

— Я пойду с вами, — отозвался Ту. — Я бы позволил ему убраться ко всем чертям, если бы не враги нашей Церкви, которые сделают из нее посмешище. Боже мой, он же епископ!

Через несколько минут два человека, вооруженные фонариками, кораблеискателями и ультразвуковыми пистолетами, углубились в лес. Ту, кроме всего, захватил с собой револьвер. Они пошли одни, ибо Кэрмоди не хотел пугать епископа видом группы разъяренных людей, ищущих его. К тому же он был уверен, что у двоих людей, хорошо знающих епископа, будет гораздо больше шансов уговорить его вернуться.

— Где, черт побери, мы можем найти его? — простонал капитан. — Боже, как здесь темно. Вы только посмотрите на эти глаза. Их здесь сотни.

— Звери понимают, что творится что-то странное. Прислушайтесь, проснулся весь лес

— Отмечают смену власти. Король умер, да здравствует король. Но где он может быть?

— Возможно, на озере. Он обожает это место.

— Что же вы раньше молчали! Мы могли бы добраться туда на вертолете за две минуты.

— Боюсь, этой ночью от вертолетов толк небольшой.

Отец Джон посветил на кораблеискателя.

— Гляди, как вертится стрелка. Готов поспорить, наши рации мертвы.

— Прием, «Чайка»! «Чайка», ответь, ответь... Да, вы правы. Не работает. Боже, как горят эти глаза, так и кажется, что эти деревья приближаются с ними. Пистолеты, естественно, тоже не работают. Но почему же не погасли наши фонарики?

— Я думаю, потому, что он знает: они помогают его зверям быстрее найти нас. Попробуйте свой револьвер. Он ведь питается от электричества?

— Не работает, — простонал Ту. — Черт побери эту рухлядь!

— Вы еще можете вернуться, — произнес Кэрмоди. — Возможно, мы не выйдем из леса живыми, если все-таки найдем епископа.

— Да что с вами? Считаете меня трусом? Я никому, ни священнику, ни мирянину, не позволю называть меня так.

— Я совсем не это имел в виду. Но ведь ваша главная обязанность — отвечать за сохранность корабля, не правда ли?

— Да. И его пассажиров. Пошли.

— Мне показалось, что я ошибался. Я уже почти переменял мнение об Отце, — начал священник. — Возможно, он использовал свои силы, не зависящие от материальных источников, во имя добра. Но я не был уверен. Я проследил за ним, и затем, когда увидел его смерть, то понял, что был прав и что из любой попытки использовать его силы не получится ничего, кроме зла.

— Его смерть? Но он же был на «Чайке» минуту назад.

Кэрмоди торопливо рассказал капитану все, что он видел.

— Но ведь... Я не понимаю. Отец не может переносить прикосновения его собственных созданий, но тем не менее обладает полным контролем над ними. Как они могли восстать? И как он мог так быстро вернуться к жизни, если был разорван на куски? Может, есть еще один Отец, близнец нашего, который сыграл с нами злую шутку? Или, может быть, у него контроль лишь над частью зверей. Может, он удачливый укротитель, использующий своих ручных животных при общении с нами. А сегодня он попался в лапы зверям, с которыми не мог справиться?

— Вы отчасти правы. Во-первых, если это был мятеж, то он сам вызвал его, ибо это был ритуал. Я воспринимал его телепатические команды; я сам еле удержался, чтобы не прыгнуть и не впиться в него зубами. Во-вторых, мне кажется, он ожил столь быстро потому, что белое дерево — самое могучее и быстродействующее из всех железных деревьев. В-третьих, он обманывал нас, но не так, как вы думаете.

Кэрмоди замедлил шаг, отдуваясь и тяжело дыша.

— Пришло время расплаты за мои грехи. И да поможет мне Бог, сажусь на диету. И еще я начну делать зарядку, как только мы выберемся из этой передрыги. Ненавижу свой жир. Но как же я могу, голодая, усидеть за столом, полным всяческих яств, созданных для того, чтобы наслаждаться их вкусом? Как быть?

— Я могу вам сказать как быть, но у нас нет времени на подобные разговоры. Ближе к теме, — прорычал Ту. Он был известен своим презрением к чревоугодникам.

— Ну да ладно. Как я уже говорил, это было ритуалом самопожертвования. Именно из-за этого я дотемна бегал по лесу в поисках епископа. Я хотел сообщить ему, что Отец только отчасти лгал нам, когда утверждал, что он получил свою силу от Бога и поклоняется ему.

Это так. Но его бог — это он сам! В своем безграничном эгоизме он походит на старые языческие божества Земли, которые должны были убить себя, дабы совершить ритуальное жертвоприношение, и лишь затем воскреснуть. Например, Один, который подвесил себя на дереве.

— Но он ведь о них даже не слышал. Зачем ему подражать им?

— Он не мог знать мифы Земли. Но ведь существуют религиозные обряды и символы, которые универсальны, которые возникли одновременно на сотнях различных планет. Жертвоприношение Богу, причастие, церемонии сева и жатвы, понятие избранности людей;

символ — круг и крест. Отец мог почерпнуть такую идею в собственном мире. Или мог сам выдумать, что это самое высшее, на что он способен. У человека должна быть религия, даже если она состоит в поклонении себе.

Кроме того, не забывайте, что этот ритуал, как и многие другие, преследовал также и практические цели. Ему десять тысяч лет, и он сохраняет свою долговечность, время от времени «посещая» железное дерево. Он думал, что поедет с нами, и ведь пройдет немало времени, пока он сумеет вырастить железное дерево в чужом мире. Кальций накапливается в сосудистой системе, жир — в клетках мозга, есть и другие отработанные вещества, которые старят тело. Но они исчезают в процессе возрождения. Ты выходишь из дерева свежим и молодым.

— А черепа?

— Весь скелет совершенно не обязателен для воскрешения, хотя класть его в дупло стало обычаем. Осколка кости уже достаточно, ибо каждая клетка содержит весь генетический набор. Я, знаете ли кое-что просмотрел. Проблема состоит вот в чем: как в травоядных животных сохраняется инстинкт готовности умирать от зубов хищников? Если их плоть восстанавливается вокруг костей лишь в соответствии с генетическим кодом, то она оживает без памяти о прошлой жизни. Следовательно, у нее не должно быть условных рефлексов. А они есть. Значит, желе должно восстанавливать еще и прежнее состояние нервной системы. Как? Я предполагаю, что в момент смерти ближайшее скопление желе записывает волны, исходящие от клеток, включая клетки, ответственные за память. А потом воспроизводит их.

Итак, черепа Отца остаются снаружи, и когда он оживает, они встречают его. Это придает ему еще больше сил. Помнишь, он целовал их во время ритуала. Этим он выражал любовь к самому себе. Жизнь, целующая смерть, зная, что он покорил смерть.

— Брр!

— Да, и это то, что ожидает Галактику, в случае если Отец улетит отсюда. Анархия, кровавая битва до тех пор, пока в живых не останется лишь по одному человеку на каждой планете, застой, конец цивилизации в нашем понятии этого слова, никаких целей... Смотрите, показалось озеро!

Кэрмоди остановился за деревом. Андре стоял на берегу, спиной к ним. Голова его была опущена, будто он молился или медитировал. Или был очень опечален.

— Ваше Преосвященство, — мягко позвал Кэрмоди, выходя из-за дерева.

Андре вздрогнул. Он вскинул руки, до этого сложенные на груди. Но не повернулся. Сделав глубокий вдох, он согнул колени и нырнул в озеро.

Кэрмоди крикнул:

— Нет! — и бросился вслед за епископом, глубоко нырнув. Ту уже хотел последовать за ним, но остановился у самой кромки

воды. Он притаился там, пока волны от прыжков его предшественников не утихли, превратившись в мелкую рябь. В темной глади зеркала озера тускло отражался лунный свет. Капитан снял мундир и ботинки, но все еще медлил с прыжком. В этот момент водную гладь разорвала чья-то голова и донесся звук глубокого вдоха.

— Кэрмоди? Епископ? — позвал Ту.

Человек снова нырнул. Ту прыгнул в воду. Прошла минута. Затем одновременно из воды появились три головы. Капитан и священник вынырнули рядом с обмякшим телом Андре.

— Сопротивлялся, — хрипло пояснил Кэрмоди, грудь его быстро вздымалась и опадала. — Пытался отбиться. Ну... нащупал большими пальцами точки за ушами... где челюсть соединяется... нажал... обмяк, но я не знаю, наглотался ли он воды... или потерял сознание... или и то и другое... но сейчас нет времени для болтовни...

Священник положил епископа на землю, лицом вниз, повернул голову набок и встал на колени, как бы оседлав его спину. Положив ладони пониже плеч Андре, он начал ритмично давить на них, надеясь выгнать воду из легких и впустить туда воздух.

— Но как он мог? — простонал Ту. — Как он мог, рожденный и взращенный в вере, посвященный и уважаемый епископ, как он мог предать нас? Знаете, сколько он сделал для Церкви на Ярмарке? Он был великий человек. Но как он мог, зная, на что идет, покончить с жизнью?

— Заткните свою чертову пасть, — Кэрмоди жестко оборвал его причитания. — Вы хоть раз подвергались его искушениям? Да что вы знаете об его страданиях? Не смейте судить его! Лучше сделайте что-нибудь полезное. Задавайте мне ритм по своим часам. Ну, начали. Раз... два... три...

Пятьдесят минут спустя епископ уже был в состоянии сидеть, поддерживая голову руками. Ту отошел и стоял невдалеке, повернувшись спиной к священникам. Кэрмоди опустился перед епископом на колени и спросил:

— Ваше Преосвященство, вы можете идти? Мы должны как можно скорее выбраться из этого леса. Опасность витает в воздухе.

— Это более чем опасность. Это проклятие, — еле прошептал епископ.

Он встал, чуть опять не упав, но Кэрмоди поддержал его.

— Спасибо. Пошли. Ах, мой друг, зачем вы не дали мне утонуть и лежать на дне, где он никогда не нашел бы моих костей, и никто из людей не узнал бы о моем позоре?

— Еще не все потеряно, Ваше Преосвященство. Сам факт того, что вы сожалеете о своем решении и ведомы раскаянием...

— Поторопимся на корабль, пока еще не слишком поздно. Ах, я чувствую искру новой жизни. Вам ведь знакомо это ощущение, Джон. Она все растет и растет, разрастаясь, до тех пор, пока не заполнит все тело; ты готов взорваться огнем и светом. Это, должно быть, большое животное. Оно наверняка находится в ближайшем

дереве. Держите меня, Джон. Если у меня снова начнется припадок, тащите меня, даже если я буду сопротивляться.

Вы ведь тоже это чувствуете, но у вас хватает силы бороться, я же боролся с чем-то похожим всю свою жизнь. Я никому об этом не говорил, в молитвах я даже все отрицал — худшее, что только было можно сделать, — пока слишком долго истязаемое тело не одержало верх и не разразилось болезнью. А сейчас я чувствую, что... Торопись, торопись!

Ту схватил епископа под локоть и помог Кэрмоди тащить его сквозь темноту леса, разрезаемую лишь фонариком священника. Над ними нависал сплошной потолок сплетенных ветвей.

Что-то кашлянуло. Они остановились, обмерев.

— Отец? — прошептал Ту.

— Нет, боюсь, лишь его представитель.

В двадцати ярдах от них, преграждая дорогу, притаился леопард. Живые пятьсот фунтов, покрытые пятнистой шерстью и готовые к прыжку. Зеленые глаза мерцали, отражая свет фонарика. Круглые уши были насторожены. Внезапно самка поднялась и медленно направилась к группе. В ее движении забавно сочетались врожденная грация кошки и переваливающаяся походка толстяка. При других обстоятельствах люди вдоволь бы посмеялись над этим созданием, над жиром, покрывающим стальные мускулы, и над свисающим пухлым животом. Но не сейчас, когда она могла — и наверно собиралась это сделать — разорвать их на мелкие кусочки.

Неожиданно хвост, до того слегка извивавшийся вправо-влево, вытянулся. Самка издала рев и кинулась на отца Джона, который шел впереди Ту и Андре.

Отец Джон закричал. Его фонарик взлетел в воздух и, погаснув, упал в кусты. Огромная кошка взвыла и скрылась из виду. Были слышны лишь звуки тела, продиравшегося сквозь заросли, и горячая ругань Кэрмоди, который не богохульствовал, а лишь выражал свои чувства.

— Что случилось? — поинтересовался Ту. — И что вы тут делаете, стоя на коленях?

— Я не молюсь. Это я поберег на потом. Проклятый фонарик погас, и я никак не могу найти его. Помогите мне, сделайте хоть что-то полезное. Не бойтесь один раз запачкать руки; вы не на своей проклятой ракете.

— Но что произошло?

— Как загнанная в угол крыса, — простонал Кэрмоди, — я начал драться. Отчаявшись, я принялся махать кулаками и случайно заехал ей по носу. Лучше не придумаешь. Эти хищники толсты, ленивы и трусливы, десять тысяч лет живя и питаясь животными, созданными быть жертвами. Они слабаки. Любое сопротивление пугает их. Она бы не напала, если бы ей не приказал Отец. Не так ли, Ваше Преосвященство?

— Да. Он показывал мне, как контролировать любое животное Прорвы. Я еще не настолько поднатерел, чтобы опознать животное,

не видя его, и телепатически передать команду, но я способен на это на близких расстояниях.

— Вот, я нашел этот треклятый фонарик.

Кэрмоди включил его и встал.

— Значит, я ошибался, когда думал, будто кулак отпугнул этого монстра? Это вы ввергли его в панику?

— Нет. Я лишь отменил приказ Отца и предоставил кошке решать за себя. Конечно, уже было слишком поздно — коли она начала атаку, инстинкт довершит дело. Ее бегством мы обязаны лишь вашему мужеству.

— Если бы мое сердце колотилось чуть послабее, я бы поверил в это. Ну ладно, пошли. Ваше Преосвященство, вам уже лучше?

— Я не отстану, как бы быстро вы ни шли. И оставьте в покое титулы. Мое непослушание решению Судилища автоматически подразумевает отставку. И вы знаете это.

— Я знаю только то, что рассказал мне Ту со слов Отца.

Они пошли дальше. Время от времени Кэрмоди освещал фонариком уже пройденный путь. Он делал это, так как заметил, что леопард или одна из ее сестер следует где-то в сорока ярдах за ними.

— Мы не одни, — произнес он. Андре ничего не сказал. Ту, неправильно истолковав его слова, начал молиться весьма низким голосом. Кэрмоди не стал ничего объяснять и лишь ускорил шаг.

Неожиданно мрак леса отступил перед ярким сиянием луны. На поляне все еще толпились люди, но на сей раз они уже стояли не на опушке, а под корпусом корабля. Отца не было видно.

— Где же он? — крикнул Кэрмоди. С другой стороны поляны ему ответило эхо; в этот же момент фигура гиганта появилась в освещенном проеме главного шлюза. Нагнувшись, Отец прошел через него и спустился по ступенькам трапа, чтобы продолжить внизу свою безмолвную вахту.

— Господи, дай мне силы, — пробормотал Андре.

— Вы должны сделать выбор, — обратился Кэрмоди к капитану. — Сделайте то, что вам подсказывают вера и разум. Или подчинитесь уставу Саксвелла и Сообщества. Что же вы выбираете?

Ту стоял в напряженном молчании; погруженный в свои мысли, он казался отлитым из бронзы. Не дожидаясь его ответа, Кэрмоди направился к кораблю. Посередине поляны он остановился, потряс сжатыми кулаками и крикнул:

— Нет смысла пытаться вселить в наши души панику, Отец. Зная, что ты делаешь и как, мы в состоянии противостоять этому, ибо мы — люди!

Его слова не долетели до людей, толпящихся вокруг корабля. Они кричали друг на друга и боролись за место на ступеньках, чтобы побыстрее попасть внутрь. Отец, должно быть, собрал все деревья в округе в единую батарею, испускающую устрашающие волны, самую могучую из созданных им. Волна походила на прилив, унося

всех с собой. Всех, за исключением Кэрмоди и Андре. Даже Ту не выдержал и побежал к «Чайке»

— Джон, — простонал епископ. — Простите меня. Но я не в силах этого вынести. Я не про ультразвук. Нет. Я про предательство. Призрак того, против чего я боролся еще с юности. Это неправда, что, когда ты видишь лицо неизвестного врага, ты уже наполовину победил. Я не могу этого вынести. Меня неодолимо тянет стать этим проклятым Отцом... Мне очень жаль, поверьте. Но я должен...

Он повернулся и побежал в лес. Кэрмоди было погнался за ним, крича, но очень скоро отстал. Вдруг впереди него, в темноте, раздался рев. Затем крик. И тишина.

Не колеблясь ни секунды, священник бросился вперед, держа фонарик в вытянутой руке. Когда он увидел большую кошку над скрюченным телом, серой мохнатой лапой разрывающую живот жертвы, он снова закричал и пошел в атаку. Огромная кошка зарычала, выгнув спину; казалось, она вот-вот поднимется на задние лапы и раздерет смельчака окровавленными когтями. Но она лишь зарычала, повернувшись и скачками унеслась прочь.

Но было уже слишком поздно. На этот раз ничто не вернет епископа к жизни. Разве что...

Кэрмоди содрогнулся и поднял бездыханное тело. Пошатываясь, он пошел к кораблю. На поляне его ждал Отец.

— Отдай мне тело, — прогремел голос.

— Нет! Ты не поместишь его в железное дерево. Я забираю его на корабль. Когда мы вернемся домой, мы устроим ему достойные похороны. Ты можешь прекратить наводить панику. Я разъярен, а не напуган. Мы улетаем и, несмотря ни на что, не берем тебя. Будь проклят и делай что хочешь.

Голос Отца смягчился. Теперь он звучал печально и задумчиво:

— Ты не понимаешь, человек. Я забрался к вам в ракету, вошел в каюту епископа и попытался сесть в кресло, которое оказалось слишком мало для меня. Мне пришлось устроиться на холодном жестком полу; сидя, я размышлял о новом путешествии в огромном межзвездном пространстве, о многих чужих, неуютных и тошнотворно низкоразвитых мирах. Мне показалось, что стены начали двигаться и смыкаться надо мной. Они хотели сокрушить меня. Неожиданно я осознал, что не смогу выдержать пребывания в четырех стенах ни минуты, и, хотя наше путешествие закончилось бы очень скоро, я бы опять оказался в замкнутом пространстве. Там будет множество пигмеев, кишаших вокруг меня, сокрушающих друг друга и, возможно, меня в попытке поглазеть на чудо, прикоснуться ко мне. Их будут миллионы, и все захотят потрогать меня своими грязными волосатыми маленькими лапами. Я подумал о планетах, кишаших нечистоплотными женщинами, готовыми рожать, и обо всем, сопутствующем их греховности. Подумал о мужчинах, обезумевших от желания населить их детьми. Подумал о безобразных городах, воняющих мусором. Подумал о пустынях, которые захлестывают эти неряшливые миры, о беспорядках, о хаосе, о несовершенстве.

Мне пришлось выйти наружу, чтобы вдохнуть чистый и надежный воздух Прорвы. Это было тогда, когда появился епископ.

— Тебя ужаснула сама мысль о перемене. Я пожалел бы тебя, если бы не то, что ты сделал с ним, — процедил Кэрмоди, кивнув на свою окровавленную ношу.

— Мне не нужна твоя жалость. Ведь я Отец. А ты лишь человек, которому суждено навсегда обратиться в прах. Но не вини меня. Он мертв по собственной вине, а не по моей. Спроси у его кровного отца, почему он получал не любовь, но лишь удары, почему его стыдили, даже не говоря за что, почему его учили прощать других, а не себя.

Достаточно. Отдай мне тело. Он мне нравился, я почти мог переносить его прикосновение. Даже мне необходим кто-нибудь, с кем можно поговорить, кто понимает меня.

— С дороги! — потребовал Кэрмоди. — Андре сделал свой выбор. Он завещал мне позаботиться о нем. Я любил его, несмотря на то что не всегда одобрял его мысли и поступки. Он был великим человеком, несмотря на все его недостатки. Никто не мог сравниться с ним. С дороги, иначе мне придется применить насилие, которого ты так боишься, хотя это не мешает тебе посылать в качестве исполнителей диких зверей. С дороги!

— Ты опять не понимаешь, — прошептал гигант, одной рукой вцепившись в бороду. Черные подернутые серебром глаза смотрели на Кэрмоди. Через минуту священник затащил свою ношу в «Чай-ку». Мягко, но неумолимо закрылась за ним дверь шлюза.

Некоторое время спустя капитан Ту, сделав все необходимое для подготовки к гипертрансляции, зашел в каюту епископа. Кэрмоди был там, стоя на коленях перед кроватью, на которой лежало тело.

— Я немного задержался из-за того, что мне пришлось забрать у миссис Рэкки бутылку и ненадолго запереть ее, — объяснил капитан. Немного помолчав, он продолжил: — Только не думайте, что я ненавижу покойного. Но правда есть правда. Епископ совершил самоубийство и недостоин чести быть похороненным в освященной земле.

— Откуда вы можете это знать? — возразил Кэрмоди, не поднимая головы; губы его продолжали беззвучно шевелиться.

— Не считите это за неуважение к покойному, но у епископа была власть над животными. Он приказал зверю убить его. Это было самоубийство.

— Но вы забываете, что волны паники, использованные Отцом, для того чтобы побыстрее загнать нас на корабль, действовали и на животных. Зверь мог убить епископа лишь потому, что он оказался у него на пути. Как мы теперь сможем узнать правду?

Кроме того, Ту, не забывайте о том, что епископ, может быть, даже мученик. Он знал, что единственным средством вынудить Отца остаться на Прорве была его смерть. Отец не смог бы выдержать мысли, что его планета останется без присмотра. Андре был единст-

венным из нас, кто мог занять место Отца в его отсутствие. В этот момент он, конечно же, не знал, что Отец переменил свое решение из-за неожиданного приступа клаустрофобии.

Все, что епископ знал в этот момент, так это то, что его смерть прикует Отца к Прорве и освободит нас. И если он преднамеренно убил себя при помощи хищницы, то разве при этом он перестает быть мучеником? Женщины предпочитали смерть бесчестьем и были канонизированы.

Мы никогда не узнаем истинной причины смерти епископа. Что же, пусть это знает только Бог.

Что же касается владельца Прорвы, мое предчувствие оправдилось. Ни одно слово его не было правдой, и *он* был так же труслив, как и его жирные и ленивые звери. *Он* не был богом. *Он* был Отцом... Лжи.

ОТНОШЕНИЯ

Роджер Тандем, как щитом, прикрылся веером карт. Взгляд его с увертливостью ласки скользил по лицам других игроков в пинокль, сидящих вокруг стола в кают-компании межзвездного корабля «Леди Удача».

— Отец Джон, — сказал он. — Я прекрасно понимаю, к чему вы клоните. Вы будете очень мило относиться ко мне, отпускать шутки и играть со мной в пинокль, хотя, конечно, не на деньги. Вы даже будете пить со мной пиво. И после того как я приду к выводу, что вы действительно прекрасный человек, вы подведете меня к этим темам. Вы раскроете их под определенным углом, тактично уходя в сторону, если они будут меня утомлять или тревожить, но не перестанете ходить вокруг и около. И внезапно, когда я потеряю бдительность, вы приподнимете крышку адского котла и пригласите заглянуть в него. И вы считаете, я настолько перепугаюсь, что стремглав кинусь под крыло Матери Церкви.

Отец Джон, не торопясь, поднял от карт светло-голубые глаза и мягко сказал:

— Вторая половина вашей последней фразы полностью соответствует истине. Что же до остального... то кто знает?

— Что касается религии, вы очень умны, отче. Но со мной у вас ничего не получится. И знаете почему? Потому что у вас нет правильного отношения.

Остальные пять игроков изумленно вскинули брови, которые так и застыли в положении крайнего удивления. Роудс, капитан «Леди Удачи», отчаянно раскашлялся и наконец, вытерев побагровевшее лицо платком, сказал:

— Черт побери, Тандем, что... м-м-м... что вы имеете в виду, говоря... м-м-м... что у него нет правильного отношения?

Тандем улыбнулся как человек, бесконечно уверенный в себе:

— Я знаю, вы подумали, что я явно перегнул палку, употребив это выражение. Роджер Тандем, профессиональный игрок, коллекционер и продавец *objets d'art*, осмелился упрекнуть падре. Но мне нечего добавит к своим словам. Я считаю, что не только у отца

Джона нет правильного отношения. Никто из вас, джентльмены, не обладает им.

Все промолчали. Тандем скривил губы в ухмылке, но его партнеры не заметили ее, потому что он прикрывал рот картами.

— Всем вам в той или иной мере свойственно ханжество, — сказал он. — И знаете почему? Потому что вы боитесь воспользоваться теми возможностями, что у вас есть, вот почему. Вы говорите себе, что не знаете, есть ли жизнь после этого существования, но, может, и есть. А потому вы решаете, что на всякий случай безопаснее уцепиться за какую-нибудь религию. У всех вас, джентльмены, разное вероисповедание, но всем вам свойственно нечто общее. Вы считаете, что ничего не потеряете, если станете возносить того или иного бога. С другой стороны, если вы будете отрицать его существование, не исключено, что окажетесь в проигрыше. Так почему бы не поклоняться кому-то? Это безопаснее. — Он положил карты, закурил и торопливо выпустил клуб дыма, который вуалью повис у него перед лицом. — А вот я не боюсь пользоваться тем, что у меня есть сейчас. Я играю на большие ставки. Ставлю мою так называемую вечную душу против убеждения, что есть жизнь и после смерти. Чего ради я вечно должен *избегать* делать то, что мне хочется, занимаясь гнусным лицемерием, когда могу доставить себе удовольствие?

— Вот тут-то, — сказал отец Джон Кэрмоди, — вы и готовы впасть в заблуждение. Я считаю, что как раз *вы* придерживаетесь неправильных взглядов. Все мы в той или иной мере участвуем в игре, где выиграть можно *только одним* способом. Обратившись к вере. Но ваш метод повышать ставки, с моей точки зрения, довольно бессмыслен. Пусть даже вам повезет, знать об этом не дано. Как вы получите свой выигрыш?

— Пока я живу, отче, — сказал Тандем. — Этого мне достаточно. А когда я отдам концы, меня не будут волновать упреки, что, мол, я скрылся, не расплатившись с долгами. И кстати, должен сказать, отче, что верой вы оперируете куда лучше, чем картами. Вам же известно, что игрок *вы* слабоватый.

Священник улыбнулся. Его круглое пухлошее лицо не отличалось правильностью черт, но добродушное выражение придавало ему своеобразное обаяние. Нельзя было отделаться от ощущения, что в нем звучит некий камертон, излучая радость, которую священник приглашает разделить с ним.

Тандему нравилось его общество, если не считать, что он терпеть не мог быть объектом юмора. Он снова скривил губы выражением, которое ему столь часто приходилось прятать за веером карт.

В это мгновение громогласно ожил интерком, а над входом в кают-компанию замигала желтая лампочка.

— Прошу прощения, джентльмены. — Капитан Роудс поднялся. — Мне необходимо... м-м-м... вернуться в пилотскую кабину. Мы вот-вот будем завершать Переход. И не забывайте, что как только

над входом загорится красный сигнал, мы очутимся в... м-м-м... свободном падении.

Партия так и осталась неоконченной. Карты были убраны в коробку, магнитные присоски которой надежно держали ее на металлической пластинке стола. Игроки, откинувшись на спинки кресел, стали ждать, когда «Леди Удача», выйдя из Перехода, минут на десять окажется в состоянии невесомости, пока компьютеры автоматически не возобновят ее вращение.

Если им удастся выйти в намеченной точке, то дальше они продолжат полет с нормальной для космоса скоростью.

Тандем обвел взглядом кают-компанию и вздохнул. На поживу в этом рейсе рассчитывать не приходится. Большую часть времени он провел, играя на интерес с отцом Джоном, капитаном Роудсом, миссионером церкви Всеобщего Света и двумя профессорами социологии. Как ни печально, но у его напарников не было денег и они считали себя джентльменами. Играй они по-серьезному, то скорее всего оскорбились бы, предложи кто-нибудь установить над карточным столом индикатор психокинеза или экстрасенсорного восприятия. А Тандем, не задумываясь, пустил бы в ход любой из своих талантов. Он считал, что судьба не случайно наделила его ими. Размышления же, кто конкретно одарил его этими способностями, не отягощали его.

Какие-то деньги он сделал во время прыжка от беты Парусов до игрека Скорпиона, когда ему повезло завязать знакомство с богатым молодым любителем игры в кости, который просто оскорбился бы, предложи вы такие меры предосторожности. Вот уж кто был *настоящий* игрок. То есть он понимал, что психокинетик может засечь поток запрещенной во время игры энергии, которую партнер пускает в ход. Но, с другой стороны, он испытывал тягу к восхитительному риску, когда играешь с партнером, который не уступает тебе в силе. Или даже превосходит тебя.

В любом случае, когда двое таких «талантов» садились играть с компанией игроков, не обладающих психокинезом, никто из них не намекал, что второй — жулик. Они вели дуэль между собой, считая себя «аристократами» от игры. Плебс оставался безжалостно обобран, и к концу игры у него не оставалось ни денег, ни сообразительности.

Тандем уверенно обставлял состоятельного молодого человека. Но едва только он вывел его на большие ставки, «Леди Удача» (просто издевательское название для корабля!) вынырнула из Перехода у места назначения, игра закончилась, и вскоре сосунок покинул борт лайнера.

И теперь Тандем был не только на грани срыва, но и, что хуже всего, чувствовал усталость и скуку. Даже долгий спор с отцом Джоном — если можно считать таковым столь мягкий обмен безностями — не смог завести его. И, может быть, именно неудача попытки почувствовать возбуждение и смутное ощущение, что пад-ре все же одержал верх над ним, подвинули его на этот поступок.

Когда стал мигать красный свет и голос из интеркома призвал пассажиров к осторожности, Тандем расстегнул страховочный ремень кресла и, легко оттолкнувшись от пола, воспарил к потолку. Плавая там, он молитвенным жестом сложил руки, поднеся их к лицу, и принял выражение, в котором удивительным образом сочетались тупость и благолепие.

— Эй, отец Джон! — крикнул он. — Смотрите! Иосиф Купертинский!

Обитатели кают-компаний, смущенно взглянув на него, позволили себе несколько нервных смешков. Даже поборник церкви Всеобщего Света, для которого падре был соперником и конкурентом, нахмурился при этой демонстрации исключительно плохого вкуса, подумав, что определенным образом она оскорбляет и его верования.

— Неправильное отношение, — пробормотал он, — решительно неправильное.

Отец Джон лишь моргнул, увидев, как Тандем издевается над теми трудностями, которые испытывал знаменитый средневековый святой, обладавший способностью к произвольной левитации. Однако ему и в голову не пришло оскорбиться. Он спокойно извлек из кармана блокнот и стал писать. Что бы вокруг ни происходило, он старался извлечь пользу из всего сущего. Явись перед ним даже дьявол, он бы и его поблагодарил за возможность такого знакомства. Шутовские ужимки Тандема навели его на мысль о статье. Если он успеет кончить ее и отправить с судовой почтой, материал может выйти в следующем номере периодического издания ордена.

Ее можно назвать «Человек в свободном падении: вверх или вниз?».

Тандем испытал краткое искушение сойти с корабля на следующей остановке, на Вайлденвули. Это была девственная невозделанная планета, которая требовала от поселенцев тяжелого труда и не предоставляла практически никаких развлечений. Одним из немногих являлись азартные игры. Но беда заключалась в том, что на Вайлденвули жило не так много людей с хорошими деньгами, и, кроме того, ее обитатели обладали болезненной особенностью бросаться с места в карьер. Неизменная удачливость Тандема вызовет у них подозрительность, и имей они в своем распоряжении индикатор, то, конечно же, пустят его в ход. На способности Тандема прибор не повлияет, но результат его применения может оказаться столь же печален, как внезапная полоса неудач.

В какой-то мере все обладали психокинезом. Индикаторы обычно устанавливали на такой высоте, что те не фиксировали средний энергетический уровень. Тандем же и другие, подобные ему, играя с нормальными людьми, должны были жестко контролировать свои способности. Но почти всегда в ходе игры они заводились, не могли справиться с искушением и пускали в ход свои экстраординарные таланты. Исход зависел от выдержки. Чтобы избежать таких двусмысленных ситуаций, им приходилось полностью подавлять свои

способности. А поскольку обитателям Вайлденвули вряд ли удалось бы *доказать* факт шулерства, они могли прибегнуть к старой привычке брать дело отправления закона в свои руки.

А так как Тандем не испытывал желания оказаться побитым или вывезенным из города на шесте — омерзительное воскрешение давнего американского обычая, — то он решил остаться на борту «Леди Удачи» до посадки на По Чу-И. Планета была населена «небожителями», чьи карманы топорщились от пачек кредитов Федерации, а глаза горели древним огнем предвкушения встречи с Дамой Фортуной.

По пути к По Чу-И лайнер сделал остановку на Вейцмане и взял на борт еще одного богатого молодого человека. Тандем потер руки и выдал сосунку все, на что был способен. Век техники обладает неоспоримыми достоинствами. Но каких бы высот ни достигла наука, всегда можно найти тот самый извечный тип человека, который буквально просит, чтобы его обобрали. Обеспеченный юноша сам нашел несколько партнеров, которые сели играть с ним, постоянно повышая ставки. Тандем, водружая вокруг себя горы фишек, откровенно игнорировал тех, с кем играл раньше — капитана, профессоров и двух достопочтенных священнослужителей. К сожалению, едва лишь корабль снялся с По Чу-И, молодой человек помрачнел, заспорил с Тандемом относительно того, что игра его чем-то не устраивает, и в конце концов поставил ему синяк под глазом.

Тандем не полез в драку. Но сказал юному богачу, что подаст против него иск в земной суд за то, что тот нарушил его свободу воли. Он никому не давал права бить себя. Более того, он готов добровольно подвергнуться инъекции телолоа. И когда его допросят под воздействием препарата, станет совершенно ясно, что он не жульничал.

В силу какой-то причины, которую он так и не понял, никто, кроме отца Джона, до конца путешествия не вступал с ним в разговоры. Но и сам Тандем не утруждал себя общением с падре. Он поклялся, что на следующей же стоянке покинет корабль, в каком бы мире тот ни опустился.

Но «Леди Удача» нарушила его планы, совершив посадку на планете, которая для землян была терра инкогнита. Никаких земных поселений тут не существовало. Единственной причиной посадки была необходимость залить водой резервуары.

Капитан Роудс сообщил команде и пассажирам, что можно выйти на поверхность Кубейи и размять ноги, но забредать на другую сторону озера не рекомендовал.

— М-м-м... леди и джентльмены... м-м-м... так уж вышло, что агенты социологической федерации заключили... м-м-м... заключили с аборигенами соглашение относительно нашего пребывания в данном месте. Мы никоим образом не должны входить в какие-либо отношения с... м-м-м... самими кубейядцами. Местное население имеет специфические обычаи, которые мы... м-м-м... то есть земляне, можем оскорбить — если вы простите такое выражение — сво-

им невежеством. Кроме того, некоторые их привычки и правила носят... м-м-м... если я могу так выразиться, несколько животный характер. Думаю, что умным этого... м-м-м... достаточно.

Тандем выяснил, что для заправки кораблю потребуется не меньше четырех часов. Иными словами, прикинул он, для совершения небольшой прогулки с целью исследования окрестностей времени более чем достаточно. Он хотел составить хоть беглое представление о Кубейе, чему, однако, препятствовало место посадки в небольшой лесистой долине. Но если подняться на холм, а там взобраться на дерево, то можно рассмотреть туземное поселение, белые здания которого блеснули в иллюминаторе, когда корабль опускался на инопланетную почву. Откровенно говоря, если бы не предупреждение капитана, городок бы его не заинтересовал. Но для Тандема указание капитана прозвучало прямым запрещением. А еще в детстве он испытывал особое наслаждение, когда не слушался отца. И, став взрослым, никогда не поклонялся авторитетам.

Задумчиво склонив голову и прикрывая рукой рот и подбородок, Тандем неторопливо обошел гигантский корабль, не встретив никого, кто мог бы приказать ему вернуться. Он ускорил шаги. И тут же услышал чей-то голос:

— Подождите меня! Я пройду с вами!

Он повернулся. Это был отец Джон.

Тандем напрягся. Священник улыбался, сияя светло-голубыми глазами. Это-то его и смущало. Тандем не доверял этому человеку, потому что тот был непредсказуем. Невозможно было представить, что он сделает в следующий момент. То он был мягок, как банановая кожура, а через минуту становился колюч, как трехдневная щетина.

Игрок опустил руку, чтобы стала видна его полуулыбка-полуухмылка.

— Если я попрошу вас пройти со мной мило, отче, то, в соответствии с вашими верованиями, вы должны преодолеть со мной, самое малое, две мили.

— С удовольствием, сын мой, если не считать, что капитан запретил подобные прогулки. И как я предполагаю, не без оснований.

— Послушайте, отче, что случится, если мы немного осмотримся вокруг? Для туземцев эти места табу. То есть они нас не тронут. Так почему бы не прогуляться?

— Нет никаких оснований пренебрегать распоряжениями капитана. В данный момент он полновластный хозяин корабля, это его маленький мир, подлежащий его юрисдикции. Он знает свое дело, и я уважаю его приказы.

— О'кей, отче, можете и дальше прятаться под покровами смиренности. Хотя в них и спокойно, но вы никогда не испытаете радость знакомства с другим миром. Я же воспользуюсь возможностью. Пусть даже она мне ничего и не даст.

— Надеюсь, что вы правы.

— Послушайте, отче, да избавьтесь вы от этого скорбного выражения на физиономии. Я просто поднимусь на соседнюю горку и влезу на дерево. И тут же вернусь. Что в этом плохого?

— Вам лучше знать.

— Конечно, — сказал Тандем, снова прикрывая рукой рот. — Все зависит от вашего отношения, отче. Идти вперед, никого не бояться, не прятаться ни от кого и ни от чего — и вы в конечном итоге расстанетесь с жизнью столь же легко и свободно, как и пришли в нее.

— Я согласен, что в конце концов вы покинете эту жизнь так же, как и пришли в нее. Но что касается первой части вашего утверждения, то тут я готов поспорить. В ваших действиях нет смелости. Вы боитесь. Вы прячетесь.

Тандем уже было тронулся с места, но, остановившись, повернулся:

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что вам все время приходится скрываться от чего-то или от кого-то. Иначе зачем вы все время прикрываете рот рукой или веером карт? А когда вы открываете лицо, его выражение говорит, с каким презрением вы относитесь ко всему миру. Почему?

— Начинается психиатрия! — фыркнул Тандем. — Оставляйтесь здесь, отче, и прогуливайтесь по своей тропочке. А я отправлюсь взглянуть, что может нам предложить Кубейя.

— Только не забывайте, что через четыре часа мы улетаем.

— У меня есть часы, — сказал Тандем и, засмеявшись, добавил: — Они будут исполнять роль моей совести.

— Часы могут отказать.

— Как и совесть, отче.

Продолжая посмеиваться, Тандем двинулся в путь. На середине подъема он остановился и обернулся. Отец Джон продолжал стоять на месте, глядя ему вслед — одинокая маленькая черная фигурка. Должно быть, он немного сменил положение, потому что луч солнца, упавший на полукружие белого воротника, ударил Тандему в глаза. Прищурившись, он выругался, закурил сигарету и почувствовал себя куда лучше в облачке синеватого дыма. Чтобы расслабиться и успокоиться, нет ничего лучше хорошей затяжки.

О Тандеме можно было сказать, что он всю жизнь искал паршивых овец, которых можно стричь. И стоит отметить, что находил без особого труда.

С наблюдательной вышки на вершине высокого дерева перед ним открылась соседняя долина. Там он и увидел «паршивых овец». Они водились даже на Кубейе.

У подножия холма двумя концентрическими кругами располагалась толпа аборигенов, и ошибиться относительно цели их занятий было просто невозможно. В малом, внутреннем, кругу все стояли на коленях, внимательно наблюдая за неким предметом в центре

окружности. Все остальные сгрудились вокруг, столь же пристально наблюдая за предметом, который напоминал флюгер. Но, естественно, таковым не был. Судя по поведению собравшихся, Тандем догадывался о его предназначении. Сердце у него радостно подпрыгнуло. Ошибки тут быть не могло. Запах азартной игры он чувствовал за милю. Эта несколько отличалась от ее земных разновидностей, но суть была той же самой.

Он торопливо спустился с дерева и стал пробираться меж древесными стволами на склоне холма. Глянув на часы, он убедился, что в его распоряжении еще три с половиной часа. К тому же вряд ли капитан Роудс мог улететь без одного из пассажиров. А Тандем просто обязан ознакомиться с возможностями кубейянской игры. Он, конечно, не станет участвовать в ней, потому что не знает правил, да и местной валюты, которая дала бы ему право участия, у него нет. Он просто понаблюдает за игрой и двинется в обратный путь.

У Тандема гулко колотилось сердце, а ладони повлажнели. Ради этих эмоций он и жил — напряжение, неопределенность и, наконец, восторг. Все поставить на карту. Выиграть или проиграть. Давайте же, кости, катитесь, принесите папочке удачу!

Он невольно усмехнулся. О чем он себе думает? Ему не суждено испытать этих радостей. Вполне возможно, кубейянцев так потрясет появление землянина, что игре придет конец. Хотя это вряд ли. Игроки полностью отдаются азарту. И пока на кону есть деньги, которые можно выиграть, ничто, кроме разве землетрясения или полиции, не способно оторвать их от игры.

Не обнаруживая своего присутствия, Тандем присмотрелся к игрокам. Гуманоиды с коричневой кожей, круглые головы покрыты короткой щетиной жестких выгоревших волос, треугольные лица без следов растительности, если не считать шести хрящеватых отростков на длинной верхней губе, черные одутловатые носы, напоминающие формой боксерскую перчатку, черные кожистые губы, острые, как у плотоядных хищников, зубы и массивные подбородки. Вокруг шен у каждого топорщился гребень выгоревших волос.

На всех были длинные черные рубашки и белые бриджи до колен. Шляпу носил лишь один из игроков. Этот туземец, похоже, был кем-то вроде хозяина манежа или, точнее, «крупье», как прикинул Тандем. Он был выше и стройнее остальных и носил высокую, типа митры, шляпу с большим зеленым козырьком. Он стоял неподвижно, разрешая споры относительно ставок и давая сигнал к началу очередного кона. Именно этот «крупье», понял Тандем, сможет смирить возбуждение толпы при виде новичка.

Он перевел дыхание, набрал в грудь воздуха, привычно скривил губы и вышел из-за кустов.

Тандем не ошибался, предполагая, как кубейянцы отнесутся к незнакомцу. Те, что составляли внешний круг, оглянулись, вытаращили раз и навсегда прищуренные глаза и насторожили острые, как у лис, уши. Но, убедившись, что пришелец не представляет

опасности, вернулись к игре. То ли их культуре был присущ обычай изображать равнодушие, то ли их в самом деле было трудно удивить. Но в любом случае Тандем решил воспользоваться выпавшей ему на долю удачей.

Он попытался осторожно протиснуться среди зрителей и убедился, что они охотно уступают дорогу. Чтобы оказаться в первом ряду, много времени не потребовалось. Он в упор уставился на «крупье», который ответил ему загадочным, но явно заинтересованным взглядом, после чего вскинул над головой обе руки, скрестив по два из четырех пальцев на каждой кисти. Толпа, дружно повторив этот жест, ответила ему хриплым вскриком. Затем «крупье» опустил руки, и игра продолжилась, словно землянин присутствовал здесь всегда. Внимательно присмотревшись к ней в течение нескольких минут, Тандем пришел к убеждению, что понял ее суть, которая в принципе была не чем иным, как усовершенствованной версией земной «бутылочки».

В центре внимания находилось шестифутовое изображение кубейянца. Раскинув руки под прямым углом и сомкнув ноги, он лицом вниз вращался на штыре, один конец которого упирался ему в пупок, а второй был надежно укреплен в массивной мраморной плите.

Голова фигуры была выкрашена в белый цвет, ноги — в черный. Одна рука была красной, а другая зеленой. Все тело было серовато-стального цвета.

Сердце Тандема быстро забилося. Фигура, судя по всему, платиновая.

Он продолжал наблюдать за игрой. Игрок ухватился за руку статуи и на своем экзотическом языке затянул речитатив, интонации которого на удивление походили на те моления, которые возносит игрок на Земле, прежде чем бросить кости. Затем по сигналу «крупье» он с силой раскрутил статую. Та стала вращаться на штыре, отбрасывая красные, зеленые, черные, белые и серебристые отблески. Когда вращение замедлилось, игрок, затаив дыхание, сел на корточки и в ожидании удачи протянул к ней руки, безмолвно взывая к судьбе, что во всей Галактике выглядело одинаково, на каком бы языке ни возносились моления.

А тем временем игроки и зрители делали ставки. Каждый имел при себе одну или несколько уменьшенных копий статуи. Пока та вращалась, все оживленно жестикулировали, переговариваясь друг с другом, и подбрасывали свои фигурки, заставляя их кувыркаться в воздухе. Тандем был уверен, что и они из платины.

Вращение центральной фигуры прекратилось. Зеленая рука указывала на одного из игроков. Толпа взревела. Многие, проталкиваясь вперед, складывали свои фигурки у ног счастливицы. Тот снова толкнул «вертушку», как Тандем окрестил изображение.

Теперь землянину предстояло проанализировать правила и ход игры. Итак, ты берешь одну из своих маленьких фигурок и кидаешь в воздух. Если она втыкается головой или одной из конечностей в землю, а остановившаяся «вертушка» указывает на тебя рукой или

ногами того же цвета, тебе достаются все статуэтки, что легли по другую сторону или пришлось не тем цветом.

Если же «вертушка» указывает на тебя, но твоя «ставка» воткнулась в землю не тем цветом, ты остаешься при своих интересах и получаешь право еще на одну попытку. Затем испытывает удачу следующий за тобой.

Мысленно потеряв руки, Тандем протянул соседу часы и дал понять, что хотел бы обменять их на фигурку. Увидев величественный кивок «крупье», наивный туземец согласился на обмен и, похоже, остался весьма доволен.

Пока еще не выделяясь из толпы, Тандем сделал несколько ставок и выиграл. Обзаведясь фигурками, он смело протолкался во внутренний круг и, утвердившись там, спокойно пустил в ход свою психокинетику, заставив «вертушку» замедлить вращение и остановиться в нужном месте и на нужном цвете. Он был достаточно умен, чтобы не останавливать ее перед собой несколько раз подряд; большую часть своего стремительно растущего богатства он собрал за счет случайных ставок, находясь в толпе зрителей. Порой он проигрывал сознательно, порой случайно. Он не сомневался, что многие аборигены обладают подсознательными психокинетическими способностями, которые, стоит им сосредоточиться на каком-то цвете, могут принести удачу. Тандем то и дело ощущал легкие энергетические всплески, но не мог четко определить их местонахождение. Они терялись в общей сумятице.

Впрочем, это неважно. Туземцы не обладали его отточенным и отшлифованным талантом.

Забыв обо всем, Тандем предался созерцанию толпы. Он был в одиночестве среди инопланетян и замечал, как те мрачнели, когда он начинал стабильно выигрывать. Чтобы они успокоились, он был готов начать проигрывать или же, если это не поможет, обратиться в бегство. Только он никак не мог сообразить, каким образом удастся удрать, таща с собой столь увесистый выигрыш. Но не сомневался, что как-нибудь выкрутится.

Но ничего из того, чего он с такой тревогой ждал, не произошло. Туземцы перестали хищно шериться, и в их налитых кровью глазах появились даже дружелюбное выражение. Когда он выигрывал, его по-приятельски хлопали по спине. Кое-кто помогал складывать кучу статуэток. Тандем поглядывал на играющих краем глаза, дабы никому из туземцев не пришлось в голову сунуть часть его выигрыша под длинную черную ворсистую рубаху, напоминающую земной стихарь. Но никто не предпринимал таких попыток.

День тянулся и блестел переливами красного и зеленого, белого, серебряного и тускло-черного цветов. Постепенно груда фигурок у ног Тандема превратилась в небольшую горку.

Сохраняя внешнее спокойствие, в глубине души он чувствовал восхитительное опьянение. Но он был не настолько поглощен азартом, чтобы время от времени не поглядывать на часы, красовавшиеся на волосатой кисти одного из туземцев, которому он их

сторговал. И неизменно убеждался, что остается время сыграть еще кон.

При всей своей поглощенности игрой он успел заметить, что толпа зрителей растет. Игра походила на все азартные игры, где бы они ни происходили. Стоит кому-то завестись, и каким-то тайным психологическим образом, недоступным для понимания, все вокруг впадают в это же состояние. Туземцы узкими тропками пробирались в эту небольшую долину, протискивались среди зрителей поближе к игрокам, громко болтали, свистели, аплодировали, издавая странные каркающие звуки, и от сгрудившихся под жарким солнцем потных волосатых тел шли густые ароматы. Блестели щелочки глаз с красноватыми белками; настороженно дергались остроконечные уши; топорщились гривы выгоревших волос на шеях; длинные красные языки с зеленоватыми утолщениями на концах облизывали тонкие черные губы; то и дело к небу характерным жестом вздымались руки с перекрещенными двумя из четырех пальцев.

Тандем ни на что не обращал внимания. Он лишь слышал — и обонял — толпу как нечто неизменное. Выигрывая, он был преисполнен буйной радости.

Пусть «вертушка» крутится и дальше! Пусть порхают в воздухе статуэтки! Пусть растет у его ног гряда добра! Вот она, жизнь. Никакая выпивка, никакие женщины не могут сравниться с этим ощущением!

Настал момент, когда перед ним осталось лишь четверо аборигенов, у которых еще имелись статуэтки. Настал черед Тандема раскручивать «вертушку». Он подбросил свою фигурку высоко в воздух, отметил, что она воткнулась в мягкий песок черными ногами, и сделал шаг вперед, чтобы придать вращение основной фигуре. Искоса глянув на «крупье», он увидел, что покрасневшие белки его глаз заплыли слезами.

Тандем удивился, но даже не сделал попытки понять, что стало причиной столь странных эмоций. Он хотел лишь играть, чтобы окончательно разделаться с оставшимися туземцами, и ждал лишь сигнала к началу кона.

Но едва он коснулся жесткой зеленой руки изображения, как услышал отчаянный крик, который перекрыл гул толпы, так поразило его, что он замер на месте.

То был голос отца Джона.

— Остановитесь, Тандем! — надрываясь, кричал священник. — Ради любви к Господу Богу, *остановитесь!*

— Какого черта вам тут надо? — рывкнул Тандем. — Хотите мне все испортить?

— Ради вас я одолел вторую милю, — сказал отец Джон. — Что может пойти вам только на пользу. Еще секунда — и с вами было бы покончено.

Струйки пота текли у него по широким скулам, пятная некогда белый воротничок, который сейчас стал серым от пыли и испарины. На щеках проступили гусиные лапки покрасневших вен.

Выражение голубых глаз напоминало о неизменном камертоне, звук которого как бы излучало полное тело отца Джона, но на сей раз его тональность была далека от благодушия.

— Отойдите, Кэрмоди, — сказал Тандем. — Это в последний раз. Затем я возвращаюсь. Богачом!

— Нет, вы этого не сделаете. Послушайте, Тандем, у нас мало времени...

— Прочь с дороги! Эта публика может воспользоваться вашим вмешательством и прекратить игру!

Отец Джон в отчаянии устремил взор к небу. «Крупье» покинул место, с которого не сходил всю игру, и с распростертыми руками направился к падре. Выражение отчаяния на лице отца Джона уступило место надежде. Обратившись к «крупье», он с полной серьезностью произвел несколько жестов.

При всем раздражении Тандему не оставалось ничего иного, как лишь наблюдать за происходящим, надеясь, что занудный священник получит приказ убраться отсюда. Он настолько вышел из себя, что был готов разрыдаться от отчаяния, когда окончательная победа, которая, можно сказать, находилась у него в руках, ускользала по милости этого длинноносого ханжи и пуританина.

Отец Джон не обращал внимания на Тандема. Не отрываясь от влажных красноватых глаз «крупье», он показал на себя, на Тандема и обвел рукой круг, включающий в себя их обоих. Выражение лица «крупье» не изменилось. Не смущаясь его бесстрастностью, отец Джон показал пальцем на туземцев и обвел окружность вокруг них. Этот жест он повторил дважды. Щелчки глаз его собеседника внезапно расширились, блеснув розоватыми белками. Абориген слегка покрутил головой, что, по всей видимости, должно было означать утвердительный кивок. Он явно понял, что старался внушить ему падре: оба человека относились к другому классу существ, нежели кубейнцы.

Затем отец Джон ткнул указательным пальцем в «вертушку» и переместил его в сторону «крупье». Снова был описан круг, который на сей раз недвусмысленно включил в себя туземцев и установленную лицом вниз фигуру. Очередная окружность опять содержала в себе землян. После чего отец Джон предъявил всеобщему обозрению висящее у него на шее распятие.

Толпа издала единодушный вопль. Но почему-то полный разочарования, а не удивления. Туземцы подались вперед, но «крупье» рывкнул, и все сдали назад. Сам же он подошел к отцу Джону и внимательно рассмотрел символическое изображение. Закончив изучение, он посмотрел на отца Джона, ожидая дальнейших знаков. Из глаз его текли слезы.

— Что вы делаете, Кэрмоди? — хрипло спросил Тандем. — Вас что, оскорбит, если я выиграю что-нибудь ценное?

— Помолчите, человек. Я почти достучался до них. Скорее всего нам удастся унести ноги. Хотя не уверен... вы завязли в игре по уши.

— Когда я доберусь до Земли или ближайшего крупного порта, то подам на вас в суд за то, что вы ограничиваете мою свободу волеизъявления!

Тандем знал, что обещание было пустопорожним, ибо к данным случаям закон был неприменим. Но, высказав угрозу, он почувствовал себя как-то лучше.

Однако отец Джон не услышал его. Теперь он самозабвенно избражал процедуру распятия на кресте — руки раскинуты, ноги сведены, лицо искажено судорогой мучительного страдания. Убедившись, что «крупье» закрутил головой в знак понимания, падре снова показал на Тандема. «Крупье» удивленно воззрился на него; черная вислая груша его носа дернулась, выражая некое непонятное чувство. Он типичным галльским жестом пожал плечами и вскинул руки ладонями наружу.

Отец Джон расплылся в улыбке; все его тело, казалось, завибрировало в унисон с невидимым камертоном. На этот раз его звучание было преисполнено блаженства.

— Вам повезло, сын мой, — сказал он Тандему, — что вскоре после вашего ухода я вспомнил одну статью, которую прочел в «Межпланетном журнале сравнительных религий». Ее написал антрополог, который провел некоторое время на Кубейе, и...

«Крупье» прервал священника серией решительных жестов, давая понять, что отец Джон неправильно истолковал суть их общения.

Лицо священника осунулось.

— Оказывается, этот парень тоже слышал о свободе волеизъявления, — простонал он. — И требует, чтобы вы сами решили, хотите ли и дальше...

Тандем не стал дожидаться окончания фразы и издал торжествующий вопль:

— Джентльмены, продолжаем игру!

Он не услышал протестующего вскрика падре, когда, схватившись за зеленую руку «вертушки», крутанул ее и та стала стремительно вращаться на штыре, упирающемся ей в пупок. Он вообще забыл о существовании отца Джона, поглощенный ожиданием того момента, когда вращение начнет замедляться и он серией осторожных подталкиваний подведет фигуру к той точке, в которой черные сомкнутые ноги укажут точно на него.

Фигура «вертушки» описывала круг за кругом, и, пока она вращалась, взлетающие статуэтки игроков поблескивали на солнце. То ли фортуна была на стороне туземцев, то ли отвернулась от них. Тандем застыл, полуприсев, полный уверенности, что проиграть не может. Все четверо, которые противостояли ему, ни в малой доле не обладали его способностями. Вот! Теперь «вертушка» еле ползла, все медленнее и медленнее описывая последний круг. Мимо проплыла зеленая рука, затем скользнули ноги. Легкий, еле заметный толчок заставит их продолжить вращение, затем останется их чуть-чуть подтянуть, совсем немного, потом последует лишь намек на стопор, чтобы вращение окончательно замерло.

Так и надо действовать. Вот они приближаются, длинные черные конечности с изуродованными ступнями, вытянутыми в одной плоскости с голеньями. Они подходят, подходят, спокойнее, так, так, мягче, мягче... а-а-ах!

Ха!

Толпа, затаившая дыхание, единым мощным порывом перевела дух, разразившись криками удивления и разочарования.

Тандем так и застыл, полуприсев, не в силах поверить своим глазам. Волосы на затылке стали дыбом, когда он вдруг почувствовал неодолимую силу, которая, появившись непонятно откуда, продолжала раскручивать фигуру, пока ее ноги не миновали его, а зеленая рука не указала на одного из соперников.

Очнулся он лишь тогда, когда отец Джон встряхнул его и сказал: — Уходим, человеке. Вас выпотрошили.

Онемев, Тандем увидел, как обливающийся слезами «крупье» подал знак туземцам, и те, набросившись на груды фигурок, стали перетаскивать их по другую сторону круга к ногам победителя. Теперь, хотя Тандем этого еще не осознал, правила поменялись. Победитель получал все.

Прежде чем земляне двинулись в обратную дорогу, «крупье» подошел к падре и протянул ему одну из фигурок. Помедлив, отец Джон снял с шеи цепочку и вручил туземцу распятие.

— Чего ради?

— Профессиональная вежливость, — объяснил падре, ухватив Тандема за локоть и таща его сквозь толпу завывающих и прыгающих кубейянцев. — Он хороший человек. И отнюдь не ревнив.

Тандем даже не сделал попытки понять собеседника. Его гнев, придавленный было грузом поражения, от которого игрок онемел, прорвался наружу:

— Черт побери, эти дикари скрывали силу своей психики! Но даже в этом случае они не вывели бы меня из равновесия, не останови вы игру в самый неподходящий момент, что дало им возможность собраться с силами и навалиться на меня всем скопом! Лишь по чистой случайности они стали действовать воедино! И не будь вы такой пуританской собакой на сене, я бы точно выиграл! И стал бы богатым! Богатым!

— Принимаю на себя всю ответственность. Тем не менее разрешите мне об... осторожнее!

Тандем споткнулся и шлепнулся бы ничком, не подхвати его отец Джон. Вырвавшись, Тандем еще больше разозлился. Он не хотел быть обязанным падре абсолютно ничем.

В молчании они миновали густые заросли, пока не вышли на опушку. И тут, повинувшись отцу Джону, мягко придерживавшему спутника за локоть, Тандем повернулся. Сквозь узкую просеку между деревьями перед ним открывался прекрасный вид на долину.

— Так вот, Роджер Тандем, я прочитал ту статью в журнале. Она была озаглавлена «Позиции», и, к счастью для вас, наш предыдущий разговор на эту тему вызвал ее у меня в памяти. И в тот же

момент я решил — если вы простите некоторое самовозвеличивание данного утверждения — «пройти вторую милю». И даже третью в случае необходимости.

Понимаете ли, Роджер Тандем, увидев эту публику, вы истолковали открывшуюся перед вами сцену в привычных для вас знаках и понятиях. Вы увидели туземцев, собравшихся вокруг устройства, явно предназначенного для азартных игр. Что подтверждали и все остальные доказательства: стоящие на коленях люди, отчаянные пари, внимание, устремленное к вращению фигуры, вы слышали мольбы и возгласы, устремленные к Даме Фортуны, стоны разочарования и крики восторга, сетования проигравших. Вы видели перед собой церемониймейстера, главного игрока, хозяина казино.

Но вот чего вы не поняли: существует определенное сходство между звуками и жестами, принятыми в азартных играх, и теми, что характерны для собраний адептов некоторых фанатичных религиозных сект, где бы во вселенной они ни проходили. Они очень напоминают друг друга. Понаблюдайте за жестами игроков, охваченных азартом, и сравните их с ужимками сектантов, участвующих в первобытном праздновании возрождения. Большая ли в них разница?

— Что вы имеете в виду?

Отец Джон указал в проем просеки.

— Вы чуть было не стали новообращенным.

Победитель гордо высился над грудой статуэток, сваленных у его ног. Чувствовалось, что все его существо до мозга костей исполнено восторгом по случаю победы, ибо он застыл в благоговейной неподвижности, опустив руки. Но длилось это недолго. Сзади к нему подошли несколько крепких коренастых игроков. Его распростертые в стороны руки привязали в деревянному брусу. Еще один такой же брус, под прямым углом к первому, пришелся под спину победителя. Ему надежно привязали голову, кисти и лодыжки. Потом распятие подняли и понесли.

В то же время «вертушку» сняли со штыря.

Даже сейчас Тандем не осознавал, какой участи избежал, — пока туземцы не перевернули распятого лицом вниз и не насадили пупком на острый конец штыря. Когда тот пронзил тело насквозь, войдя в деревянный брус за спиной, распятый стал вращаться под речитатив толпы.

Отец Джон молился вполголоса:

— Если я вмешался, то лишь из-за любви к этому человеческому созданию и потому, что не мог не подчиниться зову сердца. Я знал, Отче, что один из них должен умереть, но сомневался, что человек готов к такому исходу. Может, и создание этого мира тоже не было готово, но сие мне знать не дано. Он вступил в игру, прекрасно понимая, на что обречен в случае выигрыша, а этот человек, Тандем, пребывал в неведении. Но Тандем создан по нашему образу и подобию, Отче, и поскольку я не получал никаких ясных знамений, свидетельствующих об обратном, то не мог поступить иначе

ради его спасения, дабы пришел день, когда он сам спасется. Если же я впал в заблуждение, то лишь в силу невежества и чрезмерной любви.

Закончив молитву, отец Джон повел бледного Тандема, которого продолжала колотить дрожь, по склону холма.

— Банк всегда выигрывает, — сказал отец Джон, лицо которого тоже было покрыто легкой бледностью. — Тот, кого вы приняли за «крупье», был их верховным жрецом. Слезы, что вы сначала увидели на его глазах, были вызваны радостью от возможности заполучить новообращенного, а потом он заплакал от разочарования, когда вы проиграли. Он страстно хотел, чтобы вы одержали победу в этом тысячелетнем ритуале. В случае выигрыша вы стали бы первым землянином, представляющим их божество, которого необходимо принести в жертву таким достаточно болезненным образом. И весь ваш выигрыш был бы погребен вместе с вами как подношение божеству, чьим живым воплощением вы стали.

Но, как я сказал, банк никогда не остается внакладе. Попозже первосвященник выкопал бы его и присоединил к другим сокровищам церкви.

— Вы считаете, что жесты, которые вы делали перед кру... перед жрецом — убедили его, что я...

— Да. Что вы поклоняетесь богу Вертикального Креста. А не Горизонтального. И я почти убедил его, что он обязан принять во внимание мысль о свободе волеизъявления и дать вам возможность самому вступить в его секту. А я, как вы успели заметить, не очень стесняюсь, когда необходимо вмешаться.

Тандем остановился и закурил сигарету. Руки у него еще дрожали, но, сделав несколько затяжек и окутавшись синеватым дымком, он почувствовал себя лучше.

Расправив плечи и вздернув подбородок, он сказал:

— Послушайте, отец Джон, если вы считаете, будто эта история настолько напугала меня, что я вприпрыжку кинусь под крыло матери Церкви, то ошибаетесь. Значит, я сделал ошибку? Но заблуждение было лишь частичным, потому что они *в самом деле играли. Да тут любой оказался бы в дураках. Во всяком случае, в вашей помощи я не нуждался.*

— В самом деле?

— Ну, не могу отрицать, что, появившись, вы сделали благое дело... Хотя нет. Я проиграл. Да и не мог выиграть, когда эта четверка сплотилась против меня. Так что я потерял? Я хорошо провел время и благополучно унес ноги.

— Вы потеряли свои часы.

Похоже, отец Джон так и не оправился от печали, которая пала на него, когда он увел Тандема из долины. Тональность его камертона была мрачна и окутана тьмой.

— Слушайте, отче, — сказал Тандем, — давайте оставим все эти рассуждения о морали и символах. Ладно? Между моими часами и моральным обликом нет ничего общего, и не надо их сравнивать.

Вы же знаете, что склонны придавать таким вещам непомерно большое значение.

Увидев перед собой обводы гигантского корпуса корабля, он ускорил шаг, чтобы оставить священника за спиной. Но, оторвавшись от него, остановился. Мысль, которая смутно копошилась в глубинах памяти, внезапно прояснилась. Развернувшись, он пошел обратно.

— Скажите, отче, как относительно тех четверых, что остались? Готов поклясться, что и все вкупе они не обладали...

Тандем запнулся. Отец Джон стоял спиной к нему ярдах в двадцати пяти. Плечи его поникли, и что-то в осанке дало понять, что камертон начал вибрировать на более высокой ноте.

Тандем лишь смутно осознавал, что происходит. Все его внимание было приковано к отцу Джону и его действиям.

Священник подбросил статуэтку в воздух и проводил ее глазами, пока та не воткнулась в землю черными ногами. Он повторил бросок четырежды. И каждый раз статуэтка приходила ногами к земле.

Даже на таком расстоянии Тандем чувствовал мощь той силы, которая управляла ею.



МИР НАИЗНАНКУ

МИР НАИЗНАНКУ

В сумеречной пустоте медленно плыли двое. Обнявшись и опершись подбородком на плечо друг другу, они кружились вокруг незримой оси и раз за разом переворачивались через голову.

Не было ни верха, ни низа; их окружало ничто. Лишь незаметный легкий ветерок подталкивал их к солнцу в центре сферы, которое едва просвечивало сквозь облако пыли.

Джек Кулл крепко держал Филлис Нилстром и смотрел прямо перед собой. Через какое-то время — очень неопределенное, ведь его нельзя измерить в мире, где солнце всегда неподвижно, — он увидел едва заметное пятнышко. Сердце в его груди забилося сильнее. Вскоре он понял, что предмет направляется не к ним. Он не был обломком здания или дерева, оставшимся после катаклизма, как Джеку показалось поначалу, или глыбой расколовшейся горы. Очертаниями предмет напоминал живое существо, хотя и не схожее ни с одним, когда-либо виденным Джеком в этом мире.

Заметив людей, существо развернулось и устремилось к ним.

Когда оно приблизилось, Кулл понял, что оно, по всей видимости, из числа новоприбывших — третьей группы обитателей этого мира. Он не встревожился, разглядев чудовищный облик. Слишком много он пережил за последнее время, чтобы волноваться по такому пустяку. Он и следил-то за чудовищем вполглаза, задумавшись о Земле, которую помнил, но никогда не видел и лелеял свою короткую мечту увидеть, а теперь знал, что никогда не увидит.

И он подумал о том времени, совсем недавнем, когда люди отсчитывали время сном и бодрствованием, когда все было совсем по-другому. То было время, когда он, не зная правды и желая узнать ее, еще надеялся. Несмотря на факты, которые свидетельствовали об обратном, ему с трудом верилось, что он в аду. Мир, в котором он оказался, не был сверхъестественным. Этот мир был твердым, как камень; грязным, как земля; вонючим, как отбросы и немытые тела, — физический мир, который подчинялся физическим законам. хотя кое-что в нем объяснить было не так просто.

Теперь он знал, что мир этот не был метафизическим; здесь все имело объяснение и действовало по объективным законам. Те же причины и следствия, что правили на Земле, правили и здесь.

Но в те дни, о которых он сейчас думал, он не был так уверен

Смертоносная пустыня была старым адом с его потухшими кострами. Так говорили старожилы. Джек Кулл часто глядел на

Смертоносную пустыню из окна своего жилища, расположенного высоко в башне, поэтому ему было нетрудно догадаться, что те имели в виду. Прихлебывая утром (?) кофе (растворимый эрзац из измельченных листьев каменного дерева), он обозревал сверху городские крыши, городские стены и пустыню за городом.

Насколько охватывал взгляд (горизонта не было), вдаль тянулись сплошные пески. Кое-где однообразие песчаной равнины нарушали круто вздымавшиеся горы. Как и пустыня, горы были лишены всякой растительности: ни деревца, ни кустика, ни травинки. Кругом были одни пески и слепящий свет, смешанный с ядовитыми испарениями газов из трещин.

Изредка раздавались резкие скрежещущие звуки, испускаемые драконом или церебусом и очень похожие на те, которые издает вконец износившийся старый автобус по дороге на свалку. Однажды Кулл видел даже кентавра с сильно прогнувшейся спиной.

Даже на таком расстоянии он показался Куллу жалким и грязным, с безнадежно сбитыми копытами и понурым взглядом — совсем как отчаявшийся безработный. Время от времени в город заходили один из кентавров. С собой он приносил не лук и стрелы, чтобы терзать осужденных, но каменную чашу для подаваний.

Пословица с неожиданным смыслом. Будь лошади нищими...

Этим утром (?) он, как обычно, всматривался в горы, минуя взглядом пустыню, и задавался вопросом: а что, если слухи о горах — правда? Город наводняли всевозможные разговоры, и довольно сомнительные. Но как охотно принимался в сердце такой слух, как его лелеяли, согревали и вдыхали в него жизнь, цепляясь за него, словно за последнюю соломинку. Поговаривали, будто если пройти через пустыню к горам, то можно выбраться из самого ада. А иначе почему между городом и горами возвели преграду?

С тем слухом, за который Кулл дорого заплатил, одно плохо: он собственными глазами убедился, что за пустыней нет ничего.

Впрочем, не совсем так. Он не смог бы заглянуть за пески. Пустыня поднималась будто в гору, все выше и выше, пока не становилась чем-то расплывчато-туманным. Не небом. Хотя, может, оно было небом, но скорее продолжением земли.

В этом мире небо никогда не было голубым, оно вообще отсутствовало, солнце всегда находилось прямо над головой, а тень — только под крышей или у наклонной стены.

Когда-то человек мог упасть с края земли. Так сказал ему один старожил. Но с тех пор все изменилось. Не к лучшему. Ад — это нечто среднее между земными представлениями и адской действительностью. А здесь, похоже, от любых компромиссов только хуже

— Хватайся за свой компромисс и держись! — пробормотал Кулл.

Бесполезно. Другого ему не дано.

Он продолжил свой завтрак, с отвращением глядя вокруг. Четыре каменные стены (но не тюремные), каменная кровать, каменная скамья, каменный стол, изготовленные соответственно из гранита,

диорита, вулканического туфа, известняка. Каменный стол с желобами в тех местах, куда миллиарды лет (?) «враги рода человеческого» клали хитиновые руки. Каменная скамья с выемкой посередине, где тысячелетиями ерзали чешуйчатые или ороговевшие зады.

Его завтрак. Кварцевая миска, наполненная супом из манны, в котором плавали похожие на волосатую лапшу грубые бурые волокна листьев каменного дерева. Эти деревья были здесь единственной растительностью, и, по предположениям Кулла, людям разрешали питаться листьями только потому, что человеческие существа нуждаются в грубой пище. Ведь они состояли не из пустых оболочек, а из плоти и крови. Они дышали, и в их жилах бежала кровь; у них имелись рты, зубы и кишечник, а поэтому они нуждались в большом количестве пищи. Каменные деревья произрастали также и по той причине, что кроме них было некому производить кислород и поглощать углекислоту. Это была физическая вселенная, хотя и замкнутая в себе; такая же, как Земля.

Съев суп и выпив еще одну чашку кофе, он приступил к бритью, вооружившись кремневой бритвой. Приходилось соблюдать приличия; от чувства собственного достоинства не отрекались, тем более здесь. В моде сейчас были усы.

Но не успел он во второй раз провести бритвой по щеке, как снова началось землетрясение. Пол задрожал. Стенные блоки слегка разошлись. Пошатнувшись, Кулл ухватился за стол и принялся сбрасывать баки. Этим ублюдкам не удастся вывести его из себя. Пусть хоть вся Вселенная распухнет. Он не собирается показывать им, что нервничает.

Как будто им не все равно.

А в результате Джек полоснул себя по горлу. Но ему не повезло (разве нет?), и он только чуть-чуть не попал по яремной вене

Ругаясь, он подошел к окну и выглянул наружу

А вот и он, пожаловал! Светопреставление начинается!

Вдалеке (горизонта не было) появился едва уловимый штрих. Он стремительно наступал на Джека, и по мере приближения увеличивался в размерах, пока не распался на две стены, образуя острый угол, напоминавший нос корабля. И совсем как корабль он с шумом несся над песками пустыни, вздымая перед собой по обе стороны песчаные волны и тучи, — корабль пустыни, плывущий по ветру Божьего гнева. словно высокие мачты, сразу за носом корабля возвышались башни из камня. Окна и двери башен изрыгали огонь. Каменное судно в пламени скользило над песками, словно таран, нацеленный на город, в котором жил он, Джек Кулл

— Вот он! — сказал Кулл. «Да он же сейчас врежется в нас. тонны, тонны и тонны гигантских гранитных блоков протаранят на скорости шестьдесят миль в час город, в котором тоже тонны. тонны и тонны каменных блоков». Он закричал. Он, который пережил подобное не один раз и считал, что кричать больше не будет. Он закричал. Хотя и прежде видел такое и знал — или думал, что знал, — что столкновения никогда не произойдет.

Оно не произошло. Огромный город, готовый, как казалось, лоб в лоб столкнуться с его городом и размолоть плоть Кулла глыбами падающего гранита, внезапно остановился. До его стен было рукой подать — чуть меньше четверти мили.

Крики и вопли, доносившиеся с улицы под окном, смолкли, и сразу наступила тишина. Затем огромный город, возведенный наподобие корабля, стал пятиться. Хотя, как подсказывал прошлый опыт, Джеку только *казалось*, будто он пятится — точно так же, как до того казалось, что он на всех парусах несется вперед. Это был мираж, отражение гигантского города, отстоящего отсюда Бог знает на сколько тысяч миль. Иногда во время землетрясений случались странные атмосферные возмущения. Однажды через пески мчался даже его собственный город. Он тогда видел самого себя, в страшном испуге глядевшего из своего окна в башне.

И вот город с огненными башнями исчез. Христианам и буддистам никогда не позволят общаться между собой. Каждый должен терпеть муки в собственном аду. Правители позаботятся об этом.

Если Правители такие уж умники, подумал Кулл, то почему им не пришло в голову прежде всего сделать это место попросторней? Или же они специально так все устроили, чтобы пугать людей (но не до смерти), держать их в вечном страхе и неведении: столкнутся на сей раз оба ада или нет?

Тут он коснулся рукой лица и почувствовал влагу. Во время бритья он порезался кремнем и совсем забыл о порезе.

Он слизнул с пальца кровь и задумался о ее солености, о ее красном цвете и как так вышло, что это его кровь, его собственная.

Развлечений здесь было немного. Как только не приходилось изощряться, чтобы получить хоть какое-то удовольствие. Джек знал одного человека, который ухитрялся, лежа на спине, сгибаться чуть ли не пополам, а потом он мог... впрочем, лучше не продолжать. Даже думать об этом не стоит. И не потому, что это отдает дурным вкусом, или как-то непристойно, или противоречит современным нравам. Просто он терпеть не мог того человека, умеющего получить удовольствие, на что Джек сам был не способен.

Кровь все еще сочилась. И хотя Кулл не опасался, что истечет кровью, рану следовало перевязать. На Коммутаторе, где он работал, от служащих требовали, чтобы те имели солидный вид. Кроме того, мужчины и женщины, которые расхаживали по улицам, при виде крови могли чрезмерно возбудиться, и уж тогда хлопот не оберешься.

Он позвонил своему врачу, который жил в крохотной комнатухе на самом нижнем уровне подвального помещения. (Телефоны в аду? Почему бы нет? Они были делом рук тех, кто обитал здесь еще до человека, — демонов. Телефонные провода опутывали весь город. Их натягивали не на деревянных столбах, а на мордах горгулий, в изобилии торчавших на фасадах всех зданий, или же на ветвях каменных деревьев.)

Бедняга врач занимался другим пациентом. Но поскольку Кулл был персоной поважнее, врач прибыл уже через пять минут. Доктор Б. О.,

как все его звали, имел усталый и изможденный вид. Когда-то он был красавцем демоном, великаном с великолепным телосложением. А сейчас, изнуренный работой, он едва волочил от усталости ноги, а его дух — как и тело — был если не сокрушен, то порядком помят.

Он открыл небольшой черный саквояж, залепил чем-то рану и помазал мазью.

— Что на этот раз вызвало землетрясение? — спросил Кулл.

— Снова стихийное бедствие в Китае, — ответил врач, и из-под бровей цвета бурого навоза на пациента упал его печальный взгляд. Приглушенный голос с хрипотцой выдавал его крайнее утомление.

Полмиллиона душ, заключенных в плотное тело, переправились накануне вечером в ад. И аду пришлось срочно расширяться, чтобы вместить их всех. Отсюда растягивание бесконечной, но все же ограниченной вселенной. Отсюда тот толчок, сорвавший с места буддийский город, глубокие трещины в земле, колебания почвы, заставившие раскачиваться, а иногда даже падать здания. Тот город — всего лишь мираж? Ну нет! Ничего подобного!

Врач понимал, чем грозит катаклизм ему и его собратьям. Больше работы. Бессонные ночи. Он настолько устал, что даже осмелился пожаловаться Куллу. Он, конечно, знал, что тот снисходителен и вряд ли побегит его выдавать. Он даже подозревал, правда, ошибочно, что Кулл состоит в тайном аболиционистском обществе.

— Что плачешься? — произнес Кулл. — Все мы в одной лодке.

— Да, — жалобным голосом отозвался демон, защелкнув черный саквояж, и направился к телефону. Он знал, что ему сейчас обязательно позвонят. — Да, — повторил он. — Мы в одной лодке. Но ты занимаешь положение пассажира первого класса на роскошном лайнере. Тогда как я, можно сказать, всего лишь лопачу уголь для кочегаров.

— Когда-то все было наоборот, — проговорил Кулл.

Зазвонил телефон, и Джек взял трубку. Он решил отпустить доктора Б. О. Что толку в спорах? Когда-то очень давно этот мир, созданный по модели Птолемея, был маленьким, и демоны — или *арганус*, как они себя называли, — численно превосходили людей. Они правили, как и любое предубежденное и надменное большинство. Потом, когда это место — можно назвать его адом — подверглось преобразованию по системе Коперника, а человечество на Земле стало плодиться в геометрической прогрессии, хотя и с не меньшей страстью, чем прежде, враги рода человеческого неожиданно превратились в меньшинство.

Шиворот-навыворот. Даже здесь все меняется. А как не меняться, если ад — пусть искаженное, но отражение Земли.

Но переменам не обязательно быть к лучшему. По утверждению демонов, они происходят только к худшему. Теперь чертово отродье составляло малую часть населения. А где сила — там право. Демоны, в прошлом хозяева, стали рабами. О, рабство было вполне законно и справедливо, так как гражданскими правами следовало наделять только людей. А демоны людьми не были. Даже такие

отъявленные лжецы, как они, и то не посмели бы утверждать обратное. У них была своя гордость. И потом, если бы не их козни, разве очутились бы в аду человеческие существа?

Доктор Б. О. положил трубку и выбежал из комнаты. Его внезапно побагровевшее лицо отливало нездоровой синевой.

Трубка не легла как следует на рычаг; позднее доктор еще заплатит за эту оплошность. Любопытство пока не настолько притупилось в Кулле, чтобы при удобном случае не снять с себя напряжение. Он взял трубку и прислушался, надеясь услышать что-нибудь необычное. Что-нибудь для удовольствия. Сначала в трубке было тихо, и только едва слышное гудение свидетельствовало о том, что связь не прервалась. Затем чей-то голос произнес со славянским акцентом: «...где-то глубоко внизу. Должен быть, потому что только туда мы не лазили ни разу. Ищи в канализации».

Раздался щелчок. Кулл положил трубку на место и, взяв портфель, вышел. «Ищи в канализации», — подумал он. Что, черт побери, кроется за этими словами? Выйдя на улицу, он забыл об этом.

Улица была запружена толпой, собравшейся вокруг трупа, придавленного гранитной глыбой, которая свалилась во время землетрясения. Смерть никого не пугала и не притягивала. Просто в ней было нечто такое, отчего все стояли и ждали, тогда как где-то их дожидались срочные дела.

Джек тоже ждал. Он уже и так опоздал на службу, но не собирався пропускать интересное зрелище, даже если его выгонят с работы. От увольнения он, конечно, не пришел бы в восторг, потому что сидеть без работы — хуже некуда. Но он хотел увидеть, что несет с собой смерть.

Вдалеке слышались слабые звуки сирены. Расстояние было порядочным, и Кулл еще успел бы зайти в магазин и купить — или попытаться купить — пакетик самокруточного.

Хозяина не было видно. Раб, черный демон огромного роста, который настаивал, чтобы его называли дядей Томом, раскладывал товары по полкам и на прилавков, откуда они упали. Не разгибаясь, он поднял глаза на посетителя и радостно ухмыльнулся. На чернильно-черном лице блеснули клыки цвета белой зубной пасты. Он был гораздо чернее всякого негра, потому что самые черные негры на самом деле — не черные, а темно-коричневые. Крутые завитки волос были коротко подстрижены, а губы выглядели такими толстыми, что он казался карикатурой на конголезца.

— Да, сэр, масса Кулл? — произнес он. — Чего изволите, сэр, мистер, ваша светлость?

— Дядя Том, — сказал Кулл. — А пинка в зад не хочешь?

И тут же рассердился на себя за эти слова, потому что дядя Том сам побуждал его к этому, надеясь, что тот так и сделает.

— О ваша светлость, масса Кулл, я никак не хотел разобидеть вас, что вы, нет, сэр. Я только старый бедный черномазый, ваша светлость, и всегда стараюсь ладить с моими белыми господами. Я извиняюсь, что оскорбил ваши чувства, мистер. Пожалуйста, не

бейте меня, масса. Я вылижу вам пятки и поцелую в зад, мистер, только вы уж потешайтесь над нами, негожими цветными; так нам и надо. Я только старый бедный черномазый.

— Заглохни, ради Бога, — проговорил Кулл.

Он был разочарован. Демон нашел способ подкалывать и поддразнивать людей, а когда ему говорили, что он не человек и не должен изъясняться как негр, он напоминал, что негров тоже люди — не считают.

К тому же он был ангелом черномазых (по его выражению) и до Падения всегда так говорил. Служил он, по его рассказам, самому Святому Михаилу. Сообщив это, он обычно смеялся, обнажая клыки, сверкавшие на черном, как головешка, лице, и говорил, что Падение вовсе не было для него унижительным. На небесах ему жилось не лучше. Может, конечно, потому, что Святой Михаил — из самого что ни на есть высшего общества, а здесь, внизу, ему приходится прислуживать белому отребью.

При этих словах он получал пинка пониже пояса, что ничуть не отражалось на его самочувствии, но зато, как правило, принуждало задиру взвыть от боли. Если забияка при этом выходил из себя от злости, то начинал грозиться линчевать дядю Тома. Тогда за этим следовала еще одна душераздирающая сцена, когда дядя Том становился на колени и воздевал руки, униженно умоляя обидчика пощадить его. Все это время дядя Том пребывал обычно в полном восторге от самого себя, причем обидчик знал об этом, и ему ничего не оставалось, как только ругаться и снова угрожать. Если бы дело все же дошло до суда Линча, Правители, не мешкая, расстроили бы замыслы толпы и сурово наказали всех участников. Как и по-всюду, здесь правил Закон.

С другой стороны, дядя Том не осмелился бы прогулять работу. Закон касался и его.

— Где хозяин? — спросил Кулл, зная, что дядя Том сейчас потешается про себя над его побагровевшей физиономией.

— Да неужто не видите, мистер, вон же, на улице! Под глыбой! Бедный масса, лежать ему вскорости в сырой темной могилке!

Что было неправдой, о чем он знал так же хорошо, как Джек Кулл. В этом замкнутом в себе мире могил не бывает. А если и бывают, то ненадолго.

И насчет того, чье тело лежит под камнем, дядя Том наверняка тоже соврал.

— Слушай, нечистый, — сказал Кулл. — Ты ведь пытаешься спровоцировать меня, чтобы я схватил пригоршню твоего табаку и побежал по улице, разве не так? А ты, конечно, тут же начнешь вопить «Держи вора!»

Дядя Том с невинным видом округлил глаза:

— Как можно, хозяин! Только не бедный нечистый! Я отродясь такого не говорил, вы же знаете! А ежели вам приспичило тащить меня в суд, масса, то, может, вы пойдете на попятный, а я как есть прошу прощения, коли чего-то не то сказано, хозяин! Этот

бедненький черномазый намотал себе на ус, сагиб! Он больше ни в жизнь не будет искушать человека! Нет, сэр, теперича я знаю свое место в обществе!

Кулл боролся с искушением. Обливаясь потом, он осмотрел магазин. Может, рискнуть? Заключить сделку с дядей Томом?

Нет! Он уже прошел через тяготы такого пути. Правителям трудно определить местонахождение каждого в любое время, когда им захочется.

— Мне нужен табак, — проговорил Джек. — А твой магазин как раз по пути ко мне на работу, другого нет. Ты мне продашь немного?

Дядя Том с хитрецей улыбнулся:

— Вы ведь знаете, что нам, бедным нечистым, не дозволяется торговать с белыми. Мы ведь все больше орудуем шваброй да машем тряпкой, рубим дрова да черпаем воду. Нет, сэр, не могу я вам ничего продать.

— Ты хочешь сказать, что мне придется сегодня остаться без курева? — задохнулся от гнева Кулл, чувствуя, что бессилен что-либо изменить.

— Решать вам, бвана. Помочь не могу. Я очень извиняюсь. — И дядя Том, ухмыльнувшись, снова принялся раскладывать товары

К тому времени рев сирены стал громче.

— Разве здесь нет женщины? — спросил Кулл. — Может, мне удастся договориться с ней?

— Да что вы, ваша светлость, — презрительно засмеялся дядя Том. — Масса был очень религиозным, да. Он сам сказал: раз тут не заключаются браки, как на небесах, то он не собирается жить во грехе ни с одной женщиной!

— Ты мне осточертел, — сказал Кулл и вышел на улицу.

Сирена выла все оглушительнее. Через несколько секунд из-за угла показалась машина скорой помощи. Толпа двинулась назад, пропуская ее. «Скорая помощь» остановилась в нескольких футах от глыбы, и завывания сирены стихли. С переднего сиденья соскочили водитель и пассажир. Еще двое прыгнули с заднего. Один из них нес сложенные носилки, другой — два лома.

Кулл почувствовал себя обманутым — как и все в толпе

На сей раз Икс не пришел.

Вместе с разочарованием Кулл испытал облегчение. Икса он видел дважды и оба раза замирал от страха. Дыбом вставали волосы на затылке, в жилах леденела кровь.

А сейчас он просто ушел. Что зря торчать там и глазеть, как четверо приподнимают глыбу и кладут труп в «скорую помощь» через заднюю дверцу? Он уже насмотрелся на подобные сцены. Всего через несколько часов покойник — но уже не мертвый — вернется и как ни в чем не бывало снова станет заведовать своим магазином. Смерть, или небытие, — название тут роли не играет — была в этом месте непозволительной роскошью.

Откуда приехала «скорая помощь»? Кто ее сделал? Где? Что приводит ее в движение? Кому об этом известно? Внешне она походила

на земные автомобили, хотя Кулл очень смутно помнил о них. Черная рама — из металла или пластика; ветровое стекло, четыре колеса с резиновыми или пластиковыми шинами, руль, капот. Но какого рода двигатель скрывается под капотом, не знал никто. Решетки не было; не было ничего, что указывало бы на радиатор. А двигатель работал совершенно бесшумно.

Кто знает, что происходит в этом мире? Кулл не знал. Он здесь... сколько же времени прошло? Два года или двадцать лет?

Солнце висело посреди неба, а само небо было не небом, а продолжением земли. Земля на расстоянии подымалась кверху и, постепенно округляясь, становилась небесным сводом. Поговаривали, что если бы под рукой оказался достаточно мощный телескоп, чтобы пронизать взглядом атмосферу, то можно увидеть людей, шагающих у вас над головой вверх ногами; и башни, подобно сталактитам, свисающие вниз шпилями. Если бы появилась возможность обойти вокруг этого света, то в один прекрасный день вы бы очутились в такой точке, где, взглянув наверх, можно было бы увидеть то самое место, откуда вы вышли в свое кругосветное путешествие.

Если... если... если. Телескопов, конечно, и в помине не было, хотя соорудить их, по идее, не составило бы труда. Как не было и никаких восхождений. О том, чтобы пересечь пустыню — уже не пылающую нестерпимым жаром, но все еще смертоносную, — не могло быть и речи.

Достаточно было повнимательнее взглянуть на город из окна башни — и сразу становилось видно, что он подымается кверху. От такого жуткого зрелища кто угодно... как бы это выразиться? — свихнется.

Голый, с портфелем в руках, Джек Кулл шел по улицам города. Широкие городские магистрали между высокими башнями домов были заполнены такими же голыми, как он, мужчинами и женщинами всех возрастов — от двадцати и старше. Здесь не было ни младенцев, ни детей, ни подростков. Где они? В каком-то другом городе? Или где-нибудь еще, за пределами этого замкнутого мира?

Взрослые прибывали сюда в том же теле — или похожем, — каким обладали в другом мире, в земном. Им было столько же лет, сколько в момент смерти. У Кулла сохранились смутные воспоминания — как, впрочем, о большинстве эпизодов из своей предыдущей жизни, — что он погиб в автомобильной катастрофе. Кажется, ему было тогда около тридцати лет. У него была жена, трое детей в возрасте восьми, шести и трех лет. Жена, симпатичная блондинка, частенько ворчала. Кулл плохо помнил черты ее лица, но в памяти всплывали очень пухлые губы, красивый нос, круглый подбородок и ямочка на одной щеке.

Чем он занимался? Если его спросить, он бы ответил, что когда-то был инженером-электронщиком и отвечал за сбыт продукции, но сейчас он мало что помнил об электронике. Роковая авария случилась в разгар его успешного продвижения вверх в одной крупной организации. Другая машина (она поехала на красный свет, а может,

это Кулл сам поехал?) навсегда оборвала его мечты. Не только об удачной карьере в компании, богатстве и власти. Рухнули все его надежды попасть на небо. Если бы он в момент гибели не был так зол на своего начальника, если бы ему дали возможность успокоиться, простить его, снова обрести чувство любви, которое он обязан испытывать ко всем людям (общность которых, к сожалению, включала и его начальника); если бы он в тот момент не питал ненависти к жене, которую подозревал в неверности, хотя и безосновательно; если бы он в ту самую секунду не повернул голову, заглядевшись на длинноногую брюнетку на тротуаре, которая соблазнительно покачивала бедрами; если бы... если бы...

Джеку это казалось несправедливым. Он был порядочным человеком и примерным христианином: активно поддерживал Церковь, являлся председателем нескольких благотворительных обществ и комитетов по социальному обеспечению, никого не убивал, если не считать военного времени, когда он с оружием в руках защищал свою страну; никогда не...

Да что толку думать об этом?

«Мы не становимся старше, — подумал он. — И это очень странно, потому что наше физическое состояние почти не отличается от того, что было на Земле. Мы едим и выделяем продукты жизнедеятельности, совокупаемся (но обходимся без рождения детей), страдаем от боли и испытываем удовольствие, истекаем кровью и даже умираем. Что-то изменилось в нас, и это что-то оберегает нас от старения и делает бесплодными».

Что-то, но не все. Но и этого довольно. Беззубый, у кого на Земле были вставные зубы, имел такие же и здесь. Два зуба у Кулла до сих пор соединялись золотым мостиком. Если на Земле у человека недоставало пальца, кисти, руки, ноги, глаза или яичка, то их у него недоставало и здесь. Слепой на оба глаза землянин видел здесь одним глазом, причем неизменно левым.

А вот душевнобольные, идиоты, дряхлые старики-маразматика, паралитики, страдающие пляской святого Витта, золотухой, слоновостью, сифилисом, рассеянным склерозом и так далее, стали здоровыми. И больше эти болезни к ним не возвращались.

Потерявшие глаз или конечность жаловались, разумеется, на несправедливость. Если возможно полностью исцелить больного и дряхлого, то почему так предвзято относятся к ним, хромым и увечным? Ответа нет. Кто назвал бы такой порядок справедливым?

Об этом не стоило даже задумываться, но в мыслях Кулл невольно обращался к занимавшим его вопросам.

И так, размышляя, он завернул за угол и увидел перед собой — как всегда по утрам (?) — Коммутатор.

Он размещался в одном из тех громадных и причудливых (пока Джек не привык) домов, которых в городе было предостаточно. Здание возносилось ввысь по меньшей мере на две тысячи футов, что по земным меркам считалось не так уж высоко. Зато в ширину оно простиралось на целую милю и было сложено из массивных

каменных блоков. Таких исполинских Кулл никогда не видел, да и никто не видел. Каждый блок, вырубленный из гранита, порфира, диорита, базальта или мрамора, представлял собой пятидесятифутовый куб. Кубы были уложены друг на друга без всякого строительного раствора и поднимались вверх ступенями, каждая в два куба, так, что вся постройка напоминала собой вавилонские висячие сады. С каждого куба на прохожих смотрели вырезанные в камне тысячи ликов и статуек. Не фантастические морды горгулий, что для ада было бы вполне естественно, но человеческие лица; лица, которые отражали все оттенки эмоций, какие только известны человечеству.

Над их чертами трудились демоны. Но ни человек, ни дьявол никогда не занимались разработкой карьеров, чтобы добыть те исполинские глыбы, и не укладывали их одну на другую. Тогда кто же? Никто не знал. Демоны утверждали, что нашли город уже отстроенным подобным образом. И поселились в нем. Это происходило в то время, когда земля за пределами городских стен горела, как казалось тогда, вечным огнем, а человеческие существа, которые пришли сюда жить, поджаривались на нем, не умирая.

По обеим сторонам огромного здания возвышались две статуи, изображающие жаб, превращающихся в людей, или наоборот. Зияли широко разинутые пасти, через которые проходил воздух. В городе было много таких статуй, и благодаря им повсюду стоял несмолкаемый шум. С грохотом и свистом в пасти одних статуй врывался горячий воздух, с грохотом и свистом из пастей других врывался холодный.

Над громадной аркой главного входа здания, куда Кулл направлялся, было высечено (человеческой рукой на древнееврейском языке): «НЕ ОСТАВЛЯЙ НАДЕЖДЫ». Он переступил порог и очутился в коридоре, ста футов в ширину и трехсот — в высоту, однако в длину не превышающем трехсот ярдов; затем через арку высотой в сто ярдов и шириной лишь в десять футов вошел в Коммутатор.

Помещение было вырублено из единой каменной глыбы, из чудовищного куба, выдолбленного изнутри так, что напоминало баскетбольный мяч с изнанки. Ряды сидений и проходы между ними начинались с дна и взбегали вверх по граням мяча. И по потолку. Так что некоторым демонам, которые когда-то пользовались этим помещением, приходилось, должно быть, сидеть вниз головой. А возможно, скульпторам с извращенным чувством юмора, вырезавшим сиденья на потолке, просто захотелось пошутить. Человеческим существам так и не удалось выяснить истину. На расспросы демоны отвечали одинаково: я, дескать, невежественный бес и ничего не помню.

Как бы там ни было, мужчины и женщины могли сидеть лишь до стенных граней у потолка, которые наклонялись вовнутрь. И почти каждое место было занято человеком, который в одной руке держал телефонную трубку, а в другой — графитовый карандаш из пластика, которым деловито писал на листе пергамента. Пергамент изготавливался из выдубленной человеческой кожи с удаленными волосами. Кожа была, конечно, белой или светло-коричневой, так как

на черной коже записи становились практически невидимыми. А на коже писали, естественно, потому, что не было бумаги. А ее не было потому, что не было и деревьев, кроме каменных, а из листьев каменных деревьев бумага получалась никуда не годной.

Коммутатору кожа поставлялась через различных посредников. Вопросов Коммутатор не задавал, но сполна расплачивался всевозможными странными товарами, которые запрашивали поставщики. Иногда Правителям удавалось захватить поставщиков. Тогда на Коммутаторе некоторое время ощущалась нехватка «бумаги», пока кожевенники не вербовали и не обучали новых работников. Предполагалось, что Правители могли бы разогнать всю организацию сверху донизу, захоти они всерьез заняться этим. Но они действовали, не прибегая к магии; и использовали либо человеческие, либо дьявольские руки. А сотрудничавших с Правителями людей обычно забивали камнями на улицах до смерти или ловили и пытали перед тем, как разорвать на части.

Люди, сидевшие у телефонов, поспешно записывали, затем подзывали гонца. Тот мчался вверх по ступенькам прохода, забирал записи и бежал вниз, на дно чаши, которое занимал большой каменный помост, окруженный широким проходом. У подножия помоста за каменными столами сидели служащие и отвечали на телефонные звонки. Это были сортировщики. Они брали записки у сидящих вдоль стены и, если содержание, по их мнению, было важным, вручали документ гонцу. А тот передавал его Председателю.

Председатель сидел на огромном троне из полированного диорита в центре помоста. Огромное сидалище отличалось крайней простотой, и, несмотря на массивность, ничего не стоило заставить его вращаться легким толчком ноги. Сколько-нибудь заметного промежутка между престолом, который весил, пожалуй, тонны две, и помостом, на котором он покоился, не было. Однако между основанием трона и помостом не могло не быть слабого сцепления, или же внизу имелся какой-то механизм. Усилия приподнять трон не увенчались бы успехом, но он легко поворачивался вокруг своей оси, а если сильно подтолкнуть, то вращался довольно быстро.

Председатель был крупный мужчина в возрасте, как он утверждал, семидесяти физических лет, но 1700 хронологических. То есть относительно времени Кулла и не считая времени, проведенного в аду, что вообще нельзя считать ни временем, ни вечностью. Голову и лицо Председателя покрывали длинные седые волосы; в бороду, ниспадавшую до худых щиколоток, он заворачивался, словно в мантию, прикрывая свое (предполагаемое) увядшее мужское достоинство. Он называл себя Анджело — странное имя для обитателя ада. Поговаривали, будто он знаком с Данте, который, по тем же слухам, тоже живет в этом городе.

Ад был донельзя наводнен всякими противоречивыми слухами. Кому об этом знать, как не Куллу, который жил среди них?

Едва Кулл вступил в помещение, на него обрушилась лавина звуков: голоса, звонки сотен телефонов. И так как он опоздал —

если верить огромным песочным часам у входа, — ему следовало поспешить к своему рабочему месту. Но, взглянув на лица пришедших раньше, он в ужасе остановился. Он смотрел, не веря своим глазам. Так и есть! Каждый из присутствовавших, за исключением Председателя, был чисто выбрит! Ни единого признака усов!

Кулл почувствовал себя униженным, смешным и, что хуже всего, обманутым. Почему никто из его так называемых друзей не предупредил, что усы из моды вышли? Ну и друзья, нечего сказать! Они не прочь уязвить его, будто не видят разницы между ним и врагами.

И вот сейчас на него обращали внимание не только потому, что он опоздал. Над ним смеялись. Он ничего не мог с этим поделать. Если броситься отсюда наутек и дома сбрить немодные усы, то он еще больше опоздает, и Председатель, безусловно, будет недоволен. Да и насмешки только усилятся.

С опущенной головой и пылающими щеками Кулл пробрался между рядами вверх по ступеням и тихонько скользнул на свое место. Телефон на его столе звонил не переставая, будто человек на другом конце провода хотел поделиться с Куллом мировой сенсацией. Возможно, так оно и было.

Он взял трубку.

— Алло! Кто это? Что-нибудь стоящее? — произнес он.

Голос на том конце говорил на испорченном древнееврейском и с ритмичностью шведского.

— Говорит Свен Ялмар. Из сектора ХХБ-8Н/Б.

Кулл помнил наизусть огромную карту в соседней комнате и знал, где находится Свен. Не совсем, может, точно, так как схема города после недавнего расширения наверняка изменилась. Джек полагал, что из-за землетрясения телефонные линии оборвутся, но, очевидно, повреждение устранили довольно быстро.

— А как же — конечно, стоящее, — отозвался Свен. — Сколько падших ангелов могут поместиться на острие иглы?

— У вас в Скандинавии все такие умники? — поинтересовался Кулл. — Ты разве не знаешь, как мы заняты? У тебя что, время лишнее и поэтому ты решил позвонить сюда и донимать нас своими дурацкими шутками?

— Время? Это здесь-то? Теперь ты взялся за шуточки? Нет, агент Кулл, я тебе позвонил не для того, чтобы выслушивать оскорбления. У меня сенсационный материал. Во всяком случае, мне так кажется.

— Ах, тебе кажется? — повторил Кулл. — Позаботься лучше о подтверждении своих слов! Я подам на тебя жалобу за то, что ты тратишь мое время. А то неровен час, я сверну себе шею, пока гоняюсь за химерами.

— О Боже! — воскликнул Свен. — Еще и смешанные метафоры в придачу. Какое тебе еще нужно подтверждение? Я сказал, что у меня есть горячая информация, но я не в состоянии предоставить тебе подписанный и засвидетельствованный под присягой документ

Насколько мне известно, тот парень, похоже, псих. Один дьявол знает, сколько здесь таких.

— Парень? — переспросил Кулл. — Какой парень?

— Я знаю его только по имени — Федор, а фамилию он никогда не говорит. Называет себя Славянином-Юродивцем. Лысый, бородатый балбес. Выглядит так, будто пережил ад еще до того, как покинул Землю. Да он и сам может побеседовать с тобой. Заговаривается немного, но убеждать умеет, что есть то есть, будто сам Сатана. Погоди немного! Не вешай трубку! Сейчас приведу его!

И он убежал, прежде чем Кулл успел прокричать, чтобы тот не занимал линию. На Кулла смотрел Председатель, от взгляда которого у того затряслись поджилки. Ясно одно: или Свен должен предъяснить нечто из ряда вон выходящее, или гореть им обоим синим пламенем — может, даже буквально. Коммутатор пользовался жестокими и действенными методами расправы за ошибки и наведения дисциплины. Укрыться было невозможно. Кому и знать об этом, как не Куллу, который выследил и поймал нескольких из тех, кто решил бросить работу на Коммутаторе? Стоило однажды наняться туда и узнать его секреты, и ты влип. Выхода не было.

Кулл нервно забарабанил пальцами по каменной столешнице и до крови закусил губу. В чем тут же раскаялся, так как вкус ее напомнил ему о наказании, которому подвергался прогневавший Председателя — Кулл уже видел такое.

Несмотря на постоянный приток прохладного воздуха из древней и невидимой, но вечнодействующей вентиляционной системы, Кулл обливался потом. Ему показалось, что прошел целый час (а может, и правда час), прежде чем голос Свена зарокотал в его ухо:

— Извини, Кулл, что так задержался. Он здесь! Федор!

— Вот и я, Федор, Славянин-Юродивец! — произнес визгливый голос. — У меня интересное сообщение, просто грандиозное!

«Еще один псих», — подумал Кулл.

— Короче, — сказал он. — Вы уже и так чересчур долго занимаете линию. Просто изложи мне суть своего сообщения. И если я посчитаю его стоящим, можешь рассказать поподробней. — И добавил: — А ты, случайно, не звонил сюда раньше? Уж больно твой голос кажется мне знакомым.

— Никогда, — ответил Федор. — Вы — первый человек по имени Кулл, с которым я разговариваю.

— Ладно. Выкладывай.

— Слушайте, — взволнованно заговорил Федор, — вам известна теория Перевода? То есть что рождение — это перевод с одного языка, жизни, на другой язык, жизнь. И что смерть — это еще один перевод. На один из двух возможных наречий. Небеса или ад. А возможно, и трех, потому что не следует забывать о чистилище невинных и праведников. А может, даже четырех, поскольку надо учить еще и чистилище для грешников, хотя, конечно, доказательства, что таковое существует, нет.

С другой стороны, мир, в котором мы живем, быть может, и есть чистилище, а не ад. Если так, то у нас есть надежда. Но если это чистилище, то почему нам не сказали об этом? Разве мы не должны знать, за что страдаем и что нам делать, чтобы отсюда выбраться?

Но те же доводы можно повторить и в том случае, если это — ад. Почему нам не сказали, *за что* мы здесь и *куда* пойдем, если вообще куда-то пойдем?

Вы, конечно, вправе возразить, что то же самое можно отнести и к Земле. Там мы тоже не знали, *откуда* пришли, *почему* мы там и *куда* отправимся дальше. Но я мог бы ответить, что там мы имели возможность выяснить суть явлений, которые многие из нас считали тайнами. Церковь говорила нам, что есть что, а сама заимствовала свои знания — и, как результат, авторитет — из Священных Писаний, которые были продиктованы Богом. О, Церковь никогда не могла рассказать нам всего в подробностях и даже в общих чертах. Но и того, что она рассказывала, было достаточно, чтобы снабдить нас якорем спасения, к которому мы могли привязать нашу веру; точкой опоры, от которой наша вера, брошенная против ветров сомнений, словно пробная нить паука, могла...

— Ближе к делу, — перебил его Кулл. И не удержавшись, нанес неизбежный ответный удар: — А ты-то здесь почему?

— Понятия не имею — если это ад. Потому что я верил и сейчас верую. И я был жалким и подлым закоренелым грешником. Грешником, говорю вам! Но я верил и любил Его! И Человека я тоже любил! Или Его в Человеке! И Человека в Нем!

— Твои беды меня не волнуют, — проронил Кулл. — Расскажи мне что-нибудь стоящее.

— А под стоящим, — продолжал он, — я подразумеваю информацию по одному или трем вопросам. Вопросы следующие: первый — точное местонахождение и личность мужчины или женщины, которые не могли бы здесь находиться, если бы это был ад. Второй — личность Икса, темного мессии, подставного Христа. — О третьем он не сказал.

Кулл слышал его тяжелое дыхание.

— Говори же! — нервно произнес Джек, уstraшенный взглядом Председателя, вновь остановившимся на нем. — В чем дело?

— Возможно, — сказал Федор, — я сумею помочь вам. Но мне нужно отойти немного от главного. Скорее даже не отойти, а постепенно подвести к тому, о чем я хочу сказать. Иначе смысл моего сообщения будет неясен без вступления, без основы как таковой. Наберитесь терпения. Почему бы нет? Когда перед нами вечность...

— Перед тобой — может быть. Но не передо мной, — перебил его Кулл, чувствуя, как пот струится по коже.

— Вам, разумеется, известен тот факт, — начал Федор, — что Христос спустился на три дня в ад, пока Его тело находилось в гробнице. Три дня, когда Он проповедовал истинного Бога и таким образом освободил добродетельных язычников и дохристианских евреев, которых осудили на мучения в аду, пока не придет Он. И Он

выпустил их на свободу; Его появление и пребывание в аду позволило им пойти на небо. Итак, Авраам, Моисей, Сократ, Гаутама — все они и многие из тех, кто искал Истинный Свет, но были не в состоянии видеть его, так как Он еще не пришел, — все они верили Ему и поэтому смогли выйти из ворот ада...

— Об этом я уже слышал, — сказал Кулл, — но так и не нашел человека, который смог бы сказать, что лично видел, как хоть кто-то из тех дохристиан действительно покидал ад. Подумай сам, ведь никто и никогда не видел в городе верующего из дохристианской эры. А если кто и рассказывал о подобных вещах, то при ближайшем рассмотрении весь его рассказ рассыпался. Все врут. Бог свидетель, как я устал от разговоров, сколько тысяч миль исходил до кровавых мозолей, сколько тысяч мужчин и женщин нашел и расспросил — тех, кто был здесь, когда сюда спустился Христос. Или некто, выдававший себя за него.

— Но он ушел отсюда?! — пронзительно закричал Федор. — Он ушел?

— О чем ты, черт возьми, толкуешь?

— А если, предположим, был такой человек, который раскаялся в своих грехах? Но слишком поздно. И от падших ангелов он услышал, что сюда должен спуститься Христос и остаться на три дня. И тогда с лучшими намерениями он ловко обратился ко злу и среди профессиональных злодеев, демонов, блестяще проявил себя. Учитите, в то время демоны количественно превосходили людей. И этого человека удостоили чести — или, наоборот, обесчестили — тем, что приняли в сообщество демонов, и событие это вызвало всеобщее ликование в аду.

И вот настал день, когда Христос спустился в ад, где Его схватили и заточили в тюрьму — каким образом, нам знать не дано. Мы можем лишь предполагать, что все это было проделано отнюдь не сверхдемонической силой. Конечно, без Его согласия Его бы не заточили. Но по каким-то соображениям Он молча согласился.

А на этого человеческого оборотня, воплощение Зла, пал выбор представлять личность, которая могла бы выдать себя за Христа, вернувшегося на Землю. Но стоило ему появиться на земной поверхности и вновь обрести земное обличье, как он повел двойную игру. Только на этот раз он изменил аду и отказался выполнять дьявольские замыслы. А может, с небес ему в качестве награды разрешили по-настоящему вознестись? В то время как подлинный Христос ради спасения одной священной души, заблудшей, казалось бы, навеки, с радостью остался в своей тюрьме?

Или, если не в стенах тюрьмы, то в пределах ада? И стал Иксом, темным мессией, черным Спасителем?

А человек, который вышел из гробницы в саду, не позволил Марии дотронуться до него — *Noli me tangere!** — потому что все еще пребывал в демоническом состоянии. Рука Марии своим прикосно-

* Не тронь меня! (лат.)

вением сняла бы с его одеяния не живительный разряд добродетели, но пронизывающую вспышку порока. А Фома Неверующий не пострадал только потому, что небесные правители — или правитель — приняли к тому времени решение о внутренней сущности лже-Христа. И переключили огромный потенциал зла, содержащийся в его одеянии и плоти, на добро. В моей гипотезе, надо признать, это слабое место, так как только по доброй воле может человек отвернуться от добра и стать на путь порока.

Все, что я рассказал вам, конечно же, только мои размышления, догадка. Возможно, лже-Христос ошибался, когда творил зло в аду, чтобы делать добро на Земле и на небесах. Он, наверно, понял, что цель не оправдывает средства и что творить зло — даже по отношению к грешникам, которые так или иначе осуждены на вечные муки, — тоже является злом. И ему позволили так быстро спастись только затем, чтобы над ним свершилось еще более суровое, беспощадное возмездие.

После глотка земной свободы его вернули в ад. А само вознесение — это ложь. Ложь во спасение. Ведь Христос все еще находился здесь, то есть в аду. Апостолы думали, что он возносится, а на самом деле он (беглец) опускался. Что-то вроде небесно-земно-адской теории относительности, если так можно выразиться.

«О Боже, — подумал Кулл. — Я только убил время с этим чокнутым! — И вдруг его как ударило: — Погоди, погоди, и о чем я только думаю? Это же просто чудесно!»

Чудесно, да, но не из тех двух соображений, которые привел Федор, а из третьего, о котором он промолчал.

— Продолжай, — сказал Джек. — Нас временно разъединят, но оператор снова соединит нас. Просто не вешай трубку.

Он отключился от линии, затем нажал на кнопку в основании телефона. Это давало ему возможность войти в прямую связь со Стенгариусом, одним из сидящих за столом у помоста. Он вкратце передал Стенгариусу рассказ Федора. Тот заинтересовался, и тогда Кулл выложил ему все, с подробностями.

— Как вы считаете, Председатель клюнет? — спросил Кулл. — По-моему, в той чепухе, что наговорил Федор, есть по меньшей мере четыре золотые жилы, причем богатейшие. Один Бог знает, сколько еще можно выжать из него.

— Согласен, Кулл, — произнес Стенгариус. — Но решать *ему*

Стенгариус положил трубку и сразу позвонил Председателю. Его звонок шел не напрямую, но через секретаря, который сидел в кресле, вырубленном из ступеней помоста. Кулл смотрел, как тот отвечает Стенгариусу и переключает связь на Председателя.

Старик прятал телефон под бородой. Он сунул руку в белесую спутанную массу — похожую на клубок неотваренных спагетти или белых червей — и вытащил трубку. Стенгариус говорил, и Председатель долго слушал его, не перебивая. Во всяком случае, губами он не шевелил. Затем неожиданно его длинные-предлинные волосы на верхней губе слегка раздвинулись, и под ними открылся черный

провал. Председатель повернулся к Куллу — на мгновение перед ним мелькнул профиль, украшенный вогнутым носом, похожим на перевернутый ятаган, — и уставился на служащего своими черными глазами. Насколько Кулла было известно, человеческие глаза не светятся отраженным светом, как у кошек, но он мог поклясться, что глаза старика светились. Наверно, в них отражался страх Кулла, яркий огонек ужаса в ночи.

Председатель кончил говорить по телефону, и Стенгариус, подняв глаза на Джека, показал ему сложенные буквой «О» большой и указательный пальцы.

Кулл улыбнулся. Если все пойдет как надо, он сможет продвинуться по службе и получить место в нижнем ряду, на дне. А в один прекрасный день, не исключено, дослужится и до секретаря. А там, возможно — хотя не очевидно, — и до поста Председателя. Тот уже так давно занимает трон.

Голос Федора оторвал Кулла от мечтаний:

— Мистер Кулл, я еще не закончил. Осталось совсем немного.

Джек вдруг понял, почему этот голос показался ему знакомым. Ну конечно! Он слышал его совсем недавно, в своей квартире, когда после ухода доктора Б. О. хотел положить на место телефонную трубку.

— Внизу, в канализации! — произнес Кулл.

На другом конце тяжело задышали. Молчание. Потом произнесли слова на каком-то славянском языке, очевидно, русском. Реплика Кулла, видимо, ошеломила Федора, раз он перешел на родной язык. Наконец он проговорил на древнееврейском:

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром твой телефон случайно подключился к моему, — ответил Кулл. — Я слышал тебя. Вот почему твой голос показался мне как будто знакомым. Ты ведь не служащий Коммутатора. Что в таком случае ты делаешь на телефоне?

Кулл не стал говорить, что подслушал только последние слова разговора и только его голос. Пусть панический страх вытрясет из Федора все, о чем Кулл не знал. Гнилые яблоки, упавшие от ветра осознания вины. Во всяком случае он надеялся на это.

— Мистер Кулл, — сказал Федор, — я не знаю, как долго вы слушали. И на чьей вы стороне. — Он так и не ответил, почему воспользовался телефоном.

— На стороне Человека, — произнес Кулл. — Или ты думаешь, что я — мерзопакостный Иуда? Я не стану работать на Правителей, черт бы их побрал!

— Я не хочу больше говорить по телефону, — разволновался Федор. — Я как-то не подумал об этом раньше. Правители могут подключиться к этой линии.

— Если и так, то они пока ни разу не проявляли себя в этом отношении, — заметил Кулл. — Коммутатор работает уже довольно долго, и они никогда ни во что не вмешиваются. Во всяком случае их вмешательство, если когда и имело место, было косвенным

Его снова бросило в пот. Время от времени люди исчезали. Может быть, Правители, которых никто никогда не видел, но которые все-таки должны существовать...

— Вы знаете, где я, — сказал Федор. — Я подожду вас здесь.

В трубке щелкнуло, и телефон отключился.

Кулл не стал перезванивать Свену, а вместо этого решил пойти прямо к нему и Федору. Ему пришлось спрашивать разрешения выйти. Но после того как он объяснил, что Федор может оказаться для них сущей находкой, ему велели не упускать такой возможности. И все выяснить.

— Если ты и вправду откапываешь что-нибудь на благо Коммутатора, то станешь большим человеком в организации, — высказался Стенгарнус. — Больше, чем ты есть, по крайней мере. Только не заносись слишком. Иначе тебя быстро обстреляют — не успеешь даже сообразить, откуда ножи на твою голову. Я бы сам взялся за это задание, но мне сейчас некогда.

Он не сказал, что опасается происков коллег, но подумал. Стоило человеку добиться должности Первого Телефониста, как он становился пленником. Он не мог оставить свой пост. Но зато его положение давало ему немало выгод.

Одной из них была Филлис Нилстром. Когда Кулл вышел из зала Коммутатора, она стояла в вестибюле и разговаривала с Робертсоном, Первым Телефонистом из второй смены. Она была красивой женщиной среднего роста. Ее светло-пепельные волосы, зачесанные назад, обнажая широкий лоб, стягивались в большой тугой узел Психеи. Ее отличали длинные стройные ноги, крутые упругие ягодицы, узкая талия, плоский живот и груди, упругие и налитые, но не лишённые изящества, хрипловатый голос

Кулл ненавидел ее

Вскоре после того как он стал служащим Коммутатора, он отправился на вечеринку, устроенную Кардиналом, Главным Телефонистом сектора ХХБ-1А/А. Кардинал познакомил его с Филлис. Та предупредила Кулла, что он может пожать ей руку, но столь тесное общение этим и ограничится. Он почтительно засмеялся, но остаток вечера не сводил с нее глаз. Еще ни одной женщины он не желал так, как ее. Но он был не дурак и ничем не обнаруживал своего влечения. С тех пор он пользовался каждым случаем, чтобы немного поговорить с ней — в вестибюле Коммутатора, на вечеринках, а иногда при «случайных» встречах, им же самим и подстроенных. Затем, когда он пробился на должность Главного Телефониста по сектору ХХБ-8Н/Б и сравнялся в положении с Кардиналом, а значит, имел что предложить ей, то отважился признаться ей в любви. Он знал о ее тогдашних непростых отношениях с Кардиналом и что оба были несчастны друг с другом; это придало ему смелости.

К удивлению и восторгу Джека, Филлис не отвергла его и ответила, что будет рада переехать к нему жить. В том случае, конечно, если Кардинала из-за чего-нибудь понизят в должности. Но если она уйдет к Куллу, пока Кардинал еще у власти, агенты последнего

помогут ей исчезнуть, убив и сбросив ее в канализационные трубы. И защитить ее Кулл будет не в состоянии.

Вскоре после этого телохранители Кардинала схватили Заббини, телефониста одного из небольших секторов, прямо в жилище Кардинала. Они убили его и стали искать своего хозяина. Не найдя его в комнатах, хотя точно знали, что тот не покидал квартиры, они выглянули из окна. Увидев толпу, собравшуюся вокруг тела, они поняли, что произошло. Заббини выбросил Кардинала из окна.

Вернувшись чуть позже домой и узнав о случившемся, Филлис очень удивилась, но особого горя не проявила. После дознания, проведенного Первым Детективом Коммутатора, с Филлис были сняты все обвинения. Выяснилось, что Заббини был влюблен в Филлис и, по всей вероятности, убил Кардинала в надежде заполучить ее в любовницы.

Это известие слегка шокировало Кулла. Он не сомневался, что Филлис подговорила Заббини убить Кардинала, с тем чтобы избавиться от него и стать любовницей Кулла.

Но он забыл об этом, когда лег с ней в постель. Более страстной женщины он еще не знал.

А вернее, он думал так, пока однажды Филлис не бросила его и не ушла к Стенгариусу, Первому Телефонисту. Кулл закатил ей сцену, обзывая ее всеми словами, какие только приходили на ум, на древнееврейском, английском и сатанинском языках. Тогда Филлис заявила, что она фригидна и ей приходится принуждать себя, чтобы спокойно сносить домогательства мужчин. Но ей хочется взять от жизни все удовольствия — ее собственные слова, — а для этого, что вовсе нетрудно, она может изобразить страсть и позволить мужчинам восторгаться ее красотой.

Кулл пригрозил рассказать обо всем Стенгариусу. Филлис рассмеелась и сказала, что в таком случае скажет Стенгариусу, что он замышляет отбить ее. Кто поручится тогда за его, Кулла, жизнь?

И вот теперь, когда он проходил мимо нее в вестибюле, она заговорила с ним.

— Как поживаешь? — спросил он, не останавливаясь.

— Прекрасно, — ответила Филлис и улыбнулась. У нее были чудесные белые зубы. — Я бы хотела поговорить с тобой наедине.

Робертсон изменился в лице. Прищурившись, он посмотрел на Кулла и произнес:

— До скорого, Филл.

— Я немного задержусь, — ответила она и, протянув руку, положила ладонь на руку Кулла. — Я слышала, ты надолго уезжаешь. Сбегаешь от меня.

Он слегка вздрогнул от прикосновения, и ему до боли захотелось снова быть с ней. Он ненавидел ее, но мечтал, чтобы она вернулась.

— Это... это... деловая... по... поездка, — пробормотал он, не видя себя, потому что заикание выдавало его.

— Не нервничай, — сказала Филлис с холодной улыбкой. — Стенгариусу известно, что я разговариваю с тобой. Он не подумает

ничего дурного. Тебе не о чем беспокоиться. Я убедила его, что между нами все кончено.

— Вот уж он-то нисколько меня не волнует. — Кулл надеялся, что Филлис его голос покажется более убедительным, чем ему самому.

— Ну разумеется, — ответила она, но ее улыбка не оставляла сомнений в том, что она думала: а ведь он трясется от страха.

— Но он меня действительно не волнует! — вспыхнул Джек.

— Я остановила тебя не за тем, чтобы обсуждать, боишься ты или нет. Так что оставим эту тему. Дело вот в чем. Председатель хочет, чтобы я отправилась в тот же сектор, куда и ты. Тебе надлежит стать моим телохранителем. Или, — она снова улыбнулась, но на сей раз презрительно, — моим сторожевым псом. Стенгариус против, но Председатель приказал. Так что пришлось ему проглотить горькую пилюлю. Но он пытается подсластить ее. Тобой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что он считает, — пояснила Филлис, внезапно перейдя на английский язык, — будто с тобой я буду в полной безопасности. Ему известно, что ты из кожи вон лезешь, чтобы продвинуться по службе, прямо как бобр-хлопотун, и не станешь понапрасну рисковать шансами на успех. И к тому же не осмелишься приударить за мной.

Кулл почувствовал, как в лицо ему бросилась кровь. Он силился рассмеяться, но не смог.

— Может, сравнение с бобром не очень подходит к тебе, — продолжала Филлис. — Возможно, шакал — более удачное слово? Джек Кулл, шакал среди львов, а?

Сначала он не понял. Он так давно не говорил по-английски, что почти забыл язык. Да и с памятью было неладно. Кто такие львы? Кто такой шакал?

Затем в памяти стали возникать образы зверей. Образы были неотчетливыми, но не настолько, чтобы не почувствовать ядовитость метафоры. Он понял, почему Филлис перешла на английский. Только по-английски и мог получиться такой каламбур с его именем*.

«Вот же стерва, фригидная потаскушка!» — подумал Кулл. Внешне он был спокоен, хотя понимал, что покрасневшее лицо говорит о буре гнева, бушевавшей внутри.

— Ну что, Джек Кулл, пойдем? — спросила Филлис и подозвала слугу.

Тот поднял ее портфель и вместе с Куллом последовал за ней к выходу.

На улице ее ожидал паланкин с четырьмя носильщиками, который покоился на длинных костях, ловко подогнанных друг к другу и покрытых кожей. Увидев Филлис, носильщики подняли носилки. Слуга положил портфель на один конец. Филлис забралась в паланкин

* Игра слов: имя героя Jack Cull и английское слово jaskal (шакал) произносятся одинаково. (Примеч. пер.)

и села, откинувшись на груду кожаных подушек, набитых листьями каменного дерева.

— Трогайте! — произнесла она.

Слуга пустился рысцей перед паланкином, выкрикивая: «Дорогу Коммутатору! Дорогу леди из Коммутатора!»

Уличная толпа расступилась. Одного вида телефонной трубки, которой размахивал слуга, было для них вполне достаточно. С Коммутатором шутки плохи.

Куллу пришлось воспользоваться другим видом транспорта. В иных обстоятельствах он испытывал бы гордость. Впервые его послали с таким важным заданием, что даже выдали билет на спино-экспресс. Но сейчас он купался в лучах лишь отраженной славы. Ехать на закорках у человека, в то время как Филлис, эту замороженную шлюху, несли в паланкине, было все равно как если бы ему вlepили пощечину.

Кулл вскочил на спину первому попавшемуся носильщику, крупному негру с длинными мускулистыми ногами, и обвил ногами его поясницу, а руками — плечи. Негр схватил его за колени и припустился во всю прыть.

Он мчался так всю первую четверть мили, вторую четверть — чуть сбавив скорость, а затем, все более и более замедляя бег; последнюю четверть мили он уже трусил мелким шагом. К тому времени как они добрались до следующего носильщика, негр дышал шумно, как паровоз. Подождав, пока пассажир слезет, он замертво рухнул на камни мостовой.

Кулл вскочил на следующего человека, коренастого мускулистого блондина, и тот, как и предыдущий носильщик, несясь со всей скоростью, на какую был способен, пока не подкосились ноги. И тогда он внезапно остановился и, отпустив ноги седока, дал тому возможность соскользнуть на землю. Так мило за милей Кулл продвигался вперед, и люди, теснясь, расступались перед ними. Перегон сменялся перегонем, пока мелькавшие по бокам наклонные гранитные здания и морды горгулий не поплыли перед глазами.

До места назначения Куллу оставалось еще ехать и ехать, но он уже пришел к выводу, что путешествовать таким образом — престижно это или нет — просто невыносимо. Тяжело, ох как тяжело сидеть на людях-лошадях, и седоки часто падали без чувств, когда в конце пути слезали с них. Но здоровье у них было отменное, и они быстро оправлялись, а кроме того, им не приходилось ездить далеко. Но у Кулла со здоровьем было неважно, а путь оказался неблизким. К концу путешествия его тело настолько одеревенеет и заболит, что заскрипят мышцы. Кожа на внутренней части бедер, где их сжимали руки носильщиков, горела. А еще его укачало — или растрясло (это уж как угодно). Ему трижды приходилось останавливать носильщиков и очищать желудок от съеденного супа.

Солнце вдруг потускнело, что происходило через каждые двенадцать часов по песочным часам. Но полностью не потухло, а должно было едва тлеть — солнце стало луной.

Кулл ехал всю ночь, удерживаясь на очередных носильщиках; ноги его нестерпимо горели, а желудок качался, как маятник. И так всю ночь, а потом солнце снова внезапно вспыхнуло (здесь не было ни рассветов, ни вечерних сумерек). Он ехал весь следующий день, сделав лишь одну остановку, чтобы перекусить. Но он так устал, что не смог есть, и, поднеся ко рту каменную ложку, тут же уснул. Однако носильщик не дал ему спать, сказав, что надо ехать. Приказ. А потом Кулл понял, что спать можно при любых условиях.

Впрочем, какое там спать! В полусне он вскарабкивался носильщику на спину и проваливался в бессознательное состояние, пока его раскачивало и подтряхивало. Но и такой сон, на его беду, длился не более нескольких минут. Стоило носильщику пробежать путь до конца, как он стряхивал с себя ношу. Кулл падал, ударялся о камень и просыпался. Не успевая опомниться от удара, он с чьей-либо помощью карабкался на следующую спину. Колотившееся сердце и подстегнутая адреналиновая система удерживали его в бодром состоянии секунд, может, десять—пятнадцать. А потом он снова соскальзывал в бессознательную тьму, но только затем, чтобы вновь быть вырванным из ее глубин очередным болезненным падением, когда носильщик сбрасывал его со спины.

Жаловаться было бесполезно. Носильщик всегда отвечал, что не обязан осторожно спускать седока на землю и нянчиться с ним. Им не давали таких инструкций. Было ясно, что все «ломовые лошади», которые тащили на себе Кулла, ненавидели свою работу и считали ее унижительной и позорной. Они сдавали себя напрокат только потому, что работы на всех не хватало и лучше иметь такую, чем совсем ничего, а кроме того, носильщики имели возможность попасть в какую-нибудь организацию и даже надеяться на продвижение по службе.

Но Куллу подобное обращение порядком надоело, и он никак не мог понять, почему его общественное положение не так высоко, чтобы рассчитывать на определенные привилегии. Поэтому, увидев поблизости телефон Коммутатора во время одной из остановок, он позвонил Стенгарису. Хриплым голосом он сердито пожаловался, рассказав обо всем: и о том, что его грубо сбрасывают на землю, и об ободренных коленях и носе, и о натертой коже. Мол, на его месте никто не стал бы терпеть подобное унижение. Дескать, своим бесцеремонным обращением с Куллом носильщики выражают презрение к Коммутатору, а это следует немедленно пресечь.

Последний довод убедил Стенгариса. Он подозвал местного надзирателя и сказал, что ему следует сделать. Тот безоговорочно согласился. И позвонил другим надзирателям по пути следования Кулла. После этого носильщики спускали его на землю бережно и подсаживали на спину свежего бегуна.

К тому времени его стал занимать вопрос, почему он не воспользовался, как Филлис, паланкином. Он мог бы спать всю дорогу, растянувшись на мягком сиденье.

На следующей остановке Кулл снова позвонил Стенгарису. Тот взорвался:

— Что ты себе возомнил? Только Первый Телефонист имеет право пользоваться паланкином. А тебе до него, как до луны! Возвращайся в свое седло, Кулл, и скажи что есть духу! Не трать понапрасну время Коммутатора! И не думай, что за этот внеочередной разговор с тобой не похвалятся при ближайшем пересмотре заслуг!

— Слушаюсь, сэр, — покорно произнес Кулл.

Он не осмелился напомнить, что у женщины Первого Телефониста есть паланкин.

Перелезая со спины на спину, он продвигался дальше. Скоро он настолько устал, что не просыпался даже во время смены переключателей. Он потерял счет времени и милям. Но однажды, когда его как следует тряханули и пробудили ото сна, он увидел над собой багровую физиономию Свена с густыми рыжими усами.

— Паршиво, а? — широко улыбаясь, произнес тот. — Думаешь, стоит того?

— Могло бы быть и лучше, — ответил Кулл и стал слезать, чувствуя себя совершенно разбитым. — Кофе есть?

— Федор дожидается нас в кафе, — сказал Свен. — Пошли!

Не успели они сделать и шести шагов, как началось землетрясение. Каменная плита под их ногами задрожала. Несколькими секундами позже послышался глухой рокот. Здания по обеим сторонам улицы стали раскачиваться. Кулл бросился наземь и, царапая пальцами камень, пытался вжаться в него. Закрыв глаза, он молился, чтобы здания не рухнули на него. Были случаи, когда эти поистине массивные сооружения разрушались.

Он не знал, почему молится за свою жизнь. Ведь смерть была бы милосердным — пусть даже на время — избавлением от адской действительности. Он, конечно, снова оживет, причем в том же месте, где его застанет смерть. Хотя не совсем так, потому что его могут воскресить далеко отсюда и вдобавок уже не служащим Коммутатора. Из-за постоянных передвижек в организации двадцатичетырехчасовое отсутствие может оставить человека за бортом. То есть речь идет об увольнении, а не просто о потере ранга.

Содрогания почвы, сопровождаемые гроыханием, длились не дольше тридцати секунд. Потом наступила тишина. Говорить никому не хотелось — все были слишком заняты своим избавлением от опасности. А возможно, боялись, что хрупкое равновесие каменных блоков нарушится даже от вибрации голоса.

Кулл встал и огляделся. Ущерб не такой уж большой. Кое-где из фасадов домов высунулись гранитные блоки, опасно нависая над улицей. А вон там из окна в панике выпрыгнула женщина и сейчас кровавым месивом лежала на мостовой. Некоторые каменные плиты на улице стояли торчком и походили на полуоткрытые двери в могилу. Часть телефонных проводов порвалась, и сейчас они свисали вниз с горгулий на зданиях, где были натянуты.

— А ты заметил, что в последнее время землетрясения участились? — тихо спросил Свен. — Тот демон, пожалуй, сказал мне правду.

— Какой демон?

— Ты ведь знаешь, как они любят приврать. Но иногда все же говорят правду — чтобы подумали, что это ложь. В общем, он сказал, что на Земле вовсю бушует атомная война. Что оттуда к нам переселяется такая масса народу, что, похоже, там умирает почти все население. А может, и не почти, а все. Невозможно определить время происходящих на Земле событий. Земная и адская хронологии не стыкуются. Во всяком случае, не один к одному.

— Да, — согласился Кулл. — Если то, что мне говорили, правда, то все дело в запаздывании. Мне как-то встретился один старик, который сказал, будто знает наверняка, что умершие во второй половине шестнадцатого века прибыли сюда раньше тех, кто умер в первой половине. Как ты это себе представляешь?

— А черт его знает! — ответил Свен, и его лицо побагровело еще больше. — Здесь все так же запутано, загадочно и непонятно, как на Земле. Мне кажется, это входит в наше наказание. Держать нас в недоумении, в неуверенности. Если бы мы только знали! Но мы не знаем! И никогда не узнаем!

— Разве лучше не родиться вообще, а значит, никогда не жить? — спросил Кулл. — Когда-то и ко мне приходили такие мысли, и не один раз. Однако, несмотря на все наши страдания, крушения надежд, унижения, тревоги и мучения, которые мы испытывали на Земле и испытываем здесь, мы можем смеяться, хохотать, валять дурака. Мы чувствуем и мыслим. Мы не есть ничто, нуль, дрейфующий в вакууме.

— Ты сам в это не веришь, — заметил Свен.

Им пришлось ненадолго замедлить шаг. Манная туча, которая зависла над этим районом и с каждой минутой все больше сгущалась, наконец разразилась волокнистой массой. Волокна, кружась и метаясь из стороны в сторону, падали вниз, а под ними суетливо бегали люди. Одно такое волокно упало неподалеку, и сразу же вокруг него образовалась толпа. Кулл со Свеном смотрели, как люди отрывали от него огромные куски серовато-бурого вещества, похожего на вафли или спутанные трубочки спагетти. Как только кому-то удавалось разжиться пригоршней или охапкой пищи, он отбегал в сторону. Некоторые, не останавливаясь, спешили прочь со своей добычей; другим же приходилось бросать ее и спасаться бегством в страхе за свою жизнь, когда они сталкивались нос к носу с местными официальными сборщиками. В каждой округе имелись свои официальные сборщики. Иначе царила бы полная неразбериха. Одни прихватили бы себе лишку, а другие ушли бы голодными. Им пришлось бы ждать, пока следующая туча не разрешится над ними питательным бременем, или приобретать манну в обмен на какую-нибудь ценную вещь.

«До чего же удачный способ снабжать пищей весь мир», — подумал Кулл и снова — наверно, в десятитысячный раз — задал себе вопрос, что заставляет манные тучи образовываться и каков их химический состав. Он порадовался, что работает на Коммутаторе

и ему не приходилось зависеть от сборщиков манны в своей округе. Среди них иногда попадались порочные, злобные создания, которые за добавочную порцию требовали довольно своеобразных услуг. Уж ему ли не знать! Когда-то он и сам, будучи не в силах терпеть голод, уступил таким требованиям. Это было еще до того, как он поумнел и поступил на Коммутатор.

Наконец они подошли к одному из уличных кафе, каких в городе было великое множество. При землетрясении некоторые каменные столы опрокинулись, но их уже снова ставили на место. Демон-официант разносил посетителям лиственный кофе. Семеро стояли у круглого стола (с одной ножкой из массивного камня), за которым сидело пятеро мужчин. Один встал, чтобы поприветствовать вошедших, и по его голосу Кулл догадался, что это Федор.

Федор оказался приземистым человеком, с большой и круглой лысой головой и нестриженной неопрятной бородой, которая свисала до пояса. Высокий лоб, кустистые брови. На скуластом лице — маленькие голубые глаза, нос пуговкой и толстые красные губы. На висках — глубокие впадины, словно они провалились вовнутрь. Синие тени и мешки под глазами наводили на мысль, что спал он редко и тревожно.

— А, мистер Кулл, — произнес Федор тонким, пискливым голосом, толстой короткопалой рукой пожимая руку Джеку. — Садитесь, выпейте со мной кофе.

— Я бы предпочел побеседовать наедине, — ответил Кулл, глядя на людей за столом.

В это время вдалеке раздался вой сирены. Всем было понятно, что это едут за мертвой женщиной на улице.

— Соединись с Коммутатором по телефону, — обратился Кулл к Свену. — Если Икс появится, мы тут же дадим им знать.

— Зачем? — спросил Федор.

— Тебя это не касается, — отрезал Кулл. — Впрочем, я отвечу. Когда бы Икс ни появился, мы бросаем все наши дела и освобождаем все линии. Мы пытаемся определить, является Икс одной личностью или несколькими. Если бы он появился в городе одновременно в двух или более местах, мы обязательно узнали бы об этом по телефонным донесениям.

— Ловко, — проговорил Федор. — А до сих пор?

— До сих пор он не показывался больше чем в одном месте за один раз, — досадливо поморщился Кулл. — Но очень часто он подбирает труп в одном секторе города, а вскоре его видят уже в другом, за сотню миль. Из-за отсутствия точных часов трудно определить одновременность. Как сверить двое песочных часов, расположенных в отдаленных друг от друга районах, если разница во влажности окружающей среды или в размере песчинок вызывает отставание? И солнечными часами тут не воспользуешься, солнце стоит на месте.

— Если бы случилось так, что он появился в двух местах сразу и в тот самый момент, когда солнце потухло или, наоборот, снова вспыхнуло, то вы бы знали, — сказал Федор.

— Ты — сущий клад для нас, — заметил Кулл и сказал Свену, что хочет позвонить.

Ему не терпелось сообщить Стенгариусу о высказанной Федором мысли и поставить это себе в заслугу. Но прежде чем линия освободилась, он повесил трубку. Ему в голову пришла еще одна идея. Маловероятно, чтобы Икс появился сразу в нескольких местах в момент вспышки или затухания солнца. А Коммутатор, чтобы обеспечить прием донесений, будет вынужден прекращать работу на линиях всякий раз, когда солнце темнеет или разгорается. Мало того, что подобные действия окажутся слишком дорогостоящими, они еще будут порядком раздражать всех. И если они в скором времени не принесут плоды, Кулл станет козлом отпущения за то, что предложил такой план.

Завывание сирен становилось все громче, и вскоре из-за угла вынеслась машина скорой помощи. Визжа колесами, машина затормозила и как вкопанная остановилась прямо перед мертвой женщиной, с которой проворно соскочил извращенец и побежал прочь, подняв высоко над головой окровавленные руки. Его визгливый смех казался почти криком. Зрители, соответственно характеру и наклонностям, либо смеялись, либо проклинали его; некоторых, казалось, вот-вот стошнит. Кулл знал, что парню не убежать. Его, несомненно, уже взял на заметку агент Коммутатора, а уж эта организация его не упустит. Коммутатор нетерпимо относился к различного рода извращенцам, как безобидным, так и опасным. Но их не убивали, так как тогда они, вероятно, затаились бы.

Поэтому Коммутатор кастрировал их, вырезал им языки, ампутировал руки и ноги, лишая их таким образом возможности вредить кому-либо, даже самим себе. Но их не выбрасывали на улицу на произвол судьбы. Коммутатор брал на себя все заботы об их немудрящих нуждах, поддерживал в них жизнь, содержал в опрятности и даже время от времени угощал кофе или сигаретой. Обыватель поразился бы огромному числу бесполох, безъязыких, безруких и безногих мужчин и женщин, скрытых в городе от людских взоров. Знай об этом Кулл, он бы еще больше зауважал Коммутатор за способность охранять закон, порядок и приличия.

Дверцы «скорой помощи» скользнули в раму, и из кабины водителя вышли трое мужчин. Двое, водитель и помощник, были одеты в облегающие ярко-красные униформы с золотой тесьмой и большими блестящими пуговицами и меховые кивера. Такая одежда служила знаком отличия Правителей, так как ничего подобного ни у кого не было. Третий — несомненно, Икс — своим белым одеянием отличался от тех двоих. Длинные рыжеватые волосы, рыжеватая борода, закрывающая грудь. Обнаженные ноги, мускулистые и стройные, были обуты в сандалии. Его лицо очень походило на тот лик, какой, по мнению большинства людей, должен быть у Христа. Но что странно: он носил черные очки, что совсем не вязалось с его обликом. По сведениям Коммутатора, никто и никогда не видел его

без этих скрывающих глаза стеклышек. Агенты от этого просто с ума сходили. Для чего Иксу понадобилось носить темные очки?

И еще одна тайна: почему он — или Он — считал нужным появляться на людях? Он никого публично не воскрешал и не творил чудес, а только следил, как в «скорую помощь» укладывают тело. Иногда, правда, произносил короткую речь. Всегда одну и ту же. И сейчас, похоже, он был настроен на выступление, так как, после того как тело положили в машину, начал говорить. Голос его был высоким и мелодичным, и говорил Икс на местном наречии древнееврейского языка, которым все, кроме недавно прибывших, хорошо владели.

«Жил однажды человек, который вел праведную жизнь. Или думал, что праведную, ведь человек является таким, каким себя представляет, не так ли?

Шли годы. Борода у человека поседела, лицо покрылось морщинами, и вокруг себя он видел множество плодов своей праведной жизни. Он имел большой дом, верную и покорную жену, много друзей, много почестей, много сыновей и дочерей и еще больше внуков и даже правнуков. Но, как у всех людей, дни его подошли к концу. И он лежал на смертном ложе, окруженный лучшими врачами на Земле. Он мог оплатить их услуги и купить самые лучшие лекарства. Но доктора и лекарства оказались бессильны, как если бы на их месте был наихудший из врачей-шарлатанов и наименее полезное из всех врачебных средств. Все, что они смогли сделать, — это вложить в руки умирающего распятие. Крест с изображением бога-человека, которому он поклонялся и чью волю выполнял всю свою долгую жизнь.

Человек умер, но потом пробудился в незнакомом месте и увидел перед собой незнакомца.

— Значит, я на небе, — проговорил старик.

— Как сказать, — отозвался незнакомец и протянул старику длинный обоюдоострый меч: — Чтобы попасть на небеса, нужно воспользоваться этим мечом. Если ты откажешься, то попадешь в ад.

— А что с ним делать? — спросил старик.

— Пойдешь по той тропинке, — сказал незнакомец, указывая на лесную тропу. — Она приведет тебя к ручью. Там ты увидишь красивую маленькую девочку, играющую на берегу. Сейчас она кажется воплощением чистоты, веселья, невинности. Но когда она станет женщиной, то будет воплощать в себе все зло, какое доступно человеку. Она явится причиной смерти сотен тысяч мужчин, женщин и детей. По ее приказам будут пытаться людей, а она станет наслаждаться их криками. Более того, она родит мальчика, который, став взрослым, окажется таким же злобным, как она.

Ты должен убить эту маленькую девочку. Немедленно.

— Убить! — вскричал старик. — Ты, наверно, шутишь, хотя в этом нет ничего смешного. Или же это что-то вроде последнего испытания?

— Это испытание, — подтвердил незнакомец. — И я вовсе не шучу, поверь мне. Мне не до шуток. Ты не сможешь попасть на небо, пока не убьешь этого ребенка.

Оглянись вокруг. Узнаешь свое имение? Ты все еще на Земле, на распутье между раем и адом. По какой дороге тебе отсюда идти, зависит от тебя. Перед тобой встает выбор: или ты уничтожаешь величайшее семя зла сейчас, пока оно не пустило росток, и тем самым совершаешь великий и достойный поступок; или же ставишь земную мораль выше любви к человеку и Богу.

— Но я праведник! — возразил старик. — Ты хочешь, чтобы я совершил зло и этим доказал, что праведен!

— Ты, конечно, читал или слышал, — проговорил незнакомец, — что нет праведных среди людей. Только Бог праведен. Это слова Христа, который отрицал даже свою праведность.

Сказав это, незнакомец пошел прочь. Старик смотрел на него и ждал, что тот расправит крылья и улетит. Или, возможно, у него вырастут рога, копыта и хвост и он провалится в какую-нибудь дыру в земле, которая неожиданно расступится. Так как в голову ему пришла мысль, что незнакомец если и ангел, то падший.

Однако небо, разумеется, не допустило бы, чтобы ему противостоял демон. Ведь он всю свою жизнь успешно давал отпор дьяволу и держался путей Господних. Было бы несправедливо сталкивать его со злом после смерти. Было бы несправедливо. Неслыханно. О том, что такое возможно, священники никогда и словом не упоминали: о том, что такое случалось, ему не доводилось читать.

Но тем не менее, каким бы несправедливым, нечестным это ни казалось, он держал в руке острый меч. Ему сказали, что делать. Он медленно пошел по тропинке и вскоре приблизился к маленькой девочке, играющей у ручья. И признал в ней собственную правнучку, дочурку своего любимого внука. Она была радостным, красивым и необычайно умным ребенком. Да разве могла она когда-нибудь стать такой, как предсказал незнакомец?

Предсказал? Если будущее можно предсказывать, если оно уже предопределено, то у этой маленькой девочки нет выбора в действиях, нет свободной воли. Тогда она — просто марионетка в руках Бога. За что же убивать ее — за то зло, которое ее приговорили совершить?

Но тут старик вспомнил, о чем однажды рассказал ему священник и о чем он сам читал. О том, что, хотя будущее может быть сокрыто для людей, очи Божьи давно прочитали его в свитке жизни. Бог видит будущее с начала до конца, все дни его. Времени, в человеческом понимании, для него не существует. Божественное око способно охватить единым взглядом альфу и омегу. У людей же есть свободная воля, но они не знают, что им делать через минуту.

“Но так нельзя, — думал старик. — Если я убью это дитя, тогда те злые деяния в будущем она не совершит. А значит, умрет невинной, и в будущем, которое Бог сейчас видит, ее нет. Поэтому как он может видеть ее и ее поступки в будущем? Никак. Будущее не

сокрыто для него, но он предопределил ему направление. По Его предписанию это милое дитя должно сейчас умереть или вырасти в чудовище. Наши судьбы давно расписаны.

Но если так, то для чего Бог создал нас? Уже тогда, когда он лепил из глины Адама, он знал, что миллиарды отправятся в ад и только единицы — на небо. Может, он творил потому, что немного добра перевешивает многочисленное зло? Или же потому, что он — творец и не может не творить, при этом совершенно не заботясь, что станет с его беспомощными творениями?"

Старик не знал, что и думать. Размышления только все усложняли. Каждой мысли противостояла другая. Но факт оставался фактом: чтобы сделать добро, ему следовало совершить зло. Человеку оставалось лишь перестать думать и руководствоваться верой.

И вот старик, тихо ступая, приблизился сзади к маленькой девочке, поднял меч...

И тут новая мысль пришла ему в голову...»

На этом месте Икс всегда заканчивал свою речь.

Федор, стоявший рядом с Куллом, громко зарыдал. По его щекам побежали слезы, и борода скоро намокла.

— Я слышал эту историю раз двенадцать, не меньше, — сказал он. — Мне сейчас совершенно ясно, что, если бы я сумел правильно закончить рассказ, меня бы освободили, вытащили бы отсюда!

— Просто это еще одна уловка, чтобы мы продолжали ломать голову и не теряли надежды, — заметил Кулл, с ненавистью глядя на Икса.

— Что вы хотите сказать? — спросил Федор, обеими руками хватая Кулла за руку и пристально глядя на него мокрыми от слез глазами.

— Он еще один лжепророк, — сказал Кулл. И ему вдруг подумалось: а не является ли Икс агентом организации, схожей с Коммутатором, но не известной ему? И если так, то какую цель преследует Икс и его организация? И если он был только человеком, то почему ему дана власть воскрешать мертвых?

Федор продолжал спрашивать, что Кулл имел в виду. Но тот не мог объяснить, что Коммутатор распускает слухи в пользу новых религий и наживается, пользуясь властью над новообращенными и их жертвованиями. Даже сейчас мужчины и женщины во всем городе готовили проповеди на основе первого из предположений, высказанных Федором по телефону. Они принесут Благую Весть. И люди, которые истосковались по надежде больше, чем по еде, будут слушать и верить. Затем, когда вера начнет ослабевать из-за того, что обещания остаются невыполненными, им предложат иную надежду. И они обратятся в новую веру.

Всегда, конечно, находится кучка твердолобых, которые цепляются за старое. Но и ими управляет Коммутатор. Без него ни в одной теологии не обходится...

— Это наверняка Он! — произнес Федор. — Надежда все же есть! Не все потеряно! Кулл, вы ведь знаете, что здешнее время,

похоже, мало соотносится с земным. Нам известно, что Он спустился в ад на три дня. Три земных дня, да! А сколько это будет здесь, в аду? Впрочем, нет: здесь, в чистилище. Он, быть может, останется здесь, пока на Земле не умрет последний человек. И в то же время на Земле он давным-давно восстал из гроба и вознесся на небо. Почему бы нет? Докажите, что я не прав. Разве такое не было бы человечнее, справедливее? Дать нам еще один шанс.

— Да ты с ума сошел, — проронил Кулл, раздумывая, как скоро ему удастся добраться до телефона и изложить Стенгариусу эту свежую идею. — Я не сумею доказать свою правоту. Так поступали на Земле, а здесь это не проходит.

— Вера! Все — через веру! Через любовь к Нему! — вскричал Федор и рванулся вперед. Он подбежал к Иксу и, опустившись на колени, принялся целовать край его одеяния. — Господин! — закричал он. — Скажи мне, что я здесь только затем, чтобы очиститься от грехов и сомнений! Ты ведь знаешь, что я всегда любил тебя! Я любил бы тебя даже тогда, если бы ты был не прав! Если тебя навечно сослали сюда в осуждение или ты сам предпочел навсегда здесь остаться из любви к человеку, я с радостью откажусь от неба и останусь подле тебя до скончания веков!

Икс посмотрел на Федора добрыми глазами и легко коснулся его головы, но прошел мимо, не сказав ни слова.

Кулл не смог бы объяснить, почему Федор привел его в такую ярость. Но он схватил большой, размером с кулак, кусок базальта, отколовшийся от упавшей горгульи, и бросил. Камень попал Федору в затылок, и тот упал лицом вниз. Из раны полилась кровь.

При виде крови толпа зарычала. Угрюмая, но безмолвная в присутствии Икса, сейчас она ожила и громко о себе заявила. Мощной волной люди хлынули вперед, схватили помощников Икса и его самого и принялись раскачивать машину. Через три минуты она лежала на боку. От приехавших не осталось ничего, кроме раскиданных кусков плоти, клочков одежды и трех изуродованных голов.

Толпа вдруг смолкла. Мужчины и женщины стояли, уставившись друг на друга и неуклюже отставив от себя руки, с которых капала кровь, а из-под ногтей выпадали кусочки плоти. Рты у некоторых были измазаны кровью. Внезапная паника обратила их в бегство и смела с улицы, словно подхваченные ветром сухие листья. Федор и Кулл остались одни.

Федор с трудом сел, ощупывая затылок и постанывая.

— Ну и заварил же ты кашу, — проговорил Кулл. — Тебе не следовало приветствовать его, будто настоящего Христа. Этим ты, пожалуй, и разъярил всех. Никто не любит богохульства.

Кулл считал, что справедливо обвиняет Федора: разве не из-за него все началось? Если бы он не сделал того, что сделал, то не взбесил бы Кулла. А впрочем, какая разница? Кем бы Икс ни был — человеком или демоном, — его так или иначе воскресят. Так что особого вреда нет. Если Икс — тот, за кого Федор его принимает, то он ничуть не пострадает.

— Оставайся здесь, — бросил Федору Кулл и направился к зданию, где у Коммутатора имелся местный телефон.

В конторе никого не оказалось. Очевидно, суд Линча до смерти напугал и агентов Коммутатора. От чего они, по их мнению, бежали? От молнии? От карающего Бога? Ничего бы не произошло. Да вот, кстати, и сирены. Кулл еще не успел поднять трубку, как услышал их далекие завывания.

Кулл принялся рассказывать Стенгариусу о случившемся. Но тот перебил его:

— Где Филлис? С ней все в порядке? Дай-ка мне ее!

Джек опешил:

— Я... я не знаю. Видишь ли, ее несли в паланкине. Так что она двигалась медленнее меня. Зато, — зло добавил он, — с большим комфортом.

— Ладно, — с раздражением отозвался Стенгариус. — Я обзвоню несколько постов по пути, узнаю — может, ее видели. И не советую дерзить нам, Кулл.

— Простите, сэр, — произнес тот. — Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось такое впечатление. Я просто высказал свое мнение, и все.

— Постарайся, чтобы это больше не повторилось. Как только Филлис появится, пусть мне позвонит.

— Слушаюсь, сэр. А не поступало еще сообщений о появлении Икса в других местах?

— Мы только что закончили проверку последних двадцати донесений, — ответил Стенгариус. — Согласно нашим песочным часам, Икс появлялся в разных местах через каждые десять минут. Это вместе с твоим районом.

— Погодите минутку, не вешайте трубку, — сказал Кулл. — Сюда подъезжает еще одна «скорая». Посмотрю, нет ли в ней Икса.

Он подбежал к огромному окну без стекол и выглянул наружу. Машина скорой помощи вылетела из-за угла на такой скорости, что чиркнула по зданию. При торможении ее занесло, и она остановилась, едва не наехав на Федора, который сидел посреди улицы и прижимал к груди голову Икса.

Из машины выпрыгнули двое. Икса с ними не было. Кулл хотел было вернуться к телефону и доложить, как вдруг заметил, что оба одеты крайне неряшливо. У одного голова была непокрыта, а куртка расстегнута. Другой шел босиком, и в зубах у него торчала наполовину выкуренная сигара. Такая небывалая неопрятность была довольно странной. Но когда они стали пожирать куски сырого человеческого мяса, Джек понял: здесь что-то неладно. А когда увидел, что они вытаскивают из первой машины тело женщины и начинают резать его ножом, который один достал из кармана, то встревожился.

Услышав сообщение Кулла, Стенгариус также разволновался.

— Мне только что сообщили еще о двух машинах. Те, кто был с ними, ведут себя очень странно, — сказал он. — Более того,

с улиц перестали убирать трупы, и их все прибавляется. Что происходит?

— Никаких признаков Икса? — спросил Кулл.

— Ты последний, кто видел его. Не знаю. Здесь что-то нечисто, и чувствуется, нам будет не до смеха. К тому же, по сведениям отдела статистики, поступление новичков упало почти до нуля. Это случилось несколько часов назад. Создается впечатление, будто захлопнулась дверь на Землю.

— Чем же это объяснить?

— Мы можем только предположить, что сюда вошел последний из убитых в атомной войне на Земле.

Кулл похолодел.

— Вы хотите сказать, что все люди умерли?

— Было бы преждевременно так говорить.

— Послушайте, Стенгариус...

— Перестань пыхтеть.

— Вы сами тяжело дышите. Я вот что хотел сказать... в последний раз приток новичков так резко оборвался, когда потух свет. А до того — когда этот мир превратился из коперниковского в эйнштейновский. А еще раньше — когда устройство мира по Птолемею было преобразовано по Копернику. Две предыдущие перемены были поистине катастрофичны.

— Что ты хочешь сказать? — закричал Стенгариус. — Что нас вскоре ожидает еще один катаклизм? Да ты спятил! Ты сейчас говоришь, что Эйнштейн ошибался и что... слушай, ты лучше кончай пороть всякую чушь. Пытаешься развалить Коммутатор? Да ты...

— Я только размышлял, — ответил Кулл. — За что и расплачиваюсь. Вот что я собираюсь предпринять — с вашего разрешения, конечно. Ставлю этого Федора на ноги, и мы с ним узнаем, чем этот мир дышит; докопаемся до самого его нутра. Может, даже в буквальном смысле. Он что-то брякнул насчет поисков в канализационных трубах. Возможно, именно там разгадка всего. Какие будут указания перед тем, как я уйду?

— Просто держи со мной связь. Один Бог знает, что происходит. Ах да, не забывай о Филлис.

Кулл вернулся на улицу и увидел Федора, стоявшего с головой Икса в руках. Оба приехавших в машине скорой помощи — по предположению Джека, это были демоны, а не люди — стояли, прислонившись к машине, и, чавкая, жадно глотали куски мяса. На обоих человеческих существ они не обращали внимания.

Куллу не сразу удалось уговорить Федора оставить голову Икса. Тот все болтал всякую чепуху о причастии, и только тогда Джек заметил, что его лицо и борода вымазаны свежей кровью.

— Ты веришь в чудо? — спросил Кулл, уводя Федора от его трофея. — Думаешь, что станешь теперь святым, коли вымазался его кровью? Еще немного, и ты начнешь пить ее, как вино.

— Я пил ее, пил! — с восторгом вскричал Федор.

— И отведал, полагаю, плоти?

— Да! И я почувствовал, как по моим жилам стала растекаться божественность. Это сравнимо только со вспышкой молнии, которая через горло прожгла меня насквозь. Я чувствовал себя Богом. Нет, это кощунство. Я чувствовал себя частью Его.

— Значит, сейчас ты — Икс, — заметил Кулл. — И намерен занять его место?

И вдруг он остановился, а Федор, пройдя несколько шагов, обернулся, удивляясь, куда подевался собеседник.

Почему он раньше не додумался до этого? Почему это никому не пришло в голову? А может, и пришло, и Икс — живое (хотя сейчас уже мертвое) доказательство тому? Но если так, Икс принадлежал к организации, возможности которой Коммутатору недоступны.

Это, конечно, не помешает Коммутатору заниматься лже-Иксами. Потом мертвых можно будет подобрать и избавиться от них через всевозможные черные рынки. А когда появится настоящий Икс, агенты Коммутатора обвинят его в самозванстве. Умело науськанная толпа разорвет истинного точно так же, как другого Икса разорвали здесь. Не успеешь и пикнуть, как Коммутатор расправится с противниками.

Вот только... если Икс один из невидимых Правителей или их агентов, то Правители обрушатся на Коммутатор. До сих пор они никогда не вмешивались в его действия. Но ведь и Коммутатор никогда не вмешивался в их дела.

Впрочем, нет, вмешивался. Икса еще раньше убила разъяренная толпа. Но то была стихийная ярость. И убийц, насколько известно, так и не наказали. Может, никаких Правителей и нет.

Хотя должны быть. Ни одной человеческой организации не под силу воскрешать мертвых или так быстро добираться до места, где находится труп.

А не может ли быть так, что Правители передали определенным людям определенные способности — или научные приборы, — которые позволяют им осуществлять воскрешение? А потом вернулись туда, откуда пришли.

Выяснить это можно лишь одним путем. Какой же он дурак, что не додумался до этого раньше!

— Куда вы? — с тревогой закричал Федор вслед удаляющемуся Куллу.

— За головой Икса! — крикнул тот.

Она все еще лежала посреди улицы, на затылке, лицом вверх. Несмотря на хорошую встряску, очки не слетели. Раньше Кулл этого не заметил, так как был слишком взволнован. «А теперь, — подумал он, — я сниму очки. И увижу наконец глаза Икса, даже если придется приподнимать веки».

Почему Иксу понадобилось скрывать глаза за темными стеклами? Может, он был демоном? Ведь какую бы форму демоны ни принимали, человека или монстра, их глаза походили на кошачьи или волчьи и светились в темноте.

Ангелы — как сказал Джеку человек, утверждавший, что видел одного, — имели тот же тип глаз. И это не противоречило здравому смыслу. Ангелы не были падшими демонами. Если Кулл положит голову Икса в темную комнату и направит в глаза свет, он все равно не разберет — небесное существо Икс или адское. Но зато узнает, что Икс не был человеком.

«Только не говорите мне, — думал он, — что ангелов нельзя ранить или убить. Мне лучше знать. Спросите обитателя ада. Ангелы — из той же плоти и крови, что и мы. А может, кажутся такими, когда ходят среди нас. Вспомните, что Адама сотворили по нашему (Божьему или ангельскому) подобию. Сыны Божии (падшие ангелы) увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены. У падших ангелов и жен человеческих рождались дети. Значит, даже ангелы занимались сексом, и у них имелись сперматозоиды и гены. И все это гармонично сочеталось с соответствующими биологическими принадлежностями. И где бы в Писаниях ни упоминали ангелов, везде они предстают — хоть и косвенно — в виде людей.

Кто слышал хоть раз об ангеле-женщине? Однако они должны существовать — ибо что пользы мужчине без женщины? А если ангелы-мужчины способны сожительствовать с дочерьми человеческими и становиться отцами, то ангел-мужчина может, очевидно, жить и с ангелом-женщиной и быть отцом; и человеку, значит, тоже можно жить совместно с ангелом-женщиной и производить на свет детей.

А если у падших сынов Божьих были дети, значит, в нас, человеческих существах, есть ангельские гены. Но гены, отвечающие за светоотражающие глаза, должно быть, не развивались или, может, были утеряны, поскольку ни одного человека с такими глазами пока не встречалось».

Один из приехавших на «скорой помощи» перестал облакачиваться на капот и устоялся на Кулла. Затем, догадавшись о намерении человека, подбежал к голове, схватил ее, развернулся, как полужащитник на поле, и помчался прочь. Но прежде Кулл успел заметить его ухмылку и торчащие изо рта длинные клыки — нечеловечески длинные.

— Стой! — закричал Кулл. — Я с тебя, ублюдок, с живого шкуру сдеру, если не остановишься!

Тот повернул голову, осклабилсЯ, но не остановился. Кулл был полон решимости поймать его, и не только чтобы отнять голову, но и выяснить, почему тот вышел из повиновения. Происходило много странного, и он хотел найти ключ к разгадке этих странностей.

К этому времени улицы снова стали заполняться народом, и демону приходилось пробиваться сквозь толпу. Увидев, что он несет под мышкой, будто футбольный мяч, люди бросились врассыпную.

Кулл начал отставать. Мышцы стали как деревянные, к тому же длительная верховая езда его совершенно вымотала. Если демон будет бежать так и дальше, то вскоре скроется из виду. Но тот остановился и, подняв тяжелую каменную крышку канализационного

люка посреди улицы, полез вниз. Когда Кулл подбежал к открытому лазу, то кроме темноты, которая начиналась футах в двенадцати от поверхности земли, ничего в колодце не увидел.

Секунд через тридцать появился запыхавшийся Федор и, тяжело дыша, поинтересовался, зачем Куллу понадобилась голова. Тот объяснил, но в подробности вдаваться не стал.

— Но, — добавил он, — на мою затею можно теперь махнуть рукой. Нам не под силу преследовать его там.

— Ну почему же, под силу, — со странной улыбкой возразил Федор. — Причем в любое время — разницы нет. Нам так или иначе пришлось бы туда забраться.

И он полез в колодец и стал спускаться вниз по каменной лестнице, ведущей в черную глубь.

— Ты что, спятил? — спросил Кулл.

Федор остановился. Он уже с головой ушел под землю, и сейчас его маленькие серо-голубые глаза смотрели на Кулла снизу вверх. Широкий жесткий рот раздвинулся в улыбке.

— Возможно. Но только так и не иначе сможем мы проникнуть, дружище, в тайны и загадки этого мира. Я пришел к такому выводу недавно. После того как, бродя в темноте по улице, столкнулся с несколькими весьма любопытными типами, вылезавшими из канализационных колодцев и влезавшими в них. Я подумал тогда, что по этим подземным переходам можно было бы, наверное, попасть в дом Икса. Или дом Мертвых, как некоторые называют его.

И вот, чтобы как следует подготовиться к такому путешествию и опасностям, которые подстерегают по дороге, — а их, поверьте мне, там предостаточно, — я много чего припрятал внизу. В одном замечательном потайном месте.

Из люка пахло смрадом, и Кулла едва не вырвало.

— Спускайтесь же, — произнес Федор. — От вони еще никто не умирал. Разве что наполовину. Неужели вы думаете, что вам удастся исследовать глубинную суть чего бы то ни было, не замочив ноги в дерьме и мерзости?

— погоди минутку, — попросил Кулл. — Я хочу позвонить.

— Некогда, некогда, — слышался голос Федора, уже слабее и глуше. — Поторопитесь, иначе мы потеряем голову.

— Свои мы потеряем, — буркнул Кулл, но стал спускаться вниз по лестнице.

Глаза его уже находились на уровне булыжников, вымостивших улицу, когда Кулл вдруг увидел, как из-за угла здания на перекрестке высочили женщина и четверо мужчин. Женщина бежала изо всех сил. Но скорость ее была невелика, так как ее руки и ноги явно отяжелели от усталости. Она пошатывалась и спотыкалась, едва удерживаясь от падения. Еще несколько шагов, и она окончательно выбьется из сил.

— Филлис! — вскрикнул Кулл и остановился.

За Филлис и четверьмя носильщиками паланкина бежали мужчины и женщины, растянувшись в цепочку. Они визжали и вопили,

выкрикивали беглецам оскорбления и угрозы, потрясали кулаками и оружием.

Внезапно мужчины, бежавшие рядом с Филлис, повернулись и, бросившись на преследователей, на несколько секунд задержали их. Но нахлынувшая толпа быстро смела горстку храбрецов.

Только тогда Кулл окончательно признал в женщине Филлис Нилстром и, ужаснувшись, похолодел. Он был напуган не столько опасностью, угрожавшей ей, хотя и это изрядно устрасило его, сколько тем, что крылось за этим происшествием. Если толпа осмелилась напасть на агентов Коммутатора, значит, действительно, все вокруг пошло кувырк и творится нечто страшное и ужасное. Привычный мир разваливался.

Филлис бежала по направлению к люку. Кулл видел ее вытаращенные глаза и разинутый рот; черты ее лица исказило крайнее напряжение, а из груди вырывалось громкое хриплое дыхание.

— Подожди! — бросил Кулл Федору и вылез из колодца.

Филлис увидела, как перед ней прямо из мостовой выросла чья-то фигура, и вытянула вперед руки, собираясь оттолкнуть ее. Одновременно она попыталась свернуть, но споткнулась и головой вперед рухнула прямоком в объятия Джека. Ноги ее подкосились.

Кулл поднял ее на руки и понес к колодцу. Передав свою ношу Федору, он прыгнул в лаз и едва не скатился на дно, но вовремя успел зацепиться, хотя колени и руки ободрал изрядно. В страшной спешке он поставил крышку люка на место, и вместе с Федором они двинулись сквозь мрак, поддерживая Филлис с обеих сторон. Кулл панически боялся, что преследователи тоже полезут вниз. На мгновение у него даже мелькнула мысль оставить Филлис. И это будет только справедливо: разве она не бросила его?

Но крышку люка никто не поднимал. А через некоторое время они уже отошли настолько, что крики и вопли сверху перестали до них доноситься.

Они прошли в темноте примерно пятьсот шагов.

— Стойте! Это должно быть где-то здесь, — сказал Федор.

Мужчины опустили Филлис на пол. Она лежала, тяжело и хрипло дыша, словно ей никак не удавалось наполнить легкие воздухом.

— Не шевелитесь, оба, — прошептал Федор. — Несколько шагов в неверном направлении — и вы свалитесь в нечистоты.

Несмотря на жару и пот, струящийся по телу, Кулл содрогнулся. Всего в нескольких футах он услышал неясное бормотание kloko-чущего потока грязной жижи. Оттуда вдруг жарко дохнуло зловонием, и ему захотелось сбежать. Ничто не мешало ему бросить здесь Федора и Филлис. Дорогу назад он отыщет легко и так же легко выберется по лестнице на свет и свежий воздух. Толпа уже наверняка рассеялась. Ну а если нет, то он присоединится к ней. Откуда этим людям знать, что это из-за него жертва ускользнула от расправы, что это он оставил их в дураках?

Более того, если он останется, то окажется целиком во власти Федора. Насколько Джек понимал, Федор скорее всего заманил его

сюда, чтобы бросить тут одного или убить. Кто знает, что у него на уме? Чужая душа — потемки, особенно у такого фанатика, как Федор. Этот хилый недомерок, по всей видимости, труслив. И должен ненавидеть того, кто оскорбил его веру в Икса. Ведь это, в сущности, из-за него толпа набросилась на Икса.

«Успокойся, — предостерег себя Кулл. — Успокойся. Может статья, трус — как раз я. По логике, у Федора нет причин вредить мне. Стал бы он просить меня составить ему компанию, если бы искренне не желал дружеского общения и не нуждался в моей помощи в этих темных и опасных туннелях? Неужели он действительно верит в ту ахиною, что все люди — братья и должны любить друг друга, потому что так хочет великий Бог?»

— Джек, — произнесла Филлис, отдышавшись. — Неужели и вправду меня спас ты? И что же нам теперь делать?

— Конечно, я, — ответил он. — Хотя зачем, не знаю. Мне бы следовало полюбоваться, как тебя разорвут на части. Было бы, наверно, справедливо позволить им потешить себя. Но я не смог.

— Ты все еще любишь меня? — удивилась она.

— Разве не видно? — резко отозвался он. — Я люблю твое тело. Да и какой мужчина устоял бы? Но я ненавижу тебя. Чего иного ты заслуживаешь после того, что наговорила мне: и как ты меня ненавидишь, и какая ты фригидная, и как разыгрывала страсть, чтобы только перебежать к другому, более выгодному для тебя? Шлюха!

Из темноты донесся голос Федора:

— Идите сюда, брат Кулл и сестра Нилстром. Хватайтесь за мою руку и следуйте за мной. Я нашел место, где спрятал припасы.

Только сейчас Кулл обнаружил, что Федор отсутствовал. Не слишком ли много власти забрал себе этот коротышка?

Филлис поднялась и взяла Кулла за руку. Он пошарил вокруг, нащупал руку Федора и покорно прошел за ним шагов тридцать. Затем Федор свернул, и они попали в нечто напоминающее нишу.

— В этой канализационной системе полно таких вот комнатушек, — заметил Федор. — Не знаю, для чего они были предназначены изначально. Но эту я использую как кладовку. Надеюсь, что никто не обнаружил ее и не разграбил. Ну а если это все же произошло, можно спокойно возвращаться на улицу. Не двигайтесь!

Он остановился и выпустил руку Кулла. Через минуту он с облегчением вздохнул: «Ага, на месте!»

Кулл почувствовал запах серной кислоты, и тут же вспыхнул яркий свет, исходящий от палки в руке Федора.

— К счастью, — сказал тот, — в аду серы невоворот. Надо обмотать сухими листьями каменного дерева — единственного быстровоспламеняющегося вещества в этом мире — лучину из кости (человеческой, разумеется) и придать форму наконечника смеси бертолетовой соли и сахара, который извлекается из мочи или из органов; ну и так далее. К сожалению, доставать серную кислоту и другие химикаты очень трудно. Их запасы находятся под контролем порочных людей, и, чтобы приобрести необходимые вещества,

мне приходилось совершать весьма неприятные и даже дурные поступки. Некоторые из них предполагали эксплуатацию... впрочем, неважно. Дурно даже рассказывать о дурном. Но мне нужны были кислоты, чтобы делать добро. Во всяком случае то, что я считаю добром. И прошу прощения за эту лекцию

Чтобы достать нужные материалы, мне приходилось постоянно твердить себе, что цель оправдывает средства. Но не стала ли моя цель дрянной из-за дрянных средств? Не знаю, и мне тяжело думать, что такая возможность не исключена. Таким образом, как видите, мораль пронизывает структуру как физического, так и духовного мира. Химия предполагает нравственность. Эти два понятия неразделимы, как неразделимо, в сущности, все. Как по-вашему?

— Мы должны делать то, что приходится, — ответил Кулл, глядя, как он подносит к факелу длинную и толстую вонючую спичку. Факел тут же вспыхнул ярким пламенем, и сразу повалил дым.

— Ага, но приходится ли нам делать то, что мы делаем? — подхватил Федор.

Он зажег второй факел и вручил его Кулле, а третий протянул Филлис. Затем достал две связки факелов, стянутые полосками кожи, и одну отдал Кулле. Тот пристроил связку на левом плече, а на правое повесил три сумки, заполненные пищей и глиняными бутылками с водой.

— Сумки из человеческой кожи, — пояснил Федор. — Покупая их, я тем самым способствовал незаконной и жестокой торговле подобным товаром. Я, разумеется, не резал горло мужчинам и женщинам, с которых снята эта кожа. Но я заплатил за уже сделанную работу. Чтобы осуществить задуманное, мне без кожи не обойтись, как не обойтись без спичек. Разве мое намерение узнать, что есть добро, не доброе?

— Да какая разница, убил ты или нет? — бросил Кулл. — Человек не остается мертвым. Убить кого-то означает всего лишь отправить его немного поспать. Они еще благодарить должны тебя за это.

— Да, но то же самое можно сказать и об убийстве на Земле. Если человек живет после смерти, то почему убивать его — грех? Он ведь воскреснет. Нет, даже здесь убийство — вмешательство в дела и судьбу человека. Оно лишает его свободной воли. Пока дела человека не причиняют вреда остальным, ему следует позволять делать все что заблагорассудится

— Почему? — спросил Кулл

— Ну, не знаю. Право, не знаю. Но так всегда было на Земле. Так почему бы и здесь не существовать такому порядку? Ведь это вопрос самосохранения. Никому не нравится, когда вмешиваются в его дела, и терять хоть один день жизни тоже никто не хочет, и все стремятся к наиболее полному раскрытию своих способностей. Поэтому индивиды заключают коллективный договор. Убийство — это противоправное деяние, грех против себя и общества, а значит, против Бога

Впрочем, хватит болтать! Демон уже наверняка далеко удрал. Без света он, конечно, видит не больше нашего. Но он это подземелье знает, может, как свои пять пальцев, так что темнота ему не помеха. Пошли!

И они окунулись в мир, ограниченный справа белыми металлическими стенами, а слева — отдаленными отблесками дрожащего пламени факелов. Ширина прохода вдоль изгибавшихся стен составляла около трех футов. Внизу пенился полноводный поток нечистот. Другой стороны канала или стены, ограничивающей его, Кулл не видел.

— А не опасно ли ходить здесь с факелами? — поинтересовался Кулл. — Ведь если тут сильная концентрация нечистотного газа, то он может взорваться.

— Может, — согласился Федор. — Но это не главная опасность.

— Да? — произнес Кулл, но уточнять не стал. Он и так был достаточно напуган. — Кто выстроил эти канализационные трубы?

— Не знаю. Вероятно, демоны. Полагаю, по указанию Правителей. После последнего преобразования этого мира, по модели Эйнштейна.

Вскоре они подошли к месту, где канал сужался, и увидели белый металлический мостик, перекинутый на другую сторону.

— Здесь канал разветвляется, — сказал Федор. — Нам идти по дальнему ответвлению.

Он пошел по мосту, который оказался узким, всего два фута шириной, и без перил.

— Хм-м-м! После недавнего землетрясения канал явно стал шире. К счастью, хоть и необъяснимому, металл, кажется, растягивается. До каких пределов, не знаю и надеюсь никогда не узнать.

Спутники пересекли мост и, завернув за угол, двинулись по другому туннелю.

— Ты уверен, что демон прошел этим путем? — спросил Кулл.

— Нет. Но ручаюсь, что он вернулся в дом Мертвых, откуда и пришел. А если так, то мы на верном пути.

Кулл не совсем понял, о чем тот говорит, но выбора у него уже не было. Ему так или иначе пришлось бы следовать за Федором. Тот знал, куда шел, а Кулл — нет. А когда они снова повернули, Джек уже сомневался, что сумеет найти обратную дорогу.

И тогда у него зародилось подозрение: уж не демон ли сам Федор? Может, он ведет их на мучения? Кулл обругал себя за то, что не подумал об этом раньше, и, отстав, позвал: «Федор!» Маленький следянин резко обернулся, и в его глазах отразился свет факела.

— Что? — крикнул он.

— Ничего, — ответил Кулл. — Просто мне показалось, будто в темноте что-то движется. — Он с облегчением вздохнул. Глаза Федора не светились.

— Если что-нибудь увидите, — сказал Федор, — кричите! Я сделаю то же самое. Так что если на одного из нас нападут, другие успеют защититься.

— Ты нас очень утешил, — заметил Кулл.

— Пожалуйста! — простонав, тихо сказала Филлис. — Неужели надо обязательно идти дальше? Мне очень страшно.

— Ты предпочитаешь вернуться, чтобы тебя разорвали на куски?

— Уж лучше это. Я бы, по крайней мере, знала, что мне угрожает. Но здесь, под землей!.. Тут может случиться кое-что и похуже. А кроме того, Коммутатор, наверно, снова овладел ситуацией.

— Сомневаюсь, — проронил Кулл. — Происходит что-то очень скверное и очень серьезное. Во всяком случае, я хочу выяснить, кто или что управляет этой преисподней.

— Болван! — вспыхнула она. — Я расскажу Стенгариусу, что ты пренебрегал своими обязанностями! Что ты пренебрегал мной! По его приказу тебе вырвут язык, отрежут яйца, переломают руки и ноги! Тебе выколуют глаза!

— А пошел твой Стенгариус!.. — проговорил Кулл. — И ты тоже, лицемерная шлюха!

Филлис задыхнулась от возмущения и минуту молчала. В колеблющемся свете факела Кулл видел ее бледное лицо, вытаращенные глаза, морщины, залегшие на лбу и у рта. Она выглядела много старше своего возраста.

Филлис подняла руку, и черты ее утонули в тени.

— Пожалуйста, Джек! — взмолилась она. — Отведи меня наверх! Пожалуйста! Мне так страшно. Послушай... — Она поколебалась и мягко добавила: — Я сделаю все, что хочешь. Все.

— Все?

— Все.

— Нет, — сказал Джек. — Даже ради того, чтобы заставить тебя страдать. Я напал на след чего-то такого, что отодвигает месть на второй план.

— Гнусный ублюдок! — выругалась она. — Ненавижу тебя! Забудь, что я сказала. И не смей даже касаться меня: у меня от тебя мурашки по телу.

— Было время, — сдержанно, хотя это стоило ему многих усилий, проговорил Кулл, — когда ты не сделала бы всего, что я хотел. Потому что я хотел, чтобы ты любила меня; я хотел, чтобы ты отдавалась мне без принуждения, с радостью, страстно и чтобы сама получала от этого удовольствие. Но мне бы следовало знать тебя лучше. Ведь именно на это ты и не способна, даже если бы тебе очень захотелось.

Филлис промолчала. Кулл отвернулся от нее.

— Мы уже почти пришли! — слабо вскрикнул Федор. — Вот внешняя стенка шахты для охлаждения воздуха. Пощупайте! Если не ошибаюсь, дом примыкает прямо к ней.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил Кулл.

— Отсюда в дом наверняка не попасть. Значит, нужно идти ниже. Если вход есть, то он должен располагаться где-то глубже.

— Если? — произнес Кулл. — Ты привел нас в это смердящее пакостное место, имея за душой одно «если»?

— Но внизу должен быть вход! А иначе откуда они достают продовольствие? Икс и его помощники никогда не покидают дом, разве что для того, чтобы подобрать мертвых. И не говорите, что они живут там. Дом слишком мал, они не станут все время сидеть там, как в тесном курятнике. Идите за мной. Мне известно, где спуск, только я никогда не отваживался идти тем путем. Но теперь я не один.

— Заячья душонка, — проронил Кулл. — Значит, раньше ты боялся, а теперь осмелел?

Они все шли, огибая бесконечно длинный поворот, пока тот наконец не стал спрямляться. Здесь, посреди прохода, они увидели в полу лаз, достаточно широкий, чтобы в него мог забраться человек с поклажей на спине. Из отверстия торчал белый металлический шест. Кулл обхватил его пальцами, и кончики их почти соприкоснулись. Металл выглядел сухим, но был жирным на ощупь.

— Похож на багор пожарника, — сказал Джек. — Куда же эта дыра ведет? В пекло?

Пламя факела пролило немного света в глубокий колодец. Дна он не увидел, но ведь оно должно быть — ведь шест во что-то воткнут. А может, не должно?

— Спускаться вниз легко, — произнес Кулл. — А вот как потом мы взберемся наверх? У нас может не хватить сил, чтобы вскарабкаться. А шест к тому же скользкий.

— Можно лезть по нему и упираться ногами в стенку колодца, — заметил Федор. — Разве вы не видите, что это только подтверждает мою теорию? Если по шесту так трудно взбираться, значит, те, кто спускается, должны подниматься другим путем...

— Возможно. Иди первым.

Федор сел на край колодца и подобрал ноги.

— Одной рукой мне придется держать факел, а шест — другой, — сказал он. — Но спиной опираться на стенку я не смогу, потому что тогда поклажа сойдет, а то и, чего доброго, свалится. Так что придется держаться одной рукой.

— Ничего не выйдет, — сказал Кулл. — Не дури.

Он зажег еще один факел и бросил его пылающей головкой вниз между ног Федора. Факел падал прямо, не переворачиваясь, и пламя ровно охватывало его. Стенки осветились, потом потемнели. Факел погружался все глубже и становился все меньше и меньше.

— До низа далеко? — спросил Кулл.

— Кто его знает! Чтобы сказать наверняка, есть лишь один путь.

Факел, теперь уже крошечная искорка, вдруг погас. Упал ли он на дно и, откатившись в сторону, просто исчез из поля зрения, или же летел на такой глубине, что его уже не было видно, Кулл не знал. Как сказал Федор, есть только один путь. Вниз.

Федор заскользил вниз, держась одной рукой за шест, который обхватил ногами, а второй удерживая факел. Кулл неуклюже ухватился за шест.

— Идешь? — спросил он Филлис, не поворачивая головы.

Ее голос дрожал, но говорила она смело.

— Где пройдешь ты, шакал, там пройду и я. И даже дальше.

Он усмехнулся и заскользил вниз по шесту. К счастью, шест был достаточно скользким и трения, казалось, почти не создавал. Почти. Если б не эта малость, они обрушились бы вниз со скоростью курьерских поездов. Но такого трения, от которого горели бы руки и ноги, не было. Ощущалось только небольшое сцепление, достаточное, чтобы задержать стремительное падение и в то же время спускаться на приличной скорости.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Кулл достиг дна. В действительности весь спуск занял девяносто секунд, если он не ошибся в подсчете. Федор, подняв над головой факел и озираясь кругом, уже ждал его. При свете обнаружились еще туннели и каналы — такие же, как наверху. Факела, брошенного в колодец, нигде не было видно. Очевидно, он ударился о металлическую дорожку, отскочил и упал в нечистоты шестью футами ниже.

— Здесь попрохладнее, чем там, наверху, — сказал Кулл. — Чувствуешь сквознячок? И зловония как не бывало!

— Может, мы уже привыкли? — предположил Федор.

— Нет, просто его заменили духами. Ты разве не чувствуешь? Федор покачал головой:

— С нюхом у меня всегда было не очень. Туговат я на нос, если так можно выразиться.

Зато он не был туговат на ухо. Его реакция на ужасный вопль была такой же мгновенной, как у Кулла.

— Боже правый! — выдохнул Джек. — Что это? Где?..

— Думаю, вон там, — сказал Федор, указывая трясущейся рукой на туннель за спиной у Кулла. Он весь дрожал, и зубы его стучали. Филлис вцепилась в шест.

— Давайте пойдем в другую сторону, — предложил Кулл.

Туннель наполнился еще одним утробным воплем. На этот раз вопль донесся с противоположной стороны.

Кулл выронил факел, оттолкнул Филлис — да так сильно, что та растянулась на полу, — и, подпрыгнув, вцепился в шест. Шест, как ни странно, оказался на ощупь сухим, и Кулл держался за него цепко. Он вскарабкался футов на двадцать и, остановившись, посмотрел вниз. Федор за ним не последовал, а остался стоять рядом с шестом и глядел вверх, в шахту колодца.

— Теперь, когда вам известно, что отсюда нетрудно выбраться по шесту, — произнес он, — почему бы не спуститься?

— Ты разве не слышал тот жуткий рев?

— Я не намерен отступать. Если вы со мной не согласны, я пойду один. Но я бы чувствовал себя лучше, решительнее, если бы со мной были вы.

Кулл не знал, что его удерживает на месте, почему он не продолжает ползти наверх. Мнение Федора его мало волновало. Возможно, он боялся в одиночку возвращаться на поверхность. А может, любопытство оказалось сильнее страха. Он понимал, что не успокоится, пока не выяснит, что происходит в утробе этого мира.

И он заскользил вниз. Заметив при этом, что шест стал скользким. Биполярность смазки.

Филлис уже встала на ноги и держала факел. Наткнувшись на ее презрительный взгляд, Джек отвернулся.

С Федором во главе они пошли вдоль туннеля, который чуть ли не с каждым шагом становился все шире. Вскоре света факелов стало недостаточно, чтобы пробить толщу тьмы. Неожиданно они обнаружили, что стоят на узком выступе. Примерно в двадцати футах под ними лениво текла черная река. Из ее глубин поднимались пузыри. Затем на поверхность поднялся огромный пузырь — больше, чем все остальные, вместе взятые. Вслед за пузырем появилась голова.

Она была раз в шесть больше головы Кулла — скошенный лоб, безволосый череп, четыре слоновьих уха и два громадных черных глаза. Безногая. Огромная тонкогубая пасть была открыта, и в ней виднелся ряд зубов, как у тигра, и два изогнутых клыка. Из пасти бесконечной лентой побежал язык, пока его кончик не ушел под воду. Язык усеивали сотни крошечных острых зубчиков.

Это был демон, так как в свете факелов его глаза блеснули, когда он повернул голову.

Кулл понятия не имел, какова глубина реки и какого роста чудовище. Вполне вероятно, что оно способно выпрыгнуть из воды, ухватиться за край дорожки и взобраться на нее.

Едва он подумал об этом, как демон поднял из воды правую руку. Скорее это была даже не рука, а лапа. Пальцы сжимали человеческую ногу. Пока люди смотрели, лапа бросила ногу на язык, и тот стал втягиваться обратно в рот, пока не исчез весь. Пасть захлопнулась, и нижняя челюсть принялась жевать. Раздался хруст. Чудовище подняло глаза, не меньше шести дюймов в ширину, и уставилось на оцепеневших людей. Пристальный взгляд, казалось, вопрошал: «Кто следующий?»

Три человеческих существа стали медленно отступать. Они шли боком и одновременно следили за чудовищем, боясь оторвать от него взгляд. Они могли бы побежать, но чудовище без труда догнало бы их по реке.

— Видимо, та нога — от демона, за которым мы гнались, — почти прошептал Федор. — Демоны поедают друг друга. Они сожрут кого угодно и что угодно — дай только волю.

— Так что лучше ему воли не давать, — прошептал Кулл, продолжая пятиться.

Неожиданно демон открыл пасть и утробно захохотал. Смех! Это переполнило чашу. Людей охватила паника, и они ринулись прочь. Они бежали, пока не запыхали легкие; сквозь горло со всхлипом проталкивался воздух, а ноги от крайнего изнеможения стали совсем как ватные.

Наконец они сели и, тяжело дыша, уставились на маслянистую воду. Демона нигде не было. Но, возможно, он прятался под водой как раз по соседству.

Наконец Федор немного отдышался и стал способен, хоть и с трудом, произносить членораздельные звуки.

— Демонам нужно питаться, — сказал он. — А здесь у них — явная нехватка человеческого мяса. Откуда же ему тут взяться? Поэтому... — Он показал на проплывающие мимо экскременты. — Думаю, они наверняка питаются отбросами и падалью. В общем, очищают сточные воды.

«Возможно, он прав, — подумал Кулл. — Но это не уменьшает опасности». Позднее он узнал, что в этих туннелях не только демоны выступают в роли воробьев, стервятников, шакалов и гиен.

Отдышавшись, путешественники отправились дальше. И примерно через две мили услышали голоса. Им оставалось лишь продолжать идти по направлению к источнику голосов где-то впереди. И вскоре они увидели стоящих по грудь в воде четырех человек (?). Двое мужчин, две женщины. Все они прикрывали рукой глаза от яркого факельного света.

Вблизи, примерно, в пятидесяти ярдах от них, находился один из островков, которые усеивали подземную реку. Этот был овальной формы, с плоской вершиной и сделан из того же сероватого металла, что и туннель. От края до края в нем было около пятидесяти футов; над водой он поднимался примерно на фут.

Мысль, что судьба этих людей могла бы стать его судьбой, заставила Кулла вздрогнуть. Может, они забрались в канализационные трубы с той же целью: разузнать, какие тайны сокрыты здесь? А потом не сумели выбраться, заблудились и теперь вынуждены жить во мраке и питаться тем, что так щедро приносили сточные воды, даже если их от этой пищи мутило? Неужели и он обречен на такую жизнь?

«Нет, — подумал он, — уж лучше утопиться в этой тошнотворной вязкой воде, чем превратиться в таких, как они. Слепые собиратели дерьма себе на пропитание, мокрые и дрожащие, вонючие и полубольные.

А что, если они все же утопились, но обнаружили, что воскресли в том же месте? Что, если отсюда нет выхода?»

Федор подошел к краю дорожки и, нагнувшись сказал:

— Не бойтесь! Мы не причиним вам зла. Наоборот, мы хотим помочь вам. У нас есть веревка. Мы вытащим вас оттуда.

— Ты что, с ума сошел? — свирепо прошептал Кулл. — Они отнимут у нас еду. А может, даже столкнут в реку. Зачем рисковать? Давай-ка лучше смоемся отсюда!

С минуту от тех, кто стоял в воде, ответа не было. Они подглядывали за пришельцами сквозь пальцы, словно их глаза стали по-немногу приспособливаться к свету, поначалу показавшемуся нестерпимым. Три фигуры, несомненно, чудились им какими-то призрачными тенями, смутно различимыми сквозь яркую и режущую глаза световую завесу. Но разглядели они стоявших на дорожке, очевидно, достаточно хорошо и не замедлили этим воспользоваться. Один из незнакомцев протянул руку и, схватив порядочный шмат

фекалий, швырнул им в Федора. От удивления славянин замешкался и не успел увернуться, пущенный снаряд угодил ему в бороду.

Разразившись оглушительным смехом, остальные трое последовали примеру своего компаньона. Кулл и Филлис отбежали подальше, а вот Федор попал под настоящий артиллерийский обстрел.

Лишившись дара речи, с багровым в свете факела лицом, он стоял, держа обеими руками наполовину размотанную с пояса веревку, и дрожал. Наконец, когда четверка в реке потянулась за новыми снарядами, он очнулся и побежал.

Кулл ожидал, что Федор начнет сыпать ругательствами, но тот стал тихо и немного бессвязно молиться. Похоже, он выпрашивал милости и спасения тем, кто напал на предложившего им помощь.

— Да уж, бедолаги. Черта с два! — высказался Кулл. — Они не спятили. Им здесь нравится; нравится то, чем приходится питаться! Они не хотели, чтобы ты спасал их. Ты опасен для них.

Маленькие голубые глаза Федора широко открылись.

— Скорее всего вы ошибаетесь.

— Думай, что хочешь, — ответил Кулл. — Но мне знаком этот тип извращенцев.

— Мы должны вытащить их, помочь им, даже если они не хотят нашей помощи, — возразил Федор и пошел обратно.

Но, услышав вдруг пронзительный визг, остановился. Кулл опустил взгляд на реку и буквально у самой границы света, отбрасываемого факелом, успел заметить, что происходит. Обитатели сточных вод, слишком взволнованные неожиданным вторжением пришельцев, потеряли обычную бдительность. И вот над поверхностью воды появилась чудовищная голова, за которой тянулась верхняя часть длинного туловища, лишенного конечностей, а за ним — дельфинообразные плавники. Из пасти демона метнулся длиннющий язык и обвил руку одной из женщин. Сотни крошечных зубчиков вонзились в тело жертвы, и женщину стало затягивать в глубину. Около овального островка было, очевидно, мелководье. Остальные, молотя руками по воде, с криками устремились к островку со всей скоростью, на какую были способны.

Демон погружался задом и тащил женщину за собой. Вскоре он исчез под водой, и ее голова ушла следом за ним, прервав на середине вопль. Несколько пузырей — и все было кончено.

Во всяком случае, так Куллу показалось. Но через несколько секунд женщина снова появилась на поверхности и что было силы рванулась к островку. Из многочисленных ран струилась кровь, окрашивая черные воды красными полосками.

Безуспешно. Язык обкрутился вокруг ноги и поволок женщину назад. Вскоре она вновь исчезла под водой. Трое подождали несколько минут, но она так и не появилась.

— А теперь, — кричал Федор, — вы позволите помочь вам?

— Иди к черту! — взвизгнул кто-то из мужчин.

Кулл взял Федора за руку и потянул его, все еще сопротивлявшегося, назад. Позже, когда тот перестал всхлипывать и успокоился настолько, что обрел способность слушать, Кулл заговорил с ним.

— Вот видишь. Они получают удовольствие от своего морального падения.

— Почему она так неистово боролась за свою жизнь? — спросил Федор. — Вам не кажется, что она умерла бы с радостью?

— Нет, не кажется.

Федор испытующе посмотрел на Кулла:

— Почему вы так считаете? Не потому ли, что слишком похожи на них? Может, и вы стали бы таким, если б торчали здесь?

Кулл не ответил. Минутой позже он задел стену туннеля. И вздрогнул, словно его укусили. Или обожгли.

— Стена горячая, — сообщил он. — Ну, не совсем горячая. Теплая. Очень теплая.

Кончиками пальцев он дотронулся до стены и пошел дальше, не отрывая от нее руки. Тепло ощущалось на протяжении ярдов двухсот. Потом температура стала нормальной. Стена с нормальной температурой тянулась еще сотни на две ярдов. Внезапно стена стала холодной. Ледяной. С крупными каплями влаги, выступившей на поверхности металла. Если это металл

Следующие двести ярдов стена оставалась холодной. Потом — какой-то неопределенной температуры. Потом снова очень теплой. После этого — опять ни то ни се. Потом — холодная. И так далее

— В некоторых местах, — заметил Кулл, — это стены шахт с горячим или холодным воздухом. Скорее всего именно так. Это единственное разумное объяснение. Известно, что во многих городских статуях находятся вентиляционные шахты. В некоторые выбрасывается горячий воздух, а холодный выходит из других. Я всегда знал об этом, мне известно, почему так происходит. Мы живем в замкнутом мире, где свет нам дает холодное солнце, а тепло создается излучением теплоты миллиардов тел. Если бы воздух каким-то образом не охлаждался, мы давно бы спеклись до смерти в аккумулярованном тепле наших собственных тел

Откуда же выходит холодный воздух? Может, глубоко под землей скрыты гигантские холодильные установки? Или он охлаждается каким-то иным способом?

— В своих рассуждениях вы ошиблись только в одном, — сказал Федор. — Когда этот мир расширяется и города сдвигаются со своих мест, воздушные шахты должны были бы, по идее, разрываться. Однако же этого не происходит. Равновесие между жарой и холодом сохраняется. Значит?..

— Здорово! Вот это в самую точку. Поскольку вентиляция продолжает действовать, значит, шахты не разрушаются. А если все же разрушаются, то их чинят или заменяют. Но это кажется неправдоподобным, если учесть огромный объем работы и предполагаемые затраты материалов. Не говоря уже о времени. Поэтому.

— Поэтому?

— Поэтому я бы предположил, что...

Кулл остановился, так как металл под ногами внезапно задрожал. Глаза Федора расширились. От страха у Кулла и Филлис глаза

едва не выпали из орбит. Джек пошатнулся и оперся на стену, чтобы не упасть от внезапного приступа головокружения: пол ходил ходуном. Стена под рукой Кулла тоже затряслась. А заглянув в туннель как можно дальше — насколько позволял свет факела, — он заметил, как по полу катится зыбь, волна металла.

Вдобавок угол, где туннель поворачивал, стал уменьшаться: стена, у которой они стояли, поехала внутрь к другой его стороне. Затем, словно отпущенная резинка, рывком вернулась на место. Через секунду она снова двинулась к другой стороне. Или это другая стена приближалась. Или перемещались они обе.

Перед Куллом предстала жуткая картина обвала туннеля, погребящего их под толщей миллионов тонн земли и камня. Возможно, весь город сползет во внезапно открывшуюся бездну, а они...

Бежать некуда. А кроме того, они едва держались на ногах и не сделали бы и нескольких шагов без того, чтобы не упасть.

Пол внезапно вздыбился и стал корезиться. Все трое, попадая на стену туннеля, завизжали от ужаса. Полом теперь стала стена.

И тут на них хлынули воды реки. Путешественники кричали не переставая и пытались вцепиться в металл, чтобы их не смыло бешеным потоком.

Вода накрыла их с головой. Волей-неволей им пришлось всплыть на поверхность.

Волна отхлынула так же внезапно, как накатилась, и, захватив с собой троих людей, с грохотом обрушилась на другую стену. Кулл видел все, что происходило. Факел Федора потух. Но Джек, колотя по воде одной рукой, чтобы остаться на плаву, ухитрился другой рукой удержать факел в воздухе. Федор барахтался где-то справа. Филлис нигде не было видно. И тут на Кулла устремилась другая стена. Он с трудом перевернулся так, чтобы удар пришелся на ноги, и уже изготовился со всего размаху врезаться в твердую поверхность, но вода отхлынула. Едва задев стену, Джек приземлился на пол и оказался на дорожке, идущей вдоль стены. В свете факела он увидел, что Федор, который был совсем рядом, тоже стоит, а туннель распрямляется. Филлис, потерявшая факел, находилась в нескольких ярдах от них.

Они уже перестали кричать и сейчас лишь тяжело дышали. Рот Федора был открыт, и его грудь быстро вздымалась и опадала. Но Кулл ничего не слышал, так как в яростном и шумном бурлении воды тонули все звуки.

Река стала понемногу успокаиваться, а ее поверхность, сглаживаясь, постепенно обретала свой прежний маслянистый вид. Через несколько минут Кулл уже слышал прерывистое дыхание Федора.

— Вот ответ на твой вопрос, почему туннели и шахты не разрушаются, — проговорил Кулл, чуть отдышавшись. — Эта штука растягивается, сгибается, скручивается, чего не выдержало бы ни одно творение человеческих рук. К тому же у нее внутренняя самонастройка. Во всяком случае, похоже на то.

— Но разве у нее нет предела растяжимости? — произнес Федор. — Мне думается, что..

Пол снова затрясся. Кулл ощутил приступ морской болезни. Точнее,zybучей болезни.

Впечатление было такое, будто он находится внутри чудовищной змеи, которая переползает через крутую, острроверхую гору. Туннель — та часть его, где находились люди, — вдруг вздыбился. Впереди, на расстоянии ярдов двухсот, проход спрямлялся ярдов на сорок, а затем пропадал из виду — очевидно, резко уходил вниз.

И тут туннель сильно накренился. Не в силах сдержатъ крики, все трое покатались через дорожку к реке. Но в тот самый момент когда они вот-вот должны были рухнуть в воду, крен прекратился. Туннель начал распрямляться. Река, вспучившаяся барьерной стеной на пять футов выше, чем прежде, с ревом по нему устремилась, и несостоявшихся утопленников едва не смыло. Но они вскарабкались на стену, и, хотя край бешено несущегося потока задел их и чуть было не сорвал со стены, им все же удалось удержаться.

Неожиданно туннель стал выравниваться, снова принимая горизонтальное положение.

Федор закричал. Филлис закричала.

Кулл тоже закричал. От страха.

Река, хлынувшая вспять после выравнивания туннеля, выбросила на поверхность ужасное чудовище. За край дорожки цеплялся лапами речной демон. Втащив голову на дорожку, он обвил языком правую ногу Филлис.

Охваченный ненавистью и истерическим страхом, Кулл с воплями прыгнул на исполинскую голову и в бешенстве пнул монстра в огромный глаз. Один? Второго не было. Чудовище оказалось циклопом — посреди низкого лба полыхал один-единственный глаз.

Джек угодил носком в глазное яблоко. Еще удар и еще. Глазное яблоко лопнуло.

Демон захрипел и отпустил Филлис. Китообразное туловище опрокинулось, и стала видна рана диаметром около фута, из которой хлестала кровь. Это и спасло их. Пинок Кулла оказался ни при чем. Увлеченный неукротимым потоком, демон, вероятно, врезался в какой-нибудь выступ — скорее всего островок — и получил смертельную рану. А то, что он схватил женщину, было просто предсмертным проявлением рефлекса.

Спутники бросились бежать прочь. Но тут что-то ударило Кулла по голове, и он вскрикнул от страха. Сверху сыпалась земля и осколки камней.

Он отскочил назад, едва не сбив с ног Филлис, и поднял голову. В сером металле зияла огромная прореха, из которой падали земля и камни. И вдруг буквально на глазах рана в металле начала затягиваться. Ее края медленно ползли к центру.

— Минут через пять, — сказал Джек, — дыра закроется.

— Вы заметили, как разогрелся металл? — спросил Федор.

— Трение. Тепло от растягивания и сжимания.

Они двинулись дальше. Филлис плакала не переставая. Внезапно Федор остановился

— Тут здоровущая дыра, — сообщил он и сунул в нее факел, но быстро вытащил обратно, так как взметнувшееся пламя едва не опалило ему руку. — Воздушная шахта

Кулл почувствовал, как повеяло холодным воздухом. Прикинув скорость, с которой дыра затягивалась серым веществом, он решительно сунул туда голову. Внутри оказалось довольно светло, и можно было разглядеть шахту сверху донизу. Наверху виднелся квадрат яркого света, выходное отверстие. До него было так далеко, что нижняя часть шахты должна бы, по идее, тонуть в густом мраке. Однако этого не было. Внизу царил сумеречный свет. Возможно, изнутри шахту покрывал слой светоотражательного вещества. Сверху донизу вдоль одной из ее стенок шли ступеньки.

Кулл вытащил голову, рассказал Федору о том, что увидел, и подождал, пока тот не удостоверится во всем сам. Потом предложил.

— Давай спустимся по ступенькам. Если понадобится, то мы всегда сможем выбраться наверх. А колодец этот быть может, приведет нас к разгадке, на самое дно этого мира.

Не ожидая возражений Федора — если, конечно, тот имел их, — Кулл забрался в дыру, встал на ступеньку и начал спускаться. Федор и Филлис молча последовали его примеру. Края отверстия бесшумно ползли друг к другу, но Кулл надеялся, что дыра полностью не закроется: уж больно она была большой. Должны же существовать какие-то пределы возможностям серого вещества самого себя штопать.

Эта мысль потянула за собой следующую, от которой его бросило в дрожь. Серое вещество, по всей видимости, было создано с таким расчетом, чтобы выдерживать обычные землетрясения. Что же могло вызвать землетрясение подобной силы? На что тогда похож город наверху? Каких сюрпризов еще ждать?

Но об этом не стоило даже думать. Уж лучше просто спускаться, и как можно быстрее.

Восходящий поток воздуха был скорее ветром и дул со скоростью около тридцати миль в час, так что путешественникам приходилось крепко держаться на ногах. Здесь было холодно. Они еще не спустились на дно, а зубы их вовсю стучали, пальцы и ступни ног совсем оковенели. Кулл порадовался, что обут в сандалии. После вынужденного купания холод ощущался даже сильнее. К счастью, воздух быстро высушил кожу.

Когда спутники добрались до конца ступенек, выяснилось, что придется прыгать на пол туннеля с высоты около семи футов. Шахта являлась центром, где сходились четыре горизонтальных туннеля. Из каждого вырывался воздушный поток, который поднимался к выходному отверстию на самом верху. В туннелях царили неясные сумерки.

— Пойдем в ближайший коридор, — заявил Кулл во избежание долгих и мучительных препирательств и двинулся вперед, сгибаясь

под напором ветра, рвущегося из туннеля. Факел задуло. Из рта у людей шел пар, который тут же относил назад. «Если станет еще холоднее, — подумал Кулл, — мы вскоре превратимся в ледяные статуи, пишу для демонов, которые шныряют в этом аду».

Пройдя три-четыре мили, Кулл стал оглядываться на спутников: не сломаются ли они первыми и не предложат ли вернуться? Но они молчали, а Куллу не хотелось признать, что они сильнее его.

Через каждые четыреста ярдов они проходили под скважиной очередной шахты на пересечении двух туннелей.

— Что-то не разберусь я в этой системе, — произнес Кулл. — Куда же ведут шахты с горячим воздухом? Казалось бы, горячий воздух должен спускаться прямиком сюда и здесь охлаждаться. Но похоже, что прямо над этими туннелями существует еще одна сеть горизонтальных ходов. Может быть, горячий воздух проходит сначала по горизонтальной системе и только после этого поступает вниз, на этот уровень. Не знаю. И потом, что происходит с влагой, которая осаждается при охлаждении воздуха? От нее ведь надо как-то избавляться. А иначе туннели были бы забиты льдом.

Федор пожал плечами. Филлис промолчала. Зубы у всех выбивали дробь.

Они все шли и шли, но температура не падала и скорость ветра не возрастала. Кулл уже был готов согласиться с мыслью, что их бесстрашное дерзновение — не что иное, как просто глупость. Им бы следовало вернуться и по тем же ступенькам выбраться из шахты. Впрочем, нет, так не годится. Как им удастся вылезти из выходного отверстия, не сломав себе шеи? А если они не сумеют отыскать брешь в стенке шахты, то как попадут обратно в канализационный туннель? Видимо, вентиляционная и канализационная системы надежно отделены друг от друга. И тогда?..

— Вот это да! — прохрипел Федор и остановился.

Филлис, шедшая следом, натолкнулась на него. Кулл также встал и воззрился на арочный проход в стене. Помещение под аркой имело в ширину примерно сорок футов и было пустым. Только на уровне глаз на противоположной стене помещения висела крохотная яркая лампочка. Или блестка, так как не испускала лучей. Кулл вошел туда и заметил, что воздух под аркой намного теплее, чем в туннеле. Да и ветра здесь не было. словно помещение закрывала неосязаемая дверь.

Остальные последовали за ним. Кулл остановился. Лампочка на стене оказалась круглым окном. В этом странном отверстии было что-то пугающее. С сильно бьющимся сердцем Кулл заглянул в окно.

Первое, что ему бросилось в глаза, был ослепительный шар. Сбоку виднелся еще один. А ниже — целая гроздь из дюжины, или около того, огней.

— Что это? — прошептала Филлис.

— Звезды, — ответил Кулл.

Сейчас яркие искорки перемещались вправо. Потом появилась огромная голубая звезда (за сколько световых лет отсюда?), а над

ней показалось белое мерцающее облако с еще более белыми сгустками, вкрапленными в мерцающий газ. Голубая звезда и галактика, или газовое облако, — что бы это ни было — уползли вправо, и перед глазами предстала огромная черная масса. Кулл приоткрылся и понял, что она явно искусственного происхождения. Механическое устройство походило на вогнутое зеркало в форме эллипса, по краям его хаотически торчали антенны необычных очертаний

Потом она тоже сместилась вправо. Перед глазами Кулла проскользило еще несколько звезд. Потом — еще один механизм, похожий на первый как видимыми размерами, так и формой. Еще звезды. Не так много. Еще один механизм. Несколько звезд. Еще механизм. А может, он видит одно и то же?

— Мы смотрим через иллюминатор во внешней обшивке искусственного спутника. — сказал Кулл. — Но спутника чего?

— Не понимаю, — произнес Федор

— Я тоже, — отозвалась Филлис

Джек осторожно высунул палец в окно. Близкая к абсолютному нулю температура космического пространства должна была бы мгновенно заморозить его. Однако вопреки ожиданиям Кулл не почувствовал ни тепла, ни холода. Зато ощутил некое противодействие. Всего лишь ощутил, и все. Палец вышел наружу примерно на полдюйма, а дальше во что-то уперся.

Кулл с силой ткнул кулаком в невидимое стекло. Рука вышла за пределы окна до запястья, не дальше, а потом остановилась.

— Эта обшивка, или поле, или что там еще, видимо, огораживает весь этот мир, — сказал Кулл. — Но если так, то в ней должно быть предусмотрено рассеяние тепла — не через это окно, конечно. Именно таким образом и охлаждается горячий воздух. Соприкосновением с холодной обшивкой этого. мира, ада или как там его?

— А для чего нужны те механизмы, ну устройства, которые проплывают мимо нас за окном? — спросила Филлис

Кулл пожал плечами. Все трое долго и в полной тишине наблюдали за кружением вселенной. В течение минуты пол и стены снова тряслись, и они знали, что сейчас наверху скорее всего проваливается земля и в проломы рушатся камни.

Когда толчки прекратились, Кулл произнес

— Кое-кто из тех, кто жил на Земле в древности, рассказывал, что то был плоский мир. Но после ряда катаклизмов принял нынешнюю форму. А позднее начал расширяться. Где-то с середины двадцатого столетия сюда стали прибывать люди.

Федор не отвечал. Филлис продолжала зачарованно смотреть в окно.

Из туннеля донесся глухой гул, и комнату снова потрянуло.

— Пойдемте-ка отсюда, — предложил Кулл. — Думаю, мы выяснили все, что могли.

Они возвращались той же дорогой, что пришли, но, подойдя ко второму от комнаты перекрестью туннелей, обнаружили причину

шума. В шахту рухнули камни и полностью завалили проход. Дальше пути не было.

Не теряя времени, Кулл повернул к шахте, оставшейся позади. Там спутники сбросили с себя мешки с едой и водой, оставив только веревки, два факела и немного спичек, потом по очереди взобрались на лестницу и начали подниматься. Через четверть пути им пришлось остановиться и покрепче вцепиться в ступеньки: стенки шахты заколебались, наверху что-то треснуло, и вниз посыпались камни. К счастью, дыра образовалась в противоположной стене, так что камни не задели никого. Добравшись до пролома, Кулл понял, что ошибался насчет дыры в противоположной стене. Шахта была вспорота по меньшей мере на три четверти окружности. С одной стороны рваная трещина заканчивалась как раз между ступеньками. Если рискнуть, то можно было успеть пролезть через брешь в горизонтальный туннель. Кулл решил рискнуть.

Федор последовал за ним, отставая лишь на несколько дюймов.

Последней полезла Филлис. И едва она скрылась в отверстии, как края щели сомкнулись, до крови ободрав ей ступню.

Кулл не стал задерживаться, чтобы осмотреть царапины, и быстро зашагал по туннелю. По его расчетам, поверхность находилась недалеко и долго искать выход не придется. Им просто повезло, что в шахте образовалась трещина. Если бы они вскарабкались на самый верх, то загнали бы себя в ловушку. Спуститься оттуда на землю можно было бы, лишь прыгнув с высоты сотни, а то и тысячи футов. Или дождавшись, пока рухнет вся шахта.

Кулл оказался прав в расчетах. Они наткнулись на шест. Шахта с шестом тянулась футов на шестьдесят и заканчивалась в другом туннеле, в конце которого было совсем светло. Путешественники поспешили на свет, но на полпути остановились.

Отсюда начинался длинный ряд каменных статуй.

Идолы. Разбитые идылы.

Первой оказалась приземистая получеловеческая фигура, грубо высеченная из гранита. Под выпяченным животом располагались своего рода половые органы чудовищных размеров — женские прямо над мужскими.

Следующие два идола походили на людей и гермафродитами не были. Мужчину украшал громадный фаллос, а женщина обладала внушительными грудями, объемистым животом и чрезвычайно толстыми бедрами и ногами. Эти двое и двуполоая статуя были единственными в целом ряду изваяний, у кого на плечах имелась голова. От других остались лишь туловища с изломанными шеями да валявшиеся подле ног оторванные головы.

Судя по виду трещин, опоясывающих короткие толстые шеи первых трех статуй, головы когда-то были отломаны. Но их прилаживали обратно. Кулл предположил, что при этом использовалось какое-то клеящее вещество. Значит, этим занимались демоны, поскольку клей такой прочности людям был недоступен.

Они шли, молча разглядывая безмолвные шеренги. Мимо человеческих и получеловеческих торсов, мимо каменных голов ибисов, быков, львов, ястребов, шакалов; мимо туловищ богов, богинь и демонов с шестью руками, четырьмя руками и восемью ногами. Мимо бородатых и безбородых голов на полу.

Четыре раза им попадались мумифицированные и окоченевшие трупы людей, прислоненные к стене.

В конце этого длинного ряда, неподалеку от отверстия, ведущего в туннель, лежала голова.

Голова Икса, оторванная от трупа не так давно, покоилась на полу и пристально глядела на вход.

Федор захлюпал носом.

— Может, хватит душещипательных сцен? — поморщился Кулл. — У нас куда более важные дела. Хотя бы выяснить, что творится в городе.

Обойдя голову, он вышел из туннеля и оказался на склоне горы, находившейся вне пределов города, который лежал в руинах. Рухнувшие стены обнажили в своем падении горы обломков на месте башен и развалины огромных зданий. Бробдингнские каменные глыбы, из которых были сложены стены и башни, развалились, словно пустые куски базальта. А блоки, воздвигшие статуи вокруг вентиляционных шахт, отвалились и оголили покореженные, искривленные колодцы из серого вещества.

Поверхность пустыни растрескалась. Начинаясь под городом, равнину пересекала широкая кривая расщелина и терялась где-то вдали, недоступная взгляду. От расщелины, словно паутина, расходились во все стороны тысячи и тысячи коротких и тонких трещин.

Туннель, из которого путешественники только что вышли, стал внезапно извиваться угрем, а изнутри, как из мегафона Титана, гулко загрохотал гром землетрясения. Но рев все же не помешал Куллу услышать визгливый смех, похожий на звуки, издаваемые гиейной. Взрывы безудержного хохота доносились из-за спины, в нескольких футах от него.

Хохотал демон. Тот самый, который сбежал от них с головой Икса в канализационные туннели. Он стоял совсем рядом, подбоченившись, запрокинув голову и широко раскрыв рот. Он смеялся.

Не успел Кулл отреагировать, как Федор оттолкнул его, набросился на демона, повалил его и принялся колотить головой об пол.

— Икс! Икс! Икс! — кричал он. — Почему Икс? Кто такой Икс? Кто он? Кто?

Подбежав к ним, Кулл сел на пол и схватил демона за руки. Тот вдруг перестал смеяться, и из глаз у него брызнули слезы.

Это так поразило Федора, что он отпустил голову демона. Кулл тоже удивился. Он никогда не видел плачущего демона.

— Люди, — проговорил демон, обливаясь слезами, — я знаю кое что из того, чего не знаете вы. Но о многом я понятия не имею. Я, в сущности, так же беспомощен и лишен всякой надежды, как и вы.

— Ну и?.. — произнес Кулл.

— Не демон я. Не то, что вы имеете в виду. Я отношусь к внеземной, как вы ее называете, расе, или роду. Внешне люди нашей планеты похожи на вас. Разница только в том, что многим в нашем мире достается облик, не предусмотренный природой. Манипуляции с генами, прямая трансмутация протоплазменных форм, доработка клеток на микроскопическом уровне. На это у нас есть свои причины. Не буду вдаваться в них

Туннель колыбался, раскачивался и гнулся одновременно, и Кулл начал ощущать приступ морской болезни. Но он сопротивлялся: надо разузнать у демона как можно больше

— Для нас это место — тоже ад, — продолжал тот — Но здесь нас не так много, потому что наша раса давно не живет на своей планете, вымерла. Как раз в то время, когда дела у нас пошли на лад, когда мы только начали приобщаться к цивилизации. К цивилизации в нашем понимании, не в вашем.

— Ладно-ладно, — сказал Кулл — Но что ты скажешь о тех механизмах, которые крутятся вокруг этой сферы? Кто их сюда доставил? И с какой целью?

— Кто? — завопил тот — Иные! Иные!

— Какие такие «иные»?! — тоже закричал Кулл. Рев, грохот и крик оглушали. А туннель корчился в судорогах еще неистовее.

— Другой тип разумных! Неизмеримо старше и вас, и нас! Намного осведомленнее, могущественнее! Мы обидели их и теперь несем за это наказание!

— Но как же тогда мы? — воскликнул Кулл. — Как же тогда?..

— Вы их тоже обидели! Давным-давно.

— Каким образом? Мы их даже не знаем!

— Знали ваши первобытные предки!

— Как им удалось? И кто такие эти «иные»?

— Я не могу тебе сказать! Не могу! Не могу! Это входит в наше наказание. На нас как-то воздействовали, нам запретили! Мы действуем не по своей воле! Мы знаем, но вам сказать об этом не можем. Я сказал вам все, что мог. А если б мне не было так страшно, я бы и этого не сказал

— А механизмы? Наше физическое воскрешение? Создание этого мира! Как? Зачем?

— Он не метафизический, этот мир, и не сверхъестественный! Он физический. Подчиняется законам и принципам той вселенной, которую мы знали. Некоторые законы нам неизвестны. Но им известны! Они — всемогущие! Когда-нибудь и мы смогли бы стать такими, если бы из-за наших высокомерия и глупости нас не стерли с лица земли. Вы, земляне, тоже могли стать такими, если бы сумели справиться со своей доморощенной глупостью!

— Рассказывай! Рассказывай! — вскричал Кулл

Но Федор с криками «Икс! Икс! Икс! Рассказывай об Иксе!» снова стал колотить демона головой об пол. И тот вдруг засмеялся. Эти существа обладали непостоянностью настроения и нелогичностью поведения, из-за чего внушали человеку ужас еще до того, как

людей стало больше, чем их. Его смех не казался истеричным. Ему было по-настоящему смешно.

Он смеялся до тех пор, пока не начал задыхаться. Откашлявшись, он сказал:

— Вы бы поверили мне, если бы я сказал, что Икс предал людей? Что он помогал нам, так как хотел помучить вас несбыточной надеждой?

— Нет, никогда! — заорал Федор.

— Вы бы поверили, если бы я сказал, что он — тот Спаситель, на которого вы надеетесь? Но что в этом уголке Вселенной ему придется вести себя так, как велят Иные? И подчиняться их законам?

— Нет, нет!

Демон снова расхохотался:

— А вы бы поверили, если бы я сказал, что все, что я наговорил вам, неправда? И все, что впредь буду рассказывать, тоже окажется неправдой! Или, что не исключено, среди всех неправд обязательно будет одна или две крохи правды? Почему бы нет? Эти уж мне земляне и их правда! Да меня тошнит от вас! Что такое правда?

И вот тогда у Кулла вспыхнуло желание убить его. Он был вне себя. Федор тоже. Он схватил демона за горло и принялся душить его. Лицо Федора стало таким же багровым, как у демона. Кулл пошатываясь встал на ноги с намерением растоптать лицо демона. Он хотел разможить ему ногами кости, сломать нос, выбить зубы, порвать барабанные перепонки, выдавить глаза.

Рядом раздался страшный треск, будто гигантское дерево расщепилось надвое. Кулла швырнуло к стене туннеля. Оглушенный ударом, он смутно осознал, что эта часть туннеля оторвалась и катится под гору.

Она все катилась и катилась: вместе с ней катились все, кто в ней находился: Федор, Филлис, демон, он сам, каменные туловища, каменные головы, высушенные трупы, голова Икса. Цилиндрический туннель катился под гору, а его обитатели болтались внутри. Почему статуи не передавили их всех, Кулл так и не понял. Но что есть, то есть, хотя один раз какой-то идол прогрохотал совсем близко и даже поцарапал ему плечо. В падении Кулл налетел на демона, и тот, схватив его, так сжал, что Кулл и пошевелиться не мог.

— Ах ты мой красавчик! — нараспев произнес демон. — Этот мир и есть ад! Конечно же, он сверхъестественный! А то, что ты увидел в окне, — всего лишь иллюзия, чтобы удержать тебя от поисков правды и от побега! Ложь, ложь, ложь! А может, и правда или полуправда, скрытая во лжи!

Снова затрещало и туннель замер. Демона отбросило в сторону. Не успел Джек, оглушенный падением прийти в себя, как демон уже вскочил на ноги и, нагнувшись, свирепо укусил его за плечо.

— Знак Каина! — закричал демон. Его рот был в крови Кулла. — Печать Сатаны! Укус Ваала! Или что там у вас? Поцелуй за меня своего лысого приятеля — того, что ищет Икса! Передай ему, что Икс

жив и даст ему спасение и вечное блаженство — если ему удастся отыскать Икса! Ложь, ложь, ложь! Может быть! До свидания, брат!

Подвывая по-вольчьи, он выбежал из туннеля и бросился в колыхавшуюся пустыню. Но далеко он не убежал. Рядом с ним внезапно образовалась трещина и зазмеилась, ширясь, ломаной ветвистой молнией через все обозримое пространство. Одно из ее ответвлений открылось прямо под ногами демона. Вскинув руки, он отшатнулся, пытаясь спастись, но оказался недостаточно проворен. Он упал на спину; рот его открылся в крике, который в туннеле непременно слышали бы, если бы не грохот. Тело провалилось, и последнее, что люди увидели, были его ноги.

Туннель тут же накрылся, вздымаясь на гребне прокатывающейся по земле волны, и снова покатился.

Он все катился и катился, этот оторванный кусок туннеля, который был уже не туннелем, но просто трубой. Впрочем, не очень быстро, ибо невольные пленники ухитрились поспевать за оборотами, отчаянно работая ногами и удерживаясь в вертикальном положении, как белки в колесе.

Но вскоре они выбились из сил. Их ноги отяжелели и утратили скорость. Людей тотчас подхватило и повлекло кверху, откуда они попадали вниз. Но только затем, чтобы снова взмыть кверху и снова упасть.

Внезапно труба остановилась, и горемыки с грохотом ударились о стену.

В течение нескольких секунд они лежали, хныча и постанывая, затем Кулл вскочил и сказал, задыхаясь:

— Нам нужно как-то избавиться от этих статуй! До сих пор нам везло. Но если эта штука снова покатится — а она как пить дать покатится, — то в следующий раз нам может так не повезти.

Филлис лежала и всхлипывала, но Федор с трудом поднялся. Он был весь в синяках и царапинах, а лицо представляло собой красное месиво. Кулл знал, что и сам выглядит не лучше. И по достоинству оценил усилия, которые прилагал маленький славянин, чтобы просто встать, тогда как его мышцы, похоже, спеклись от полученной трепки. Но он заставил себя двигаться и принялся хватать статуи и выкатывать их из жерла цилиндра. Статуи оказались, однако, тяжеленными и как будто состояли из одних острых углов. Справиться с ними было нелегко. Только объединив усилия, мужчины сумели подкатить первое изваяние к выходу. Это была крупная фигура с головой крокодила и длинными челюстями. В голове, посаженной к туловищу под прямым углом, и состояла вся загвоздка. Всякий раз когда челюсти утыкались в пол, верхняя часть статуи приподнималась, и перевернуть ее на бок было невероятно трудно. К счастью, чтобы подкатить идола к краю туннеля, эту операцию пришлось проделать всего три раза.

Избавившись от крокодилового, Федор и Кулл устали друг на друга, с трудом переводя дыхание и дрожа от усталости. Никто из них не решался первым вновь приняться за работу.

— Надо выкинуть еще двоих, — сказал Кулл и выглянул из цилиндра, надеясь отыскать какое-нибудь другое убежище, без этих каменных махин, мотающихся туда-сюда. Хотя что-то, лишь бы не такое открытое с обоих концов и которое катилось бы как можно тише. Хотя что-то, где можно было бы безмятежно свернуться калачиком и не беспокоиться ни о чем...

То, что Джек увидел, потрясло его. Та же сила, что заставила их цилиндр бешено вертеться, нагромодила огромные груды песка и камня. Цилиндр лежал у края застывшей на время земной волны. Вокруг теснились кучи из песка, камней, земли, перемешанной с покореженными обломками металлических труб, огромными глыбами гранита, базальта и диорита, некогда аккуратно сложенными в виде гигантских строений. Там и сям были разбросаны здания, целиком вырубленные из бробдингенских валунов: одни стояли, как прежде, другие валялись на боку, третьи — вверх дном. Некоторые, провалившиеся в глубокие трещины, являли глазу лишь крышу или бок, или дно.

Все вокруг было усеяно трупами людей и демонов и кусками их тел. Они лежали там, где их раздавили рушившиеся каменные громады или поразили насмерть летевшие с огромной скоростью камни. Повсюду валялись каменные деревья, с корнем вырванные из почвы или из стен зданий. Насколько же велики были силы, сокрушившие эти могучие исполины?

— Что же это такое? — причитал Федор, стоявший позади Кулла. — Отчего мир гибнет?

— Что-то тормозит вращение оболочки, которая является внешним фундаментом этого мира, — ответил Кулл. — И всякий раз когда оболочка замедляет вращение, камни и песок на внутренней ее поверхности скользят. И все, что на ней находится, сдвигается с места. К тому же от трения движущихся тонн камня и песка возникает тепло. Ты заметил, как здесь жарко?

Его тело лоснилось от пота, волосы слиплись. Только сейчас он обнаружил, что кто-то из их компании загадил цилиндр изнутри. Причиной был, несомненно, животный страх.

— Надо убрать отсюда еще две статуи, — проговорил Кулл. — В любую минуту вращение может снова замедлиться. Или наоборот, ускориться. Бог его знает, что тогда произойдет.

— Что толку? — уныло отозвался Федор. — Нас все равно разорвет на куски, как этих... этих... — Он указал на несколько ближайших трупов, которые выглядели так, словно по ним прошелся паровой каток, а следом борона.

— Возможно, у нас нет шанса выжить, — произнес Кулл. — Но мы должны вести себя так, будто он у нас есть. Пока мы живем..

— Да разве мы достойны спасения? — возразил Федор. — Мы грешники. Нам следует...

— Грешники, — плачущим голосом повторила Филлис. — О Боже, мы согрешили и теперь должны расплачиваться. О Боже, прости нам, прости...

— Заткнись! — оборвал ее Кулл. — Оба заткнитесь! Если вы сейчас же не прекратите нюнить, словно две старые истерички, и не поможете мне выкинуть отсюда этих идолов, я вас вышвырну из туннеля пинком под зад. Вот тогда и попытайте счастья, которое есть прах, ничто, нада*, нуль, капут**, пустота. Что с вами, черт возьми, происходит? Вы хотите покончить с собой? Так ведь вам известно, что это тоже грех. Что ж, если вы просто здесь усядетесь и перестанете бороться, то это будет все равно что убить себя. Ничего не делать равносильно самоубийству, вам это известно. Федор, что на тебя нашло? Ведь именно ты подбил меня на это путешествие. А теперь вдруг струсил

— Это Апокалипсис, — пробормотал тот. Его губы кривились, а маленькие глаза беспокойно метались из стороны в сторону. — День Страшного суда. Кто в силах устоять перед гневом Божьим?

— Да ты ничего не знаешь о гневе Божьем, — сказал Кулл. — Помоги мне сдвинуть идолов, а не то почувствуешь гнев Божий точнехонько на своей заднице, которую припечатает моя нога.

— Мне остается уйти, — произнес Федор. — Я не боюсь тебя.

— Хорошо, — отозвался Кулл. — А то, может, выручишь? Выручишь меня? Своего брата человека?

Он молча нагнулся и принялся толкать статую. Федор, все еще всхлиывая, стал помогать ему. Второй идол оказался не таким большим и нескладным, как первый. Надсадно крикая и тяжело дыша, им удалось дотащить его ногами вперед до жерла цилиндра.

Но третья статуя превосходила размерами остальных, дальше всех находилась от выхода, а ее рука, отставленная от туловища, сгибалась книзу — казалось, будто статуя цеплялась за металл и не желала отделяться от него. Двое мужчин волокли идола медленно и после каждого усилия были вынуждены переводить дух. Не выдержав, Кулл обругал Филлис и велел ей встать и помочь им. Женщина застонала и подняла глаза. Спутанные, грязные волосы упали ей на лицо, и она уставилась на Кулла сквозь светлые пряди. Грязное лицо было перепачкано кровью, губы распухли от удара, на одной из грудей расплзлось багровое пятно.

— Я так устала, — простонала она. — Я не в состоянии помогать вам. Да и зачем бороться? Федор прав. Мы обречены.

Кулл ткнул ее ногой в плечо. Филлис опрокинулась на спину и молча воззрилась на него снизу вверх.

— Поднимайся, грязная потаскуха! — приказал Кулл. — Ты, может, до сих пор и брала от жизни все, что хотела, в этой привычной для тебя позе, но те деньки кончились! Вставай Или же я лягну тебя в то место, где недостает яиц!

Она хотела плюнуть, но изо рта вырвалась лишь тягучая струйка темно-коричневой слюны, которая шлепнулась на подбородок, будто привязанная одним концом веревка

* Ничто (исп.)

** Конец (нем.)

— Ты и твоя поганая шкура, — прохрипела она. — Вот и все, о чем ты заботишься. Почему бы тебе не сдохнуть и не покончить со своим жалким существованием?

— Потому что не хочу, — ответил Джек. — Ну же, вставай!

Он нагнулся, подхватил ее под мышки, с усилием приподнял и поставил на ноги. Филлис покачнулась и упала бы, не поддержи он ее. Ее тело было скользким и холодным от пота; она вся дрожала, она смердела страхом.

— Я не то имела в виду! — всхлипнула она. — Просто за последнее время я пережила больше, чем в состоянии вынести. Поскорее бы все это кончилось!

— Я тоже не то имел в виду, — сказал Кулл. — Надо же мне было сказать хоть что-то, чтобы заставить тебя шевелиться. Так что давай помогай. Нам любая помощь сгодится, даже самая малая.

Пользы от Филлис оказалось немного. Когда они попытались катить идола, ее руки соскользнули, и она упала на камень.

— Я опять поранила грудь, — пожаловалась она плачущим голосом.

Кулл снова поднял ее.

— Ну хотя бы раз!

Они одновременно ухватились за статую, и та перевернулась на бок. Задохнувшись, Кулл услышал, как тяжело дышат его спутники.

— У нас, возможно, не так много времени до следующего землетрясения! — закричал он что было мочи. — Если мы снова завертимся, то нас может запросто раздавить. Ну же! Еще раз!

Идол медленно покатился, приподнялся, опершись на одну из рук, и с грохотом рухнул на серый металл. До жерла цилиндра было пройдено лишь полпути.

— Еще раз, — повторил Кулл, но уже без особого энтузиазма. Он вдруг осознал, как мало сил у него осталось. А с силами почти ушла воля.

Но, несмотря на это, он уже не мог остановиться, не завершив начатого. Иначе все старания пропадут даром. За свою жизнь он слишком много затратил усилий и слишком часто отступал, когда мог бы побороться еще немного и завоевать то, что хотел. А хотел ли он на самом деле? И не потому ли всегда отступал, что боялся победы?

Перешагнув через статую, он ступил на песок и закашлялся снаружи пыли было еще больше, чем в трубе. Легкие будто сжало горячей рукой.

С трудом подавив приступ кашля, Кулл нагнулся и, ухватившись за голову идола, сказал:

— Толкай. Я буду тянуть. Вытащить его теперь проще простого

— Хорошо, брат, — отозвался Федор. — Если вы так отчаянно цепляетесь за жизнь, я не буду вам помехой. Может, сам Бог послал вас мне на помощь. Поэтому помогу и я вам.

— ...тебя и твоего Бога, — выругался Кулл.

Федор задохнулся, но идол пополз из жерла и вскоре очутился на песке. Кулл слабо улыбнулся. Видно, Федор здорово обозлился, коли так раззадорился. Изваяние удалось выпихнуть вон даже быстрее, чем Кулл рассчитывал. Впрочем, он и не собирался подначивать Федора. А только подумал об этом.

Кулл выпрямился.

— Ну вот! — произнес он с едва заметным торжеством. — Избавились наконец! Я же говорил, что мы... — и внезапно замолчал.

Подошвами ног он уловил слабые вибрации, предвестие грядущих и более сокрушительных. Перепрыгнув через статую, он ринулся в цилиндр мимо Федора и Филлис и остановился в центре.

— Сюда! Скорее! — обернувшись, крикнул он и упал на пол. — Ложитесь! Ты, Федор, ляг и обопрись на стену, а я ухвачу тебя за щиколотки! А ты, Филлис, ложись у меня в ногах и хватайся за мои лодыжки.

Снова подгонять их не понадобилось. Они уже и сами почувствовали подрагивание цилиндра.

— Когда покатимся, — добавил он, — напрягитесь. Может, из нас получится что-то вроде жесткой опоры, и тогда мы не будем все время соскальзывать вниз и биться о стенки. Держитесь! Кажется, сейчас начнется светопреставление.

Не успел он договорить, как цилиндр накренился и, придя в движение, медленно сделал пол-оборота; так медленно, что Кулл понял: долго в напряжении им не удержаться. Когда они подберутся к самому верху и пол станет потолком, они рухнут друг на друга.

Но, прежде чем цилиндр завершил пол-оборота, раздался гул, затем оглушительный грохот, и сквозь трубу пронеслась целая туча пыли, запорошившая глаза. Цилиндр так стремительно сорвался с места, что Кулл сначала даже не понял, что произошло, пока тот не сделал еще два или три оборота. Сейчас цилиндр вращался так быстро, что Кулл, похоже, проскакивал одну и ту же точку каждую секунду. Во всяком случае, так казалось. По-настоящему, у него не было точки отсчета, как не было и ясного представления о ходе времени. Он знал лишь одно: труба вращалась с такой огромной скоростью, что центробежная сила буквально приклеила людей к металлу и не давала им шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже если бы они захотели.

Что произойдет, если они вдруг столкнутся с предметом, который несется с той же скоростью? Разобьются вдребезги. Крошево костей, раздавленная плоть и невыносимая боль, кровь, брызжащая из порванных вен и артерий.

Неожиданно до Джека дошло, что он больше не чувствует ни тряски, ни характерных раскачиваний цилиндра, когда тот набирал скорость. Кружение стало плавным, словно в воздухе.

Повернув голову, Кулл глянул на отверстие и сначала ничего, кроме пыли, не увидел. Глаза щипало так, что выступали слезы. Затем подул невесть откуда взявшийся ветер, и на несколько секунд пыль исчезла. Первым, что увидел Джек, были серовато-бурые облака, теснившиеся, казалось, повсюду.

То, что потом предстало перед ним, было трудно постичь умом: настолько все оказалось неожиданным, чужим.

Наконец он понял, что к чему. Теперь он знал, что движение цилиндра казалось плавным, как по воздуху, потому, что именно в воздухе они и находились.

Облака пыли на мгновение разошлись, и в разрыве Кулл увидел землю. Вернее, сферу, образующую стены их мира, барьеры между ним и межзвездным пространством. Поверхность сферы очистилась от песка, камней и туннелей, которые толстым слоем покрывали ее, и обнажилось сероватое непрозрачное вещество.

Где же слой песка и камней, что некогда составлял почву? Исчез. Унесло в атмосферу, совсем как цилиндр.

Очевидно, сфера каким-то способом, с помощью какого-то немыслимо титанического усилия получила ускорение. Потом так же быстро и так же немыслимо движение замедлили; возможно, даже полностью остановили. И кремневый слой на внутренней поверхности сферы, и все жившие на ней, и дома — все это слезло, словно старая кожа.

Сорвалось с поверхности и теперь летает. И если то, что Кулл подозревает, правда, то обратно никогда ничего не упадет. Ведь если сфера перестала вращаться, а центробежная сила, которая, по его давнему предположению, представляла собой силу тяжести, исчезла, цилиндр и миллионы других материальных объектов, которые носятся сейчас в атмосфере, назад не вернуться.

А они трое будут лететь, пока не столкнутся с другим объектом. После чего, подчиняясь второму закону Ньютона, изменят направление полета, а их скорость замедлится или увеличится, поскольку результирующий вектор зависит от составляющих векторов двух или более объектов.

Со временем они будут лететь медленнее, так как находятся в плотной атмосфере, а не в разреженном космическом пространстве. Трение о воздух заставит цилиндр замедлить ход. Кулл только сомневался, окажется ли замедление достаточным. Летя по прямой, цилиндр рано или поздно врежется во внутреннюю стену сферы. И сидящие в нем разобьются.

Уже потом его слабеющий разум осознал, что они умрут задолго до того, как остановятся. Даже сейчас вращение отгоняло кровь от передней части мозга и передней части тела. Кулл постепенно угасал, сознание тускло. Вскоре он лишится чувств; потом мозг, испытывая кислородное голодание, умрет; дыхание прервется, и он..

Джек Кулл очнулся и понял, что они хоть на какое-то мгновение, но спасены. Цилиндр не вращался. Кулл лежал на полу, придавленный телом Филлис, ноги Федора касались его головы. Он увидел, как веки Филлис затрепетали. Голубые глаза уставились на Джека.

— Что случилось? — чуть слышно проговорила она, с трудом ворочая языком. Как и у Кулла, в горле у нее пересохло и саднило от пыли.

— Что-то мешает нам вращаться.

Внутри цилиндра было сумрачно, но не пыль застила свет. С обоих концов к путешественникам подползали буроватые полустуденистые волокна неизвестного вещества. Поначалу Кулл не узнал его. Но когда масса приблизилась настолько, что ее удалось потрогать, а потом осторожно попробовать на вкус; он вспомнил, что это.

— Мы застряли в манной туче, — сообщил он. — Должно быть, мы врзались в нее, когда она только начинала формироваться. Она совсем мягкая, вот почему нас так плавно остановило. — Кулл коротко и нервно засмеялся. — Теперь у нас новая забота: как бы тут не задохнуться.

— Может, нам удастся проесть ход наружу? — пробормотал Федор.

Джек Кулл расхохотался. Он хохотал и никак не мог остановиться.

Филлис села и что есть силы ударила его по щеке. Результаты этого действия ошеломили и испугали обоих. Ударив Кулла, Филлис оторвалась от пола и, перевернувшись в воздухе, натолкнулась на стенку. Потом отскочила и стала яростно извиваться, пытаясь встать на ноги. Однако все усилия привели к тому, что женщина перевернулась вверх тормашками и поплыла по направлению к манне на другом конце цилиндра.

Кулл удивился не меньше, хотя и должен был этого ожидать. Сила удара на несколько дюймов оторвала его от пола и отбросила в противоположную от Филлис сторону. Он медленно заскользил в воздухе, пока не воткнулся задом в манну на другом конце.

— Мы в невесомости, — сообщил он. — Федор, двигайся очень медленно! А ты, Филлис, перестань сопротивляться! От этого только хуже. Кстати, спасибо! Ты избавила меня от истерики.

Он скривился от боли в одеревеневших мышцах. Голова страшно болела, словно по ней прошелся слон: на затылке сидела здоровенная шишка.

К тому времени манна так разрослась, что полностью забила оба конца цилиндра, и, не переставая увеличиваться в объеме, потащила Кулла и Филлис к центру цилиндра. Теплая студенистая масса поглотила руки несчастных и стала подбираться к лицу и плечам. Им ничего не оставалось, как только бить ногами по влажному желе, влекущему их друг другу навстречу.

Не вняв предостережению Кулла, Федор подпрыгнул, намереваясь поймать Джека, но взмыл вверх и с криком ударился головой о потолок. После чего по инерции отлетел к Кулли и тоже увяз. Теперь их обоих потащило навстречу Филлис.

Немного поупражнявшись, все трое убедились, что если все делать медленно, то можно контролировать свои движения. К счастью, ширина туннеля составляла футов двенадцать, так что им удавалось продвигаться от стенки к стенке. Если один из них застревал посреди цилиндра, будучи не в силах дотянуться до стены, то другой, изловчившись, подталкивал его.

— Нам остается только надеяться, что манна перестанет прибывать, — произнес Кулл. — Кто бы мог подумать, что у нас ее окажется невпроворот?

— Разве нельзя откопать выход? — спросил Федор. — Можно задержать дыхание и попробовать выбраться. Уж лучше погибнуть при попытке спастись, чем просто сидеть да смерти дожидаться.

— Неужели ты не понимаешь? — возразил Кулл. — Ну докопаясь мы до выхода, а потом? Одно неловкое движение — и мы вылетим из этого цилиндра. И что тогда? Мы будем совершенно беспомощны, плавая внутри сферы, которая тянется на тысячи миль от края до края.

Филлис вздрогнула, словно от холода, хотя в цилиндре было жарко.

— Я не хочу болтаться в воздухе. Да я с ума сойду, если увижу под собой землю. Мне будет казаться, будто я все время падаю. Я не хочу вечно падать. Нет, я остаюсь. По крайней мере здесь как-то надежнее. Почти как дома.

— По-моему, манна перестала прибывать, — сообщил Федор. — Может, и хорошо, что мы не ударились в панику и не стали откапывать выход. Иногда лучше посидеть какое-то время и подумать. Со временем проблема решается сама собой.

— Ты прав. Во всяком случае, сейчас, — заметил Кулл. — Она действительно перестала ползти. — Он слизнул тонкие белые волоконца, которые со временем темнели и утолщались, потом медленно зачерпнул их целую пригоршню и отправил в рот. — Ешьте, пока не затвердели, — посоветовал он остальным. — Они сейчас тают во рту, а организму нужна жидкость.

Джек не стал говорить, что манна в цилиндре может оказаться последней. Ему не хотелось расстраивать своих спутников еще больше. Вполне возможно, что осталась только эта туча. Не исключено, что некий механизм, который готовил манну и распределял ее по всей сфере, пока еще действует, но скоро перестанет. Разладилось все, так почему бы не разладиться и ему?

Все последовали его примеру. К тому времени как они съели по несколько пригоршней массы, манна потемнела, съежилась и распалась на сотни твердых нитей толщиной со спагетти. Люди стали есть и их.

— Мне б сюда хоть какую тару, — проговорил Кулл и, пожав плечами, добавил: — Да что толку звезды считать. Ну-ка! Помогите мне перетащить манну на середину цилиндра. Накидаем кучу сразу с двух сторон, оставим только место для прохода. Надо сделать запас побольше. А вдруг понадобится?

Подкрепившись, они принялись собирать манну, стоя в ней по пояс, и лепить большие рыхлые комки. Потом двое стали носить их к центру цилиндра и складывать там, всякий раз добираясь до цели зигзагообразно — от стены к стене. К счастью, манна была влажной и липкой, и комки оставались там, где были брошены.

Несмотря на все предосторожности, обоим носильщикам пришлось время от времени выделявать замысловатые троюки. Они

скользили вдоль стен, когда вовсе не хотели этого, или переворачивались вверх ногами, или по спирали устремлялись прямоком в мягкую массу.

Понемногу освоившись, Федор и Филлис стали работать на одном конце цилиндра, Кулл — на другом. Нагромождение манны заметно осело, внутри посветлело и стало видно, что туча отплыла от цилиндра.

Почувствовав, как потное тело обдул ветерок, Кулл обрадовался. Это означало, что в мире все еще существует ветер, что воздух сферы не застыл недвижимой массой. Перепад давлений не исчез.

У Федора и Филлис, трудившихся бок о бок, работа шла быстрее, чем у Кулла. А тут еще рука, которую он запустил в массу, наткнулась на что-то твердое. Он принялся соскребать с предмета волокна манны, пока не разглядел, что это. Прямо в его живот целилась ветка каменного дерева с листьями, мокрыми от манны.

Ничего никому не говоря, Джек продолжал соскребать волокна. Вскоре обнажилась еще одна ветка. Она была обломана, фута два длиной, не больше. Посчитав, что находка может оказаться полезной, он поздравил своих спутников. Те принялись растаскивать манну. Через пятнадцать минут Кулл добрался до конца цилиндра. И там понял, что произошло.

Во время всеобщей катастрофы несколько ветвей вырванного с корнем каменного дерева втиснулись в эту огромную трубу, а потом их покрыли пряди манны. А еще в ветвях запутался обрывок телефонного провода.

Джек помедлил, переводя дух, затем пролез между ветками и стал дальше счищать манну.

Через минуту его голова высунулась из отверстия. Минуту взглядом ствол и корни дерева, он уставился в пространство.

Рядом он увидел целую гору манны, неспешно отплывающую от цилиндра. Это была уже не туча, а месиво из червеобразных волокон, сбившихся в клубок. За клубком виднелась часть первоначальной тучи.

Кулл запрокинул голову, чтобы взглянуть наверх или на то, что казалось верхом. Примерно в двадцати ярдах, не отставая от цилиндра, плыл громадный валун. Рядом с ним кружилось страшно изуродованное тело женщины, покрытое высохшей кровью.

За телом и валуном дрейфовали другие предметы. Большой ком земли. Медленно поворачивался каменный стол, обломанный с одного конца. Над столом крутилась каменная чаша, намного быстрее неповоротливого стола. Чуть дальше дрейфовало еще одно выкорчеванное каменное дерево, гораздо больше того, что застряло в цилиндре. Оно вращалось чрезвычайно медленно, и причиной тому был человек, который ловко цеплялся за ветви. Смуглый, узкоглазый, он был скорее всего китайцем или японцем. Человек заметил голову Кулла и выпучил глаза. Потом помахал рукой и что-то крикнул, но не на древнееврейском. Тут дерево повернулось и незнакомец пропал из виду.

Кулл подождал и, когда человек снова появился, закричал по-древнееврейски, добавив несколько английских слов, пришедших на память. Человек ответил на языке, о котором Кулл мог теперь с уверенностью сказать, что это был китайский. Дерево снова повернулось, и на сей раз Кулл увидел, что человек припал к ветке и балансирует на ней, собираясь прыгнуть.

Кулл громко крикнул, чтобы тот не рисковал. Но китаец прыгнул, едва ветка, на которой он сидел, поднялась выше при новом обороте. Очевидно, он с точностью до секунды все рассчитал и надеялся, что расчет окажется верным. Подброшенный толчком, к силе которого прибавилась сила инерции поворачивающегося дерева, он устремился к Куллу, вытянув руки и намереваясь ухватиться за ветви дерева, торчавшего из цилиндра.

Неожиданно для себя Кулл вскарабкался на самую большую ветку, перебрался на ствол и дальше двинулся на четвереньках, цепляясь за твердый, как камень, и скользкий морщинистый ствол. Добравшись до корней, он выпрямился и с опаской протянул руки к человеку. Но тот проплыл выше, всего в футах от него. Увидев, что промахнулся, человек пронзительно закричал и не умолкал до тех пор, пока не попал головой в огромный комок манны. Крик оборвался. Из твердеющей, но еще мягкой массы торчали отчаянно дергающиеся ноги. Кулл крикнул, чтобы тот постарался выбраться и снова попробовал прыгнуть.

И тут ноги перестали двигаться. Масса, лениво поворачиваясь, улетала, и ноги исчезли из поля зрения Кулла. Врезавшись в объемистый ком манны, китаец толкнул его, и сейчас огромная масса медленно отплывала от цилиндра. Кулл порадовался этому. Но ему было не по себе, хотя по сравнению с тем, что он совсем недавно пережил, этот несчастный случай казался незначительным.

Быть может, это происшествие потрясло его потому, что он пытался вмешаться в судьбу парня, изменить ход событий и на какое-то мгновение страх того человека стал его страхом.

Размышляя так, Джек глянул себе под ноги и обомлел. Внизу простиралась бездна: от милей пустоты его отделял лишь тонкий корень, на котором он стоял.

С минуту Кулл не двигался; он просто не мог заставить себя шелохнуться. Сердце колотилось как сумасшедшее, из груди вырывалось хриплое дыхание. Он стоял ни жив ни мертв.

Но вскоре в его сознание пробилась мысль: не может же он стоять здесь вечно, надо как-то вернуться в цилиндр. Медленно согнув колени, он присел и изо всех сил вцепился в корень. Но тут ноги сорвались с опоры, и Кулл повис над бездной. Но не вертикально, а как бы распластавшись в горизонтальной плоскости, словно ничего не весил. Похоже, веса в нем и вправду не было. Следовательно, опасность ему не грозит, если он будет действовать осторожно продуманно и без спешки.

«На каждое действие — равное противодействие», — пробормотал он. Эта истина стара как мир; но там, на поверхности, при нор

мальной силе тяжести — или ее эквиваленте в центробежной силе, — он действовал автоматически и наверняка. А здесь приходится учиться заново.

Он находился в межпланетном пространстве. Если не считать того, что здесь было чем дышать и отсутствовали планеты.

Крепко цепляясь руками за каждый выступ, веточку, желобок, Кулл пополз наверх. Подняв глаза, он увидел, как внутри цилиндра парят Федор и Филлис и не сводят с него глаз. Они тоже были напуганы. Может, даже больше, чем он сам, так как, очевидно, пока не до конца осознали свое положение. Что ж, глядя на него, они быстро научатся.

Наконец он в последний раз подтянулся на руках и влетел в цилиндр. Но по пути наткнулся на Филлис и вместе с ней устремился по инерции к другому концу трубы. Самым невероятным образом Кулл ухитрился изогнуться и, достав ногами пола, притормозить. Не сделай он этого, оба вылетели бы в пространство.

— Надо быть повнимательней, — сказал он. — Кажется, я достаточно четко все объяснил.

Глаза Филлис стали совсем круглыми от страха:

— Что нам делать? Вечно плавать в воздухе? Или пока не погибнем от голода?

— Еды пока хватит, — ответил Кулл. — А потом мы сумеем раздобыть еще. — Отвернувшись, он легко оттолкнулся от стены и поплыл к тому отверстию, через которое только что влетел, где, обхватив рукой ветку, остановился. — Думаю, нам лучше оставаться с этой стороны, — заметил он. — Здесь у нас отличный якорь.

С этими словами он выглянул из дыры. Огромный клубок манны все еще вращался, постепенно удаляясь; ноги мертвого китайца малопомалу исчезали из поля зрения.

— Мне нужно подумать, — произнес Кулл. — Но я слишком устал. Мы все устали. Чтобы набраться сил, нам необходимо поспать, а потом снова подкрепиться.

— Как ты можешь спать, — возмутилась Филлис, — зная, что вокруг пустота и ничто не отделяет тебя от пропасти в тысячи миль, кроме этих тонких металлических стенок?

— Ну я же спал в самолетах, — ответил он, — а здесь куда как безопаснее, чем в тех «гробах». Мы никогда не упадем. Во всяком случае не так, как ты думаешь. Нет, единственное, о чем я беспокоюсь: как бы нечаянно не выплыть из трубы во сне. Так что давайте поищем, чем привязаться.

А чем же еще, как не телефонным проводом, запутавшимся в корнях каменного дерева? Но чтобы достать его, надо снова вылезать из трубы. Кулл заколебался. Он слишком хорошо помнил, что чувствовал, когда висел над пустотой, поэтому предпочел бы сначала поспать, потом поесть, а уж после этого приниматься за неприятную, но необходимую работу. К сожалению, не только необходимую, но и безотлагательную.

Джек решил было попросить Федора или Филлис достать шнур, но, поразмыслив, отказался от этой мысли. Сейчас они просто не в состоянии сделать это. К тому же на них пока нельзя положиться — в том смысле, что они еще не умеют управлять собой в свободном падении. Одна промашка — и им конец.

Кулл вздохнул и, сообщив спутникам о своих намерениях, устремился к отверстию, цепляясь руками за ветви дерева. На сей раз он старался смотреть прямо перед собой, но такой прием не очень-то помогал. Куда бы он ни взглянул: вверх, вниз или вперед, он все равно смотрел «вниз». «Ничего-ничего, — подбодрил себя Кулл, — я знаю, что делаю, и пока держусь за это дерево, ничего страшного не случится. А кроме того, без провода нам никак не обойтись».

Через полчаса он уже вернулся в цилиндр, волоча за собой кусок шнура длиной футов шестьдесят. Все его грязное, потное тело дрожало от усталости и пережитого страха. Но Кулл не дал себе ни минуты передышки и сразу принялся за дело. Соединив концы провода, он соорудил две петли и с помощью Федора и Филлис набросил одну на наружный край цилиндра, а другую — на ствол дерева. Убедившись, что шнур затянут надежно, он сделал еще три петли, поменьше, которые путешественники туго затянули у себя на поясе.

— Вот теперь, — сказал Кулл, — можно спать и ни о чем не беспокоиться. Ни у одного короля не было такой мягкой воздушной постели. И все же полного комфорта я вам не обещаю. Поскольку силы тяжести нет, то не будет и оттока носовых выделений. Так что, если проснетесь от удушья, не психуйте. Просто высморкайтесь, и все. Приятных снов! — Он закрыл глаза и мгновенно заснул.

Проснувшись, Кулл почувствовал что-то неладное. Он лежал вдоль продольной оси цилиндра и смотрел прямо в «потолок». В груди гулко колотилось сердце. Что-то было не так, но Джек не знал, что именно.

Судя по тому, что солнечный свет угас, наступила ночь. Кулл осторожно приподнял голову и в конце туннеля увидел чей-то силуэт, заполнивший собой круглое отверстие выхода. Очертаниями фигура напоминала человека. Вот только на спине у нее торчал черный горб, похожий на сложенные крылья.

«Демон», — догадался Джек. Ему не раз доводилось встречаться с подобными существами на улицах города. Тогда их крылья выглядели просто бесполезными экзотическими придатками, внушавшими благоговейный трепет. Теперь же, в условиях невесомости, они, пожалуй, как нельзя лучше оправдали бы свое назначение.

Кулл повернул голову и увидел своих спутников, плавающих поблизости на привязи. Федор храпел, Филлис тяжело сопела.

Прямо под Филлис, в дюйме от «пола», покачивался сук каменного дерева.

Демон медленно двинулся в глубь туннеля. Он плыл согнувшись, стараясь, чтобы кончики полурасправленных и слегка колыхавшихся крыльев не задевали «потолка». В одной руке он держал камен-

ный нож. Рот был полуоткрыт, и в тусклом свете Кулл разглядел два длинных белых клыка, влажно блестящих на фоне угольно-черной кожи.

Кулл быстро повернулся в своей петле и, изловчившись, схватил сломанную ветку. Потом снова крутанулся в кольце провода и, прицелившись, что было силы метнул импровизированное копьё в пришельца. После чего, даже не проследив за полетом «копья», легко выскользнул из петли и стал шарить вокруг, надеясь отыскать что-нибудь твердое, от чего можно оттолкнуться. И тут послышался глухой звук удара. Кремневый сук угодил чудовищу в солнечное сплетение, и из его груди вырвался резкий свистящий звук, будто деревяшка вышибла из легких весь воздух. Демон вскинул руки, выронив нож, и отлетел назад. Если бы не распушенные крылья, его бы мгновенно вынесло в бездну. Но трение крыльев о стены цилиндра замедлило движение, и монстр медленно поплыл лицом вверх.

Кулл бросился к нему, но не по прямой, а зигзагом, отталкиваясь от стены к стене, словно рикошетирующая пуля. Краткий путь был чреват опасностью врезаться в демона и вместе с ним выпасть в пустоту, заполненную воздухом. Там Кулл, конечно же, оказался бы совершенно беспомощным, тогда как крылатый монстр, оправившись, лавировал бы в воздухе как заборорассудится.

По пути Кулл подобрал дрейфующий кремневый нож и, подбравшись наконец к демону, обхватил его за шею и принялся кромсать острием яремную вену.

Демон тут же открыл глаза и стал изгибаться, пытаясь вырваться. Кулл повторял его движения, сосредоточив все внимание на вене и надеясь, что ее удастся перерезать до того, как чудовище обретет прежнюю мощь и увлечет его за собой наружу.

Неожиданно Джек почувствовал у себя на шее и плечах теплую влагу и догадался, что из яремной вены забила тонкая струйка крови. Однако ножа не бросил. Живучий, как тигр, демон все еще сопротивлялся и больно царапался острыми когтями. Потом, изогнув шею, он попытался вонзить клыки в горло противника. Но тот прижался к монстру теснее и не дал ему наклонить голову и пустить зубы в ход. Тогда существо перестало терзать Кулла когтями и потянулось к его гениталиям. Сообразив, что может превратиться в калеку, а то и в мертвеца, Джек оттолкнулся от демона, пролетел приличное расстояние, ударился о стену и там завис.

Движимый силой инерции, монстр со всего размаха впечатался в стену и перевернулся головой вниз. Тело его обмякло, крылья бессильно повисли. Кулл осторожно двинулся к нему, легонько отталкиваясь пальцами ног и вытянув вперед руки. Добравшись до трупа, он схватил его за щиколотку и повлек за собой к тому проему, где крепилась петля из провода.

В цилиндре внезапно посветлело. Наступал «день». Правда, не такой ясный, как до катастрофы, поскольку в воздухе висела плотная пелена пыли, — но сумерки рассеялись.

Филлис открыла глаза и вскрикнула. Федор тоже проснулся и, оставившись на труп, вытянул вперед руки, словно хотел защититься от мертвого чудовища.

— Успокойтесь, — произнес Кулл. — Все уже позади. Во всяком случае для него.

— Ради Бога, — заговорила Филлис, — убери его отсюда! Выпихни вон. Мне дурно от одного его вида! — Она замолчала, и глаза ее округлились. — Ты ранен, Джек? О Боже, да ты весь в крови! Не умирай, Джек, не умирай! Не оставляй меня тут одну!

— А ты не впадай в истерику, — ответил Кулл. — Нет, я не ранен. Во всяком случае неопасно, хотя это страшилище порядком изодрало меня. На мне большей частью его кровь. И будьте внимательны, когда пойдете в тот конец. Там все перепачкано кровью.

— Слушай, выкини его отсюда, — попросила Филлис.

— Нет... он нам может пригодиться. Или хотя бы часть его. До его появления здесь мы сидели в этом цилиндре, как в западне, и не могли свободно передвигаться. А теперь вот посмотрите-ка! — Он заставил обоих выбраться из петель и, просунув тело демона в петлю Филлис, надежно закрепил его там. — Вылезайте наружу и соберите манны столько, сколько можете унести. Мы не будем расходовать наши запасы, оставим их на потом. Мне нужна манна, чтобы убрать с ее помощью грязь, которую я собираюсь здесь развести.

Джек осмотрел тело. Демон был почти одного с ним роста, который, если не подводила память, составлял около шести футов. Тело походило на человеческое, если не считать бородавчатых гениталий чудовищных размеров. Многие демоны имели их, похоже, только для того, чтобы оскорблять людей своим непристойным видом. Кожа была аспидного цвета; длинные острые ногти стоило скорее назвать когтями. Кожистые крылья, как у летучей мыши, росли из лопаток и являлись в этом мире, как отметил Кулл, совершенно бесполезными придатками, когда существовала сила тяжести. Лицо демона вполне сошло бы за человеческое, если бы не клыки, как у тигра, и не нос, плоский и бесформенный, с вывороченными ноздрями. Уши походили на волчьи; лысую голову от лба до затылка увенчивал костный гребень.

Кулл взглянул на Филлис и Федора. Те с опаской пробирались к манне, мокрыми спагеттиобразными сосульками льнувшей к веткам каменного дерева. К тому времени как они вернутся, часть работы должна быть сделана.

Кулл потрогал пальцем лезвие ножа. Острое. Но стоило лишь приступить к делу, и оно быстро затупится. Значит, сначала придется сделать самое важное, иначе вряд ли удастся довести задуманное до конца.

Кожа на крыльях резалась довольно легко — вскоре Кулл отделил ее от спины. Но соединение костей крыльев с лопатками — совсем другое дело. К тому же мышцы спины, которые, судя по всему, приводили крылья в движение, оказались очень твердыми,

гораздо тверже, чем у человека. Разрезав крылья, Джек обнаружил, что кости из лопаточного сустава придется выламывать. И нож был его единственным инструментом.

— Идите сюда! — позвал он Федора и Филлис.

Те медленно потащились обратно в цилиндр и, забравшись внутрь, устали на искромсанные останки.

— Если уж эти крылья держали его, то меня и подавно удержат, — сказал Кулл. — Встаньте там и держите его с обеих сторон. Да покрепче, чтоб не шелохнулся, а я займусь костями.

Несмотря на распоряжение, Филлис не могла заставить себя прикоснуться к труп. И только после того как Кулл грубо обозвал ее и пригрозил выбросить из цилиндра, решилась. Вместе с Федором она изо всех сил вцепилась в тело, а Кулл ухватился за правое крыло и принялся выламывать его из сустава. Через несколько минут он остановился и попытался отдышаться. Тело его, измазанное в крови, покрылось потом. Кстати, о поте. Не стекая вниз из-за отсутствия силы тяжести, он не попадал в глаза, а собирался в капельки по всему телу. Время от времени Кулл проводил по лицу ладонью, собирал пот и вытряхивал из цилиндра.

— Оботрите меня манной, — тяжело дыша, попросил он. — Она впитает кровь и пот. А потом выбросьте. Меня обязательно надо очистить, иначе я развоняюсь, как скотобойня.

Его вытерли, и он снова принялся за работу, на сей раз пытаясь сломать кость несколькими дюймами выше сустава, где она была тоньше. Раздался треск, и кость надломилась. Джек принялся пилить по надлому, но делал это весьма неохотно, поскольку боялся затупить нож. Кость поддавалась плохо. В воздухе повисло облако мельчайших костяных частичек, которое то и дело приходилось отгонять. Наглотавшись этой пыли, Федор вдруг расчихался прямо в лицо Куллу. Тот тоже чихнул, выругался и велел Федору впредь отворачиваться.

Посчитав наконец, что кость достаточно ослабла, он прекратил пилить и стал раскачивать ее взад и вперед, пока та наконец не выскочила из сустава.

Еще через пятнадцать минут Кулл сломал кость левого крыла. Но при этом совершенно выбился из сил. Его снова пришлось обтирать.

— Вообще-то я намеревался полностью расчленить его, — говорил Кулл. — Из ног можно сделать копыта: выдернуть клыки и как острие насадить на бедренные кости. Вот вам и оружие. Правда, не очень хорошее, но лучше такое, чем ничего.

— Но у тебя уже есть крылья, — заметила Филлис. — Разве этого недостаточно? Давай выкинем демона отсюда.

Удивительно, но Федор изъявил желание продолжать.

— Раз уж начали, надо довести дело до конца, — сказал он. — Я сменю вас. Сначала клыки.

Кулл охотно отдал ему нож и стал смотреть, как Федор кромсает десны чудища. Обнажив корни, Федор расшатал клыки и

принялся выковыривать их, задыхаясь от усталости и напряжения. Наконец на его ладонь легли два длинных, острых и слегка изогнутых клыка.

«Я больше не выдержу», — пробормотала Филлис и, покинув свой пост, направилась в центр туннеля. Там она повернулась к мужчинам спиной и легла, распластавшись в воздухе и прикрыв рукой глаза.

Кулл посмотрел ей вслед.

— Бог знает что такое! Я капитан этого корабля... — заворчал он.

— Все верно, все верно, мой друг, — подхватил Федор. — Но капитану положено заботиться о здоровье и благополучии экипажа. А Филлис, если можно так выразиться, укачало.

— Полагаю, не стоит винить ее в этом. — Кулл сощурился. — А ты, случаем, не ехидничаешь, а?

— Нет-нет, Боже упаси! — возразил Федор, замотав головой. — С какой стати мне насмехаться над вами?

— Возможно, я несколько погорячился, сравнивая себя с капитаном корабля, — произнес Кулл. — Хорош корабль! Открытый с обоих концов цилиндр, дрейфующий в воздухе без руля и парусов! Хорош экипаж! Полусумасшедший обожатель Христа, пародия на мужчину, и фригидная, слабая на живот, бесхребетная карьеристка! А еще лицемер, такой же карьерист, как блудливая Филлис! Лизоблюд, одним словом.

Федор поднял кустистые брови:

— А, так, значит, вы знаете свои недостатки? Вот это уже лучше! Вы признаетесь в них себе и другим. Вы сделали шаг вперед, мой друг. Огромный, гигантский шаг. Одним шагом ближе, мой друг...

— Ближе к чему? — Кулл сердито уставился на Федора. — К смерти? Так я это и сам знаю! И что с того? Разве я узнал, почему я здесь и что такое «здесь»? Черта с два! Или куда я иду, если существует нечто, называемое жизнью после смерти?

— Но ведь вы знаете, знаете ведь, — резко ответил Федор. — Вы жили на Земле и умерли. Вы сомневались, что будете жить после смерти. Однако вы здесь! Разве вы на себе не убедились, что это великий замысел? А вы — часть его, пусть даже всего лишь маленький винтик. Бессмертный винтик!

— Да лучше бы я умер, чем жить так, как я жил здесь, — проговорил Кулл.

— Нет, не лучше. Совсем не лучше. Разве здесь хуже, чем на Земле? По-моему, нет! И мы всегда можем надеяться. Надеяться!

— На что? Тебе так же не удастся найти здесь ответы на свои вопросы, как и на Земле. — Он замолчал.

Федор почесал лысую голову и, искоса взглянув на Кулла, отвернулся.

— Давай-ка теперь вырежем эту бедренную кость, — предложил Кулл.

На это занятие ушел еще один час. Потом они содрали с костей мясо и выбросили его из цилиндра. Правда, внутри еще оставались

мелкие кусочки плоти, которые вместе с каплями крови кружились вокруг путешественников, словно рой мух, но неожиданно налетевший ветерок выдул из трубы и их.

Кулл прекратил скрести по голой кости и выглянул наружу. Но ничего, кроме плавающих обломков всеобщей катастрофы, не увидел: каменные деревья, вдали огромное здание, клубок манной муки и женские трупы и части тел. И все это вращалось, вращалось.

Но что же ветер? Ветерок был, конечно, так себе, но и такой он пришелся весьма кстати. Он высушил пот, очистил цилиндр от углекислого газа, который в противном случае скопился бы здесь в изрядном количестве. Сейчас, когда ветер напомнил о себе, Джеку показалось странным, что раньше его не было. Очевидно, движение цилиндра вызывало перемещение воздушных слоев. Пусть совсем незаметный, но ветерок был. Иначе углекислый газ, который люди выдыхали, давно задушил бы их.

Однако раньше движение воздуха не было ощутимо. А теперь было. Но почему оно стало сильнее? Не исключено, что где-то в атмосфере наблюдается перепад температуры.

Ну конечно! Ведь и прежде ветер дул именно поэтому. Только сейчас тонкая поверхность сферы оголена и воздух граничит непосредственно с ней, а не с толстым слоем камня и земли. Следовательно, теплый, насыщенный влагой воздух при соприкосновении с ледяной стеной (ведь снаружи царит космический холод), вероятно, оставляет на ней водяной пар. И на внутренней части сферы образуется лед, а в соседствующем с ним воздухе — область высокого давления.

Кулл не был уверен в своих метеорологических познаниях. Станут ли ветры, вызванные более холодным воздухом высокого давления, дуть к центру сферы и таким образом подталкивать дрейфующие предметы к солнцу? Или, может, более теплый воздух начнет расширяться, заполняя объем, высвобождаемый конденсирующимся холодным воздухом, и таким образом заставит дрейфующие предметы двигаться к стене?

Кулл снова принялся за работу. Вместе двое мужчин отделили бедренные кости от таза и коленей. Теперь у них имелись две бедренные кости, из которых можно было сделать дубинки, а также большие и малые берцовые кости. Их еще предстояло отскрести дочиста, но эту задачу сейчас никто брать на себя не хотел.

— Ладно, — произнес Кулл. — Филлис хочет, чтобы мы выбросили эту мертвечину вон. Вот этим давай и займемся.

Не дожидаясь, пока Федор придет на помощь, он высвободил тело из петли, подтащил к отверстию и, уцепившись ногами за ветку каменного дерева, с силой вытолкнул вон. Труп завертелся в воздухе волчком и стал удаляться от цилиндра. По пути он едва не зацепился за ветвь дерева, однако все же не застрял и через несколько минут уменьшился до размеров куклы.

— Скверно, что мне пришлось убить его, — произнес Кулл.

— Почему? — быстро спросил Федор и насторожился. Мышцы его шеи напряглись, и голова затряслась.

— Не расстраивайся ты так, раз не знаешь, в чем дело. Имей немного терпения. Прежде чем трястись, дай мне сначала высказаться. Я предпочел бы взять его в плен, но, к сожалению, не имел такой возможности. Но уж следующего демона, который попадется нам в руки — если попадется, — мы возьмем живым. И заставим его сказать правду, даже если придется выдирать ее у него из мозгов — в буквальном смысле.

— Вы думаете, они знают правду? — спросил Федор.

— Если не знают, то умрут, попытаюсь рассказать ее нам.

Они обтерлись, как могли, манной и выбросили наружу запачканные волокна. Кулл занялся оторванными крыльями. Обмотав шиколотку проводом и укрепив другой его конец внутри цилиндра, он подошел к отверстию и встал на каменное дерево. Потом осторожно, чтобы не обронить свою ношу, примерил одно крыло.

— Как раз впору, — сказал он Федору. — Вот здесь, рядом с костями, надо проделать дырки, продеть в них провод с петлями, куда можно будет просунуть руки. Нижние концы крыльев придется примотать шнуром к бедрам. Но нам надо что-то придумать, чтобы крылья не складывались в суставах. — Минуту он молчал, рассеянно вглядываясь в бездну, и наконец сказал: — Нужно расщепить малые берцовые кости. Расправим крылья, укрепим костяные штыри и свяжем их шнуром с костью. Тогда крылья складываться не будут.

С этими словами он вернулся в цилиндр и принялся нарезать провод на куски.

Расщеплять кости оказалось труднее, чем он думал. Отчаянно ругаясь, он упорно орудовал кремневым ножом и в конце концов выполнил свою задачу. Затем обстругал все четыре куска кости, подкоротил и закруглил на концах. И вот наконец штыри были готовы. Джек снова вылез из цилиндра и вернулся только тогда, когда все закончил.

Филлис и Федор, похоже, встревожились.

— Если ты не сможешь полететь, — проговорила Филлис, — мы тебя потеряем. И больше никогда тебя не увидим.

— Да ты никак и вправду заботаешься обо мне? — усмехнулся Кулл. — Или беспокоишься, что потеряешь кормильца и защитника?

Филлис пожала плечами. Глядя на нее, Кулл силился понять, отчего был душу готов продать, лишь бы залучить ее к себе в постель.

Он пристроил крылья на ветке, влез в цилиндр и скользнул в петлю.

— Я слишком вымотался, чтобы устраивать тренировочный полет, — сказал он. — Я должен немного поспать. А вы по очереди караульте. Думаю, нам вовсе ни к чему, чтобы какой-нибудь бродячий демон снова застал нас врасплох.

Он закрыл глаза и тут же заснул.

Проснувшись, Кулл увидел обоих своих спутников на ветке, где они сидели, привязавшись проводом и свесив ноги в бездну. Надо полагать, оба, пусть не до конца, но преодолели страх перед пустотой.

Увидев, что Джек повернул голову, Филлис улыбнулась:

— Доброе утро! Чувствуем себя лучше?

— Мне снилась Земля, — отозвался он. — Будто я уснул на Земле и видел сон. Сон во сне. Старый сон. Из тех, знаете, что рано или поздно приходят к каждому, иногда даже слишком часто. Мне снилось, будто я умею летать — не на крыльях, а так: просто машу руками, и все. Это было чудесно. Я никогда не чувствовал себя так свободно, так восхитительно. Так... сверхъестественно.

— Я рада, — проговорила Филлис. — Если б мне предстояло лететь на этих крыльях, то я бы увидела совсем другой сон. Ну тот в котором все время падаешь, падаешь и кричишь, кричишь...

— Возможно, это к добру, что вы видели не такой сон, о котором говорит Филлис, — вставил Федор.

— Да, — произнесла Филлис, — вот именно. К добру.

Кулл что-то буркнул и, хмуро посмотрев на них, причмокнул губами:

— У меня во рту мерзкий привкус. Меня тошнит. И выгляжу я тошнотворно. От меня воняет. Как и от вас обоих. Лучше бы вы сели с подветренной стороны.

Филлис расплакалась.

— Все и так плохо, а ты еще дразнишься, — проговорила она. — Я стараюсь быть хорошей; пожелала тебе доброго утра. А ты... ты просто старый брюзга.

— Филлис, — не унимался Джек, — до чего ж ты отвратительно выглядишь. Жаль, что ты себя не видишь. На голове не волосы, а какой-то грязный колтун; лицо чумазое, аж смотреть противно. Да и вся ты перепачкалась донельзя. Полюбуйся на свой живот, ноги. Нет, ты посмотри!

— А чего ты ждал? — рассердилась она. — Ты и сам похож на бродягу. Да что с тобой, в конце концов?

— Возможно, он боится того, чем собирается заняться, — вмешался Федор. — Нельзя винить его, Филлис. При одной мысли, что ему предстоит прыгнуть в пустоту, у меня зубы стучат. Бог знает, как бы я себя чувствовал, если бы прыгать пришлось мне.

— Это правда? — спросила Филлис. — Ты в самом деле не ненавидишь меня? Ты просто нервничаешь?

— Ты хочешь сказать, что тебе безразлично, ненавижу я тебя или нет? — осведомился Кулл. — Я бы еще поверил, что тебя интересуют только чувства все равно кого, лишь бы Первого Телефониста.

Филлис отвернулась. Презрительно фыркнув, Джек зигзагами отправился в другой конец цилиндра. Там он проделал несколько движений в воздухе, пока не принял вертикальное положение лицом к выходу и застыл. Справив нужду, он поздравил себя с тем,

что данный акт прошел благополучно. Жидкость изверглась наружу, и проблем с уборкой, стало быть, не предвидится. К тому же обратным действием его оттолкнуло назад к середине цилиндра, подальше от выхода и от бездны.

Кулл взял немного манны из кучи, обтерся и выбросил грязные волокна. После чего вернулся к Федору и Филлис, которые все это время молчали.

— Скверно, что вы оба беситесь от того, что приводит меня в хорошее настроение, — заметил он. — Возьму-ка я лучше еще кусок провода и сооружу на другом конце ограждение — на манер этого.

Так он и сделал. Потом выбрался по каменному дереву наружу и позавтракал. Манна уже начинала переходить из мясной фазы в состояние пюре. Скоро она превратится в жидкость, и ветер сдует ее с ветвей. Если бы здесь была хоть какая-то тара, чтобы хранить манну! Та, что лежит сейчас кучей посреди цилиндра, тоже превратится в воду, и ее тоже унесет с собой ветер. Если бы тут имелись средства для дубления кожи, он бы содрал ее с демона и понаделал бурдюков. Этим, наверно, так или иначе следовало бы заняться. Вывернуть ее наружу... впрочем, нет. Все равно края кожи нечем сшивать. А вообще-то из желудка демона получился бы отличный бурдюк. Впрочем, что уж теперь об этом думать. Слишком поздно.

Кулл заметил в воздухе какой-то новый предмет и некоторое время наблюдал за ним. Предмет приближался. Крохотный вначале, он быстро увеличивался в размерах, и вскоре уже можно было определить, что он собой представляет. Это было одно из сотен тысяч зданий, высеченных из гигантского валуна. Кулл разглядел темные отверстия: очевидно, окна и двери. Здание медленно вращалось. Вскоре оно пройдет совсем рядом с цилиндром. А возможно, они даже столкнутся.

На каменное дерево залезли Филлис и Федор, чтобы поесть вместе с Джеком. Он показал на здание и поделился своими опасениями.

— Может быть, нам удастся перескочить на него, когда дом подойдет поближе, — заметила Филлис.

— Может быть, — сказал Кулл. — С другой стороны, в нем могут оказаться обитатели, что вовсе нежелательно. Нет, уж лучше я слетаю туда.

— А что, если дом улетит, пока вы будете там? — спросил Федор. — Вы уверены, что сумеете догнать нас?

— Хорошо бы, — медленно произнес Кулл. — Я не знаю, с какой скоростью движется цилиндр. А вот дом приближается быстро. Надо рассчитать и его траекторию. Нет, уж если мы не собираемся расставаться, то лучше идти туда вместе. Или всем остаться здесь. — Он снова посмотрел на здание. — По-моему, мы не столкнемся, а пройдем совсем близко, но выше или ниже — это уж зависит от системы отсчета наблюдателя.

— Нам нужно взлететь еще до того, как наши пути пересекутся, — сказала Филлис. — Если ждать, пока дом совсем не прибли-

зится, то он может увлечь нас за собой. И в цилиндр нам тогда вряд ли удастся вернуться.

— Ты согласна довериться мне и моим крыльям? — спросил Кулл. — Учти, я только начинаю учиться летать. И без всякой предварительной подготовки. Подумай, — добавил он и глухо засмеялся. — По правде говоря, полет будет не одиночным. У меня есть пассажиры.

Говоря, он опоясал себя отрезком провода и, связав впереди оба его конца, сделал две петли. В одну петлю он сунул кремневый нож, туго затянув ее, то же самое проделал с другой петлей, только вместо ножа укрепил на талии бедренную кость демона. К щиколотке он привязал еще один шнур, конец которого примерно в два фута длиной оставил свободным, сделав в нижней его части еще одну петлю.

— Ты тоже смастери себе петлю на щиколотке, — обратился он к Федору. И стал надевать крылья.

Убедившись, что с приготовлениями покончено, Кулл легко оттолкнулся ногой от каменного дерева и поднялся в воздух. Федор ухватился за провод на щиколотке Кулла и тоже оторвался от дерева. Филлис вцепилась в петлю на лодыжке Федора.

Кулл посмотрел себе под ноги и, удостоверившись, что все держится крепко и расположились, как надо, вереницей — наподобие поезда, замахал крыльями. Он понимал, что если станет удерживать плоскость крыльев под прямым углом к телу и двигать ими вверх и вниз, то и сам будет перемещаться только вверх и вниз соответственно. И поэтому наклонил крылья под углом. Теперь он не сомневался, что движется вперед, чувствуя, как крылья загребают воздух и отталкивают его назад. Но махать крыльями оказалось весьма утомительно, хотя сам Кулл и его пассажиры были невесомы; воздух сопротивлялся сильнее, чем он предполагал. Кроме того, он не всегда ставил крылья под нужным углом, и те упорно стремились повернуться помимо его воли.

Через несколько минут Джек понял, что продвигается слишком медленно — дом пролетит мимо. А глянув через плечо, убедился, что в цилиндр ему тоже вряд ли удастся вернуться.

Обливаясь потом и тяжело дыша, он старался не сбавлять темпа, двигать руками как можно быстрее и одновременно под нужным углом — но тщетно. На мгновение его охватила паника, и в голову закралась мысль, а не избавиться ли от Федора и Филлис. Освободившись от дополнительного сопротивления воздуха, можно увеличить скорость, и тогда...

Нет! Он не бросит их беспомощно дрейфующими в пустоте. А кроме того, как заставить Федора разжать пальцы, крепко вцепившиеся в петлю? Можно, конечно, притормозить и лягнуть Федора по руке. Но на это уйдет время, а задерживаться никак нельзя.

Вытянув левую руку, Джек маневрировал правым крылом, пытаясь развернуться и лететь вдогонку за домом. И даже когда исплинское строение уже обогнало его на добрую сотню ярдов, он

все еще пыхтел, поднимая и опуская хитроумные приспособления из кожи и костей.

— Бесполезно! — крикнул сзади Федор. — Нам его не догнать. Поберегите силы, Джек.

Кулл с отчаянием глядел вслед обработанной глыбе камня с рядами окон. Он видел торчавшие из окна головы мужчин и женщин. Кто-то даже махал рукой. Всклипывая от изнеможения и ярости, он прекратил погоню и, раскинув руки в стороны, стал планировать в связке с мужчиной и женщиной.

Некоторое время все молчали, тишину нарушало лишь хриплое дыхание Кулла. Потом он отдышался, и стало слышно слабое шуршание ветра, колыхавшего кончики крыльев.

Наконец Федор произнес:

— Что теперь делать?

Кулл испуганно вздрогнул. Он так долго размышлял о том же, что совсем забыл о своих спутниках.

— А ничего, — отозвался он. — Нам теперь остается только дрейфовать. Авось что-нибудь подвернется..

— Пока не умрем с голоду? — встала Филлис.

— Оптимистка, — заметил Кулл. — Голубушка Филлис всегда найдет чем успокоить. — И умолк.

Предположение Филлис было недалеко от истины. Однако надо что-то придумать, чтобы отвлечься от мысли о подобном исходе.

Вытащив руки из петель, Джек развернулся лицом к своим спутникам и велел Федору снять с его пояса провод. Сделать это оказалось нелегко, так как тому приходилось действовать одной рукой, второй он держался за петлю на щиколотке Кулла. Тогда Кулл остановил Федора и, сняв петлю с его лодыжки, поднырнул под него и ухватился за конец длинного провода. С помощью Филлис они принялись сооружать что-то вроде веревочной люльки. Свернули шнур в двойное кольцо — трудная задача, если под ногами нет опоры, — соорудили три большие петли, влезли каждый в свою и затянули их на поясе. Теперь они болтались в воздухе лицом друг к другу.

— Трое в корыте, — пошутил Кулл, выдавливая из себя смех. — Одна из них — белокурая шлюха из помойки.

— О Джек! — произнесла Филлис. Казалось, она вот-вот заплачет.

— Ладно-ладно, не шлюха. Все мы — рыцари Круглого стола.

Глянув в равнодушные лица Федора и Филлис, Джек не сразу, но сообразил, что они не поняли, о чем он говорит. Это была одна из тех цветистых фраз, которые порой ни с того ни с сего срываются с языка и приходят на ум непонятно откуда.

— Во всяком случае мы теперь можем разговаривать, — сказал Джек. — Лицом к лицу.

Ответом ему было молчание. Долгое молчание.

Наконец Кулл не выдержал.

— Ну так как, Федор, ты все еще надеешься, что Икс, твой Спаситель, отыщет тебя посреди воздушной бездны и выручит тебя?

— Икс может все, — ответил Федор, выказывая сохранившийся под усталостью и отчаянием былой дух. — Если я достоин спасения, Икс спасет меня.

— А если не достоин?

— Такого не может быть! — вскричал Федор — Обязательно достоин! Так же, как и вы! И Филлис! Мы все дети Божьи!

— Наверно, он оставил своих детей за небесным порогом, — заметил Кулл. — Бросил нас.

— Никогда! — закричал Федор. — Пока хоть кто-то помнит Его, Он не забудет о Человеке!

— Ему, или Иксу, или кому там еще давно пора приняться за.. — Кулл не закончил

Округлив глаза, он уставился на фигуру, медленно кувыркавшуюся в пустоте. Он уже давно приметил тело человека, направлявшегося к ним. Но тогда не мог разглядеть его отчетливо

Это был Икс. Распластавшись в воздухе, он неспешно вращался в пространстве, влача за собой запачканное белое одеяние. Длинные волосы и борода были всклокочены, рот открыт, глаза выпучены. Одна ступня была разможена, и одеяние до колен испещряли засохшие пятна крови

Федор обернулся и застыл, вперив в фигуру безумный взгляд. Потом вдруг издал долгий пронзительный крик и закрыл руками глаза.

— Как видишь, Икс мертв, — без неприязни произнес Кулл

И зачем он только затеял этот разговор? Ему лишь хотелось немного расшевелить Федора, чтобы тот перестал наконец думать о том, что они обречены

— Вон там, впереди, собирается туча, — заметил Кулл

Федор не шелохнулся, по-прежнему закрывая лицо руками. Филлис бросила на них равнодушный взгляд и опустила глаза

— Во всяком случае у нас будет еда и питье, — добавил Джек — Так что с голоду не умрем

— Это совсем не то, что мне нужно, — простонал Федор.

— Значит, получишь то, что не нужно, — грубо ответил Кулл. — Как меня угораздило связаться с вами?

— Ты слишком туп, чтобы понять, что проиграл, — съязвила Филлис.

— Вот если помру, тогда и станет ясно, что я проиграл, — сказал Джек. — Но тогда будет слишком поздно что-либо понимать

Больше он ничего не сказал. Туча тем временем все набухала и темнела. Вскоре (Кулл не знал точно, сколько времени прошло полчаса или три часа) она превратилась в огромную гору и, приблизившись вплотную, буквально втянула в себя путешественников. Они сразу же провалились во влажную темноту и ощутили сопротивление. Мокрые тела окутало что-то невыразимо мягкое. Кулл почувствовал, как по телу заскользили крошечные воздушные шупальца и маской плавно легли на лицо. Он утерся и отчаянно замахал руками, пытаясь отвоевать кусочек пространства, где можно

было бы дышать. Со стороны Филлис донесся слабый, задущенный крик, будто пробившийся сквозь множество завес.

Не переставая отгонять манну, Кулл крикнул в ответ что-то ободряющее. На плечи ему легли несколько темных нитей, потолще и потверже, чем остальные, а одна опустилась на лоб. Сбросив их, он принялся есть пряди, которые соскребал с лица. Коль уж суждено ему задохнуться насмерть в этой туче, так не мешает хоть желудок набить последок.

Прядей становилось все больше; щупальца тянулись со всех сторон. И чем быстрее Кулл отталкивал от себя манну, тем больше ее прибывало. Казалось, она пухла на глазах, стремительно заполняя воздушные клетушки, которые он с таким трудом создавал. Джеку чудилось, будто он висит на одном месте и вперед совсем не продвигается. А если так оно и есть, то вскоре он начнет задыхаться в плотном облаке углекислого газа, потеряет сознание — и конец!

Кулл издал яростный, негодующий вопль. И вдруг заметил, что сквозь тучу просвечивают неясные контуры какого-то огромного темного предмета. Но не успел он сообразить что к чему, как это что-то обрушилось на него.

Удар оказался настолько сильным, что Кулл задохнулся и, вращаясь, полетел сквозь тучу, разрывая бурые пряди. Удар повторился, и Джека снова отбросило невесть куда. Отчаянно молотя тучу руками, он вдруг наткнулся на что-то твердое и очень знакомое. Тело. И по крикам догадался, что это Филлис. Ну конечно, ведь они связаны проводом.

Она так пронзительно вопила, что Кулл чуть не оглох. Однако твердо вознамерился перекричать ее. Он открыл рот, чтобы посоветовать ей заткнуться, но тут последовал третий удар, правда, не такой мощный, как первые два.

Темнота отступила вместе с тучей, и пространство наполнил яркий свет. Кулл глянул вниз и увидел что-то большое и круглое. Оно вертелось... или это Кулл вертелся; а может, вертелось все вокруг? Кулл кружился и кружился, глядя, как под ногами то появляется, то пропадает огромный черный предмет.

Громада стремительно надвинулась и снова ударила. Но Джек успел протянуть руку, ухватиться за край и неожиданно для себя перестал вращаться. Он стоял на твердой поверхности и держался пальцами за кромку громадной трубы. Это был цилиндр, очень похожий на тот, в котором они путешествовали, торчащий из гигантского земляного кома.

Прижавшись к краю трубы, Кулл осмотрелся. Филлис и Федор находились рядом. Слава Богу, провод не оборвался. Судя по многочисленным отверстиям, видневшимся там и сям, место, куда они попали, было частью канализационной системы. Видимо, вся эта масса оторвалась сразу во многих местах и взлетела в воздух вместе с толстым слоем почвы, что придало ей форму отдаленно напоминающую шар. Потому-то поначалу Кулл и принял ее за гору.

Неподалеку, где-то в сотне ярдов, торчала башня без верхушки. Облицовка с большей части фасада осыпалась. Но каменный вход уцелел, и под ним Кулл прочитал высеченные в граните слова: «И ЖИЗНЬ»

— Один из домов Икса, — пробормотал он. — Дом Мертвых.

— Что? — переспросила Филлис, еще не придя в себя от потрясения.

— Неважно. Идите за мной и делайте то, что я скажу

Опираясь на край туннеля, он осторожно вылез из петли, после чего помог своим спутникам освободиться от пут. Потом снял крылья и швырнул их в колодец туннеля. Припав к отверстию, он увидел, как крылья ударились об пол, отскочили и медленно поплыли «вверх». Кулл поднялся, наскоро посвятил Федора и Филлис в свои намерения и грозно добавил:

— Делайте все, как я. В точности. А иначе улетите черт знает куда.

Уцепившись за края колодца, он нырнул внутрь. И со всего маху врезался плечом в стену, или в пол — это уж кто как назовет. Однако не поранился, а отделался легким испугом. «Повезло», — подумал он.

Однако мысль о везении оказалась несколько преждевременной. Не успел он посторониться, как на него обрушилась Филлис, и они вместе ударились о стену. А еще через мгновение им на головы свалился Федор

Едва поднявшись на ноги, он принялся жаловаться, что сильно ушиб голову и пятки. Оказалось, что в туннель он спускался, вертясь волчком, и то и дело бился о стены то головой, то ногами. А когда, растерявшись, попытался исправить положение, то набил себе еще немало шишек. Впрочем, как выяснилось, пострадал он все-таки меньше, чем Кулл и Филлис

Кулл не стал терять время на оценку причиненного ущерба и двинулся дальше «способом рикошета», как нельзя более подходящим для этой гладкой круглой трубы. Отталкиваясь под углом от стены, он пролетал некоторое расстояние, упираясь в противоположную стену, и снова отталкивался, но уже в другую сторону.

Иногда он допускал ошибки. Порой попытки повернуться приводили к тому, что его разворачивало назад или вбок, и тогда он с размаху шлепался о стену и набивал синяки. В таком случае приходилось все начинать сначала. Но мало-помалу Кулл начал приобретать сноровку, основы которой приобрел еще в том цилиндре. Филлис и Федор отставали, но ненамного. Вскоре все трое дружно продвигались по туннелю зигзагами, разобравшись наконец, как следует управлять телом в невесомости

Впереди туннель разветвлялся надвое. Кулл свернул налево, и путешественники зигзагами понеслись по трубе, словно молнии, хотя и далеко не такие стремительные. Вопреки их ожиданиям в туннеле оказалось светло: в конце его ярко сияло круглое отверстие, похожее на окно. Не доходя до него, Кулл притормозил и,

осторожно приблизившись, заглянул внутрь, готовый в любую минуту обратиться в бегство

В просторном помещении не было никого: ни людей, ни демонов. О назначении многих странных на вид приборов можно было только догадываться. В дальнем конце находилась дверь, и еще одна — на верху винтовой лестницы в углу. Свет не имел видимого источника и шел, казалось, отовсюду

Комната представляла собой куб высотой и шириной около трехсот ярдов и была уставлена металлическими лабораторными шкафами, расположенными по какой-то непонятной системе. Кулл тихо и осторожно двигался от одного к другому. На передних панелях виднелись серые окошечки, рычажки, кнопки и другие приспособления для управления или отсчета показаний. На большей части шкафов висели таблички с непонятными надписями. Там и сям по полу змеились толстые изолированные кабели.

Разглядывая аппаратуру, Кулл время от времени останавливался и пытался определить назначение того или иного устройства. Ни одного из них нельзя было сравнить с электронными приборами, которые он видел на Земле. Впрочем, и с теми он был знаком довольно поверхностно, а сейчас, по прошествии времени, воспоминания и вовсе потускнели. «Мне бы только вспомнить, — думал Кулл, — вспомнить хоть что-нибудь, и тогда, быть может, я сумел бы разобраться, что здесь к чему».

Перед одним из приборов он задержался надолго. Ему показалось, что с ним можно поэкспериментировать. Это был шкаф высотой в два человеческих роста и шириной в один. На выступающем бортике лежало несколько тонких черных дисков овальной формы диаметром дюйма два. Выше находилась прорезь. Прибор был снабжен только двумя рычажками. На одном, довольно большом, виднелась белая стрелка. Вокруг рычага располагалось множество меток. Здесь же размещалась и кнопка.

Кулл ухватился за бортик и попробовал вставить в щель один из черных дисков. Но тот оказался слишком большим и, как Кулл ни старался, в щель не пролезал.

Тогда Кулл нажал на кнопку, и она загорелась. Из щели тут же выпал диск. Кнопка потухла

Еще одно нажатие кнопки дало тот же результат. Кнопка вспыхнула, и на бортик вывалился еще один диск.

Кулл повернул рычаг на несколько отметок и нажал на кнопку. На сей раз щель извергла шесть дисков, и свет погас

Джек подобрал три диска и передвинулся к соседнему шкафу на стенке которого заметил небольшую полочку. Рядом виднелась щель. В панели имелось большое углубление, где мог бы уместиться человек. Кулл сунул в щель один из дисков и стал ждать

Похожая на гроб ниша заполнилась ослепительными линиями Зигзагообразные, словно молнии, они бежали во всех направлениях, скрещивались, сплетались. И тут Кулл обратил внимание, что сияние этих маленьких молний отражается в чем-то, чего он рань-

ше не заметил. Это что-то оказалось прозрачной пленкой, затягивающей углубление.

Вспышки продолжали мельтешить, а внутри шкафа что-то формировалось. Кулл прикрыл козырьком глаза и, прищурившись, взгляделся в сверкающую глубину. В сиянии света он рассмотрел темный сгусток, похожий на человеческий силуэт. На секунду ему показалось, будто он видит перед собой стоящий скелет; потом кости облеклись в мышцы, а в грудной клетке возникли органы: легкие, сердце, желудок. Потом все это вдруг покрылось мышечным корсетом. И, наконец, кожей. Весь процесс произошел так быстро, что Кулл засомневался в том, что видел; это могло оказаться галлюцинацией, вызванной мерцанием и вспышками.

Мгновением позже он понял, что ему не примерещилось. В нише стоял человек. Кулл очень ясно видел его, поскольку молнии исчезли так же внезапно, как вспыхнули. Нишу, похоже, теперь ничто не прикрывало: фигура уже не отражалась на глянцевитой поверхности пленки.

Человек был высок и хорошо сложен. Длинные рыжеватые волосы и борода обрамляли молодое лицо человека лет тридцати. Он был красив, как может быть красив сокол.

— Икс! — воскликнул Кулл.

Икс улыбнулся и вышел из шкафа. Потом огляделся вокруг и несколько раз моргнул, словно только что проснулся.

— Это Икс! — завопил Федор. — Я иду к тебе, Господин!

Он что было силы оттолкнулся от шкафа, рядом с которым стоял, раскинул в стороны руки, намереваясь заключить новорожденного в объятия. Но, забыв об осторожности, взлетел вверх и проплыл над головой Икса примерно в двух футах. Скуля и размахивая руками, он пересек помещение из конца в конец и с грохотом врезался в стену, да так сильно, что потерял сознание. Тело его медленно двинулось в обратном направлении. Из порезов на лице и лбу сочилась кровь и собиралась каплями.

Первой мыслью Кулла было прийти Федору на помощь. Но потом он вспомнил, что Икс является предметом обожания этого маленького человека и что бы Кулл ни сказал или ни сделал Иксу, все непременно окончится вмешательством Федора. Так что пусть он лучше пока поплавает там один.

— Сын мой, чем я могу помочь тебе? — обратился Икс к Куллу.

— Да брось ты эту чепуху! — буркнул тот. — «Сын»! Давай уж начистоту. Постарайся быть честным. Скажи мне правду.

— Что... — начал Икс.

— Да знаю я, — оборвал его Кулл. — Все та же старая песня. «Что такое правда?» Ладно. Расскажи тогда обо мне. Что я здесь делаю? Расскажи мне об этом месте. Что это за место? Зачем оно?

Икс слегка нахмурился, потом снова улыбнулся:

— Жил однажды человек, который вел праведную жизнь. Или думал, что праведную, а ведь человек является таким, каким себя представляет, не так ли?

Шли годы. Борода у человека поседела, лицо покрылось морщинами, и вокруг себя он видел множество плодов своей праведной жизни. Он имел большой дом, верную и покорную жену, много друзей, много почестей, много сыновей и дочерей и еще больше внуков и даже правнуков. Но, как у всех людей, дни его подошли к концу. И он лежал на смертном ложе, окруженный лучшими врачами на Земле. Он мог оплатить их услуги и купить самые лучшие лекарства. Но врачи и лекарства..

— Погоди-погоди! — перебил его Кулл. — Я уже сто раз это слышал. Знаешь что? Мне не нужны ни твои заготовленные впрок речи, ни заумные и непостижимые загадки. Мне нужны ответы на вопросы. Четкие, простые, вразумительные ответы! Кто как не ты может ответить? Так что давай говори! — Он с вызовом посмотрел на Икса и сжал кулак. И вдруг глаза его округлились, челюсть отвисла. — Ты вышел из шкафа! — пробормотал он. — И не плывешь! Ты стоишь!

— Кто верует, — ответил Икс, — тот может ходить там, где другие летают

Кулл едва сдержался, чтобы истерически не захохотать

— Мне не нужны поговорки или притчи! — завопил он. — Мне нужны ответы!

— Сначала ты должен научиться правильно формулировать вопросы, — сказал Икс. — А это, сын мой, требует терпения, усилий и мудрости. А также веры...

— Веры в то, что эти ответы существуют? — спросил Кулл. — Я же сказал, что меня не устраивает пустая болтовня. Я хочу знать! Сейчас!

Икс простер в благословении руки и заговорил:

— Жил однажды человек, который вел праведную жизнь. Или думал, что праведную, а ведь человек является таким, каким себя представляет, не так ли?

Шли годы. Борода у человека поседела, лицо покрылось морщинами, и вокруг себя он видел множество плодов..

Кулл взвыл и бросился на Икса, на лету вытаскивая из-за проволочного пояса кремневый нож

Но Икс не пошевелился. Он продолжал говорить

Кулл схватил его за горло и ударил ножом в грудь. Оба тяжело грохнулись на пол. Кулл крепко держал свою жертву, боясь, что ненароком отскочит и будет беспомощно болтаться в воздухе. Икс, похоже, обладал весом, и Кулл хотел держаться за нечто реальное. Он снова и снова погружал кремень в грудь Иксу.

Кровь, брызнувшая из раны, собиралась в крупные капли и уплывала прочь. Икс пытался что-то сказать, но не мог, задыхаясь в неослабных тисках.

Кулл вонзил нож Иксу в солнечное сплетение. В горле у того забулькала кровь и хлынула изо рта.

До сознания Кулла донеслись чьи-то крики. Кричала Филлис.

Он оттолкнулся от Икса, подплыл к высокому шкафу и, уцепившись за него, оглянулся. Икс был мертв, а став мертвым, потерял вес. От толчка он поплыл лицом вниз в нескольких дюймах от пола и, наткнувшись на шкаф, замер.

— Заткнись! — заорал Кулл на Филлис. — Заткнись!

Филлис умолкла и теперь только всхлипывала. Вид у нее был испуганный.

— Не беспокойся! — крикнул Джек. — Я убил его, и никакая молния с небес не поразила меня! Я убил его, понимаешь? А теперь сотворю кое-кого и получше! Смотри!

Он пропихнул в щель черный диск и стал смотреть, как танцуют и свиваются друг с другом световые волокна. Опять, как в прошлый раз, из ниоткуда возникли кости, внутренние органы, вены и артерии, мышцы. Наконец свет погас, и появился новый Икс. Или некто похожий на него

Увидев, как из шкафа вышел бородатый мужчина, Кулл тут же сунул в гнездо третий диск. Четвертый. И через несколько минут рядом со шкафом стояли три Икса.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Кулл. — Почему бы вам всем, Святой Троице, не потрепаться друг с другом, как вы это умеете? Заодно обогатитесь новыми впечатлениями, а? Послушайте свою же заготовленную речь, которую вы столько раз талдычили людям? Может, я все-таки узнаю конец той басни и выясню, что же надо было сделать старику? Или вы и сами толком не знаете?

— Что это? — закричала Филлис. — Я ничего не понимаю. Что ты сделал? Откуда они взялись?

— Не знаю. Но собираюсь выяснить, даже если мне придется содрать с них живьем кожу, расчленив их, вытянуть по одному все нервы и вытряхнуть правду вместе с потрохами!

Трое Иксов повернулись лицом к Куллу и, в унисон шевеля губами, произнесли:

— В этом нет необходимости. Сейчас я расскажу тебе то, о чем ты все равно узнал бы очень скоро. Однако ты не имеешь права поделиться услышанным с другими. Ты не можешь быть здесь пророком. Так же, как и так называемые демоны.

Кулл понял, что некто использует этих троих в качестве передатчиков и динамиков. А также приемников.

— Кто ты? — спросил он. — И где находишься?

— Сразу же за оболочкой твоего мира, человек, — ответили Иксы. — Я только входил, когда вдруг вспыхнул сигнал тревоги. Я исследовал ее источник и обнаружил, что Икс-дисками пользуется посторонний. Обычно духовно-телесный преобразователь не выпускает столько Иксов за такое короткое время. Поэтому я воспользовался неким аппаратом — его название тебе ни о чем не скажет — и напрямую подключился к Иксам.

— Ты ответил на второй вопрос, — сказал Кулл. — Но ты-то кто?

— Бессмертные? — произнесли Иксы. — Это название наиболее точно отвечало бы нашему обществу, но не отличало бы нас от

вас. Предтечи? Но это дает лишь частичное описание. Моралисты? Подходит, но не охватывает все. Скажем так: Спасители.

— Спасители? — повторил Кулл. — Каким же образом вы спасаете? И кого?

Наступило долгое молчание. Трое бородатых мужчин безмолвно стояли, напоминая Куллу понурых овец. Свесив руки, они смотрели на него как на пустое место.

Кулл уже начал было подумывать, что связь прервали и ему лучше убраться отсюда, пока не пожаловал так называемый Спаситель, как вдруг Иксы заговорили:

— Я боролся с искушением явиться к тебе лично и устоял. Я не покажусь тебе, так как вид мой для тебя настолько ужасен, что ты не вынесешь. Это вовсе не означает, что я нахожу тебя физически привлекательным. Вовсе нет. Но я люблю тебя как живое создание. А потому продолжаю говорить через эти автоматы.

— Автоматы? — медленно повторил Кулл.

— Человекообразные роботы из плоти и металла. Да, эти посредники — искусственные. У них нет... души — я правильно подобрал слово? Потому что они слишком примитивны, чтобы обладать подлинным интеллектом. У них нет самосознания даже в зачатке. Их нервная система так же хорошо развита, как у любого настоящего человека, но они почти лишены мозга, как ты уже догадался. Когда их не контролируют, они действуют автоматически.

Они способны, например, ходить по полу, так как в их тело вмонтировано крохотное гравитационное устройство. Если бы тебе пришлось анатомировать их, ты бы принял это устройство за один из внутренних органов.

Кулл оценивающе взглянул на мертвого Икса, парящего над полом.

— Даже не пытайся извлечь устройство из этого тела, — проговорили Иксы. — Оно совершенно бесполезно, пока не подсоединено к нервной системе. Но в любом случае его выведут из строя дистанционным управлением.

Кулл даже испугался, когда два Икса неожиданно оторвались от пола и взмыли к двери на верху лестницы. Один ненадолго задержался, чтобы осмотреть Федора, все еще плававшего без сознания, затем полетел дальше.

— Они отправились на поиски остальных выживших в катаклизме, — заметил оставшийся Икс. — Третий останется, чтобы ответить на те вопросы, какие тебя, несомненно, давно интересуют. Боюсь, однако, ты был бы счастливее в своем невежестве.

И снова Кулл вздрогнул от страха. Кто-то дотронулся до него, и он так стремительно повернулся и так неистово вскинул руки, что взлетел бы, потеряв равновесие, выше механизмов. Но Филлис схватила его за запястье и подтянула к полке, за которую держалась.

— Извини, что напугала, — сказала она. — Я все слышала. И вдруг почувствовала себя такой одинокой. Мне не надо было отходить от тебя. Я так боюсь.

Кулл несколько раз глубоко вздохнул, что помогло ему прийти в себя. Его вдруг потянуло к Филлис, он затосковал по переполнявшему его чувству, которое связывало их обоих. Эти два жалких, маленьких и беспомощных существа нуждались друг в друге, как ни одна пара во всей Вселенной.

Он повернулся к красивому и смышленому на вид роботу и уверенно заговорил, понимая, что наглый тон поможет ему спрятать страх от собеседника, а еще больше — от самого себя.

— Как ты посмел обращаться с нами, как будто мы — роботы вроде Икса? Только минуту назад ты говорил о душе. Ты сказал, что у разумных существ она есть. Если так, то у Филлис есть душа. У меня тоже. Тогда почему вы водворили нас сюда без спроса и даже не удосужились сообщить причину? Почему?

— Так было нужно, — ответил Икс. — Что же касается душ, то таковых не существует. Их просто нет в природе. Существа рождаются, живут, умирают. Навеки уходят из жизни. Вернее, так было бы, если бы не мы.

Постараюсь вкратце, но вразумительно пояснить. Я не буду отвечать на все твои вопросы, иначе останусь здесь до скончания веков. Достаточно сказать — и тебе придется смириться с краткостью ответа, — что мой народ родом с одной из планет в галактике, которая трижды отстоит во времени от этой. Трижды. Наша галактика погибла и распалась на атомы. Из праха старой зародилась новая галактика. А когда погибла и вторая, возникла третья.

Около пятидесяти миллиардов ваших лет назад моя планета дала жизнь роду разумных, моему народу. Но только через десять тысяч ваших лет наша цивилизация овладела достаточно развитой технологией, чтобы изобрести искусственную душу, научный метод по обеспечению бессмертия. Ужасно сознавать, что столько миллиардов людей умерло и бесследно кануло в вечность, прежде чем мы открыли искусственную душу. Это кажется несправедливым, но Вселенная не подчиняется закону справедливости. Кроме того, мы не перестали надеяться, что когда-нибудь вдохнем жизнь и в тех затерянных. Есть кое-какие способы... Впрочем, это детали.

Мы те, кого вы назвали бы нравственными существами. И не просто заинтересованы в сохранении своего рода. Мы любим жизнь и ее плоды; для нас жизнь — святыня. И это во Вселенной, которая, похоже, порождает и убивает миллиарды миллиардов, словно живые существа — побочные продукты некоего космического процесса...

Сделав наше открытие, мы решили, что каждое наделенное сознанием существо во всей Вселенной... да и даже наши домашние животные... и ряд представителей каждого вида во всех мирах... следует наделить душой. Эти представители так называемых низших животных включают все виды: червей, акул, амёб, мух, слонов... но я отвлекся, тогда как обещал быть кратким.

Кулл взглянул на Федора. Хорошо, если бы тот очнулся! Маленькому человеку совсем не помешало бы узнать побольше. Он так верит в сверхъестественное, в своего Икса. Впрочем, так даже

лучше. Федор не примет новое от формы, на которую так искренне уповал. Обнаружить, что его обожаемый Икс — всего лишь безмозглая поделка из плоти и металла, будет для него чересчур.

— Душа — просто термин, которым я пользуюсь для удобства, — продолжил Икс. — Но что такое эта душа? Частица? Волна? Она не относится к электромагнитным явлениям, но является энергетической формой, о которой ваш род до сих пор даже не подозревал. Узнав о ней, они тоже, разумеется, смогут создать душу, но их работа будет только дублировать нашу и потому окажется ненужной.

Назовем душу квантом. А устройства, порождающие и передающие их, квантовыми генераторами. Мы построили эти генераторы, сделав их практически неразрушимыми, и разместили их во многих местах Вселенной. Так что, если некоторые разрушатся по причинам, непостижимым для нас, другие продолжат работу.

Эти генераторы непрерывно испускают душекванты, которые не связаны со скоростью света, но пронизывают всю Вселенную менее чем за один земной час. Они заполняют собой пространство, и поэтому ни одно живое существо не рождается, не встретившись в надлежащее время с одним из них.

В каждом кванте содержится встроенный элемент, который по-нуждает его «вцепиться» в только что сформировавшееся существо, зародыш в утробе матери. Квант, попадая в нервную структуру этого существа, тут же останавливается и остается там, пока то живет.

А как только квант «вцепляется» в плоть, ни один другой душеквант не сможет туда проникнуть. По крайней мере теоретически. Хотя не исключено, что в плоть могут войти несколько квантов, вызывая тем самым определенные типы шизофрении.

Прикрепившись к телу, квант сразу же начинает фиксировать все, что касается данной особи. Постоянное передвижение клеточных молекул, изменения электрохимической энергии, сигналы нервной системы — одним словом, все. Квант хранит записи, но через какое-то время избавляется от них, освобождая место для новых. Он делает это до тех пор, пока тело физически не умирает и не наступает необратимый процесс распада.

Последняя запись хранится в кванте вечно. Распад высвобождает квант. Заполненный записями о некогда жившем физическом существе, он снова стремительно несется через Вселенную. В конце концов наши душеуловители обнаруживают его и захватывают. Сразу после поймки его записи помещаются в специальный контейнер-хранилище, похожий на те черные диски, которые ты вставлял в механизм воссоздателя.

Душа во всех смыслах является теперь индивидуумом, каким он был на момент смерти, и содержит в себе все то, что содержал индивидуум.

По желанию мы вставляем диск в... как бы лучше выразиться? — «воскреситель». Он воспроизводит протоплазму тела, да и все тело, по информации в диске.

Таким образом, как видишь, жизнь после смерти — реальность. И не с помощью сверхъестественных сил, на какие надеются примитивные личности, но с помощью науки разумных существ.

Долгое время Кулл и Филлис молчали, потрясенные услышанным.

— Но... значит, меня не воскресили, — наконец проговорил Кулл, запинаясь. — Не меня... не настоящего... То существо, что я есть, — просто запись, воплощенная в форму, похожую на ту, что когда-то была у меня. Я — это не я..

— Ты ошибаешься, — возразил Икс. — Душеквант — в такой же степени ты, как кожа, образовавшаяся на месте пореза, есть кожа. Квант — нечто большее, чем просто разрастание ткани, которая дана тебе лишь на время. Разве ты бы сказал, что душа, созданная сверхъестественным образом и вошедшая в твою плоть, — не ты? Тогда почему бы не сказать то же самое о душе, созданной наукой? А если тебя ударят и ты потеряешь сознание, разве, очнувшись, ты не почувствуешь себя собой? Душа — это ты; она продолжает жить, как жил бы ты. Смерть тела — всего лишь временное состояние, сон. Переход из материального тела в физически невозпринимаемое состояние и обратно в тело — просто смена состояний. Сам же ты никуда не деваешься.

Несколько секунд Кулл молчал. На языке у него вертелось множество вопросов, и он затруднялся выбрать, какой задать первым. Вместо него заговорила Филлис. Высоким, дрожащим голосом она спросила:

— Что сейчас происходит? Почему нас уничтожают, я имею в виду эти землетрясения, катаклизмы... почему всех нас убивают? Почему?..

— Потому что...

Икс запнулся и, слегка повернув голову, посмотрел на вход над лестничным маршем. Кулл проследил за его взглядом. в дверной проем вплывал демон. У него была ярко-красная кожа, и на макушке безволосой головы торчали четыре тонких спиралевидных рожка. Вместо рук у него были два длинных крыла, как у летучей мыши. Там, откуда рос хвост, расходились лучами два хряща, которые поддерживали как бы две лопасти из кожи.

— Вот кто ответит на ваши вопросы, — произнес Икс. — С него теперь сняли узы молчания — поскольку вы оба в этом заинтересованы. Он признал в вас своих собратьев.

— Что ты имеешь в виду? — хрипло спросил Кулл.

Не ответив, Икс оторвался от пола и взлетел к демону. Крылатое существо взмахнуло крыльями, посторонилось, пропуская робота, и направилось к людям, неторопливо загребая воздух крыльями, как черпаками. Приблизившись к ним, он ловко сманивировал и опустился всего в нескольких футах. Несмотря на растерянность, вызванную уходом Икса, Кулл невольно восхитился той ловкостью, с которой существо управляло крыльями. В условиях невесомости летать очень непросто.

Демон ухмыльнулся, показывая широченные зубы, и произнес:

— Добро пожаловать, брат! И сестра!

— Брат? — повторил Кулл. — Что ты хочешь этим сказать?

Существо не ответило. Вместо этого оно внимательно осмотрелось кругом и наконец сказала:

— Заметили, как здесь стало жарко? Плавятся генераторы. Бессмертные разрушают свое оборудование. Нам лучше убраться отсюда, пока мы не спеклись. Я люблю когда жарко, но не настолько же.

Впервые демон сказал правду, и Кулл знал это. В комнате действительно стало жарко, и несомненной причиной тому являлись лабораторные шкафы.

— Они плавятся, — повторил демон и, подлетев к Куллу поближе, обернулся к человеку спиной. — Эй, хватайтесь оба за мой хвост. Я вас отсюда вытащу, а по дороге кто-нибудь из вас пусть подберет своего приятеля, который без сознания.

Через несколько минут вереница с демоном во главе выплыла из дверного проема и устремилась вверх по туннелю. Потом они снова очутились в пустоте. Сооружение, вращаясь, удалялось.

— У нас еще долго не будет крыши над головой, — весело сообщил демон. — Вот когда Бессмертные слепят все эти обломки во множество порядочных глыб, каждая из которых будет вращаться по своему маршруту, тогда мы и обоснуемся на одной. И примемся за свою проклятую работу, на которую мы осуждены.

— Мы? — переспросил Кулл. — Будь любезен... брат, объясни.

— А что тебе известно? — спросил тот.

Кулл рассказал ему все, что услышал от Иксов.

Демон засмеялся:

— Значит, теперь ты знаешь, отчего мы не могли говорить вам правду. Так же, как и вы не сможете делиться ею с новичками.

— С новичками?

— Ну да. С теми, кто начнет вновь заселять эту сферу. Они представляют род, который эволюционировал внутри точно такой же сферы, как эта. Только их обиталище было естественным, а не искусственным. Оно вращалось с такой скоростью, что могло выработать центробежную силу, равную примерно одной пятнадцатой от той, что была у вас на Земле.

Так что по форме они весьма отличаются от нас. У них нет крыльев, а передвигаются они, всасывая воздух в отверстие и с силой выталкивая его из хрящевой трубки. Кстати, они перемещаются задом, и поскольку вовсе не нуждаются в жестких, с подпорками из костей, конечностях, чтобы в условиях гравитации действовать ими как рычагами, то у них имеются щупальца. В свое время ты встретишься с ними и в их глазах будешь таким же чудовищем, какими представляемся вам мы, так называемые демоны.

— Тот... тот Икс не ответил на мой вопрос, — произнесла Филлис. — Я спросила его, почему наш мир вдруг изменился, почему столько из нас убили, а остальных оставили умирать.

— Потому что то же самое случится, и очень скоро, с вашей Землей — как было с нашей планетой. По какой-то неизвестной мне причине: возможно, из-за атомной или биологической войны; возможно, из-за взрыва солнца; возможно... не знаю. Мой народ истребил сам себя, потому что мы стали бесплодны. А бесплодными мы сделались, так как злоупотребляли химикатами, предназначенными для уничтожения вредных насекомых. К тому времени когда мы осознали, что делаем, было слишком поздно.

Похоже, Бессмертные и сами не поняли, что происходит. Иначе меня и многих моих братьев не оставили бы. — С минуту демон хранил молчание, потом сказал: — Бессмертные обладают великими познаниями. Но и они ошибаются. Мы тому свидетели. Они сделали ошибку в подсчете количества тех, кому надлежало родиться, и мы — как раз те неудачники, которые попали в излишек.

— Что-то я не пойму, — проговорил Кулл. — Оставить? Родиться? Излишек?

Демон разразился смехом, да так, что перестал как следует махать крыльями, и цепочку стало ощутимо потряхивать.

Кулл заскрежетал зубами. Как бы он хотел сейчас прикончить его! Но он был бессилен.

— Уж прости меня, — произнес демон. — Мне не следовало смеяться. Хотя и прошло столько времени, но я все еще помню, что почувствовал сам, когда впервые услышал правду. Мне было очень тяжело вдруг узнать, что я пал жертвой статистики, угодив в число неизбежного излишка. Но я выдержал.

Расскажу тебе, брат, нечто такое, что вконец расстроит тебя. И превратит, как и меня когда-то, в поистине демоническое существо.

После разговора с Бессмертным ты решил, что жил на Земле, потом умер и теперь обитаешь в довольно странном месте, приготовленном для тебя Бессмертными: то ли в раю, то ли в аду. Так вот ты ошибаешься! Ты еще не родился!

Филлис издала крик, но не слова демона были тому причиной.

— Джек! — воскликнула она. — Федор только что умер! Он открыл глаза, посмотрел на меня, вздохнул и спросил, где находится. Не успела я ответить, как он скончался.

Кулл даже не оглянулся.

— Пусть умирает, Филлис, — сказал он. — Ему повезло.

— Как же ты прав, брат, — произнес демон. — И тебе может так же повезти, если тебя убьют или ты сам наберешься смелости лишиться себя жизни. Тогда душу твою, то есть тебя, выпустят во Вселенную. Но ты не исполнишь своего истинного назначения. Твой род погиб, тебе придется внедряться в какого-либо чужака. Вечно чувствовать себя неприкаянным странником — это станет отныне твоим уделом.

— Да о чем ты толкуешь, черт поberi? — вспылал Кулл.

— Успокойся. Слушай. Бессмертные никогда не удовлетворялись сделанным. Создав искусственную душу, с тем чтобы все

живые существа тоже обрели бессмертие, они задумались над возможностью психологической обработки до рождения. И сказали себе: почему бы не построить доутробный мир? Надо дать душе подходящее тело, вдохнув ее в еще не рожденного ребенка на естественной планете, начинить его мозг кое-какими синтетическими воспоминаниями, чтобы существо думало, будто жило раньше, а затем, тоже до рождения, попытаться внушить ему законы нравственности. По мнению Бессмертных, на Земле существо ожидала довольно тяжелая жизнь и рано или поздно оно поймет, что поступать нравственно — так, как понимают это Бессмертные и большая часть человечества, — ой как трудно. То же относилось и к моей планете. И Бессмертные придумали что-то вроде тренировки рефлексов в доземном существовании.

В этой сфере существу надлежало провести всю жизнь. Благодаря наставлениям Иксов в нем утвердилась бы модель поведения в следующей жизни. Данная нравственная основа находилась бы, конечно, в подсознании. В душе, вновь посланной в пространство с целью войти в земное тело, не осталось бы сознательных воспоминаний о доземной жизни, но зато присутствовала бы подсознательная потребность поступать нравственно.

Выражаясь словами морали вашего Запада, человечество обречено отпасть от благодати. Но благодаря семенам, посеянным в прежней жизни, человек сумеет возродиться вновь, превратиться в нравственное создание.

Не спрашивай меня, что происходит с человеком, который родился и умер на Земле. Бессмертные придумали для него иной мир, но здесь я о нем никогда не узнаю. И в будущем мире тоже.

Кулл изо всех сил пытался собраться с мыслями.

— Но что заставит меня вселиться именно в уроженца Запада? — спросил он. — Что, если я захочу стать китайцем — приверженцем конфуцианства? Или африканцем, поклоняющимся идолам? Да и почему я должен осесть именно на Земле? Если тело, в которое я внедрюсь, определяет лишь слепой случай, то отчего меня не может «подцепить» обитатель какой-нибудь планеты в миллионе световых лет от Земли?

— Потому что, во-первых, твою душу выпустят — выпустили бы — в окрестностях Земли, нацелив на нее. Может, ты станешь индусом. Что с того? Ведь в твоём подсознании будет сидеть настоятельная потребность поступать нравственно, быть хорошим. Одним словом, следовать золотому правилу. А уж как будет называться твой конкретный бог, какими окажутся табу и предрассудки, определилось бы той расой и культурой, где бы ты вырос.

Кулл оглянулся на Филлис. Та смотрела на него, словно не в себе. Кожа — иссиня-белая, тусклый взгляд. Позади нее, в отдалении, плыла все уменьшавшаяся фигурка Федора.

Кулл подумал, что, если бы Федор слышал все, что здесь говорилось, он бы отказал этому миру в здравом смысле. Он бы обозвал Бессмертных атеистами и богохульниками и сказал, что им не хва-

тает веры в Бога. По этой причине они, создавая души, выполняют Его работу. И мало того, что они атеисты, они просто не нужны, так как Создатель уже сотворил души. А плодить легион спасителей, с тем чтобы до Земли добрался хотя бы один, еще омерзительнее.

Федор отверг бы все, за что стояли Бессмертные и что они делали. В его глазах они были бы настоящими демонами, дьяволами, отцами лжи.

— Если мы действительно в своего рода доземном существовании, — произнес Кулл, — то откуда Бессмертным знать, какие воспоминания вложить в нас? Откуда они знают, какие формы примет жизнь на Земле?

— О, да они на несколько десятилетий опережают рост населения Земли. Они поставляют души быстрее, чем способен размножаться человек. И, конечно же, им все известно о культурах, о языках, о... обо всем. Вот, например, ты и женщина по их плану должны провести внутри этой сферы около пятидесяти земных лет. Если бы вас убили здесь до срока, то воскрешали бы столько раз, сколько потребуется. Затем, когда, по их предположениям, психологическая обработка возымела бы действие, вас бы записали и выпустили в пространство квантом — или как там он у них называется.

Но даже Бессмертные не могут все предвидеть. Человечество на Земле внезапно нашло свою гибель, как и мой народ.

Итак, меня оставили здесь как лишнюю единицу, вроде Божьего мучителя, а доутробные земляне увидели меня здесь и прозвали демоном. Новый род, которому предстоит появиться здесь, точно так же отнесет вас к категории демонов.

Видишь ли, подсознательная память, с которой душеквант приходит на Землю, несет в себе не только нравственную установку. Она имеет также воспоминания о демонах, великанах, зверях с причудливыми и человеческими чертами. Отсюда мифология, и обилие первообразов, и бесы в различных религиях.

— Если все это правда — а я все-таки сомневаюсь, что ты не издеваешься надо мной, — то почему бы тебе не убить себя? — взорвался Кулл. — Освободить себя от этого ада?

— Потому что тело мое — физическое. Его клетки стремятся выжить. Я не могу заставить себя совершить самоубийство. Во всяком случае пока. Может быть, потом, когда станет совсем невыносимо. Тебе, возможно, окажется под силу убить себя. Но мне что-то не верится. Ты выжил в этом кошмаре. Ты чересчур вынослив. Тебе хочется жить.

В том, что есть иная жизнь, тебя не убедит до конца даже все, что я рассказал и что ты видел сам. Со мной то же самое: я почти убежден, но не полностью. Я хочу жить в мире, который знаю. Так что, брат, будем радостно переносить муки ада вместе. И станем срывать замыслы Бессмертных, становясь подлее, злее, циничнее. К тому времени когда нас убьют, мы настолько закоснеем в своих

пороках, что тысячи циклов рождений и воскрешений не хватит, чтобы исправить нас.

— Тогда, может, Бессмертные и тебе не сказали правду, — проговорил Кулл. — Может, ты врешь, и...

— Провались ты в преисподнюю, брат! — оборвал его демон и яростно лягнул Кулла. Тот выпустил хвост.

Взмахнув крыльями, демон полетел прочь, а Кулл и Филлис повисли в сумеречной пустоте.

Они держались вместе, и обломки мира проплывали мимо них. Какое-то время Филлис тихо плакала. Кулл крепко прижимал ее к себе и похлопывал по плечу или гладил по волосам. Но мысли его были не о ней. Он думал о том, что их понесет по ветру. Но вот куда?

Внутренность сферы и космическое пространство разделяет лишь тонкая стена. Космический холод просачивается внутрь, и воздушный слой у поверхности будет сгущаться и выпадать в осадки. На оболочке появится корка льда. Воздух рядом с ней станет охлаждаться и конденсироваться, образуя таким образом область высокого давления. Более горячий воздух в центре сферы сформирует область низкого давления. Таким образом, ветры будут порождаться движением холодного воздуха высокого давления к центру, в теплую зону низкого давления.

Это означает, что его и Филлис не будет сносить к стенам в ледяном панцире, укутанных в туман. Напротив, ветер увлечет их в глубь сферы, к солнцу. Но какие же вихри закрутятся внутри этой безупречной сферы, когда с каждого квадратного сантиметра ее поверхности с одинаковой силой задуют ветры? Если Бессмертный не соврал, то сферу заставят слегка вращаться. Воздух обретет вес — как и все предметы, которые сейчас плавают в нем. Кулл и Филлис станут неуклонно дрейфовать к стене. Однако ветры, дующие к центру, обладают достаточной силой, чтобы увлечь их за собой.

Значит, у центра образуется огромная воздушная воронка. Не попадет ли он с Филлис в такое завихрение, которое будет кружить их, кружить, кружить?

Джек не знал. В метеорологии он был не силен и не мог предсказывать точно.

Если они умрут с голоду или погибнут, столкнувшись с каким-нибудь обломком, их души — или кванты — высвободятся, и душеуловители Бессмертных обнаружат их. Бессмертные проделают над ними все свои операции и позднее выпустят. Души полетят через весь космос, рикошетом отскакивая от всех углов Вселенной; полетят туда, куда погонит их слепой случай. Кулл и Филлис разлучатся навеки. Его перехватит какое-нибудь физическое существо, чья форма и нервная структура привлечет его душу. То же самое произойдет и с Филлис, но только, быть может, совсем в другом уголке мира, где-нибудь на расстоянии в миллионы световых лет.

Он снова родится, на этот раз в нечеловеческом теле. Оно, конечно, будет напоминать человеческое, так как не обладающему

этой похожестью существу не «поймать» его душеквант. А то, что было предназначено ему изначально, никогда не сбудется. Планета Земля отныне не для него. А воспоминания, которые заложены в нем, будут обманчивы — даже если он сможет воскресить их в памяти. Но не исключено, что не сможет. Даже если он и Филлис случайно родятся на одной и той же планете, пусть даже единотробными близнецами, им не узнать друг друга.

И, может, только в странных снах перед ними вереницей замелькают пугающие и вместе с тем полужнакомые образы, выталкиваемые подсознанием во время сна. Но будет ли это им сниться? Почувствуют ли они при встрече необъяснимую симпатию родственных душ? Повлияет ли на них в будущей жизни хоть что-то, что они узнали о добре и зле?

Кулл не знал.

Его мучили вопросы, которые он не успел задать. Например, почему Икс носил темные очки? Или каково происхождение и назначение тех каменных идолов, которых Кулл обнаружил в туннеле?

Возможно, слух о темных очках вопреки ожиданиям был вовсе не далек от истины. Поговаривали, будто Икс носил их, чтобы скрыть слишком мощное сияние божественности, струившееся из глаз. Такое утверждение было, конечно, ошибочным, но, возможно, Икс надевал очки, чтобы произвести на людей еще большее впечатление, чтобы они еще ниже склонялись перед ним в благоговейном страхе. Глядя на него, люди, должно быть, воображали горящие нестерпимым и страшным блеском глаза.

Что касается демонов, то о них тоже рассказывали. Ходил слух, что, когда их было больше, они принуждали человеческих существ преклоняться перед ними как перед божествами, для чего в своих «церквах» ставили идолов. Но когда людей стало так много, что они оказались в состоянии низвергнуть демонов, они разбили все изваяния.

Вероятно, демонам удалось спрятать часть идолов. Они рассчитывали вытащить их на свет, когда другой катаклизм основательно проредит и дезорганизует человечество и они смогут восстановить в правах и возродить свою религию.

К несчастью для демонов, многие из них тоже погибли.

Открыв рот, чтобы поделиться своими мыслями с Филлис, Кулл обнаружил, что не может говорить. Слова никак не шли на язык. Молчание, навязанное Бессмертными, распространялось на всех... демонов?

Филлис посмотрела на него сквозь слезы:

— Ты что-то хотел сказать мне, Джек?

— Я люблю тебя, — ответил он и поцеловал ее.

Позднее, глядя через плечо Филлис, Кулл подумал, как легко сорвались с языка те слова. Правда, он объяснился отчасти потому, что хотел заглушить ее страхи, дать почувствовать, что она находится под надежной защитой, и прибавить ей уверенности. И все

же разве желание поступить так не означает, что он любит ее? Не той любовью, которая основана на сексуальной привлекательности — хотя и это часть любви, — но любовью, исходящей из того факта, что Филлис — человек.

— Вон еще одна потерянная душа, — сказал он.

Желая увидеть ее, Филлис повернулась в его объятия.

От этого движения они стали вращаться еще быстрее. Переворачиваясь через голову и крутясь волчком, они видели, как приближавшийся пришелец все больше и больше увеличивается в размерах, и вскоре разглядели его как следует.

У него было длинное трубчатое тело буро-желтого цвета с шестью тонкими изящными щупальцами с одной стороны; шестью плавниками, выступающими из разных мест под разными углами; и с бахромой зазубренной кожи на другом конце. На «голове» торчали два толстых, мясистых выроста, на каждом из которых находилось по два глубоко посаженных глаза. Куллу показалось, что взгляд их совсем человеческий. На конце, обращенном к людям, непрерывно смыкались и размыкались две толстые темно-красные губы. Похоже, это были клапаны компрессорной трубы, с помощью которой существо передвигалось в пространстве.

Вскоре существо опасно закружилось вокруг них и, решив, очевидно, что незнакомцы неопасны, легонько шлепнуло Филлис одним из трех тонких кончиков щупальца.

Филлис вскрикнула.

Пришелец тоже издал какой-то звук и умчался прочь

— Он вернется, — сказал Кулл. — Рано или поздно мы станем их рабами — так же, как демоны были нашими

Он попытался рассказать Филлис, о чем думает, но снова ощутил, что связан обязательством молчания.

«Теперь я знаю, что чувствовали демоны, — подумал он. — Мне хочется предупредить этих существ, что их поступки здесь повлияют на их жизнь в ином мире. Но у меня ничего не выйдет. И тогда я начну раздражаться: отчего они не видят того, что так ясно вижу я? Я стану злиться на них, потому что они так слепы, так глупы. И, желая, чтобы они поступали правильно, я буду ненавидеть их за эгоизм, жестокость, равнодушие, заносчивость, ограниченность. Я буду ненавидеть их. И в то же время любить.

Они спросят меня: “Что такое правда?”

И я не смогу ответить, потому что они уже знают».

Содержание

От издательства	5
Ночь света , роман, <i>перевод А. Галкиной</i>	7
Отче звездный , рассказы	
Несколько миль, <i>перевод И. Полоцка</i>	151
Прометей, <i>перевод И. Полоцка</i>	181
Отец, <i>перевод А. Сверчкова</i>	222
Отношения, <i>перевод И. Полоцка</i>	282
Мир наизнанку , повесть, <i>перевод И. Зивьевой</i>	301

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том девятнадцатый

Составитель *Д. Смушкович*

Редакторы *М. Проворова, А. Александрова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

А. Хиришфелде

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление шмуцтитула: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 17.06.97.

Подписано в печать 22.07.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,0. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1233.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

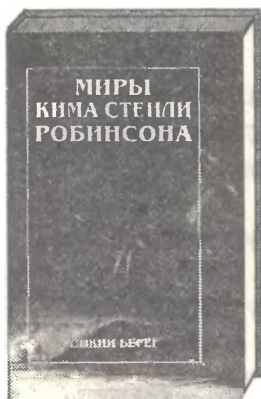
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного комитета Российской Федерации по печати

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

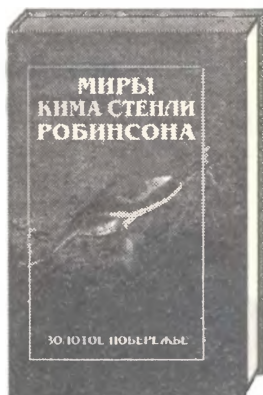


Миры Кима Стенли Робинсона



Он ворвался в фантастику, как вихрь. Он взлетел к вершинам славы за один год. Он стал основателем нового направления — гуманистической НФ.

Самый выдающийся гуманист НФ представлен тремя романами знаменитой Калифорнийской трилогии.



Том 1 Дикий берег

Том 2 Золотое побережье

Том 3 У кромки океана

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Харлана Эллисона

ВПЕРВЫЕ в России!

**Величайший американский прозаик второй
половины XX века представляет свои избранные
произведения в 3 томах!**

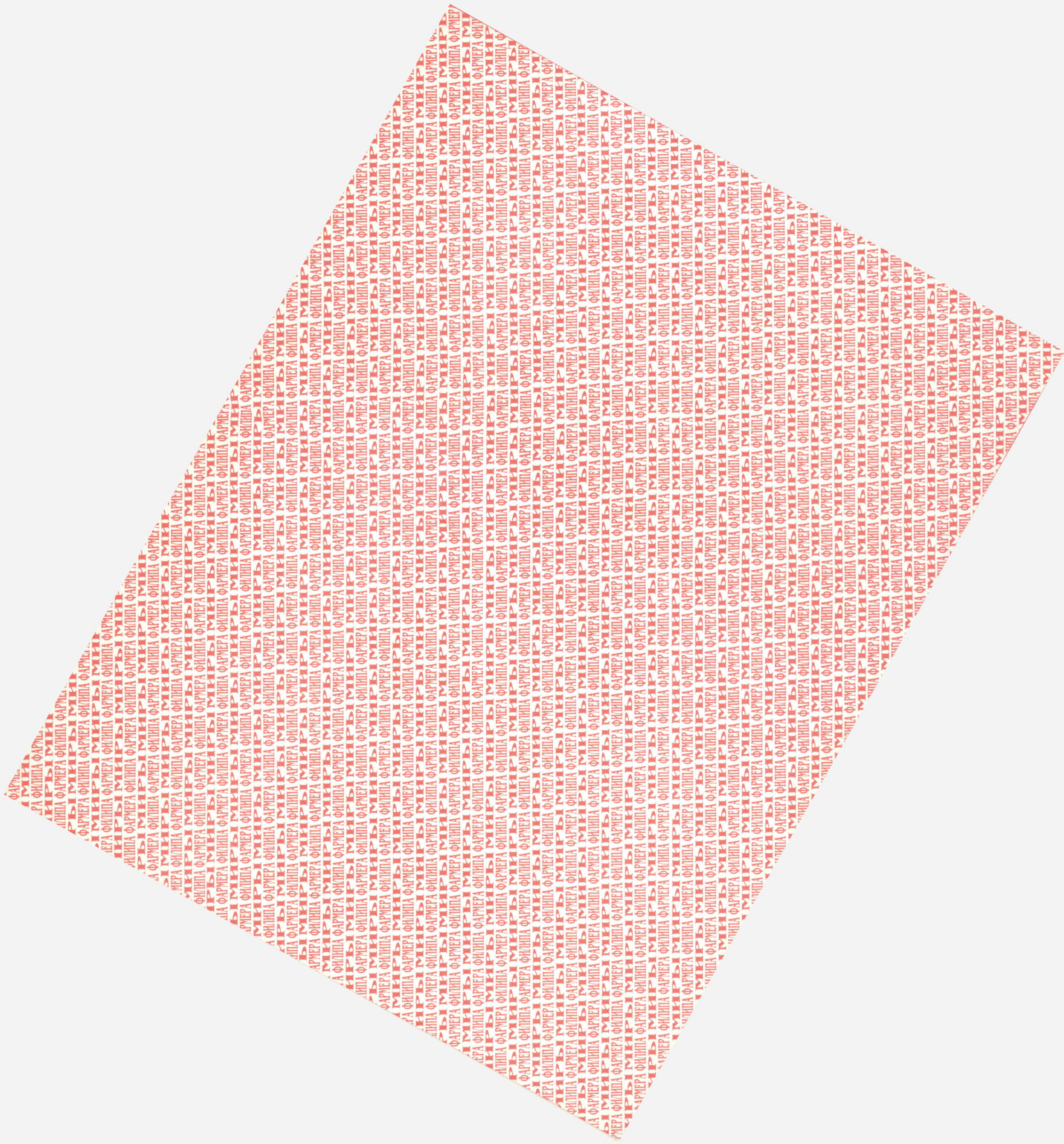
**Двадцать пять высших литературных премий
в разных жанрах,
одиннадцать высших премий в фантастике,
престижнейшие награды мира —
таков облик Харлана Эллисона.**



**В трехтомник вошло около сотни лучших рассказов,
одобренных автором, а также**

**ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ
автора
К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!





Ночь света

Раз в семь лет планета Радость Данте погружается в «сон». Только те, кто осмеливаются пройти по улицам города великой Ночью, могут увидеть исполнявшейся свою мечту или стать Отцами бога. Но что нужно священнику и убийце Джону Кэрмоди от матери Бунты?

Отче звездный

По всей Галактике проходят пути Джона Кэрмоди. В служении Господу и людям ему предстоит преодолеть много искушений и удержать близких — не только людей — от многих ошибок...

Мир наизнанку

Знаете ли вы, что под адом есть туннель? Что смерть предшествует жизни? Что мир начался за три конца света до нас? Что те, кто создал этот мир, тоже могут совершать ошибки — и еще какие!

